

Валерий КАЗАКОВ

романы

ТЕНЬ ГОБЛИНА

ХОЛОП АВГУСТЕЙШЕГО ДЕМОКРАТА

Минск
«Літаратура і Мастацтва»
2012

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Беи=Рус)-44
К14

Казаков, В. Н.

К14 Тень Гоблина — Холоп Августейшего Демократа : романы / Валерий Казаков. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012. — 456 с.

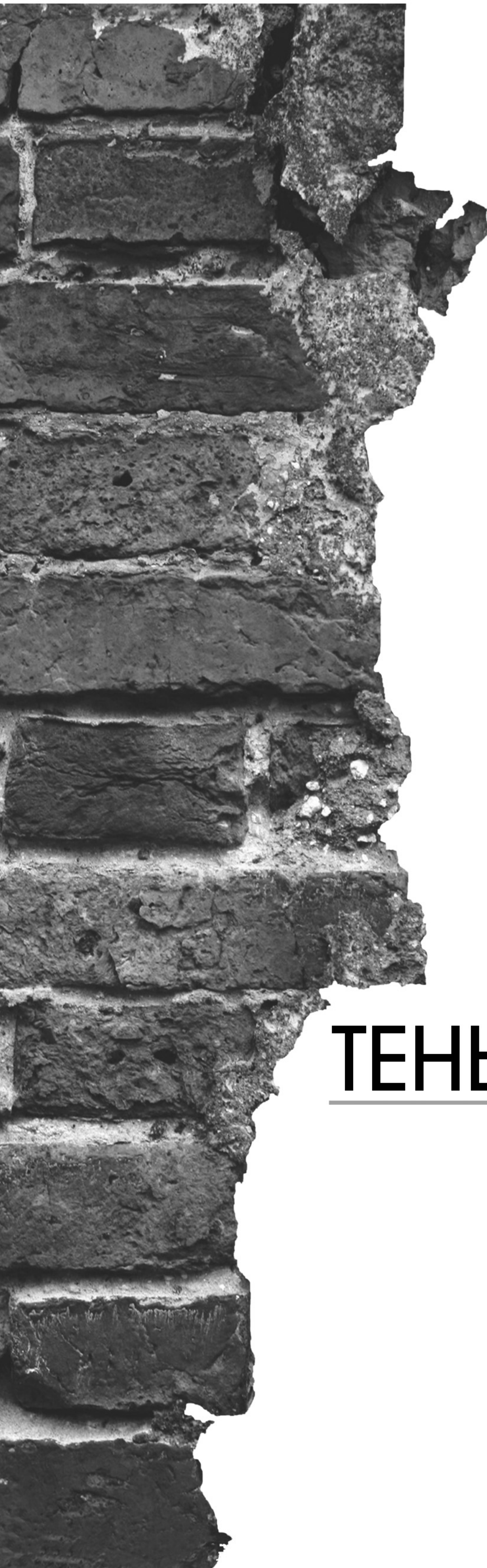
ISBN 978-985-556-013-6.

Книгу прозы Валерия Казакова составили два романа: «Тень Гоблина» и «Холоп Августейшего Демократа». Они повествуют о силе власти и её изнанке, о «лихих» 90-х, породивших «дурные» 50-е XXI века.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Беи=Рус)-44

ISBN 978-985-556-013-6

ТЕНЬ ГОБЛИНА

Все персонажи и события, описанные в романе, вымышлены, а совпадения имён и фамилий случайны и являются плодом фантазии автора.

Часть первая

МЕЖЛИЗЕНЬ

1

Слова живут дольше людей. Вроде, бестелесный звук. Тьфу! Пустое сотрясение воздуха, а гляди ты — годы, века, тысячелетия прошелестели над скорбным шаром нашей планеты, миллионы нам подобных погрузились в бездны земли, проросли травой и деревами, сгодившимися для питания и строительства жилищ иных поколений, а слово, это дрожащее марево в нашей гортани, продолжает своё бессмертное существование.

Однако, оставим рассуждения о мистике происхождения слова высоколобым учёным, отгородившимся от нас холмами книжной пыли и что-то фанатично бормочущим в съедающем жизнь полумраке своих кабинетов. Вернёмся в привычную реальность большого и понятного нам города.

За широкими окнами, занимающими всю стену, беззвучно плыли аккуратно выкрашенные зелёной краской крыши. Несмотря на свою армейскую одинаковость, крыши были разномастными, с индивидуальными изломами и какими-то особыми выкрутасами. Так теперь уже не строят, разве что на новых дачах, облепивших в последнее время Москву, как присоски гигантских щупальцев. Крыши, словно изумрудные волны окаменевшего водоёма, застыли причудливыми горбами, изломами впадин, за которыми изредка, как незагоревшая полоска тела, вожделенно блеснёт на солнце белая штукатурка стены. Крыши этих дышащих властью зданий, не натыкаясь друг на друга, уже несколько

веков не меняют своих привычных очертаний и в молчаливой покорности обрываются у самых Кремлёвских стен.

Крыши Старой площади до шестидесятых годов толком никто и не разглядывал, разве что с редких колоколен чудом уцелевших храмов, чекист с оловянными глазами по-хозяйски строго бросит прилипчивый взгляд на подотчётное ему надчердачное пространство или раззява-птица, по непростительной глупости, одинокой тенью скользнёт над мёртвым морем таинственного квартала третьего Рима.

Всё своё великолепие крыши явили не лишённому чувственности чиновничеству, после спорного, если не сказать скандального, строительства серой от стекла и бетона высотки шестого подъезда, вход в которую располагается со стороны Ильинки.

Человека, впервые подошедшего к окну последнего этажа этого безликого достижения архитектуры и с высоты птичьего полёта глянувшего на чудо преддверия Кремля, охватывал ни с чем не сравнимый мистический трепет. За доли секунды, как перед смертью или вратами Рая, перед его внутренним взором пролетала жизнь. Мельчайшие пылинки её образов, знаковые события выстраивались в чёткий, упорядоченный ряд и представляли собой уже некое подобие лестницы, спиралью тянувшейся из беспробудного мрака общенародного небытия в ослепляющую голубизну державного света персональной власти. Ощущение небожительства, данное ещё при жизни, переполняло человеческое естество, рождало внутри некую ни с чем не сравнимую гордость за личную причастность к чему-то невидимому, всесильному и непостижимо страшному.

Именно эти чувства и испытывал, стоя у окна своего кабинета, Малюта Максимович Скураш.

Заветные мечты и тайные помыслы, как правило, сбываются неожиданно, уже, кажется, и забыл про них, перегорел, переболел и давно проглотил надсадно-горький привкус несбывшегося, и вдруг на тебе — привалило! Да ещё как! Ты, недавно безродный, полурастоптанный жизнью и осатаневшим бытом человечишка российской действительности, возносишься неведомой силой в грозные чертоги преисподней Власти.

Тут бы, казалось, в самую пору и воскликнуть: «Чур, меня! Чур!» — и попытаться остановиться, сгрести своё вздыбившееся «я» в охапку, отдышаться и сделать попытку сохранить в себе право называться простым человеком. Но мало кому это удаётся, уж так склеена и устроена Система, которую мы называем вла-

стью. Оторопь нечаянной радости взлёта проходит быстро, и место осторожной почтительности заполняет душевная слепота и спесь.

Про слепоту Малюта ещё не догадывался, он бесстрашно плавал в волнах своего воображения, наэлектризованного эйфорией только что состоявшегося назначения.

«Эх, жаль, отец не дожил, вот бы порадовался — ишь, куда занесло его семя», — с оттенком лёгкой грусти подумал новый насельник кабинета, усилием воли заставляя себя отойти от пролома огромного окна.

Сделав пару шагов, он всё же не выдержал и обернулся. Крыш уже не было видно, во всё окно от края и до края, словно гигантская нижняя челюсть, с неровными, красными от кариеса зубами и непропорционально огромными клыками башен, тянулась Кремлёвская стена. Красные рубины без внутренней подсветки казались рваными кусками недоеденного мяса, заветренного осенним утром. Над всем этим, будто гигантская летающая тарелка, пылала трёхцветным флагом огромная в своей несуразности куполообразная крыша.

Малюта Максимович оцепенел от неожиданности: «Вот Оно, только протяни руку, сделай шаг — и ты уже там, за Зубьями!» Он вскочил со стула и засновал по кабинету, не спуская глаз с раздвоенных, как ласточкины хвосты, зубцов.

В дверь постучали.

— Да, входите, — с облегчением выдохнул Малюта и остановился перед беззвучно растворяющейся дверью.

— Малюта Максимович, вы, конечно, извините, — являя годами натренированное смущение, произнесла довольно привлекательная женщина лет тридцати. — Я — сотрудник секретариата Инга Мрозь.

— Очень рад познакомиться в свой первый рабочий день с приятным человеком, особенно если этот человек — очаровательная женщина, — поднося к губам узкую, не лишённую изящества руку, произнёс возвращённый к реальности Скураш.

— Спасибо за комплимент…

— Инга, вы меня обижаете! Какие комплименты при исполнении служебных обязанностей?! Я просто как госслужащий госслужащему обязан был сказать правду. И не более.

Оторопев от первых напористых слов, в которых, как стальные перья зазвякали командные нотки, женщина к концу монолога рассмеялась.

— Да, Малюта Максимович, нас предупреждали о вашей неординарности…

— Интересно, кто этот ординарец, сеющий в юных и трепетных душах столь лестные моему сердцу слухи? Немедленно отвечайте, Инга, иначе…

— Товарищ Скураш, — стерев с лица улыбку и привычным движением одёрнув борта тёмно-синего пиджака, призванного, по всей видимости, подчеркнуть заманчивость перехода талии в бедро и с особым цинизмом выделить рвущиеся наружу мячики грудей, которым явно не хватало места под ослепительно белой рубашкой, с явной обидой в голосе произнесла женщина, — возможно, я для вас мелкий клерк, но как госслужащий госслужащему имею право сказать…

Её серо-зелёные глаза постепенно напитывались стылью осенней воды, голос слегка подрагивал, и если бы не едва уловимые искорки, блуждающие где-то глубоко внутри зрачков, это возмущение можно было бы принять за чистую монету. Входя в роль, Инга, в притворно гневном вздохе набрав в лёгкие побольше воздуха, готова была продолжить монолог обиженной подчинённой, призванный, по её разумению, произвести на этого сорокадвухлетнего мужика особое впечатление, ставящее их дальнейшие поведение на интригующую грань неслужебных возможностей.

Скураш, воспитанный армейской средой и с курсантских времён усвоивший аксиому: прекрасное это — женщина, сразу включился в предложенную ему игру. Накопленный годами опыт и природный азарт исключали, как ему казалось, возможность промаха, надо было только не торопиться и дождаться, когда навязываемая тебе игра наскучит её инициатору. Инга продолжала что-то обиженно говорить и сама от этого заводилась.

«А она и вправду хорошенькая… Только вот на хрена вся эта комедия? Хотя если комедию ломают, значит это кому-то нужно».

Сделав сей почти философский вывод и вдруг решительно взяв женщину за плечи, Малюта приблизил её лицо к своему на то опасное расстояние, когда отчётливо проявляются тонкие штрихи макияжа и становится очевидным истинное предназначение духов, усиленных теплом и запахом кожи, а окружающий мир готов вот-вот раствориться в отражающих друг друга широко открытых глазах.

Инга от неожиданности вздрогнула, видимо не ожидая такого поворота. Её глаза, уже утратив напускную свинцовость,

выражали искреннее удивление, смятение и лукавое любопытство.

«Вот будет забавно, если он меня прямо сейчас и трахнет…» — с усмешкой подумала она, но потом, превозмогая уже начавшую разливаться по телу истому, выдохнула:

— Однако странная у вас манера знакомиться с подчинёнными, Малюта Максимович. А если кто-нибудь войдёт?

— Менять манеры мне уже поздновато, тем более что вы сами спровоцировали меня на сие безумство, а безумству храбрых, как известно, поём мы песню. — С явной неохотой он отпустил уже начавшие подрагивать плечи. — Так чем я обязан столь взволновавшему мою кровь и воображение визиту?

— Действительно, как-то всё глупо получилось, вы меня извините…

— Не стоит, ибо нет ничего более привлекательного, чем взаимная глупость, а уж ежели она родилась, не будем её торопить, пусть всё идёт своим чередом. Но я вас внимательно слушаю.

— Да нет ничего срочного, просто в мои обязанности входит проведение консультаций вновь назначенных сотрудников Совета. Знаете, в администрации существует уйма документов и инструкций, регламентирующих порядок внутренней жизни. Порой эти документы очень старые, некоторые подписаны ещё чуть ли не Сталиным, а вот, не взирая на преклонный возраст, продолжают действовать.

— Так вы главный специалист по номенклатуре?

— Опять вы шутите и, заметьте, на весьма щекотливую тему. Номенклатуры сегодня, кстати, нет, вернее, вроде как нет, но старые инструкции остались, а в них расписано, что и кому положено. Поэтому, чтобы облегчить вашу жизнь и предупредить возможные конфузы в будущем, наберитесь терпения и послушайте меня.

2

Осеннее небо медленно тускнело, набирая дышащий бездной свинец будущих холодов, и только на западе ослепительно зияло страшным проломом с рваными краями. Столб яркого и оттого почти нереального света, клубясь в вечерней дымке, падал из этой дыры отвесно вниз, упирался в покатый холм, не давал небу окончательно навалиться на окрестные дачные посёлки и,

перетерев их в мелкую, как сажа, пыль, выплеснуть в мир мрак безлунной ночи.

Фигура человека на фоне этой игры света казалось почти нереальной и, если бы не витые балясины перил выходящей прямо в сад веранды, её вполне можно было принять за оптический обман, рождённый закатом и нашим воображением. Облачко табачного дыма окутывало его голову и каким-то удивительным образом притягивало к себе малую толику того далёкого небесного света, отчего походило на отливающий золотом нимб.

Скураш подчёркнуто вежливо сидел в глубине комнаты у растерзанного трапезой стола, смотрел на спину курящего и старался силой воли подавить в себе лёгкое опьянение. Он знал, что после таких аутогенных практик наутро будет раскалываться голова, и любые, даже самые незначительные раздражители повлекут за собой приступы агрессивности или меланхолии.

Однако именно сегодня новоиспечённому начальнику управления Совета национальной стабильности необходимы были трезвые мозги. Мысли с токами крови, разогретой выпивкой, требовательно стучали в висках. Услышанное не укладывалось в рамки привычного, и оттого внутри всё сжималось, рождало азарт и сладкое предчувствие нового, неизвестного, требующего от Малюты полной самоотдачи, работы до изнеможения. Кто хоть однажды по-настоящему любил, тому известно это магическое чувство полного саморастворения и усталости, которые вызывает неописуемый прилив новых сил и жажду дальнейшей деятельности, сравнимую разве что с вдохновением художника.

«Ты опять поплыл, нимб над головой у отпетого грешника причудился, ты бы ещё Апостола Павла с сигаретой в зубах и в генеральском мундире нагрезил, благодари Бога, что твоих мыслей жена не слышит».

Он на минуту представил скептически улыбающееся лицо Екатерины, её насмешливые огромные глаза, в которых когда-то с первого раза увяз, да так и остался там на всю жизнь. Жили они с женой, если смотреть со стороны, хорошо, вызывая стабильную зависть окружающих, правда, раз в несколько лет, случалось, крепко ругались и порывались во что бы ни стало развестись, но потом всё как-то само собой устаканивалось, возвращалось на круги своя, обретая знакомые контуры милой привычной жизни.

Как и у каждой семьи, у Скурашей были свои годами длящиеся споры и предметы вечных, как сегодня модно говорить, разборок. Одной из таких «продлёнок» был фундаментальный

вопрос о личной преданности, даже, скорее, фатальной привязанности мужа к своим начальникам.

Малюта был уверен, что без этого граничащего с фанатизмом чувства не может быть настоящей работы, настоящего большого дела. Катя же, видя его мучения после каждого разочарования в очередном кумире, которого он с таким трудом годами создавал себе, повинуясь обычному женскому эгоизму, вместо сочувствия неделями пилила его за напрасную трату нервов и сил, а главное — за недонесённые в дом деньги.

Поспорить с женой, пусть даже мысленно, Скурашу не дали.

— Малюта Максимович, — заставив вздрогнуть, прервал его размышления беззвучно, как привидение, проскользнувший в комнату руководитель секретариата Совнацстаба Лаврентий Михайлович Обрушко, — давно сидите?

В этом нехитром, казалось бы, вопросе для опытного уха чиновника угадывался целый рой отголосков старых интрижек, ревности, естественного страха быть обойдённым, оболганным и, конечно же, непрекращающейся борьбы за доступ к телу начальника.

Если бы кто-то всесильный смог хотя бы на несколько часов заглянуть в черепные коробки служащих высших государственных учреждений страны, он бы ужаснулся. Львиная доля напряжённых усилий маленьких клеток серого вещества госчиновников уходила на придумывание и разгадывание сложнейших многоходовок и головоломок годами длящихся интриг и борьбы различных группировок за место под номенклатурным солнцем. Чем меньше конкретных и необходимых для страны дел выдавали на гора управление, институт, группа, команда, тем сильнее и долговечнее они были, потому что не тратили драгоценное время на пустяки, а жили чистой интригой, целью которой было одно — самосохранение и круговая порука.

Закатив пробный шар, явно рассчитанный на неопытность Малюты, Обрушко с опаской покосился на распахнутую дверь веранды и присел на краешек стула у неразорённой башенки накрахмаленной салфетки, венчающей нетронутые приборы столовой сервировки. Не дождавшись ответа на свой вопрос, он исподлобья глянул на каменное лицо излучающего тайну Скураша и попытался зайти с другой стороны.

— Малюта Максимович, мы вроде с вами и не ссорились? Я вопрос задаю, а вы молчите. Как это прикажете понимать?

— Извините, Лаврентий Михайлович, — понимая, что глупо ссориться на ровном месте с человеком, ежедневно первым

входящим в кабинет всесильного шефа для утреннего доклада и разбора поступивших бумаг, Скураш, как бы очнувшись от дрёмы и притворно потирая веки, с нарочитой вежливостью произнёс: — Я изрядно выпил и вот, кажется, задремал. Вы что-то спросили? — и, вдруг, словно спохватившись, с ужасом в голосе прошептал: — А где шеф?

«Ну и гусь!» — хмыкнул про себя Обрушко и, кивнув в сторону веранды, также не повышая голоса, произнёс: — Вон, курит! Я спрашивал, давно ли вы сидите?

— Смотрите, а ведь над головой Ивана Павловича нимб, — сделав подобающее произнесённым словам лицо, выдохнул Малюта, — а внутри эхом отозвалось: «Дался тебе этот нимб! Мало того, что Катьку своим идиотизмом замучил, так теперь ещё и сумасшедшим в глазах сослуживцев прослывёшь».

Тем временем, небесный пролом скатился почти к самому горизонту, и вырывающийся из него столб изрядно остывшего пожелтевшего света уже косо скользил по окрестным ландшафтам и почти упирался в дощатый настил веранды. Фигура человека стала ещё темнее, а облако нескончаемого табачного дыма как бы замерло в непостижимо неподвижном для этого времени года воздухе, искрящимся шаром окутывая его крупную голову.

— Ты смотри, а ведь действительно… Мистика какая-то, надо будет ему сказать. Признаться, — не отрывая взгляда от странного видения, продолжал Обрушко, — я вас, Малюта Максимович, зауважал. Не каждому даётся такая способность в, казалось бы, обычных вещах увидеть знамение свыше. Вот видите, вам дано, а мне нет. Я ведь, как зашёл, у двери минут пять стоял на всё это пялился, а, кроме раздражающего света, ничего не увидел. Давайте-ка, пока он там с себе подобным обменивается тонкими энергиями, выпьем по маленькой за его здоровье.

Малюта знал, что Лаврентий Михайлович — искушённый аппаратчик старой комсомольско-партийной школы, прошедший все круги руководящей работы, беспощадное горнило идеологической борьбы, и вот на тебе — на проверку этот идейный боец большевизма оказался обычным очарованным мистиком. Сначала Скураш в это не поверил и уже было собрался отпустить какую-нибудь шуточку насчёт Блаватской и тонких материй, облегающих заповедную женскую чакру, но, боковым зрением увидев напряжённые скулы и огонь, разгорающийся в глазах собеседника, который по-прежнему, как загипнотизированный, смотрел на веранду, поостерёгся. Сколько раз он после с благо-

дарностью вспоминал эту свою предусмотрительность и поражался интуиции, уберёгшей его от моментального крушения карьеры. Тогда он этого ещё не знал, как и не знал того, что сегодня впервые столкнулся с дремучим многовековым Кремлёвскими бесовством.

Выпить за здоровье шефа на этот раз не получилось. Иван Павлович Плавский, резко обернувшись, быстро вошёл в комнату, оставив на широких перилах в дотлевающих лучах осеннего заката полную пепельницу дымящихся окурков.

— Ну что, надежда родины моей, Лаврентий да Малюта? Всё о загубленных душах печалитесь? Хочу вас утешить: «загубить» не всегда означает «погубить»… Иной раз в смерти одного — спасение многих. Однако и знатные имена у моих помощничков, аж мороз по шкуре бежит! — И весело окинув по-военному вскочивших подчинённых, продолжил: — Малюта Максимович, вы на сегодня свободны, хорошенько обдумайте наш разговор, а главное, определите алгоритм реализации основной его темы. И желательно, сторонними силами. До свидания.

3

Машина почти беззвучно катилась по непривычно гладкому для Подмосковья асфальту. Дорога как бы нехотя петляла среди высоких и стройных, словно высыпавших на подиум, сосен. Свет фар, качаясь в такт подъёмов и спусков, успокаивал и убаюкивал. Напряжение прошедшего дня и особенно последних часов постепенно развеивались, уступая место чётко работающей мысли.

Малюта любил смотреть на бесконечную серую ленту летящей дороги. Она всегда казалась ему такой разной, необычной, таинственной, и он был почти уверен, что на самом деле это не он, мельчайшая и простейшая частичка человечества, несётся по этой бесконечности, а она — многоликая в своём однообразии дорога — влечёт его и весь окружающий мир из никуда в никуда. Если по каким-нибудь служебным причудам ему приходилось на неделю или более задерживаться в утомляющем своей суетой и шумом городе, он начинал тосковать, накапливающаяся изо дня в день усталость постепенно перерастала в раздражительность, а та, в свою очередь, неизбежно тащила за собой верную спутницу — злость.

Раньше он не понимал истоков своей злости и, как каждый из нас, повинуясь эгоизму, искал её первопричины в домашних,

сослуживцах, начальниках, плохой погоде. Да мало ли ещё где можно искать оправдание самому себе?.. И вот однажды ему открылась тайна дороги, её философское осмысление, и он нырнул в неё, как в омут, безоглядно, очертя голову, не думая о перспективах возвращения назад. Дорога это оценила и пожаловала его своей милостью.

Только насытив зрение мирным скольжением слитых воедино материи, пространства и времени и убедившись, что серое мелькание продолжается под плотно смежёнными веками, Малюта Максимович принялся подробно анализировать последний разговор с секретарём Совета национальной стабильности.

Предложение сопровождать Ивана Павловича до загородной резиденции поступило в самом конце рабочего дня. Скураш уже собирался позвонить Инге и подтвердить вчерашнюю договорённость о встрече в уютном ресторанчике, который она ему показала в прошлое и пока что единственное свидание, как непривычно простуженно затрещал телефон прямой связи. С лёгким волнением он поднял трубку самого важного в кабинете телефонного аппарата.

— Здравствуйте, это Плавский, — неожиданно зарокотала трубка, — через четыре минуты жду вас внизу, у спецлифта.

Малюта лихорадочно бросился запихивать в сейф разложенные на столе бумаги и, прижимая плечом к подбородку телефонную трубку, чтобы узнать у кого-нибудь, где находится этот самый спецлифт, однако все набираемые им номера отдавали гулким эхом длинных гудков. Только настроенная на свидание Мрозь оказалась на месте и, выслушав сбивчивый вопрос, перемежаемый извинениями за сорванный вечер, указала чёткое направление движения.

— Самый короткий путь, — проникнувшись сложностью момента, чеканила Инга, — из «аппендикса» приёмной самого секретаря. Торопись, чтобы успеть спуститься до шефа. Не успеешь, лети по пожарной лестнице, она недалеко, но после Ивана Павловича в лифт не садись, чревато.

Заперев дверь, Скураш бегом бросился вниз, благо, бежать было всего этаж. Миновав длинный коридор, он несколькими глубокими вдохами восстановил дыхание и вошёл в приёмную.

Дежурный, крепкий ещё старик, увидев его растерянное лицо, понимающе замахал руками, указывая на боковую дверь.

— Можете не торопиться, Малюта Максимович, как раз успеете и спуститься, и отдышаться, и мысли в порядок приве-

сти. Только что очень важный звонок прошёл, так что минимум минут десять он точно будет разговаривать, не меньше.

— Спасибо… — Скураш запнулся, понимая, что забыл имя и отчество сегодняшнего дежурного.

— Иван Данилович, — добродушно улыбаясь, подсказал седой неприметный человек в скромном, но безукоризненно отутюженном костюме. — Вы не смущайтесь, всего-то две недели на службе, где уж здесь всех упомнишь. Через годик-другой и рады будете забыть и имена, и лица, но, увы, так уже устроена память, ничем их оттуда не вышибешь.

— Извините, Иван Данилович, я лучше спущусь, а то негоже суетиться перед высоким начальством.

— Правильно, молодой человек, рассуждаете. Может быть, в этих, казалось бы, простеньких словах и есть залог вашего успеха, уж поверьте старику.

Всю дорогу в непривычно просторной машине Малюта резался со своим шефом в «переводного дурака». Карты он особенно не любил, и это, пожалуй, была единственная игра, в которую он играл неплохо. Секретарь же Совета, как потом оказалось, играл во все игры и притом почти всегда выигрывал.

Наполучав вдоволь «дураков» и приведя тем самым Ивана Павловича в прекрасное расположение духа, Скураш, сам того не подозревая, нащупал верную дорожку к сердцу этого нелюдимого на первый взгляд человека. Они вошли в сверкающий казённой стерильностью большой дом, ладно вписавшийся в сосновый бор и парящий огромной верандой с раздвижными окнами над ухоженным фруктовым садом.

Малюта Максимович машинально потрогал лежащие на низком журнальном столике разукрашенные затейливой резьбой нарды.

— Играете? — услышал он.

— Да так, средненько…

— Средненько — это я играю. Может, пока собирают на стол, пару коротеньких сгоняем?

— Иван Павлович, разве у меня есть выбор? Конечно, сыграем, надо же чем-то вкус «дурака» перед приёмом пищи перебить.

С «почётным» счётом «пять — один», понятно в чью пользу, перешли в столовую.

— Малюта Максимович, я надеюсь, вы не слишком голодны и согласитесь минут сорок погулять, как вы недавно справедливо

заметили, перед приёмом пищи. Я вот тоже обожаю армейские обороты и не стесняюсь их, а чего мне стесняться своей жизни? Я за спины других не прятался, на печи не отсиживался, всё, что мог, у Родины заслужил. Орденов и медалей внукам и правнукам хватит. Пойдёмте гулять, — и, скорчив кислую мину, он многозначительно поднял вверх указательный палец.

Жёлтая листва, аккуратно сметённая с выложенных брусчаткой дорожек, покорно повинуясь лёгкому ветерку, крутилась у них под ногами. Небо только начинало тускнеть, и по нему кто-то неведомый гонял, безо всякой последовательности, стада ещё не отяжелевших от влаги вертлявых облаков.

— Откуда у вас такое нетрадиционное имя?

— Малюта — это маленький, младший…

— Хорош маленький, наверное, с центнер весом и росточком бог не обидел…

— Метр восемьдесят два, товарищ генерал-полковник!

— Ладно, в гвардию годитесь. Вы, насколько мне память не изменяет, никакого отношения к спецслужбам не имеете? — прикурив и выдувая с силой очищенный лёгкими от смолы и других мерзостей дым, спросил Плавский.

— Так точно, правда, пару раз «контрики» пытались профилактировать, да принадлежность к касте замполитов выручала.

— Интересно, за что же это?

— Один раз за Высоцкого и анекдоты про родного Леонида Ильича, второй — за пристрастие к «опиуму для народа» и посещение Божьего храма.

— Мудаки, что ещё сказать? Разве что с тех пор мало что изменилось, названия только поменялись. Самая страшная беда нашей страны, на мой взгляд, сегодня — не столько засевшая всюду партноменклатура и прокисшие мозги сограждан, сколько милиция и КГБ, взрастившие отечественную организованную преступность и плотно с нею сросшиеся. Вы посмотрите, что вокруг делается: мелких и средних жуликов, бандитов прикрывают «менты», а крупных акул — внуки железного Феликса.

Это же надо было кому-то додуматься старших офицеров «комитета» без отрыва от производства отправили на кормление в крупные банки, фирмы, холдинги. Пустили «козлов» в огород, а их там и ждали! Вот ответьте мне, на кого вы будете работать, если государство вам платить полторы, скажем, или две тысячи деревянных рублей, а коммерческий банк — пять тысяч долларов?

— А что здесь отвечать? Конечно, на банк, тем более, под крышей государства! Выходит, полная реализация сучьего принципа двойной морали, чего же не поработать…

— Правильно. Но почему мы с вами это понимаем, а президент и правительство делают вид, как в том анекдоте: «Папа, а что это было?»

Конечно, боже упаси, я не собираюсь грести всех под одну гребёнку, даже проводить различия между начальниками и подчинёнными, дескать, одни честные и преданные делу, а вторые — зажравшиеся и развращённые вседозволенностью. Это глупо. Повинуясь законам службы, вторые неизбежно вырастают из первых, а потом уже в силу вступает всесильный закон сохранения собственной жопы на господствующих высотах. Вот и получаем подобное по собственному образцу. Чему можно научиться в племени людоедов, где убийство человека — не просто норма, а дело почётное, заслуживающее уважения и всеобщего признания?

Всё прогнило, и мы тем более должны ценить людей, сохранивших в себе хоть что-то человеческое. Им в той жизни было намного тяжелее, чем нам. Представьте себе: отец — людоед, учителя — людоеды, а вы — вегетарианец. Сколько мучений! Сколько силы надо, чтобы выжить и не стать как все!

Но это всё лирика, любезный Малюта Максимович, а правда жизни такова: президент тяжело болен, и неизвестно, чем его болезнь окончится. Страной управляют смутные личности, для которых сохранение высокого уровня криминала крайне выгодно.

Плавский на несколько минут замолчал, как бы обдумывая последнюю фразу, потом резко остановился и, просверлив Малюту своим бронебойным взглядом, продолжил:

— Да никто фактически страной не управляет, просто пока ещё работает налаженный механизм и инерция мышления, построенного на страхе. Когда это всё кончится, произойдёт трагедия.

Генерал замолчал. Грубое, слегка рябое и оттого похожее на вырубленное из степного камня лицо потускнело, брови сошлись у переносицы, плечи слегка ссутулились, шаги стали медленнее, казалось, что вся тяжесть ответственности, которую он добровольно взвалил на себя, ломая ненадёжные подпорки, вдруг настигла его и придавила к земле. Тень боли скользнула по застывшим скулам. Плавский по-бычьи мотнул головой, с опаской глянув на собеседника.

Малюта, наэлектризованный близостью и откровенностью шефа, инстинктивно ощущал его состояние и всем своим видом показывал, что ничего не замечает, а полностью поглощён перевариванием полученной информации.

— У нас вчера состоялась весьма интересная встреча с министром МВД Болотовым. Так вот, одной из тем, которые мы затрагивали, было создание так называемого Белого легиона, некоей подчинённой Совету национальной стабильности военизированной организации, призванной в кратчайшее время если не покончить с преступностью и коррупцией, то хотя бы начать с ней непримиримую борьбу…

— Но ведь, извините, такие организации уже существуют, на мой взгляд, их даже слишком много…

— Существуют. А что толку? На кого они работают? Уж точно не на благо государства, им и прикрываются. Речь идёт о создании принципиально и качественно новой структуры. Болотов предлагал создать легион как секретное подразделение внутри своего министерства и уже через него замкнуть его на наше ведомство. Если пойти по этой схеме, то вы, естественно, правы — получится очередной мертворождённый уродец. Вы, кажется, были на войне?

— Только как военный советник…

— Тоже мне, ангелочек выискался. Вы смотрите, от скромности не помрите, мне-то не надо лапшу на уши вешать. Советники! Вы все там так понасоветовали, что за вас духи самые большие вознаграждения назначали…

— Иван Павлович, простите, что перебиваю, но такого бакшиша, как за вашу голову, за всех советников вместе взятых…

— Ладно, обменялись комплиментами и хватит, чувствуется в вас комиссарская закваска: похвалил командира — полдела сделал.

Так вот я ещё там, в Афганистане, заметил, что лучше всего воюют те солдаты, у которых случилось личное горе, скажем, в недавнем бою погиб друг, или любимая девушка, устав ждать героя, легла под сопливого студента. Откуда что берётся! Вчера заморыш — метр с кепкой на коньках, а сегодня, глядишь, пора писать представление к медали «За отвагу». Чувствуете, куда я клоню?

— Пока, признаться, нет.

— А между тем идея проста — эффективнее всего с преступниками могут бороться люди, пострадавшие от них. Ни одна школа милиции, никакое специализированное училище не даст

нам более стойких и неподкупных борцов, чем армия людей, на своей шкуре испытавших мерзость прикосновения нелюдей. Так, может, пришло время дать возможность их справедливому гневу выйти наружу и послужить обществу?

— Но они же в массе своей юридически безграмотны, а ведь любое процессуальное нарушение неизбежно приведёт к развалу даже очевидного дела в суде.

— История показывает, что когда перед государством стоит выбор выжить или погибнуть в кровавом хаосе междоусобной смуты, принципы либерализма должны отступить в сторону и освободить место для решительных и волевых действий. Сегодня в стране идёт война, и не только на Кавказе, невидимый фронт сейчас всюду, и если мы этого не поймём, мы угробим Россию, вернее, её остатки. Вы это понимаете?

— Не только понимаю, но и во многом разделяю ваши мысли, однако, Иван Павлович, вы сами говорили о психологии людоедов…

— Вот это и будет вашей главной задачей. В легион должны набираться только чистые и честные люди. Люди, которые будут служить не мне, не вам, а будущему своего народа и при этом чётко осознавать свою временность. Знаете, как казаки: беда в доме — они на войне, враг повержен — пашут землю, пишут книги, воспитывают детей. Думаю, вы основную идею уловили?

— Да, Иван Павлович.

— Вот и прекрасно, работайте в автономном режиме, когда и кого надо будет подключать, я вам подскажу, а пока — два дня вам на подготовку концепции. Постарайтесь не сильно расписываться, от силы страниц семь. Ну и параллельно думайте над общим положением, пожалуй, это будет самый важный документ.

Малюту слегка бил озноб от осознания свалившейся на него ответственности. С одной стороны, ему нравилась эта идея, с другой — брала оторопь только от одной мысли, сколько бед может натворить этот легион, приди к его руководству властолюбивые и корыстные люди.

Машина уже неслась среди себе равных в блестящих потоках ярко освещённых улиц, город начинал жить своей ночной жизнью. Идеальная схема, нарисованная Плавским, начинала обретать конкретные черты, Скураш, отбросив в сторону сомнения и сантименты, принялся за выполнение данного ему поручения.

4

В квартире у Инги зазвонил телефон.

— Это товарищ Мрозь?

— Да, а с кем я разговариваю?

— Ваш друг. Я от Михаила Васильевича. Надеюсь, помните такого?

Она уже давно забыла о существовании в своей жизни *этих* звонков. Михаил Васильевич Злобин давно на пенсии, а может, уже и помер. По крайней мере, после её бракосочетания с сыном самого Гроцкого, он прибежал весь перепуганный и дрожащим от волнения голосом объяснил, что никаких отношений у них никогда не было, что все бумаги он уничтожил и забыл, как её, госпожу Гроцкую, зовут. И вот на тебе.

— Извините, я не припоминаю никакого Михаила Васильевича, вы, верно, ошиблись…

— Зря вы так. Смотрите, как бы потом не пожалеть…

— Да пошёл ты! — и она бросила трубку.

«Вот придурок, на весь выходной испортил настроение. Значит, сбрехал Злобин. Ну, урод, я тебя достану, если ты, сука, ещё не сдох от пьянки и зависти», — её мысли снова прервал телефонный звонок. Инга со злостью схватила трубку.

— Я же тебе сказала, козлиная рожа…

— Ну и ну, вот уж не думал, что я похож на козла, — отозвалась на весьма оригинальное приветствие трубка голосом Скураша.

— Ой, извини, Малюта…

— За козла — и вот так просто «извини», нет уж, деточка, за базар, как говорят у нас на Старой площади, отвечать надо. Поехали завтракать. В чудный день с чудесным человеком… короче, я внизу, у твоего подъезда.

— Послушай, ну так же нельзя, я только глаза продрала…

— И уже кого-то откостерила по телефону…

— Да ну их. А, знаешь, поднимайся ко мне. Кофе тебе гарантирую, а сама пока что-нибудь изображу с фейсом. Эй, послушай, а откуда ты мой адрес знаешь?

— Где работаем, милочка! Я, кстати, и код и этаж знаю…

— Смотри только от гордости не лопни, а то лифт забрызгаешь, милок, — съязвила Инга. — Может, я погорячилась спозаранку-то к себе хвастунишку впускать?

— Исправлюсь, честное кремлёвское!

Московское воскресное утро — понятие философское и где-то сродни иудейскому шабаду. Волна повышенной сонливости и откровенного пофигизма охватывает подавляющее большинство жителей Первопрестольной, и они, загнанные недельным бегом, покуролесив или выполнив всю домашнюю работу накануне в субботу, используют этот единственный день как естественную отдушину для праздного валяния в постели, ритуального ничегонеделания и полуодетого бесцельного слоняния по сонным комнатам погружённой в уютную лень квартиры. При желании это вожделенное утро может быть растянуто до первой вечерней звезды, поэтому не удивляйтесь, если вместо приветствия в полвторого дня, вам недовольно пробурчат: «И какого чёрта трезвонить в такую рань, сегодня же выходной!»

Только нечто весьма необычное может заставить москвича покинуть свою маленькую, с нечеловеческими трудами отвоёванную у властей крепость и пуститься в странствия по пустынным улицам, под которыми, изгибаясь в тоннелях, струятся непривычно пустые электропоезда, а светлые переходы самого красивого в мире метрополитена отзываются глухим эхом на шаги немногочисленных заспанных пассажиров.

Конечно же, в первую очередь к таким необычностям относятся чувственная, так сказать, сердечная сфера нашей жизни, дать полную характеристику которой человечество до сих пор не в силах. Господи, сколько копий сломано в несмолкаемых спорах об истоках любви! Сколько светлейших умов человечества заблудилось в её лабиринтах и помутились рассудком! Куда её только, эту бедную любовь, не загоняли! И на небеса, и в преисподнюю, и в души людей, и в сердца, и в иные, более интимные части тела, а то и вовсе авторитетно заявляли: любви нет! И тут же спешили оговориться — она-то, конечно, есть, но не такая, какой мы её себе представляем. Это чувство намного сильнее наших сопливых страстишек, щемящего предвкушения бездны, бессонных ночей, сладких и горьких слез, стихов и музыки, пьянящего, разрывающего на части разгорячённое тело безумия, оказывается, всё это — глупости. Истинная любовь — это любовь к Богу, к Родине, к кесарю, к парии, к вождю, к человечеству, к демократии, в конце концов.

Каждая эпоха, наперебой предлагала нам свою, самую истинную, самую правильную трактовку любви, и мы, законопослушные, соглашались. А что поделаешь, не согласишься — еретик, изменник, враг народа. Но при этом всё как-то не так получалось: чем больше мы любили Бога, тем сильнее ненавидели

своё тело и людей, верующих в иного бога. Чем ярче пылал в нас пламень патриотизма, тем чаще мы зарились на соседние земли, чем более верноподданнически склоняли головы, тем быстрее зрели и пожирали своих творцов революции, чем громче кричали о демократии, тем быстрее приходила диктатура. Казалось бы, человечество давно должно было погибнуть в железных тисках такой любви, но в обозримом времени этого не произошло, и только по одной причине: ваш сын вчера вечером убежал на свидание и вернулся под утро с впалыми щеками и горящими от счастья глазами.

Скурашу казалось, что допотопный лифт еле ползёт в своей узкой вертикальной норе, явно не предусмотренной довоенной архитектурой. Лёгкое жжение щёк, сохнущее нёбо, неощущаемая боль от впившихся в ладони шипов багряных, под стать осени, роз говорили о чём-то приятном, давно позабытом. Малюту это одновременно радовало и злило.

Дверь тридцать шестой квартиры на пятом этаже была слегка приоткрыта. В ярко освещённой прихожей, стены которой были украшены деревянными резными панно с экзотическими фруктами и неведомым зверьем, к огромному, от пола до потолка, овальному зеркалу в такой же резной раме скотчем была приклеплена записка: «Кухня направо, кофеварка сейчас закипит, всё остальное на столе. Скоро буду. И.М.»

Запах хорошего кофе безраздельно властвовал в просторной, в два окна, кухне. Усиливающееся шипение агрегата, сверкающего чёрным пластиком и матовым блеском нержавейки, мигающего лампочками и крохотным дисплеем, наконец обернулось громким клокотанием, и в прозрачный пузатый кофейник со стоном облегчения полилась пульсирующая и горячая тёмная струя. Кофеварка постепенно успокоилась, замолчала.

Тишина незнакомого жилища навалилась на нерешительно переминающегося с ноги на ногу Малюты. Квартирные звуки и шорохи, поначалу разбежавшиеся прочь от незнакомца, осторожно, как любопытные щенята, стали вылезать из своих укромных уголков и с опаской приближаться к нему, залезать в уши, будоражить воображение. Где-то скрипнуло, чуть слышно прошелестел какой-то едва уловимый шорох, тихо заплескалась вода. На её звук, как лунатик, почему-то и пошёл Скураш.

Не обращая внимания на внушительные размеры комнат и их убранство, он, затаив дыхание, осторожно крался к источни-

ку этого призывного, всё усиливающегося клокотания вырвавшейся из тесных труб влаги. Вот она нужная и почему-то тоже приоткрытая дверь. Бессовестно яркий свет тонкой полоской показывал своим остриём направление дальнейшего движения. Малюта, конфузясь своего мальчишества, набрав полную грудь воздуха, решительно просунул в ванную руку с букетом, отвернул лицо подальше от манящего света и для верности плотно закрыл глаза.

— Ну, вот я так и знала, что вы ничего лучшего не придумаете, как броситесь за мной подсматривать, — неожиданно откуда-то сзади резанул тишину насмешливый женский голос.

Скураш обернулся. Перед ним в коротком простеньком халатике стояла Инга.

В ресторан в этот день они так и не попали.

Пугающая своими размерами кровать ещё хранила остатки их тепла, разлетевшиеся в разные стороны, как после взрыва, подушки и одеяла застыли в своей обречённой ненужности, в воздухе плавали, слившись воедино, их запахи. Перекипающие томлением голоса, слышались из соседней комнаты, и стильно обставленная спальня с ревностью к ним прислушивалась.

— Господи, какой же ты потрясный мужик… Мне ещё никогда, никогда не было так хорошо. Я впервые от этого плакала. Ты, наверное, думаешь, что я дура, да?

— Глупышка, дурак — как раз я, и мне так кажется уже две недели. Ты знаешь, в первый день нашего знакомства я насилу сдержался, чтобы не наброситься на тебя…

— Я и сама чуть не улеглась на твой письменный стол. Хороша парочка, какие-то маньяки.

— Ну, так уж и маньяки, просто слегка чокнутые. Высокое звание маньяка мне ещё придётся заслужить…

— Что ж, не буду против, если ты займёшься этим прямо сейчас.

Спальня занервничала, с опаской предполагая, что они станут проделывать это вне её стен и, только увидев на своём пороге уже полусплетённую парочку, облегчённо вздохнула, принимая её в свою широченную колыбель.

День уходил в мелкую дрожь просеянного небом косого дождя. Струйки, расплющившись об оконное стекло, скатывались вниз извилистыми ручейками, и от этого заоконный мир казался каким-то нереальным, фантастически размытым. Две прижав-

шиеся друг к другу нагие фигуры отражались в слегка затуманенном прозрачном зеркале. Со стороны и в правду могло показаться, что в эту минуту никакая сила на свете не в состоянии оторвать их друг от друга.

5

Первая анонимка об аморальном поведении начальника управления и сотрудницы секретариата легла на стол Плавского ровно через три дня.

— Что это за бред вы мне подсовываете? — насупив брови, спросил он Обрушко.

— Ничего особенного, так для информации. Положено…

— Наложено. Я что вам — партком? Вы этого доброхота вычислите и ко мне, я его с великим удовольствием отправлю работать по призванию — мусорки и сортиры чистить. А эта Мрозь хоть симпатичная?

— Вполне. Где-то под тридцать, ногастая, грудастая…

— Ай да Малюта, ай да сукин сын! Прям по Пушкину! Учиться у него, Лаврентий, надо, почти на месяц позже нас пришёл в Совет, а уже похвальные листы полетели, — и, глянув на часы, перешёл на серьёзный тон. — Сегодня бумаг достаточно, до пресс-конференции осталось всего ничего, зовите ко мне Александра и Алицию Марковну, дежурных в приёмной предупредите — ни с кем не соединять. Мы готовимся.

Пресс-конференции, которые давал Плавский, были скорее общественно-политическим событием в жизни столицы, чем обычными информационными поводами для скучающей журналистской братии. Затишье, свалившееся на головы обывателей после, наверное, самых странных выборов в истории демократии, гнетуще давило на расплющенные мозги. В неопохмелённые головы народа назойливо лезли самые невеселые мысли и риторические вопросы. Один из них был закавыкой из закавык: как могло случиться, что великая страна (так она, по крайней мере, сама о себе думала) вновь путём прямого волеизъявления выбрала в управители нелюбимого ею человека, да к тому же отягощенного целым букетом комплексов?

Вопрос этот висел в воздухе и беззаботно побалтывал ножками, ибо ответить на него никто не мог. Выбрала страна и всё тут!

Закон соблюдён, поворотов вспять не бывает, одним словом — полное демо! Слегка струхнувшие от возможных перемен новые хозяева страны, облегчённо вздохнули и плотнее уселись на привычных шестках у давно поделённых кормушек. Старые бесцветные времена Леонида Ильича, усугублённые нищетой и абсурдными перекосами власти, зловеще замаячили на ближайших подступах. Взлёт Плавского на вершину политического Олимпа, пропахшего перегаром, казнокрадством, импичментом и шунтированием, был единственной неожиданной надеждой для, казалось, уже в очередной раз махнувшей на себя рукой России.

Зал для общения с прессой высоких обитателей Старой площади находился у ажурной решётки ворот шестого подъезда и был заполнен до отказа. Справа и слева в несколько рядов стояли на разновеликих штативах теле— и видеокамеры. Амфитеатр спускающихся полукругом к сцене жёстких казённых кресел занимали журналисты из крупнейших информационных российских и зарубежных агентств. Особо выделялись фотокорреспонденты, которые, как опытные снайперы, заранее выбирали себе позиции, простреливали их очередями автоматических спусков и ослепительных вспышек своих диковинных аппаратов. Сотни чёрных, извивающихся, как недобрые мысли, проводов, с разбега взлетали на блестящий лаком стол и, раздувшись разноцветными головками микрофонов, готовы были, словно свившиеся в огромный клубок змеи, с остервенением броситься на ничего не подозревающую жертву.

Саша Брахманинов — пресс-секретарь Плавского, без всяких излишеств объявил о начале встречи журналистов с Секретарём Совета национальной стабильности.

Иван Павлович как всегда начал с домашней заготовки и минут за тридцать нарисовал весьма неприглядную картину царивших в стране порядков, суть которой он втиснул в четыре ёмких слова — кругом бардак и импотенция власти. Живые, не затасканные по бюрократическим бумагам фразы непривычно рокотали в небольшом зале. Плавский был в ударе, он купался в басах своего голоса, в ослепительном свете телевизионных фонарей и потустороннем мерцании фотобликов. Это была его стихия, стихия уверенного в своей правоте человека, которую он каким-то непостижимым образом мог передать слушающим его людям.

Скураш не пропускал ни одного публичного выступления шефа. Он устраивался где-нибудь сбоку, поближе к столу, и с интересом наблюдал за Плавским и сидящими в зале. Перед ним мед-

ленно, с пробуксовками раскручивалось невидимое колесо взаимопроникновения энергий скрытого смысла слов. Древнейшая и пугающая магия постепенно обретала силу мистерии, рождая внутри ни с чем не сравнимое чувство сопереживания, которое, в свою очередь, помимо воли, высвобождала дикую силу сопричастности. Обособленное, осторожное и пугливое «я» съёживалось, уступая место ослепляющему, словно наркотик, коллективизму. Лицо нестерпимо горело, жажда деятельности переполняла душу. И всё это происходило с каждым. Странным образом непохожие друг на друга люди, порою говорящие на разных языках, вдруг превращались в единоверцев. В этом граничащим с безумием порыве единения расплавлялись индивидуальности, стирались маленькие человечки с их слабостями и бедами и рождалась грозная, слепая, обезличенная толпа, готовая ринуться вперёд, созидая или разрушая всё на своём пути.

Что-то похожее Малюта, к своему удивлению, наблюдал и сегодня. Острые на язык, матёрые и наглые в иных ситуациях журналюги ловили каждое слово Плавского, не отрывая взгляда от сцены, что-то чиркали в своих блокнотах, распаляясь вместе с выступающим.

«Бесовщина какая-то! — размышлял Скураш, уставившись на раскрасневшуюся и елозящую в кресле высокомерную Ольгу Гоц, недавно признанную «золотым пером» года. — Представляю себе, что он вытворял с рядовыми избирателями, если всезнайку-Оленьку почти до оргазма довёл. Ну, молодец! Да что Гоц, мужики и те туда же!»

Иван Павлович замолчал неожиданно, просто не договорил фразу, тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула. Достигнув пика напряжения, он словно просил минуту передышки. В зале зашумели, зашелестели, задвигались. На столе появилась пепельница, и Плавский, с усмешкой окинув взглядом присутствующих, мол, имею, в отличие от вас, полное право, не спеша, вставил сигарету в мундштук и, блаженно сощурившись, смачно затянулся.

— Господа, прошу задавать вопросы, — делая кому-то условные знаки, произнёс Брахманинов, — время у Секретаря ограничено. Пожалуйста, прошу Общественное российское телевидение…

— Иван Павлович, перечисляя потенциальные угрозы национальной безопасности, вы назвали разрушение системы управления страной. Если можно, подробнее на эту тему.

— А что подробнее? Фактически от этой системы остались одни ошмётки, которые быстренько приватизировали регионы, ещё год-

другой — и они окончательно окуклятся в удельные княжества. Могу объяснить более образно. Страна у нас огромнейшая, как исполинский динозавр. Туловище, ноги, длиннющий хвост да шея с крохотной головкой и ещё более крохотными мозгами, — в зале ехидно захихикали. — Не сомневайтесь, маленькие мозги и те прокисшие, — продолжал Плавский. — Так вот, пока сигнал от башки дойдёт до хвоста, хвоста уже нет — сожрали, а обратной связи «хвост — голова» вообще не предусмотрено. Я ясно излагаю?

— Куда уж яснее…

— Пожалуйста, вопрос коллег Си-эн-эн, — уводя шефа от назревающего скандала, вмешался пресс-секретарь.

— Господин, Плавский, как часто вы видитесь с президентом, о чём говорите? Это один вопрос. Второй — ходят слухи об ухудшении его здоровья. Как вы это прокомментируете?

Скураш, как и все готовившие эту встречу, предполагал, что подобный вопрос кто-нибудь задаст. У Ивана Павловича было заготовлено три позитивно-нейтральных ответа, но, уже успев узнать своего шефа, все сотрудники аппарата Совета, присутствовавшие в зале, внутренне напряглись. Кто знает, что в этом момент может придти ему в голову.

— У президента, наверное, нет надобности в таких встречах, а у меня и подавно. А чего, собственно, встречаться? Мне и без этого работы хватает, — рубанул не по писаному Плавский. — Что касается его здоровья, так я не доктор. Я, как вам известно, русский генерал, и моё дело — война и порядок, а это весьма далёкая от медицины область приложения человеческого интеллекта…

«Кажется, пронесло», — подумал Скураш, но генерал, глянув исподлобья на журналистов, пророкотал:

— Но, по имеющимся у меня данным, — зал замер, — президента готовят к серьёзной операции на сердце. Будем надеяться на её благополучный исход.

Журналисты повскакивали с мест, многие бросились к выходу, спеша первыми донести до своих агентств и издательств сенсационную новость.

— Ну, это он зря, — ни к кому не обращаясь, произнесла Гоц, — этого ему не простят.

— Последний вопрос, — перекрывая шум, почти прокричал Брахманинов.

— У кого будет находиться ядерный чемоданчик в момент операции?

— У премьер-министра, как того и требует конституция.

— Если в стране в это время начнутся беспорядки, готовы ли вы, господин Плавский, взять на себя всю полноту власти?..

— Извините господа, — уже почти взревел пресс-секретарь, — время истекло. Благодарю за внимание.

Генерал собирался ещё что-то сказать, но передумал и, махнув рукой, ушёл со сцены.

Скураш заметил, что впереди журналистов к выходу бросились сотрудники других подразделений администрации.

« Ну, эти, вестимо, к услышанному ещё и своего с три короба навертят, представляю, какая сейчас свистопляска начнётся, — уже шагая по длинному коридору к своему кабинету, подумал он. — Как-то всё это не ко времени, да и зачем гусей дразнить?»

6

Тощую пластиковую папку с предложениями по «Белому легиону» Малюта передал шефу за два дня до этой злосчастной пресс-конференции и с нетерпением ожидал оценки своих трудов. Уже сотни раз были перебраны в голове все возможные слабые места документа, обоснованы ответы на вероятные замечания, и вот, сидя на втором этаже ведомственной столовой, куда доступ был открыт всем сотрудникам, Скураш в очередной раз прокручивал самое узкое место будущего проекта — обоснование законности появления самостоятельного силового образования, подчинённого Совнацстабу.

— Малюта Максимович, вам можно составить кампанию? — прервал его терзания знакомый голос.

Подняв голову, он увидел дежурящего в приёмной Секретаря старичка-отставничка.

— Конечно, Иван Данилович, присаживайтесь, пожалуйста, — предупредительно отодвигая стул, улыбнулся Малюта.

— Ну-с, я вижу, вы уже вполне освоились, — разгружая на стол свой поднос, доброжелательно продолжил ветеран. — Правда, уж извините старика за любопытство, а почему вы обедаете здесь, в общем, так сказать, зале? Вроде как не по чину…

— Так, Иван Данилович, жизнь поменялась, демократия цветёт буйным цветом, вот и пытаюсь шагать в ногу со временем. День там обедаю, два — здесь. И у начальства на глазах, и для подчинённых доступнее.

Конечно, если уж быть до конца откровенным, обедать в этот гудящий, как пчелиный улей, двухэтажный стеклянный домик, кокетливо прильнувший к старинному собору в одном из переулков властного квартала, Малюта отчасти приходил из-за Инги. Естественно, толком поговорить в жующем и звенящем стеклом и металлом вертепе никогда не удавалось, но зато попрожигать друг друга взглядами и демонстративно повздыхать можно было сколько угодно, главное — чтобы это особенно не бросалось в глаза посторонним.

Увы, ещё не написаны общие законы развития служебных романов, хотя и длятся они тысячелетия, поэтому каждый из них уникален, как уникален и самобытен всякий отпущенный нам Богом день.

— А знаете, Малюта Максимович, вы мне сразу понравились, и рассуждениями, и действиями, и рвением к службе, а главное, что моя оценка совпала с мнениями близких мне по духу людей.

— Интересно, — отложив в сторону приборы, насторожился Малюта.

— Вы не волнуйтесь, молодой человек, ешьте, никакой опасности для вас наши мнения не представляют…

— Простите, а кто это «вы»?

— Да уже, почитай, никто. Так, группка людей в самом начале длинной очереди в крематорий. Старичьё, одним словом.

— Это вы — старичьё? Да вы сотне молодых фору дадите. Я же вижу, как вы работаете. Будь моя воля, половину своего управления разогнал бы и на место бездельников и лентяев поставил десяток таких вот старичков.

— Конечно, лестно слышать, но ведь это противоестественно. Старики-то всё равно помрут, и на кого всё это останется? — Иван Данилович обвёл вокруг ложкой. — Что, ещё раз всё по ветру пустить, или вы тоже исповедуете веру в доброго дядюшку с Запада, который придёт и всё наладит?

— Да нет, насколько я разумею, особой родни у нас там не водится.

— И правильно разумеете, только поменьше об этом говорите. Временщики постепенно заполняют коридоры власти. Мы, как никто другой, это видим. Сейчас что ни назначение, то какая-то линялая личность с сомнительной репутацией и со скрученной на запад головой. — Старик замолчал, чувствовалось, что эта тема давно его давит.

— Иван Данилович, не огорчайтесь. Просто всё поменялось. Раньше коммунисты пытались строить коммунизм, а сейчас, наверное, пришла пора дать возможность капиталистам попробовать построить у нас капитализм. Не можем же мы продолжать жить ни там ни сям.

— Да разве я против, пускай себе строят, только исконное, материковое, на чём государство стоит, не разоряют. В государственности политика — это мишура, так, сменные одёжки. Главное — национально-историческая самобытность, основа основ державности. Она кровью миллионов и тысячелетиями скреплена, а где кровь и время сливаются воедино, там сокрыта величайшая тайна, и не надо пытаться её разгадывать, а уж тем более разорять и приспосабливать под себя. Не получится.

«Вот это дедок!», — поразился Малюта, а вслух произнёс:

— У нас с вами какой-то удивительно философский обед получается…

— Не надо удивляться, поверьте мне, старику, если в ближайшие время не произойдут изменения, плита фундамента может расколоться по линии Волги, уж больно тяжёл груз непонимания действий столицы, накопившийся в Азиатско-Сибирской части. А это может оказаться пострашнее Второй мировой войны. Ну да ладно, давайте оставим эти высшие материи, они аппетита не прибавляют. Кстати, эта столовая — самое безопасное для доверительных разговоров место на всей Старой площади…

— А почему так?

— Просто всем где-то поговорить надо, поэтому ещё при её строительстве было принято решение не оборудовать обеденные залы соответствующими приборами. Временно, конечно, могут что-нибудь под стол подсунуть, а так нет. В общем, своеобразная нейтральная зона.

— Иван Данилович, давайте вернёмся к началу разговора, хотя ваши последние слова для меня прозвучали как откровение, и мы обязательно как-нибудь продолжим эту тему. Всё это уже давно само собой бормочется внутри меня, а вы как раз всё точно сформулировали. Ведь и я к вам проникся особым расположением. Что лукавить, мне нужен опытный человек, знающий все закоулки и лабиринты Площади, а посоветоваться не с кем. Для меня всё как-то быстро произошло. Бабах! И ты в новом, да к тому же пока совсем чужом для тебя мире. Хотя, конечно, я не мальчик и тоже в кое-какие игры играть умею, но этого мало.

Если вы не сочтёте за наглость, я бы хотел изредка прибегать к вам или вашим друзьям за советом…

— Помилосердствуйте, какие могут быть разговоры! Всегда будем рады. Давайте как-нибудь в субботу вечерком соберёмся у меня на даче. Это в Жаворонках… Посумерничаем, — и, поймав на лице Малюты лёгкую тень замешательства, старый чекист, угадывая его мысли, добавил: — А вы Ингочку тоже берите, она хорошая, чистенькая девочка. Разговоры ей наши слушать, конечно, ни к чему, а вот старухе моей помочь, да ваш выходной скрасить — это в самый раз. Да и прикрытие для дураков хорошее.

На выходе из столовой Скураша окликнул его помощник, доставшийся ему по наследству вместе с кабинетом и тремя секретаршами.

— Малюта Максимович, вас срочно разыскивает Секретарь Совета.

Кабинет Плавского был обставлен по-военному строго. Внушительных размеров рабочий стол, за которым с левой стороны размещался приставной столик, уставленный разномастными телефонными аппаратами. В правом углу — деревянная тумба в трехцветным государственным флагом, перед которой почти во всю длину кабинета тянулся стол совещаний с рядами обычных стульев. Всю стену с этой стороны занимала серая штора, скрывающая за собой большую карту России с нанесёнными на неё государственными тайнами. Напротив, у окон, стоял чёрный кожаный диван, три таких же кресла и низенький журнальный столик со стеклянной крышкой. С обеих сторон от входной двери размещались книжные шкафы.

— Долго обедаете, Малюта Максимович, — вместо приветствия протягивая руку, произнёс Иван Павлович. — Присаживайтесь, — и он кивнул на ещё один приставной столик, размещавшийся перед рабочим.

Скураш сел, отодвинув массивное, обшитое зелёной кожей кресло.

— Что будете — чай, кофэ? А то ведь компот явно не дали допить, — слово «кофе» звучало у генерала с явным южным произношением.

— Если можно, чай.

— Сделайте один чай, а мне кофэ и каких-нибудь печенюжек, — опустившись в своё рабочее кресло, он отключил селектор и достал из лежавшего на столе коричневого портфеля

знакомую Скурашу папку. — Поздравляю, хорошая работа, там есть несколько замечаний и предложений по их реализации, советую принять без обсуждений. Со следующей недели следует переходить к практическим действиям. Неплохо, очень неплохо, а главное — место для базы верно выбрано. Интересно, чем руководствовались?

— Читал ваши книги, знаю биографию и немножко географию размещения воинских частей.

— Хорошо. Забирайте и… смотрите мне, — Плавский предостерегающе погрозил указательным пальцем. — Это первый повод, — заметив, что Малюта собирается вставать, добавил генерал, — второй, вы, кажется, были на пресс-конференции. Ну и каковы ваши впечатления?

— Иван Павлович, не обессудьте, но я скажу правду.

Плавский впился в собеседника своими пронзительно бесцветными глазами, зрачки сузились, и Скурашу показалось, что ему в самое нутро проникли два гибких стальных зонда, бесцеремонно разглядывающие его изнанку.

— Говорите.

— Мне кажется, что про здоровье президента вы сказали зря. Уж больно к этой теме за зубьями ревностно относятся.

— Да вы что все сегодня сговорились? Перестраховщики несчастные! — Плавский насупился и прикурил новую сигарету от старой. — Четыре с лишним недели кормят народ баснями о необычно твёрдом рукопожатии Президента, крутят хроники годичной давности. И вы мне говорите — зря сказал? А имею ли я право молчать об этом? Это что дед моржовый болеет? Нет, Малюта Максимович, это первое лицо государства, гарант Конституции с перепою и переутомления дуба собирается врезать! А вы мне все предлагаете молчать в тряпочку! Так мы чёрт-те до чего домолчимся! Вон уже все вертушки пообрывали. — Он с раздражением снял трубку массивного белого аппарата с кнопочным набором. — Плавский у телефона!

Послушав собеседника минут пять, он, нахмурив по-сталински слегка рябое лицо, процедил: — Хорошо, — и повесил трубку. — Все достали, и дочки и жёны, и холуи, и холуи холуёв, а главное, заметьте, у всех «кремлёвка». Вот развели гадюшник…

— Тем и опасна эта ситуация. Конечно, по большому счёту, в вашем заявлении нет ничего страшного, наоборот, вы выручаете президента, говоря о его болезни. Мало ли что может произойти, а так — болен, окружение плохое, не досмотрело. Но, Иван

Павлович, эти его плюсы, а ваши минусы, как мне кажется, как раз и кроются в этом самом окружении. Кто они и как действуют, пока не знаю, но не исключаю, что в ближайшее время знающие люди помогут мне разобраться.

— Ладно, проехали. Разбирайтесь. Только народ наш — не быдло, его бесконечно дурить невозможно. — И без всякого перехода, поднимаясь, резко хлопнул по краю стола. — Сегодня ночью летим на Кавказ. Все инструкции у Евлампова.

Инструкции у заместителя Секретаря Петра Харлампиевича Евлампова, были краткими и отдал он их Скурашу прямо в приёмной Плавского.

— Всем сбор в половине четвёртого здесь, — он ткнул рукой в пол, — а до этого — по своим планам.

Малюта пораньше смылся домой в надежде хоть немножко поспать. О подобных командировках он никогда жену не предупреждал. Командировка и командировка, ничего особенного. Правда, потом, как правило, когда всё открывалось, слёзы лились рекой, упрёки сыпались градом, маленькие кулачки беспомощно месили его спину, но минут через двадцать в доме восстанавливалось перемирие. Ибо нет на свете семейного очага, у которого бы всегда царил мир.

Поспать, однако, не удалось. Новому жильцу их небольшой уютной квартирки в одном из довоенной постройки домов в районе Старого Арбата подрезали уши, и он, мотая головой, натыкаясь на мебель, смотрел на всех умоляюще непонимающим взглядом своих чистых, только что отошедших от наркоза карих глаз. Жильца звали Гусля, и он, согласно родословной, являлся породистым щенком ризеншнауцера мужского пола. Одним словом, мальчиком, как ласково говорят собачники.

Увидев отворяющего дверь Скураша, Гуслярик с радостным лаем бросился к любимому папочке. Повязка сползла, из ещё не затянувшихся ран во все стороны полетели крупные капли крови. Обрадованный громкими криками Екатерины и Малюты, щенок радостно крутил головой и самозабвенно вилял попой со смешным обрубком хвоста. Стены прихожей, зеркало, одежда, руки и лица старших Скурашей забрызгались кровью. Весь вечер ушёл на уборку и перевязки.

Ровно в три ночи Малюта был в своём кабинете.

Вообще, надо отметить, на новую команду, которая пришла на Старую площадь вместе с Плавским, «аборигены» смотрели

как на недоразумение. Им было непонятно, что делают здесь эти люди? Почему приходят ни свет ни заря, а уходят далеко за полночь? За их спинами часто слышалось: да временные, мол, они, такие у нас долго не задерживаются. И полгода не пройдёт, как загремят вместе со своим выскочкой-шефом.

Охрана и служба безопасности тоже первое время дёргалась, усматривая в ночных сборищах крамолу, будила высокое начальство, а оно с перепугу летело докладывать на сановные подмосковные дачи.

Вот и сегодня вежливый заспанный прапорщик долго рассматривал служебное удостоверение Малюты, потом куда-то позвонил и только после этого, извинившись, открыл ворота, пропуская машину.

«Да, не шибко здесь доверяют нашему шефу, и с каждым днём это доверие, кажется, «возрастает»».

Взяв кое-какие бумаги, переложив наиболее важное из ящиков стола в сейф, в три двадцать он спустился в приёмную.

Народу было немного. Повинуясь законам утра, все говорили вполголоса. Точно в назначенное время на пороге появился Евлампов и, демонстративно глянув на часы, подражая шефу, изрёк:

— Господа, спускаемся вниз, садимся в автобус, опоздавших не ждём. Брахманинов, где пресса?

— Будет в аэропорту.

Все не спеша двинулись к лифтам.

— Малюта Максимович, — уже в спину позвал дежуривший в этот день в приёмной отставник, — можно вас на минуточку?

— Да, Прохор Остапович.

Напарник Ивана Даниловича мало чем от него отличался, разве что был суетливее да ростом пониже.

— Знаете, когда я приходил домой с ночной работы, мне жена всегда мыла очки, — многозначительно улыбаясь, произнёс он и протянул стопку газет. — Вот вам на дорогу, чтобы не скучно было в самолёте.

— Спасибо, — ничего не поняв про очки, Скураш взял газеты и поспешил за остальными.

Загадочные слова о жене и очках прояснились в ярко освещённом туалете аэропорта. Вытирая руки, Малюта увидел на дужках и в уголках стёкол едва заметные бурые пятнышки запёкшейся собачьей крови. Неприятный холодок пробежал между лопаток. «Неслабая у дедка была ночная работа. А с виду божий одуванчик, мухи не обидит…»

Моторы гудели ровно. Почти пустой самолет, вобрав в себя горстку полусонных людей, протыкая разреженное пространство, летел навстречу неизвестности.

7

Осень на Кавказе в этом году выдалась, как назло, дождливая. Окрестные поля и рощи под серым низким небом казались вылинявшими, начисто лишёнными ярких октябрьских пятен, а занавешенный мутной кисеёй дождя горизонт начинался сразу за дорожным кюветом. Если же дождь не шёл, то в воздухе неподвижно висела какая-то водная взвесь. Одежда от неё в считанные минуты становилась влажной, а металлические части техники и оружия покрывались мелкой, противной испариной.

Самолёт, ко всеобщему удивлению, приземлился в аэропорту Махачкалы. Встречали высокого гостя без принятых здесь торжеств, всего несколько человек во главе с руководителем республики.

— Это обычный ознакомительный визит, так что прошу вас — без всякой помпы и горских излишеств. Для дела лучше, если о нашем прилёте будут говорить как можно меньше, — обнимаясь с Магомедовым, попросил Плавский.

Первая половина дня прошла во встречах и совещаниях. Обстановка, судя по докладам, в регионе была напряжённой. Придуманный кем-то в Москве «кавказский блицкриг» полностью провалился. Слабо обученные, материально не обеспеченные, а главное, морально не готовые к партизанской войне, войска завязли в соседней республике и, являя отчаянные образцы героизма, тужились сотворить невозможное — восстановить конституционный строй. Однако этого нельзя было сделать по определению, потому что никакой конституции, в общепринятом смысле этого слова, в Чечне уже давно не существовало. А восстановить то, чего нет, не в силах ни одна, даже самая сильная армия.

— Вы можете чётко доложить о величине истинных потерь? — допытывался Плавский у командующего группировкой генерал-лейтенанта Голубева.

— Иван Павлович, это весьма проблематично, боевые действия идут более полугода. Руководство неоднократно менялось, как и ведомственная подчинённость…

— Генерал, я вас не понимаю! Вы этот бред, простите за резкость, можете штатским нести. Как это вы не знаете прямых потерь? Докладывайте, сколько убитых, сколько раненых, сколько без вести пропавших? Или за то непродолжительное время, когда я покинул родные вооружённые силы, изменилась эта скорбная отчётность?

— Ничего не изменилось, бардака прибавилось. Вы же меня хорошо знаете, Иван Павлович, вилять я не привык и туфту Секретарю национальной стабильности докладывать не собираюсь. Нет такой учётности по группировке в целом, есть отдельная по армии, отдельная по внутренним войскам, отдельная по МВД, отдельная по ФСБ, да и то, я предполагаю, они весьма приблизительные.

Неизвестно, чем бы закончился этот доклад, если бы за спиной Плавского не появился начальник его охраны Александр Сергеев — здоровенный парень, прошедший все новейшие войны и конфликты и носивший чудаковатое прозвище «Санька Советский Союз». Выслушав информацию, Плавский извинился и вышел.

— Малюта Максимович, здравствуйте. Полковник Загорский, представитель разведуправления армии. Можно вас на минуточку?

Скураш, пожав протянутую руку, вышел из зала вслед за офицером.

— Мне вас «Саша Советский Союз» показал, — как бы извиняясь, произнёс полковник. — Петра Харлампиевича нигде нет, а дело не терпит отлагательства. Нам только что сообщили, что Секретарь сегодня намерен встретиться с местными, так сказать, авторитетами, братьями Исмаиловыми. Не наше, конечно, дело оценивать их деятельность с правовой точки зрения, но люди они с явно сомнительной репутацией. Может, вы поговорите с ним на эту тему, а то там машины уже готовят, чтобы везти вас в Чечню. А куда на самом деле завезут, гарантировать никто не может.

Малюта лихорадочно соображал. Услышанное, на первый взгляд, казалось полным абсурдом, но, зная непредсказуемость шефа и врождённый авантюризм Евлампова, который в бытность Плавского командармом, был у него начальником разведки, можно было предположить всё, что угодно.

— Откуда такие сведения?

— Источник надёжный, но нет уверенности в том, что мы единственные обладаем этой информацией. Уже не раз заме-

чали, что сведения, полученные нами, практически одновременно получал и противник. Никак в толк не возьмём — то ли источник двоит, то ли у нас «крыса» завелась. На ночь глядя ехать по нашим дорогам, даже в сопровождении бронетехники, я бы не советовал, да и нужды такой, насколько я понимаю, нет.

Чувствовалось, что офицер говорит искренне и по-настоящему обеспокоен. Оглянувшись назад, он немного понизил голос и продолжил:

— Для многих, и не только в армии, Плавский — это какая-то надежда на будущее. Так что подобная легкомысленность недопустима вдвойне. Надеюсь, вы как человек военный это понимаете?

— Много я чего понимаю, но принимать решения будет Секретарь, а на нашу долю, как всегда, выпадет почётная обязанность претворить их в жизнь или уже, на худой конец, устроить так, чтобы волки были сыты и овцы целы. Пойдёмте к Ивану Павловичу, пока он в зал не вернулся.

Плавский, уединившись в соседнем кабинете, разговаривал по мобильному телефону. Сергеев, успевший переодеться в камуфляж, демонстративно загородив собой дверь, о чём-то шептался со своими подчинёнными.

— Александр Леонидович, извини, что прерываю вашу беседу, — на ходу начал Скураш, — срочно нужен «доступ к телу». Хотя, судя по твоей боевой раскраске, ты должен быть в курсе дела. Это правда?

— Что?

— Не делай умное лицо, ты же офицер! Кто уговорил шефа ехать с Исмаиловыми?

— Малюта Максимович, вы бы потише говорили, — оглядываясь по сторонам, зашептал Александр, — мне и так головной боли хватает. Никто его не уговаривал, он сам меня с Евламповым битый час убеждал, что это самый безопасный путь.

— Значит, мы с вами опоздали. Обидно, — обернувшись к разведчику, развёл руками Малюта, — шеф принял решение, убедил наиболее продвинутых адреналинщиков, и чёрта с два их теперь удастся вернуть на путь истинный. Хотя попробовать бы надо. С кем у него разговор? Может, нам зайти?

— Я бы не советовал. Аслан Масхадов уже третий раз звонит.

— Интересно, а этому чёрту что надо?

Дверь резко распахнулась, Плавский раздражённо сунул телефон в руки охраннику и, смерив подчинённых колючим взглядом, выдавил из себя вместе с клубами табачного дыма:

— Чтобы через сорок минут все были в единой форме одежды, — и, останавливая двинувшегося к нему Малюту, предупредительно подняв руку, готовым зарычать голосом добавил: — Никаких возражений и пререканий. Выполняйте приказ.

Неожиданно выглянувшее солнце придурковато щурилось в нешироких промоинах облаков. Осмелевшие, уже слегка тронутые осенними красками листья беззастенчиво стряхивали с себя холодные капли прямо на головы беспечных прохожих, явно поспешивших избавиться от надоевших зонтов и капюшонов. Приморский город жил своей обычной жизнью.

Когда-то давно, в последние годы выдыхающегося Горбачёва, Скураш часто приезжал сюда и неплохо знал местные традиции и нравы. Уже тогда за кажущимся спокойствием и незыблемостью традиций всё чётче вырисовывалась тень национального отчуждения и религиозной нетерпимости. Постепенно в ещё существующем Советском Союзе сужались зоны русского влияния. Малюта до сих пор помнил один случайно подслушанный ночной разговор. Его и говорящих разделяла густая, ломкая стена живой изгороди и непроницаемая, вязкая мгла южной ночи. Люди шли по соседней аллее и остановились прикурить. В темноте любой, даже самый маленький огонёк кажется чуть ли не ослепительной вспышкой.

— Послушай, Мамед, — полушёпотом, взволнованно, как показалось Малюте, пытался возражать один из собеседников, судя по окающему выговору, выходец из центральных областей России, — ты же не умеешь, а главное, не знаешь, как это делать…

— Вадим Сергеевич, дорогой, я что сам этого хочу, а? Ну, ты посуди, если не я займу твоё директорское кресло, его всё равно займут наши, только вот, кто это будет, ни тебе, ни мне не известно. Так на кой чёрт упускать такой шанс?

— Да обидно же! Я что не родной в этих местах? Завод с нуля поднимал…

— Никто у тебя твоих заслуг не отнимает. Почёт и уважение тебе от горцев, а вот управлять ты дальше не можешь. Все управленческие места решено передать национальным кадрам. Да и Аллах с ним, с этим директорским стулом. Мы с тобой уже сколько времени дружим? Детей поженили. Дальше, я боюсь,

дурнее будет, разговоры разные ходят. Говорят, что квартиры в центре Махачкалы надо у ненаших отобрать и передать своим. Говорят, уже и списки составляют. Боюсь, скоро вообще тебе с семьёй уехать придётся от греха подальше…

Задымив сигаретами, они разошлись не прощаясь.

«Что за бред, — подумал Скураш — Какие списки, какие выселения? Кто разрешит?»

Прошло всего четыре года, и в девяносто втором выселяли уже без всяких списков. Просто стучали ночью в дверь и давали время на сборы. Не уедешь — пеняй на себя, поплатишься здоровьем своим и семьи.

С того лета Махачкала мало чем изменилась, хотя запустение и обшарпанность фасадов достигли той критической черты, которая не дает размыться общепринятым понятиям цивилизации. Зато среди всеобщего разора то там, то сям высились краснокирпичные громады новых особняков.

Переодевшись у разведчиков и вооружившись «стечкиным», Малюта не торопясь шагал за провожатым к дому братьев Исмаиловых. Глядя на малиноворылые фасады аляповатых вилл «новых дагестанцев», он пытался разгадать тайну красного кирпича. Почему при наличии сотни иных, более практичных и современных строительных материалов у новых хозяев России в неизменном почёте остаётся именно красный кирпич? И вдруг его осенило: «Да они же под Кремль косят! Пусть даже неосознанно, но в большинстве своём это явное подражание символу власти и вседозволенности, освещённому веками. У иных даже заборы выложены с зубцами…»

— Малюта Максимович, — окликнул его из притормозившего «ленд-крузера» «Сашка Советский Союз», — садитесь, подвезу, а заодно кое-что обсудим.

Малюта с удовольствием променял полупустую улицу с недружелюбными взглядами случайных прохожих на комфортное сиденье автомобиля. Но поговорить не удалось, так как сопровождающий вслед за Малютой тоже нырнул в салон.

Доехали быстро. Дом Исмаиловых более походил на средневековый замок в мавританском стиле, чем на скромное жилище народного избранника.

«И этот краснокирпичный, — отметил про себя Скураш, — Господи, до чего же им всем хочется в небожители! — но тут же сам себя осадил: — А тебе разве не хочется? Молчал бы уж лучше».

К дому то и дело подъезжали машины, подходили люди, некоторые, из них не таясь несли в руках автоматы или кое-как прикрытые тряпьём пулемёты. Пистолеты, насколько успел заметить Малюта, были почти у всех.

— Оружия здесь что грязи, — словно угадывая его мысли, вполголоса произнёс пресс-секретарь Плавского. — Вообще, мне кажется, оружие и его бесконтрольное хождение — одна из самых больших наших бед в будущем. Если бы забугорные радетели демократии узнали подлинное состояние дел по бесхозному оружию, я представляю, какой бы крик поднялся!

— Бросьте, Александр, всё они прекрасно знают. Но знание вопроса и его политическое решение — две порой абсолютно противоположные вещи. Я иной раз смотрю на нашу действительность и, поверьте, оторопь берёт. Мы ведь со своей национальной исключительностью уже на протяжении почти двух веков представляем самую реальную угрозу существованию всего человечества. Может, звучит не совсем патриотично, но это так. Я бы вообще, послал бы на хрен всю эту любовь к отеческим гробам и дымам родного пепелища и бросился в объятия русоборцев, если бы увидел в их глазах хотя бы искорку сочувствия и искренности. Но, увы, пусты и равнодушны их очи, так что, боюсь, скоро у нас, кроме этих самых перманентных пепелищ, больше ничего и не останется.

— Малюта Максимович, что-то вы не ко времени затеяли эту тему, а может, напротив, и в самый раз. Ведь у нас уже давно повелось: как война на пороге, так мы сейчас же начинаем длинное и, главное, как правило, бесплодное самокопание: кто мы? что мы? как спасти мир? кто прав, кто виноват?..

— Внимание! — завопил, наверное, от переполняющей его гордости выскочивший на крыльцо абориген. — Кто едет на секретный апираций — остаться тут! — он повелительно ткнул перед собой пальцем. — Асталный идут по домам, когда нада — пазавут!

— Давайте-ка подойдём ближе, Малюта Максимович, а то, как бы в «асталный» не угодить.

Из города выбирались медленно. На Кавказе, как и в деревне, сохранить в тайне свои замыслы также трудно, как и наносить дырявым вёдрам воды. Караван из пятнадцати ощетинившихся оружием джипов едва продвигался по запруженным машинами и народом улицам. Всё это скопление людей и техники гудело, гортанно орало, замысловато жестикулировало, махало платками, желало удачной поездки, а в остальном — просто глазело. И эти многолюдные проводы ничего хорошего не предвещали.

8

Стемнело по-осеннему быстро. Машины, захлебываясь светом собственных фар, буравили плотный, как намокшая чёрная вата, мрак безлунной ночи.

Малюта попытался представить себе со стороны их колонну, получалась длинная, светящаяся полоса с размытыми скоростью, тёмными пятнами машин. Ничего воинственного, угрожающего ни в этой пульсирующей бледной полоске, ни в пытающейся её поглотить темноте не было. Ровно гудел мотор, мирно лил свой зеленоватый свет щиток приборов, в салоне молчали и курили.

В их джипе, шедшем третьим за машиной шефа, кроме Малюты, ехали Брахманинов, Загорский, телевизионщик Миша Марганов и два нелюдимых молодых дагестанца с пулемётами, которые были размещены на откидных сиденьях в завешанном бронежилетами багажнике. Такие же «броники» были прилажены к задним боковым окнам, а с нижней части дверей была снята обшивка и прикреплены стальные, в палец толщиной, листы. Местные называли такие машины «утеплёнными».

Скурашу вспомнилась армяно-азербайджанская война в Карабахе и самодельные танки. Одно такое чудо бронетехники ему показали по дороге в Горис.

— Здесь недалеко Нахичеванский фронт проходил, — рассказывал Аветис, — «азики» вооружены были классно. Старый Алиев тогда ещё в Нахичевани в изгнании жил, так что бабок на оружие хватало. А у нас «калаши» да охотничьи ружья поначалу были, словом, ополченцы. Так вот местные умельцы и соорудили этого монстра.

Действительно, более точного определения, чем монстр, для этой пятнистой громадины нельзя было и придумать. На огромный японский бульдозер был одет сваренный из металлических листов короб с прорезями амбразур, небольшой вращающейся башней для крупнокалиберного пулемета и даже «буржуйкой» для отопления. Издалека это сооружение напоминало танк времён Первой мировой войны, но огромный, клинообразный, расширяющийся книзу рабочий нож придавал технике какой-то особо угрожающий вид и зловеще блестел на солнце, словно отполированный рубкой топор мясника.

Вот и эти, изуродованные с точки зрения эстетики и автомобильного дизайна «тойоты», изнутри более походили на жилища первобытного человека, где всё было подвязано, прикручено,

болталось и свисало, зато, с военной точки зрения, служило дополнительной защитой.

Слегка размытая светом и исцарапанная скоростью тьма летела сбоку. Никакой войны, только несущиеся в ночь люди, загнанные чужой волей в дорогие, блестящие краской и хромом железные банки.

Почти во всех селениях высокий кортеж встречали радостно, махали руками. Несмотря на ночь и живущий внутри каждого страх, в толпе было много женщин и детей. Кавказ устал от необъявленной войны, от беспредела чеченцев и «федералов», от лживости прессы и коматозной пассивности властей. Всем хотелось мира, и свои надежды они связывали с этими невесть куда спешащими машинами и прежде всего с сидящим в одной из них человеком.

— Забавное дело выходит, — обращаясь к Брахманинову, нарушил молчание Скураш, — казалось бы, что такое власть? Абстракция, виртуальность — ни взвесить, ни потрогать — а что с людьми делает? Смотрите, сколько на их лицах искренней радости и надежды. Неужели такое до самого Грозного будет?

— Не будэт, — поперхнувшись табачным дымом, ответил водитель. — Чэрэз пять киломэтров граница будэт. Блок-посты «фэдэралов» пойдут, аны радоваться нэ будут. Им всё по фыгу, — и доверительно понизив голос, спросил: — Правду Сэкрэтар мир приэхал с Масхадовым сдэлат? Эх, нада это, очэн нада!

— И нам хотелось бы того же, — присоединился к разговору пресс-секретарь, — только ведь чеченцы всё равно не успокоятся, обратят этот мир себе на пользу, перевооружатся, а нас обвинят в трусости. Я что не прав?

— Можэт, и прав, а как тогда узнаэш, будут аны жить мирно, эсли им мир на дават?

— Тоже логика, — согласился Александр. — А что касается власти, Малюта Максимович, и её абстрактности, так, на мой взгляд, нематериальное как раз прочнее и долговечнее сущего…

— С этим никто и не спорит. Я не о долговечности говорю, а о сути власти, её естестве. Вообще, что это такое — власть? Ведь, по сути, её вещественно нет, есть только атрибуты и признаки, а мир, сколько себя помнит, всё пляшет вокруг этой фиговины. Аслан, вы что думаете по этому поводу?

— Я чэловэк малэнький, — явно польщённый вниманием, серьёзно начал водитель, — но скоро вы увидытэ этот власт. У нас автомат, вот что власт! Ест автомат, ест власт! Скоро пост,

там нэ спрашиваэт, там стрэляэт. Я так понэмаю, власт нужэн, бэз нэё совсэм бардак, только дурак нэлзя власт дават. Зачэм Элцын Дудаэву власт давал?

Но договорить не довелось. Машины начали притормаживать и вскоре остановились. Справа от дороги в бледном тревожном свете фар кривлялись причудливыми изломами теней бетонные сооружения. Все повыпрыгивали на асфальт. Затёкшие ноги с облегчением запрыгали по твёрдой земле. Марганов убежал искать своего оператора, куда-то в темень нырнул разведчик, Скураш с Брахмановым не спеша пошли к командирской машине.

Плавский курил и о чём-то негромко разговаривал с братьями Исмаиловыми. Заметив подчинённых, он с ехидством протрубил сквозь клубы дыма:

— Ну что, Фомы маловерные, ещё часа полтора — и мы будем в Гудермесе, к утру туда и Масхадов со своим штабом подтянется, думаю, наше присутствие в городе будет для него приятной неожиданностью.

Скураш предпочёл промолчать. Его привлекли громкие крики у бетонных блоков, перегораживающих дорогу. Разобрать что-либо из-за работающих двигателей было сложно. Он напряг слух. Метрах в двадцати кто-то отчаянно матерился, не желая уступать доводам Петра Харлампиевича. Из темноты вынырнул увешанный оружием человек и о чем-то доложил старшему из братьев.

— В чём дело, Ваха? — поинтересовался Плавский, поворачиваясь в сторону блок-поста здоровым ухом, правое после контузии в Баку четвертый год ничего не слышало.

— Да ничего особенного, маленькие недоразумения…

— Мы их сейчас уладим, — пробасил Секретарь и, не вынимая изо рта сигареты, зашагал вперёд.

— Иван Павлович, — обгоняя и заслоняя собой, попытался остановить его Ваха, — давайте мы сами всё уладим. Там, — он махнул в темноту, — люди напуганные, временные, а потому непредсказуемые. Разрешите, мы сами…

Следом за Секретарём потянулись и остальные.

У самодельного шлагбаума стояла небольшая группа спорящих людей. С одной стороны — Евлампов, генерал Хаустов, заместитель командующего внутренними войсками и вездесущий полковник Загорский, с другой — четыре невзрачные фигуры, обезображенные касками и тяжёлыми бронежилетами.

Иван Павлович вклинился в эту группу, как таран.

— Я — генерал-полковник Плавский, Секретарь Совета национальной стабильности.

— А я — Папа Римский! Совсем одурели, сейчас, станет тебе Плавский на бандитских машинах по ночам разъезжать! Вы, мужики, вот что, особенно не бузите. Таксу за проезд знаете. Неровен час обкурившиеся контрактники выползут, греха не оберёшься...

— Ваше звание, — ледяным шёпотом выдохнул Плавский, — должность и номер части?

— А что я? Я — младший сержант Сменкин, — залепетал привыкший к крику и явно обескураженный секретарским шипением боец и на всякий случай взялся за висевший на груди автомат.

— Ты с оружием поосторожнее, — пытаясь оттеснить Плавского, выступил вперёд Евлампов. — Кто тут у вас командир?

— Я — командир. Старший лейтенант Воробейчик, — глухим ватным голосом произнёс один из четырёх.

— А какого хрена ты до сих пор молчишь и этого долбостопа вперёд выставил? Что за ерунда у вас здесь творится? Ты посмотри, во что они одеты? — Плавский начинал распаляться. — Генерал, это ваши? — обратился он к Хаустову.

— Да, товарищ Секретарь. Старший лейтенант, немедленно пропускайте машины и завтра в штаб.

— Нет, мы сейчас здесь всё посмотрим. Свет у вас здесь есть?

— Дней пять как дизель полетел, — пренебрегая субординацией, доложил Сменкин, — с керосином живём и свечками.

— Товарищ генерал-полковник, я вас очень прошу, не надо будоражить личный состав! — протиснулся вперёд старший лейтенант. — Мне, конечно, стыдно, но за последствия я не отвечаю. Контрактникам малость денег выплатили, так они почти трое суток пьянствовали, а сегодня вечером обкурились и вообще никакие. А то, что он так одет, — командир сгрёб и затолкал обратно в темноту низкорослого солдатика с придурковатым лицом, одетого в какую-то немыслимую женскую вязаную кофту, — снабженцы наши виноваты. Скоро зима, а тёплого обмундирования всё нет, а ещё и патронов не хватает, их вообще за свой счёт приходится покупать.

Евлампов что-то торопливо шептал в здоровое ухо Секретаря.

— Ладно, — по всей видимости, согласившись с доводами своего заместителя, пробасил Плавский, — что на ночь глядя, да ещё на боевом посту, нотации читать. Завтра разберёмся, — он развернулся и, чертыхаясь, пошёл к машине.

Действительно, через два часа машины, благополучно миновав ещё несколько блокпостов, где их встречали с подчёркнутой вежливостью, добрались до второго по значимости города Чечни.

На ночь разместились быстро. Плавский ещё остался играть в нарды с местными бородачами, а все, за исключением охраны и Александра Брахманинова, разбрелись по отведённым для них комнатам. Несуразное строение, где московские гости обрели ночлег, тоже было выложено из красного импортного кирпича.

Ночь, распластавшись на низких облаках, беззастенчиво заглядывала в тёмные окна измученных войной и горем домов. Ей было всё равно, на что смотреть.

Скураш долго не мог заснуть. Постоянное ощущение близкой опасности напрягало нервы, и даже эта безликая ночная тишина комендантского часа не могла их успокоить и расслабить сжатую внутри пружину.

«Каково здесь нашим, — думал он, ворочаясь в незнакомой постели, — из мирной жизни, от детей, от жены и вдруг — в непривычную обстановку, наполненную ожиданием беды и смерти».

Ему стало жалко того старшего лейтенанта. Что завтра с ним сделают? Наверное, будут орать и стращать всякими армейскими напастями, навесят выговоров и отправят назад, к обкурившимся подчинённым. И ничего, по сути, в его жизни не изменится. Если повезёт, вернётся домой живым и станет по пьянке рассказывать, как задержал сановитых москвичей, и с каждым разом эта байка начнёт обрастать всё новыми подробностями и мелочами, пока окончательно не превратится в пьяную небылицу.

Мысль о судьбе старлея, сменили юркие мыслишки о смысле нынешней поездки.

«Какого чёрта надо было сюда переться? Да еще связываться с бандитами. Вот не работай бесперебойно беспроволочный телеграф народной молвы, да не кипи всё вокруг желанием скорейшего мира, ещё неизвестно, чем бы вся эта авантюра закончилась. Хотя, наверное, в этом и есть особенность, которая отличает Плавского от окружающих. Ведь он всё рассчитал правильно и даже бежавшую впереди него молву о мире и ту запряг на себя работать, да и завтрашний день чётко вычислил: кто встречает, тот и хозяин. А встречать Масхадова будет он. Молодчина! Другое дело — решится ли он на заключение мира, да и наделён ли такими полномочиями? Насколько Малюта знал, с президентом шеф давно уже не встречался.

Где-то далеко отчаянно залаяли собаки.

«Человек, идущий в ночи, замышляет зло», — прозвучала внутри Малюты сура Корана, и это была последняя мысль, которой завершился тот трудный день.

Встреча с самопровозглашённым президентом самопровозглашённой республики прошла никак, но основы будущего мирного соглашения, вернее, не соглашения, а декларации о намерениях прекратить военные действия, были заложены именно в ходе этого переполненного анекдотами застолья. Со стороны могло показаться, что встретились два старых армейских товарища и от души этому рады.

Тогда ещё никто не знал, какую оценку всё это получит буквально через несколько недель.

В Москву вернулись через Ханкалу, с крепким перегаром и основательно помятыми лицами.

9

Время летит гораздо быстрее, чем движутся секундные стрелки. Казалось бы, только вошёл в неделю — и вот, уже суббота, только что было первое число, и на тебе — месяц пробежал. Вместе с неумолимым временем неумолимо текла и чиновничья жизнь.

Литаврами национального героя и проклятиями злейшего врага России отгремел Хасавьюртский мир, началась роковая дружба с бывшим президентским охранником, промелькнуло несколько официальных визитов в ближнее и дальнее зарубежье, одним словом, всё текло своим чередом.

Скураш, отговорившись дома и прихватив для конспирации Ингу, катил по шоссе в Жаворонки, на дачу к Ивану Даниловичу.

Мрозь была необычно серьёзна и напряжена, это был их первый совместный выезд в люди. Скураш заметил это и, списав поначалу на неважное настроение и отвратительную погоду, пытался растормошить спутницу. Успеха он не добился и в конце концов удивленно подумал: «Что это она так дёргается?»

Наконец, рассеянно улыбнувшись очередному анекдоту, Инга неожиданно холодно спросила:

— А ты знаешь, кто такой Иван Данилович?

— Дед, — не успев перестроиться на серьёзный лад, попытался отшутиться Малюта.

— Когда приедем, будь поосторожнее с этим дедом. Ты хоть знаешь, что он в прошлом генерал НКВД и при Берии служил офицером по особым поручениям?

— Нет, не знаю, но догадывался, что не такие уж простые дедки в приёмной у Ивана Павловича сидят, — и он рассказал ей историю про очки.

— Б-р-р, какая мерзость, — фыркнула Мрозь, — чую, забавный будет у нас сегодня вечерок.

— Не спеши с выводами, всё это было давным-давно, а ныне они — вполне пристойные пенсионеры с изломанной жизнью и интересной биографией. Мне лично очень хочется их послушать, когда ещё такая удача подвернётся? Кстати, ты только не обижайся, но именно Иван Данилович предложил захватить тебя с собой...

Инга вздрогнула, потом язвительно сказала:

— Наверное, для конспирации? Вот урод старый, он, скорее всего, до сих пор к своей жене ночью по паролю приходит. Ты же, Малюта, не маленький и прекрасно знаешь, что бывших чекистов не бывает. Чтобы туда попасть, особый Каинов тест пройти надо. Это как игольное ушко, только наоборот, праведный туда не пролезет, а вот нелюдь пролетит со свистом.

— Ну и настрой у тебя, я и не подозревал. Ты что из семьи репрессированных?

— Нет, иначе меня на Старую фиг бы взяли работать. Но основания их недолюбливать у меня есть… Потом как-нибудь расскажу... Поворот не прозевай, романтик.

Над старым дачным посёлком висел особый смог осенней субботы. Кто-то жёг уже успевшую вобрать в себя влагу листву, кто-то топил баньку, кто-то жарил шашлыки. Эти запахи переплетались, сливались воедино и рождали ностальгическую идиллию чего-то давнего, безвозвратно утраченного, но до боли знакомого и милого.

Ворота спрятавшейся в глубине сада дачи были отворены. Оставив машину на небольшой площадке, где уже стояла старенькая «Волга» с гордо скачущим оленем, и прикрыв просевшие от времени створки, гости двинулись к дому по засыпанной листьями дорожке.

— Ну и молодцы, что выбрались к старику, — неожиданно откуда-то сверху раздался знакомый голос.

Малюта с Ингой замерли и, как примерные школьники, почти одновременно задрали головы. На небольшом, покосившемся балкончике, в белом поварском фартуке стоял Иван Данилович.

— Вы обходите дом и сразу на веранду. Парадную дверь, — он постучал ногой по настилу, отчего балкончик заходил ходуном и вниз посыпалась труха, — мы уже давно не открываем. Дом стареет быстрее нас, да он и старше. Проходите, — и старик скрылся за белой тюлевой занавеской.

На веранде был накрыт стол, аппетитно шкворчал и дымился мангал, из старинной чёрной тарелки репродуктора тихо лилась приятная музыка. По хозяйству управлялись два седых старика и сухая, с надменно подобранными губами старуха.

Гостей не замечали, и они, предоставленные сами себе, с любопытством осматривались.

На простеньком столе, покрытом обычной, в сине-красную клетку клеёнкой, стоял тончайший фарфор, матово тускнело массивное, с благородной чернью столовое серебро, витые кувшины, хрустальная ваза на затейливой золотой подставке и ещё какие-то приятные и радующие глаз столовые мелочи.

— Ну и где же наша молодёжь? — появился Иван Данилович с запотевшим графином в руках.

— Да вон она, замерла, полагая, что старики её по слепоте своей и не видят, — на удивление приятным грудным голосом ответила пожилая женщина. — Наблюдают за нами вместо того чтобы броситься помогать. Предпочитают глазеть, как другие работают на их же благо.

— Ну, допустим, мы не просто созерцаем, мы любуемся гармонией осени в её природном и человеческом воплощении, — поднимаясь по ступенькам и галантно поддерживая под локоть Ингу, заговорил Малюта. — А прекрасному, согласитесь, всегда хочется удивляться, учиться…

— Ишь ты, какой говорливый, — примирительно произнесла женщина, протягивая руку. — Антонина Тихоновна, тыловое подразделение Данилыча.

— За которым я как за каменной стеной, — явно оставшись доволен репликой Малюты, заулыбался Иван Данилович. — Друзья, это Малюта Максимович и Инга, прошу любить и жаловать, а это мои сослуживцы, друзья и некогда всенародно известные деспоты.

— Карл Оттович Калнынш, — отрекомендовался высокий костлявый старик, чем-то похожий на Суслова.

— Наум Исакович Фрумкин, не деспот вовсе, а простой, незаметный старый еврей…

— В скромном звании генерал-лейтенанта МГБ-КГБ, — съязвила Антонина Тихоновна и, обращаясь к Инге, добавила: —

Вы, деточка, пуще всего на свете бойтесь «простых и незаметных». Коварные люди! — Забирайте у своего ухажёра корзину со снедью, да пойдёмте-ка, голубушка, в дом. С продуктами управимся, вас утеплим, а то наш подмосковный ветер ой как охоч под юбки девицам лазить.

Женщины, мило щебеча, исчезли в доме.

— Ну-с, старики-разбойники и примкнувший к ним Малюта-лютович, не пора ли нам по маленькой, вроде все в сборе? — разливая по хрустальным стаканчикам содержимое заиндевевшего графина, произнёс хозяин дачи.

Чокнулись. Приятный холодок прополз по пищеводу, обращаясь в разбегающееся по всему телу тепло. Смачно захрустели солёненькие огурчики.

— Эй, паразиты, — раздался из дома приглушённый голос хозяйки, — вы не вздумайте без нас за стол садиться…

— Аннушка, ты не волнуйся, мы стоя, — со смехом откликнулся Карл Оттович.

Застолье получилось тёплым. В меру выпили, плотно поели. Женщины, кажется, понравились друг другу. Собрав в большие тазы грязную посуду, они удалились в дом, оставив мужчинам их вечные секреты.

— Малюта Максимович, — неожиданно прервав грозящую перейти в лёгкую дрёму сытую тишину, обратился к Скурашу Наум Исакович, — а как вы относитесь к мистике?

— Не знаю, скорее всего, как к объективной реальности. Мне кажется, что в последнее время ею пытаются подменить исчезающую духовность и ещё не окрепшую религиозность. Хотя мистика намного сложнее и запутаннее и того, и другого. А почему вы меня об этом спросили?

— Малюта Максимович, вы уж нас, стариков, простите за излишнее любопытство, — ответил вместо товарища Иван Данилович, — однако, мы хотели бы вам позадавать кое-какие вопросы. Так что давайте договоримся — мы задаём вопросы, а вы отвечаете. Если же вопросы появятся у вас, то вы сможете получить на них ответы после нашей беседы…

— Да какой уж беседы, скорее экзамена, — не сдержался Малюта. — Иван Данилович, извините, что перебиваю, но вы хоть объясните, на что экзаменуете?

— Как вы оцениваете работу Плавского? — проигнорировав его реплику, спросил Калнынш.

— Нормально оцениваю. — Внутри всё моментально напряглось, Малюта вдруг понял, что ввязывается в какую-то серьёзную и, главное, не свою игру. — Считаю её перспективной и, безусловно, полезной для будущего страны…

— На чём основывается такая уверенность? — уже из-за спины прозвучал голос Фрумкина.

Малюта инстинктивно начал поворачиваться в его сторону, но что-то его остановило. «Нет, братцы старички, допрос по системе «карусель» мне устроить не удастся» — подумал он и, глядя прямо перед собой, как можно спокойнее произнёс:

— Во-первых, объективно он — президент страны. Ведь проведи выборы по равным для всех правилам, во второй тур вышли бы они с Ренегатовым, и я уверен: народ выбрал бы Плавского. Во-вторых, при всех его минусах, он — человек будущего, и люди это чувствуют. Многие считают его последней надеждой…

— И вы разделяете их мнение, — вкрадчиво проворковал Карл Оттович.

— Отчасти. Я слабо разбираюсь в механике, приводящей в движение высшую власть, но когда глава государства не общается с Секретарём Совета национальной стабильности, это вызывает, по меньшей мере, недоумение. Вообще, я успел заметить, государственная машина у нас работает как-то странно, вернее, странно не работает, находясь в перманентном состоянии реорганизации. Отсюда и моё мнение о последней надежде.

— Будут ли эффективными действия «Белого легиона»? — вдруг резко почти над самым ухом прозвучал голос Ивана Даниловича.

— Понятия не имею. А что это за легион такой? — без всякого выражения в голосе спросил Малюта.

— Мы же договорились — вопросы в конце, — жёстко сказал Наум Исакович, затем продолжил: — Каковы дальнейшие действия Плавского на Кавказе? Пойдёт ли он на заключение полноценного мира?

— Будь у него полномочия, он бы заключил его уже в эту поездку, не ограничившись Хасавюртской декларацией. Вы даже не представляете, как на Кавказе, да и во всей России ждут этого мира и наведения порядка. От безвластия устали все.

— Что, по-вашему, является основой власти? — не отставал Фрумкин.

— Не знаю, наверное, безумие человечества и генетическая предопределённость одних повелевать, а других — подчиняться.

— Так, если вам верить, выходит, нет никакой демократии, равенства? — докапывался старый еврей.

— Человечество уравнивают всего два события — рождение и смерть. В остальном мы поголовно неравны и равными никогда не будем, в естественном, материальном понимании этого слова. Наше равенство всегда абстрактно. Даже равенство перед богом — миф, потому что свои взаимоотношения с ним каждый из нас выстраивает по-своему.

Поначалу Малюта с мальчишечьим азартом включился в предложенную игру. Шло время, вопросы иногда повторялись, приходилось напрягать память, чтобы не сделать ошибки и повторить прошлый ответ почти дословно.

Стемнело, щёлкнуть выключателем никто не удосужился. Скураш уже изрядно устал, и про себя костерил на чём свет стоит куда-то пропавшую Ингу.

«Хоть бы на минутку выглянула и прекратила эту мудистику. Интересно, на кой чёрт им всё это нужно? — Ни логики, ни особого смысла в разрозненных вопросах он не улавливал, а постоянный, даже какой-то навязчивый интерес к мистике, оккультизму, религиям и вовсе вызывал недоумение. — Зачем тебе все это? — и тут же себе возражал: — Нет, раз уж ввязался — терпи, посмотришь, куда клонят почтенные чекисты».

Устали и экзаменаторы и вдруг замолчали. Тишина вышла какой-то особенно холодной, даже жутковатой, как перед вынесением смертного приговора.

— Пожалуй, да, — нарушил уже начавшую звенеть тишину Наум Исакович.

— Согласен с тобой, — с облегчением произнёс Иван Данилович.

Должен был сказать что-то и третий, но он молчал. В образовавшуюся паузу вместе с прохладным осенним ветром влетела и повисла холодящая спину напряжённость.

— А давайте-ка мы зажжём свет, пригласим наших очаровательных женщин и перед чайком пропустим рюмочку-другую, — нарочито весело не то пропел, не то продекламировал Калнынш и в конце серьёзно добавил: — Я, в принципе, с вами согласен, хотя у меня есть кое-какие соображения…

— Карл Оттович, насчет водочки — это здорово, — запротестовал Малюта, — а вот с женщинами, в связи с настойчивой просьбой испытуемого, прошу повременить, мне ведь были обещаны ответы на вопросы.

— Ну, мог бы пожалеть стариков, и так загонял, — разливая водку, проворчал Иван Данилович, — давай, отыгрывайся, только не перегибай…

— Куда уж тут перегнёшь? Вопросов всего три. Если так долго спрашивали, значит, я вам зачем-то нужен. Могу я узнать, зачем?

— Видите ли, молодой человек, — не спеша начал Наум Исакович, отхлёбывая маленькими глотками холодную водку, — у каждого даже очень крепкого существа или, лучше сказать, сообщества, наступает такая пора, когда следует думать о будущем, по-настоящему думать. Наследников по крови или закону здесь не бывает, зато существует веками выверенная система идентификации подобных. Так что вопросы трёх уполномоченных сообществом экспертов в разных странах и в разные века звучат, конечно же, по-разному, однако цель найти подобного себе по духу достигается именно так…

— Э, товарищи уполномоченные, — залпом опрокидывая рюмку, завертел головой Малюта, — я же армейский офицер. Вы уж мне попроще, посредством барабанной дроби всё объясните. Какое сообщество, что за родство душ?

— Давайте, Малюта Максимович, отбросим в сторону шутки. Дело действительно большой государственной важности…

— Данилыч, а может, и вовсе на сегодня закончим этот вечер вопросов и ответов, — вмешался Калнынш, — главное, встреча прошла с пользой, то, что хотели мы уяснили. Можно и по домам.

— Наверное, ты, как всегда, прав, Карл. Действительно, вы поезжайте, а мы с Малютой Максимовичем ещё почаёвничаем.

Старики без лишних слов и любезностей, не заходя в дом и не попрощавшись с женщинами, быстро покинули веранду и растаяли в темноте, шуршащей сухой листвой. Хозяин, прихватив графинчик и стаканы, пригласил гостя в дом.

В чужом жилище Малюта почувствовал себя еще неуютнее, чем на веранде. Иван Данилович, кажется, это почувствовал и, жестом попросив соблюдать тишину, провёл его в небольшую комнату.

— Давайте ещё немножко посекретничаем, пока нас женщины не хватились, — произнёс он извиняющимся полушёпотом. — Мне бы очень не хотелось отпускать вас домой с роем домыслов и сомнений…

— Иван Данилович, вы что — масоны? — опускаясь в просторное кожаное кресло, ляпнул Малюта и тут же испугался своего вопроса.

— Эка мы вас, батенька, напугали, — успокаивающе похлопал его по руке хозяин. — Ну какие масоны? Хотя если считать таковыми все сложно структурированные организации, действующие одновременно публично и скрытно, то какое-то сходство с сообществом древних каменщиков у нас есть. Но мы — не мировая закулиса и не всемирное зло. Мы скромные хранители традиций и определённых знаний, — старик замолчал, как бы впервые задумавшись над только что произнесёнными словами. — И, если хотите, знаний, дающих возможность получать и удерживать власть.

Когда-то давно Знающие присматривались к нам и по только им ведомым признакам определяли, годны мы в преемники или нет. Разговор за разговором, шажок за шажком нас вели от света суетливой слепоты в вечный мрак прозрения. На свету видят только дураки, но полюбить пугающий профанов мрак и обрести новое внутреннее зрение удел немногих. Поверьте, это сложная и трудная дорога, вы же только в преддверии её, сделали, можно сказать, первые полшага. Что будет дальше, никто не знает…

— Даже вы?

— А что мы? Мы — лишь проводники на начальном и срединном этапах. Ещё раз повторю, многое, очень многое будет зависеть от вас и вашей веры в свои силы. Но это всё в будущем…

Иван Данилович замолчал. Тишина, как неожиданно свалившаяся тайна, неприятно резанула по ушам и до гула крови в висках напрягла нервы. Мысли, словно испугавшиеся света тараканы, разбегались в разные стороны.

Малюта не мог взять в толк, как отнестись к услышанному. Если это провокация, то чья и, главное, какова ее цель? Если это вербовка, то опять-таки чья? Его раздумья прервал спокойный старческий голос.

— Перестаньте себя мучить, терзаться сомнениями и догадками. Если всё будет нормально, вы получите ответы на все свои вопросы. Можете даже до поры забыть сегодняшний вечер, считать наш разговор причудами выживших из ума стариков, решивших в последние свои годы жизни создать в Кремле подпольную группу по спасению неизбежно гибнущей России. Сегодня, Малюта Максимович, важнее другое. Плавского должны в ближайшее время отстранить от всех должностей, мы даже не исключаем, что его могут арестовать.

— Как арестовать? Он же — третье лицо в государстве? — Малюта попытался подняться с кресла, хозяин жестом удержал его на месте.

— Давайте без излишних эмоций. Вопрос этот уже решён, на днях президентом будет подписан соответствующий указ.

— Но за что? Ведь благодаря Плавскому царь остался на своём троне, да и сегодня он делает, как мне кажется, всё для укрепления вертикали его персональной власти…

— Наивный вы человек. Власть не может быть кому-то обязанной, в противном случае она перестаёт быть властью и становится зависящей от кого-то шлюхой.

А уж если разговор заходит о личной власти, дело, как правило, кровью пахнет. В нашем случае, я думаю, обойдётся большой шумихой. Я предполагаю, что президент не в состоянии сейчас здраво оценивать свои действия, он очень слаб, болен и полностью зависит от ближнего круга, а Близкие решили, что Плавский представляет для них реальную угрозу. Вы такую фамилию — Амроцкий — слышали? — и, не дождавшись ответа Малюты, который из своих источников знал, что шефа и всесильного фаворита Кремлевского двора связывает какая-то тайна, старик продолжил: — Так вот, этот господин считает, что бесконтрольное усиление авторитета Плавского создает реальную опасность для той группы людей, которая сегодня фактически управляет страной.

— Иван Данилович, вы страшные вещи говорите! Если это действительно так, необходимо срочно поставить в известность Секретаря, надо что-то предпринимать! — Скураш всё же вскочил с кресла и засновал по комнате.

— Поздно пытаться что-либо изменить. Плавский, в конце концов, сам во многом виноват. Шарахался из стороны в сторону, рубил с плеча, во власть въехал, как в очередную избирательную кампанию. Кремль шума не любит и, главное, шефа вашего об этом предупреждали. Здесь, наверху в одиночку сражаться нельзя, а чтобы сколотить свою партию, нужно время и опыт, знание жёстких законов подковёрной борьбы. А он — бах, трах! Пресс-конференции, визиты, безапелляционные заявления… А держава это, знаете, не казарма…

— Погодите, Иван Данилович, причём здесь это всё? Казарма, держава… Тогда надо вмешаться и попытаться изменить ситуацию…

— Молодой человек, перестаньте горячиться, документы уже подписаны, и Близкие ждут только благоприятного момента, когда состояние больного слегка улучшится, и его можно будет показать телезрителям.

Сейчас речь может идти только о сохранении на своих местах нескольких человек, пришедших в Совет вместе с Плавским, в том числе, и вас.

Конечно, мы вас не неволим. Можете доложить всё своему руководству, при этом, соблюдая известные меры предосторожности, но после доклада дистанцируйтесь от Плавского и сократите, насколько это возможно, личные контакты. Главное же — напишите подробную докладную о своей работе по созданию «Белого легиона», пока без указания, на чьё имя, и не подписывая документа. Сразу оговорюсь, это не приглашение к предательству своего начальника, это скорее один из шагов по его спасению. Вы мне верите?

— Не знаю, необходимо время, чтобы всё переварить. Извините, уж слишком много всего сегодня свалилось на мою голову. Только писать рапорт я не буду, а о «Белом легионе» впервые от вас сегодня и услышал. Вообще, что это за легион такой, и с какого боку здесь наш Совет?

— Ну не знаете, и не надо. Я спросил, вы ответили. Всякий ответ — это ответ, и выводы делать задающему вопросы.

— Если вы не возражаете, нам пора ехать. Поздно уже, и устал я, как после хорошей переделки. Ночь самоедства мне обеспечена.

— Да бога ради! Конечно же, поезжайте. Только, я вас очень прошу, не спешите делать глупости и играть в геройство, думайте прежде всего о себе, — последние слова прозвучали чётко и бесстрастно, как голос дежурной по станции, объявляющей об отправлении поезда. — И вот ещё что, Малюта Максимович, я вам очень благодарен за тёплое отношение к Ингочке, у девочки сложная судьба, но у неё есть недурные задатки. Держитесь друг друга. — Поднявшись, старик вышел из комнаты, включил свет и позвал своим обычным скрипучим голосом: — Девочки! Что же это вы бросили нас, хотя бы чайком побаловали!

«С чего это, собственно, он её так опекает? — промелькнуло в голове у Малюты. — И здесь какие-то турусы! Не слишком ли много загадок для одного вечера?»

За чаем говорили ни о чём, старики жаловались на болячки, Инга, чувствуя напряженность Скураша, ластилась к нему как могла. Малюта с удивлением отметил, что это его раздражает. До чего же поразительные существа женщины! Они безошибочно чуют, что у мужчины появилась какая-то тайна или, к примеру, завелись приличные деньги, и тут же пускают в ход

все свои неподдающиеся логике уловки, чтобы вытянуть из него и то и другое.

Дорогой разговор не клеился. Малюта с трудом перемалывая услышанное, молча довёз подругу до подъезда и, наскоро попрощавшись, поехал домой. Ему была необходима привычная, обстановка, в которую можно было забраться, как в старый застиранный свитер, отбросить опостылевшие условности. Только в этой звенящей тишине можно было разложить всё по полочкам, разобрать по составным частям и попытаться предположить, во что же всё это выльется завтра.

10

Два неудовлетворённых друг другом человеческих существа сидели, укутавшись в одеяла, на растерзанной желанием кровати и молчали. Бутылка виски, широкие гранёные стаканы неустойчиво перекособочились на складках смятой простыни. Говорить не хотелось. Голова была забита мыслями, и они мешали думать.

Малюта злился на себя, вместо разливающейся по телу трепетной усталости, сладкого, быстро высыхающего на разгорячённой коже пота, его захлёстывали волны раздражительности, во рту плавал мерзкий алюминиевый привкус.

Он ненавидел это состояние, похожее на финиш бессмысленного курсантского кросса, когда ты прибежал первым, а результат твой никому не интересен. Почему было не послушать жену и не заниматься этим сегодня? Нет, повинуясь древнему зову голодного дикаря, настоял на своём, считая, что только близость с женщиной и со смертью дают возможность мужчине обрести внутреннее спокойствие и принять правильное решение. Екатерина прилежно постанывала, он механически двигался, пытаясь прогнать раздирающие черепную коробку мысли и провалиться в аксамитную бездну.

Однако уговорить себя намного легче, чем обмануть. Зашлёпав своими красивыми ластами по паркету, Катя пропала в ванной, потом прошла на кухню и через минуту вернулась с выпивкой и пачкой бисквитов. Он молча плеснул в стаканы и они выпили. Каждый думал о своём. Малюта вдруг подумал, что не лучше ли одеться и уйти, но идти было некуда, не к Инге же этой, в самом деле, нести свалившиеся на него новости. Кому они нужны, его самокопания, стремление к какой-то высшей истине, поиски несуществующей правды?..

Скураш исподлобья глянул на жену, и она, словно сразу почувствовав его состояние, встрепенулась, потянувшись к нему глазами. Малюта замер. Улыбка, ободряющая, излучающая нежность, вспыхнула на её лице, губы слегка шевельнулись, издавая не то вздох, не то призывный звук.

Всё настоящее начинается с глаз. Он всегда знал это и сейчас вдруг понял, как же он без *этого* соскучился… Ведь такое бывало у него только с Катей.

Одеяла сбросили почти одновременно.

Вынырнув из бездны и отдышавшись, они, словно молодожёны, застыли неподвижно, боясь спугнуть то, что с ними только что произошло.

Постепенно мир обрёл свои привычные очертания. К далёкому, не видимому ночью солнцу улетело исторгнутое ими тепло, стены комнаты впитали в себя их стоны, шёпот, всхлипы, озноб реальности пробежал по их обнажённым телам и, плотнее прижавшись друг к другу, натянув на себя одеяло, они безмятежно уснули. Если бы в эту минуту человечество погибло, эти двое остались бы навечно самыми счастливыми из людей.

Поспать им не дали.

Почти одновременно затрезвонили все имеющиеся в наличии телефоны. Пока жена заплетающимся языком говорила по домашнему, Малюта, нашарив мобильный и прокашляв севшую от сна глотку, ответил:

— Слушаю.

— Это хорошо, что ты ещё в состоянии слушать. Надеюсь, у тебя дома есть телевизор? — с издёвкой прозвучал холодный голос Инги.

— Наверное, есть, а что, война началась?

— Мне кажется, хуже, — и мобильник гаденько запищал сигналами отбоя.

Взяв пульт Катя нажала на кнопку. На экране бесновался министр внутренних дел.

— …Таким образом, «Белый легион» замышлялся как инструмент достижения личной власти, и я не исключаю возможности государственного переворота. Вообще в последнее время Плавский отошёл от принципа коллегиальности в принятии ключевых решений, но, как известно, диктат ни к чему хорошему не приведёт. У народа и у страны в прошлом имеется подобный печальный опыт. Однако с полной уверенностью могу заявить, что

у президента есть надёжные, здравые силы, которые в состоянии противостоять любым попыткам вернуть нас к тоталитаризму.

— Послушай, что за ахинею он несёт? — накинув на них обоих одеяло, спросила жена. — Какие легионы? Вы что, в самом деле, готовили государственный переворот? Ну, слава Богу, нашлись в стране настоящие мужики! — и, обняв Малюту, она зашептала ему в ухо: — Не бойся, даже если тебя сошлют в Сибирь, я поеду с тобой.

— Перестань дурачиться! Какая ешё Сибирь! Но они-то… Вон они как загнули! А я, придурок, принял всё за старческий маразм выжившего из ума чекиста. Вызывай такси, я еду на Старую площадь.

Умные женщины оттого и умные, что точно знают, когда не надо перечить мужчинам. Покорно засопев и неохотно натянув на себя халатик, жена поплелась к телефону.

Над Москвой плавал почти хрустальный осенний вечер. Рабочий поток машин схлынул, и Тверская, захлёбываясь разноцветными огнями витрин и рекламы, бесстыдно, не стесняясь нищей страны, выставляла напоказ свою развратную роскошь.

Малюта не знал, как себя вести, куда звонить, как найти и предупредить Плавского. Он, как солдат, повинуясь годами выработанной привычке, в случае тревоги спешил в свою часть. Там, за зелёным забором всё вставало на свои места, каждый знал, куда бежать, что нести, кому подчиняться, кем командовать. Но Совет Национальной Стабильности не был войсковой частью, там не было командиров и бойцов, там сидели поднаторевшие в интригах волки, готовые разодрать любого, чтобы освободить для себя путь наверх. Смутное, ноющее чувство тревоги сосало под ложечкой.

Скураш, прежде чем подняться в свой кабинет, заглянул в приёмную Плавского.

— А все в кабинете Петра Харлампиевича, — отрываясь от телевизора, бодрым голосом сообщил дежуривший в приёмной отставник. — Ивана Павловича ещё нет, он на встрече с президентом Белоруссии.

Евлампова Скураш втайне побаивался и без особой нужды в его кабинет не заглядывал. После любого разговора с боевым заместителем Плавского всегда оставалось опасение, что слова, да и сама тема разговора будут истолкованы им неправильно и обращены не в твою пользу.

Но сегодня, особенно не раздумывая, он вошёл в нелюбимый кабинет. За столом, кроме Петра Харлампиевича, сидели Обрушко, Брахманинов и помощник Секретаря Илья Могуст, высокий молодой человек с незапоминающимся лицом опера.

— Ну, ты посмотри, в наших рядах прибыло! — всплеснул руками хозяин кабинета. — И не побоялся, пришёл, молодец! Садитесь, вместе кумекать будем.

— А я вам что говорил, — протягивая Скурашу руку, произнёс Лаврентий Михайлович, — нормальный, наш парень…

— И что нормальный парень обо всём этом думает?

— Думаю, что весь этот бред кем-то халтурно срежиссирован и будет иметь не лучшее для нас продолжение…

— Это ваши догадки или вам что-то известно? — насупился разведчик, привыкший узнавать новости первым.

— Известно мне не больше вашего.

Скураш подошёл к стоящей перед столом для совещаний белой пластиковой доске и лежащим здесь же специальным фломастером торопливо начал писать: «Подписан Указ об отстранении Ивана Павловича от всех должностей. Возможен арест. Завтра или в ближайшие дни эту новость озвучит Царь!»

Убедившись, что все сумели разобрать его каракули, Малюта, опасливо покосившись на зашторенное окно, торопливо стёр губкой пляшущие строчки.

В кабинете повисло зыбкое молчание, от которого начинают противно ныть зубы, а к глотке подкатывает предательский комок. Именно это состояние, так ненавидят и так боятся сильные и решительные мужики, готовые провалиться сквозь землю, пойти на верную гибель, только бы не сидеть в воняющей предательством луже.

Телефонный звонок шарахнул неожиданной очередью, выводя всех из оцепенения, воскрешая надежду, поворачивая к извечному русскому «авось». Евлампов схватил трубку, как утопающий спасительную верёвку и, стараясь справиться с волнением, прохрипел:

— Слушаю вас, — и, зажав ладонью микрофон, обрадовано сообщил: — Шеф…

— Включи громкую связь, — перебил его Обрушко, — и скажи ему, что мы здесь.

— Иван Павлович, я не один, у меня в кабинете собрались все наши. Разрешите перевести телефон в режим конференции?

В комнату ворвался раскатистый бас Плавского.

— Что приуныли, голубчики? И с лицами, задумчивыми, как двухпудовые гири, безрадостно вздыхаете над объективной несправедливостью, властвующей в милом сердцу Отечестве? Успокойтесь, это ещё не конец, это только начало. Всем по домам, нечего сопли на кулак наматывать. Завтра в семь тридцать все у меня. Всё! Никаких возражений! — и телефон пискляво, по-щенячьи затявкал короткими гудками.

— Действительно, что мы киснем? — прорезался молчавший до сих пор пресс-секретарь. — Мы все, включая шефа, знали, что это должно произойти. Месяцем раньше, месяцем позже, какое это имеет значение? Да и чёрт её бери, эту Старую площадь, что же мы, ещё вполне справные хлопцы, не найдём себе молодки? Пётр Харлампиевич, закуска есть? Я сейчас за водочкой сбегаю, у меня уже неделю в холодильнике настаивается…

— Саш, есть и водка и колбаска, — перебил его хозяин, — не надо никуда бежать. Сейчас всё здесь соорудим, а то Малюта Максимович нагнал на нас тоски.

Выпивали и закусывали торопливо, старались шутить, но весело не было и, не достигнув волшебной черты, за которой начинается всеобщее единение и согласие, разъехались по домам.

11

— Не надо, знаете ли, говорить глупостей. Лучше смотрите, чтобы он чего напоследок не отчебучил, — премьер ходил из угла в угол по небольшой комнате для совещаний, в которой собрался близкий ему круг людей. — Не наше собачье дело обсуждать волю президента. Наше дело маленькое: будет подписан указ — мы должны обеспечить его выполнение. — Он на минуту замер как бы прислушиваясь к чему-то, и вдруг с силой хлопнул по полированной поверхности стола. — И обеспечим! На то мы сюда и посажены! Как прошла ночь? — Он обернулся к министру внутренних дел.

— Плавский никому не звонил. Да, я полагаю, он пока ничего и не знает. Вот ему звонили. Все контакты зафиксированы. Плёнки сейчас в распечатке. Заслуживают внимания три звонка, два — от командующих военными округами, а один — из Чечни, от Масхадова…

— Что?! И говорите, ничего интересного? Вот б…! Ко мне этих долбаных генералов! Вы что дурачка из себя строите — «за-

служивает внимания, заслуживает внимания», да я ваше внимание сами знаете где видал! Из каких округов звонили?

— Сибирского и Московского.

— Что?! Московского! Да ты не министр, ты придурок! Или с этим горлохватом заодно? Мне докладывали, что это твоя идея, насчёт «Белого легиона». Ну, смотри, если столичный округ встанет на сторону Плавского — это всё! Почему мне сразу не сообщил?

— Товарищ премьер-министр, прошу вас, не надо так волноваться. Разговоры были пустые, ни о чём…

— Да вы посмотрите на него! Пустая у тебя башка, если они сразу после твоей телевизионной хероты кучковаться начали, значит, предварительная договорённость была. Срочно плёнки ко мне. А что это у нас КГБ молчит? Не, мужики, если вы мне в карман насрёте, я в долгу не останусь. Уж чего-чего, а дури у меня на всех хватит. Так что у вас?

— Считаю, что особенно опасаться нечего, хотя обстановка довольно сложная, здесь я с вами, Остап Степанович, полностью согласен. До сегодняшнего утра наше ведомство к этой операции подключено не было. Я всё узнал из телевизора. Ко мне были звонки, конечно, но они носили характер вопросов. Народ интересовался, что происходит, и спрашивал, как себя вести. В утренних сводках мне сообщили об интенсивном радиообмене некоторых посольств и звонках заместителя Плавского Евлампова десятку бывших своих сослуживцев, которые сегодня находятся на командных должностях различного уровня.

— Всё! Вы меня угробите! — Премьер со стоном повалился в мягкое вращающееся кресло. — Ну, неужели нельзя было по-человечески объяснить, что вы там в Барвихе задумали? — вопрос относился к скромно сидящему и что-то записывающему руководителю Кремлёвской администрации, получившему от Плавского меткое прозвище «Ржавый Голик». — Гол Владленович, я к вам обращаюсь! Что вы там всё пишете? Не марайте бумагу, вам и так кассету нашего разговора фэсэошники передадут.

— Остап Степанович, — обводя всех откровенно наглым взглядом, как бы нехотя отозвался чиновник, — я точно такой же исполнитель, как и вы. И знаю, поверьте, не больше вашего. Указ пока ещё не готов, да и неизвестно, будет ли он вообще.

Немая сцена вышла не хуже, чем у Гоголя. Перед каждым из сановников, обличённых почти неограниченной властью, позволяющей им в считанные минуты всколыхнуть по-прежнему

огромную страну, как немое напоминание их истинной цены и полного ничтожества, светились злорадством глаза кремлёвского управителя.

Первым вышел из оцепенения главный милиционер.

— Гол Владленович, вы что творите? По-вашему получается, что это мне самому пришла в голову мысль переться на телевидение, обвинить Секретаря национальной стабильности в подготовке военного переворота и поставить, как сейчас выходит, страну перед угрозой гражданской войны? Нет, мы так не договаривались! Я сейчас еду к себе, собираю журна…

— Прекратите истерику, генерал, — медленно вставая, жёстко произнёс «Ржавый Голик». — У каждой истории есть одно начало, но концы могут быть весьма разные. Не будем паниковать, господа. Президент примет самое мудрое и единственно правильное решение. Безусловно, наш премьер прав, мы обязаны это решение выполнить. Вчера вечером вы всё говорили правильно, Евгений Захарович, так давайте не будем паниковать. Установите за Плавским самое тщательное наблюдение, анализируйте все его телефонные разговоры, проведите профилактическую работу с наиболее вероятными сторонниками, главное, не допустите контактов с бывшим Охранником. — На минуту он замер, как бы испугавшись последних слов. — Это, пожалуй, самое главное, и выкиньте из головы этот бред про гражданскую войну.

Приглушённо затарахтел телефон. Остап Степанович поспешно схватил трубку в надежде, что безотлагательные государственные дела призовут его куда-нибудь подальше от этих опасных и неблагодарных игр.

— Что?! Когда?! Он один?! Да вы все охренели сегодня! — бросив со злостью трубку, Премьер растерянно развёл руками. — Плавский поднимается к нам, с ним вооружённые охранники.

— Сейчас возьмёт нас всех и арестует, как заговорщиков… — спокойно произнёс директор ФСБ Кузнечиков.

— Язык у вас без костей, — перебил его главный администратор. — Остап Степанович, как нам с Болотовым отсюда выйти, чтобы не встретиться с Иваном Павловичем?

— Вы заварили и вам выйти! Хороши, ничего не скажешь! Вон в ту дверь драпайте. Игнатий, — премьер обратился к запыхавшемуся человеку, только что вбежавшему в комнату и пытавшемуся что-то доложить. — Да знаем мы, знаем, проводи вот лучше гостей к служебному лифту.

Ещё не успела за поспешно ретировавшимися затвориться дверь, как хозяин кабинета принялся инструктировать оставшихся.

— Мы ни хрена не знаем, сами только сегодня услышали, я вообще вечером телевизор не смотрел. Короче, мы не при делах. Это Старая площадь всё затеяла, пусть туда и едет разбираться. Это политика, а мы —правительство, наше дело — хозяйство…

Большая двустворчатая дверь больно стукнулась створками о прикреплённые к полу фиксаторы. Мрачный, зыркающий из-под насупленных бровей Плавский твёрдым шагом вошёл в кабинет.

— Ну что попрятались, как тараканы?

— Иван Павлович, что за тон?! — рявкнул для острастки премьер. — Вы не забывайтесь!

— В вашем курятнике забудешься, как же! Чуть прощёлкал — и уже обосрали по самую маковку. Остап Степанович, не рыкайте, меня тоже бог голосом не обидел. Где этот недоносок болотный? Я ему сейчас в одно место засуну папку с его предложениями по этому грёбаному легиону. Ну негодяй! Где он?

— Кто?

— Кто-кто? Не надо делать такие глаза, товарищ Председатель правительства, где ваш внутренний министр? Где этот Гапон?

— Иван Павлович, — видя решительность Плавского, намеренно спокойно произнёс Чистолицев, протягивая для приветствия руку, — я вас не понимаю. Объясните, что произошло? — и, обернувшись к присутствующим, привычно бросил: — На сегодня всё, все свободны.

— Остап Степанович, я попрошу вас оставить Кузнечикова.

— Хорошо, Иван Павлович. Владимир Николаевич, задержитесь, пожалуйста.

— Я прошу вас как премьер-министра объяснить мне, что означает вчерашнее выступление министра внутренних дел по телевизору? И сразу хочу предупредить, просто так меня сковырнуть не удастся. За мной люди стоят…

— Иван Павлович, я вас очень хорошо понимаю, и поэтому давайте успокоимся, — суетливо закудахтал Чистолицев. — Присаживайтесь, пожалуйста. Вы что будете чай? Кофе?

— Кофэ, — буркнул Плавский.

— Я сам вчера телевизор не смотрел. Утром провёл маленькое совещание. Болотов тоже был, но перед вами ушёл вместе с Чайбесом. Вкратце мне, конечно, пересказали вчерашнее. Вы только правильно меня поймите, я вынужден буду провести разбиратель-

ство с милицейским начальником. Я ему прямо так и сказал, чтобы предоставил в моё распоряжение всю доказательную базу и не позднее сегодняшнего обеда. А то, ишь ты, много себе позволяют! А вообще вам лучше бы позвонить президенту, вы его кадр.

— Звонил. Прикреплённый уже третий час талдычит одно и то же: «При первой же возможности соединю». Куда там соединят, может, он уже дуба дал. Вот уберут меня и объявят народу.

— Да, бог с вами, Иван Павлович, — истово закрестился премьер.

Плавский, обжигаясь, пил кофе, рассеяно слушал косноязычную речь начальника правительства, и до него постепенно начинал доходить смысл происходящего. Его, Ивана Павловича Плавского, боевого генерала, банально кинули, развели, как мальчишку, использовали и вышвырнули, словно не пришедшегося ко двору. Звуки, наполняющие комнату, куда-то исчезли. Беззвучной рыбой шамкал, сверкая металлокерамикой, смешной, заплывший жиром человек, номинально числившийся на высоком посту второго лица государства и в совершенстве постигший сложную науку имитатора кипучей государственной деятельности.

В голове у генерала, цепляясь одна за другую, как самописцы, плясали мысли. К кому, а главное, зачем, он пришёл сюда? Что хотел услышать? Эти пустые и лживые слова? Увидеть потупленные взоры с искорками злорадства?

Внутри кипела злость. Ему вдруг всё опостылело. К чёрту всех! Может, правы были соратники, сегодня ночью убеждавшие его никому не верить, а обратиться к народу, поднять верные войска и закончить весь этот бардак в считанные дни. Но это война! Войну Плавский знал и не любил, тем более, войну в России, здесь испокон веков на одного виноватого приходилось по десятку невинно загубленных. Нестерпимо захотелось бросить всё это, послать всех куда подальше, взять удочки и уехать на болото, в Коломну, ловить карасей.

Плавский молча встал и не прощаясь вышел.

12

В Совете национальной стабильности царило истерическое оживление. Старожилы, пережившие уже не одну реорганизацию, уткнувшись в спасительные бумаги, делали вид, что ничего не замечают и всё происходящее их не касается. На их

бесстрастных лицах чётко читалось: «Я всего лишь придаток моего стола, и всё выходящее за его пределы не имеет для меня никакого значения».

Сотрудники, пришедшие с Плавским в шестой подъезд и уже привыкшие к чугунным воротам на Ильинке, сбивались в постоянно меняющиеся группки, о чём-то шептались, озираясь по сторонам.

Малюта уже в половине седьмого был в приёмной начальника с готовым обзором газет. Этот обзор, отличающийся от официального, который разносили по кабинетам где-то ближе к полудню, он готовил сам и несколькими фразами формулировал смысл основных, знаковых материалов. Сегодня газеты были пустыми, только в двух с пометкой «срочно» были напечатаны крошечные информашки о вчерашних излияниях Болотова.

Плавский появился неожиданно из общего коридора. Протянул Скурашу руку и жестом пригласил в кабинет. Лицо Ивана Павловича было напряжено, рябые от оспинок скулы ходили ходуном, движения казались резкими, в голосе перекатывались металлические шары.

— Ну что у вас, Малюта Максимович?

— Обзор прессы, в основном, — он положил перед шефом листки, на первом крупным шрифтом было набрано: «Возможно, сегодня вас отстранят от всех занимаемых должностей. Указ уже подписан. Ждут, когда Царь сможет его огласить. Надо что-то делать».

— Конечно, надо, но кто знает, что? Вы пока свободны, за обзор спасибо. Я, правда, уже прочитал отдельные газеты, так что в курсе основных событий.

Позже Обрушко рассказал Скурашу, что ночью их собрал Плавский, и они почти до утра обсуждали ситуацию. Поднимать войска, на чём настаивал Евлампов, генерал наотрез отказался: «Я никогда не позволю, чтобы по моей вине кто-то развязал новую гражданскую войну. Хватит, навоевались».

Резиново тянулось время, все собрались в кабинете Лаврентия Михайловича и, заглушая волнение анекдотами, ожидали возвращения начальника из Белого дома.

Секретарь вернулся внешне спокойным, только желваки, ходившие на скулах, опали, а тёмные молнии, сверкающие в зрачках, превратились в тлеющие безразличием угольки. Попросив никого с ним не соединять, он вызвал помощника и заперся в кабинете.

Вездесущий «Сашка Советский Союз» по пути из Дома правительства засёк наружку, проводил шефа и задержал машину, из которой выволок невзрачного мужика и такую же бесцветную женщину. Те быстро смекнули, что вляпались в дурную историю и, особенно не препираясь, признались в своей принадлежности к Главному штабу МВД и в том, что уже неделю «водят» машину Секретаря. Записав их показания на видеоплёнку, задержанных передали прибывшим с Житной полковникам. Стараниями Брахманинова эти кадры попали в «Си-эн-эн» и разошлись по мировым агентствам.

Вслед за начальником в своих кабинетах заперлись ближайшие сторонники Плавского и на полную мощность запустили бумагоизмельчающие машины.

Не отставал от сослуживцев и Скураш. Какой-то внутренний дискомфорт заставлял мозги работать только в одном направлении — в ящиках стола не должно остаться ни одного клочка бумаги. Кто знает, как они завтра будут прочтены чужими людьми. За последние годы дважды приходилось Малюте на своей шкуре испытать всю мерзость недоверия и бездушия государственной машины, пытавшейся стереть его в порошок за добросовестное выполнение своего гражданского долга.

Закончив возиться с бумагами, Малюта решил всё-таки заглянуть к Инге.

Мрозь сидела на своём рабочем месте и сосредоточено читала толстый журнал.

— А, это ты? — Она нахмурилась и постучала по столу острым, покрытым темно-красным лаком ноготком. — Привет. Говори быстрее, что надо, а то сейчас девочки вернутся.

— Привет. Да ничего мне, собственно, не надо, просто проведать зашёл. Собираюсь пообедать. Если есть желание, можно сходить в наш ресторанчик. Чует одно моё место, что скоро конец нашей конторе.

— Думаю, что конторе-то еще не конец, а вот многих отсюда попросят, — Инга на секунду замолчала, сомневаясь, следует ли продолжать начатую фразу, но после некоторых колебаний выпалила: — …и тебя, по всему видать, тоже.

— Не понял.

— Чего ты не понял? Тебя же русским языком попросили не соваться, куда не следует, а ты что сделал? Сорвался и побежал звонить. Ну и кому ты помог? Слабаком оказался твой Плавский, испугался, видишь ли, руки замарать и поднять то, что ему при-

надлежит по праву. Такое здесь не прощают. Давай беги и дальше его спасай! Хотела бы я посмотреть, как он тебе когда-нибудь поможет. Всё, дорогой мой, твоей карьере конец. Поэтому, знаешь, я тебя очень прошу, не приставай ко мне больше с глупыми предложениями и вообще делай вид, что мы незнакомы. Вы что, в самом деле, все чокнутые и пришли сюда спасать Отечество? Да кому вы нужны?!

Малюта медленно закипал. Наверное, впервые в жизни ему вдруг захотелось ударить женщину. Инга, видимо, это почувствовала и как-то очень быстро переменила интонацию.

— Ладно, ты только не дури. У нас с тобой сначала всё так хорошо получалось… А сейчас… В общем, надо взять себя в руки. Мы какое-то время не сможем встречаться. — Не спуская с недавнего любовника глаз, она сделала вид, что готова пустить в ход самое безотказное женское оружие — слёзы. — Я прошу тебя, не надо глупостей. Всё пройдёт. Тебе-то уже всё равно терять нечего, а я что буду делать без этой работы? Ты сам виноват во всём, ведь всё так хорошо начиналось… Ты даже не представляешь, куда, на какие высоты ты закрыл себе дорогу…и мне тоже.

Губы Скураша дрогнули в презрительной усмешке. Крутанувшись на каблуках, он молча вышел вон.

«Да и хрен с ней, с этой стервой! Вот попутало-то связаться, мозги что ли отшибло на старости лет? Сука — она и в Африке сука. На самом деле всё к лучшему, впредь умнее будешь, — размышлял он по дороге в столовую. — Хотя, при чём здесь эта дура? Сколько прошло лет, а дух Берии и Троцкого, может кого и пострашнее всё ещё витает в этих коридорах, калеча, заражая своими страшными бациллами работающих здесь людей. Сколько ни перекрашивай стены, сколько их ни упаковывай в дорогие деревянные панели, они всё также источают въевшийся в них страх и подлость. Эти кабинеты и не таких ломали, не то что смазливую девчонку, прокладывающую себе передком дорогу наверх. Гиблое место».

Он поймал себя на мысли, что последнее время его окружало какое-то сплошное безумие. Выжившие из ума старики с их мистическими поисками подходящих людей для передачи неких тайных знаний. Звенящая, якобы, готовая чуть ли не перевернуть мир любовь лживой женщины, оказавшаяся всего лишь продуманным шагом к очередной ступеньке служебной лестницы. Государственная машина, летящая неизвестно куда и неизвестно кем управляемая. Судьбы, растоптанные чьей-то прихотью, сот-

ни покалеченных людских жизней. Всё это переплелось в какой-то липкий сгусток, отгородилось от мира высокой, напитанной бурой кровью стеной, существовало словно само по себе…

— Малюта Максимович, — прервал его мрачные мысли помощник Секретаря Могуст, — шеф просил всё подчистить…

— Уже.

— Вы в курсе, что разоружили личную охрану Павловича и отключили телефоны правительственной связи?

— Ну вот и понеслась кривая в щавель. Сейчас подгонят пяток «воронков» — и в Бутырку…

— Ну вас, Малюта Максимович! Умеете, однако, пожелать молодому поколению приятного аппетита.

— Малюта, — догнал их запыхавшийся Виктор Казан, давний приятель Скураша, работающий в Управлении внутренней политики, — давай быстрее ко мне в кабинет, фэсэошники шепнули — через пару минут по телевидению выступит президент с важным сообщением.

До кабинета они не добежали, остановились в одном из холлов, где у телевизора с горящими любопытством глазами толкался, как на пожаре, служивый народ.

Из белёсой, почти живой мути экрана, выплыло бесформенное лицо больного человека. Он полусидел за каким-то столом. Невидящие глаза бессмысленно смотрели в камеру, казалось, он не понимает, зачем его посадили за этот стол и что ему необходимо делать. Вдруг, словно очнувшись, он начал скрипящим, срывающимся голосом нести какую-то околесицу про двух генералов, которые, «что один, понимаешь ли, что другой», а потом, запнувшись на полуслове, вывел свою подпись под коротким указом об отстранении Плавского от занимаемой должности Секретаря Совета национальной стабильности страны.

Тишина, на некоторое время воцарившаяся вокруг телевизора, раскололась разноголосьем. Каждый принялся по-своему комментировать увиденное.

Скурашу было неловко, казалось, что все смотрят на него и ехидно ухмыляются. Словно предполагая, что ему, как Петру в ту страшную ночь в Гефсиманском саду, очень хочется втянуть в себя голову и немедленно отречься от человека, на которого только что указали с экрана.

Стараясь сохранять спокойствие, он всё же пошёл в столовую. Есть не хотелось. Взяв дежурные блюда, он уселся за свой обычный столик.

Инга о чём-то беззаботно щебетала с товарками, усердно налегая на десерт. Малюты для неё уже не существовало.

Скурашу стало весело. Было трудно представить, что эта сидящая напротив чужая женщина ещё совсем недавно будила в нём какие-то чувства.

— Вы не откажите старику? — проскрипел рядом знакомый голос, и о стол звякнул поднос.

— Что вы, Иван Данилович, — здороваясь и почему-то краснея, произнёс Малюта.

— Эх, вон оно как обернулось. Что ж поделаешь, на Старой площади паркеты будут поковарнее льда. Поскользнуться и сломать себе шею можно в два счёта. Выше нос, молодой человек, вы со своим прилежанием и внутренним чутьём, я уверен, не пропадёте. Жалко, конечно, что наши дорожки не срослись, очень жалко. Ну да ничего. У вас сейчас, правда, наступает самая коварная для служивого человека пора. Ой, здесь ухо надо держать востро! Межлизень, он пострашнее пресловутой китайской поры перемен будет…

— Извините, Иван Данилович, я не мог иначе поступить…

— Да, я понимаю и ни в чём вас не виню. А может, даже и завидую вашей бесшабашности. Поступи когда-то и я так, сегодня бы спокойнее спал.

— Иван Данилович, а что это — «межлизень»? Я первый раз такое слово слышу.

— Ну и не мудрено, вас ещё тогда и в проекте не было, когда номенклатура родила этот термин, обозначающий самую тяжёлую пору в жизни чиновника. Каких только крушений в это время не происходит! Правда, кому-то и повезти может — на костях ближнего-то иной раз ох как высоко взлетают. Межлизень — это промежуток времени, когда одна, извините, жопа ушла, а другая ещё не пришла, и лизать бедному госслужащему нечего, а язык-то без этого уже не может! Вот тут-то и гляди, как бы чего дурного не лизнул.

Малюту поразило это ёмкое определение, грубо, но весьма точно раскрывающее основной стиль чиновничьей жизни. Главное, оказывается, не сплоховать в межлизень, и тебе обеспечен рост, полагающиеся блага, тихая и сытая пенсия. Не сплоховать! Вон их сколько, с аппетитом жующих и исповедующих эту чиновничью истину. Да только ли они одни исповедуют этот принцип? Ведь по нему жила и продолжает жить вся страна. Страна Вечного Межлизня.

— Ну что, гляжу, я вас озадачил? Вы уж крепитесь… — попрощался старик. Его согнутая временем и чужими тайнами спина растворилась в людской толчее.

В переходе на третьем этаже Малюту поджидал взволнованный Казан. Схватив приятеля за локоть, озираясь по сторонам, он поволок недоумевающего Скураша на лестничную клетку.

— Собирай вещи и дуй домой, ментовскому спецназу отдан приказ, в случае чего открывать по вам огонь без предупреждения. Чтобы бойцов не мучила совесть, до их сведения довели информацию, что все вы бандиты из Приднестровья с руками по локоть в крови, которых с собой притащил Плавский, собравшийся узурпировать власть. Так что вы уже без суда — государственные преступники и приговорены к смертной казни. Остановка за малым — одно неосмотрительное движение с вашей стороны и каюк! Мой тебе совет — не геройствуй, езжай домой.

Уходить Малюта не стал. Он остался с Плавским, которого на виду у десятка телекамер арестовывать не решились, хотя неприметные «ПАЗики» с плотно занавешенными окнами терпеливо ожидали команды «фас».

Как только прощально распахнулись ворота, и уже не служебная, а предоставленная Плавскому кем-то из знакомых машина начала выползать на покатую площадь, серые автобусики начали своё неумолимое движение. Но вдруг вспыхнули десятки осветительных фонарей, толпа вынырнувших из-за угла журналистов во главе с возбуждённо кричащим Брахманиновым спешила к узорчатым чугунным створкам.

— Он, возможно, остановится и даст вам своё последнее интервью, — торопил телевизионщиков Александр. — Давайте быстрее.

Из толпы репортёров, грубо расталкивая окружающих руками, выскочил одетый в коричневую куртку мужик и, не обращая внимания на возмущённые окрики, кинулся к ближайшему из уже выдвинувшихся для броска автобусов. Замахал руками. Ему немедленно открыли дверь. Люди, находившиеся в салоне, зловеще поблескивали изготовленным к применению оружием. С недовольным змеиным шипением закрылась дверь, и «серые» машины, с ненавистью зыркнув на окружающих фарами, демонстративно развернулись и скатились вниз к Варварке.

Плавский остановился буквально на секунду, чтобы пригласить всех в одно из информационных агентств.

— Слава богу, вроде, пронесло, — вытирая с бледного лица пот, вздохнул Брахманинов, оборачиваясь к Скурашу, — кажется, никто и не заметил.

— Кому надо, заметил…

13

Следующий день прошел по сценарию тридцать седьмого года.

На Ильинке у шестого подъезда толпился народ. В здание Совета национальной стабильности пропускали только начальников, всем остальным был объявлен выходной день. Телефоны в кабинетах молчали. Звенящая тишина, как плотный слой пыли, лежала на двух последних этажах хмурой нелюдимой высотки.

Малюта заварил чай и тупо сидел за пустым столом. Его разрывало желание деятельности, хотелось куда-то бежать, звонить, приглашать к себе людей, продолжать начатую работу. Но, рождённый внутри порыв разбивался о холодную стену равнодушия, которое возникало из осознания собственной ненужности. Ощущение смутной тревоги постепенно нарастало в душе.

Никакой следователь, никакие пытки не изводили брошенного в неизвестность человека сильнее, чем эта чёртова круговерть, рождённая внутри себя самого. Наверное, именно так когда-то минута за минутой, час за часом, день за днём изводил себя узник, пока не впадал в полную самоненависть, с готовностью подписывая любую бумагу, чтобы поскорее избавить себя от нестерпимой пытки. Пытки самим собой.

Шёл первый день Межлизня.

Неожиданно зазвонил телефон внутренней связи.

— Малюта Максимович, — казённо прозвучал в трубке незнакомый женский голос, — через пять минут спуститесь в холл, который расположен у кабинета Секретаря Совета. — И телефон снова замолчал.

Они шли друг за другом по нешироким коридорам. Их тяжёлые шаги не могли заглушить толстые ковровые дорожки, и звук глухо ударялся о светлые стены.

В основном здании молчаливую колонну разделили на три группы и стали запускать по одному в бывший кабинет члена Политбюро Лазаря Моисеевича Кагановича.

Ко всякому выходящему из заветных дверей, как к обладателю некоего сакрального опыта, обращались вопрошающие взоры ожидающих, но никто из них не произносил ни звука, все помалкивали, ибо каждый хотел остаться и состариться здесь, на Старой площади, каждый осторожно, как в холодную мутную воду, входил в свой Межлизень.

Вызова Малюта дожидаться не стал. Исподлобья глянув на капитана с васильковыми петлицами, он медленно пошёл в свой кабинет, постоял немного, затем надел куртку и, оставив ключ в двери, вышел на улицу.

Мимо струилась, повинуясь своим законам, столичная жизнь, которой не было дела ни до «межлизня», ни до «Белого легиона», ни до Плавского, ни до Малюты, ни до президента, и пропади вдруг они сейчас все, растворись в бесцветном воздухе октября — никто бы этого, скорее всего, даже и не заметил…

Часть вторая

ТЕНЬ ГОБЛИНА

1

Весенние заморозки с ночными снегопадами в предгорьях Саян — дело обычное даже в апреле. Малюта, не зная дороги, вел машину осторожно. Со стороны казалось, будто большая горбатая «тойота», с недоверием пробуя на ощупь передними колёсами примороженные за ночь и предательски запорошенные снегом промоины, ступала на них и, кроша лёд, обдавая белые обочины мерзкой ледяной жижей, недовольно урча, медленно продвигалась по горному серпантину. Поднявшись на небольшой перевал, Малюта увидел злополучную ЛЭП. Металлические опоры, похожие на уродливые кресты, с которых ночной ветер только что посдирал тела распятых, пересекали дорогу, сбегали вниз и, исчезнув за ближайшей сопкой, выныривали где-то далеко впереди темными тощими вешками. Провода, натянутые холодом, тонкими, серыми линиями наискосок перечеркивали и дорогу, и косогоры, и весь белый свет, замкнутый в этом диковатом нагорье.

«Просто какая-то долина одичавших духов, — подумал Малюта, — и надо же было генералу прожить такую сложную и несуразную жизнь, чтобы обрести забвение среди этих нелюдимых, начисто лишенных растительности и близости жилья каменных холмов».

Машина вслед за дорогой словно нехотя скатилась вниз, обогнула гору и, прижавшись к обочине, затормозила. Человек за рулём сидел молча, уткнувшись лицом в ладони и боясь повер-

нуть голову вправо, где невдалеке на покатом склоне возвышался большой деревянный крест.

«Ну и зачем ты сюда притащился? Зачем гнал почти двое суток машину, придумывая себе разные причины и оправдания этого абсолютно лишённого логики поступка. Ты ведь после похорон даже в Москве на его могиле ни разу не был! А сюда-то зачем сорвался?»

Сколько ни старался, Малюта так и не смог ответить себе на мучительный вопрос. Но что-то непонятное, неистребимое, как зов крови, шесть долгих лет тянуло его сюда, в эти выстуженные ветрами горы, к этому страшному месту, где оборвалась жизнь его бывшего кумира, который, как и подобает деспоту, не пожелал уходить в иные миры в одиночку и прихватил с собой ещё с полтора десятка верных и преданных ему людей, среди которых, по всем раскладам, должен был быть, и лишь по чистой случайности не оказался, и сам Малюта. Когда случилась эта беда, в далёкой маминой квартирке раздавались звонки, какие-то незнакомые люди выражали соболезнования, мама, пугаясь, бросалась к телефону, а дозвонившись и услышав его сонный голос, молча клала трубку, крестилась и шла в кухню за валосердином.

Не случись тогда, за год до трагедии, того скандала с законодательным собранием края, он, как и всегда, сел бы в вертолёт напротив губернатора и, скорее всего, разделил бы его участь. Однако жизненные дороги это одно, стежки судьбы — совсем другая материя, а здесь так совпало, что и земные, и небесные их пути разошлись, а время и работа быстро перемели их заносами взаимных обид и отчуждения.

А тогда, весной двухтысячного года, казалось бы, на ровном месте грянула настоящая гроза. Еще не завершилась затянувшаяся война за Есейский металлургический комбинат, главный смутьян и по совместительству народный депутат, томился в следственном изоляторе с поэтическим названием «Белый лебедь», заксобрание края металось, как хитромудрая девица, желающая и рыбку съесть и, как говорится, на липку влезть. Вот тогда в Есейск и приехали столичные журналисты, которым Малюта, комментируя сложившуюся ситуацию, и охарактеризовал местный законодательный орган как «зоопарк партийных идей», а народные избранники, как и подобает глуховатым, но нахрапистым, единодушно заголосили на все лады: «Да что же это такое делается, люди честные да бесчестные? Вы же все слышали, как нас только что оскорбил московский чиновник, чужой и пришлый в

наших местах человек! Ату его, ату! Вы только вдумайтесь, сограждане! Он назвал всенародно избранную власть зоопарком! Зоопарком, то есть зверинцем, а мы, ваши верные слуги, обрели в его устах статус зверья! Доколе же мы всё это терпеть будем? Вон его, вон!» И пошла писать губерния! И полетели письма-доносы в самые высокие инстанции. И даже до самого только что избранного гаранта пытались достучаться, дабы известить о таких безобразиях. Благо, Малюта возглавлял областной избирательный штаб нового президента и недавно был им лично обласкан и награждён похвальным листом, так что всё обошлось. Он не первый год в Есейске «царевым оком» сидит, и уж, наверное, знает, кто и чего там стоит и кого как следует характеризовать. Однако, учитывая появление федеральных округов и известную говнистость народных избранников, губернию ему всё же лучше сменить. И от пошедшего в разнос Плавского подальше, и избранцы успокоятся. Таким был всевысочайший вердикт президентской канцелярии.

Малюта, не без горечи уехал в соседнюю область, перевёз семью, начал помалу отлаживать сложную бюрократическую систему сдержек и противовесов, когда-то изобретённую предыдущим российским президентом. Хотя вряд ли тот был в состоянии придумать хоть что-то путное самостоятельно, скорее всего ретивые помощники, видя дикий разгул суверенизации и полное отсутствие у бывшего обкомовца государственной воли, наскоро сляпали институт областных полпредств, наделив его функциями комиссаров Троцкого, уполномоченных Дзержинского и всесилием первых секретарей обкомов недавно разбежавшейся партии. Создать создали, но сразу же испугались: «А вдруг как отвяжутся царевы опричники, да слишком на себя одеяло потянут? Или того хуже — на сторону губернаторов переметнутся, а те всё больше и больше свобод да суверенитетов потребуют? Что тогда будет, кому отвечать?» И понеслась кривая в щавель — реорганизация за реорганизацией, куратор на кураторе, выволочка за выволочкой. Довели всё, как всегда, до полного абсурда. Высший чиновник, назначаемый на должность первым лицом государства, был фактически оттеснен от этого самого лица и де-факто подчинялся мелкому клерку из аврально созданного управления.

Но всё это было так давно и столько всего изменилось, что и подумать страшно. Всё в прошлом, а сейчас только обледенелая дорога, дикие горы и смутные, рвущие душу мысли…

Малюта убрал от лица ладони и, щурясь от только что выглянувшего откуда-то сбоку солнца, взглянул на крест. Отполированная до восковой желтизны древесина, местами покрытая ледяной коркой, переливалась разноцветными бликами. Весь склон у подножья этого незамысловатого символа жизни и смерти был словно кем-то старательно перекопан. Ночной снегопад слегка припорошил многочисленные бугорки и ямки.

«Что за чертовщина?..» — Малюта опустил тонированное стекло и поправил очки. Оказалось, что весь огромный косогор был уставлен сотнями занесённых ночной метелью венков и корзин с цветами. Из-под снега то там, то здесь проступали, как кровавые пятна на госпитальных бинтах, непокорные гвоздики, пунцовые от скорби розы, репейникоподобные разнокалиберные георгины и еще какие-то неестественно огромные не то маки, не то застывшие, будто стеариновые, тюльпаны. Дужки корзин, лапник венков, всевозможные подпорки, опрокинутые и растерзанные ветром, словно руки погибших солдат в белых маскхалатах, тянулись к кресту, к небу или просто торчали куда-то в сторону, являя собой протяжную, тоскливую картину.

«Наверное, это наши наивные мечты, несбывшиеся помыслы, почти юношеские порывы и нереализованные надежды собрались сюда со всех концов тихо умирающей русской земли, чтобы принять последний бой и погибнуть вместе со своим непутёвым командиром. Что за белиберда лезет тебе в голову?» — Малюта вылез из машины, выгреб с заднего сиденья большую охапку чуть подвявших за долгую дорогу гвоздик и, стараясь ступать осторожно, обходя знаки чужого уважения, медленно побрёл к месту падения вертолета, обозначенного искрящимся крестом...

2

После разгона непокорного Совета национальной стабильности и отставки Плавского, Малюта Максимович Скураш не стал ни на кого доносить ради сохранения собственной должности, как ни просил его об этом, сначала по-дружески, а потом и без стеснения стращая всяческими бедами, Иван Петрович Моргалкин — внук великого десантника, отцу которого Плавский, восстанавливая историческую справедливость, выбил звание ге-

роя России лет через десять после совершенного подвига. Только внук, к сожалению, вышел — ни в деда, ни в отца. Так, чертополох какой-то. Полизаблюдничал одно время на Старой площади, ничем себя особым не проявил. Однако кое-какие связи наработал и, подхваченный одной из близких к трону финансовой группой, очутился в сенаторском кресле, где и поныне просиживает штаны, свято соблюдая интересы своих хозяев.

Одним словом, после непродолжительной беседы в кадровом органе, затолкали Скураша в положенный годичный отстой без сохранения денежного довольствия, но корку с росписью всесильного в то время Чабейса почему-то оставили, забыли, скорее всего.

К своему изгнанию из касты неприкасаемых Малюта отнёсся философски, а жена и вовсе радовалась, мужа дома чаще видела. Памятуя цитату из белорусского классика: «Панства з ранку ня ймеў, не чакай пад вечар...», он не без удовольствия вернулся к своему привычному состоянию «вольного стрелка». Профессии этой не найти ни в одном справочнике, но она существует и процветает, возможно, под другими названиями, однако суть её остаётся неизменной — в частном порядке и за приличные гонорары оказывать услуги все же той же верхушке государственных управленцев. Как-нибудь на досуге понаблюдайте за поведением больших государственных мужей, от сановного рыка которых так много зависит в нашей жизни, и вы обязательно обратите внимание на странных людей, вольно слоняющихся по залу во время важных совещаний, передающих председательствующему некие записки, а то и впрямую шушукающихся с сановным начальством. Шепнул такой человек что-то в высочайшее ушко, и совещание пошло совсем по другому руслу. Вот это и есть «стрелок», или даже «бригадир стрелков», негласного коллектива приватных экспертов и советников, фамилий которых нет ни в каких штатно-должностных расписаниях. Люди эти сродни литературным «неграм», а именно тем, которые тоннами кропают за разномастных Бурининых — Осининых их ходовую макулатуру. Правда, в отличие от последних, эти мудрецы огребают неплохие деньги и официально трудятся в различных научно-исследовательских институтах, хитромудрых гуманитарных фондах, на счетах которых оседает немалая часть довольно серьёзного в последнее время отечественного бюджета. И всё чин-чинарём, ни один прокурор носа не подточит. Да и что ему точить, когда у генерального своих внештатных советчиков целая орава.

Малюта ни в какую контору не пошёл, да и не взяли бы его после того переполоха в Совете, а работал так, в одиночку, добывая, где удавалось, на хлеб и масло, благо, связи и знакомства имеют особенность исчезать только вместе с человеком.

Однажды в тихом московском кафе Скураш лениво тянул свой капучино и дожидался клиента, который заказал ему некую нелицеприятную статейку для одного популярного глянцевого журнала. В зале было тихо, немноголюдно, приглушенный свет мягко скользил по обитым тёмными деревянными панелями стенам.

— Малюта, ты что ли? Неужели снизошёл до простого люда и решил спуститься на грешную землю? — Прямо от входа, широко распахнув для объятий руки, к его столику двигался высоченный широкоплечий мужчина кавказской наружности с копной черных непослушных волос.

— Геворк, сукин ты сын! — радостно поднялся ему навстречу Скураш.

— Ара, у вас, русских, как чурка, так сразу и сукин сын! Своей мамы я сын, она, кстати, недавно о тебе спрашивала. Ну, здорово, дружище! — и он сгрёб Малюту своими крепкими ручищами.

— Привет, брат, садись ко мне, такую встречу грешно не отметить! Слушай, да мы с тобой целую вечность не виделись, так как-то на звонках держимся и всё...

— Не встречались, дружище, не встречались, — пытливо вглядываясь в лицо друга и стараясь распознать, насколько тот изменился за эти годы, произнёс кавказец. — С тех пор, как из горящего Баку уехали. Только за то, что тогда моей семье помог от резни уйти, я тебе до гроба обязан буду...

— Да, брось ты, Геворк, обошлось всё и, слава Богу. Не столько меня благодарить надо, я же тебе говорил, сколько твоего соседа, азербайджанца, забыл, как его звали...

— Мурад...

— Вот если бы этот Мурад твоих у себя в квартире не спрятал, я бы со своей группой опоздал...

— А знаешь, через неделю убили ведь Мурада, свои же на заборе распяли, уроды. Какая-то сука настучала, что армян прятал, — кавказец горестно махнул рукой и, скинув с могучих плеч коричневую вельветовую куртку, уселся за столик напротив старого друга.

— Всё, давай завязывать о грустном, почти восемь лет не виделись... Кофе будешь? — И Скураш махнул рукой официантке.

— Добрый день. Малюта Максимович, а я к вам... — у столика нарисовалась худощавая девица в короткой кожаной юбке и забранными высоко вверх волосами.

— Да что вы говорите? Какая приятная неожиданность, — с усмешкой отозвался Скураш и указал рукой на стул. — Присаживайтесь, пожалуйста. А это мой старинный приятель, сын гордого Арцаха, Геворк Амирян...

— Ну что же, Малюта, — состроив улыбку незнакомке и явно пряча досаду, засобирался Геворк, — я тут пойду, погуляю пока. Знаешь, посмотрю там всякие подарки-шмодарки ...

— Да не стоит вам никуда уходить, я буквально на минуточку. Вот только, — она многозначительно подмигнула Скурашу, — мы с Малютой Максимовичем обменяемся, так сказать, информацией...

— Ну да. А может, и телефончиками, — в тон ей подхватил Малюта...

— А вот таких указаний мне Ефим Шамалович не давал, а сама я на столь кардинальный шаг пойти никак не могу. Знаете ли, дом, муж, хоть и чужой, но всё же муж, морока с вами, мужиками, одним словом. Вот это вам от шефа, — девушка, щелкнув замком изящной дамской сумочки, извлекла коричневый канцелярский конверт и ловко задвинула его под лежащую на краю стола газету.

— Ребята, а вы часом не шпионы? — шёпотом, заговорчески глянув по сторонам, произнес Геворк.

— Хуже, брат, хуже, — убирая газету вместе с конвертом в свою сумку, с усмешкой кивнул Малюта. — Мы как тот дух святой — не видать никого, а детей полон двор. А вот это передайте Фиме, — он пододвинул женщине флэшку, похожую на забавный детский брелок.

— Спасибо, Малюта Максимович. И извините уж, что прервала ваш вечер воспоминаний. С удовольствием бы с вами кофейку хлебнула, да бежать надо. Шеф недоенный, мычать за опоздание будет.

— Да уж, это точно. Ефим, если замычит, мало не покажется. Привет ему и до скорого, второй материал будет готов через недельку. — Мужчины, чуть привстав, раскланялись с симпатичным курьером.

— Хорошенькая девчонка, вечно ты спешишь, — глядя ей вслед и слегка причмокивая языком, произнес Геворк. — Ни себе, ни другу...

— Нет уж, от Ефимовых девиц пусть нас берегут все угодники. Это, знаешь, такой гибрид акулы с пиявкой...

— Ай-яй-яй, и давно ты пиявок бояться начал? Пиявку, дорогой, главное, к правильному месту присосать...

— И глазом моргнуть не успеешь, как из тебя высосут всё: и деньги, и информацию, и репутацию. И фотоотчет Ефиму на стол положат, тоже, кстати, не за просто так. Да ну их, этих девок, их вон только свистни! Давай лучше рассказывай, как ты, где ты?

— Погоди, про меня после, у меня всё нормально. Я сейчас с Туркмен-баши новую экономику с опорой на собственную дурь строю, а у тебя-то как? Вы что там с Плавским и в самом деле переворот готовили? Это же надо, молодцы какие! Когда скандал с этим «Белым легионом» раскручиваться начал, мне многие наши звонили, телефон твой спрашивали, записаться хотели. Плавского, конечно, жалко, крепкий мужик, но я думаю, он еще выплывет! Давай повествуй! — и, запустив пятерню в свои жёсткие чёрные кудри, Геворк откинулся на спинку стула.

— Знаешь, столько всего произошло, что сразу и не расскажешь. Конечно, никто никакие перевороты не готовил, хотя, может, и надо было. Там, — Малюта ткнул пальцем вверх, — суеты не терпят, новаций не признают, а к романтикам относятся, как душевнобольным. Слава Богу, всё быстро кончилось...

— В каком смысле кончилось? — повёл Амирян могучими плечами.

— Да в прямом. После отставки шефа вымели весь его призыв из Совета поганой метлой. Так что, солнечный Геворк Мовсесович, перед тобой сидит обычный военный пенсионер с денежным содержанием три с половиной тысячи рублей в месяц, не брезгующий никаким заработком, в чём ты только что имел честь убедиться. Но на жизнь свою босяцкую я не жалуюсь. Вот разве что обедов, сытных да дешёвых, жаль, немного, а главное, ежемесячных книжных каталогов. Красота — отметил нужную литературу, и её тебе доставили! — Малюта с сожалением вздохнул. — Ну да ничего, обойдёмся, впредь будем личную библиотеку пополнять в общем порядке, как и все читающие россияне, а на вкусную еду зарабатывать горьким потом, а не сладким протиранием штанов в овеянных легендами кабинетах. Вот такие пироги, интересного мало. — Слушай, вдруг встрепенулся Скураш, хлопнув себя по лбу. — Вот башка садовая! Что же мы здесь с тобой торчим, как командировочные какие-то! Поехали ко мне. Катька рада будет, она с твоей Ларой почти каждую не-

делю на телефоне зависает. Вот молодцы бабы, то варенье варят, то шмотки обсуждают…

— Нет, дружище, гости-шмости — это в следующий раз. Я ведь в Москве буквально на день. Готовим высочайший визит, сегодня вечером в Ашхабад лететь. Так что извини, у нас с дисциплиной строго. Слушай, у меня тут одна мысль возникла, — Амирян поднялся со стула, потом снова сел и придвинулся ближе к Скурашу. — Короче, есть у меня к тебе одно предложение — поезжай-ка ты со мной. — Да-да, не удивляйся, — тряхнул он головой, заметив поползшие вверх брови Малюты. — К вечеру я всё решу. Оргач ты классный, да и имиджмейкер не последний, а у нас с имиджем, особенно международным, сам понимаешь? Поехали, а? И денег заработаешь, и Кара-Кумы свои любимые увидишь. Они ж тебе нравились когда-то. Помнишь сероводородные пещеры? А наш тренировочный лагерь в горах? — Геворк похлопал по карманам висящей на спинке стула куртки в поисках сигарет.

Скураш отодвинул чашку и нахмурился.

— Да уж. Разве такое забудешь? Не только пещеры и пустыню вспоминаю, я и Гулю помню, царство ей небесное...

— Ладно, договорились вроде, что о грустном сегодня не будем, — щёлкнув зажигалкой, сказал Геворк. — Ну так что, решился? Тогда давай-ка мне свой паспорт, да я побегу. Катьку беру на себя, ты же знаешь, кого-кого, а женщин армяне уговаривать умеют.

Скураш поскрёб рукой слегка заросшую щетиной щеку.

— А знаешь, может, правда? Где только авантюристы не пропадали! В конце концов, Туркмен-баши так Туркмен-баши! Почему бы не слетать?

— Вот это друг, я понимаю! — сверкнул белозубой улыбкой Амирян.

Сборы были недолгие. Катерина, привыкшая к частым отлучкам мужа, особенно и не протестовала, а, принимая во внимание не лучшее состояние семейного бюджета и зная от Лары, что последнее время Геворк зарабатывает неплохие деньги, даже обрадовалась. В теперешние волчьи времена жить без заначки страшновато стало. Да и Малюте надо было на время вырваться из Москвы, сменить обстановку и отвлечься от своих тяжёлых мыслей.

Спецрейсы отправляются всегда без задержек. Крепко пить начали еще в ВИП-зале. Но это были только цветочки, Домодедово — земля чужая, а люди Азии на чужбине сдержанны. Мало ли

что? Однако стоило только шасси оторваться от земли, высокие гости почувствовали себя дома и расслабились окончательно.

Стараясь не терять нить разговора, Скураш исподтишка с интересом осматривал необычное внутреннее убранство лайнера. Он был богато украшен настоящими туркменскими коврами, явно ручной работы, и портретами Сапармурада Ниязова. Священный лик был всюду: в кабине пилотов, на двери помещения для стюардесс, во всех салонах самолета, на обложках журналов и рекламных проспектов, разложенных в креслах. Создавалось впечатление незримого присутствия этого великого человека. Магия наглядной агитации, что в церкви, что в былые времена во дворцах культуры, что в этом буравившем пространство летательном аппарате, делала свое вечное дело: Вождь, как и Бог, был всюду, даже внутри тебя, особенно на нетрезвую голову, создавалось впечатление, что он всё видит, слышит и за всё с тебя взыщет.

— Запомните, уважаемый Малюта Максимович, отхлебывая из пиалы ароматный «Хенесси», поучал секретарь Национального Совета безопасности Бектмен Бишиев, — современная Туркмения — это страна девственной нравственности и абсолютной трезвости. Гением Туркмен-баши мы в ближайшее время по основным показателям превзойдем Россию, а затем и Америку. И это не пустые слова, это абсолютно взвешенное заявление государственного человека. Дайте нам время, и арабы со своими эмиратами будут отдыхать. Для этого у нас есть все возможности. Я рад, что вы с нами. Тихо, товарищи! Предоставим слово новому члену нашей команды, и вообще, я бы посоветовал всем, каждому по своей линии, присмотреться к этому достойному человеку. Прошу вас, господин Скураш.

Малюта понимал, что от этого тоста может зависеть многое. Так уж устроена чиновничья жизнь, что порою одна удачная пьянка даёт больше результатов, чем недели кропотливой работы.

— Большое спасибо, уважаемый Бектмен Абишевич, за возможность поднять эту благодатную пиалу в кругу столь уважаемых людей. Не скрою, я волнуюсь, и по мере того, как этот небесный скакун делается всё ближе и ближе к дорогой моему сердцу Туркмении — стране моей армейской юности, моей первой любви и горечи её трагической потери, сердце моё стучит всё сильнее и сильнее. Но не только образы далёкого прошлого переполняют меня, конечно же, больше всего меня волнует предстоящая встреча с руководителем вашего государства, который своей волей в труднейшее время сплотил нацию, повёл за собой

и добился настоящих, а не мифических, результатов. Мудрость и сила великого человека лежит в его родном народе, верными сыновьями которого являются все здесь присутствующие. Давайте же выпьем за великий туркменский народ, который так беззаветно любит своего Туркмен-баши.

Тостом новые знакомые, похоже, остались довольны. Геворк, правда, потом съязвил, дескать, смотри, чтоб тебя от ревности к великому не зарезали прямо у трапа самолета.

Время полёта пролетело быстро, даже подремать успели, так что по прибытии в аэропорт все выглядели бодрыми и свежими, как хрустящие огурчики, и если бы не слегка помятые физиономии, можно было бы считать, что никакой пьянки и не было. Правда, люди, казалось бы, еще совсем недавно сплочённые общим застольем, поглядывали друг на друга с лёгкой опаской, на всякий случай, пытаясь дотошно вспомнить, кто что говорил в самолёте и не ляпнул ли, не дай бог, чего лишнего, как-то быстро и незаметно рассосались по своим машинам. Малюта знал на своём опыте, что после подобных попоек всегда остаётся тревожное чувство дискомфорта и извечных сомнений, правильно ли ты был понят, так ли истолкована любая шутка или намек? Так что первая половина рабочего дня у его недавних собутыльников, а ныне державного люда, пройдёт не только в борьбе с головной болью и мучительной жаждой, но и в терзаниях, что называется, душевного порядка. Однако работа, всепоглощающая, выматывающая и высасывающая внутренности госпожа Работа, постепенно загоняет все тревожные сомнения куда-то глубоко, где они, постепенно накапливаясь, будут делать своё страшное дело, чтобы однажды выплеснуться инфарктом или, того хуже, инсультом, этими неизменными спутниками карьерного роста ответственных работников.

Скураш сразу увидел, что Ашхабад, особенно его центральная часть, преобразился до неузнаваемости. Из вечно пыльной и грязной колониальной провинции он превратился в цветущий, яркий, ухоженный город, настоящую восточную сказку. Новые дома, широкие проспекты, отливающие стеклом офисных зданий, фонтаны, парки, скверы и многочисленные памятники главному туркмену и его родителям, никак не желали сочетаться в Малютиной голове с картинками прошлого. Выдраенный, несмотря на весну, до аспидного блеска асфальт, по-европейски уютно шуршал под колёсами машин. Лёгкий утренний туман

и тёплый румянец восходящего солнца придавали городу какую-то загадочность и особую весомость. Геворк всё время что-то говорил, показывая руками то направо, то налево. До Малюты долетали только отдельные обрывки фраз, про посольства, банки, позорное бегство Сороса и исламских фундаменталистов, ещё что-то, но он никак не мог сосредоточиться…

Малюта был в далёком прошлом.

После трёх суток блуждания по взбесившимся Кара-Кумам они, начинающие спецназовцы, иссеченные песком, иссушенные солнцем, выдубленные ночными холодами, харкающие кварцевой пылью, от которой не спасали никакие повязки, наконец добрались до невысоких гор и, перевалив через них, очутились на берегу Каспия. Солёная вода приносила облегчение только в море, стоило выбраться на берег, как тело под палящим солнцем моментально покрывалось мелкими кристаллами соляной измороси и становилось похожим на пересоленную старую воблу. Надо было искать пресную воду. На востоке всегда вода прячется от постороннего взора. В песках её найти практически невозможно, разве только сам подземный поток выплеснется скудным ручейком на каменистое ложе, соберётся небольшое озерцо, более похожее на обычную большую лужу; вырастут по берегам изогнутые ветрами и жарой деревца со скудной листвой, жестколистный кустарник с острыми иглами колючек преградит путь песку, и едва живая трава, с какими-то усиками и лапками-корешками, начнёт упрямо карабкаться по камням. Рядом с оазисом люди ещё с незапамятных времён копали колодцы. Места эти считались священными, и убийство в оазисе, как и любое другое преступление, считалось у местных жителей величайшим святотатством.

В горах с водой дело обстояло проще, конечно, если это не каменистые пустыни. Здесь, прежде всего, следовало отыскать горную расщелину с более обильной, чем окрест, растительностью и искать на дне мелкую гальку, как первичный признак того, что когда-то здесь была вода. И если вам повезёт, то через пять минут работы малой сапёрной лопатой неглубокая яма начинала заполняться вожделенной влагой, но её могло хватить лишь на то, чтобы утолить жажду да слегка ополоснуть лицо.

Натянув на голое тело продубленный потом комбез и сунув ноги в раскалённые ботинки, Малюта побрел по склону к зарослям сизого кустарника. Через метров пятьдесят под нога-

ми запетляла едва заметная тропка. «Так, значит мы на верном пути!» — подумал Скураш и ускорил шаг. Просто так тропы в горах не рождаются, здесь тропа явно не звериная, а именно человечья дорога, извиваясь, карабкается вверх. Вскорости, взобравшись на небольшой каменистый гребень, он увидел прямо перед собой внизу красивый горный источник, уютно спрятавшийся в крошечной котловине среди раскалённых от солнца гор. Деревья и кусты с чахлыми зелёными листьями, как будто изнурённые жаждой кочевники, нестройно толпились у самой воды. Он обернулся назад, чтобы позвать остальных и, к удивлению, заметил, что ушел довольно далеко. Ребята уже успели растянуть тент и, выставив охрану, устраивались на отдых. «Да и ладно, — подумал Скураш, осторожно спускаясь к вожделенной влаге. — Хоть спокойно выкупаюсь в чистой воде».

Очутившись на берегу, он с любопытством принялся рассматривать диковинный водоём. В местностях, где воды с избытком, как-то и в голову не приходит разгадывать хитрую механику образования источника, в пустыне же, где само слово «вода» звучит как волшебное заклинание, любая лужица вызывает чувство неописуемого восторга. Малюта, осторожно ступая, обходил это нерукотворное чудо природы. Воды было много. Она вытекала мощным потоком из-за огромной серой скалы, наполняла глубокий естественный бассейн и с шумом устремлялась вниз. Однако жара и разъедающая кожу соль заставили его прервать свои изыскания. Он быстро разделся, набрал полные лёгкие воздуха и, уже предвкушая погружение в блаженную прохладу, изготовился к прыжку, как услышал громкий женский окрик:

— Здесь нельзя купаться! Это питьевая вода!

Скураш замер. «Хорошо хоть трусы не снял», — подумал он и лихорадочно зашарил глазами вокруг. Тоненькая черноволосая девушка стояла на выступе скалы, из-за которой вытекал источник.

— И кто же её, интересно, здесь пьёт? — Малюта с любопытством разглядывал очаровательную юную аборигенку. На девушке был синий закрытый купальник, непростительная смелость для здешних мест.

— Люди пьют. Это один из самых больших естественных источников воды на этом берегу Каспия. Вода по трубопроводу спускается далеко вниз, почти до самого города. Трубы старинные, из плотного камня, так что вода особенно не нагревается и не теряет своего особого вкуса. А если вы хотите искупаться, то надо обойти Аржан-Су слева, там небольшой водопад и «овечьи ванны».

Натягивать комбинезон на липкое тело было неохота, поэтому, постучав на всякий случай ботинками о камень и убедившись, что их за время короткого разговора с незнакомкой не облюбовали под жильё шустрые скорпионы или ещё какая-нибудь пустынная нечисть, он обулся и поспешил в указанном направлении.

Так в его жизнь вошла Гуля, гордое и чуткое создание, чьё тело источало запах сушёного миндаля, а ладошки аромат спелого граната.

А потом был год сумасшедших писем. Эти письма в большой, перевязанной шпагатом, коробке до сих пор хранятся у него где-то на антресолях. Ну а дальше, дальше было падение в бездну — её молчание, его бесконечные звонки, незнакомая речь, наконец в трубке хриплый голос её отца: «Не звони сюда больше, слышишь... Не уберёг я твою невесту, офицер... Нет больше Гули, убили Гулю…»

— Эй, дружище, мы приехали! Да ты спишь что ли? — С обидой тряс его Амирян. — Я ему тут соловьём заливаюсь, а он спит, как тарбаган!

— Прости, Геворк, прости, брат! Что-то на меня нахлынуло, такое чувство, будто вчера всё было...

— Да нет, это ты уж меня прости, я и забыл совсем. Прости. Давай так, ты пока отдыхай, можешь по городу побродить, к вечеру всё с тобой прояснится. Я на связи. Только не пей больше. Вызвать могут в любую минуту. И никаких крамольных комментариев на тему того, что видишь и слышишь, — перейдя на шепот, продолжил Геворк, — не только вслух, но даже и мыслить о подобном не вздумай. Ни на минуту не забывай — ты в очень свободной стране. Ну, вроде, всё.

Высочайшая аудиенция была назначена через два дня. В городе стояла ужасная жара, и всё это время Скураш промаялся в номере, к счастью оказавшемся вполне приличным, со всеми удобствами, а главное, оснащённым кондиционером. Утром Малюта тщательно побрился, позавтракал и, облачившись в костюм, придирчиво осмотрел себя в зеркале.

Дворец отца всех туркмен, построенный французами, вздымался причудливой громадой на пустынной площади, обнесённой высоким ажурным забором, за которым не было видно ни деревца, ни человека. Внимательно изучив Малютин паспорт, привратник сделал звонок, после чего запор щёлкнул, и кованая створка отползла влево.

— Проходите! — возвестил металлический голос из скрытого динамика.

Малюта сделал три шага внутрь запретного круга.

— Остановитесь и ждите. За вами придут, — приказал голос.

«Любопытные порядки! — подумал Скураш.

Ждать пришлось довольно долго. Солнце было почти в зените и, не взирая на раннюю весну, здорово припекало. Малюта решил снять куртку, струйки пота уже противно струились по позвоночнику.

— Без предварительного осмотра верхнюю одежду снимать запрещено, — пролязгало железное говорило.

Памятуя наставление друга о том, что с охраной пререкаться себе дороже, он принялся внимательно рассматривать затейливую ковку решёток, изящество которых превосходило и питерские и парижские аналоги. На его счастье, по дорожке к КПП уже неспешно двигался какой-то человек. Снова заглянув в документы и убедившись, что перед ним находится именно он, Скураш Малюта Максимович, прибывший наконец предложил взмокшему посетителю проследовать во дворец. После того, как Малюта разделся в гардеробе, его осмотрели с помощью рамки, затем тщательно обыскали и изъяли всё металлическое: ключи, телефон, часы, и даже блокнот с авторучкой.

— Блокнот и ручка мне могут понадобиться, наверняка придётся что-то записывать, — начал было Скураш.

— У вас будет такая возможность, — последовал лаконичный ответ.

Далее его повёл другой поводырь, как две капли похожий на прежнего. Система движения осталась той же — Малюта впереди, а чуть сзади сопровождающий, отдающий команды: «Поднимаемся по лестнице!», «Поворачиваем налево!», «Стоим!»

Наконец, они добрались до огромной комнаты, которая настолько поражала своей роскошью, что приёмной её назвать можно было весьма условно.

— Уважаемый Малюта Максимович, я — помощник президента. Вам придётся немного подождать, а пока, так как вы человек у нас новый, позвольте мне объяснить вам некоторые особенности нашего восточного этикета, вы уж не обижайтесь, он здесь свой, во многом отличный от европейского. Своя, так сказать, специфика во всём, и в большом, и в малом. В зал для официальных приёмов вас будет сопровождать высокопоставленный сотрудник администрации, который вас представит президенту

и, в случае необходимости, сможет помочь в затруднительных ситуациях. Приветствовать президента у нас принято глубоким поклоном. Во время аудиенции смотреть только на президента. На вопросы, если вам их зададут, отвечать кратко и односложно. По окончании приёма также молча глубоко поклониться и, не поворачиваясь к президенту спиной, удалиться. Ну вот, пожалуй, и всё. Волноваться не следует, я уверен, всё будет хорошо.

Снова подошли сотрудники охраны с ручными металлодетекторами, Малюту еще раз тщательно обыскали и провели в соседнюю комнату, уже меньших размеров. Как ни странно, чем ближе он продвигался к тронному залу, так про себя Скураш окрестил зал приёмов, тем сильнее он начинал волноваться. Может, ему передалась наэлектризованность окружающих, возможно, причиной тому была нервотрёпка из-за долгого ожидания этой встречи. Но он волновался, как тянущий на красный диплом курсант-выпускник перед госэкзаменом.

— Здравствуйте, я ваш сопровождающий, — тронув Малюту за плечо, произнёс полноватый, средних лет мужчина с сильным азиатским акцентом. — Через несколько минут вы удостоитесь большой чести общаться с одним из величайших людей мира. Я буду идти немного впереди вас, подойду к президенту, поцелую ему руку, передам ваше резюме, назову ваше имя, отчество и фамилию.

— Извините, а мне тоже надо будет целовать президенту руку? — растеряно спросил Малюта.

— Ни в коем случае! Этот древний восточный ритуал существует только для избранных, для людей, приближённых властелину. Ведь только своя собака лижет руку хозяина. — Малюту поразило, с какой гордостью и достоинством были произнесены эти слова. Без сомнения этот стареющий человек искренне верил в то, что говорил, и гордился этим. «Господи, неужели и мы доживём до такого?» — Скураша потянуло перекреститься.

— Всё, заходим!

Малюта не ошибся, это действительно был самый настоящий тронный зал. Большая продолговатая комната с высоченными потолками, слева длинный стол для совещаний, напротив входа на довольно-таки высоком помосте стоял резной стол, за которым на золочёном кресле сидел отец всех туркмен. По мере того, как они подходили к этому столу, Малюте начало казаться, что человек, сидящий за ним, становится всё больше, а он сам превращается в некоего лилипута. Когда до помоста осталось шага три, сопровождающий, не поворачивая головы, шёпотом

произнёс: — Вам стоять! — а сам проворно поднялся по двум ступенькам, произвёл упомянутый ранее ритуал, то бишь, припал на одно колено, смиренно поцеловал высочайшую руку и громко произнёс:

— Скураш Малюта Максимович, прибыл служить Вам и великой Туркмении.

Туркмен-баши излучал свет, который словно лился из его лба и сверкал в многочисленных гранях алмазных перстней, унизывающих его пальцы.

— Кланяйтесь, кланяйтесь, — прошипел стоящий сзади поводырь.

Малюта глубоко поклонился и, припомнив инструктаж, уставился прямо в лицо Туркмен-баши.

— Славное имя Малюта, — глядя поверх его головы, произнёс хозяин страны, затем, не глядя на визитёра, обратился к кому-то невидимому, — а этот Малюта хороший человек?

— Хороший, Туркмен-баши, хороший! — прозвучал откуда-то сверху мелодичный голос.

«Господи! Чертовщина какая-то, будто ему сам Аллах отвечает», — пронеслось в голове у Скураша.

— Ты слышал, что о тебе говорят? — по-прежнему не глядя на него, произнёс автор великой Рухнамы. — Раз хороший, иди и работай. Только помни, что для плохих людей у нас в Кара-Кумах песка еще много осталось.

Малюта стоял, как парализованный.

— Кланяйтесь и отходите, отходите, — прошипели сзади.

Так пятясь и кланяясь, как китайские болванчики, они покинули зал.

Помня инструкции Геворка, Малюта поблагодарил всех за оказанное содействие, пообещал не забывать до гробовой доски их доброту и заботу, благодаря которым он сподобился видеть величайшего из земных жителей. Ему вторили теми же дифирамбами. Оказывается, он понравился президенту, и у него есть все шансы сделать неплохую карьеру в этой стране вечно счастливых людей.

Только за кованой решеткой к Малюте постепенно начало возвращаться чувство реальности. Небо, солнце, куда-то спешащие люди, тщательно обходящие стороной площадь с нелюдимым красавцем-дворцом, в котором обитали некие тёмные силы, поработившие эту страну и превратившие людей в покорных и безропотных пешек.

На соседней улице его ждал Амирян.

— Ну, как, дружище, впечатление от встречи с нашими гоблинами?

— Поехали, Геворк, к магазину, возьмём водки, уедем куданибудь в горы и нажрёмся. Это просто какой-то финиш! Руки целуют! Ты представляешь, у меня такое ощущение, что я только что вернулся из логова этих, как ты их там сейчас назвал? Гоблинов что ли? Представляешь, я даже был удостоен величайшей чести лицезреть их главаря! Ты знаешь, что он мне сказал?

— Что-то ты, дружище, больно нервным сделался после высокой встречи. Это, брат, близость пустыни, наверное, сказывается. И давай договоримся, — понизив голос и чуть ли не силком заталкивая друга в машину, произнёс Геворк, — кричать на улицах у нас не принято, это может быть расценено как нарушение общественного порядка. Садись и поехали, работать надо, а не водку пить. Не всё так плохо, как тебе кажется, уже велено перевести тебя в одну из президентских гостиниц, говорят, глянулся ты ему. Этого только не хватало на мою бедную армянскую голову.

Малюта молчал, тупо глядя в лобовое стекло. Ему было стыдно за свою минутную слабость. Ну подумаешь, что собственно произошло? Тебе с ними детей что ли крестить? Отработаешь свою тему, бабки получишь и в Москву, а урюки пусть сами разбираются, кто и как ими управляет. Тоже мне, борец за демократию Азии выискался!

— Так говоришь, гоблины тебе наши не понравились? — прервал его мысли Амирян. — Только я тебе вот что, дружище, скажу — наши от других, в том числе и ваших, мало чем отличаются. Мне последнее время вообще кажется, что идёт активная трансформация всей нашей цивилизации, а мы, как слепцы, этого не видим. Может, ты и прав, действительно грядёт всемирная кастрация христианских ценностей и созданной на их базе культуры. К чему это приведёт, неизвестно, и какая сила вылезет из-под обломков старой атлантической Европы, никто знать не может, да, похоже, особенно и не стремится узнать, а хватятся да, боюсь, поздно будет. Однако надо полагать, что это будет сила, глубоко нам чуждая и враждебная. К сожалению, об этом мало кто догадывается...

— Да, один призрак уже когда-то рыскал по Европе, а какой его сменит, одному гоблину известно, — перебил Малюта, — а то, что мир наш в надломе, особенно отчётливо видно на примере творческих личностей. Ты посмотри кругом — и в литературе, и

в живописи, и в кино, и даже на нашем помойном телевидении, если что-то и выплывает талантливое, то обязательно или чернуха сплошная, или такой авангардный излом, что жить не хочется. Мир действительно ускоренно сползает с реалистических критериев, а деформированное искусство неизбежно порождает деформированное сознание. Сегодня, практически в каждом офисе, да что офис, в миллионах квартир на стенах висит такое убожество, что вслед за глазами мозги разбегаются. А люди же это видят каждый день, они под это едят, спят, трахаются, помирают.

— Узнаю старого спорщика и опытного схоласта, — засмеялся Амирян. — Я помню, как ты еще в училище всему взводу головы морочил, доказывая сначала первичность духа, а потом первичность материи. Я бы, конечно, и сегодня с превеликим удовольствием взялся поспорить о нелюбимых тобою неореализмах, да голова совсем другим занята. Гоблины гоблинами, а работать всё-таки начинать надо. Задание сегодня уже получено, и условия выполнения объявлены. Великий хозяин решил, что о нём мало говорят в мире, так ведь и совсем забыть могут. Вот тебе и предлагается придумать повод для приличного международного скандала, в рамках закона и приличий, конечно. Выполняешь работу, получаешь двадцать тысяч американских тэнге и «драг нах хаус»! Так что, видишь — не задание, а сущий пустяк.

— Ты это серьёзно, что ли? — поразился Малюта.

— Куда уж серьёзнее. А мне, между прочим, условия для мыслительного процесса тебе велено создать. Сейчас едем за город, в новые отели, это что-то вроде роскошных вилл для очень высоких гостей. Но смотри, в обслуге там простых людей нет, а все помещения настолько хорошо обустроены, что в них всё видно и слышно, даже в сортирах и банях.

— Да, Геворк-джан, удружил так удружил, — засмеялся Малюта.

— Ну уж чем богаты. Ты же, надеюсь, не забыл боевой клич крылатой пехоты? — подмигнул Геворк и шутливо толкнул его в плечо.

— Еще бы! «Нет задач невыполнимых!»

— Ну вот и будем выполнять, только на часок заедем ко мне в офис. Хоть посмотришь, как я устроился, заодно без соглядатаев пообедаем и мал-мала выпьем.

Амирян уже давно серьёзно занимался конструированием устойчивых финансово-экономических систем и был признан-

ным авторитетом в этой области. Когда-то очень давно, когда само слово «бизнес» было одним из самых страшных ругательств, Малюта мог часами слушать рассуждения друга на далёкие и не совсем понятные ему темы. Однако в устах этого огромного армянина неудобопроизносимые экономические формулы обретали черты какой-то необычно сложной и завораживающей поэзии, в которой всё волшебным образом, как в трактатах алхимиков, превращалось в деньги.

Посиделки их часиком, конечно же, не закончились, а обозначение выпитого спиртного по старинной мерке «мал-мала» обернулось почти килограммом «огненной шотландской воды» на брата. Бражничали, чтобы никого особенно не смущать, прямо в кабинете родоначальника туркменского экономического феномена. Над подгулявшими друзьями во всю стену полыхало разноцветными лампочками Каспийское море, будущее экономики и призрачная надежда страны.

К ночи всё уже было переговорено и перевспомнено. Малюта, осоловело глядя на карту, заплетающимся языком брякнул:

— Геворк-джан, а может, предложить Великому, да продлит Аллах его годы, переделить по-своему шельф Каспия, а то коварным соседям всё, а бедных туркмен, как и в прежние времена, опять обжали, а?

— Слушай, а ты умный! Эта идеища многого стоит, поверь не последнему на планете экономисту! — зевнув и с хрустом потянувшись, отозвался Геворк. — Но все идеи, дружище, оставляем на завтра. А сейчас, а сейчас, — пытаясь придать пьяному голосу особое, торжественное звучание, возвестил он, — я повезу тебя, брат, к самым очаровательным гуриям этих некогда диких мест!

Однако встать из-за стола ни один ни второй уже практически не смог. Предательский пол так и норовил выскользнуть из-под ног и опрокинуть доблестных джигитов, как норовистый жеребец.

Как и во всякой основательной пьянке, особенно военных и госчиновников, гурии, гейши, путаны, словом, девчонки, являются, как правило, персонажами мифическими и приходят к богатырям, утомлённым неравной борьбой с зелёным змием, исключительно в крепких снах. На ночёвку друзья устроились прямо здесь же, в кабинете, благо, удобных диванов было аж целых три, а у бережливого Амиряна, такого же, как и Малюта, кочевника, запасные комплекты белья и зубные щётки всегда имелись.

Наутро, как и подобает людям с армейской закваской, приятели пробудились рано и, как это ни странно, с весьма трезвой

головой, правда, с изрядно помятыми лицами, но зато с неукротимой жаждой деятельности. Малюта еще лениво потягивался под одеялом, отодвигая подальше момент изуверского насилия над собственным телом, которое, увы, неизбежно должно быть принесено в жертву новому дню. А пока длился этот сакральный процесс, неутомимый армянин уже вовсю терзал свой жалобно попискивающий компьютер.

— Ну, что, дружище, вставай и погляди, как верный друг, заметь, с тяжёленькой головой во всю ивановскую строчит, зарабатывая тебе твой гонорар. Да, здесь, как не крути, тебе ещё и премия светит!

— И большая? — вяло отозвался Малюта.

— Будь спок, премиальные у шефа щёдрые, как солнце в пустыне, главное — вовремя в тень смыться. Иди, читай и правь свой отчёт. Кстати, звонила Лара и передала, что тебя срочно разыскивает жена, твой мобильник у нас отключили, так, на всякий случай.

— Я не пойму, ты что правда что ли согласился насчёт идеи с шельфом?! — отбросив в сторону одеяло, поднял брови Скураш.

— А то! Ты даже себе не представляешь, в какую масть ты попал, в самую что ни на есть козырную. Буквально послезавтра к нам приезжают с официальным визитом ваши главные газовики и нефтяники во главе с Бимом Захеровым, чем не повод возвестить всему миру о кровной народной обиде? Всё, давай колдуй с текстом, — поднялся из-за стола Геворк, — а я поскакал к премьеру на пятиминутку. Ну, ты и молодчина, с тобой работать — мёд пить! Может, останешься поработать на так называемой постоянной основе?

Не успела за Амиряном затвориться дверь, как Малюта вскочил и, натянув джинсы, сразу засел за компьютер. Через час ёмкая, на полтора печатных листа, докладная и краткий сценарный план действий на четырёх страницах были готовы.

По сценарию необходимо было изрядно выдержать высоких российских гостей в приёмной первого лица государства, а когда те окончательно взбеленятся от вопиющего неуважения, невозмутимо запустить их в высочайший кабинет. Хозяин должен явить полное презрение и не подать руки, мотивируя это тем, что он жуликам, приехавшим грабить его народ, руки никогда не подавал и впредь подавать не собирается.

— Слушай, прямо Шекспир! И «руки не подать» и «вживую в прямом эфире всему народу показать»! — цокал языком

возвратившийся к тому времени Геворк. — Ай, шайтан! Ну просто класс!

— Может, про вора я слегка перегнул, а? — глядя на экран из-за спины друга, спросил Малюта.

— А ты думаешь, он не вор?

— Вор, конечно. Да ещё к тому же и масон.

— Ну и пусть всё остаётся как есть. Великий ещё и сам чего-нибудь напридумывает. Выводим текст, однако подписывать не будем, мало ли где эта бумажка может вынырнуть завтра! Вот так! Я полетел на высокий доклад, дорогой товарищ спаситель!

Малюта не беспокоился. Не понравится эта идея, родим новую, в голове у него уже крутилось с полдесятка разных задумок. От нечего делать он принялся читать местную прессу, которая издавалась пока ещё и на русском языке. Читал и откровенно потешался. Экзерсисы местных умельцев пера почти как две капли походили на приснопамятный журнал «Корея» времён Ким Ир Сена с его хрестоматийным эпосом: «У красного пулемётчика Ли закончились патроны, а враги всё ближе и ближе, и тут над самым ухом растерявшегося бойца прозвучал вдохновенный голос товарища Кима: — «Ты же коммунист, сынок!» И пулемёт застрочил с новой силой».

Малюта, в последнее время много ездивший по бывшим советским республикам, а ныне независимым государствам, поражался, до чего же быстро бывшие партийные лидеры, переименовавшись из первых секретарей ЦК в пожизненных президентов, вернули своих подданных едва ли не на средневековой уровень. Нищета и безысходность царят вокруг, народ деградирует и, варясь в собственном соку, начинает закипать слепой яростью, видя источник своих несчастий в происках каких-то мифических врагов. Байская власть всё это прекрасно понимает и беззастенчиво эксплуатирует примитивный и вечный девиз подыхающего Рима: «Хлеба и Зрелищ!» Конечно, этот лозунг и ныне ярким полотнищем развевается над миром, только вот вместо натурального хлеба из живых колосьев предлагается генетически модифицированная жвачка, а вместо «колизеев» — телеящик и всемирная паутина. И получается совсем не радостная картина: в Америке — высокий техногенный уровень примитивизации людей и их сознания, а здесь, на просторах некогда бескрайней родины, и суковатой палкой ничего не стоит обратить народ в такое же быдло. Грядущая глобализация скорее всего явится синонимом гоблинизации всего мира.

Чтобы хоть как-то отвлечься от невесёлых мыслей, как тараканы лезущих в голову, Малюта позвонил домой. В родных пенатах всё было спокойно, только Катька долго и с какой-то нехарактерной для неё важностью докладывала о том, что ему несколько раз звонили со Старой площади и просили, как появится в Москве, обязательно зайти к Таниной Победе Игоревне. Таким необычным именем эту энергичную женщину одарил отец — фронтовик, генерал и несгибаемый коммунист. Когда несчастный ветеран узнал, что его любимая дочь пошла работать к ненавистным демократам, а потом и вовсе в администрацию партийного ренегата и всероссийского алкоголика, дед обиделся не на шутку, от дочери отказался публично и заявил, чтобы даже на кладбище ноги её не было. Победа же, унаследовав отцовский несгибаемый характер, была прирождённым чиновником. Умная, хваткая, она не по-женски держала удар, любое порученное дело могла повернуть в нужную ей сторону и всегда добивалась победы. «Не могу я при таком имени в побежденных ходить!» — любила повторять она.

«Интересно, на кой ляд я ей сподобился?» — думал Малюта, но душу новость всё же порадовала, — значит, не забыли! А раз не забыли, можно ещё на что-то надеяться!

Что греха таить, «бомжевать» ему уже порядком поднадоело, да и годы поджимали, пора было что-то решать: либо добиваться возвращения на госслужбу, либо заводить своё дело, какой-нибудь свой бизнес, в котором он мало что смыслил и потому боялся, как чёрт ладана. Можно было, конечно, и дальше ничем не обременённым вот так плыть по течению, перебиваясь случайными заработками и со страхом поджидать старость. Вон и у Катьки, при всей её нелюбви к власти, и то нотки надежды заскользили в голосе. Одно дело муж на персональной машине ездит, другое — отставник с мизерной пенсией.

Геворк вернулся ближе к вечеру, правда, периодически он звонил, подбадривая, де, всё всем нравится, все в восторге, ждём Самого, пока занят, может, продолжение «Рахномы» пишет. Наконец, дверь распахнулась, и Малюта увидел, что друг сияет, как рождественская ёлка, так что без слов стало понятно, что их авантюрная затея принята руководством.

— Всё, кричи ура! — поднял руки над головой Геворк.

— Что, неужели правда утвердили? — усмехнулся Скураш.

— Не только утвердили, но и маховик вселенской обиды уже вовсю запущен. Держи, это тебе, — хохотнул Амирян и торже-

ственно извлёк из своего вечного, как у Жванецкого, потёртого коричневого портфеля внушительный свёрток.

Малюта развернул полиэтиленовый пакет, и на стол выскользнули, как зелёные рыбки, семь пачек стодолларовых купюр в банковской упаковке.

— Ох, ну ни фига себе! А чего так много? Две твои, две мои, — он принялся кучковать, — а эти три — премия что ли?

— Дружище, это все твои, кровно заработанные денежки, а что сверх договора — щедрость Солнца.

— Да шутишь! — Малюта прошёлся по комнате и, раскинув руки, плюхнулся на диван.

— У нас такими вещами не шутят... — подмигнул Геворк и с улыбкой развалился рядом с другом.

— Ну, а если не шутят, то, может, и в самом деле мне стоит на постоянку к вам пристроиться? Обрезаться вы, вроде, не заставляете, так что я с большим удовольствием потрудился бы на благо народа пустыни, — Малюта поднялся и теперь стоял у стола, машинально перебирая пачки денег.

— Нет, вы только посмотрите, как мы запели и куда только гоблины подевались! Да успокойся ты, шучу я! — увидев, что Малюта нахмурился, возвысил голос Амирян. — Только вот постоянка твоя накрылась большим котлом для варки плова. Ты думаешь, я, оценив весь расклад, не стал продвигать интересы своего армейского кореша? Плохо ты обо мне думаешь. Нас пятеро в кабинете было. Он минут десять думал, а потом выдал: «Лучше, — говорит, — профессионального авантюриста при нужде приглашать со стороны, чем держать у себя под боком, добром, мол, это ни для нас, ни для него не кончится». — Так что, дружище, работа сделана, оценка тебе дана высокая, вот твой билет до Москвы. Самолёт через полтора часа. Как раз есть время отметить твой дебют на нашей хлебосольной земле.

— Какой там отмечать! Мне же ещё в гостиницу надо заехать, рассчитаться... — заторопился Скураш.

— За всё уже уплачено, Малюта-джан, а вещички твои вместе с подарками секретаря Национального Совета безопасности доставят прямо к самолету. Ты Бишиева-то помнишь, с которым в самолёте сюда летели? Он, кстати, Самому твой тост пересказал, даже про авиаскакуна не забыл. Скакуны у нас, сам понимаешь, святое. Так что Биктман Абишевич тоже приедет тебя провожать. Ты давай не вздыхай, кому сегодня легко? Наливай, именинник! Грустно, конечно, что ты, придурок, так быстро

идеи изобретаешь, — Геворк огорчённо развёл руками. — Выходит, по твоей вине нам толком пообщаться не удалось, вот даже никуда и не съездили…

3

Малюта слегка волновался, протягивая своё старое удостоверение офицеру охраны, мало ли что изменилось на Старой площади за этот год с небольшим? Может, маленький, обтянутый коричневой кожей кусочек картона уже потерял свои магические свойства в стенах этого мрачноватого грязно-серого здания? Служебную ксиву, после того как Скураша уволили из Совета, надо было сдать кадровикам, но у него её никто не требовал, а сам он с инициативой не спешил, да и к чему было спешить, когда эта корочка безотказно действовала на гаишников, как святая вода на чертей.

Капитан, стороживший главный вход в дебри отечественной бюрократии, по-казённому уставился в распахнутую перед ним корочку, слегка касаясь краёв пальцами, как будто готовый в любой момент вырвать её из рук незаконного владельца. Затем таким же внимательно-невидящим взглядом изучил физиономию Малюты, слегка сощурился, давая понять, что процесс идентификации в его мозговом центре завершается и, потеряв к входящему всякий интерес, автоматически произнёс: «Проходите».

Холл первого подъезда ничего особенного собой не представлял. Здесь по-прежнему витал патриархально-большевистский дух, который не только не выветрился, но в последнее время, кажется, заметно окреп. Невооружённым глазом было видно, что выкрашенные в неопределённый цвет стены ремонта не видели уже лет пятнадцать. Справа своей привычной жизнью жил книжный киоск, возле которого возникла импровизированная галерея, состоящая из портретов Гаранта Конституции вперемешку с иконами. Странное соседство не могло быть случайным в этом неслучайном месте, чиновный люд обязан знать, за кого следует молиться в первую очередь. Слева подслеповато приютился незатейливый гардероб, у стены, под большим зеркалом, стояли низкие деревянные лавки, обитые дерматином. Пол застилал неброский, изрядно вытертый ковёр. Прямо располагался выход в мрачные парадные сени, которым сизые колонны и постоянный сумрак придавали схожесть с жертвенником какого-то языческого храма

времён поздней античности. Два лицевых и два тыльных лифта бесшумно развозили посетителей по этажам, при этом одна из парадных кабин была специальной, вызвать её мог только начальник определённого ранга, владеющий специальным ключом. Один из шести этажей считался режимным, куда требовался дополнительный пропуск или спецотметка в удостоверении. В былые времена здесь располагались кабинеты наиболее важных членов Политбюро ЦК КПСС, сегодня в них уютно разместилось высшее руководство Администрации. На этом этаже всегда царила почти гробовая тишина, и редкие сотрудники или посетители скользили беззвучно, словно бестелесные тени в сумеречном освещении кривых коридоров. Малюта, если случалась такая нужда, шёл на засекреченный этаж, глубоко втянув голову в плечи, как когда-то в детстве ночью на деревенском кладбище, и старался побыстрее покинуть недоброе место. Однако сегодняшняя встреча ему была назначена именно в этих чертогах.

С Таниной он познакомился во время последней избирательной компании, когда полуживого Царя, как надувную куклу, возили по городам и весям Необъятной. Малюта, не безвозмездно, конечно, имитировал в его штабе кипучую деятельность, направленную на поддержку державного претендента со стороны одной из солидных общественных организацией.

Переступив порог приёмной первого заместителя главы Администрации, а именно такой пост после странной победы на странных выборах, заняла, по протекции всесильной дочки Царя, его знакомая, он произнёс:

— Здравствуйте, я — Малюта Скураш, мне назначено.

— Добрый день, Малюта Максимович, присаживайтесь, пожалуйста, — к вящему удивлению Малюты, расплылась в самой радушной улыбке секретарша. — Победа Игоревна вас ждёт, сейчас договорит по телефону, и я доложу. Вам чай или кофе?

— Всё равно, — опускаясь в кресло, ответил он.

— Минуточку, минуточку, кажется, уже освободилась. Победа Игоревна, в приёмной Скураш Малюта Максимович. Хорошо. Проходите, пожалуйста, — махнула рукой улыбчивая секретарша и, положив на рычаг трубку внутренней связи, добавила, — я сейчас сварю вам кофе и принесу.

Танина вышла из-за стола и дружески обняла Скураша.

— Привет, хорошо выглядишь, загорелый какой-то, где был?

— Добрый день, Победа Игоревна, куда же вы всё молодеете? Даже неудобно при таком солидном кабинете. Нет, не льщу, вид и экипировка на все пять!

— Брось ты из себя кондового солдафона корчить, — возвращаясь на своё место, с улыбкой произнесла чиновница. — Ну присаживайся, рассказывай, как живёшь, чем занимаешься?

— Да так живу, хлеб жую, — отозвался Скураш, — кто за что платит, то и делаю...

— Я слышала, ты Плавскому партию создавать помогал, а сейчас его губернаторские выборы консультируешь?

— Не без того, жить-то на что-то надо? Правда, в последнее время, когда победа стала ясной, как божий день, там и без меня консультантов хватает, даже с лихвой.

— Вы там часом не поссорились? — заглядывая в глаза Малюте, настороженно поинтересовалась хозяйка кабинета. — Вон тебе и кофеёк принесли, а заодно, может, и мне чашечка перепадет по случаю?

— Победа Игоревна, кофейник большой, на всех хватит, — стрельнув в сторону Скураша глазками, прощебетала секретарша и, явно демонстрируя походкой свои длинные ноги и покатые бедра, направилась к двери.

— Ох! Ох! Ох! — с ухмылкой глядя ей вслед, язвительно пропела Танина. — Я её точно когда-нибудь выгоню. Мужики ко мне приходят, а она их всё норовит к себе в постель затянуть. И что она в тебе такого нашла, может, и мне стоит присмотреться? А то с этой работой уже и забывать начинаю, что баба. Ты кто по зодиаку?

— Скорпион, — почему-то слегка смутился Малюта.

— Ну, тогда всё понятно. Глоба говорит, что мужики этого знака хорошие любовники. Классный кофе, правда?

— Насколько я помню, это вы большая ценительница великого чёрного напитка, а для меня большой разницы нет, что заварной, что растворимый, всё равно после него меня в сон клонит, — обрадовался сменить тему Малюта. Между тем Танина продолжала его внимательно разглядывать.

— Так когда ты, говоришь, с Плавским встречался?

«Дался ей этот Плавский, я, кажется, и не говорил, что с ним встречался. Надо как-то определиться, насколько следует с ней быть откровенной, судя по всему, разговор предстоит серьёзный», — прикидывал в уме Малюта.

— Да не виделись мы уже давно. Как первый тур начался, так он в Москве и не был, а в Есейск я не летал. По телефону разговаривал где-то недели две тому назад...

— Не про меня, часом? — неожиданно спросила Танина.

— Да нет. С чего бы? — удивился Малюта. — Он, по-моему, и не знает, что мы знакомы...

— А ты что, не слышал? Он же, как раз где-то с полмесяца назад, назвал меня в одном телеинтервью «легкомысленной девчонкой с розовым бантом». И представляешь, именно в этот день я притащилась на какой-то приём в розовом костюме и с розовой финтифлюшкой на голове. Стоим всем скопом у огромного телевизора, энтэвэшные новости смотрим. Все же волнуются, что там в Есейске? Тебе ли объяснять — губерния ключевая, от нее до Москвы один шаг! И тут этот твой гусь как заревёт про розовую девочку, которая строит ему козни и льёт воду на мельницу его основного конкурента. Ты представляешь, что было дальше на этом грёбаном фуршете! Все чуть со смеху не попадали! Мне потом говорили, что ему какая-то сука подсказала, будто у меня есть розовый костюм! А я потом дома в истерике до утра билась, костюм этот, дорогущий, кстати, собственноручно исполосовала ножницами и в мусоропровод спустила. Наревелась! Ну и что он после этого, мужик? Так его что ли в военных академиях учили к женщине относиться? Не поверишь, как вспомню, так до сих пор колотит.

— Да бросьте, Победа Игоревна, просто случайное совпадение, а на язык он действительно остёр и несдержан. Вы бы слышали, какие он перлы в Париже перед высшим светом старой русской эмиграции выдавал. Князья, графини, траченный молью цвет дворянства, все в старческом маразме, ахают-охают: ах генерал, ах будущий Колчак, ах освободитель России, ах русский Де Голль! Ну наш миротворец размяк, на радости изрядно маханул истинного французского коньячку, да и врезал благородному собранию со всей пролетарской ненавистью всё, что он о них думает и как оценивает их недавние восхищения Горби и нашим президентом. А в заключение для наглядности ещё и весьма непристойным характерным жестом продемонстрировал, как он будет их всех иметь.

— Ужас какой! — всплеснула руками Победа. — Он же тогда был секретарем Совета национальной стабильности! Высший государственный чиновник! Вот позорище! Ни стыда, ни совести, ей-богу! И что, неужели так прямо и показал?

— А что ему было терять? — пожал плечами Скураш. — Он уже, видимо, чувствовал, что его скоро уберут. Да и Бог с ним, хоть он в него и не верит. Победа Игоревна, вы хоть помилосердствуйте, скажите уж, зачем вызвали, а то я, пока летел домой, себе все мозги свихнул.

— А, кстати, где это ты был? В Есейске что ли?

— Неужели я бы вам стал так нагло врать? Вы только телефонную трубку снимите, и вам тут же доложат, куда и даже с кем я летал. Осенними Кара-Кумами решил полюбоваться, служил я там когда-то очень давно.

— Час от часу не легче! Скандал с шельфом и газовиками, небось, твоя работа?

Малюту аж пот прошиб.

— Да какие ещё газовики, я с бывшими армейскими друзьями три дня так газовал, что дома собака от выхлопа чуть не задохнулась. Так зачем всё-таки звали, Победа Игоревна? — во второй раз поспешил уйти от опасной темы Малюта.

— Ты посмотри на него! Правды клещами не вытянешь! А всё норовит к стенке припереть бедную женщину. Научили вас в академиях, что лучшая защита — нападение, вот вы и стараетесь. А насчет Захерева и его газа, да и хрен с ним, может, скорее попрут, а то уже совсем заворовался, всякий стыд потерял. Так что насчёт шельфа? Колись.

Малюта неловко помешивал в чашечке кофейную гущу.

— Обидно, — покачала головой Танина, — выходит, не доверяешь. А то, что это дело без тебя и твоих дружков не обошлось, мне и так ясно, здесь и к гадалке ходить не надо. Денег-то хоть прилично заработал?

— Да говорю же я вам... — тоскливо затянул старую песню Скураш.

— Ладно, — тряхнула головой Победа, — не доверяешь мне, ври дальше. А я вот тебе, между прочим, собираюсь довериться. И не просто какие-то там бабские сопли, а действительно важное для страны дело. Мне тебя, кстати, положительно рекомендовали очень разные люди, даже удивительно! Я точно знаю, что некоторые из них друг друга на дух не переносят, а о тебе говорят хорошо. А это, знаешь, в наших кругах показатель. Одним словом, поручилась я за тебя перед руководством, подведёшь, головы мне не сносить! В Есейском крае на носу второй тур выборов, то, что Плавский его выиграет, ясно всем. Отношение твоего бывшего начальника к Кремлю и ко мне, в частности, мягко говоря, хреновое. Я понимаю, может, у него на то и есть свои вполне объективные основания, но по-другому ни я, ни кто-либо другой вести себя не могли, да и права не имели. Хочешь, буду до конца с тобой откровенной? — Скураш изобразил неопределённый жест, а она продолжила: — Во всем, что с ним

случилось полтора года назад, виноват только он сам и его сумасшедшие советники. Они почему-то решили, что власть уже упала прямо им в руки, заметь, совершенно безосновательно решили, основываясь исключительно на одной им ведомой логике. Неужели трудно было просчитать, что миллионы, которые кто-то вложил в его третье место, требуют определённой отработки. То, что он сам у кого-то брал, это — крохи! На них мы и внимания не обращали, а вот основную массу, — она на секунду многозначительно запнулась, дескать, оцени всю важность момента, — даже отдавать или отрабатывать никто не требовал. Просто надо было молчать и выполнять свои обязанности, и всё! Понимаешь — всё! Почётное звание спасителя Отечества и Трона были бы ему обеспечены, со всеми вытекающими отсюда дивидендами в будущем. Этого от него ждали, на это надеялись. Знаешь, не я одна, многие тогда в нём разочаровались. Но всё это лирика, — Танина явно сердилась, и её настроение понемногу начинало беспокоить Малюту. — Так вот, сегодня ситуация не менее сложная, сегодня ему снова может выпасть козырная карта, и он действительно подтвердит своё звание полного идиота, если этого не поймёт. Ну, во-первых, нам лишней напряжённости в стране не нужно; во-вторых, будущие выборы не за горами. Вот и делай выводы. Что было, то прошло, однако, отношения с руководством крупнейшего и знакового региона отстраивать нам, хочешь ты того или нет, всё же придётся. Так что летите-ка, Малюта Максимович, в Сибирь и попытайтесь убедить Плавского в необходимости встречи со мной. А я уж, наступив на горло своей кровной обиде, постараюсь провести его всюду, где надо. Понимаешь, о чем я говорю? — Победа порывисто встала из-за стола и принялась ходить по кабинету. — Сегодня это очень важно! Почему? Может, когда-нибудь и расскажу. И главное, — Танина, упершись руками в крышку приставного столика, придвинулась вплотную к застывшему от напряжения Малюте, — встреча должна обязательно состояться *до* инаугурации. Вылезай из шкуры, вертись юлой, обихаживай кого хочешь, но в Москву его доставь!

— Легко сказать доставь! — У Скураша аж голос охрип. — Сами же говорите, что дури у него хоть отбавляй, если упрётся — пустое дело. Однако попробовать можно, — вдруг решился Малюта. — Только тогда… с вас командировочные и гонорар.

— Ну, ты совсем обнаглел! Может, тебе еще и командировочное удостоверение выписать, а ты его у Плавского в штабе

отметишь и к отчёту приложишь? А потом, уважаемый товарищ, вас уже с полгода как из штата вывели...

— А ксива действует... — усмехнулся Скураш.

— Попросил за тебя народ, вот и действует, — с явной гордостью в голосе заявила Победа. — Денег дам. — Она достала из ящика стола продолговатый конверт. — Здесь немного, только на билеты и гостиницу. О гонораре поговорим, когда вернёшься, — и, помолчав, и как бы прикидывая, стоит ли это говорить, добавила: — Малюта, от результатов твоей поездки будет зависеть очень многое и, прежде всего, для тебя лично.

4

Создавалось впечатление, что Есейск готовится к гражданской войне. По городу день и ночь гремели музыкой и слоганами увешанные предвыборными плакатами грузовики. Нанятые байкеры со знамёнами кандидатов на пиках носились по окрестностям, как революционные самокатчики. На перекрестье крупных городских магистралей и площадях шли бесконечные митинги. Ораторы, сменяя друг друга, поливали своих оппонентов на чём свет стоит, иной раз словесные баталии переходили в настоящие потасовки, раздавались надрывные женские крики, гудели милицейские сирены, заливались свистки, резиновые палки глухо молотили по сгорбленным спинам. Больше всего в этих потасовках доставалось ветеранам войны и пенсионерам, они со своими красными знамёнами вклинивались в первый попавшийся митинг и начинали слаженно скандировать: «Ельцинскую банду под суд!»; «Жидо-масоны, прочь с Руси святой!»; «Беззубов! Верни украденное у народа!»; «Поплавок — ставленник Москвы!»

Митингующие бросались переубеждать «краснопузых», и каждый стремился перетащить их на свою сторону. Но старики, которым всё равно дома делать было нечего, молодёжь детей не рожала, а сажать картошку и копаться в огороде было ещё рано, упорно стояли на своём, и если что, ощетинившись древками флагов, они, как ратники на Куликовом поле, моментально с Интернационалом переходили в наступление. Когда налетала милиция, и все бросались врассыпную, старичью порой доставалось. Потом, в машине скорой помощи, нюхая нашатырь и глотая слёзы, они горько жаловались молоденьким медсестричкам с равнодушными глазами на свои старческие юдоли, а им всё повторяли, дескать,

сидели бы вы лучше дома, целее были б. Но им не хотелось сидеть дома, им хотелось уважения к их старости, голодному детству, страшной юности и пропитанной чёрным потом зрелости.

Однако, как ни странно, постепенно большинство из них перешло на сторону Плавского.

Стоило только закатному солнцу коснуться окрестных холмов, как сибирская почти бессумеречная ночь накрывала растянувшийся вдоль большой реки город, а на его улицах появлялись подпольщики — специально нанятые команды, расклеивающие левую и прочую крамольную агитацию. Чего только ошарашенные горожане утром не узнавали о кандидатах в губернаторы! Как уж здесь разобраться, где правда, где полувымысел, а где голимая ложь! Подливали маслица в огонь и центральные СМИ. За неделю до повторного голосования авторитетная московская газета «Секретные новости» добрую половину посвятила личности Беззубова, который, оказывается, всю жизнь борется со своей подавленной гомосексуальностью и прочими врождёнными комплексами. Мозги у простого гражданина кипели, как паровые котлы, готовые взорваться в любую минуту. Но самое страшное, что произошло с жителями богатейшего края, этой некогда великой лагерной державы, так это то, что в их душах поселилась смута. Разделившись на пролетарско-крестьянское большинство, стойкое властно-приватизаторское меньшинство и вечно проституирующую прослойку умников и творческого люда, край буквально тонул в атмосфере всеобщей ненависти и злобы. Припомнились все старые обиды, неурядицы, зависть, каждый надеялся урвать хоть что-нибудь для себя. Вероятно, так всегда бывает в смутные времена, а смута на Руси, так уж повелось, как правило, заканчивается бунтом или революцией. Дикий пролеткультовский стишок двадцатых годов «Есть истина одна на свете, в крови отцы — в достатке дети!» смутно будоражил и без того не всегда трезвые умы есейцев, глаз недобро косился на топор или канистру с бензином, а руки так и свербели неудержимым зудом.

До повторного голосования оставалось чуть более суток.

Малюту в аэропорту встречали добрые его знакомые, продолжавшие верой и правдой служить Плавскому. Наконец, изрядно наобнимавшись и выспросив у Малюты горячие столичные новости, все разъехались по своим делам.

Маленький юркий праворукий автобусик мчал по относительно сносной есейской дороге. Давно замечено, что чем дальше на

Восток от Урала, тем «косоглазее население и праворукее машины». Вот только опасности этой очевидной истины до сих пор никак не могут оценить окопавшиеся вокруг Кремля аналитики и стратеги, истины, могущей легко обернуться той самой трагедией, о которой так проникновенно писали каторжане Потанин и Ядринцев.

— Малюта, ну как там Москва на наши успехи реагирует? — теребил его Валерка Литвинов, с которым их еще в давние годы свела судьба военных журналистов. — Наверное, все в предпоносном состоянии?

— Москве, Валер, всё абсолютно по фигу! — пожал плечами Скураш. — Ну Старую площадь и Застенки, конечно, слегка лихорадит. Еще бы, столько бабок в Беззубика вбухали, и все на ветер! А здесь-то что? Как шеф? Кто из старой команды рядом?

— Знаешь, я в их штабных раскладах не очень силён. Мне командир нарезал казаков и один из дальних западных районов, в котором я, в основном, и обретаюсь. За свои результаты я спокоен, а в штабе смута какая-то. До первого тура всем рулил Виктор Попов, ты его по Совету должен помнить, длинный такой...

— Конечно, помню, преданный Плавскому человек. Мы тогда, в девяносто шестом, вдвоём с ним и остались рядом с шефом, когда его арестовывать собирались. Правда, ещё Санька Укольник коробки паковал и из-под носа у фэсэошников вытаскивал. Кстати, как он здесь?

— Нормально, на штатной должности адъютанта. И братец его здесь, а когда Попова погнали за то, что с первого тура не победили, и их дядька Черномор объявился. Сейчас они с Мариной всем и заправляют в штабе. Лично мне как-то без разницы, кто там верховодит, главное, чтобы по деньгам рассчитались, а то пока третью неделю под честное слово работаем, — слегка нахмурился Литвинов, но тут же его лицо озарила широкая улыбка. — А ты тоже, хорош гусь, мог бы мне и позвонить, что прилетаешь.

— Пробовал, всё без толку. Твой московский отключен, а домашний не отвечает. — Малюта стащил плащ и бросил его на соседнее сиденье. — Послушай, а у вас что, все за деньги работают? Идейных, значит, совсем нет? А Плавский-то во всех газетах трубит, что он на выборы пошёл с одной десантурной тельняшкой и верными единомышленниками, — поддел он друга.

— Давай, давай подкалывай! Ты, я вон вижу, тоже прилетел пеночку снимать! — набычился бывший сослуживец. — Да что-то рановато, основной десант москвичей ожидается в воскресенье. На триумфальное, так сказать, итоженье. Но ты у нас, конечно, всегда шустростью отличался.

— Какими мы все здесь нервными стали, чуть что — и сразу в бутылку! Ты еще на меня надуйся! Не собираюсь я ни у кого ни хлеб, ни должности будущие отнимать, как прилетел, так и улечу. Откуда ты знаешь, может, я со спецмиссией прибыл — вывезти проигравшего Беззубова, чтобы вы его в победном пылу не вздёрнули, на радость местному народонаселению.

Литвинов состроил притворную гримасу и откинулся на сиденье.

— Да этого мудака хоть сегодня можешь увозить. Вот уж кто полностью соответствует своей фамилии. А насчёт должностей, ты же знаешь, шеф многое обещает, да Черномор всё ловко урезает. И откуда он его только выкопал? Вот уж воистину сморчок поганый. Да ладно, все эти интриги никогда и не кончались, главное в другом. Главное, Малюта, победа! Представляешь, мы смогли победить Москву! Всю эту зарвавшуюся свору, что они только здесь не творили, кого только не засылали, а мы их всех сделали. Молодчина генерал! Пригнали Аллу Пугачёву, она неделю по сельским клубам во славу Беззубова пела, а перед самым отъездом, уже почти на трапе, её спрашивают журналисты, причём заметь, не наши, чужие журналюги: «Ну и всё-таки, за кого бы вы сами проголосовали, Алла Борисовна?» И ты знаешь, что она им ответила?

— Понятия не имею, если помнишь, я телек уже лет десять не смотрю.

— Так вот прима, не моргнув глазом, заявляет, что агитировала она честно за кандидата Вениамина Семёновича Беззубова, к чему всех и призывает, но сама бы она, как женщина, значит, отдала бы свой голос генералу. Он, де, настоящий мужик. Представляешь, что здесь началось?! — засмеялся Литвинов. — А когда Ален Делон прилетел, тут всё — и реки, и горы, и тундра — на ушах стояло! А он, красавчик, стоит рядом с шефом, автографы раздаёт, улыбается — это, говорит ваш русский Де Голль! Всё, Малюта, теперь нас хрен кто остановит! Это надежда, надежда, понимаешь? — Валера прошёлся рукой по взъерошенным волосам. — Да и чёрт с ними, с этими деньгами, которые были лично мне обещаны, главное, чтобы они с активом рассчитались! А я хочу работать с ним и дальше, понимаешь, работать! Я на Плавского поставил своё будущее и, между прочим, таких, как я, миллионы! Мне действительно кажется, что он сможет спасти Россию. Да и мне ли тебе это говорить, я же прекрасно знаю твоё к нему отношение! Ладно, сейчас едем в штаб...

Скураш с нескрываемой радостью глядел на старого друга, постепенно заражаясь его энтузиазмом.

— Знаешь, давай сначала в гостиницу, время раннее, может, какой-нибудь номер себе вырвать успею. Из Москвы пытался заказать, без толку. Всё занято и в «Есейске», и в «Октябрьской», только по выписке.

— Ну, «Есейск» — это вражеский лагерь, — кивнул головой Литвинов, — там твои кремлевские коллеги сумрачный отходняк празднуют. Сейчас Сане Укольнику позвоним, и все вопросы решатся. Я его предупредил, что поеду тебя встречать, он, наверное, уже и командиру доложил. Давай, Илья, сначала в «Октябрьскую», — отдал Литвинов команду водителю и добавил, — там наш лагерь.

— Да вы здесь действительно развернулись: тут красные, там белые, и негде бедному путнику коня напоить, — тряхнул головой Малюта. — Анна Александровна с шефом?

— Здесь уже давно, они почти всё время вместе. Парой классно смотрятся. Ладно, скоро сам всё увидишь. — Зазвонил телефон. — Литвинов. Слушаю.

«Армейщину из нас палкой не вышибешь, — рассматривая друга, подумал Малюта, — давно я его таким окрылённым не помню, разве что после Белого Дома, где он со своими казаками пытался защищать оплот народовластия в очередной раз обманутой России. Хотя что ёрничать, когда ты и сам остался в душе предан Плавскому и на него надеешься. Конечно, губернаторство, это всего лишь этап наращивания мышечной массы, а дальше время покажет. С Плавским загад небогат…»

— На, с Укольником поговори, — прервал его раздумья Валера и протянул мобильник.

— Привет, Саша.

— Доброе утро, Малюта Максимович! Я в гостинице. Жду. Выпьем кофейку. Шеф проснётся, пойдем к нему, он вчера поздно вернулся. О вашем прибытии ему Алексей Викторович доложил, он вас тоже ждёт.

5

Алексей Викторович Стариков был самой таинственной и непонятной фигурой в окружении Плавского. Среднего роста, худощавый, слегка кособокий, с бесцветным, погнутым лицом, отчего рот заметно кривился, а губы, сворачиваясь в трубочку, выплёвы-

вали шепелявые и при быстрой речи плохо различимые слова. Серое, словно никогда не знавшее солнца лицо, было малоподвижно, меланхолично и полно необъяснимой, пугающей скорби. За несколько лет знакомства Малюта только однажды видел на его лице некое подобие улыбки. Зато у этого мрачного и нелюдимого человека были необычайно выразительные, слегка раскосые карие глаза, которые, казалось, иногда светились изнутри неестественным, гипнотизирующим светом. Морщины и ранняя седина говорили о нелёгкой жизни, выпавшей на его долю.

Алексей Викторович никогда ни с кем не разговаривал прилюдно. Он обязательно уединялся, запирался, уходил из помещения и что-то быстро нашёптывал собеседнику, пронзая его недобрым взглядом. Особенно непроницаем он был с женщинами, иногда даже казалось, что он их тайно ненавидит. Или боится. Единственной представительницей слабого пола, которую он терпел и даже, создавалось впечатление, уважал, была некая Марина Яковлевна, увядающая, но недурно сложенная дама, с таким же, как и у Старикова, бесцветным лицом и абсолютно невыразительными, по-птичьи пустыми глазами. От неё всегда веяло холодом и надменностью. Молва приписывала Марине Яковлевне недюжинные финансовые способности и превосходное знание современного экономического мира. Надо сказать, что вместе эта парочка смотрелась жутковато и больше смахивала на опытных подельников-аферистов. Никто не знал, чем они глянулись Плавскому, но таскал он их за собой всюду. К этим двоим примыкали братья Укольники, которых все почему-то считали племянниками Старикова, многие даже находили в них какие-то схожие черты.

Кроме этого, в группу «тёмных сил», как её окрестили приближенные к генералу военные, входили ещё три и вовсе экзотические личности. Лохматый, нечесаный и всегда неопрятно одетый колдун Яков и его помощница Гелла, высокая, довольно эффектная девица с ярко-рыжими волосами. Им неизменно отводилось отдельное помещение, которое они за пару дней угаживали до необходимости полного ремонта, развешивали по стенам кабалистические знаки, карты звёздного неба, столы заваливали бумагами с астрологическими схемами, книгами по чёрной магии, шаманству и прочей дрянью. По углам на полу стояли шарообразные аквариумы, в которых под тусклыми лампами обитали огромные чёрные скорпионы, ящерицы и иная нечисть. Окно, словно паутиной, было затянуто пыльной серой марлей, а под ним стоял неизменный не то диван, не то топчан. Без осо-

бой нужды в эту по-булгаковски нехорошую комнату заходить никто не любил. Правда, ещё в Москве, когда штаб-квартира опального генерала находилась в старинном здании рядом с Третьяковкой, Малюта, проходя мимо злополучной двери, частенько слышал протяжные стоны Геллы, громкое сопение Якова и жалобный скрип топчанистого дивана. «Неплохо они там колдуют», — с лёгким отвращением думал он, на минуту вообразив сцену любви в окружении копошащейся по углам мерзости.

Замыкал эту галерею старый, безобидный, плешивый еврей с круглыми на выкате глазами, редкой бородёнкой, от рождения испуганным лицом, всегда суетящийся и ничего не умеющий делать. Арон Моисеевич Басир числился по хозяйственной части и постоянно жаловался на притеснения и несправедливости, чинимые ему чуть ли не всем миром. Почти все, кто сталкивался с этими людьми, искренне недоумевали, зачем они были нужны Плавскому, но, зная его крутой и злопамятный нрав, спрашивать не решались. Есть они, ну и есть! А у кого сейчас нет придворных колдунов, предсказателей, прорицателей, астрологов и прочих чародеев. Конечно, эта честная гоп-компания в полном составе никогда на большой публике не появлялась, в чём, наверное, и заключалась суть придворной интриги. Чем выше поднимался в стране авторитет Плавского, тем больше людей вовлекалось в его орбиту и тем большему их количеству требовался, так сказать, доступ к его телу. А доступ этот бдительно контролировал полностью подвластный Алексею Викторовичу круг.

Надо сказать, Малюта, в силу своей врождённой толерантности, состоял с этой командой в самых добрых отношениях. Он мог, дожидаясь пока освободится шеф, битый час слушать Арона Моисеевича с выражением неподдельного интереса на лице, чем доставлял тому явное удовольствие. Он не забывал нахваливать прозорливость Якова и, если подворачивался подходящий случай, откровенно заигрывал с Геллой, от чего та моментально заводилась и, похоже, была явно не прочь утянуть его в свои ведьминские чертоги. Однако присутствие там насекомых, хоть и родственных ему по знаку, но симпатии явно не вызывающих, его пыл начисто охлаждало, и он всякий раз грамотно смывался под самым благовидным предлогом. И только однажды ему всё же не удалось улизнуть от рыжеволосой, потому что приключилось это прямо в лифте.

С Алексеем Викторовичем у Скураша были свои особые отношения. После изгнания Плавского со Старой площади, Малюта по-прежнему продолжал вращаться в привычных ему кругах

политиков, журналистов, депутатов и средней руки чиновного люда, так что иной раз за день ему удавалось выудить весьма ценную и небезынтересную для Плавского информацию.

Просто диву даёшься, как поразительно доверчивы и полны мужества наши люди! Бьёт их жизнь, бьёт, а они всё равно остаются патриотами, радеющими за лучшее будущее своей поруганной и осквернённой земли. Это нынче что-то произошло с народом, он сник, замкнулся в себе, затаился и вовсе потерял надежду, осознав, что больше от него ничего не зависит, а тогда, восемь лет назад, все были смелее, активнее, ещё во что-то верили и мечтали. На этих-то мечтах страну подловил и опустил бессовестно бывший обкомовец со своей прожорливой семейкой.

Многие, узнав, кто такой Малюта и на кого работает, прямо предлагали свои услуги и готовы были выполнять любые поручения, лишь бы помочь Плавскому вернуться в большую политику. Народ был, конечно, разный, подходили и актёры, и политики, не желавшие светиться в прямых контактах с опальным генералом, и свой брат, журналист, и менты, и чекисты. Один из них, так, по дружбе, бывало, притаскивал весьма ценные сведения чуть ли не литерного характера. Так вот, какой-то частью собранной информации Скураш и делился с Алексеем Викторовичем, и не только с ним одним, но и с тем же Поповым, и с перекочевавшим из Совета в кресло руководителя аппарата партии Обрушко. Одним словом, отношения Малюта выстраивать умел, его ценили, почитали водить с ним дружбу, и всяк считал его своим человеком. Единственной, с кем у него никак не ладился контакт, была Марина.

Скураш незаметно выпал из общей команды где-то вскоре после учредительного съезда Российской народно-республиканской партии, которую Плавский, втайне от широких масс, пытался выстроить по образу и подобию американского аналога, даже втихаря встречался с несколькими конгрессменами и политтехнологами республиканцев. Насилу его отговорили приглашать подобных господ на сам съезд, хотя телеграмму от американского посла, ярого республиканца, торжественно зачитали.

6

Надо сказать, подъезжая к бывшей крайкомовской гостинице, а имя «Октябрьская» в былые времена носили все без исклю-

чения подобные заведения во всех краях, областях и республиках, Малюта слегка волновался. Он не совсем представлял себе, как сложатся его новые отношения с бывшим шефом.

Однако Плавский, вопреки ожиданиям Скураша, принял его как дорогого гостя в огромной гостиной своего гранд-люкса. Зная, что Анна Александровна в городе, Малюта предварительно заехал в цветочный павильон и, к своему удивлению, обнаружил там почти московский выбор привезённых из Голландии растений. Примостив огромный букет на одном из роскошных диванов, он с искренней радостью обнялся с Плавским. Разговор как-то сразу заладился, они оба явно были рады встрече, так что Малюта вскоре расслабился и перестал чувствовать неловкость. Они устроились у окна, за большим круглым столом, сервированным к позднему завтраку.

Плавский мало чем изменился за то время, что они не виделись, разве что слегка похудел, лицо загорело, а в глазах опять засветились искорки азарта. Он с воодушевлением принялся рассказывать о своей борьбе за симпатии народа. В искусстве нравиться людям он был явно силён, и это ему льстило, будоражило кровь и возвращало былую уверенность в свою непобедимость. Вообще, как показалось Малюте, вокруг генерала всё было буквально пропитано воодушевлением, эйфорию излучали не только его приближённые, но и абсолютно посторонние люди, даже девушки за гостиничной стойкой и те лучились какой-то особой радостью.

Поданные блюда оказались на удивление вкусными, и мужчины, разгорячённые интересной беседой, ели с отменным аппетитом. Когда завтрак подходил к концу, Малюта совсем уже было собрался изложить цель своего приезда, но тут, как назло, словно боясь надолго оставлять своего начальника без присмотра, нарисовался вездесущий Стариков, а буквально следом за ним в комнату вошла Анна Александровна. Мужчины поднялись.

— Господин губернатор, — подхватывая тяжеленный букет, расплылся в улыбке Малюта, — позвольте мне от всей души поздравить первую леди края с очередной блистательной победой её супруга. — И не дожидаясь ответа, вручил даме цветы.

— Спасибо большое, конечно. Только вот не знаю, стоит ли заранее... — начала было Плавская.

— Стоит, уважаемая Анна Александровна, — самым почтительным тоном перебил ее Малюта. — Это я не от себя говорю, а, так сказать, от Москвы коленопреклоненной.

— Я понимаю, Малюта Максимович, что вы как всегда оригинальны! А ну как возьмёт ваша коленопреклоненная да и от-

чебучит что-нибудь в последний день. Что тогда делать будете, букетик назад заберёте?

— А это, кстати, вполне может быть, — торопливо встрял Стариков, — у нас вон вторые сутки сидят эти гаврики, представители Центризбиркома и еще пару угрюмых типов из администрации, все что-то копают…

— Измениться уже ничего не может, — категоричным тоном человека, облечённого особыми полномочиями, перебил его Малюта, — а с «угрюмыми», если вы, Иван Павлович, позволите, я попробую поговорить сам.

Плавский басовито хмыкнул и пожал могучими плечами.

— Ну что ж, Малюта Максимович, поговорите, а то чего уж тут напоследок без толку ушами по щекам хлопать. За поздравление спасибо. Будем считать, что Скураш прогнулся первым, ты согласна, Анна Александровна? — Плавский с ухмылкой глянул на Алексея Викторовича, дескать, увереннее надо быть, товарищ, вот видишь, как старая гвардия работает.

— Вообще-то у меня к вам разговор есть, Иван Палыч, — воспользовавшись удобным моментом, начал наконец Малюта, — желательно тэт-а-тэт.

— А Алексей Викторович нам не помешает? — бросив на него испытующий взгляд, спросил вдруг Плавский.

— Да нет, конечно. Вопрос всё равно требует обсуждений, — ожидая такого поворота дела, ответил Скураш. Секретничать всё равно не имело смысла, когда вокруг Плавского вертелось столько советчиков. — Лишняя умная голова делу не помешает, — польстил он моментально сделавшему стойку Старикову.

Внимательно выслушав пересказ беседы с Таниной и от души посмеявшись над розовой историей, Плавский вставил в мундштук очередную сигарету и изрёк тоном, не допускающим возражений:

— Хорошо, передайте Победе Игоревне, я согласен на встречу. Успокойтесь, Алексей Викторович, — остановил он явно порывавшегося что-то возразить советника, — военные действия на время сворачиваем. Людям передых нужен, да и обозы надо подтянуть. Малюта прав — пока следует задружиться, тем более, не я их об этом прошу, а они сами белый флаг выкинули. Вечером по этому случаю тесной компанией выпьем. Всё, решено. — Генерал поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. — У меня сейчас встреча с избирателями, а вы давайте с москвичами разбирайтесь.

С московскими гостями всё прояснилось довольно быстро, оказывается, им уже поступила команда сворачиваться и отправляться домой, а в случае возникновения каких-либо непредвиденных ситуаций, ничего не предпринимать без доклада Скурашу.

Покрутившись три дня в окружении будущего губернатора вплоть до самых выборов и откровенно перегрузив печень в ночь подсчёта голосов, Скураш, полный впечатлений и тревожных мыслей, возвращался восвояси.

В самолёте его соседом по бизнес-классу оказался заместитель бывшего губернатора Андрей Михайлович Шалейко, грузный, болезненного вида господин, некогда ведавший краевыми финансами. Шалейко явно чувствовал себя ужасно плохо. Вероятно, от всего вместе: и от выпитой с горя лишки, и от проигранных выборов; и от предательства трусоватого шефа, который под конец выборного марафона, стал обвинять своих заместителей и соратников во всех смертных грехах с обещаниями пересажать их в тюрьму, если народ повторно окажет ему доверие; и от неурядиц в семье.

Всё это он спутано поведал Скурашу во время перелёта: и про сына, которого, де, сволочи, нарочно на иглу посадили, а он у него последыш, всего-то в шестой класс пошел, и про воспалившуюся на нервной почве простату.

Правильно оценив ситуацию, Малюта, не дожидаясь милости стюардесс, решительно налил бедолаге, которого даже и в депутатский зал не пустили, полный стограммовый стопарь коньяка из своей верной серебряной фляги.

— Да неудобно как-то! — замахал руками Андрей Михайлович. — У меня ведь тоже в портфеле есть. И выпить, знаете ли, и закусить жена собрала. А, да ладно! Со знакомством что ли! Уф-ф! Хороший коньяк. Французский?

— Приднестровский, из Тирасполя...

Алексей Михайлович едва не поперхнулся:

— Как же это вам не совестно меня такой отравой потчевать? Хотя вы — победители, вам уже всё можно… Поговаривают, что до инаугурации ваш горлопан вообще собирается край отдать на разграбление своим приднестровским янычарам.

— Будет вам, какие янычары, генерал ничего подобного себе даже на войне не позволял, да и бандитов в его окружении никогда не было...

— Не было, так уже есть — и, осознав, что сболтнул лишнее, Шалейко нахмурился и засопел. — А вы, собственно, кем будете

новой власти? — доставая из-под сиденья портфель, обратился он к Малюте.

— Никем. Так прохожий, вернее, старый сослуживец.

«Что это он так испугался? — исподтишка взглянув на соседа, подумал Скураш и представился.

— А, так вы из администрации президента? — со вздохом облегчения произнёс бывший. — А то я уже струхнул, думаю, вдруг с каким-нибудь вурдалаком пьянствую. Давайте-ка закусывайте, жена утром испекла. Пирожки наши, сибирские, здесь вот разные — и с капусткой, и с мяском, и с картошечкой. Берите, не стесняйтесь.

Выпили ещё, пожевали пирогов. Малюта нутром чуял, что человек хочет выговориться, выплеснуть наружу что-то важное, что его точит, гнетёт и, похоже, уже долгое время вертится на языке.

— Вы меня простите великодушно, а можно полюбопытствовать ваше удостоверение? — по-детски конфузясь, спросил финансист...

— Пожалуйста, — Малюта достал корочку, — а то вдруг вы не то что с вурдалаком, а кем и порогатее соседствуете.

— Так вы что же, из органов? — не то с разочарованием, не то с уважением, произнёс Шалейко, — возвращая книжечку и конфузясь ещё пуще прежнего.

— Нет, Андрей Михайлович, к органам я, к счастью, не имею никакого отношения. Служу исключительно государству и его народу, в этом вы мне можете абсолютно верить.

— Хорошо, хорошо. Тогда давайте выпьем! — он наскоро чокнулся и опрокинул только что принесённый бортпроводницей коньяк. — Понимаете, одним словом, здесь у нас в крае такое творится! — он опасливо посмотрел по сторонам и перешёл на шёпот. — Это хорошо, что вы не из органов, я их побаиваюсь, это генетическое, когда с детства растёшь среди лагерей, то весь мир представляется, знаете ли, этаким огромным концлагерем, где всем заправляют всесильные органы. Я отчётливо помню, когда отец в пятьдесят втором первый раз привёз меня, пацана желторотого, в Есейск, знаете, что больше всего меня поразило в большом городе? Нет, не высокие дома, хотя у нас в Решотах выше, чем два этажа, бараков не строили, не машины и трамваи, даже не красивые игрушки в магазинах! Нет, меня поразило совершенно другое, как это столько людей могут ходить без конвоя, без овчарок и не строем! Представляете? Так какие уж тут

любовь и уважение к чекистам? Да ладно. Сейчас меня совсем другое мучает. У нас в крае, не берусь точно сказать кто, но кто-то взрастил монстра и выпустил его на свободу...

— Кого? — искренне удивился Малюта. — Какого монстра?

— Самого настоящего, щупленького такого, невзрачненького. Вы думаете, это Плавский на выборах победил? Как бы не так, почтеннейший Малюта Максимович, это Монстр слопал Беззубова со всей его свитой.

— Андрей Михайлович, да какие монстры! Вы, верно, просто переутомились. Вчера с горя лишку хватили, да утром на старые дрожжи добавили. Успокойтесь, такое иногда бывает. Давайте ещё по маленькой да поспим немного, что ли, — теряя к собеседнику интерес, произнёс Малюта и махнул рукой проходящей мимо стюардессе. — Еще по сто коньячку, пожалуйста.

— Да не пьяный я, — поморщился Шалейко, — и, уж поверьте, не сумасшедший. Вам фамилия Драков что-нибудь говорит? Спортсмен он, знаете ли… Ага, смотрю, и вы в лице переменились. Так вот слушайте...

На болотистой границе сибирских степей и таёжного кряжа уныло примостился небольшой уездный городок. Дома, хилые палисады, чахлые огороды, сколиозные деревья, да и сами люди — всё было серым и невзрачным, как затёртые кадры чёрно-белого послевоенного кино. Взрослый люд городка изо дня в день копошился в огромном котловане, отвалы которого белесыми горами вздымались прямо за крайними огородами. Город, как тысячерукий крот, выворачивал из земных недр ценнейшую руду, из которой добывался самый стратегический в стране металл. Начальство и медики в один голос убеждали всех, что руда, практически, нерадиоактивна, но мужики в городе чахли, не успев состариться и уже после сорока начинали с тоской поглядывать на безлесое кладбище, растопырившее кресты вдоль московского тракта. Сами жители неприглядность своей жизни как-то не замечали и были по-своему счастливы.

Вот в этом городке с татарским названием и прошло не очень сытое детство и спортивная юность неприметного паренька, которого улица окрестила Пашка Драка. Вообще-то драться он не любил, но где-то вычитав, что добро должно быть с кулаками, Павел забросил детские забавы, озорство, а заодно и учёбу, и с головой ушел в бокс. И бокс дал ему всё. Он сотворил из него сначала Петровича, а затем и непререкаемого авторитета, депу-

тата, легенду края — Павла Петровича Дракова. Каких только былей и небылиц, сплетен и толков о нём не носила всезнающая людская молва. Как складывалась его команда, и как постепенно прибирала она к рукам самые лакомые куски краевой экономики, пожалуй, лучше всех знают сами же тому активно способствующие славные всевидящие органы. Они-то — когда-то истинные хозяева каторжного края — просто хотели по накатанной схеме, а именно, чужими руками заполучить в приватное пользование заводики, пароходики и прочие золотоносные атрибуты растущего капитализма, а заодно и умную партию разыграть: указание об усилении борьбы с преступностью руками самих преступников выполнить. А тут на тебе — обломилось! Правда, «синяки» и ворьё авторитетное в округе как-то сразу извелись, и собственность перераспределилась, да всё мимо кассы пролетело. Да мать твою! Где такой-сякой? А подать его сюда!

А в ответ-то кукиш. Оказывается, бывший клиент, по понедельникам не принимает, а нищим подаёт по пятницам. Сорвался, одним словом, карась с крючочка и не думает назад в садок возвращаться. А тут ещё, гляди-ка, с опальным генералом спутался, создал в крае отделение гремевшего тогда по всей России движения «Родина и Честь» и, мало сам, так ещё и с добрый десяток своих соратничков в краевое заксобрание усадил.

Приблизительно вот такую красочную картину и нарисовал Малюте бывший главный финансист региона.

— ... и никто, никто его уже не сможет остановить. Представляете, он даже нам с губернатором предлагал своё, г-мм, кураторство...

— И что же вы, согласились?

— Чур, вас, чур! Нет, конечно. Взяли время на раздумье до окончания выборов...

— Думаю, в свете последних событий, — с ехидной улыбкой прервал собеседника Малюта, — всё может очень усложниться. Я слышал, что в таких случаях с физических лиц подушная подать многократно превышает издержки, так сказать, лиц юридических. Да к тому же юридическое лицо не своим кровным рассчитывается, а казённым. Так что для приватного кармана потери сразу становятся ощутимее.

— Ну что же вы такой бесчеловечный! Я к вам за сочувствием, а вы ёрничаете, — сосед махнул рукой и нажал пальцем кнопку вызова. — Давайте что ли ещё по маленькой. Эй,

девушка! — И опять понижая голос: — А я ведь предупреждал Беззубова, что так и будет, как вы мне сейчас сказали. Уж вы-то наверняка знаете, какие деньги Павел Петрович ввалил в избрание генерала, — и, придвинувшись ближе, Жалейко зашептал в самое ухо Малюты.

— Да будет вам! — поражённо отмахнулся Скураш.

— Настаивать не стану. За что купил, за то продал. Но говорят, генерал на иконе клялся, что дружба у них навек, и деньги «сиротам» вернёт, а, совершив марш-бросок на Москву, Петровичу отдаст всю губернию, восстановив её в прежних советских границах. Вот и думайте теперь уже вы там, в Кремле, что делать? А то глядите, как бы не пришлось и вам Пашке Драке ковровые дорожки на Красной площади раскатывать, наши-то иные генералы уже давно катают, а Павлу Петровичу это ох как нравится...

Вскоре объявили посадку. Народ в салоне зашевелился, и разговор прервался сам собой.

С Востока в Европу лететь одно удовольствие: взлетел в Есейске в семь утра, в семь утра в Москве и приземлился. Из самолёта недавние соседи вышли совершенно незнакомыми людьми и, даже не глянув друг на друга, разошлись в разные стороны, чтобы больше никогда в жизни не встретиться.

7

Появление Малюты в Есейске не осталось незамеченным не только среди штабных Плавского, но и в, что называется, супротивном лагере. Народ, окружавший Беззубова, моментально смекнул, что проигравшего губернатора списали в тираж и никаких судов и пересудов по итогам второго тура не будет, так что всем, кто не полный дурак, надо срочно, толкаясь локтями, прорываться к телу нового избранника и любимца общенародного. Одним словом, Есейская губерния вступала в пору очередного «межлизня».

Традиционно российский чиновник — человек тихий и незаметный. Скоблит своим пёрышком по бумажке и снимает с того малую толику на достойное пропитание. И Бога не забывает, и с начальством делится. А что поделаешь, уж такие они, бюрократовы палестины: сам взял, другому дай, да и начальство не забывай!

Придерживайся этой грамматики, и всё у тебя будет по-доброму. Только совсем уж лихоимец да неразумный станет вымогать у обычного средненького бедолаги его неправедные серебреники. Нет, такого в порядочном учреждении или департаменте отродясь не водилось ни в былые, ни в нынешние времена. Правда, чего уж греха таить, в околотках и ныне могут, вместе с зубами, деньгу вышибить, что да то да! Ну ещё могут иной раз прокурорские или грефовские поозоровать, а так полнейшая тишина.

Особенно такая благодать заметна в провинции. Там народ приученный, и доплату за поспешание в решении любого вопроса несёт исправно. Главное, что ни просителю, ни чиновнику и в голову не придёт, будто они какие лиходеи. Просто тот злосчастный конверт, за которым так гоняются серо-васильковые, из зависти, что ничего другого, более путного чем рыться в чужом белье, в жизни-то и делать не умеют; так вот конвертик этот служит своеобразным мостиком, поручительством того, что дело ваше будет исполнено и непременно в благоприятную для вас сторону. Всё делается по веками заведённому к обоюдному удовлетворению сторон чину. Убыток-то невелик вышел, а посчитай, в каком прибытке остался! В канцелярию идут не отдавать своё, последнее, кровное, а спрашивать дозволения на прирост капиталов или достатка. Так что кроху дал — каравай умял! И что в этом крамольного? Нет, не чиновник в своём лихоимстве повинен, а лукавое высшее руководство государства, которое его, своего, можно сказать, подневольного пахаря, гнобит и в чёрном теле держит.

Как и весь люд иной. На чиновное жалование, что партикулярного, что военного служаки, квартиру порядочную не купишь, да что порядочную, и непорядочную тоже, детишкам образование не оплатишь, отдохнуть на курортах не сможешь. А на пенсию выйдешь — её наши умники-депутаты именуют сроком дожития — так особо долго не заживёшься и, ежели кто не поможет, то и похоронить-то по-человечески не на что будет. Об этом-то и болит голова у канцеляриста.

А здесь форменная катастрофа. Власть меняется! И притом — не просто местный междусобойчик: пообливали друг дружку помоями, как в былые времена на отчётных пленумах крайкома, сходили после этого в баньку, посидели за мировым столом — и живи себе спокойно дальше до следующего отчётного. А здесь дело труба — чужак наступает! Чужак, он, вестимо, чужих не любит, а чужие ему все, кто не свои. И в первую голову — местное, так сказать, аборигенное население.

У Плавского своих в Есейском крае не было. Да и откуда им было взяться? Местные колоборационисты, бросившиеся в добровольные помощники, как правило, не в счёт. Такие кое-как пригодны лишь во время избирательных баталий, а в мирной повседневной жизни годятся разве что на роль мелких полицаев. Вот и потёк служилый люд покрупнее в «Октябрьскую», дабы любыми путями примазаться к близкому кругу прединаугурационного лица.

Но не в «Октябрьской» решались эти вопросы. В гостинице орудовала, оставленная Алексеем Викторовичем без присмотра мелкая нечисть в лице Якова, Басира, рыжей Геллы, крестящейся и постоянно сплёвывающей через левое плечо Арины Сергеевны, полной дамы преклонного возраста с вострыми глазками и тонким подвижным носом. Арина Сергеевна называла себя «мать солдатская» и всех именовала не иначе как «сыночек» или «деточка». На изрядном её бюсте блестели какие-то медали и казачьи «потешные» кресты. В одном из дальних, слабо освещённых углов гостиничного холла нет-нет да и мелькала худая подтянутая фигура будущего всесильного начальника контрразведки Плавского Ляскаля, в общем-то доброго украинского парня, со странной, отнюдь не хохляцкой фамилией. Даже бывший сослуживец и кореш Малюты, Валера Литвинов, и тот, не удержавшись от соблазна, принимал духовенство и казачество, обещая заступничество и всяческое покровительство.

Плавский с самыми близкими людьми, сразу же после второго тура перебрался в официальную резиденцию Президента России, располагающуюся неподалёку от Есейска, на живописном берегу великой сибирской реки. Такие резиденции начали строить еще при Хрущёве, который первым из советских руководителей решил проинспектировать работу партподданных непосредственно на местах. До этого лично осматривать империю было заведено только у нерусских Романовых, ни Ульянов, ни Джугашвили, при всей их людоедской любви к народу, в этот самый народ никогда не ходили.

Имелась такая резиденция и в Есейском крае. Представляла она собой огромную, огороженную и хорошо охраняемую территорию прибрежного соснового бора, на береговой линии которого были выстроены весьма скромные по московским меркам деревянные коттеджи и два капитальных каменных дома, они-то, собственно, и являлись официальной резиденцией президента.

Ближний круг не без труда отговорил Плавского занять апартаменты Гаранта Конституции, напирая на то, что с недавнего времени, при всём его теперешнем величии, он всё же является вассалом пока ещё всесильной Москвы. Самый убийственный аргумент неожиданно выискал Саша Укольник, на голубом глазу задавший наивный вопрос:

— А вы, Иван Павлович, когда станете президентом, кому-нибудь разрешите спать на своей кровати?

— Чего?! — прорычал генерал и расположился в соседних, не менее шикарных апартаментах.

В это утро уже давно закончился завтрак, но едоки, сдвинув в сторону тарелки с недоеденными омлетами и кашами, выпроводив сконфуженных горничных и поваров, приставив к дверям охрану из своих людей и погромче включив телевизор, сгрудились на одном конце длинного обеденного стола. Решался самый главный вопрос — кадровый.

— Иван Павлович, Иван Павлович! Вы подумайте хорошенько, — в волнении кривил рот Алексей Викторович, — отдать место зама по финансам и экономике какому-то чужаку...

— Алексей Викторович, не уподобляйтесь аборигенам, — жёстко оборвал его Плавский. — И я вас очень попрошу забыть это дурацкое слово «чужак»! В делах государственных нет ни чужаков ни свояков, есть только нужные и профессиональные люди. Всё, закрываем эту тему. А Музадохов со своей командой закрывает экономическую тему. Так было обещано Ювиношвили за его добровольный вклад в наше общее дело...

— Но Иван Павлович! — не унимался Стариков.

— Никаких «но»! — отмахнулся Плавский. — Вы прекрасно знаете, сколько в нас ввалил этот банк, а с учётом будущих проектов, и вообще говорить нечего! Так, это решили, что там дальше, Марина Альбертовна?

— Промышленность и строительство. Эту тему просил Драков, — заглянув в свои записи, натянутым голосом произнесла женщина. Ей тоже не нравилось сегодняшнее упрямство шефа, который всё самое лакомое раздавал направо и налево. — Но здесь надо хорошенько подумать, насколько это будет выгодно нам, — холодно добавила она, не поднимая глаз.

— А что он ещё просит? — закуривая новую сигарету, кашляя и щурясь от дыма, спросил Плавский.

— О, да много чего! — встрял Стариков и, вскочив, как молодой солдат пред генералом, зачастил: — Промышленность — раз; строительство — два; северный завоз — три; курирование силовых структур — четыре; лесной комплекс — пять; спорт — шесть! Да всё, короче, буквально всё...

— Извините, что вас перебиваю! Он ещё предлагает администрацию преобразовать в правительство края с председателем во главе, — вмешался доселе молчавший старший брат Александра — Михаил Укольник.

Густые брови Плавского медленно поползли вверх.

— Не понял. А губернатор что? В смысле, какие ему отводятся детородные функции?

— Иван Павлович, разрешите, я попробую насчёт детородных функций пояснить как экономист, — бесстрастно произнесла Марина.

— Давай, тебе эта тема ближе, — съехидничал Стариков.

— Идея правительства для нас весьма заманчива, — пропустив колкость мимо ушей и зная, что генералу нравятся скабрезности, которые Алексей Викторович, чтобы потрафить шефу, вворачивает при любом удобном случае, продолжила экономическая дама: — Такие схемы: «губернатор — правительство — законодательный орган», давно уже существуют во многих регионах и неплохо себя зарекомендовали. В принципе, это калька системы государственного управления, но в меньшем масштабе. Для нас, с учётом ваших дальнейших планов, это вполне приемлемо. Считаю, что и нам вполне можно было бы обкатать эту схему.

— Но с этим спешить мы не будем, — подытожил генерал, не собиравшийся ни с кем делиться только что привалившей властью. — Вы пока думайте, пишите законопроекты, привлекайте специалистов. В целом предложение о правительстве заслуживает внимания, это действительно интересно, так Павлу Петровичу и передайте. Дайте-ка мне перечень его запросов. — Укольник-младший молча протянул губернатору листок. — Да-а, здесь и невооружённым глазом видно, что аппетит у союзничков явно зашкаливает. Ничего, подумаем и будем урезать...

— Да ему, бандитской роже, вообще ничего давать не надо! — взорвался вдруг Стариков. — Обнаглел совсем! Экономику ему отдай всю, но этого, оказывается, мало! Его, видите ли, еще и премьер-министром надо поставить! В тюрьму его надо, Иван Павлович! В тюрьму!

— Прекратить истерику! — рявкнул генерал, шарахнув кулаком по столу с такой силой, что неприбранная посуда подскочила вверх, жалобно зазвякав вилками и чайными ложечками. — Мой вам совет, Алексей Викторович, не вздумайте где-нибудь ещё нести подобную чушь! С Драковым шутки плохи. Ему пока оставляем северный завоз, спорт ну и силовиков...

— Как силовиков? — не унимался Стариков, — бандиту и силовиков?!

— Смотрите, я вас при всех предупреждаю, что подобные реплики вас до добра не доведут. Весь правоохранительный блок будет под пристальным наблюдением Ляскаля, но он пока в этой области никто, просто бывший мент, так что пусть Драков предлагает своего, а Ляскаль пока за ним поприсматривает, заодно и опыту наберётся, чтобы самому голову сразу в петлю не совать.

— А что будем делать с промышленностью? — спросила Марина Альбертовна.

— По вопросу так волнующей всех промышленности мы сегодня примем половинчатое решение, — не терпящим возражения голосом заявил Плавский.

— А это как? — искренне удивилась женщина.

— А вот так! — шумно вставая, подытожил шеф. — Я сейчас еду на заслуженную мной рыбалку, а вы садитесь и выстраивайте весь будущий штат до техперсонала включительно. И готовьте предложение по половинчатому решению главного экономического вопроса. Вот вам подсказка: мы должны его дорого продать, при этом сохранив за собой полный контроль. Без этого контроля делать нам в крае нечего.

8

Самолёт из Есейска прибывал по расписанию. Малюта вдруг почувствовал, что начинает волноваться. Вчера поздно вечером, когда он выходил из кабинета Таниной, сегодняшний день представлялся ему простым и понятным: приехал в аэропорт, встретил губернатора, сопроводил до Старой площади, сдал с рук на руки Победе Игоревне — и всё. А вот сегодня почему-то с самого пробуждения его бил мандраж. В кармане заверещал мобильник.

— Малюта Максимович?

— Да, Скураш. Слушаю вас. Кто это?

— Это из администрации президента. Вы встречаете Плавского?

— Да, встречаю, только что объявили посадку самолёта. Как встречу, сразу же перезвоню Таниной, как мы с ней и условились. А вы, простите, кто?

— Танину сегодня отстранили от должности в связи с переходом на другую работу, — после короткой паузы, отчётливо сказал голос.

— Что?! — в глазах Малюты потемнело, он моментально представил медленно багровеющее лицо генерала…

— Да вы не волнуйтесь. Все договорённости остаются в силе. Встречайте генерала и к четырнадцати часам сопроводите его в третий подъезд. Знаете, где это?

— Да, конечно.

— И ведите его прямо в приёмную Николая Николаевича Пужина, который уже назначен вместо Победы Игоревны. Вы всё поняли?

— Да понял, — стараясь не выдать голосом оторопь, произнёс Скураш. — Но Пужина я не знаю. Мы только однажды мельком встречались в кабинете мэра Ульянограда.

— Это не важно. Он вас знает. Удачи. Главное, настраивайте вашего бывшего начальника на позитив, — произнёс голос и отключился.

«Вот дела!» — Малюта засновал по залу официальных делегаций. — Просто дурь какая-то! Почему не позвонила сама Победа? Может, здесь кроется какой-то подвох? — он принялся названивать Таниной, однако, все её телефоны, включая мобильный, глухо молчали. — Да, пожалуй, и не стоит сегодня звонить опальной знакомой, говорят это дурная примета. Главное, успокоиться, Плавскому подобная перемена должна, по всей видимости, понравиться. Если я только не ошибаюсь, этот Пужин из чекистов, службу закончил не то майором, не то подполковником, и это в предстоящей встрече может сыграть весьма положительную роль. При всех раскладах генералу с полковником любых войск и служб будет разговаривать привычнее и легче, чем с занудным гражданским клерком, а уж тем более с государственной матроной. Вот это я понимаю — карьерный рост: подполковник, зам мэра, главный контролёр, первый заместитель Главы администрации! Вот это растут люди! Выходит, не зря тебя сегодня с утра колотило, Скураш! Ну ничего, Пужин так Пужин. Нам, кривичам, один хрен.

Плавский прилетел вместе с Анной Александровной и Стариковым. Супруге губернатора был подан отдельный автомо-

биль, и она отправилась по своим делам. Пересадив одного из охранников в свою машину, Малюта устроился в «мерседесе» Плавского и, с трудом уняв волнение, стал докладывать резко изменившуюся обстановку.

— Так говоришь, «розовую дамочку» ушли? Может, это и хорошо. Баба у власти, да ещё на регионах...

— Иван Павлович, может, это они специально к вашему приезду постарались, — воспользовавшись паузой, вставил Малюта, — для полного, так сказать, замирения? Надо же как-то восстанавливать с вами отношения, да и Администрацией сейчас управляет неглупый человек, по слухам, скоро может зятем Царя сделаться…

— Да причём здесь зять! — раздражённо выпалил сидевший рядом с шефом Стариков. — Здесь просто чья-то умная разводка. На самостоятельные игры такого масштаба ваш бывший коллега-журналист не способен, на какую должность его ни поставь. — В голосе Алексея Викторовича чувствовалась нескрываемая досада, видимо, что-то непоправимо рушилось в его заранее выстроенных схемах. И вдруг его словно осенило. — А что если это начало худшего варианта, Иван Павлович? Ваш заклятый друг вам давно звонил?

— Ты думаешь, это *его* игры? — насторожился Плавский.

— А кто его знает, только на связь с ним выйти стоит, и лучше до визита на Старую площадь.

Малюта напрягся каждой частицей своего естества, пытаясь не пропустить ни единого слова из этого, как ему казалось, очень важного разговора. За короткое время работы в Совете национальной стабильности, он только мельком соприкоснулся с тайными механизмами, приводящими в движение властные структуры. Как обычный, не ведающий никаких тайн гражданин, он по наивности еще до недавнего времени верил в существование некой высшей державной справедливости, которая непостижимым образом нисходит на властителей страны, и те, из обыкновенных смертных чудным образом превращаются в носителей и распорядителей народной воли, заступников и судей своих подданных. Народная вера в доброго и мудрого царя, комиссара, начальника, секретаря Политбюро и, наконец, президента продолжала жить в народе и преспокойно здравствовать. И не было в том ничего случайного и необычного, так как вера эта была замешана на такой гремучей смеси, что и черти и угодники посворачивали бы себе шеи. В основе вековой российской веры в светлого Царя лежало всё — и христианство, и язычество, и основы земледель-

ческой общности, и древние цеховые традиции, и врождённый славянско-татарский коллективизм, и почти столетняя уравниловка, а, главное, звериная тоска по свободе и лучшей доле. Самое поразительное, что этот крутой замес никуда не исчез из душ людей. Тот древний и простецкий человек по-прежнему жив и, как тысячу лет назад, продолжает с тупым упрямством обожествлять государство и своего властителя, желая видеть в нём героя, жреца и жертву одновременно. И только окунувшись в тёмную бездну самой власти, испытав на своей собственной шкуре всю её мерзость и подлость, человек прозревает, но это не приносит ему ни радости, ни счастья, ни достатка. Боль и безысходность поселяются в душе, страдания и муки совести сотрясают её, а главное, начинает денно и нощно точить страх. Страх собственной несвободы и беззащитности.

Однако человек, не сломленный этим грузом, как переболевший чумой, получает иммунитет и становится опасным для власти и её жрецов. Также опасен для какой-нибудь из жутких сект прозревший адепт или вырвавшийся из ложи масон-отступник. Вот почему власть не может терпеть в своих рядах честных, добрых и совестливых людей, она их иссушает и черствит ещё на первых побегушечных должностях, доводя до среднестатистического уровня обезличенной исполнительской массы. Если же этого не происходит, человек изгоняется, как прокажённый, превращается в сумасшедшего, смутьяна, революционера, врага народа, предателя демократии, расхитителя народного достояния. Постижение тайной интриги власти, её приводных ремней — одна из величайших тайн, тяжкая и весьма опасная затея.

Поэтому, внимательно вслушиваясь в разговор Плавского со Стариковым, Малюта понимал, что каждая фраза этого диалога может стать для него ответом на множество мучающих его вопросов.

— Если это начало, первый шаг на большой доске подвижек, то он — полная сволочь, — продолжал Стариков. — Значит, он готовится кинуть вас в очередной раз.

— Ну, я-то ему не козёл, чтобы покорно ходить за морковкой! — с пол-оборота начал заводиться генерал. — Давай соединяй меня с ним...

— Иван Павлович! Не надо пороть горячку, — покосившись на притихшего и старательно демонстрирующего своё равнодушие Скураша, с предупредительными нотками в голосе возразил советник и, как бы испугавшись своей прилюдной дерзости, уже более мягким тоном, добавил: — Вот сейчас доедем до офиса и

по нашим опробованным каналам будем пытаться связаться с нашим Всеобъемлющим. Горячиться и спешить мы не имеем права, к тому же день сегодня очень важный для вас. Сейчас главная задача — обаять этого расстригу-комитетчика.

Во дворе невысокого старинного особняка в Замоскворечье творилось самое настоящее Вавилонское столпотворение. Все подъезды к дворику, где располагалась штаб-квартира партии Плавского, были забиты дорогими иномарками, а сам двор, тесный и по-московски захламленный, был заполнен пёстрой гудящей толпой ожидающих. Эти господа, дорого одетые и вальяжно покуривающие, поразительным образом разнились с теми людьми, которые ещё неделю назад несли к избирательным урнам свои бюллетени, как свою последнюю надежду на лучшее будущее.

Когда машина генерала остановилась и охрана распахнула дверцу, раздались громкие аплодисменты. Под эти угодливые овации, с чувством собственного превосходства и видом победителя, из недр автомобиля выбрался ослепительно улыбающийся Плавский. Сделав приветственный жест рукой, генерал, ни с кем не поздоровавшись персонально, прошествовал к подъезду.

— Иван Павлович! — разноголосо заволновалась толпа, выпячивая вперед разномастные коробки, пакеты и свёртки с подношениями.

— Приму всех! — как на плацу, рявкнул Плавский. — Только где-то в обед. Нанесу непродолжительный визит в Кремль и вернусь к вам. Недоступная власть народу не нужна! Спасибо за тёплую встречу!

Генерала распирала искренняя гордость. Он вновь победил, победил назло всем, и теперь ему никто не страшен. Есть цель, достигнув которой, он исполнит своё предназначение — спасти огромную, красивейшую и богатейшую, но смертельно хворую державу с её нищим народом. Только он сможет раз и навсегда излечить души людей, изгнав оттуда унижение и обиду и воскресив их веру в силу справедливой и мудрой власти. Генерал особенно не задумывался, кто возложил на него эту тяжкую миссию. Бога он не знал, на духовенство смотрел как на скопище дармоедов и пройдох. Однако в свою исключительность верил и был искренне убеждён, что за его спиной стоит некая всемогущая сила. Его не мучил вопрос, что это за сила: Бог, Дух, Дьявол,

Инопланетяне? — ему было всё равно, кто им управляет. И чаще всего он думал, что эта сила — он сам!

Это он, гордый и сильный человек, смог, сумел повернуть бесстрастное течение тёмной реки времени и повёл за собой многомиллионную армию верящих в него людей. Как военный, он любил и умел командовать, но там, в армии, власть была какой-то куцей, пришибленной, лишённой размаха и полёта, а главное, она распространялась только на подчинённых. Сегодня за ним миллионы, и это не только те, кто поддержал его в Есейском крае, за ним миллионов двадцать по всей стране, а может, и больше. Конечно, нельзя было поддаваться на уговоры этого афериста и во втором туре поддерживать живой труп Гаранта, не лежало нутро к этому, да уж что сделано, то сделано! Стариков тогда из кожи вон лез, доказывал, что Гарант к зиме кони двинет, а мы за это время освоимся в Кремле, правительство и администрацию на свою сторону перетянем. Перетянули! Через пару месяцев поганой метлой погнали вон! И главное, ничего в стране не произошло, вчерашние его избиратели, как ходили покорно на работу, где им ни хрена не платили, так и продолжают ходить, никто не бросился создавать партизанские отряды! Близкие сторонники и соратники, мать их в душу, мало того, что поотворачивались, так ещё и в предатели его записали, на пленумах движения, под его имя созданного, стали причитать о смене лидера! О новой программе, новых перспективах! Суки! Ну ничего, скоро со всеми разберёмся!

С подобными мыслями Иван Павлович поднялся на второй этаж своего старого московского офиса.

9

Встреча есейских визитёров с новым фактическим управителем администрации должна была произойти в его старом кабинете, расположенном в непрестижном третьем подъезде Старой площади. В своё время сюда, почти на Варварку, загнали второстепенные управления и кабинеты разных бездельников, типа призванных крепить дружбу с Беларусью и прочими сателлитами, обитали ещё здесь и какие-то утробные структуры, обслуживающие огромный комплекс спецзданий.

Николай Николаевич, мужчина невысокого роста, слегка лысоватый, с глубоко посаженными круглыми глазами, длиннова-

тым чувствительным носом и хорошими манерами, принял их весьма радушно. Сам вышел в приёмную, долго тряс генеральскую руку и, конфузясь, сбивчиво поздравлял его с избранием.

— И вас тоже, как мне донесли, — Плавский выразительно глянул на Скураша, — можно поздравить с назначением на один из ключевых постов...

— Да, вот сегодня как раз президент принял такое решение и обнародовал свой указ, — слегка смущаясь, произнёс Пужин, приглашая гостей пройти в кабинет. — Признаюсь, для меня так всё неожиданно произошло, что до сих пор не могу придти в себя.

— Привыкайте, он на неожиданности да рокировочки ох как горазд — тоном большого знатока произнёс Иван Павлович и явно хотел ещё что-то добавить, но, натолкнувшись взглядом на умоляющее лицо Старикова, промолчал и только криво усмехнулся.

— Вы, Иван Павлович, извините, я пока не знаю, что вы предпочитаете, чай или кофе...

— Кофэ! — с характерным южным произношением бросил генерал, усаживаясь напротив хозяина.

Рядом бочком примостился Стариков. Малюта, немного поколебавшись, присел на крайнее кресло с пужинской стороны. Разговор шёл вроде как и ни о чем, стороны обменивались любезностями, комплиментами, рассказывали забавные случаи из своих биографий. Чувствовалось, что ни один, ни другой большого опыта переговоров такого уровня не имели и пытались, как могли, прощупать друг друга, прежде чем задать заранее заготовленные вопросы.

— Ну вот, выборы позади, и что вы можете сказать о крае, о бывшем губернаторе?

— Да что тут говорить, уважаемый Николай Николаевич, вы вот сейчас, насколько я понял, на губернии брошены, поездите, сами увидите, что творится. Я вам, как военный военному, скажу — слюнтяям такой ответственный пост, как губерния, доверять нельзя. Беззубов просто довёл край до ручки! Не подумайте только, что я крови его или репрессий каких хочу. И в мыслях не держу! Хотя по-хорошему надо бы создать независимую комиссию и провести основательную ревизию, но, увы, таких традиций в нашей державе не заведено. Ничего, обойдёмся! Мне Беззубов ни к чему ...

— А как вы думаете, Иван Павлович, куда его можно трудоустроить?

— Да никуда, — хмыкнул Плавский. — Хотя, может, в какую науку засунуть. Пожалуй, не знаю, что вам и посоветовать.

А край мы поднимем, попомните моё слово, — пробасил он, нахмурившись, и добавил: — Вам, наверное, понарассказывали, что, дескать, сейчас приедет такой горлопан и начнёт права качать? Да нет, мирный я, с природно-ласковым голосом и лицом. Не надо мной детей пугать. Будем работать вместе. Президенты они, знаете ли, приходят и уходят, а держава наша и её терпеливый народ остаются. Я, кстати, рад, что убрали вашу предшественницу, пустышка полная была...

— Ну, это в вас ещё предвыборные страсти кипят, — видя, что генерал действительно начинает закипать, перебил его Пужин. — Она, кстати, весьма толковый работник, да и встреча наша — это ее задумка…

— А может, вы и правы, — неожиданно легко согласился генерал, — на самом деле меня сегодня больше всего волнует окончание посевной и будущий завоз на Север...

— Северный завоз, — извиняющимся тоном поправил шефа Стариков и пододвинул к нему лист бумаги.

— Ну да, конечно, северный завоз, — и заглянув в листок, отодвинул его обратно, — здесь мне напоминают, что надо бы поднять кадровый вопрос...

— Интересно, готов вас выслушать.

— Знаете, я вот с вами пообщался и решил пока повременить. Не стоит горячку пороть! Хочу как следует разобраться на месте, всё взвесить, а потом уже, если понадобится, обращусь к вам за содействием. Договорились?

— Безусловно. По этому пункту остаюсь вашим должником. У меня к вам встречный вопрос, а как вы относитесь к наместнику президента в крае?

— Да никак не отношусь, как, впрочем, и федеральные структуры! Пару раз видел это чудо в штанах, но если президента такое устраивает, то, по мне, пусть себе бродит. Всё равно — от него ни вреда, ни пользы.

— А как вы отнесетесь к тому, если наместником в край назначат Скураша?

От неожиданности Малюта дернулся так, что чуть было не свалился со своего стула. Все повернулись в его сторону с любопытством и некоторой долей недоумения, дескать, кто такой, откуда взялся и почему такое доверие? Стариков, громким сопением и нервным ерзаньем невольно выказал своё недовольство подобным поворотом дела, у него на этот счёт явно были свои соображения.

— Ну что ж, я возражать не стану, приходилось с ним работать в Совете национальной стабильности, нареканий к нему не имел, да и как офицера знаю... — с некоторой долей удивления, но, как показалось Малюте, не без удовольствия кивнул генерал.

— Но Иван Павлович, — не выдержал весь издёргавшийся Алексей Викторович.

— Никаких «но»! Ваше предложение, Николай Николаевич, принимается.

Дальнейшего разговора Малюта почти не слышал. Кровь стучала в висках. Реальность отказывалась восприниматься, голоса беседующих звучали глухо, как из погреба. Вот так, что называется, без меня меня женили! Только отвык от обязаловки каждый день таскаться на службу, вроде начал налаживать жизнь, а главное, стал вытаскивать нос из финансовой безнадёги, так на тебе. С одной стороны, конечно, хотелось бы определиться. А как же семья, ведь придётся уехать из города… И что теперь делать? Встать и отказаться, мол, уважаемые товарищи, никуда я не поеду, оставьте меня в покое. Тебя и оставят, причём, навсегда, и первым это сделает тобой обожаемый Плавский, а про этих, со Старой площади, и заикаться нечего. Дураки никому не нужны. И ведь, как ни крути, серьёзная должность. Второй раз не предложат. Здесь, к бабке не ходи, понятно, откуда всплыла его фамилия в устах этого, в момент ставшего ему симпатичным, человека: Победа Игоревна всё же исполнила своё обещание, данное ему после возвращения из Есейска и протолкнула его вперед, сама угодив в яму монаршей немилости.

— Малюта Максимович! — повышая голос, обратился к нему Пужин.

— Да он, наверное, охренел от счастья, — засмеялся Плавский. — Скураш, вас ваше начальство дозваться не может. Эй, очнитесь!

— Извините, Николай Николаевич, действительно от неожиданности малость загрузился...

— Ну и как, разгрузились? День от ночи уже отличаете? — с приятной улыбкой отозвался хозяин кабинета. — Пока вы там сами с собой искали согласие, мы с губернатором договорились, что вы так и остаётесь нашим связником во всех щекотливых вопросах, при необходимости, возможно, придётся и курьером поработать. В моём аппарате все вопросы будете решать вот с Игнатием Ивановичем Речиным.

Пужин поднялся со сдержанной улыбкой, давая понять, что разговор окончен и его ждут другие неотложные дела, всё-таки

первый день в должности. По спокойному статичному лицу было трудно определить, какое впечатление произвёл на него губернатор и остался ли он доволен встречей с ним. Генерал же явно поднялся из-за стола с хорошим настроением и чувством исполненного долга и как поднаторевший в подаче себя публике политик, от окружающих этого скрывать не собирался. Он сверкал, словно начищенный самовар, давая всем понять, что добился главного — не он пошел в Москву на поклон, а царева челядь позвала его сама. Такой расклад, если его правильно использовать, многого может стоить. Да и сам Пужин, судя по всему, ему понравился, поэтому Плавский не лукавил, когда на прощание расточал комплименты хозяину кабинета. Напряжение, ещё час назад существовавшее между этими людьми, незаметно испарилось, уступив место непринуждённой раскованности и взаимной симпатии. Казалось, пообщайся они дольше, встреча закончилась бы неминуемым офицерским застольем.

В приёмной, когда посетители уже выходили в коридор, Речин, продолжая улыбаться генералу, почти не шевеля губами, сообщил Скурашу:

— Шеф просил вас задержаться.

— Хорошо, — едва заметно кивнул Малюта и, выйдя в длинный коридор, ведущий к лестнице, громко, чтобы стоявшее за его спиной новое начальство слышало, произнёс: — Иван Павлович, если вы не возражаете, я задержусь для уточнения задач и получения дальнейших указаний.

— Да, конечно, оставайтесь, вон теперь какие у вас высокие покровители! — как показалось Малюте, с грустью произнёс генерал и, резко повернувшись на каблуках, пошёл прочь.

Эта генеральская грусть, если она только не пригрезилась, отозвалась в душе Скураша какой-то странной тоскливой обидой, ведь его только что без зазрения совести разменяли на будущую выгоду, которую Плавский явно надеялся получить, имея своего человека на посту «государева ока», так называли президентского наместника в народе. Подавив в себе эту минутную слабость и нацепив на лицо маску озабоченной сосредоточенности, он вернулся обратно в приёмную. Речин ожидал Малюту и, пройдя вперед, толкнул дверь кабинета, который они только что покинули.

Пужин разговаривал по телефону и, прижимая трубку плечом, что-то быстро писал в большом блокноте. Подняв глаза на вошедших, он едва заметно кивнул головой и левой рукой указал на стол совещаний. Скураш сел на уже ставший ему привычным

обитый коричневой кожей стул. Оглядевшись, он поразился непритязательности обстановки кабинета. Ничего лишнего, никакой отсебятины, которую любят почти все чиновники, и которая, придавая рабочему помещению индивидуальность, в той или иной мере приоткрывает особенности и пристрастия проводящего здесь большую часть суток человека. А здесь полная, почти на манер сталинских времён, аскеза. Малюта поискал глазами Речина, но того в кабинете уже не было. «Тихо ходят, и двери у них хорошо смазаны» — отметил он про себя.

— Извините, — закончив разговор, который и разговором-то назвать было сложно, потому что за всё время Николай Николаевич произнёс только четыре слова, один раз «да», а в завершении: «хорошо, я понял». — Расскажите кратко о себе, семье, чем увлекаетесь, — подсаживаясь к Скурашу, попросил он.

Человек, которому часто приходится рассказывать свою биографию, знает, что нужно говорить в подобных случаях. Опуская сотни раз написанное во всех анкетах, акцент следовало сделать на конкретные эпизоды, не отходя от этой линии, и Малюта начал излагать свою жизнь, особый упор сделав на службу в военной газете, заочную учёбу и работу в ветеранских общественных организациях.

— Хорошо. Судя по вашему рассказу, вы должны лучше моего знать, что и как надо делать, прибыв на место. То, что вы справитесь с работой, я нисколько не сомневаюсь, главная загвоздка в другом. Вы, наверное, почувствовали, что генерал, без колебаний согласившись с моим предложением, надеется использовать ваши добрые взаимоотношения в своих целях. Это закономерно, кто откажется иметь своего человека на должности чиновника, который обязан контролировать тебя самого и регулярно информировать об этом президента. Так вот, именно эту загвоздку вам и необходимо преодолеть ещё до отъезда в край. Вы должны помнить — те люди, которые вас рекомендовали, были единодушны в своём мнении о вашей честности и преданности, как это ни пафосно звучит, идеям государственности. Я не призываю вас, что называется, стучать на вашего бывшего начальника, но принципиальная позиция по отношению к его действиям и поступкам у вас должна быть всегда своя. Ну вот, пожалуй, и всё. Хотя нет, одну минуточку, — Пужин вернулся к своему рабочему столу, взял несколько листов бумаги и протянул их Скурашу — я бы хотел услышать ваше мнение по этому документу, который при расставании вручил Игнатию Ивановичу советник Плавского...

— Стариков Алексей Викторович...

— Спасибо, я помню. Фамилии, имена, отчества и лица я запоминаю автоматически, — с лёгкой улыбкой произнёс Николай Николаевич, — издержки бывшей профессии, что поделаешь. Каково, кстати, ваше мнение об этом советнике?

— Сложный человек, крученый, с какой-то тайной в прошлом, но на Плавского имеет огромное влияние, — и, предвидя дополнительный вопрос, Малюта добавил: — С чем это связано, я не знаю, но не проконсультировавшись с ним, генерал не принимает ни одного важного решения. Кроме того, Стариков — своеобразный руководитель ближайшего круга губернатора.

— Хорошо, читайте бумаги, у нас мало времени.

Документ, набранный на трёх листах, представлял собой банальный анонимный донос, так как не был никем подписан, и извещал о преступной деятельности Павла Дракова и прикрывающих его генералов, руководящих силовыми ведомствами края. Малюта почти обрадовался знакомой теме, которой его так неожиданно заинтересовал недавний попутчик, и он уже собрался было всё пересказать бывшему пэгэушнику, но какой-то внутренний сторож, практически, снял с языка уже готовые сорваться слова.

— О Дракове я что-то подобное слышал, но с Плавским они, как меня уверяли, на сегодняшний день друзья-партнёры. Говорят, чуть ли не на иконе в дружбе клялись. Вы знаете, Николай Николаевич, мне кажется, что о содержании этого письма Плавский, скорее всего, ничего не знает. Да и не стал бы он вам оставлять неподписанный документ.

— Документ он бы, может, и не оставил, а вот информацию к размышлению, как говорится в известном фильме, нам подбросили. Спасибо. Вопросы ко мне есть?

— Собственно, вопросов нет, но, признаться, волнуюсь я сильно, и определенные противоречия меня ещё долго будут раздирать. Но вас не подведу, об этом можете не беспокоиться.

— Ещё раз спасибо, всегда рассчитывайте на мою поддержку и не стесняясь звоните мне или Игнатию Ивановичу. Уверен, что мы сработаемся, подполковник подполковника всегда поймёт.

10

В эту ночь над Москвой разбушевалась какая-то нездешняя, пришедшая из далёких веков буря. Такого Скураш, сколько жил в столице, не помнил. Летняя мирная темнота, столь желанная

для влюблённых на укромных аллеях московских парков и скверов, в считанные минуты превратилась в почти живое косматое существо, облепившее и пронизавшее собой весь этот огромный город, с его многомиллионным населением, помпезными зданиями, мириадами электрических огней и пятью тлеющими углями Кремлёвских рубинов — всё исчезло с лица земли. И только клубящийся, сизый от безостановочно летящей сверху воды и бешеных вспышек молний мрак, подобный огромной, свалившейся на землю туче, накрыл холмистую землю древних угро-финнов, некогда отнятую у них коварными вятичами. Уличные фонари были бессильны справиться с небесной вакханалией и выглядели беспомощными огарками свечей в пульсирующем белесом зареве нездешней, потусторонней электросварки. Ветры всего мира, как ополоумевшие, носились по площадям и улицам обезлюдевшего города. Казалось, что всесильный и безразличный к судьбам людей Сварщик решил наконец выжечь по контуру городских границ несостоявшийся Третий Рим и, отбив окалину молотком, забросить его на мрачную свалку своих неудавшихся проектов. Ветры, получившие полную свободу, бесновались, как почуявшие кровь наёмники, ворвавшиеся в побеждённую крепость. В воздухе летали, словно обрывки газет, огромные рекламные щиты, падали троллейбусные остановки, пингвиноподобные урны и вырванные с корнем деревья. Местами легковые машины кувыркались и скакали по площадям, как воланы перекати-поля в степи. С Большого театра содрало кровлю и, скатав её в огромные рулоны, расшвыряло в разные стороны. Старинными клёнами, росшими на набережной, повышибало огромные драконьи зубы Кремлевской стены, и они валялись у её подножья бесформенными рыжими глыбами. Особенно ужасающую картину представляли собой старые столичные кладбища. Вековые деревья были выворочены, обнажая истлевшие гробы, порушенные ими надгробия и кресты обратились в груды битого мрамора и гранита, испещрённые золочёными осколками эпитафий. Прах из разбитых погребальных урн, перемешавшись с дорожной пылью, разлетелся окрест и, смытый дождём, к ужасу бессмертных душ, стекал пепельно-жёлтыми потоками в городскую канализацию.

Утром, как ни в чём не бывало, взошло радостное и беспечное, словно улыбка идиота, солнце. Оно безразлично щурилось на учинённую ночью разруху.

Люди, беспечнейшие из созданий, когда-либо живших на земле, влекомые своими каждодневными делами, пробегали по

искорёженным улицам и, бросив мимолётный взгляд на раздавленные деревьями машины, в душе радовались своему безденежью, не дающему возможности обзавестись собственным автотранспортом; и, с облегчением вздохнув, спешили на троллейбусные остановки. И только здесь, не найдя на месте привычные рогатые вагоны, начинали громко возмущаться. Где-то ближе к обеду добравшись до места работы, народ с круглыми глазами оправдывал опоздание ужасной бурей, которая, оказывается, ночью (а мы спали и ничего не слышали!) чуть было не сдула их родной город с лица Среднеевропейской возвышенности.

Проблемы города — это проблемы городских служб и отдельно взятого человека, как правило, не касаются, как не касаются его последствия цунами в Индонезии или выборов президента в собственной стране. Событие произошло, свершилось, о нём поговорили и дружно забыли. Так было и после той страшной ночи. Стараниями городского головы, в самые короткие сроки в столице всё было прибрано, вычищено, отреставрировано, на что из городской копилки были изъяты соответствующие средства, которых с лихвой хватило бы на возведение нового, тысяч на четыреста жителей, города. Конечно же, эти деньги городу были компенсированы за счёт госбюджета, а проще говоря, за счёт окраинных территорий необъятной страны. Там природные катаклизмы — явление привычное, народ попроще, да и от чужого глаза подальше. Так что устоявшие клёны на набережной выкорчевали, ямы засыпали и разбили на их месте клумбы, зубья стене вставили, крыши починили, местам пристанищ мёртвых вернули первозданный вид, благо родственники, как мураши, набежали собирать, спасать и восстанавливать свои дома скорби. И всё. Буря забылась. Метеорологи, как всегда, объяснили причины её возникновения перепадами атмосферного давления, столкновением холодных и тёплых фронтов, и этого научного мракобесия оказалось достаточно, чтобы люди в него поверили. Только несколько городских сумасшедших да с десяток стареющих, прозорливых и потому никого уже не боящихся батюшек, стали что-то невнятно бубнить о знамении Божьем, о его попустительстве, а самые буйные и дряхлые со страхом заявляли о посещении города главным Супостатом, самим Люцифером. Не могла, дескать, простая буря посшибать кресты на многих церквах, сколько и каких ветрищ-то было прежде, а кресты столетиями стояли, а здесь — на тебе — в одночасье и оземь! Нет, неспроста это всё, по грехам и делам нашим воздаётся! И проломы в Кремлёвской

стене неслучайны, так ли уж её деревцом прошибить можно? Нечто она не крепость, не детинец? Её вон большевики с орудий разбомбить не смогли, а здесь гибкой макухой клёна кирпичагу разворотило! Быть такого не может! Видно, сам рогатый ходил туда! Ох, не всё чисто нынче за этой стеной, а ведь там испокон томятся чаянья и надежды народные! Молись, молись, Русь православная и инославная молись, как умеешь, ибо не ведаешь ты, что грядёт, и отчего туча та пришла с северо-запада.

11

Инаугурация из чужого, непонятного и труднопроизносимого слова в российском сознании быстро превратилась в синоним пышного праздника с хорошей, затяжной пьянкой. Особенно гулял и веселился служивый люд, для которого восшествие на руководящее место президента, губернатора, мэра или иного главы, означало окончание «межлизня» соответствующего уровня. Наконец-то после стольких волнений, интриг и подлостей появилась новая властная жопа, которую, согласно древней традиции, следовало впредь обихаживать своим чиновным языком, служа ей и поклоняясь. Ну, а уж если тебя соизволили позвать на само таинство снисхождения власти на избранника судьбы, то веселью твоему и оптимизму не должно быть ни конца ни края.

Большой концертный зал, БКЗ, Есейска гудел, как улей. Старая краевая знать чинно фланировала по просторным и светлым вестибюлям, учтиво и весьма сдержанно здороваясь друг с другом, ибо никто ещё доподлинно не знал, кем завтра будешь ты, а кем притворно улыбающийся тебе бывший сотоварищ. Заметив средь зала небольшой кружок, в центре которого неизменно находился кто-нибудь из приехавших с Плавским людей, местные бочком подкатывали и внимательно прислушивались к речам, как правило, небогато одетого, в стоптанных башмаках господина, несущего с блеском в глазах порой откровенный вздор. Но, поди же ты разберись, что ныне вздор, а что рациональное зерно, из которого и должна чудным образом произрасти модель отечественного капитализма с дозированной демократией.

Церемония вступления в должность нового, шестнадцатого губернатора Есейского края была обставлена с подобающей такому случаю пышностью. Полный симфонический оркестр играл торжественную музыку, сцена была задрапирована госу-

дарственными флагами и державными орлами, так как собственных гербов и знамён в крае ещё не было. Официальную Москву представлял Главный контролёр президента — Платонов Николай Платонович, занявший этот пост после ухода Пужина, а до этого служивший у Николая Николаевича заместителем. Человек из органов и к публичной политике никакого отношения не имевший. В накопителе для особо почётных гостей, он нервно теребил накрахмаленную салфетку, пил воду и от непривычной для здешних мест духоты неимоверно потел, серый теряющий форму костюм, давно не глаженные брюки и поминутное заглядывание в красную папку делали его длинную, нескладную фигуру смешной и жалкой. Николай Платонович понимал всю возложенную на него ответственность и больше всего боялся что-нибудь напутать при оглашении президентского поздравления. Помогать и ассистировать ему в этом деле был отряжен Замойленко Леонид Сергеевич, низкорослый щупленький человек с неразличимой в толпе внешностью, некогда служивший директором сиротского приюта одного из сибирских городов. В свой нынешний кабинет на Старой площади Леонид Сергеевич был поднят силой первой волны отечественной демократии. За шесть лет своего пребывания в Москве провинциальный тихоня умудрился сделать головокружительную карьеру и занимал пост начальника главного управления провинций и, как поговаривали знающие люди, эта должность не была для него пределом. Залогом такой уверенности был тот факт, что за весь свой чиновничий век Леонид Сергеевич не принял ни одного самостоятельного решения.

Малюта, хотя его официальное назначение пока ещё не состоялось, держался поближе к официальным москвичам, решив про себя, что для пользы дела, пожалуй, следует произвести на них благоприятное впечатление. К назначенному времени народ не спеша стал подтягиваться в большой подковообразный зал, разделённый почти пополам широким поперечным проходом, на котором и располагались кресла самого престижного ряда. В центре разместился генерал с супругой, справа и слева от губернаторской четы расселись почётные гости. Малюте тоже определили место в этом ряду недалеко от правого края. Чуть дальше, явно смущаясь, скромно сидел Драков. Молодой худощавый, со слегка вытянутым лошадиным лицом, ярко выраженными скулами, внимательными, цепкими глазами, он не производил впечатления монстра, каким его рисовали милицейские сводки и народ-

ная молва. Дорогой костюм сидел на нём нескладно, было видно, что к одежде подобного кроя он ещё не особенно привык.

И вот оно начало торжества! Свет в зале постепенно гаснет, невольно приковывая внимание к сверкающей огнями сцене, и тишину взрывают торжественные звуки гимна. Эта державная музыка, призванная олицетворять мощь и величие государства, в последнее время вызывала у Скураша противоречивые чувства. Старая мелодия неизбежно тянула из памяти и старые слова: «Союз нерушимый республик свободных...», так что вместо трепета сопричастности к великим делам, в душе рождалась форменная ностальгия с горьковатым привкусом досады на нынешних властителей, которые сами ничего стоящего придумать не могут, а только рядятся в чужие обноски.

С первыми звуками гимна зал, как принято в подобных случаях, дружно встал, и в это же самое время из боковой двери по центральному проходу, не обращая внимания на державную песню, к своему месту гордо прошествовала Алла Пугачёва, приглашённая на торжества самим генералом. Только умопомрачительных размеров шляпа скрывала её самодовольную и слегка шалую улыбку. Если бы кто-то наблюдал за происходящим, не слыша звука, ну, допустим, глухой, ему бы представилась презабавнейшая картина: в зал входит Примадонна, и весь народ, во главе с губернаторской четой, торжественно встаёт. Злые языки потом долго обсасывали этот анекдот, а Плавскому Алла Борисовна с того момента резко разонравилась.

Но на этом казусы генеральской инаугурации не закончились. Возложив свою огромную лапищу на Конституцию, Иван Павлович прорычал краткий текст клятвы, обращённой к жителям края, после чего, согласно сценарию, на сцене появился владыко Евлагий, тогда ещё находящийся в чине епископа Есейского и Тунгусского. Пропев приятным баритоном полагающиеся по такому случаю молитвы, он торжественно благословил генерал-губернатора на подвиг богоугодного служения народу образом Христа Вседержителя и по привычке протянул икону для целования, чем настолько сконфузил не верящего ни в чёрта ни в бога Плавского, что тот замер в изумлении. Неоправданная пауза затягивалась, из зала, с первых рядов, пытаясь исправить положение, принялись подсказывать, кто во что горазд и, как всегда и в таких случаях, невпопад. Между тем, архиерей, воспринявший замешательство Плавского, как приглашение молвить слово, обернувшись к залу, изготовился толкнуть проповедь. По рядам про-

катился лёгкий ропот отчаянья. Местный люд, хорошо знающий о пристрастии своего епископа к публичному пустоговорению, предвкушая предстоящую веселуху, замер в ожидании. Ситуацию спас ведущий. Ловко оттеснив ничего не подозревающего владыку от стационарного микрофона, он громко возвестил повеселевшей публике:

— Благодарим честнейшего нашего архиерея за духовное напутствие губернатору. А сейчас слово предоставляется Главному контролёру Президента Российской Федерации Платонову Николаю Платоновичу.

Все с облегчением вздохнули. Владыко, крепясь изо всех сил, чтобы не вспылить, с явной обидой направился в правую кулису. Но тут поднимающийся в этот самый момент на сцену главный контролёр неожиданно споткнулся на ступеньке и чуть было не растянулся ему вослед. Серьёзности это собравшимся явно не прибавило.

— Уважаемые есинтуковцы! — обратился сконфуженный Николай Платонович к аудитории.

Зал, несмотря на всю солидность собравшейся здесь публики, грохнул давно рвущимся наружу смехом. Со всех сторон послышались реплики: «Есейцы мы! Есейцы!»; «В Есентуки мы загорать летаем!»; «Да что же это такое?» Причина столь бурной реакции на банальную оговорку была заключена в том, что по приезде в край Плавский первое время упорно называл его почему-то не Есейским, а именно Есентуковским, что, естественно, кого-то забавляло, а кого-то и откровенно злило. Политические противники тут же взяли географическую малограмотность генерала на вооружение и раздули из этого настоящую контрпропагандистскую кампанию. Конечно же, Платонов этого всего не знал и стоял за лёгкой, по американскому образцу изготовленной трибуной смущённый и красный, как школяр перед грозным педсоветом. Он не понимал что произошло и недоумённо смотрел на стоявшего рядом Плавского.

— Край наш называется Есейский, — слегка наклонившись к посланнику Москвы, громко произнёс Иван Павлович.

— Извините, — выдавил из пересохшей глотки контролёр, — я — не профессиональный оратор, и прошу меня простить за волнение. Разрешите мне всё же огласить приветствие Президента Российской Федерации.

И огласил его, надо отдать ему должное, практически без запинок и даже с неким подобием логических ударений.

Позже, когда весь официоз остался позади, многие подходили к Николаю Платоновичу со словами сочувствия и поддержки. Скураш, находившийся рядом с высоким гостем, видел, что тому неприятны подобные знаки внимания, и решил вмешаться.

— Извините, почтеннейший, к сожалению, не знаю вашего имени, — выступил вперёд Малюта, когда некий господин, отлепившись от своей супруги, затянул очередное: «да не берите так близко к сердцу, государство огромное и областей уйма...» — должен заметить, вы будете уже сорок третьим человеком, заявляющим о слабом знании вашим губернатором географии. Отчего бы вам всё это не изложить ему лично?

Господин моментально сделался пунцовым. Не зная, куда деть глаза, он пробормотал невразумительные извинения и торопливо смешался с толпой, двигающейся в сторону ресторана, где зрел большой инаугурационный банкет.

— Спасибо вам, Малюта Максимович, а то действительно достали они меня. Другие бы пропустили мимо ушей, а эти галдят и галдят...

— Провинция наша неисправима, Николай Платонович, — махнул рукой Малюта, — как была гениальной и бестактной, таковой и осталась. А ваша оговорка проскочила бы незамеченной, если бы Плавский по приезде в край сам пару раз не назвал его Есентуковским...

— Так вон оно в чём дело! А я думаю, с какого боку вы генерала ввернули? — рассмеялся Платонов. — Ну да ладно. Какие тут дальше планы? А то у нас сегодня ближе к вечеру самолёт.

На самолёт успели, хотя в ресторане пришлось добрый час дожидаться прибытия виновника торжества, которого неожиданно отвлекли от банкета неотложные дела. «Я сюда не шутки шутить приехал, работать придётся всем!» — оповестил губернатор заждавшихся гостей.

В ускоренном порядке соблюдя все формальности и обменявшись дежурными тостами с Плавским, московские гости в сопровождении Малюты и местного представителя Главного контролёра поспешили откланяться.

По дороге в аэропорт всё больше молчали, каждый думал о своём. Где-то на полпути Малюта позвонил в депутатский зал уточнить время вылета, и ему сообщили, что рейс задерживается примерно на час. Чувствуя пасмурное настроение гостей Скураш решил разрядить обстановку и предложил выйти прогуляться и немного подышать свежим воздухом. Идея всем понравилась, и

группа расположилась на небольшой опушке живописной берёзовой рощи. Запасливый Малюта немедленно извлёк из багажника две ещё не успевшие согреться бутылки «Сибирской».

Как же всё-таки хорошо пьётся наша русская на природе! Блаженство ни с чем не сравнимое! После напряжённого дня гости отдыхали душой и телом, а вскоре расслабились окончательно и, чувствуя себя в своём кругу, постепенно разговорились.

— Николай Платонович, вы заметили, что Плавского, который ещё толком-то и в должность не вступил, уже, похоже, понесло? — начал Замойленко. — О чём только ни говорил в течение дня, а вот о Президенте даже и словом не обмолвился. Я уж молчу о каких-то там благодарностях, понимаю, обижен он на нас, но протокольный тост за здоровье Гаранта мог бы поднять, язык бы не отвалился! Чует моя душа, огребём мы с ним хлопот.

— Драматизировать, конечно, не надо, но тревожные звоночки уже присутствуют, — по-чекистски уклончиво ответил Платонов. — Сейчас, конечно, ещё рано говорить что-то определённое, первые шаги всё-таки не показатель, хотя кто его знает? А вот за здоровье и мудрость нашего Президента мы сейчас и выпьем.

Вставать, как подобает в таком случае, не пришлось, импровизированным столом служил застеленный чистой бумажной скатертью багажник служебной «Волги», так что, подобрав животы, народ дружно выпил. Никто из них тогда не знал своего завтрашнего дня, а, расскажи им сейчас про их будущее, никто бы и не поверил.

12

Сухопарый мужчина, в белой рубахе с высоким расстёгнутым воротом, резко остановился у окна выходящего в колодец двора комплекса зданий Московского кремля. Загадочная не то улыбка, не то гримаса блуждала по его лицу. Невысокий господин имел яркую запоминающуюся внешность: открытый лоб, которому большие залысины придавали сократовскую выпуклость, продолговатый, с небольшой хищной горбинкой нос, выдаюшийся вперёд подбородок, толстоватые, чувственные губы и небольшие, глубоко посаженные, с характерным национальным выкатом, глаза, сверкающие лихорадочным блеском одержимого человека. Весь его облик, какая-то дёрганая, изломанная фигура придавали ему сходство с неким мифическим существом,

которое в разные времена и у разных народов называлось по-разному — у кого дьявол, у кого шайтан, у кого недобрый дух.

Михаил Львович Амроцкий, по прозвищу Гоблин, подлинного смысла этой клички, прицепившейся к нему ещё со школьных времён, не знал, а трактовал её всегда по-разному, в зависимости от обстоятельств. Так или иначе, существо это видилось ему не особенно кровожадным, азартным и очень авантюрным. В конечном итоге, его юношеские представления об этом неведомом нечистике и предопределили его дальнейшую судьбу. Амроцкий из штатного и весьма незаурядного служителя науки почти в одночасье сделался великим комбинатором, о масштабах и размахе прокруток которого местечковый Ося Бендер даже и мечтать не мог. Армагедоныч или Гоблин, как его за глаза называли близкие и друзья, умудрился превратить Кремль в огромную контору «Рога и копыта», а главного его насельника — в своеобразного директора Фунта, в обязанности которого входило сидеть, в данном случае на троне, до скончания века. Именно оттяжка этого неминуемого «скончания века» сейчас и будоражила кровь и воображение великого комбинатора.

Всякая смута рождает своих выразителей, иногда их много, иногда мало, как масть ляжет. Российская смута девяносто первого года родила полчища своих наперсников, но самым зловещим и одиозным из них, безусловно, был Михаил Львович, своеобразный Распутин нашего времени.

Человек небесталанный, он один из первых почуял запах огромных денег, которые можно без сопротивления и каких бы то ни было серьёзных последствий присвоить себе. Нынешняя государственная власть со старыми советскими мозгами в словах «демократия» и «капитал» видела новые синонимы понятий «коммунизм» и «народное благо» и без зазрения совести рассовывала это самое достояние по собственным карманам. Именно поэтому она особенно нуждалась в ярких и талантливых теоретиках, умеющих оправдать любое воровство, представив его борьбой с красно-коричневой угрозой и необходимостью создания условий необратимости раздирающих страну процессов. Короче, страна решила в одночасье жить по-новому, по капиталистически, а все атрибуты и механизмы, управляющие этой страной, остались старыми, цэковско-обкомовскими, и понятие «народ и государство» всё ещё продолжало звучать как некое единое целое. Вот и бросился Амроцкий и ему подобные обирать это самое государство под благовидным предлогом обогащения самого народа. Как и по-

добает истовому продолжателю дела Троцкого-Ульянова, предложивших в своё время остроумный вариант «грабь награбленное», он с радостью согласился заменить известный лозунг «всё вокруг колхозное — всё вокруг моё» на ещё более неопределённый и ёмкий — «всем — всё и поровну». Однако совершить это без высочайшего благословения никто не мог, и Михаилу Львовичу понадобились годы труда, унижений и финансовых издержек, прежде чем он оказался у подножья российского престола.

Романтики демократизаторы, во главе со своим крепко пьющим вожаком, тешились наивными и оттого жестокими экспериментами, словно дети, потрошащие осколком стекла живую лягушку. Им казалось — ещё немножко, и они узнают подлинную суть страны, их взрастившей, но чем дольше затягивались эксперименты, тем страшнее жилось людям, тем быстрее богатели самые недостойные, а высокие и правильные безвозвратно деградировали, унося с собой в небытие самое сокровенное — живой и древний дух земли. Тень Гоблина, зловещая и чёрная, медленно вставала над Кремлём.

Всё, как всегда, решил случай. Начиная вторую предвыборную скачку, мало кто надеялся, что спивающийся «Боливар» вывезет. Лучшие отечественные умы демников, как стали именовать демократов, ломали свои извилины, только треск стоял в высоких кабинетах. Им на подмогу, словно тараканы, изо всех щелей лезли разные иноземные советники и консультанты. Мобилизовывалось всё, однако, парадокс состоял в том, что, чем больше привлекалось сил и средств, тем пессимистичнее виделся результат. Вот здесь и подсуетился Амроцкий, как нельзя вовремя подсунув Гаранту две хитрых идеи. Первая — организовать своеобразный «общак», куда бы скинули деньги главные буржуа страны, ведь это именно они, а не народ, были в первую очередь заинтересованы в продлении сроков правления Царя. Вторая затея заключалась в перекупке уже раскрученного кандидата в президенты. Рабочая схема: до первого тура все идут самостоятельно, а перед вторым «тёмная лошадка» сливает своих избирателей в их пользу, и грозные коммуняки остаются с носом. И что бы вы думали, обе идеи выстрелили с блеском! Михаил Львович в одночасье из средней руки миллионера-поскрёбыша превратился во всесильного фаворита монаршего клана.

Всё это вспомнилось Амроцкому сегодня у кремлёвского окна. Самым трудным было уговорить Плавского, идущего в той предвыборной скачке третьим, а вернее, заставить генерала по-

верить в обещания и незыблемость слова Гаранта. И он это сделал. Никто бы не смог, а он сделал! Конечно, пришлось потратиться на подкуп главного советника претендента, но это оказалось самым плёвым делом, труднее было с самим Плавским. Он фордыбачился и набивал себе цену, а главное, требовал реальных гарантий. Ночные бдения на даче грозили обернуться форменным пшиком, если бы не одна крамольная мысль, осенившая его как-то под утро. Тогда он, провожая генерала до машины, предложил ему в лоб стать преемником престола в случае ухода со сцены Гаранта. Генерал, набычившись, буркнул: «Подумаю!» и уехал. К вечеру следующего дня дело было улажено. Ликованию семьи не было предела.

Возможно, всё бы и развивалось по его сценарию, будь генерал хоть чуточку гибче, дальновиднее и умнее. Но его понесло с первых же недель работы секретарем Совета национальной стабильности. И Михаил Львович был первым, кто предложил зарыть обратно в народный перегной народного любимца.

Но это всё прошлое, прошлое. Сегодня другие заботы, другие реалии и снова, как нельзя некстати, всплыл этот Плавский, да ещё где? В Есейском крае!

«Да, пожалуй, сейчас его надуть будет потруднее. Но нет задач невыполнимых, так, кажется, любит повторять Плавский. Обуем, дайте время, коли уж целую страну обули, то отдельно взятого генерала, да ещё без армии, обуем за милую душу. Главное в другом — идея преемника, возникшая тогда спонтанно, сегодня обрела осязаемую оболочку многоходового действия и, можно сказать, стала реализовываться. Возможно, следует и поиграть с нынешним есейским губернатором, чёрт его знает, что там будет к двухтысячному году? Чтобы остаться в прикупе, надо карты в разных рукавах держать. — Михаил Львович механически почесал свой подбородок, словно потеребил невидимую бороду. — То, что Плавский попрет в президенты, тут особой прозорливости не требуется. Сейчас главное — не дать ему возможности отвязаться и начать искать союзников и спонсоров. В Есейск пролез с помощью местного криминального металлурга, а уж, когда на Москву пойдёт, охотников будет хоть отбавляй. Так что сейчас — только самая крепкая и искренняя дружба, самая верная поддержка, главное, чтобы раньше времени не учуял, что он не одинок в очереди на должность преемника. А вон как он засуетился после последних перестановок! Дурак дураком, а чует, что заветное может уплыть. Прилетел с выпученными глазами: «Что за игры, Михаил

Львович? Мы так не договаривались!» Можно подумать, что мы как-то по-другому договаривались. Стратег хренов! Одно хорошо, что прибежал он именно ко мне, значит, помнит, с чьей подачи взлетел. Это, может, самое главное и есть, может, именно это, когда надо, и выстрелит. Главное, не перегнуть палку, а так он, как наркоман, никогда с этой иглы не слезет».

Амроцкий любил иногда в часы недолгого досуга порассуждать на отвлечённые темы, и тогда он вырастал в собственных глазах до масштабов Спинозы и Макиавелли.

«Странное дело — политика, — с удовольствием зацепившись за любимую тему, думал Амроцкий, — и игра, и бизнес, и возможность самовыражения, и страсть, и наркотик, и всё это в одном флаконе, вот уж поистине дьявольская смесь, стоит её однажды попробовать и всё, сгинул, пропал прежний человек; вместо него рождается кто-то новый, необузданный, самовлюблённый, тупо верящий в свою особую роль, готовый перегрызть глотку любому, кто посягнёт на его заветное место. Ницше, безусловно, прав со своей белокурой бестией, но лишь отчасти. В большинстве своём перерождённый человек, приняв новую оболочку народного героя или избранника, духовно ломается и обращается в обычного безвольного слизняка, дрожащего за своё место. Его спокойно можно заставить выполнять самые немыслимые и мерзкие задачи. И нет в мире никого более подневольного, чем эти, в принципе, глубоко несчастные люди. Единицы, конечно же, пытаются остаться верными своим принципам и то, как правило, до прихода во власть. И нет сегодня в этой стране силы более аморальной и продажной, чем партия власти. И так в России было почти всегда. Однако простому народу это неведомо, он продолжает свято чтить своих кумиров и, после их смерти, выпрягаясь из последних сил, возводит им помпезные монументы, не взирая на царящие повсюду голод и разруху. И вот я — один из тех, кто всё это видит, прогнозирует, одним словом, кашеварит на этой дьявольской кухне! Да, от скромности ты точно не помрёшь. Главное, тебе самому не уподобиться тому приснопамятному коту, который настолько обожрался сметаны, что так и не смог из погреба вылезти».

Михаил Львович, отошёл от окна, вид из которого не пленял взора особым колоритом, скорее наоборот, ломаные стены внутреннего двора, серые до монотонности, являли не совсем приглядную изнанку фасадной строгости и напускной помпезности. Боковая замкнутость пространства всегда вызывала в нём непри-

ятные ощущения, ассоциируясь с тюремным двориком для прогулок. Подойдя к рабочему столу, он, не прерывая своих раздумий, начал механически собирать разложенные на нём бумаги и аккуратно складывать их в небольшой кожаный портфель. «Так, вот ты и зачислил себя в «кукловоды», но так ли это важно для тебя сейчас? Только не ври! Тебя это увлекает и будоражит кровь, без этого ты уже и сам не можешь, ты постепенно становишься заложником созданной тобой системы. Чем это может закончиться? Да поразному, вплоть до полного обнуления, как тебя самого, так и всех твоих замыслов. Ну и пусть, ну и чёрт с ним! Однако я своё дело сделаю, я завершу то, что начал. Пусть потом придурки с университетскими дипломами ломают свои умные головы, доискиваясь, как мне это удалось, что в моих действиях было первично, а что вторично, был ли я масоном, и трудились ли рядом со мной невидимые полчища вольных каменщиков? Пусть ищут, пусть создают новые легенды, из которых со временем и вылупится новая история новой страны, история, которую *я* сделаю вот этими самыми руками. А пока, чем больше небылиц — тем лучше. И всё же, пора в аэропорт, в ночь перед инаугурацией Плавский должен не своих чертей, а меня, созерцать. Так будет спокойнее и мне, и ему, и всем. Сибирским богатырём следует опять заняться вплотную и постараться держать его под рукой».

Минуту поколебавшись, он позвонил.

— Женя, давай дозированно, не через наши каналы запускай генеральскую тему. Пророкам хорошо заплати, пусть сорят до хрипоты на тему «если не он, то кто же?» Ты понял, это к нам никакого отношения не имеет, так, идёт само собой, пока Царь колеблется на кого ставить окончательно. И неплохо бы сегодня вечером уже что-нибудь запустить, пусть самое лёгкое. Хорошо? Я уже в полёте.

Параллельно с этим разговором в голове комбинатора, как на невидимом дисплее, пронеслись сцены долгих дебатов по выбору кандидатов в преемники. Разговоры эти велись пока без привлечения Гаранта, фактически за его спиной, но, как говорила его любимая дочь, исключительно в его интересах.

«Да, увлекательнейшая это всё-таки страна — закулисье». — Михаил Львович, нацепив на лицо маску озабоченного державными заботами человека, суетливой, слегка подскакивающей походкой покинул свой кабинет, чтобы через час с небольшим забыться чутким сном в салоне своего самолёта, уносившего его в далёкий Есейск.

13

Не было бы этой ночи, неизвестно, как бы повернулась судьба не только Плавского, но и всей матушки России.

Что же за великая тайная сила сокрыта в сумерках ночи, и почему она может творить подобные метаморфозы с судьбами людей и государств? Почему почти все отечественные перевороты, включая большевистский, происходили по ночам? Почему одна пьяная ночная посиделка в захолустном Беловежье обернулась крахом великой державы? Почему совсем недавно, в ночь повторного восшествия на трон, багряное пламя пожара тревожно полыхало над центром столицы, и страшные сполохи метались по оробевшим стенам вечного Кремля? Почему в отечественной истории ночь занимает едва ли не заглавное место?

Ночь постепенно разгоралась над величавой рекой, стремительно несущей свои тёмные воды на север, к берегам скрытого льдами океана, к древней, так и не найденной до сих пор колыбели таинственных ариев.

Торжественный день генеральского триумфа мало-помалу подходил к концу, официал и следующее за ним шумное застолье благополучно отгремело салютами, чтобы к ночи плавно перетечь в небольшой уютный зал загородной резиденции губернатора, где собрались только близкие из близких и проверенные из проверенных. Скураш многих из присутствующих совсем не знал и раздавал свои визитные карточки просто так, что называется, на всякий случай.

Проводив высоких московских гостей, он вернулся в город в хорошем настроении, успев за этот день обзавестись новыми знакомствами и нужными контактами. Да и высокие гости, слава богу, кажется, остались довольны. «Хотя, если честно, — думал Малюта, — что-то гости для подобного случая оказались не такие уж и высокие; принимая во внимание значимость края в экономике и геополитике страны, Москву должен был представлять кто-то более значимый, ну, скажем, глава администрации или премьер-министр, а не новоиспечённый контролёр и неприметный демократ». Получалось, что Кремль как бы намекал вновь избранному сановнику и на его низкий рейтинг и на то, что ничего из его прошлых выходок не забыто, а, поручая прочитать казённый текст приветствия с факсимиле Гаранта главному контролёру, недвусмысленно давал понять, что следует ожидать постоянной опеки и

будущего контроля за действиями генерала. Это ничего хорошего Малюте в его будущей работе не сулило.

Тем временем в гостиной шла довольно оживлённая беседа. За всеми этими мыслями Скураш несколько отвлёкся от происходящего и теперь с любопытством разглядывал присутствующих. Многие из них оказались родственниками четы Плавских, близкими или дальними, в этом он ещё разобраться пока не успел, но к разговору начал прислушиваться с интересом.

— Может, и есть где-то какие-то тайные и невидимые организации, — явно со знанием вопроса вещал высокий, грузный человек с лёгким кавказским акцентом, кажется, приходящийся мужем сестры генеральской супруги, — и якобы, они творят некое пагубное дело, олицетворяя собой тёмное начало всего мира. Возможно. Но в отечественной истории таковых замечено не было. А кои если и существовали, то являли собой группы фанатиков и, как правило, людей ущербных, готовых за своё болезненное мироощущение принести в жертву не только самого себя, но и порядочную часть всего человечества. И, что самое главное, их тайные союзы всегда открывались народному взору и заканчивались судебными процессами, виселицами, Сибирью, а позднее — психушками и выдворением за пределы государства.

— Извините, ну, а как же быть с масонами? — перебил его сын генерала, Семён.

— Вольные каменщики, которых всегда в любезном нашем отечестве существовало в избытке, более являлись филантропическими клубами управленческих страт, чем некими паутинными творцами истории. Хотя их деятельность, кроме карьерного подтаскивания своих оккультных практик и приятного времяпрепровождения, и влекла к разжижению государственности и патриотизма в мозгах нашей творческой и научной интеллигенции, что в свою очередь давало благотворную почву для окукливания всевозможных крамольных партий и групп, а главное, рождало в широком обществе всеобщее к ним сочувствие. Это, пожалуй, и всё, в чём можно было бы обвинить наивных романтиков, носителей фартуков, приверженцев циркуля и наугольника.

— А вот отец говорит как раз всё наоборот. Они коварные, сильные и сплочённые, готовые выполнить любые указания своего руководства, и у нас в России они, якобы, воротят, что хотят. Ну, а если они такие безобидные, с чего бы тогда им прятаться? Выныривайте из подполья и работайте открыто, как клуб по интересам...

— Вы знаете, Сёма, вопрос это сложный, и так сразу на него ответить трудно. Нет, вы скептически не улыбайтесь, я не собираюсь уходить от прямого ответа. У меня есть предложение перенести наши скучные для окружающих, и особенно женщин, разговоры на более подходящее время... Тем более, что всех уже к столу зовут.

— Олег Гайкович, ловлю вас на слове, масоны за вами. Только уж правду, по-родственному, хорошо?

— Обязательно, молодой человек, и непременно по-родственному.

«Вот уж где не ожидал столкнуться с этой темой, так именно здесь, — озадаченно размышлял Малюта пробираясь к своему месту, обозначенному соответствующей табличкой, — было бы интересно дослушать их разговор до конца».

Первым слово взял сам виновник торжества.

— Все наши пути ведут к победе, и она у нас одна на всех! Я никогда не устану повторять, что только великий коллективный разум может победить черствость индивидуализма, поэтому мы сегодня сидим за одним столом, едим один хлеб, пьём одно вино, и за это единство я вам весьма признателен. По-хорошему, надо бы, конечно, сказать о каждом из вас хотя бы несколько слов, но вы за день сегодня так устали от речей, что я не рискну вас загружать новыми. Поэтому просто человеческое вам спасибо! Предлагаю не спеша выпить и закусить. Вы, все здесь сидящие — моя родня, по крови и по духу. Вы те, с кем бы я хотел пройти свой путь до конца, какие бы нам испытания не выпали. За нашу победу, друзья!

И понеслось в самых лучших традициях наших застолье широкое, а иными словами — среднерусская лихая и бесшабашная пьянка, когда не надо оглядываться на соседа, не надо контролировать свои эмоции и слова, когда всё хорошо и славно. Со стороны посмотреть, так действительно гуляла родня. Очень близкие люди. Кто-то что-то вспоминал, кто-то над кем-то подшучивал. Тостующие сменяли друг друга, но суть здравниц оставалась неизменной — мудрость, сила, воля и иные превосходные качества генерала, «о которых ещё сегодня не говорили».

Отдельно генералом был провозглашён тост во здравие главного его союзника в крае Павла Петровича Дракова. Скорее это был не столько тост, а, как показалось Малюте, публично повторенное какое-то более раннее признание, что-то вроде клятвы в вечной дружбе. Генерал говорил настолько прочувствовано, что

все замолчали, а у Дракова глаза предательски заблестели непрошенной слезой.

Ввиду малочисленности присутствующих по первому кругу прошли быстро, и компания постепенно распалась на маленькие группки по интересам и знакомствам. К перемене блюд многие вышли из-за стола размяться и покурить. Плавский удалился с Драковым на воздух, и проговорили на берегу реки не менее часа. Стариков как не кружил, не нашёл предлога примкнуть к увлечённо беседующей паре, а охрана, видимо, получив соответствующие указания, никого и близко не подпускала. Видя, что попытки его тщетны, Виктор Алексеевич обратил свой взор на Скураша, усердно выпасающего Семёна и Олега Гайковича, чтобы принять участие в заинтересовавшем его разговоре о масонах.

— Ну, посмотрите, Малюта Максимович, куда это годится? Губернатор богатейшего в России края уже битый час секретничает с бандитом. И как вы думаете, о чём они говорят?

— Признаться, я и не обратил на это внимание... — слукавил Малюта, старательно делая вид, что любуется верхушками огромных старинных кедров, в изобилии растущих вокруг здания резиденции.

— А зря, кому-кому, а *вам* на подобные вывихи обращать внимание надо. Тоже мне, око царево! И мало того, что обращать, но и докладывать куда следует, что вас там ещё не инструктировали?

— Видите ли, любезный Виктор Алексеевич, я здесь присутствую как частное лицо, пригласил меня Иван Павлович лично, на должность я пока, к счастью, не назначен и докладывать ничего никому не собираюсь. А то, что они секретничают, так у них на то, наверное, есть свои основания. Союзники как никак.

— Не дай бог вам такого союзничка! Пойдёмте-ка, я просвещу вас, что это за птица — Паша Драка, — и, не дожидаясь реакции Скураша, Стариков крепко уцепился за его локоть и почти силой потащил к утопающей в зелени беседке.

Однако поговорить им не удалось, потому что как раз в эту самую минуту губернатор и основной союзник крепко обнялись, расцеловались и не спеша направились к уже явно заскучавшим гостям. Стариков, хоть и был обращён к начальнику тылом, очевидно, спинным мозгом почувствовал его приближение, резко обернулся и, моментально забыв про обескураженного такой переменой Малюту, опрометью бросился навстречу Плавскому.

«Ревнует он его что ли? — недоумённо глядя вслед Виктору Алексеевичу, подумал Скураш. — Странный человек, это же

надо так беситься из-за присутствия у «тела» постороннего лица. Да, чудны дела твои, Господи! Надо же подобрать себе такое окружение — что ни персона, то фрукт. В Совете всё было как-то по-другому, по-военному. Проще и понятнее, что ли, а здесь чёрт ногу сломит. Хорошо, что хоть мне не придётся драться за доступ к телу, я ж теперь, вроде, и свой, и вместе с тем «хозяйский». В таком положении есть свои выгоды. Надо только ими правильно пользоваться, и это уже полностью будет зависеть от тебя самого, от того, как ты себя поставишь после назначения. Вот баламут!» — продолжал дивиться Малюта, глядя, как Стариков в своей излюбленной манере ухватил Плавского за локоть и поволок всё в ту же беседку.

Малюта, чтобы лишний раз не мозолить глаза, ушёл на боковую тропинку, ныряющую в зелёные заросли какого-то декоративного кустарника. Тропинка оказалась коротким тупиком, упирающимся в крохотную площадку с ажурной садовой скамейкой, которая, казалось, парила над великой и быстрой рекой. Понимая, что он попал в весьма щекотливое положение, Скураш присел на лавку, рассудив, что уж лучше полюбоваться местными красотами, чем как ошпаренному выскакивать перед носом Плавского из кустов. Вид действительно открывался потрясающий. Живая, бугристая и перекатывающаяся вода, окрашенная последними густо-розовыми бликами заходящего солнца, беспечно неслась мимо, выказывая полное безразличие к кипящим на её берегах страстям. Точно так же она неслась и тысячи лет назад, и ничто не может остановить этого раз и навсегда предопределённого движения. А все потуги человека что-то изменить во вселенской механике не оставались безнаказанными и, при минимуме сиюминутных выгод, оборачивались в будущем несравнимо большими бедами. Но в гордыне своей человек не замечал их истинных причин и списывал своё невежество на бессмысленную жестокость неразумной стихии. Не избежала подобной участи и эта величественная река. Перегороженная некогда огромной плотиной, она напрочь отказалась замерзать в самые лютые морозы и парила в зимние месяцы на протяжении добрых двухсот километров, словно прорванная теплотрасса в затрапезном городишке. Последствий этого парникового эффекта никто не анализировал, и даже мысли подобной никому в голову не приходило. Парит да и парит, зато иней красивый!

— Иван Павлович, Иван Павлович, нет, вы меня выслушайте, — раздался прямо над головой у Малюты голос Старикова.

«Только этого мне не хватало, — подумалось Скурашу, — ещё чего доброго заподозрят, что я их подслушиваю, позора не оберешься...»

— И слышать я этого больше не желаю, — зарокотал генеральский бас, — какая вас муха покусала, чёрт побери?! Еще неделю назад вы же мне сами его нахваливали: «Паша — это наша надежда! Кроме него никто нам в союзники не годится! Он — именно тот человек, на которого можно оставить край в случае похода на Москву!» А сейчас что я от вас слышу? «Вор, бандит, посадить, с землёй сравнять...» Кажется мне, что вы опять поверили в бескровную революцию, постоянно подсовываемую нам Амроцким. Если мне память не изменяет, именно после вчерашнего свидания с ним вы запели тут новые военные песни против Дракова. Не пойду я на прямое предательство, не по-мужицки это как-то, не по-честному...

— Иван Павлович, а вам и не надо ничего делать, а уж тем более светить своё честное имя в борьбе с этим оборотнем. Да, да и еще раз да, вы правы, я переменил к этому проходимцу отношение, но дело здесь не во мне и уж, тем более, не в Михаиле Львовиче, дело в самом Драчуне! Это ведь не вы, не я, а он первым начал нарушать договорённости и требовать от управленческого пирога самые лакомые куски. Что, я не прав? Вы же сами видите его аппетиты, не угомоним его в самом начале, он слопает нас всех за милую душу.

— Запарится лопать, — голос генерала, как показалось Малюте, прозвучал уже не так категорично, что, по всей видимости, не ускользнуло и от внимания Старикова, и основной советник взвился пуще прежнего.

— Я просто поражаюсь вашей гениальности и способности всё взвешивать со скоростью компьютера и принимать единственно правильные решения. Ох, как не хватает, — с придыханием в голосе продолжил Алексей Викторович, — сегодня нашему многострадальному народу именно такого человека, с именно такими волевыми качествами, одно только и утешает, что ждать уже недолго осталось. Иван Павлович, — чуть ли не взвизгнул советник, — во имя своего будущего, во имя спасения нашего народа, отдайте Пашку в руки справедливого правосудия! Не вы, а суд и все, кому это положено, пусть решают его судьбу. Не виновен — никто его казнить не собирается, может себе работать вам и краю во благо, а виновен — в кандалы его да в тюрьму! — с неприкрытой злостью заключил он, и, слегка успокоившись,

продолжил: — А потом он ведь не единственный наш союзник, да и высота, для штурма которой он собственно и был предназначен, уже взята. Сегодня о другом надо думать, а это другое и других средств, и других союзников потребует. Есть точные сведения, что Царь очень плох. Врачи сомневаются, протянет ли лето. И слова мои — не пустые эмоции, я вас очень прошу, когда разойдутся гости, уделить мне для разговора с глазу на глаз часа полтора. Я вам всё подробнейшим образом изложу. А сейчас пойдёмте, близкие уже заждались, пока вы там с этим бандитом миловались...

— Да с чего это вы взяли, что я с ним миловался, вы, это, давайте бросьте околесицу нести, и потом, я бы посоветовал повнимательнее относиться к словам, которые произносите, а то ведь, неровен час, я и обидеться могу, а в обиде я...

— Что вы, что вы, и нисколечко я вас обижать не собирался, — лисой заюлил советник, — если я что и делаю, то только вам во благо, а за это вы меня можете и казнить, и увольнять, воля ваша. Мне главное — Плавского для будущего сохранить и помочь ему осуществить предначертанную ему миссию!

Звук шагов и голоса постепенно стихли.

Малюта сидел, словно статуя, боясь дышать полной грудью. Только сейчас он почувствовал, что основательно взмок от напряжения и, посидев ещё минут пятнадцать в своём укрытии, благо, уже почти стемнело, он перемахнул через невысокие перильца и начал спускаться к реке по крутому косогору, засеянному невысокой травой. У самой воды серо тускнела выложенная искусственным камнем тропка.

— Гражданин, кто вы такой и что здесь делаете? — неожиданно раздался голос, и из тени на дорожку вышел милиционер.

— Фу ты чёрт! — невольно вырвалось у Скураша, — напугал, да гость я, гость, вот пошёл прогуляться, но, видать, с перебору заплутал. Как мне отсюда выбраться-то? «Этого только не хватало, — подумал он про себя, — интересно, заметил ли мент, откуда я спускаюсь?» — Ты лучше подскажи, как мне до всей честной компании добраться?

— Да что здесь подсказывать, идите прямо, там будет лестница вверх, вот по ней и поднимайтесь, как раз в первый корпус и упрётесь. А ещё лучше, я вас сам сопровожу. Извините, служба.

— Хорошо, давай сопровождай, — пытаясь изобразить в голосе нетрезвые нотки, согласился Малюта. — Эх, красота у вас здесь неописуемая.

— Это у вас там, в Москве, красота, а у нас, что? У нас дичь голимая. Так, денёк-другой природой полюбоваться, а вот жить здесь, да ещё в какой-нибудь таёжной деревне, не приведи Господь! — милиционер замолчал, не то испугавшись откровенности с незнакомцем, не то вспомнив свою таёжную деревеньку. — Вы бы, это, — продолжил он, — по траве поостереглись бы ночью ходить...

— А что такое, змеи?

— Да какие змеи, — с иронией в голосе отозвался не то сопровождающий, не то конвоир, — клещи у нас здесь энцефалитные свирепствуют. Вы в помещение когда придёте — в туалет, или в свой номер — не стесняйтесь, разденьтесь да попросите кого-нибудь вас сзади осмотреть. Клещ, он, сволочь, укромные места любит — подмышки или, уж простите, мошонку. Так что я вам советую, обязательно осмотритесь, они, стервецы, новеньких любят. Хоть у нас здесь и травили по весне, а подстраховаться всё-таки следует.

У Малюты сразу всё зачесалось. Начало почти отчётливо казаться, что по его враз остывшему телу заползали какие-то неведомые насекомые.

— Слушай, ты меня так не пугай, с меня вон хмель враз слетел! Что, действительно так всё серьезно?

— Чудной вы человек, что же я вас, как дитё малое, пугать бы начал? Вы же начальник, да ещё из столицы. Ну вот и дошли.

У лестницы их встретил ещё один страж порядка, а с ним и начальник охраны Плавского, бритый налысо, почти квадратный крепыш с незамысловатой польской фамилией Каминский.

— Ну, слава Богу, Малюта Максимович, а мы вас уже обыскались. Шеф стал беспокоиться, говорит, может наше будущее государево око похитили местные развратные девицы?

— Да нет, Геннадий Адамович, какие девицы, вон служивый говорит, что если кто и отсосёт, так только клещ, и тот энцефалитный, — усмехнулся Малюта.

— Они вам наговорят, слушайте их больше. Весь участок раза три травили, так что клещи маловероятны, хотя осмотреться на всякий случай не мешало бы...

— Вот и я о том же, — оживился было милиционер.

— А вот тебя персонально никто и не спрашивает, — не слишком любезно отозвался Каминский. — Смотри, если покусал начальника клещ, отвечать тебе придётся.

— Да будет вам, Геннадий Адамович, пойдёмте. А вам большое спасибо за помощь, — обернулся Малюта к стушевавшемуся сержанту и протянул руку.

— Пойдёмте, пойдёмте, — чуть ли не перебивая рукопожатие, заторопился Каминский и, пройдя буквально пару шагов, не понижая голоса, явно, для того, чтобы его слышали оставшиеся, с укором добавил, — вы так нам всю дисциплину и субординацию порушите. Нечего с ними ручкаться, пусть знают своё место. А то хорошо устроились — вчера одному служили, а сегодня другому! Дармоеды! На Кавказ их надо, пусть немного растрясутся.

Малюта ещё с армейских времён привык относиться к солдату с уважением, и в иной обстановке за служак обязательно вступился бы, но сейчас ему было явно не до этого, и он промолчал.

— Малюта Максимович, да не волнуйтесь вы так насчёт клещей! Шеф приказал всем собираться в баню, что бы завтра, так сказать, с чистыми помыслами и светлыми головами приняться за святое дело, там и посмотрим, присосался ли кто к вам, а то, может, действительно клещиху настоящую кликнуть. Здесь они ядрёные и столичных ох как любят, надеются, дуры, что западёт на них кто, да с собой в Москву увезёт.

— Нет уж, любезный Геннадий Адамович, платными услугами двуногих клещих, как вы удачно выразились, никогда не пользовался и вам не советую, уж как-нибудь потерплю до жены.

— Ну, воля ваша, наше дело предложить. Я ведь, если честно, и сам так думаю, — смущённо улыбнулся Каминский. — Где баня знаете?

— Приблизительно...

— Тогда до встречи.

Малюта зашагал по дорожке к непритязательному двухэтажному строению, где ему был определён номер. Наконец, оставшись один, он принялся обкатывать случайно полученную информацию. В сухом остатке получалось, что Стариков со своей командой решил в одночасье покончить с опасным конкурентом и остаться безраздельным распорядителем генеральской головы и тела. Жмёт он на самую больную и слабую клавишу в губернаторской душе и, судя по всему, дожмёт и своего добьётся. Знать бы только, кого они планируют в очередные генеральные союзники на новом этапе. Да и будет ли он, этот новый этап? Может, всё краем и ограничится? Хотя, судя по всему, Плавский уже закусил удила и видит себя в Кремлёвском кабинете. Конечно, дай-то Бог, а там глядишь, и нам чего-нибудь обломится. Да мечтается оно всегда легко и приятно, но что мне сейчас предпринять?

Ну уж точно не звонить в Москву! Сначала дождись назначения, приезжай в край, утвердись, а там посмотрим, что к чему.

На всякий случай покрутившись нагишом перед зеркалом и клещей не обнаружив, он переоделся в спортивный костюм и собрался в баню. Он прекрасно помнил, что для генерала есть два святых действа — рыбалка и баня.

Задумавшись, Малюта чуть было не столкнулся с неспешно прогуливающимися у их корпуса Стариковым и Драковым.

— А вот и Малюта Максимович, наш будущий наместник Президента в крае, — вальяжно растягивая слова, прогнусавил Алексей Викторович, — познакомьтесь, прошу вас.

— Драков — депутат законодательного собрания края.

— Скураш, пока никуда не назначенный гость губернатора, — пожимая протянутую руку, сказал Малюта.

— Ну, вот и прекрасно, вы главное, не забудьте, кто вас познакомил... — ввернул Стариков.

— Спасибо, Алексей Викторович, — поблагодарил Малюта, — а то мы сегодня весь день с Павлом Петровичем то там, то здесь сталкиваемся, а представить нас друг другу так никто и не удосужился. Вот вы, с присущей вам прозорливостью, и устранили эту досадную неловкость.

— Да, конечно, спасибо вам, Алексей Викторович, — немного в нос пробубнил Павел, — ну так я пойду, а то ещё дела есть. Так мы с вами договорились, завтра обедаем у меня дома. Я сам чего-нибудь вкусненького из старины сварганю. Жду. А вы простите, — поворачиваясь к Скурашу, продолжил Драков, — что так и не поговорили пока, может, завтра, может, ещё когда, ладно? Думаю, что, э-э-э, времени у нас будет вдосталь.

«Пожалуй, для меня Дракова на сегодня уже предостаточно! Но Стариков — красава, юлит как котёнок, такому яда в чай ближнему капнуть — раз плюнуть! Интересно бы послушать, о чём они там за Пашиным обеденным столом говорить будут», — как бы подвёл итоги Малюта, шагая по направлению к бане. Ему почему-то было немножко жалко этого неискушённого и во многом наивного боксёра.

14

Назначение Малюты состоялось только в августе. Никаких особых инструкций и напутствий после выхода указа он не получил, в державные кабинеты приглашён не был, только будущий

его начальник, которому, неизвестно с какого перепугу, поручили контроль за наместниками, носился по шестому подъезду Старой площади с воплями, что в Есейск не того назначили, что у Малюты дырка в голове, и вообще он безбашенный, но переплюнуть волю первого зама главы не так-то просто, а если честно, то всем было до фонаря. Державная Москва готовилась к очередному шунтированию, и никого чужие проблемы не интересовали. Это уже позже, поскитавшись по коридорам власти, Скураш стал догадываться об истинных причинах тех давних стенаний пыхтящего трубкой рыжебородого начальника, а причина была банальной и древней как мир — сладкая должность проплыла мимо без всякой личной пользы и выгоды. Ох, и не взлюбили его за это в родном управлении! А кому ты взлюбишься, когда чужому кошельку аборт сделал? Только на второй год наместничества Малюта сообразил, что к чему, и стал возить в Москву подношения. Пусть и мелкие, но всегда начальству желанные. Так уж устроен чиновничий мир: низшие волокут высшим, а те в свою очередь, ещё более высоким, и так до… аж и боязно представить! Но как только Скураш принял условия игры и поволок, так у него тут же по-свойски оттяпали кусок безлюдной территории, благо формальные поводы были, и посадили туда парочку его бывших подчинённых, наделив их наместническими статусами. Вот так не мытьём так катаньем, начальство своё выкружило. Да и Бог с ним, что на тех липовых субъектах людей меньше проживало, чем в большой столичной многоэтажке, кого это волнует? Малюта ещё когда написал докладную о ликвидации этих потешных субъектов, жрущих бюджетные деньги, как кот Василий дармовую сметану.

В Есейске нового наместника ждали с кипучим нетерпением, как когда-то давно дожидались в глухой провинции приезда справедливого барина, вот, дескать, он приедет и ужо всех рассудит. Как позже оказалось, нетерпенничали все, а пуще всех дожидалась нового объекта публичного обсасывания пишущая братия, которая прежде всего ждала от нового «царева ока» открытых баталий с губернатором и укорота генеральского не по дням, а по часам растущего аппетита. И каково же было всеобщее разочарование, когда пришлый чиновник закопался в бумагах, стал встречаться с простыми гражданами, начисто отгородился от журналистов, принялся ездить по городам и весям и летать по национальным посёлкам, станкам и факториям, куда не то что москвичи, а и свои местные, районного уровня на-

чальники раз в десятилетие заглядывали порыбачить да поохотиться.

Иной раз, намотавшись по богом забытым углам необъятного края, Малюта просто за голову хватался от беспросветной нищеты и дикости им увиденного. Страшные, выдубленные ветрами, дождями и метелями до металлической серости избы, глухие, такого же колера заборы, сараи и амбары, в беспорядке приткнувшиеся по берегам рек среди чахлой тайги, казались призраками, пришедшими из далёкой древности. Они ещё потом долго стояли перед глазами, не давая уснуть по ночам.

Скурашу, как всегда, повезло с подчинёнными. В отличие от общепринятой традиции всюду таскать с собой своих людей, он ещё с армейских времён предпочитал доверять и работать с теми, кого Господь поставил под его начало, и, как правило, они очень редко его подводили. Да и подводят, по неписанным законам бюрократического дарвинизма, в основном, свои, выкормыши, которых тянут и которым черствый сухарь службы неведом. Вот эти как раз и готовы в одночасье слопать своего благодетеля со всеми потрохами.

Руководителем его небольшого аппарата был человек в годах, в прошлом из неудавшихся учёных, рассудительный до занудства, щепетила и педант, каких не сыскать уже в наше суматошное время, хотя само время для Потапа Филимоновича Третьяковского существовало лишь как философская категория и никакого касательства к обыденной его жизни не имело. Он, как никто другой, соответствовал внутреннему духу той земли, на которой родился он сам и все его, хранимые в памяти, видимые и невидимые предки. Детишек Бог ему не дал, оттого достаток в его доме водился, и жили они с супругой тихо, без зависти и в своё удовольствие. И только одна небольшая страстишка жила в душе Потапа Филимоновича: он до безумия любил коньяк, и не просто его любил, а по-настоящему знал, ценил и мог о нём говорить часами. Но коньячная заковыка, была, что называется, только запевом, потом наружу неизбежно вырывалась извечная болезнь русской интеллигенции — либеральное брюзжание о непотребности нашей действительности. Да, Третьяковский был неисправимым либералом. Как правило, он и ему подобные индивидуумы являются как бы хранителями, жрецами, что ли, великих идей, они служат им преданно, бескорыстно и фанатично. Возможно, именно им, а не запыленным томам и иссушенной собственной значимостью профессуре, человечество обязано сохранностью жизненной силы этих самых будоражащих мозги знаний; именно такие народные

подвижники и не дают угаснуть Прометееву огню человеческого разума. Должностью своей Потап Фимимонович тяготился, но вынужден был обязанности исполнять прилежно, так как по-другому работать был не приучен, иных же способностей для изыскания средств к существованию не имел.

Малюта, подметивший такую необычность в своём помощнике, стал её исподволь стимулировать, помаленьку перетаскивая из своего рабочего кабинета в комнату Третьяковского дорогие коньяки, которые наместнику в изобилии подносили по всякому случаю. Даже младенцу в нашей достославной державе известно, что бутылка спиртного, не взирая на своё достоинство и цену, взяткой не считается. Иногда после рабочего дня, не нарушая издревле заведённых традиций, тесный коллектив сгруживался вокруг третьяковского стола и предавался банальному выпивону.

Всякая выпивка на рабочем, так сказать, месте — дело нужное и неискоренимое. Иной раз она является единственной отдушиной в зачерствелой чиновничьей душе, через которую в неё проникает хоть какое-то дуновение свежих ветров и веяний. Главное, пьянка не только способствует сближению народа и руководящих сил, но становится первотолчком большинства служебных романов — этого лучезарного солнца романтики в холодной воде бюрократической обыденности, да и для обычного, ни к чему не обязывающего и, однако, весьма разгружающего секса подобные события служат наипервейшим толчком. Унаследованный Малютой коллектив для романов и интима, ввиду своей степенности, был неподходящим, так что с полным самозабвением отдавался словоговорению на самые что ни на есть крамольные темы. Так уж в здешних местах исстари повелось: народ попроще — молчун, откровенности из него клещами не вытянешь. Властители же дум, мужи учёные, до преступного говорливы, им-то терять нечего, одна отрада — языком натешиться, а страх, страх он как-то стороной от них сквозит, да и куда далее Сибири сослать могут, разве что, в соседнюю, сибирскую же волость. В тюрьме тюрьмой не испугаешь. Так что застолья на третьем этаже Серого дома, как именовала здание крайадминистрации местная молва, были порой бурными и всегда интересными.

— Незнающему человеку, простому обывателю, — после нескольких рюмочек коньяку издалека начинал Третьяковский, — рутинная работа бюрократа вашего ранга, Малюта Максимович, кажется каким-то таинственным действом, в результате которого

как раз и происходит мудрое управление государством. На самом же деле, как все мы изволим наблюдать, всё намного проще и примитивнее. Большая часть наших коллег приходит в присутствие и департаменты просто просиживать штаны, перекладывать бумажки и до самозабвения трепаться, а в последнее время шариться в интернете...

— Ну что вы опять за своё — бюрократы, бюрократы, — да нет их уже, этих бюрократов, погноили всех в наших лесных колониях ещё до Второй мировой, — словно торпеда, врезалась в разговор Людмила Борисенко, средних лет и пышных форм женщина, отвечающая в команде за связи с общественностью и территориями. — Да и чего это вы на шефа наезжаете? Он и сам особо штаны не просиживает, да и нам, бывает, покурить некогда.

— Вы так без подхалимажа уже, значит, не можете? Ну я не в обиде, что с вас, молодой формации, возьмёшь? Нынешний младобюрократ — пренеприятнейший субъект, впитавший в себя самые худшие качества партократа, разбавленные новомодными западными веяниями. Вас, досточтимая Людмила, это, конечно, ни в коем разе не касается...

— Да, куда уж мне, с моей-то биографией... — фыркнула Борисенко.

— Людмила Даниловна, да не заводитесь вы, что, не видите, он уже после второй рюмочки на своего любимого конька присел, — как ни странно, поддержала свою всегдашнюю оппонентку Мария Михайловна Варковская, доставшаяся Скурашу по наследству пенсионных лет секретарша, дама, что называется, приятная во всех отношениях. Первый порыв сменить её на более молодого и покладистого сотрудника был придушен Малютой в самом его зачатке, и он до сих пор не мог надивиться своей прозорливости. Мария Михайловна оказалась незаменимым и наипреданнейшим человеком.

— И отчего же это вы все сегодня на меня нападаете? Малюта Максимович, голубчик, может, еще по махонькой нальём этим фуриям, а то ведь раздерут они меня...

— Да нет никаких проблем. Давайте по маленькой, только я бы попросил вас продолжить тему о пустопорожнем времяпровождении нашего чиновничества...

— Ох, и зря вы его об этом просите, — разливая на правах младшей коньяк, игривым тоном предупредила Борисенко. К слову сказать, работала она в аппарате вместе со своим мужем Геннадием, которого нещадно ревновала ко всякой мелькнувшей

в коридоре юбке и, надо признаться, Геннадий действительно постоянно подавал к этому поводы. Во всём остальном это был прекрасный сотрудник: умный, молчаливый человек двухметрового роста и недюжинной физической силы, к тому же прекрасный аналитик и стилист.

Выпили третий, традиционный для здешних мест, тост за присутствующих дам.

— Малюта Максимович, — зажевав коньяк крохотным кусочком лимона, вкрадчиво принялся развивать прерванную мысль Третьяковский, — вы ведь знаете, что я во время избирательной кампании искренне поддерживал Беззубова и активно работал против Плавского? — бросил он первый пробный шар. Не дождавшись реакции Скураша и проигнорировав недоумённые взгляды остальных участников застолья, Потап Филимонович продолжил: — Да и сейчас я к вашему кумиру особыми симпатиями не пылаю. И вовсе не оттого, что он избрался благодаря поддержке откровенных бандитов, и вовсе не оттого, что край наш для него — всего лишь трамплин для прыжка в Москву, нелюбовь моя иного свойства, она, если хотите, местечковая: чужой он нам, нашему сибирскому миру, укладу. Сибирь, она ведь испокон веков отдельным континентом для России была, со своей честью, гордостью, укладом, со своим менталитетом, своей воровитостью и стыдом, да и со своим пониманием власти и чиновничества. Мы ведь в прошлом из-за Камня — так, кстати, ранее Урал именовали — и русского-то русским не признавали и требовали от него подтверждения своей русскости. Даже при большевиках и то с нашими традициями и былями считаться изволили, а ныне полный беспредел. Валит сюда всяк, кому не лень, гребёт всё под метёлку, пользуясь нашей беспросветной нищетой, а нам только руками приходиться разводить, да обиду вместе с соплями на кулак наматывать. Я вот себе того простить не могу, как это я купился на посулы сановного алкоголика. Ведь изначально видно было, что врёт беспробудно, а душа, истомлённая темницей большевизма, просила надежды на свет и свободу, вот и поверили. И таких, как я, миллионы, между прочим. Легковерен, однако, интеллигент, и, заметьте, таким он был всегда, сколько б его не гноили и не резали.

— Извините, Потап Филимонович, — воспользовался короткой заминкой оратора Малюта, — интересная у вас философия выходит: Плавского не любите, хотя его не знаете ни как человека, ни как руководителя; Беззубова, который без зазрения совести за копейки распродал ваш — заметьте, ваш край — местным

и пришлым бандитам, вы поддерживаете и при этом требуете какой-то местечковости в назначении или избрании руководителей губернии!

— Всё так, да и не так, — хитро улыбнулся Третьяковский, который, похоже, и ожидал такой реакции собеседника. — Продал, говорите, край бандитам? Ну и что вам на это ответить?

— Правду и ответьте, — выпалила, как отрезала, Борисенко, наполняя янтарной жидкостью разношерстную посуду, за неимением бокалов, используемую коллективом в подобных случаях, — только уж не виляйте, всё, как есть, и скажите. А насчёт идейной преданности Беззубову, так это детский лепет. Я так, по-простому, по-женски скажу: идейность — это комсомольские сопли юности, а мы просто отрабатывали свой номер, чтобы на месте небедном остаться. И это ещё чудо, что нас до сих пор не выперли, хотя мы-то как раз и есть тот самый пресловутый московский административный ресурс. Танина дала команду, вот мы Плавского и крыли по всем мастям. Да что вам, Малюта Максимович, говорить, вы сами в таких делах дока, насколько я понимаю, диссидентов в наместники не ставят.

— А с чего вы решили, что я диссидент, и, главное, откуда такая уверенность в моей привязанности к Плавскому?..

— Так ведь народ говорит… и биография… — смутилась женщина. — И служили вы вместе, и в Совете нацстабильности…

— Ну, допустим, служить я с ним никогда не служил. В Совете, может, с ним, а, может, и при нём был… Так что говорить могут много, а правду знают единицы…

— Ну, вот за правду, за неё, родную, давайте и выпьем, — незлобиво, умиротворённым тоном произнес доселе молчавший Геннадий.

— Филимонович, вы поглядите, до чего договорились, мой молчун и тот слово из себя выдавил, — приобняла мужа Людмила. — Ну так давайте за сказанное, а там и посмотрим, насколько вы в ладах с этой вертлявой особой по имени Правда.

— Не взирая на голосистых комсомолят, повествую вам, Малюта Максимович, чистейшую правду: да, Беззубов продал и безобразно дёшево продал промышленность края откровенным бандитам, а если быть ещё более точным, продал он её людям Паши Дракова. Надеюсь, вы, Людмила, сейчас довольны?

— Ну в какой то мере.

— Это уже хорошо. Счастье женщины в её удовлетворённости. Всё-всё, я более не смею касаться больной темы, — поднял

руки кверху Третьяковский, предваряя очередной натиск Людмилы Даниловны. — Да, бывший губернатор продал флагман советской индустрии и иже с ним Дракову. Так ведь по *закону* продал! По вашему федеральному закону! Не всё же родиной из Москвы торговать, или вы думаете, что всякие там столичные Пробанины, Гринские, Туменские, Хохморовские, Хадеры и прочая, прочая, прочая сволота, менее криминальны? А ведь именно им и спустил Гарант, не к ночи будь помянуто его имя, за бесценок самые лакомые куски отечественной общенародной промышленности и природные закрома в придачу. Вы вот полетаете по нашим Северам, подивитесь, что там творится. Народ вымирает, притом весь: и аборигены, и наши с вами единородцы, все подчистую, а нефть, газ, золото, платина, одним словом, всё, что выворачивают из нашей земли пришлые ловкачи, всё это уплывает невесть куда. Безвозвратно уплывает, и проку нам от этого нет никакого, потому как граждане мира нам и ломанного гроша, даже в виде подаяния, оставлять не желают. Вот так-то, любезный Малюта Максимович! Хотя как знать, может, вы такое состояние дел считаете верхом справедливости? Так вот по мне лучше уж пусть будет наш, доморощенный бандит, которого мы знаем, который *здесь* живет и никуда уезжать не собирается, ибо землю нашу любит и блюдёт её, как родную. Он такой же, как и мы, у него, равно как и у нас, другой Родины нет и, подчёркиваю, он нисколько не бандитистее ваших безродных беспризорников!

— Ничего себе вы завернули! — искренне изумился Малюта. — Хотя с какими-то вашими доводами я, честно говоря, вполне солидарен. Но прежде, чем мы продолжим наши дебаты, я бы хотел задать вам один весьма щекотливый вопрос: вы антисемит?

— С чего это вы взяли? — опустив на стол бумажный стаканчик, спросил Третьяковский.

— Во-первых, все перечисленные вами московские фамилии далеки от славянских корней. Во-вторых, как понимать термины «безродные беспризорники» и « граждане мира»?

— Да как хотите, так и понимайте, только, будет вам известно, я сам немножечко еврей, по материнской линии. Далёкие предки её как раз были выходцами из ваших родных мест в Беларуси. Потом у меня жена тоже с подгулявшей наследственностью, так что для антисемитизма, извините великодушно, слишком много нестыковок. Хотя, как знать? Ныне всё, что хочешь, могут о тебе рассказать, особенно наша непродажная пресса. Не удивлюсь, если и Шаевича кто-нибудь в антисемиты записать умудрит-

ся. Теперь о фамилиях. А вы что сможете мне назвать какие-то другие, более благозвучные для русского слуха имена банкиров и собственников, кому пропивший мозги обкомовский секретарь пораздавал народное достояние, обратив тем самым народ, чьей кровью и потом всё это было построено, в нацию нищих? Представьте, в канун двадцать первого века, под боком просвещённой Европы, вдруг возникла, в одночасье образовалась нация нищих и оборванцев. Кому это нужно? Нет, это не я антисемит, это банкиры и олигархи антисемиты! Начнутся погромы, не их, а меня и мне подобных будет волочить по кровавым улицам толпа, а им что, они сядут в свои самолёты, на свои яхты и уплывут в своё никуда. Так уже было и не раз.

— Ладно, вы только, Потап Филимонович, на меня не обижайтесь, мы же только узнаём друг друга, поэтому какие-то недоразумения на первых порах вполне возможны. С национальными принадлежностями, слава богу, разобрались. А вот у меня, к сожалению, кроме бульбашско-кривицкой крови иной в родне, как говорят, не было...

— Ой ли? — разливая остатки коньяка, не совсем твёрдо произнесла Борисенко. — А татары, а шведы, а немцы, а поляки, наконец? Кто там ещё через вашу незапятнанную Беларусь к нам на Русь ходил?

— Всё, согласен и на татар, и на поляков, и на литовцев...

— Вот видите, Малюта Максимович, — лукаво улыбаясь, иронически произнёс Третьяковский, — и вас в антисемиты следует зачислить! Как быстро вы своё родство признали со всеми, даже с ненавистными поляками, а от нас, пархатых, отмежевались ловко. Нехорошо как-то, согласитесь? А ведь мы бок о бок годков триста с лишним живём! — и, заметив, что начальник слегка насупился, со смехом добавил: — Ну как, оказывается, не такие мы и простофили периферийные, а?

— Правы, правы вы во всём! Действительно самый сложный вопрос — национальный, так давайте его оставим на совести наших предков и запьём вот этим замечательным напитком, который всех уравнивает и примиряет. За интернационал и вечную дружбу людей, какая бы кровь не текла в их жилах! — и, не дожидаясь возражений хмелеющих подчинённых, Малюта опрокинул в рот свою рюмку. — Действительно хорош коньячок. Я вот всё никак не могу понять, Потап Филимонович, почему у нас нет, да, оказывается, и не было, хорошего отечественного коньяка? Раньше пили и восхищались армянским, дагестанским, молдав-

ским, а границы открылись — и эти когда-то небесные настои сразу приобрели вкус тривиальной сивухи, настоянной на гнилых дубовых опилках. Что у них виноградники лучше?

— Мозги у них лучше, и совесть на месте, — зажёвывая выпитое неизменным лимоном, со вздохом произнёс Третьяковский. — У них коньяк с курсом партии и правительства никак не пересекался, это, пожалуй, главное, ну и традиции, хранителем которых является прежде всего семья, род, община, живут там со времён открытия виноделия. А у нас сами знаете что! Последний осиновый кол в отечественное коньякокурение забил, совместно со своей ретивой супругой, ставропольский партсекретарь. Вы меня сейчас опять в экстремисты зачислите! Можете убивать меня, только я не верю в то, что все наши несчастья творились сами собой, уж больно всё складно получается. Под благородным лозунгом борьбы с пьянством вырубили лучшие лозы, посадив народ на суррогаты и наркотики, не поделили два партийных недоумка кабинет в Кремле — развалили величайшую державу, решили озолотить народ — всё достояние передали в руки проходимцев и жулья! И что, опять во всём виноваты дураки и дороги?

— Я, знаете ли, Потап Филимонович, не сторонник мысли о всемирном антироссийском заговоре. Изредка шевеля остатками извилин, волей-неволей приходишь к страшноватому, прежде всего для самого себя, выводу: самым коварным врагом для всех нас являемся мы сами. Почему и как это происходит — другой вопрос, но, к ужасу, это всё, наверное, так и есть. И нет других монголов, кроме нас самих! Пока мы не перестанем искать вражью силу где-то на стороне, мы от этого очумения так и никогда и не избавимся. Так вот, на самом деле приблизительно это говорит и пытается претворять в жизнь Плавский. Пока, правда, только в своих политических заявлениях. И здесь я — его сторонник. А о том, что все вокруг жулики, так это не совсем объективно. И хотя наши политические оппоненты вовсю кричат об этом, однако, я, равно как и вы, не видел ни одного секретаря райкома или обкома, который бы после девяносто первого года ушёл в леса и организовал партизанский отряд. Так что, огульно зачисляя всех в жульё, мы только льём воду на их мельницу, а это для госчиновника, я считаю, неправильно…

— Да я знаю, что вы считаете! — неожиданно для Скураша взвился Третьяковский. — Если вам от этого станет легче, я могу завтра же написать заявление об уходе!..

— Здравствуйте, бабушка, вот тебе и Юрьев день! — раскинув руки, как рефери, подскочила со своего места Мария Михай-

ловна. — Ты что, Потап, мозги совсем пропил? Не обращайте на него внимания, перекалился он, Малюта Максимович, клинить начало нашего учёного, пора уже по домам расходиться. Вот дурила, взял и вечер испортил! Правда, Малюта Максимович, перегрев у него на политической почве. Он про бескорыстность в отношениях с Беззубовым не придумывает, они с ним друзья ещё со студенческих времён. Ты ведь это прекрасно знаешь, — напустилась Варковская на Людмилу Даниловну, — «мы административный ресурс», «за место цепляемся», — передразнила она сослуживицу. — Не надо было масла в огонь подливать...

— Весь вечер сидела, сидела, молчала, молчала и, на тебе, прорвало! Пошли, Гена, домой! Извините, Малюта Максимович, сами видите, что за народ.

Компания быстро распалась, оставив в душе у Малюты неприятный осадок и удивлённый вывод, что не всё так просто в его малом совнаркоме и, при видимой гладкости, у всех растут свои зубы, уже давно наточенные на ближнего.

Но ни Скураш и никто другой даже предположить не мог, что подобная чересполосица и нервозность прочно угнездились не только почти во всех коллективах, семьях и, что самое поганое, в головах многих и многих добропорядочных жителей этого сурового края. Они, вслед за Третьяковским, повинуясь невесть кем заложенной в них программе, с маниакальным упорством *хотели* видеть и видели в специалистах, приехавших с Плавским, оккупантов, а всех, активно сотрудничающих с новой властью, спешили записать в полицаи. Почему это происходило, неизвестно, однако, что-то же толкнуло Антона Павловича Чехова еще во время его знаменитого путешествия на Сахалин, оставить в своём путевом дневнике не слишком лестные слова о местных обывателях. Возможно, некая душевная червоточина и является исторически сложившейся чертой характера местного населения, хотя и само население местным-то назвать можно с большой натяжкой. Так уж сложилось, что край этот благодатный в основе своей был этакой приблудно-сбродной империей, по большей части заселённой каторжно-конвойным людом, свободолюбивыми авантюристами, бродягами да комсомольцами-добровольцами великих строек социализма. Пройдя сквозь века и кровавые невзгоды, гремучая получилась смесь, имя которой пресловутый «сибирский характер». Не потому ли, особенно в последнее время, все кардинальные шаги, предпринимаемые

Москвой, частенько делаются с оглядкой на Сибирь. Нет, не то что бы Москва боится своей огромной колонии, хотя, возможно и не без этого, она, скорее, страхуется и оттого спешит половчее обдурить и задобрить этих сильных, нелюдимых, пожалуй, немного завистливых, но всё же доверчивых и наивных людей. И хоть за Уралом их и осталось с гулькин нос, народ они отчаянный, спуску могут и не дать. А кому нужны все эти буйно стучащие по исторической брусчатке Красной Пресни шахтёрские каски? Так, они там, чего доброго, могут и про Сибирские полки вспомнить, и про Колчака с Семёновым, нет уж, лучше от греха подальше. Это только единоличный властелин грузин по простоте цековской мог перед своими депутатами в сердцах воскликнуть: «Всем президентам люди как люди попались, а мне — дурни». У нас правитель посметливее пошёл — или сладко соврёт, или промолчит с кислой улыбкой, или из-под бровей так зыркнет, как серпом по одному заветному месту полоснёт. Наши от америкосов быстро усвоили: народ не выбирают, это народ выбирает, а из этого и соответствующий вывод — хоть и противно, да терпи — царём будешь.

15

У Плавского что-то произошло со сном. Раньше никакие тревоги и нервные перенапряжения не могли отдалить минуты благодатного забытья, и генерал, как только его голова касалась подушки, погружался в крепкий, здоровый сон с практически полным отсутствием каких бы то ни было сновидений. Но, переквалифицировавшись из бравого вояки в периферийные губернаторы, Иван Павлович почувствовал себя не в своей тарелке, и нервная система, хоть и закалённая войнами и стрессами, стала давать сбои. Плавскому начали сниться сны. Это до такой степени удивило генерала, что он, от мелькания несуразных и, главное, никаким боком от него не зависящих картинок, стал просыпаться по ночам и в первые секунды, путая сон с реальностью, продолжал с кем-то спорить, кого-то ругать или отдавать распоряжения. Позже, очухавшись и окончательно придя в себя, он долго сидел в тупом оцепенении на смятой постели, понапрасну пытаясь отыскать логику и первопричины того, что ему только что пригрезилось. Не найдя ответа и не связав концы с концами, Иван Павлович принимался психовать, глотать прямо из бутылки свой

любимый боржоми и хвататься за сигареты. После трёх-четырех затяжек, невзирая на глубокую ночь обманутый организм, получив свою полагающуюся после пробуждения порцию никотина, автоматически приводил все органы в состояние бодрствования, и о скором возвращении сна можно было забыть. Пошатавшись по протокольно безвкусно обставленной опочивальне, в очередной раз порадовавшись отсутствию на широченном казённом ложе законной супруги, которая непременно стала бы приставать с пустыми вопросами и придирками, он, затолкав за спину подушки, пытался читать, но, не имея навыков регулярного общения с книгой, быстро уставал, отчего внутри зарождалась противная волна раздражения, и он снова хватался за спасительные сигареты. Генерал был человеком обязательным и чрезвычайно исполнительным, не важно, отдавали команды ему или же он сам ставил перед собой какие-то цели, всё это должно было быть исполнено точно и в срок. «Приказ командира и рвение подчинённого могут горы свернуть!» — частенько говаривал он. Однако в этой новой и, чего греха таить, пугающей его своей непредсказуемостью жизни, всё у него выходило как-то не так, ничего не спорилось и не давало нужных результатов. Ну, казалось бы, что ещё надо: собрал людей, поставил задачи, определил средства, увязал, кто с кем взаимодействует, уточнил сроки докладов. Так нет же — сидят они перед тобой, глазами моргают, расходятся с озабоченными, недовольными, как двухпудовые гири, рожами, а главное, никто и не пошевелится, чтобы на полусогнутых броситься исполнять губернаторскую волю. Все вразвалочку, все с оговорками, с обязательными бумагами, а то ещё, глядишь, и про неконституционность намекнут, или на решения законодательного собрания кивать станут, одним словом, по армейским меркам — полный бардак. Вот и рули губернией с такими управленцами! Но самое противное, что подобным образом к делу относятся не только аборигены, доставшиеся ему по наследству. Они-то чинуши старой закваски, что с них возьмёшь? Вредят, сволочи, и саботируют, памятуя прошлую вольницу и воровскую безнаказанность, норовят всё наперекор сделать. Отвратительно другое — когда вслед за местными держимордами, подобную мелкотравчатую позицию занимают и новые, прибывшие с ним люди! Вот где форменная подлость! Казалось бы, свои, а туда же, так и глядят, как бы чего для себя урвать, намутить, а дело, им порученное заволокитить. Хотя какие они, к чёрту, его люди! Тоже все с бору по сосёнке. Того тот порекомендовал, этого — этот, а

что поделаешь, отказать невозможно: и тот, и другой, и третий, и четвёртый — все как-то участвовали и в его раскрутке, и в финансировании его избирательных кампаний. А кампаний этих за пятилетку было целых три и притом каких!

Избирательные баталии он любил и всегда вспоминал с особой охотой, как и краткое своё пребывание на войне, где ему пару раз чуть не пришлось погибнуть. А что, выборы — это та же война, только другими средствами и методами!

Но не о предстоящих, самых главных выборах болела сейчас у него голова. Надо было в обязательном порядке обустроить эту дурацкую провинцию, сделать из неё конфетку, всем показать, что он собой представляет как масштабный руководитель. Вот был всюду бардак, а *он* сумел навести порядок, дал людям не только надежду, но и реальный достаток, а раз сумел это сделать в крае, сумеет совладать и со всей страной. Если бы ему сказали раньше, что избранник народа настолько неволен в своих поступках и решениях, он бы не только не поверил, но и послал бы куда подальше подобного сказочника. А здесь это пришлось испытывать на собственной шкуре. Да если губернатор, высшее должностное лицо провинции, с почти неограниченной властью, избранный народом так опутан обязательствами перед своими явными и тайными кредиторами, то можно представить, в какой зависимости находится первое лицо всего государства. Страшно подумать! А чего ты хотел? Если нет за тобой ни партии с её казной, ни наследства с заводами и пароходами, тут уж крутись-не крутись, а по неписаным правилам всё равно придётся кому-то продаваться. Возможно, в этом и скрыта основная фишка народовластия. Противно, но что делать, когда такова реальность: или сам под кого-нибудь ляжешь, или дожидайся, когда тебя кто-то заметит и сделает ставку как на резвого и перспективного скакуна. Не зря же политику часто сравнивают с ипподромом. Кто и когда это придумал, генерал не знал, но спинным мозгом чувствовал, что демократию в современной России изобретали не для того, чтобы народ мог сам собой управлять и жить по справедливости, а совершенно для других целей. Он сам видел, что уже давно в недрах родной компартии сами собой или надоумленные кем-то, возникли новые силы, озабоченные единственным вопросом: как бы устроить всё так, чтобы на законных основаниях и, главное, бескровно одна группа удачливых людей могла отнять власть и деньги у другой подобной ей группы. Не гноить же себе подобных прохвостов в лагерях да подвалах Лубянки, мир не тот

и время не то. Наверное, это и есть цивилизованный подход к проблеме власти. На хитром Западе к этому пришли уже века четыре тому, а мы в своей татарщине всё по старинке мутузим друг друга смертным боем. Даже большевики, и те, кстати, начинали с народовластия, да и Гитлер, кажется, тоже.

«Что за бред мне в голову лезет? — думал генерал, с остервенением гася очередной окурок в переполненной пепельнице. — Может, сказать Старикову, пусть своих шаманов и ведьм пришлёт, хоть бы сон нормальный восстановился, а то я точно такими темпами не только до Кремля не доживу, а, чего доброго, месяца через три в здешнюю «дурку» угожу. Хотя Москва — Москвой, «дурка» «дуркой», а о дне нынешнем надо думать, именно этот день будущее и кормит. Действительно, чехарда получается с кадрами: одного советуют — ставлю, другого — ставлю, а третьего советуют — надо кого-то из предыдущих снимать, штаты не резиновые, кого-то смещать приходится. А кого уволишь без вреда самому себе? Кругом одни засланцы, за каждым стоит моё обещание, и если что, не избежать обид. Надо что-то срочно предпринимать, иначе всё это тебе может вылезти боком. Наверно так, Палыч, — обращаясь к себе как бы со стороны, продолжил свои рассуждения Плавский, он часто в долгих диалогах с собой прибегал к этому нехитрому приему, — садись и пиши тезисы своего завтрашнего совещания с ключевыми замами и направленцами. О бессоннице и планах на будущее будешь потом вздыхать».

Ни в чём не повинные подушки и книга разлетелись в стороны, пустая бутылка из-под «Боржоми» глухо бухнулась на прикроватный ковер. Приступ кипучей энергии охватил генерала. Он быстро прошёл в кабинет, затворил окно, из которого уже тянуло предрассветной прохладой и речной сыростью, поёжился и, накинув на плечи куртку от спортивного костюма, уселся за письменный стол. Ручка сама собой лихорадочно заскользила по клеткам толстой, как амбарная книга, рабочей тетради. Генерал писал долго, перечитывал написанное, зачёркивал и снова вписывал почти те же, только что зачёркнутые, слова. Промучившись таким образом не менее получаса, он с досадой швырнул ручку на стол. Далее десятка маловразумительных и общих фраз он так и не продвинулся, хотя исчеркал добрых четыре страницы, зато его нестерпимо потянуло в сон. Боясь упустить этот благодатный момент, он поспешил обратно в спальню. Остывшая постель обдала приятной прохладой, и лёгкий сон мягко, по-кошачьи смежил его веки.

Генерал проспал долго, обеспокоенная охрана, осторожно заглянув в опочивальню и найдя охраняемое лицо мирно сопящим, не стала прерывать его отдыха, а сообщила в город, что шеф задержится на неопределённое время в связи с особой занятостью. Поинтересоваться, что за экстренная «занятость» образовалась у губернатора с утра, никому и в голову не пришло. Занят — значит занят.

Плавский проснулся по-военному резко, как будто внутри сработала стальная пружина. Взглянув на вокзального вида часы, висевшие над дверью, он присвистнул от удивления, шёл уже двенадцатый час.

Внеплановое совещание руководящего состава началось через два часа после прибытия главы края на работу. Каждому служивому человеку издавна известно, что нет ничего более отвратительного, чем послеобеденное совещание. Да и как же по-иному, если разомлевший после обеда организм всякого человеческого существа непременно требовал покоя, лёгкой дремоты, к примеру, в курилке завода, на охапке душистого сена, просто на тёплой, нагретой солнышком землице, на кожаном диванчике в комнате отдыха, или в уютном кресле прямо за рабочим столом, или же, на худой конец, на скрипучем расшатанном стуле обычного канцеляриста — всё зависело от того, кто ты есть в этом мире и какого качества и весомости занимаемая тобой должность. И почему это тонкие натуры поэтов до сего часу ни разу не коснулись столь нежной и пикантной темы, как состояние послеобеденной чиновной души? А ведь этот заветный час-получас ох как важен в серой, обыденной жизни бумаговодителя. О как сладостны недолгие поклёвывания носом в лёгком мареве чуткого сна, как необычны и дерзки для казённых интерьеров и строгих начальствующих портретов интимные звуки утробного сопения молоденькой сослуживицы, а чего стоят пугливые, приглушённые обстоятельствами стоны всё умеющей и преданной секретарши! Чем не ода во славу торжества жизни и естества!

И вот, вся эта красота и нега псу под хвост — со-ве-ща-ни-е! Страшное, словно чума, слово, ропотом прокатилось по коридорам и кабинетам Серого дома! Чиновничий дом, словно муравейник — все накрепко связаны друг с другом, и если старшие подались к главному, то средние не дадут младшим покоя, задёргают, загоняют, изведутся сами и других изведут предположениями и страхами.

Собравшиеся в просторном губернаторском кабинете властители края единодушно отметили, что шеф в прекрасном расположении духа и ничего не предвещает потрясений и нагоняев, да и какие нагоняи могут быть после обеда. Чиновный люд всё это моментально оценил и, поудобнее расположившись на жестковатых стульях, расслабился. Вот тут-то и грянула гроза.

— Я, по воле народа, с некоторых пор работаю в этом крае губернатором, — мягким, вкрадчивым голосом начал губернатор. — Уже почти три месяца мы с вами трудимся, а вот толку от моего правления и от наших с вами общих трудов всего-то с гулькин нос. Вот вы, Музадохов, ведаете, что это за мера такая, «гулькин нос», а?

Кирилл Вениаминович Музадохов, отвечающий в крае за состояние финансов, робко приподнял со стула своё молодое, но уже изрядно заплывшее жирком тело и с нескрываемым недоумением уставился на губернатора. Молодой засланец столичного банка за время работы в команде Плавского так и не понял своего основного предназначения. Более того, во время еженедельных полётов в столицу, он слёзно жаловался своему руководству на дуболомство краевого начальника, собственники понимающе хлопали его по плечу и ненавязчиво продолжали требовать возврата вложенных в генерала денег с оговоренными процентами. Кирилл Вениаминович волновался, его банкирская истовость, так похожая на примитивную украдайку, никак не могла смириться с тем, что губернатор требовал основную массу денег отправлять на социалку, то бишь, на выплаты каких-то задолженностей по заработной плате учителям, медикам и инвалидам. Бред, да и только, с точки зрения практичного финансиста новой формации, постигавшего премудрости банковского дела в далёкой смурной Америке. По всем тамошним экономическим букварям деньги нужны исключительно для того, чтобы работать и делать, как это ни банально звучит, новые деньги. Правда, ещё задолго до этих букварей, сию примитивную формулу капитализма чётко сформулировали основоположники марксизма и ярчайшими эпитетами в своих литературных произведениях описали классики соцреализма. Но ни тех, ни других в американских хайскулах не преподавали, да и в отечественных, к слову, тоже в последнее время не особенно жаловали, а посему, о «гулькином носе» банкирец впервые услышал только на данном совещании. Затянувшаяся пауза грозила обернуться бестактной неучтивостью.

— Иван Павлович, я вас, простите, не понимаю. Вы извините...

— А как же! С нижайшим поклоном, — переходя на свой устрашающий бас, резко поднялся с места губернатор, — я гляжу, вы быстренько и притом не в одиночку, — с недобрым прищуром осмотрел он собравшихся, — а все сообща решили, что я здесь специально как раз и посажен исключительно для того, чтобы подобных вам недорослей «извинять», «прощать» и переучивать работать на российский манер. Нет уж, дудки! А вы, голубчик, Кирилл Вениаминович, будете первым, кого извинять не стану, да и за что извинять-то? Вы не красна девица, а я не заезжий поручик, но одно я с прискорбием могу констатировать — в финансах вы соображаете не более, чем сибирская свинья в марокканских апельсинах. По вашему гиреподобному лицу вижу, что познанием устного народного творчества разум ваш не особенно отягощён, но это — дело наживное, возможно, когда-нибудь мы доживём до светлого времени, когда нынешние банкировы дети будут ниспровергнуты с плутовского олимпа, и там, в недрах народных, с кайлом в руках постигнут азы русскости, к которой они с таким пренебрежением до этого относились. Что же, — переходя на обыденный тон, вздохнул Плавский, — объясняю отдельно для выученных в заморских академиях: человек вы, по всей видимости, хороший и где-то даже старательный, однако для должности моего заместителя этих детсадовских качеств явно маловато, так что попрошу к исходу завтрашнего дня сдать все дела своему заместителю и отправляться домой к мамочке. И не надо мне ничего мычать! — предвосхищая оправдания совсем скисшего финансиста, рявкнул губернатор. — Всё, хватит, мне надоело за вами сопли подтирать. Это моё окончательное решение.

Тягостное молчание, как мрачные, насквозь пропитанные бурей облака, повисло в кабинете.

— Теперь, дорогие работнички, я обращаюсь ко всем вам. Ко дню послезавтрашнему моим заместителям и начальникам ведущих управлений предоставить конкретные предложения по привлечению в край денег и отчёты об использовании тех крох, которые вы растащили. При этом не вздумайте мне подсовывать план ради плана, ибо выполнять их придётся вам самим, а нет, — голос генерала опять стал наполняться металлическим рокотом, — я держать никого не стану, можете прямо сейчас написать заявления об уходе по собственному желанию.

— Павел Анатольевич, — обратился он к своему помощнику Ласкалю, — раздайте господам чистые листы для написания рапортов.

Павел с нескрываемым удовольствием обнёс всех белыми, как мел, бумажными прямоугольниками, от которых на присутствующих неотвратимо повеяло холодом забвения и страхом нищеты.

— Всё, я больше вас не задерживаю, идите работать, — победно оглядев своих и вовсе сникших подчинённых, с явной издевкой подвёл итог губернатор.

Задвигались стулья, и только люди, стараясь не глядеть друг на друга, потянулись было к выходу из недоброго кабинета, как им преградил путь генеральский окрик:

— И ещё, все в течение недели обязаны пересесть с персональных иномарок на автомобили отечественного производства, а ваши закордонные ландо будут реализованы на аукционе и вырученные деньги пойдут на оплату долгов по заработной плате учителям и работникам культуры. Вот теперь всё. Новые машины получите в течение квартала, а пока на своих покатаетесь или на общественном транспорте. Что будет для вас весьма полезно, заодно посмотрите, как народ живёт и что про нас, бездельников, по утрам в автобусах говорит. Ну, вот теперь я, кажется, точно всем вам пожелал приятной и плодотворной работы! До свидания. А вы, Ляскаль, останьтесь.

Подчинённые из начальственного кабинета вышли хмурые и озадаченные, ни тебе привычных шуточек, ни дружеских подначек. Только миновав приёмную и предваряющий её холл, народ вполголоса стал выпускать скопившийся пар, да и то, делалось это очень осторожно, иносказательно, с оглядкой, так сказать, на завтрашний день. Неизменные чиновничьи атрибуты, папки и большеформатные общие тетради, жгли руки и терзали уязвлённое самолюбие, вернее, не столько сами атрибуты, сколько притаившиеся в них чистые листы бумаги; никто из подчинённых генерала так и не рискнул оставить эту «белую метку» на отполированном столе совещаний. Но чиновничья обида долгой не бывает и длится, как правило, до первой похвалы начальника, до первого доброго слова, приветливой улыбки, одобрительного кивка властной головы. Канцеляристы про то ведали и гнали прочь недобрые мысли.

Кабинеты быстро всасывали людей, длинный коридор опустел, только одинокая бесформенная фигура Кирилла Вениаминовича сиротливо темнела на фоне подслеповатого, выходящего во двор окна.

Непонятно, по чьей архитектурной прихоти, но почти все бесконечные коридоры казённых заведений при повороте обя-

зательно упираются в большое окно с широким, удобным, как трамплин подоконником. Такими же окнами заканчиваются и коридорные тупики, которых особенно много в сталинской архитектуре. Тёмный, почти трагический силуэт изгнанного чиновника уже виделся этим стенам чем-то чужим, инородным и только что окончательно потерявшим всякий смысл своего пребывания в этой громадной серой кирпичаге, некогда построенной на месте взорванного большевиками величавого храма. Сейчас часто разводят руками, а что, дескать, поделаешь, время было такое, да и обкомовские чертоги тогда замышлялись и возводились, как новые кумирни нового божества, в которых должны были творить и фактически жить новые жрецы. А что, если вдуматься, в этом действительно была своеобразная преемственность, некогда византийцы и латиняне под корень рушили молельни и капища доверчивых и слабовольных славян и на их местах строили храмы своему Богу; не прошло и тысячи лет, как и эта уже полюбившаяся и ставшая родной красота пошла в одночасье на слом, так что места под эти помпезные строения выбирались со смыслом, а если хотите, и с умыслом, дабы тропа страха, ведущая к любому богу, не остывала. О этот страх! Великий и неистребимый, он всегда живёт внутри каждого из нас, какие бы клеточки на шахматной доске социального неравенства мы бы не занимали. Гнездится это вечное чувство и в душах самых больших и самых непотопляемых руководителей любезного Отечества. Правда, чувство сие отлично от обычного липкого страха лишиться работы, которое постоянно гложет и держит в жёсткой узде простого рабочего или мелкого служащего. Конечно же, крупному чиновнику новой России не грозит голодная смерть, и отвратительная нищета никогда не постучится в окно дома, где живёт его семейство. Боже упаси, никому из обитателей Кремля или Белого дома даже и в голову не придёт мысль броситься с близлежащего моста в Москва-реку, как это, осознав своё полное ничтожество в великой стране равных возможностей, некогда делали американские безработные и банкиры, сигая с Бруклинского чуда в великую реку обманутых и истреблённых индейцев. Нет, такого конца наши властители душ и дум не страшатся, в них живёт иной страх, страх, с потерей властного места очутиться, подобно сказочной старухе, у разбитого корыта и обратиться в обычного, хоть и не бедного, но бесправного, маленького человека. Какими средствами ты не гони этот страх, он всё продолжает жить в бюрократовой душе

и ждёт своего часа, и чуть ты запнулся на скользком кремлёвском ковре, попал в немилость, или какая иная приключилась с тобой напасть, как сразу летишь ты в бездну потных рядов рядовых сограждан нищей страны. И вот ты уже как все, как тысячи других, да ещё с позорным тавром «бывший»! И никакие социальные гарантии не спасут тебя, а главное, не успокоят и не вылечат твою душу от этого страшного родового проклятия чиновничьего племени.

Одно слово «бывший» чего стоит! Бывший, то есть уже использованный, как известное всем резиновое изделие, тобой попользовались и выбросили за ненадобностью! Кто знает, может, поэтому чиновник в России, при всём своём всесилии, по сути, всегда был самым бесправным и запуганным гражданином, если словечко это, «гражданин», вообще применимо к нашим палестинам. Выкинули тебя — и кончилась лафа! Так что греби изо всех сил, пока из тебя «бывшего» не сделали, а то, что сделают, в этом уж не сомневайся. У нас мода на власть проходит быстро, как ветрянка, правда, иногда с серьезными и весьма затяжными осложнениями.

Когда Кирилл Вениаминович наконец добрался до своего кабинета, который, как и подобает финансовому ведомству, располагался в некотором отдалении, у дверей двое рабочих в синих спецовках старательно снимали со стены вывеску с именем и фамилией теперь уже бывшего владельца кабинета.

— Мишка, а кто он такой этот Мудадохов? Фамилия какая-то чудная, не то бурятская, не то казахская, — подавая гербовую рамку, спросил совсем еще молодой усатый работяга.

— Музадохов, грамотей хренов! И чему вас только в этих колледжах учат! Названий громких понавыдумывали, а по сути как были «пэтэухами», так ими и остались, — и, машинально смахнув пыль с рамки, безразлично добавил. — А кто ж его знает, видать какой-то московский жучок. Тебе-то что за дело? Ты, знай, саморезы крути. Да пробки, пробки куда ты, раззява, выкручиваешь, может, к вечеру новую трафаретку вешать придётся.

Кириллу Вениаминовичу хотелось властно, до петуха в голосе, крикнуть: «Это я Музадохов! И не вам, недоумки, полоскать мою древнюю фамилию!», но вместо этого он ещё сильнее втянул голову в плечи и бочком просунулся в некогда принадлежащий ему кабинет.

На одного маленького человека в стране стало больше.

16

В уютной небольшой каминной, на удобных креслах вокруг продолговатого журнального столика, сидели четыре человека. Судя по утомлённым лицам и по тому, как время от времени они вставали и прохаживались по комнате, пытаясь размять затёкшие от долгого сидения ноги, можно было догадаться, что народ томится здесь уже не час и не два.

— И всё-таки давайте итожить, — настойчиво предложила единственная в компании женщина, обликом и манерами очень похожая на своего державного отца. Как будто некий дух облегчения осенил её собеседников, они одобрительно закивали, приготовившись выслушать резюме. — Ну и прекрасно. Значит вы, Михаил Львович, согласны с кандидатурой Пужина?

— В принципе да, на этом этапе он наиболее предпочтителен и уж ни в какое сравнение с нашим генералом не идёт, хотя...

— Не с нашим, а с вашим, — перебил его долговязый, рыжеголовый господин, с лицом, отдалённо смахивающим на Гитлера. — Нам только ещё раз не хватало прихода в Кремль этого самовлюблённого истерика. Достаточно и тех трёх месяцев, когда он тут всех доставал своим дурковатым рыком...

— Генерал такой же мой, как и ваш, уважаемый Гол Владленович, — взвился не сдержавшись Амроцкий, — и не будь его на том этапе, неизвестно ещё, где бы мы сейчас все были! И давайте без мелких подначек, момент не совсем подходящий. Да, уважаемая, Наталья Николаевна, я ещё раз подтверждаю, что солидарен с Голом Владленовичем и наиболее подходящим кандидатом в преемники на сегодняшний день считаю Пужина...

— Вы уж простите, может, я чисто по-женски чего-то недопонимаю, только странно, отчего это вы, Михаил Львович, всё время, как заведённый, повторяете «на сегодняшний день», «на этом этапе»? Если вы в чём-то сомневаетесь, тогда давайте соберёмся в другой раз, поищем более достойных, а если нет, тогда зачем же дёргаться туда-сюда? Ведь именно с *вашей* подачи мы носились с генералом, как дурак с писаной торбой! И Совет национальной стабильности ему, и ранги помощников и советников, и постоянное членство в добром десятке международных комитетов и комиссий, а в итоге что? Хамство и чёрная неблагодарность! А главное, как он, подонок, мог желать смерти Отца, и притом, не таясь, не скрывая этого, обсасывать его болезни! Мразь! — Лицо Наталии побагровело от гнева, казалось, ещё немножко, и она с кула-

ками бросится на Амроцкого. Но, в отличие от отца, она ещё могла держать себя в руках и усилием воли подавила эту нечаянную вспышку. Да и перед кем метать молнии! Набрав полную грудь воздуха, она с шумом выдохнула его через нос: — Хорошо. Хотя хорошего, конечно, мало. Однако мои эмоции к делу не относятся, если мы убедимся в необходимости передать наше дело генералу, да хоть чёрту лысому, мои сантименты тому помехой не станут. В одном я уверена — спешить надо. Мы и так слишком много времени пустили псу под хвост. После генерала не менее полугода просеивали сквозь разные сита десятки других претендентов, наконец вроде забрезжил свет в конце этого дурацкого тоннеля, а вы, Михаил Львович, опять пытаетесь прятаться за свои «этапы» и, уж простите, вечные еврейские сомнения. Хватит. Если мы сейчас принимаем консолидированное решение, то это сегодняшнее решение и станет завтрашним днём для всей страны. Времени в обрез: не более полугода, так что я жду от каждого, подчёркиваю, от каждого, персонального решения. Договоримся — обратного хода не будет! Потом надо иметь в виду, что мне понадобится неделя, а может, и больше, чтобы подготовить маму, и уже только после этого вдвоём с ней начать осторожно и не спеша подводить отца к принятию этого важнейшего для него решения. А это, боюсь, может растянуться и на месяц, и на два, и на три, а может, и более. Так что давайте решать. Эдуард Валентинович, — обратилась Наталья Николаевна к сидящему рядом с ней летописцу Царя, щуплому невзрачному человеку, претендующему на роль её будущего мужа, — посмотри в свои записи, на чём мы при обкатке Пужина больше всего спотыкались?

— Да здесь и глядеть не надо, при всех поворотах всплывали всего два вопроса, — монотонным голосом ответил суженый, — первый, кагэбешное происхождение, и второй — возможность появления компромата времён работы в мэрии Ульянограда. Конечно, комитетское прошлое, — всё так же монотонно продолжил Эдуард, — с точки зрения полноценного пиара, вещь проигрышная и ни в какое сравнение не идёт со славой боевого генерала, миротворца и рачительного хозяина. Здесь есть над чем подумать...

— Нет уж, Эдуард, в этом деле не всё так прямолинейно, — перебил его Гол Владленович, — может, для каких-то двух-трёх сотен тысяч интеллигентов гэбэшное прошлое и покажется каиновым пятном, но не в целом для всего народа. Именно комитетчику народ, скорее всего, и поверит...

Голос «Ржавого Голика», как его в своё время метко окрестил Плавский, звучал излишне натянуто и недружелюбно, что не ускользнуло от чуткого уха Амроцкого: «Да, хорош союзничек! Он бедному Эдику увод Доченьки никогда не простит. Хотя мне какое дело! Да хоть глотки себе поперегрызайте, мне всё будет в лыко», — а вслух произнёс: — Гол Владленович прав, ген стукачества в наших согражданах так и не подавлен ни временем, ни материальным благополучием, так что сын стукача и внук стукача предпочтут последователя железного Феликса, это уж точно…

— Опасаться не выборов надо, — как бы не замечая реплики Амроцкого, продолжил Гол, — опасность будет нас подстерегать после вступления в должность нового хозяина страны. Где гарантии, что он, как человек системы, не потащит за собой своих? А что там за люди, не мне вам рассказывать. В целом я с кандидатурой согласен и даже был, так сказать, инициатором, знаю его не первый год и о неблагодарности с его стороны ни разу не слышал. Главное, он волевой и умеет держать слово, всё остальное нарастёт.

— Может, волевые качества в данном случае как раз и не столь важны, — мягко вставил, дождавшись паузы, Амроцкий. — Вот в этом, уважаемая Наталья Николаевна, как раз и заключаются все мои сомнения. Уж очень ответственно, ошибёшься и прежде всего сам себя живьём закопаешь. Волевой, честный! Всё это, конечно, хорошо, но вздорный и самовлюблённый дурак в погонах может быть более полезным и покладистым при определённых, а главное, критических обстоятельствах. Где гарантии, что он не взбрыкнёт, вместе со своей волей, и не откажется выполнять наши условия?

— Наталья Николаевна, — видя, что она опять начинает закипать, хрипловато остановил её Гол Владленович, — если позволите…

— Да, конечно…

— Это смотря что заложить в условия, которые мы ему предложим, если вам хочется стоя за его спиной рулить государством и чувствовать себя заправским кукловодом, тогда да, ни чести, ни воли такому человеку иметь не надо. Да, для безропотной марионетки наш кандидат не годится, как, кстати, и тот же генерал. — И видя, что Амроцкий дожидается малейшей паузы, чтобы его перебить, Гол предостерегающе поднял правую руку. — Одну минуточку, дайте мне закончить. Если же мы ему доверяем и предлагаем ограниченную самостоятельность в единой команде, сами при этом от активной политической деятельности устраняемся и собираемся заняться какими-то своими крупными и нужными для

страны проектами, тогда дело другое, здесь и воля, и честность, и все прочие, так называемые, положительные качества понадобятся. Мне кажется, это абсолютно обоснованно.

— Непонятный и какой-то мутный термин: «ограниченная самостоятельность в единой команде». Что это такое? А если он со своей самостоятельностью совсем не туда всю эту махину повернёт? — возразил Амроцкий.

— Да бросьте вы, — не сдержалась Наталья, — пусть куда хочет, туда и поворачивает, главное, чтобы нас это никаким боком не касалось, и чтобы лет пять-семь людей, которых ему назовут, никто бы даже пальцем тронуть не смел. Политики нам всем, надеюсь, хватило за последние годы с лихвой? — внимательно оглядев присутствующих и натолкнувшись на их непроницаемые физиономии, она, скривив губы в презрительной ухмылке, добавила: — Что же это я, как дура, обо всех по себе судить пытаюсь? Дело ваше, а лично мне этих политических свар на всю оставшуюся жизнь хватит! Давайте, что ещё у кого есть?

— Наталья Николаевна, так ведь и до второго пришествия можно из пустого в порожнее переливать, — с неожиданным напором произнёс Эдуард Валентинович, — думается мне, следует всё это итожить. К чему лукавить, Пужин нравится всем, все его обсмотрели со всех сторон, даже вечно мятущемуся Михаилу Львовичу и то возразить нечего, кроме смутных сомнений. Да и какие могут быть сомнения о еще не состоявшемся событии? Говорите, может куда-то переметнуться? Но куда? Кроме нас, в стране нет другой силы, которая бы могла его поддержать. Мы — одна единственная партия, стоящая у власти, другой нет и, надеюсь, не будет, а если и появится, то им уже будет не до нас. Сегодняшние коммунисты, демократы и прочие комики абсолютно ничего собой не представляют, да и вам ли мне это говорить! Стоит только дать команду их не подкармливать, как нагулянные рыла моментально спадут, и спеси поубавится. Так что нечего дёргаться, останавливаться надо на Пужине, благо, крючков на него у нас имеется в избытке. Дёргаться начнет — пожалеет. Разве я не прав?

— Спасибо, Эдик, за поддержку, — положив руку ему на колено, произнесла будущая супруга. Прав ты во всём. Пока наш ставленник собственным политическим мясом обрастёт, пройдёт не один конституционный срок, а время и не такие изъяны в нашей истории лечило. Будем считать, что вопрос решён, да?

Мужчины в знак согласия дружно встали.

— Нет, дорогие друзья, я прошу вас однозначно ответить: одобряете ли вы наш общий выбор? Не надо на меня так таращиться, — не то в шутку, не то всерьёз произнесла женщина, — как-никак я отцовская любимица, и обкомовские замашки из меня никакими перестройками не вышибить, так что голосуем персонально. Кто за кандидатуру Пужина, прошу определиться! — и первая высоко подняла руку.

Остальные последовали её примеру.

— Вот и чудненько! О следующей встрече договоримся по телефону. И просьба — Пужину *ни слова*, — при этом, она нарочито пристально посмотрела на Амроцкого.

— Наталья Николаевна! Я же могила…

— Знаю я вашу могилу, ещё папин охранник о вашей чрезмерной болтливости не раз говорил…

— Клевета, чистейшей воды клевета…

Расходились быстро и молча, как воры с места только что совершённого преступления. Каждый уходил со своими, одному ему ведомыми мыслями и задумками.

Вот так незатейливо и почти буднично было принято решение о совершении очередного дворцового переворота. Что за паскудная в России власть, ну никак она не может без переворотов, что встарь, что ныне, и деться от этого некуда.

17

Амроцкий торопился. Опасаясь слежки, он прибегнул к самой проверенной тактике: заехав к одной из своих многочисленных подружек, громко попрощался с водителем, демонстративно выгреб из салона увесистый букет цветов, коробку со снедью и в сопровождении охраны отправился, якобы, на сладкую ночёвку. Часа через полтора, так и не прикоснувшись ни к ужину, ни к подружке, он вызвал такси и уехал к ещё одной зазнобе. Проговорив с опешившей от неожиданного визита девицей битый час, он с её мобильного телефона вызвал машину жены и, какое-то время покружив по городу, отпустил её в районе центра. Пробежав для страховки ещё пару проходных дворов, Михаил очутился в уютном московском дворике, на удивление не тронутым урбанизацией. Казалось, что время замерло у его ограды и, залюбовавшись патриархальностью архитектуры эпохи Рас-

трелли, так и не посмело переступить некую незримую черту. Хотя это могло показаться только на первый взгляд и весьма неискушённому человеку. Старинный особняк со всех сторон был защищён небольшим старым парком, вернее, его остатками, и окружен глухими стенами более поздних построек. Через один из дворов сюда вела широкая сводчатая арка с ажурными воротами и маленькой калиткой, перед которой, переводя дыхание, и остановился Михаил Львович. Раздался негромкий металлический щелчок, кованая створка отошла в сторону, не оглядываясь Амроцкий быстро пробежал по неширокой дорожке и скрылся в предусмотрительно распахнутом кем-то парадном.

В просторном двухсветном зале, с огромным, почти рыцарским столом посередине, в ожидании маялось человек двенадцать. Даже непосвящённого взгляда было достаточно, чтобы смекнуть — народ здесь собрался непростой, всей стране известный и друг для друга не всегда приятный, однако, прочно повязанный одной незримой цепью, имя которой отечественный капитал. Где-то там, вне стен этого хитрого домика, все нынешние ожидальцы слыли непримиримейшими врагами и оголтелыми конкурентами. Они денно и нощно вели друг против друга настоящие войны на полное финансовое, а иногда и физическое, истребление друг друга, но здесь, в этих заповедных стенах, как по мановению волшебной палочки, они превращались в обычных, может быть, излишне серьёзных и излишне располневших обывателей из старого и милого их сердцу местечка. Почему всё произошло именно так, а не иначе, и именно им достались все ключевые позиции в отечественной экономике и финансах — вопрос весьма серьёзный и настолько запутанный, что ответить на него с наскоку нелегко. Уж как-то так издревле повелось, что Россией, в общем-то, русские никогда и не управляли, и при великих князьях, и при царях, и при коммунистах, да и сегодня эта традиция не нарушена, и, возможно, правы те философы, которые считают «русскость» категорией наднациональной и к вопросам рода и крови никакого касательства не имеющей.

Амроцкий буквально ввалился в парадный зал, ни с кем не здороваясь, осушил пару бокалов шампанского, расторопно поднесённого на подносе лакеем в ливрее Александровских времен, и плюхнулся в первое попавшееся кресло.

— Всё, господа, Рубикон пройден! — громко возвестил он.

Присутствующие в зале, до этого времени мирно беседовавшие, моментально повскакивали со своих мест и окружили того,

которого так долго дожидались. Всем не терпелось узнать из первых уст новость, о которой уже давно поговаривали в московской правящей макушке. Итак все сгрудились вокруг Михаила Львовича в трепетном ожидании.

Амроцкий, явно набивая себе цену, сидел, как каменный истукан, с полузакрытыми глазами, только едва уловимая улыбка загадочно блуждала по его толстым губам. Это был очередной пик его славы, его всесилия и значительности.

— К порядку, господа! — ударив небольшим молотком о бронзовый гонг, возвестил преклонных лет господин в старомодном сюртуке и сатиновых нарукавниках. — К порядку, господа! Прошу всех к столу. Начнём наше неформальное общение.

Все, включая виновника собрания, безропотно потянулись к столу, за которым у каждого было своё строго определённое место. Странный человек с молотком так и остался стоять у небольшого, расположенного чуть в стороне от основного стола, изящного бюро с резными золочеными ножками. Публика рассаживалась по местам и, казалось, не обращала на него никакого внимания. Восстановилась тишина, и взоры всех с нескрываемым нетерпением устремились к Амроцкому.

— Пужин! — как самую сокровенную тайну, торжественно возвестил Михаил Львович.

Звенящая тишина длилась долгие две—три секунды, показавшиеся всем вечностью. И тут вдруг грянула буря! Заговорили все сразу, вернее, не заговорили, а закричали в полный голос. Народ снова повскакивал с мест, замахал руками, не то ропот разбитой надежды, не то стон проклятий, не то рык возмущения метался по древнему залу и, отражаясь от высоких потолков и мраморных колонн, переплетаясь в нечто причудливое, нечеловеческое, превращался в почти живое существо, живущее своей, мистической жизнью.

— Да вы там все с ума посходили! — вопил один из ведущих банкиров.

— Всё! Это полный конец! Это конец! Бежать, бежать отсюда надо и как можно скорее! — обречённо махал рукой нефтяник с ярко выраженным татарским лицом.

— Да с чего такой шухер? Можно подумать, хрен редьки слаще! Выживем и при этом! Чего галдим, единомышленники? Это ещё далеко не погром! — пытался угомонить собравшихся смешной лысый человек, по совместительству, на пару с женой, работающий мэром одного из самых крупных городов в стране.

— Только нам октябрят не хватало! Они, конечно, ребята хорошие, но если какую ерунду замутят, так все лет тридцать с кровавым поносом бегать будут. Михаил Львович, надо что-то делать! Что вы молчите? — распалялся сосед напротив и медиамагнат по совместительству.

Кричали все, наверное, где-то с полчаса. Постепенно первые эмоции выдохлись, повисла тишина, и вдруг в неё ворвался громкий раскатистый хохот. Смеялся высокий молодой человек, в очках-велосипедиках, из бывших комсомольцев, умудрившийся прихватить в собственность огромный кусок нефтегазовой отрасли.

— Миша, ну и чего ты ржёшь? — стараясь перекричать всех, обратился к нему кто-то из собравшихся.

— А что же мне, по-вашему, плакать, что ли? Вот придурки, возомнили себя солью этой земли! Надо было столько денег убухать в переизбрание этого пьяницы и параноика, чтобы заменить его на верного внучка железного Феликса! Вы как знаете, а я больше в разводках моего тёзки участвовать не собираюсь и вас к тому же призываю! — бывший комсомолёнок прекратил смеяться и, зло уставившись на Амроцкого, прошипел: — Что, Гапон, сияешь, как медная лампа? Думаешь, ещё раз удастся нас законоводить и сбить влёгкую приличный куш? Вот тебе хрен! — и он лихо закрутил кукиш.

— К порядку, господа! — дзынкнул молоток, и хрипловато прозвучал голос старика. — К порядку, господа!

— Действительно, — взвился мэр-миллионщик, привыкший всегда и всюду председательствовать, — одумайтесь друзья, так, чего доброго, мы друг другу в космы вцепимся…

— Ну, вам, допустим, с вашей лысиной это не грозит…

— Причём здесь моя лысина, на карту поставлено будущее страны, наше с вами будущее! Здесь не орать, не юродствовать, не вспоминать прошлые долги и обиды надо, здесь серьёзный разговор требуется. По правилам нашего клуба каждый имеет право высказать своё мнение, и каждый волен его обсуждать, так давайте не будем нарушать вековых традиций. А вам, Михаил Самуилович, следует помириться с господином Амроцким…

— Или, согласно правилам, покинуть наше собрание навсегда — ненавязчиво, но тоном, не терпящим возражений, перебил мэра человек с молотком.

В зале воцарилась гнетущая тишина. Каждый из собравшихся знал, чем обернётся для изгнанника отлучение от клубного сообщества. Смерть могла стать радостью избавления, по сравнению с теми унижениями и мытарствами, в которые автоматически обращалась жизнь изгоя.

Хадера, именно такое древнее слово служило нефтяному олигарху фамилией, сидел весь пунцовый и тупо буравил ненавидящим взглядом пространство перед собой. За последние годы он отвык не то что просить у кого бы то ни было прощения, а вообще видеть в людях себе подобных. Для него существовало только его слово и подвластная его воле покорная человеческая масса. Несмотря на свою молодость, он прекрасно знал, что банальные слова извинения, которых у него так домогаются, всего лишь дань традиции, и, выйдя с этого вонючего собрания, он будет волен, если захочет, стереть выскочку и клоуна Амроцкого в порошок, но сейчас традиция требовала повиниться, а повиниться значило, в первую очередь, унизиться. Унизиться всё же было неизмеримо выгоднее, чем бросить открытый вызов всему миру. Зал с кровожадностью римского Колизея ждал его слова.

— Я беру свои обвинения обратно и прошу у господина Амроцкого извинения за мои несправедливые слова в его адрес.

Теперь все взоры обратились к Михаилу Львовичу, который в своём природном компьютере лихорадочно прокручивал сотни вариантов предполагаемой ответной реакции. Конечно же, он мог не принять дежурной фразы этого зарвавшегося спесивца, а потребовать объяснений по брошенным в его адрес обвинениям, но тогда собрание должно будет голосовать за проведение дознания и собираться ещё раз, специально для разбирательства их тяжбы. Всё это могло затянуться на годы, и в другое время он бы именно так и поступил, чтобы клещами, по миллиметру вытягивать из этого цэковского щенка нервы и деньги. В своём успехе Михаил Львович нисколечко не сомневался. Однако нынешние обстоятельства фактически не оставляли ему иного выбора, как принять извинения обидчика.

— Досточтимое собрание, братья! — с пафосом начал он звенящим от напускной обиды голосом. — Ныне не время для глупых обид и кухонных склок. Я бы мог вообще не информировать досточтимого мажордома, — он почтительно повернулся к старику с молотком, — и не просить о срочном сборе нашего общества, чтобы поделиться с вами этой важной для всех новостью. Однако я пошёл на это, пошёл осознанно, рискуя собственной головой. Надеюсь, что все понимают, чем обернётся для меня, а сейчас и для каждого из вас, разглашение этой тайны? — он с нескрываемым злорадством обвёл взглядом притихших собратьев. — Я принимаю ваши извинения, Михаил Самуилович, ввиду вашего возраста и присущей ему недаль-

новидности. Пройдёт время, и оно покажет, насколько вы были несправедливы сегодня.

Вздох облегчения прокатился по залу, собравшиеся, вытянув шеи, оборотились к загадочному старику с молотком.

— Примирение свершилось! — возвестил он, стукнув молотком в гонг. — Однако с нарушителя порядка полагается отторгнуть на общие нужды единовременно десять миллионов условных единиц. Продолжим нашу работу.

Амроцкий торжествовал, всё складывалось как нельзя лучше, он одним махом накрепко привязал к себе всех этих снобистских нуворишей, а, огласив сенсационную новость через клуб, значительно повысил свой рейтинг не только в любезном отечестве, но и далеко за его пределами. Теперь главное — не ослаблять нажима, в ближайшее время обязательно встретиться с Пужиным и по секрету уведомить его о его же будущем, пока это не сделал кто-то другой, — он как бы невзначай глянул на часы, — половина девятого, вечер только начинается, можно ещё и сегодня успеть.

— Господа, господа! — обратился он к собранию. — У меня есть к вам предложение обсудить, взвесить все за и против, главное, не спешить, у нас есть ещё время, думается, с полгода, и собраться здесь же где-то через месяц с уже готовыми предложениями. За месяц страсти поулягутся даже в самых буйных головах. Кандидат — это всего лишь кандидат, никто не исключает возможности его замены, тем более, что уже существует фигура известного вам генерала, она тоже обсуждалась, но пока была отставлена. А сейчас прошу меня простить, мне необходимо срочно встретиться ещё с одним человеком, от которого будет многое зависеть в разрешении нашего вопроса.

— Нет, нет, — чуть ли не одновременно вскочили братья-банкиры, вне этих стен усиленно создающие себе имидж единственных покровителей православной церкви, — расходиться преждевременно! Пусть себе уважаемый Михаил Львович идёт по своим важным встречам, а нам-таки следует остаться и всё хорошенько взвесить. Встретиться через месяц, конечно же, можно и даже нужно, но и сегодняшнее обсуждение по горячим следам будет далеко не лишним! Да и многое прояснить необходимо, у меня лично в голове полная каша: какие преемники, когда существует конституция? Как это можно провести, не нарушая даже наших кондовых законов? — развёл руками старший из братьев.

— Конституция — не помеха, скорее, даже наоборот, — не вставая, пустился в рассуждения мэр, по его озабоченному и слегка

рассеянному виду можно было предположить, что он и сам бы был не против примерить на себя тогу преемника, — главное, безболезненно довести кандидата до премьерского кресла. Именно премьер, в случае недееспособности Гаранта, принимает на себя высшую власть в стране. Здесь всё ясно. Конечно, следует отпустить нашего досточтимого вестника богов, а самим, у кого есть такое желание, поговорить. Наши братья-христиане правы, — не без издевки продолжил он, — дома мы замкнёмся в своих переживаниях и ничего путного, кроме затяжного стресса, не получим. Сам с собой много не обсудишь, а делиться подобного рода информацией лично я ни с кем не собираюсь, да и вам, господа, не советую. Время-то ещё есть, кто спорит, главное, его правильно использовать. Можно, безусловно, зациклиться на предложенной кандидатуре, можно и другую поискать, не такую мутную, возможно, и из нашей среды. На Царя и его семейку, хвала всевышнему, имеют влияние немало людей. Одним словом, есть о чем подумать!

— Ну, если из нашей среды, — давясь смехом, подал голос Хадера, — то моя кандидатура должна быть первой, раз уже я сделал первый, пусть и не совсем добровольный взнос!

Народ, обрадовавшись поводу, принялся зубоскалить, подначивать молодого коллегу, да и не только его одного. Многие поднялись с мест, чтобы попрощаться с Амроцким, иные тихо, по-английски, поспешили улизнуть под общий шумок от греха подальше. Эти, всегда молчаливые и тихие, неистово исповедовали древнейшую истину: меньше знаешь — крепче спишь!

Подошёл к Амроцкому и Хадера.

— Михаил, ты действительно не обижайся на меня. Хрен его знает, что нашло, не мне тебе говорить, как я ненавижу всю эту лубянскую шарагу! А здесь какого-то майоришку — и в преемники! Охренеть! Вот и клинануло…

— Да я, собственно, и не обижался, если только самую малость, и то больше не за себя, а за тебя. Мы же не чужие люди, и сделал я для тебя добра вагон и маленькую тележку, а ты, где можешь, всюду мне гадишь. Хочешь повоевать, давай повоюем, только не здесь и не сейчас. Ты уж прости, некогда, я действительно спешу, другим разом договорим, — он, не подав руки, повернулся и, набирая скорость, засеменил своей слегка кособокой походкой к выходу. Чуть-чуть не дойдя до распахнутой для него лакеями двери, Михаил Львович остановился, круто повернулся и неожиданно буквально сгрёб в объятья совершенно обалдевшего Хадеру.

— Мой тебе совет, Миша — зашептал он ему прямо в ухо, — меньше вякай и про майора, он, кстати, подполковник, и про своё желание стать преемником! Будь хитрее, вроде нашего мэра, начинай делать всё издалека и меня слушай. А то и миллиарды твои не спасут, — и громко для всех добавил: — Я рад господа, что наш юный друг прозрел, а всякий зрячий осилит свой путь. До скорого свидания!

18

Пужин был человеком системы и долгое время не сопротивлялся этому. Первый внутренний бунт против её засилья произошёл в нём относительно недавно, когда ему, как и тысячам других офицеров, ненавязчиво предложили попытать счастья в гражданской жизни. Нет, его никто не выгонял, но и особо не удерживал в родной конторе. Система рушилась, и с циничной откровенностью обнажалась её омерзительная сущность. И в один прекрасный день он собственным загривком почувствовал леденящее безразличие своего всесильного ведомства. Просто в одночасье, когда ему было как никогда трудно, он своей шкурой, всем естеством ощутил бездну своего одиночества и незащищённости. Понапрасну он ожидал помощи друзей и сослуживцев, впустую обрывал телефоны своих некогда чутких и справедливых начальников, но холодная невидимая стена отгородила его от них. Осторожно и неумело, как безногий ходить на протезах, он учился жить без служебной ксивы и подпорок грозного ведомства.

С трудом, но жизнь постепенно обретала новые, не менее привлекательные, чем в прошлом, очертания. К одному было сложно привыкнуть — то, что он делал сейчас, сильно рознилось с тем, чем приходилось заниматься в прошлом. Всё было скорее наоборот, оказывается, своим рвением по службе он не укреплял основы своей Родины, как это ежедневно ему внушалось, а, наоборот, разрушал их и, служа народу, делал этот народ одним из самых несчастных и самых бесправных в мире. Новая работа ему нравилась и забирала всего целиком без остатка. Да, скорее, это была даже не работа, а некая новая, неведомая и пьянящая своей свободой жизнь, жизнь, которой он не знал и которой втайне побаивался, очутившись за высоким забором внутренних запретов и ограничений. Только сейчас открылись его недюжинные организаторские способности, пригодилась феноменальная память

и старые проверенные связи за рубежом. Он быстро, даже по новым меркам, делал карьеру, и ему это откровенно нравилось. Как только у Николая Николаевича появился свой собственный кабинет в историческом доме Ульянограда, а служебный телефон стал отвечать поставленным и вежливым голосом опытной и всезнающей секретарши, тут же, словно гномы из-под земли, возникли бывшие сослуживцы, коллеги, полинявшие и готовящиеся к выходу на пенсию начальники. И он, не помня обиды, всех их принимал, чем мог, помогал, куда-то пристраивал, кому-то рекомендовал, ничего не требуя взамен. Так постепенно складывался круг обязанных ему людей. Беда пришла неожиданно, как сама демократия, грянули выборы, и по воле его милости Народа, а также благодаря излишней самонадеянности мэра, свято верившего во всенародную к нему любовь, победил один из лучших его, мэра, друзей, который по замыслу хитромудрых политтехнологов обязан был прикрывать шефовы тылы.

Ещё раз убедившись, что подлость, она и при демократах остаётся подлостью, Пужин двинулся дальше по руслу своей извилистой жизни. Однако новые мытарства ни в какие сравнения не шли с мытарствами прошлыми. Отказавшись от иудиного предложения бывшего коллеги остаться на своём хлебном месте и служить теперь уже ему, новому мэру, Николай Николаевич попытался заняться чистым бизнесом, но, не имея к этому ни склонности, ни особого таланта, вскорости загрустил. И опять подвернулся счастливый случай. Ему всегда везло на эти случаи! Совершенно случайно он столкнулся, что называется, нос к носу со своим бывшим университетским однокашником, а ныне одним из отцов новой экономики, всесильным москвичом Голом Владленовичем.

Встретились, обрадовались друг другу, повспоминали студенческие годы, позубоскалили над преподавателями, перешли к делам нынешним, и получил он предложение перебраться в столицу и усилить контроль за неимоверными деньгами, отпускаемыми на улучшение условий быта и работы всеми любимого Гаранта конституции. Вот так и состоялось его первое пришествие в Первопрестольную.

Пужин наматывал круги по живописному участку новой дачи. Бегать он не любил, а предпочитал быструю ходьбу, считая её наиболее эффективной, равномерно нагружающей все мышцы и дающей возможность спокойно обдумать и проанализировать всё, что произошло за минувший день. А задумываться в последнее время

было над чем. Какие-то странные и не совсем ясные веянья витали над его слегка лысеющей головой. Разговор с главой Царевой администрации, по совместительству придворным летописцем и будущим зятем, сначала не вызвал никаких побочных мыслей и тревог. Разговор как разговор, как и полагается начальника с подчинённым. Хотя на этого начальника без улыбки смотреть было невозможно. Потёртые джинсы и ковбойскую рубашку хоть и с боем, но всё же удалось с него снять и переодеть его в приличный костюм, однако носить обязательный для Старой площади галстук не смог заставить даже сам Царь. Ходил этот начальник подпрыгивающей походкой, сторонился большого скопления чиновного люда, на заданные вопросы отвечал односложно и весьма неопределённо, однако, при всей его косности и угловатости, был самым доверенным человеком у Царя, а особенно у злопамятной и подозрительной царёвой супруги.

Итогом второй их встречи стало предложение сделаться первым заместителем главы администрации, а иными словами, фактически, её возглавить, так как сам Эдуард Валентинович был сейчас полностью занят работой над очередной книгой Главы государства. В принципе, вполне лестное предложение и, как считал сам Пужин, вполне заслуженное, но было в нём одно «но»! Место первого заместителя занимала всесильная подруга царевой дочки Победа Танина, и ухудшения их отношений никто, насколько ему было известно, не замечал. Он тогда о ней напрямую и спросил Эдуарда Валентиновича, чтобы избежать ненужных кривотолков в будущем.

— А как же быть с Победой Игоревной?

— Ей будет предложено вполне весомое по значимости место, да и, между нами, не тянет она, не все губернаторы её адекватно воспринимают, опять-таки завалила избирательную кампанию в Есейске, ещё неизвестно, чем вся эта сибирская эпопея закончится. Так что пусть ее судьба вас особенно не смущает. Всё будет нормально. Вы — другое дело, и хватка у вас бульдожья, так что мы вам доверяем. Ну так как, согласны?

— Не согласиться было бы с моей стороны глупо. Считаю, не о моём согласии следует говорить, а о благодарности Гаранту за его доверие, можете ему передать, что жалеть о своём решении ему не придётся.

— Вот и хорошо, у меня, не поверите, камень с плеч свалился! Администрация — это же прежде всего сумасшедшая ответственность и колоссальные трудозатраты, а мы с Хозяином по три-четыре

часа в сутки над книгой работаем. А потом мне весь материал надо с диктофона обрабатывать, систематизировать, перепечатывать, вычитывать, чтобы на следующий день представлять ему на просмотр. Колоссальный труд! Так что спасибо вам, а Президенту добрые слова за доверие вы сами в ближайшее время скажете.

На том и расстались. Потом были встречи с Царём, и официальные, и в домашнем кругу. Были длительные беседы с женой Самодержца, странные какие-то беседы, всё больше о честности, преданности, о благодарности и неблагодарности, о доверии и предательстве. Приблизительно о том же пыталась с ним говорить и державная дочь.

В последнее время Гол Владленович зачастил. Придёт в кабинет, посидит, чаю попьёт, пустопорожние вопросы позадаёт и уйдёт. А здесь буквально вчера ни с того ни с сего спрашивает:

— А ты по бывшей своей работе не скучаешь?

— В мэрии что ли?

— Да в какой к чёрту мэрии! В вэчэка твоём некогда любимом? Ностальжи не гложет?

— Нет, вроде? Ты к чему клонишь?

— Да так просто спросил, — и, помолчав, добавил, — упущенное напрочь ведомство, а ведь когда-то основой государства считалось. Ну ладно я, пожалуй, пойду.

Всё это и многое другое непрошенно и бессистемно лезло в голову ровно шагающего Пужина. Помимо разговоров, встреч, собственных мыслей в мозгу всплывали и вовсе неясные впечатления, какие-то вскользь замеченные мелочи, которых раньше не было. Всё его встревоженное естество ожидало чего-то особенного и очень важного.

— Извините, Николай Николаевич, — прервал его размышления помощник, — вам уже третий раз звонит Амроцкий и, судя по определителю, с разных телефонов. Голос встревоженный, просит срочно с ним связаться.

— Пусть приезжает…

— Нет, он хотел бы встретиться на нейтральной территории, подальше от любопытных глаз…

— Любопытные глаза есть везде и всюду, а где он сейчас?

— Говорит, что в машине, недалеко от вашей дачи…

— Скажи, пусть едет к лесной развилке, я туда подойду. Тоже мне, конспиратор доморощенный выискался.

Из всего близкого Царева окружения Пужин особенно недолюбливал Амроцкого, каким-то скользким он ему казался, и после

общения с этим то заискивающим, то невыносимо самодовольным господином неизменно хотелось вымыть руки. Но раз и навсегда приняв правила придворных игр, Николай Николаевич, старался ни на йоту от них не отступать. В сегодняшнем пасьянсе Михаил Львович занимал не последнюю позицию, и с его закидонами следовало считаться, а главное, опасаться его вечных интриг, непревзойденным мастером коих он не без основания числился.

Ещё не дойдя до развилки, Пужин увидел спешащего ему навстречу Амроцкого. «Хорош гусь, — переходя с бега на быстрый шаг, чтобы выровнять дыхание, подумал он, — машину оставил за поворотом, чтобы не светить контакт. Ох, не простой он, проныра, не простой. Надо бы бывшим коллегам подбросить задание негласно собрать всё об этом субъекте».

— Ну наконец! Здравствуйте, Николай Николаевич! Знаете, давайте свернём на тропинку, она вон там за кустиками, а то, неровен час, с каким-нибудь бегуном, вроде вас, столкнёмся, а это совсем ни к чему.

— Добрый вечер. Можно и на тропинку, — как можно спокойнее, произнёс Пужин, — так что же такое стряслось, к чему вся эта конспирация, и где это вы освоили её азы?

— Книжки детективные в детстве читал. Не сочтите меня сумасшедшим, но я вам сейчас скажу такое, — зашептал он ему прямо в лицо, — только умоляю — никому ни слова, иначе голова моя полетит с хилых еврейских плеч долой! Нет, вы должны дать мне слово офицера, что всё это останется между нами…

— Михаил Львович, не ставьте меня в дурацкое положение! Я же государственный чиновник и себе, фактически, не принадлежу, поэтому, естественно, авансом никаких слов никому давать не могу, мало ли что вы мне собираетесь поведать!

— Ладно, хорошо! Какой вы, право, строптивый, но после того, как вы всё услышите, вы пообещаете мне молчать?

— Смотря чего это будет касаться.

— Вас! В первую очередь вас и только вас!

— Хорошо, излагайте свою тайну, а то она, неровен час, взорвётся внутри вас и погубит одного из творцов новой России, — сдерживая улыбку, понимающе произнёс Пужин.

Амроцкий огляделся по сторонам и снова приблизился к самому уху Пужина.

— Мы приняли решение. До истечения второго срока Президент подаст в отставку и предложит *вас* в качестве своего преемника, — выпалил он на одном дыхании и замер.

— Кто это — мы? — после долгой паузы спросил Пужин, глядя на своего визави, как доктор психиатрического отделения на вновь поступившего пациента.

— А вот этого я вам пока сказать не могу, даже и не пытайте. Одно сообщу — люди достойные и действительно могущие всё.

— По-моему, это какая-то чушь. Даже, если предположить, что вы говорите правду, а не сошли с ума, то вся эта чушь не выдерживает никакой критики и отдаёт ирреальностью, — в голове бывшего чекиста творилось форменное короткое замыкание. Мысли скакали, словно блохи на его любимом далматинце. Что это бред сумасшедшего? Провокация? Подстава? Ловкая ловушка? Надо было что-то ответить этому человеку, ответить так, чтобы не дать ни единого повода усомниться в его полной лояльности к Президенту.

— Скажите, Михаил Львович, — окончательно взяв себя в руки, продолжил Николай Николаевич, — а зачем вы мне это рассказали? Ведь ваша информация касается меньше всего меня, а прежде всего напрямую связана непосредственно с безопасностью страны и лично Гаранта. Странный вы человек, пришли к одному из руководителей Администрации поделиться новостью, что где-то и кем-то готовится антиконституционный переворот, и требуете от меня слова офицера молчать об этом! Знаете, как это называется? Так вот, мы сейчас же едем к Эдуарду Валентиновичу, и вы ему всё подробно поведаете…

— Никуда я из этого леса не двинусь, даже под конвоем, можете меня сразу прикончить, — на удивление волевым и твёрдым голосом заявил Амроцкий, куда только делось его халуйское подобострастие, — ничего ни о каких преемниках я вам не говорил, это вы сами, своими кагэбешными мозгами придумали весь этот бред и решили меня в это впутать! Что вы на меня уставились как, простите, баран на новые ворота! И скажу я это не борзописцу вашему, а лично, заметьте, лично самому Царю.

Такой эскапады Пужин не ожидал и, признаться, слегка опешил, чем незамедлительно поспешил воспользоваться Михаил Львович, закрепляя свой успех.

— Я всё же держал вас за более умного и сообразительного человека! Неужели вы думаете, я вот так, с бухты-барахты, явился к вам с одной только целью испытать вашу верность деградирующему обкомовцу? Вы только не обижайтесь на меня, сами виноваты. Еврея, как и волка, не следует загонять в угол, за последствия вам никто и ломаного гроша не даст. Ладно, я вас на

этой оптимистической ноте и покину. Главное вы услышали и, надеюсь, когда придёт время, этого не забудете.

Он, не прощаясь, повернулся на каблуках и, подавшись всем телом вперед, засеменил по тропинке, довольный собой, представляя, какой рой догадок и терзаний оставил в душе недавнего собеседника.

19

Утро субботы нельзя спутать с утром никакого другого дня. Внутренние часы, равномерно тикающие в каждом из нас, безошибочно сработали, едва их невидимые стрелки растопырились на половине седьмого. Малюта проснулся, словно от подземного толчка, и организм уже был готов сбросить с себя путы ночного оцепенения, как в мозгу проскочила по-школьному озорная мысль — суббота! И светлая волна какого-то лучистого облегчения окутала его, возвратив в приятное состояние досыпания. Провалявшись в этом блаженстве где-то часа два, Малюта осторожно открыл глаза. В комнате было уже почти по-осеннему холодно, и он не спешил вылезать из-под одеяла. Катерина, наверное, улизнула из спальни ещё ночью, после того как они надышались друг другом, и он безмятежно уснул сном курсанта, только что совершившего марш-бросок. Вообще жена не разделяла его пристрастия спать с раскрытыми настежь окнами и в минуты их семейных войн неизменно укоряла, заявляя, что он придумал эти проветривания, не зависящие ни от времени года, ни от погоды, специально для того, чтобы выкурить её из спальни. Но спать в душном помещении он не мог, ему неизменно снились военные кошмары. Наверное, эта чёртова война будет тянуться вслед за ним до самой гробовой доски, как родовое проклятие. Отогнав неприятные мысли о прошлом, он принялся думать о нынешнем. В целом Малюта был доволен своей теперешней жизнью. Работа нравилась и время находилось для всего, даже на общение с детьми.

Вот странный парадокс, пока дети росли, времени на них катастрофически не хватало, а теперь он мог позволить себе часами спокойно общаться с детьми, говорить, спорить, что-то им рассказывать. Как-то так уж получилось, что всю семью вместе удалось собрать только здесь, в Сибири. И они с Катькой были счастливы, глядя на сыновей и дочку, которые, тоже устав от ранней само-

стоятельности, с радостью тянулись к родительскому теплу. Да и компания подобралась в закрытом для посторонних поселении на берегу Великой реки на редкость симпатичная. После долгих метаний Плавский наконец обзавёлся стоящими и профессиональными заместителями и помощниками. Хотя, конечно, подковёрная борьба за близость к телу не прекращалась и поныне, но в неё, слава Богу, были втянуты не все, а только некоторые главы семейств, что позволяло прочим домочадцам наслаждаться роскошью общения, тишиной и налаженным бытом. Почти каждую субботу ближе к вечеру, как правило, затевалась вечеринка в складчину, на которую неизменно приглашали губернатора, и он действительно нередко присоединялся к ним. Пили вино, смеялись, ели необыкновенно вкусные шашлыки и слушали анекдоты, непревзойденным рассказчиком которых был Плавский, пели старые, уже начавшие забываться песни, резались в переводного дурака или стучали костяшками нардов. Мужики уходили в свою таинственную баню, женщины, сгруппировавшись вокруг мудрой и обаятельной Ноны Шалвовны, принимались за перемалывание произошедших на неделе событий и новостей, и несчастен был тот человек, который попадал под их жернова.

Одним словом, за окном Малютиного дома текла размеренная жизнь колониального поселения середины девятнадцатого века, обустроенная с современным комфортом. Так повелось исстари, в Сибири выходца из-за Урала никогда не считали своим и неизменно требовали от него подтверждения своей персональной, особой приверженности местному патриотизму, что ли. Посланцы с большой земли этого, как правило, не понимали, обижались, а если их было много, как в администрации Плавского, замыкались в свои поселения, вели себя по отношению к местным с вызывающим высокомерием, чем ещё больше настраивая против себя местную элиту. Представители аборигенного населения на заповедной территории спецобъекта «Кедры» появлялись редко, не считая, конечно, обслуги и охраны. Но именно сегодня должен был состояться большой сбор местных управленцев. И инициатором этого сбора был Скураш.

Первые звоночки чего-то неладного Малюта почуял ещё в начале недели. На еженедельном совещании губернатора с руководителями основных федеральных структур в минувший вторник царила какая-то звенящая отчуждённость. Это заметил даже Плавский и попытался своими анекдотами и армейскими шуточками хоть как-то расшевелить насупившихся силовиков,

однако в ответ получил лишь натянутые дежурные улыбки. Доклады и ответы генералов были до предела сухими. Совещание, как правило, растягивающееся, с обязательным чаепитием, часа на полтора, в этот раз закончилось в какие-то тридцать минут.

— Чего это они у вас сегодня такие сухие, как рыбец осенью на ростовском базаре? — спросил губернатор у Малюты.

— Сам удивляюсь. Пойду разбираться, — пожал плечами Скураш.

— Ну разбирайтесь, разбирайтесь! И еще, я бы вас попросил не препятствовать Пилюрскому формировать генеральский клуб. Ничего здесь противозаконного нет, а вот лишняя смычка губернатора с силовиками и сильными края сего не помешает, да и вас туда следует ввести, а то, как же мы водку пить без царева ока будем?

Малюта предпочёл ничего не ответить и, попрощавшись, ушел. Москва очень настороженно и ревниво относилась к смычке региональных федералов с губернскими структурами. А здесь и вовсе нечто странное получалось: губернатор, сам в прошлом боевой генерал, создает генеральский клуб во главе с самим собой. Запретить ему это формально никто не мог, но и поддержать этакую затею Москва опасалась — мало ли до чего они там в неформальной остановке доклубничают. Скурашу начальство строго настрого наказало: в клуб войти и о каждом его заседании докладывать отдельным сообщением.

Полдня Малюта бился над разгадкой утреннего молчания лампасных ягнят — всё без толку, а после обеда заглянул без предупреждения к начальнику местного управления ФСБ, с которым у него как-то сразу сложились приятельские отношения, да и жёны их сдружились.

Владимир Леонидович был уже изрядно навеселе.

— А, Малюта Максимович, проходи, проходи! А я тебя почему-то раньше ожидал…

— С чего это ты, Володя, при свете рабочего дня водочкой пробавляться решил?

— А вот решил и всё, — и, заглянув в свою крохотную комнатку отдыха, половину которой занимал огромнейший сейф, позвал: — Выходи, Никита Савельевич, негоже от царёва наместника прятаться, мы же с тобой как-никак государевы люди.

Никита Савельевич, крупный, почти двухметрового роста, мужик, был генерал-лейтенантом милиции и возглавлял краевое управление МВД. Разные о нём ходили слухи: и что отец его из

бывших немецких пособников, и в здешние края был сослан по путёвке «Смерша» сразу после войны; и что сам главный милицейский начальник крепко связан с небезызвестным Драковым и его руками в одночасье расправился со всем организованным уголовным элементом. Однако всё это было далеко от Малютиных интересов, если что не так, пусть с этим разбирается министерство и служба собственной безопасности, а лично его милицейский начальник вполне устраивал.

— Я тебе, Савельич, говорил, что вдвоём пить негоже, но вот, слава Богу, третий подошел. Малюта, вы не побрезгуете скромным генеральским застольем? Прошу вас.

Скураш не стал отказываться и молча присел за стол совещаний, уставленный нехитрыми закусками.

— Ну, так с чего генералы горькую глушат, а? Не скажете, буду пить не чокаясь…

— Ты видишь, товарищ главный мент, как за больное сразу цепляет? Главное, и пить, вроде, не отказывается и в то же время сам по себе, особняком! Покажи-ка ему бумагу, Савельич…

— Да зачем? Можно подумать, что он её не читал ещё до отправки? Давайте выпьем, да я побегу…

— Никуда ты не побежишь! Кабинет твой за стенкой, а, послушай, давай прямо сейчас дадим команду размуровать дверь, что соединяла наши кабинеты! И на черта её наши предшественники заглушили? Нет, это несправедливо! Органы должны быть во! — он с силой сжал кулак. — Вместе должны быть органы! Малюта Максимович, ты это поддерживаешь?

— Да вы и так уже вместе, ближе не бывает! Никита Савельевич, а какую бумагу я должен был прочитать до отправки? — не удержался Скураш.

— Какую-какую? Да вот эту! Которую вы со своим губернатором в Москву направили, — ответил вместо милиционера Владимир Леонидович и, вынув из-под милицейской фуражки, лежащей на столе, вчетверо сложенные листы бумаги, шлёпнул их перед Малютой. — Вот, читай! Мне на Лубянке говорили, что ты иезуит и на иезуита учился, но я не думал, что до такой степени!

Малюта пропустил мимо ушей пьяную колкость и принялся читать адресованное министру внутренних дел письмо. Довольно-таки неплохим языком на двух страницах излагались все сплетни и слухи о начальнике местной милиции, сам он обвинялся в потворстве бандитам и коррупционерам. Завершалась эта дурно пахнущая бумага призывом срочно прислать комплексную проверку и

отстранить от должности нынешнего краевого милиционера. Под письмом красовалась птицеподобная подпись Плавского.

Малюта онемел от прочитанного и машинально опрокинул в рот налитую рюмку водки.

— Дурдом какой-то… Откуда это у вас?

— Из министерства, сегодня утром «фельдом» доставили министру, а мне ребята по дружбе копию скинули… — досадливо крякнув, ответил Никита Савельич.

— И на меня приблизительно такая же телега на Лубянку сегодня прикатила, только я там — конченый алкаш и бездельник. Директора на месте пока нет, так что дружескую копию показать не могу, без доклада побоялись передать…

— Прокурор тоже алкоголик и мздоимец, — перебил чекиста милиционер, — начальник налоговой полиции — казнокрад и развратник, председатель краевого суда — гомосексуалист, мужику почти семьдесят лет, позор! А заправляет всей этой бандой дегенератов спикер краевого законодательного собрания господин Шусь!

— Да бросьте вы! — вскочил Малюта.

— Мы бы и рады бросить, Малюта Максимович, да как бросить, когда рюмки уже налиты! Так ты что, в самом деле про эти писания ничего не знал? — абсолютно трезвым голосом спросил Владимир Леонидович.

— Если бы знал, ты думаешь, они бы из кабинета Плавского вышли? Это же полная чушь, и ударит она прежде всего по самому губернатору! И что, по всем силовикам такие пасквили разослали?

— Если бы только по силовикам! — хмуро отозвался начальник милиции. — Вон краевого ветеринара уже временно отстранили от исполнения обязанностей и вызвали в Москву для разбирательства.

— Я же тебе говорил — не мог Малюта в этом участвовать! Ну, сейчас сам убедился? Чтобы рассеять окончательно твои сомнения, скажу по дружбе, мне ещё в пятницу ночью доложили, что в администрации края готовятся какие-то секретные бумаги, и в воскресенье их курьер должен доставить в столицу…

— Блин! И что же ты не мог мне позвонить и сказать об этом? Ты, кстати, и по закону обязан меня информировать, — перебил его Малюта.

— Конечно, обязан, но только по согласованию со своим руководством. Да и потом, о чём бы я тебя проинформировал?

Что-то, где-то, кто-то пишет! Всё, проехали, ничего уже не поделаешь… А пока, быть добру!

Чокнулись, выпили, задумались.

— Давайте так, вы шерстите по своей линии и готовьтесь к защите по всем пунктам этих дурацких обвинений, а я пока пойду к себе, чует моё сердце, что нечто подобное в обобщённом виде должны они были направить и на самый верх...

— Ну, в обход тебя, — разливая водку, усомнился Владимир Леонидович, — это вряд ли. Это чистейшей воды тебе подстава. А ты, как-никак, ставленник Плавского, его союзник.

— Я, между прочим, сюда, как и вы, назначен указом президента, — взвился Малюта, — и на должность наместника мою кандидатуру, да будет вам известно, не Плавский предложил, а Пужин! Да, я был и остаюсь политическим сторонником генерала и полностью разделяю его взгляды на обустройство страны! Но я отнюдь не его приспешник в сведении мелочных счетов! Хотя, с большой долей вероятности, я уже догадываюсь, кто мог быть инициатором этих цидулек.

— Ладно, Малюта, проехали! Мы тоже кое-чего знаем. Давай на посошок — и расходимся.

В канцелярию президента никаких бумаг от губернатора Есейского края не поступало — таковым был казённый ответ на звонок Малюты в Москву. «Это уже легче», — подумал он и попытался связаться с Плавским.

Губернатора нигде не было. Как в песне о нужном человеке: все его видели, но нигде его нет. В конце концов через всезнающего Ляскаля он узнал, что ИП срочно улетел в один из отдалённых районов Эркийского округа по неотложным делам, и дня три с ним связи не будет. Командировкой по неотложным делам в губернаторском окружении называли рыбалку, но в Эркию, как правило, улетали или после обеда в пятницу, или рано утром в субботу, да и потом на подобные мероприятия Плавский всегда приглашал Малюту. Чем это было вызвано, никто толком не знал, однако, Скураш неизменно занимал место в вертолёте напротив губернатора.

К вечеру следующего дня весь край стоял, что называется, на ушах. Все письма дошли до адресатов, пришло подобное и на адрес Президента. В нём требовалось срочное создание большой межведомственной комиссии, тотальной проверки всего и вся и срочных оргвыводов, иначе губернатор за спокойствие вверенного

ему края ручаться не мог и снимал, в случае не принятия конкретных мер, с себя всякую ответственность. Малюта переговорил со всеми близкими Плавскому людьми, не только в Есейске, но и в Москве, выслушал все их чертыханья и возмущения, договорился о консолидированной позиции и решил действовать, не дожидаясь губернатора. Придумал себе на субботу именины и созвал всех, так или иначе втянутых в этот конфликт чиновников.

Вдохновителем и инициатором всего этого паскудства, как он и предполагал, оказался Стариков и его люди. Они, видите ли, для поднятия всероссийского имиджа шефа, решили инициировать громкое уголовное дело по образцу узбекского и были стопроцентно уверены, что в Есейск пришлют если не Иванова и Гдляна, то хотя бы кого-то им подобного. Но всё вышло с точностью до наоборот. Содержание писем преднамеренно слили в местные СМИ, и пошла писать губерния! В Москве недоумевали и сразу же выдвинули версию об управленческой несостоятельности недавно избранного губернатора, да ещё приписали попытку через замену неугодных ему силовиков на своих людей, фактически, вывести край из-под контроля центра.

Плавский вернулся с рыбалки в уже другой, абсолютно враждебный ему край. Узнав о несанкционированной инициативе Малюты, он поначалу напрочь отказался идти на импровизированные именины. Но после двух часов уговоров и мощного давления своих проверенных сторонников из столицы, дал добро и пришёл во второй корпус президентской резиденции. Всё честное собрание к именинному столу не прикасалось и готово было демонстративно покинуть «резервацию», так местные журналисты окрестили посёлок «Кедры», если первое лицо края их проигнорирует. Но возмутитель спокойствия явился, и все поспешили усесться за стол.

Однако «именины» не задались. Плавский сидел взъерошенный, словно обиженный воробей, и без особого интереса слушал весьма колоритные и в основном верноподданнические тосты генералов и депутатов. Во время небольшого перекура Малюта, улучив минуту, когда губернатор, поговорив по телефону, остался один, в лоб задал так мучающий его вопрос. На лице генерала не отразилось ни единой эмоции.

— Какие письма, Малюта Максимович? Не знаю я ни про какие письма…

— Как не знаете, когда у меня есть все их копии, поручение разобраться во всём и доложить руководству…

— Что!? *Вам* поручили разбираться?... — моментально взвился Плавский, хватаясь за сигареты.

— А вы что, Иван Павлович, думали — сам президент бросит всё и примчится раскручивать очередную интригу Старикова? — ледяным тоном спросил Малюта. — Однако, уверяю вас, суть сейчас не в этом. Сейчас главное — успокоить силовиков и местных депутатов, попытаться перетянуть их на свою сторону, иначе, мне кажется, краем управлять будет очень сложно…

— А зачем же вы тогда всем растрезвонили про мои докладные? И вообще, откуда они всё знают? — Плавский по-бычьи мотнул головой в сторону высыпавшей из обеденного зала публики.

— Иван Павлович, неужели вы действительно такой наивный? Из своих министерств, естественно.

— Так они, что там, в Москве, не собираются присылать сюда комиссию?

— Какую комиссию и, главное, зачем? — закипел Малюта. — Всё, что вы написали, в министерствах давно знают как сплетни и наветы. Единственное, что может сделать Москва, так это проверить вашу финансовую и организационную деятельность. Вы за федералов не беспокойтесь, у них с результатами проверок всё будет нормально, их по два-три раза в году проверяют, а вот для вас это будет первым испытанием и, насколько я понимаю, совсем несвоевременным. Мой вам совет, примиритесь с вполне лояльными к вам чиновниками. Своих людей на их места вам никто поставить не позволит, а пришлют, я уверен, не лучше этих. И ещё, мы раньше с вами так откровенно никогда не говорили, так вот, мой искренний совет: гоните от себя Старикова, иначе будет поздно. Только профессиональный провокатор мог вам такое присоветовать и в одночасье поссорить почти со всеми министрами…

— Да причём здесь министры, что вы такое несёте?! — загремел Плавский. — И ещё, если вы собираетесь и впредь со мной работать, не позволяйте себе давать мне никогда и никаких советов. Вы слишком многого не знаете. Идите к своим гостям, мне надо сделать ещё один телефонный звонок.

— Какие, к чёрту, именины! Он же родился где-то в ноябре или декабре! — негодуя, метался по гостиничному номеру Стариков. Я вам давно говорил, что он — засланный казачок! И имя-то какое — Малюта! Если ничего не предпринять, то он точно нас всех на дыбу вздёрнет и шкуры на лоскуты рвать будет.

В комнате, кроме Плавского, находилось еще человек пять верных Алексею Викторовичу людей. Губернатор собрал свой малый круг той же ночью и подробно рассказал собравшимся о том, что происходило на мнимых именинах Скураша. Однако было и кое-что, о чём он предпочел умолчать. Например, о том, как он, после разговора с Малютой, когда все присутствующие снова расселись за столом, предпринял весьма неуклюжую попытку примирения и даже своеобразного покаяния перед местными. Он также предпочёл опустить своё обещание непременно наказать людей, готовивших эти злосчастные документы и убедивших его в необходимости их отправки. Послушав его рассказ, человек непосвящённый мог бы подумать, что вся эта канитель была заранее спланирована Плавским исключительно для того, чтобы проверить силовиков и местных на их лояльность к нему. Он с самодовольным видом курил, вставив сигарету в неизменный мундштук, набранный из редкого сорта янтаря. Генерал оставался верен своему принципу — никогда не проигрывать, а перед подчинёнными и неискушённой публикой оставаться всегда победителем, даже если для этого необходимо откровенно врать.

— Иван Павлович, поздравляю вас с очередной победой! — чётко держа нос по ветру, произнесла Михайлина Гаржинова, молодящаяся женщина лет пятидесяти, исполняющая не совсем понятную роль в свите губернатора. — Нет, я без всякого подхалимажа, всегда поражаюсь вашему таланту заставлять любую ситуацию работать на себя…

— Вы в корне ошибаетесь, Михайлина Михайловна, я никогда в жизни не заставлял никого работать на себя лично, и в этом моя сила и моё отличие от тех, кто растаскивает сегодня Россию. Я умею и знаю, как обратить любое действие или бездействие во благо нашей общей с вами идеи, идеи всенародного благоденствия — придав голосу выражение суровости, изрёк генерал.

— Да, да я вас пониманию! Но будущее народа настолько ассоциируется во мне, как и в мыслях миллионов простых людей, с вашей титанической деятельностью, что мы имеем полное право называть его вашим именем, — с деланной обидой возразила Гаржинова.

— Иван Павлович, да хрен с ним, с народом, он у нас особенно никогда не умел быть благодарным, надо думать, что делать

с Москвой и местными законодателями, вы ведь понимаете, что они вам фактически объявили войну? — возбуждённо обратился к губернатору Стариков.

— Виктор Алексеевич! — рявкнул генерал. — Я бы вас попросил впредь о народе в моём присутствии так не говорить! Это раз. Второе — война это привычное для меня состояние, и не было еще ни одного боя, который бы я не выиграл! Вот женщины, — он бесцеремонно ткнул пальцем в Михайлину Михайловну, — и те это понимают, хотя, в отличие от вас, не мнят себя великими аналитиками и комбинаторами. И, наконец, третье — Скураш прав — полную ерунду вы со своими дармоедами придумали, какие комплексные проверки, какие следователи по особо важным делам, вы-то хоть проверили, есть сейчас такие зубры в генпрокуратуре?

— Иван Павл…

— Не сметь меня перебивать! — грубо одёрнул Старикова начавший заводиться губернатор. — Что, не нравится, когда против шерсти? Ничего, придётся выслушать! Не надо мне городить ерунду, что Малюта роет под вас и вашу группу, выполняя задание своего начальства со Старой площади. Чушь это полная! Я проверял по своим каналам, там даже не догадываются о вашем существовании! А вы тут возомнили из себя этакую ужасную грозную силу! Да тьфу вы, а не сила! Более того, они на полном серьёзе уверены, что весь этот бред с силовиками я придумал сам лично, чтобы увести край из-под контроля Кремля и начать развал России! Так кто в моём окружении враг? Я вас всех спрашиваю?! — генерал обвёл присутствующих ненавидящим взглядом.

— Товарищ генерал-губернатор! — срывающимся от напряжения голосом вскочил навытяжку старший из братьев Укольников. — Мы же выполняли ваш приказ и хотели, чтобы всё было как лучше…

— Что?! — взревел Плавский. — Так выходит, это я сам додумался до всей этой х...и? Вон отсюда, и чтобы духу вашего поганого завтра в Есейске не было! Ну, кто ещё желает обвинить меня в разрушении моей Родины?

Желающих возражать или оправдываться больше не нашлось. Все сидели, понуро опустив головы, и ждали любого повода, чтобы улизнуть подобру-поздорову, пока и их не постигла участь Стариковского любимчика.

На их счастье в кармане у генерала зазвонил телефон. Вообще-то Иван Павлович считал ниже своего достоинства носить с собой мобильные телефоны, их с полдюжины таскала за

ним охрана, однако, для одного аппарата было сделано исключение, номера, которого никто не знал, даже Стариков. Вот именно этот телефон и зажужжал сейчас в одном из генеральских карманов. Зажужжал как-то особенно противно и настойчиво.

— Все свободны, — зло бросил Плавский, недовольный тем, что пришлось прервать разнос.

Буквально через секунду в помещении никого не было. «Тараканы ошпаренные»! — с пренебрежением глядя им вслед, подумал генерал и распахнул крышку телефона.

— Прошу извинения за ночной звонок, это я, — зачастила трубка голосом Амроцкого, — здравствуйте. Я, наверное, вас разбудил?

— Да какой разбудил! Я здесь со своими советничками секстренаж провожу! Так что ваш звонок для них прозвучал как глас Спасителя. Добрый вечер, чем обязан?

— Да это я вам обязан вашей благосклонностью, — слегка польстил московский полуночник, уловив суровость в голосе Плавского. — Есть обнадёживающие новости, Иван Павлович. — Амроцкий замолчал, побуждая собеседника задать встречный вопрос. Однако трубка упрямо молчала. — Удалось переместить «головную боль», завтра выйдет указ, — многозначительно завершил Михаил Львович.

— И куда, хотелось бы полюбопытствовать? — голос генерала сразу стал почти бархатным. — Действительно на ночь подняли настроение, а то чуть было не разогнал половину своей администрации…

— Гоните, если того обстоятельства требуют. Мы толковыми людьми всегда поможем, а о том, что у вас бестолочей полно, Москва уже, если не ошибаюсь, дня три как судачит. Что же касается *нашего* вопроса, так к бывшему месту службы его определили…

— В помощники градоначальника, что ли?

— Нет, по первой, основной специальности. Чистить совсем уже запаршивевшее ведомство.

— Вон оно как! Это хорошо, а там, не ровен час, и голову свернуть можно, народу одичавшего сейчас всюду полно, обязательно в чьи-нибудь интересы встрянет. И кому же это такая светлая идея пришла?

— Не поверите, не мне! При встрече всё подробно расскажу, я к вам на днях собираюсь, не прогоните?

— Да бога ради, хорошим людям, да с хорошими известиями всегда рады. Прилетайте, только время заранее сообщите, а то

хозяйство у меня ныне хлопотное, подготовка к зиме, северный завоз. — И уже собираясь попрощаться, Плавский как бы спохватился: — Так, говорите, шумит Москва? Может, мне на поклон к Царю напроситься?

— Шумит, шумит, а нам сейчас шум вовсе ни к чему. Лучше бы обзвонить всех министров, извиниться и сказать, что в общей папке бумаг, представленных на подпись, скрытые недруги, ещё от бывшего губера оставшиеся, умышленно подсунули. А насчёт поклона Царю, весьма своевременная и дельная мысль. Принять не примет, а положительный момент останется. А того, кто вам дурацкую идею с письмами подсказал, гоните, да ещё громкий приказ издайте. Да что это я! Не мне же вас, боевого генерала, учить, когда надо быть грозным и беспощадным, в том числе, и к друзьям. Всё, удачи вам.

— Спасибо за совет. Жду в гости… — произнёс Плавский в уже всхлипывающую короткими гудками трубку. — Вот сука! — и, выйдя в коридор, раскатисто приказал: — Ляскаль и Михайлина Михайловна за мной!

— А мы? — заискивающе подал голос Стариков.

— Скажите спасибо, что здесь женщина, а то бы я сказал, куда вам следует направиться!

Стариковские остались стоять в коридоре сиротской группой.

Не успела богатырская фигура генерала и семенящих за ним приспешников скрыться за поворотом длинного коридора первого корпуса, как снизу по лестнице на их этаж вбежал запыхавшийся Пётр Затеев — молодой человек из местных, когда-то крутившийся в подручных у Дракова. Во время избирательной кампании Пётр сидел на чёрной кассе, а в последние месяцы, искушённый посулами весомой должности, которую ему обещал пробить в администрации Стариков, фактически открыто перешёл в лагерь москвичей.

— Алексей Викторович! Можно вас на минуточку? — не переведя дыхание, выпалил Затеев и, не обращая внимания на недовольную физиономию Старикова, схватил его за рукав и чуть ли не силой увлёк в открытую дверь комнаты, которую только что покинул Плавский. — Беда, Алексей Викторович, Драков встречался с Шусем, час как разошлись. Принято решение на завтрашнем заседании заксобрания начать против вас настоящую войну…

— Против меня лично? — перекосился Стариков.

— Прежде всего, против губернатора, ну, и всех не наших! А вас, вас… — молодой человек понизил голос и запнулся, настороженно обводя комнату колючим взглядом.

— Ну, так и что там насчёт меня? — с нетерпением дёрнул его за рукав Стариков. — Да не крути ты головой, здесь всё чисто, это же моя комната! Позавчера Саня лично проверял на «жучков».

— Страшно, Алексей Викторович, — зашептал он почти в самое ухо Старикову, — вас решили убрать, если останетесь в крае…

— В каком это смысле «убрать»? — возмутился считающий себя всесильным тайный советник генерала.

— Да, тише вы, у нас воздух слышит! — отшатнулся от него Пётр.

— Как?.. — почти закричал побледневший Стариков, до которого начал доходить страшный смысл услышанного.

— Как, не знаю, но команду он уже отдал…

— Да как же это так, да какое он имеет право?! Надо же что-то делать!.. Петенька, родной, надо быстрее к губернатору…

— Так поздно уже…

— Не поздно, он только что пошёл к себе. Нет, вместе пойдём! Ты ему всё расскажешь. Пошли, пошли, — теперь уже Стариков толкал перед собой слегка упирающегося Затеева, сначала из своей комнаты, а потом и по коридору, невнятно причитая ему в спину: — Здесь своей жизнью рискуешь, а он не в грош не ставит…

— Алексей Викторович! А нам что делать? — крикнул им кто-то вдогонку.

— Не спать, дожидаться меня! — обернувшись, приказал всесильный.

К Плавскому их долго не пропускала охрана, ссылаясь на то, что губернатор уже отдыхает. Наконец из апартаментов выскочил озабоченный Ляскаль.

— Алексей Викторович, шли бы вы отсюда от греха подальше, он продолжает буйствовать. Приказал кадровиков разбудить. Мой вам совет, не ходите вы к нему сейчас.

— Да я не один, ты ему передай, что я с Затеевым, тут такое дело! В общем, меня заказали!

— Что?!. — Ляскаль юркнул обратно и через пару минут возвратился. — Проходите! — и, обращаясь к охраннику, распорядился: — Вызовите к губернатору Забродина и заварите для всех крепкий кофе.

— Ну, и что вы уже успели высосать из пальца, чтобы поправить своё пошатнувшееся положение? — не вставая из-за стола, изрёк Плавский. — Только не надо меня пытаться разжалобить своим несчастным видом и страшными сказочками.

Стариков, как самый ценный аргумент, молча вытолкнул вперёд Затеева. Пётр, сбиваясь и путаясь, повторил то, что недавно рассказал своему покровителю.

— Сейчас люди Дракова, — почти обречённым голосом продолжил он, — обходят всех депутатов и предупреждают о последствиях, которые наступят для них в случае неправильного поведения на сессии.

— Ляскаль! Начальника милиции ко мне! — стукнул своей лапой по столу Плавский.

— Не надо, — тихим, сдавленным голосом произнёс Затеев и, не обращая ни на кого внимания, отодвинул от стены стул и сел посреди кабинета. Никто даже и представить себе не мог того ужаса, который в одночасье выстудил душу этого раздавленного самим собой человека. Пётр со всей отчётливостью понял тоскливую безысходность своего положения. Увидев мелочность и трусость Старикова, на которого он сделал свою ошибочную ставку, ревущего и, казалось, вовсе не замечающего людей Плавского и всех этих копошащихся вокруг чужаков, он позвоночником почувствовал обжигающий холод Есейской воды. Как расправляются с неверными, он хорошо знал — колосник к ногам — и с обрыва. За двадцать минут сумасшедшее течение и острые, как резцы, придонные камни превращали человеческое тело в измельчённый корм для рыб. — Не надо никакой милиции… Шусь хвалился, что он уговорил главного мента завтра обратиться к депутатам с заявлением и попросить от имени всех федералов защитить от клеветы и нападок губернатора.

— Кто, я — клеветник?!! — взорвался Иван Павлович. — Да я их всех в бараний рог согну!!!

Затеев разрыдался, оттолкнул бросившуюся к нему со стаканом воды Гаржинову и выскочил прочь из комнаты. Больше его никто ни живым ни мёртвым не видел.

20

Если Государственная Дума у нас в стране — цирк с более или менее подготовленными и обкатанными клоунами, то законодательное собрание в провинции времён позднего Царя пред-

ставляло собой цирк самодеятельный с весьма разношёрстной труппой, состоящей сплошь из непризнанных гениев. Чуя вековую любовь народа к юродивым, во все выборные органы в начале нашей недолгой демократии первым делом ломанули деревенские дурачки, всевозможные выскочки да самоучки-всезнайки, на которых всегда была богата наша провинция. Уж кто-кто, а они, вслед за приснопамятным Маниловым, до точности знали, как нам и страну свою и весь мир обустроить.

Есейские законодатели мало чем отличались от своих собратьев. Под вместилище народных трибунов был приспособлен большой зал партийных торжеств в бывшем крайкоме партии. Со сцены убрали, как это теперь было принято, огромный гипсовый бюст бывшего шушенского сидельца, саму сценическую площадку разломали, заменив её нешироким подиумом; ряды с бархатными креслами ещё сталинского формата выкинули; сделали хороший ремонт, расставили весьма симпатичные столики на двоих, наподобие ученических парт с удобными вращающимися креслицами. Каждое рабочее место снабдили микрофонами и специальными, заказанными за рубежом, механизмами для голосования. Вот так и завели мы во второй раз у себя парламент на западный манер и, с издевкой над собою, назвали его так же, как в начале века, Думой, начисто позабыв, к чему прошлые думцы страну нашу привели. Вообще не зря мудрые люди так опасаются тектонических временных сдвигов на стыках веков, есть в этих двух первых десятках лет что-то зябкое, даже при относительно мирной погоде, а уж тем более, в нашей искони расхристанной державе. Но река времени несёт песок забвения, и заносятся следы прошлого, и мы, ступая по девственной целине, мним себя первопроходцами, не ощущая под собой сонма чужих грехов да старых могил.

Судя по обилию журналистов в зале и присутствию почти всех руководителей региональных управлений федеральных структур, заседание обещало быть интересным. Это Малюта отметил, как только вошёл в зал и с трудом пробрался сквозь лес рукопожатий к своему месту. С утра ему шепнули на ухо, что после «именин» губернатор всю ночь буйствовал, уволил старшего Укольника, Старикова отправил в московское представительство чуть ли не простым клерком, а вместе с ними сегодня утром в первопрестольную отбыли наконец все экстрасенсы и колдуны, задержавшиеся в крае после выборов. Случились и еще разные увольнения и подвижки. Малюта недоумевал, с чего бы это? Вроде бы, вчера вечером все

разошлись с миром или, по крайней мере, с надеждой на примирение, так, во всяком случае, ему показалось. Всё это было довольно странно, да к тому же ещё и Владимир Леонидович, здороваясь в коридоре, коротко шепнул ему о готовящемся на сегодняшнем заседании побоище. «Да, и чёрт бы с ними, — подумал Скураш, — в конце концов, своих мозгов никому не вставишь…»

Однако волновал его сейчас не столько сегодняшний день, вся эта канитель как-нибудь сама собой да рассосётся; не такие уж и безгрешные эти федералы на местах, и, будь его воля, он больше пяти лет чиновника на одном месте держать не стал бы. Но Царю виднее, если он, конечно, еще в состоянии хоть что-нибудь видеть. Сейчас Скураша волновала прежде всего проблема самого Плавского. До этого он как-то особенно о его внутреннем мире и не задумывался, нужды такой не было, да и знал его он плохо, так, встретились в служебных кабинетах и разошлись. Он — начальник, Малюта — подчинённый, вот и все взаимоотношения. Политическая составляющая генерала не в счет. Несгибаемый борец, трибун, говоривший пламенные и правильные слова — такого Плавского знали и любили миллионы людей, не один Малюта. А здесь, в Есейске, судьба заставила их жить, что называется, бок о бок, здесь никуда не денешься, все на виду, как в маленькой деревне, и захочешь спрятаться, не получится. И вот чем больше они общались, тем большее количество Плавских он узнавал, нет, не черт характера и особенностей личности одного человека, а именно совершенно разных людей, живших в одном человеке. Иногда ему даже становилось от этого немного страшно. Временами Малюте казалось, что он, наконец, узнал все столь различающиеся между собой «я» этого человека, но проходило время, и он с грустью признавался себе, что ещё очень далёк от полного понимания внутреннего мира того, который претендует стать очередным властителем России. Наблюдая за непредсказуемыми кульбитами народного любимца, Малюта приходил в ужас, на секунду представив, что всё это вытворяет президент!

— Добрый день, уважаемые коллеги, начинаем нашу работу, — прервал размышления Малюты голос Шуся, открывшего заседание.

Зал притих и напрягся, казалось, вокруг Скураша не было ни одного человека, не знавшего того, что здесь сейчас должно произойти. А может, всё уже давно произошло, и сейчас разыгрывается последний акт этой трагедии или фарса?..

Утвердили повестку дня и изменения в ней; без особых обсуждений отклонили все инициативы, поступившие от администрации, отослав их в согласительные комиссии; единодушно утвердили обращение к Госдуме в поддержку письма курских законодателей и перешли к разному. Скураш давно заметил: почему-то так уж повелось на подобных мероприятиях, что «разное» всегда оказывалось гораздо более содержательным и животрепещущим, чем основное.

— Дорогие коллеги, — буднично возвестил председательствующий, — в наш адрес поступило заявление от начальника главного управления внутренних дел края. Сам уважаемый Никита Савельевич по служебным делам убыл в командировку и обратился к почтенному собранию письменно. С этим, гм-м, полным скорби документом, поработал независимый депутат Семитрусов, позвольте ему и предоставить слово. Пока Николай Захарович идёт к трибуне, я бы попросил работников секретариата раздать депутатам текст данного документа…

— Арсений Викторович! У комиссии по этике есть реплика по регламенту!

— Товарищи депутаты, никто не возражает против реплики комиссии по этике? Прошу определиться.

Все проголосовали «за».

— Прошу вас, если вы не возражаете, с места.

— С места так с места. Этика никогда у нас в почёте не была, — обиженно произнёс депутат Мурченко. — Итак, господа, комиссия по этике в перерыве ознакомилась с только что розданным вам документом и пришла к выводу, что данное заявление не может слушаться в открытом режиме, так как речь идёт о чести и достоинстве высших федеральных чиновников, а также впрямую касается действий первого лица исполнительной власти края. У нас имеется мнение попросить удалиться приглашённых и представителей прессы и далее продолжить наше заседание в закрытом режиме.

По залу прокатилась волна недовольного ропота. Шусь, приняв озадаченный вид, бессильно развёл руками, дескать, извините, кина не будет, но не по моей вине, и произнёс в микрофон:

— Будут ли у кого мнения по реплике председателя этической комиссии?

Неожиданно для всех первым руку поднял депутат Драков.

— Прошу вас, Павел Петрович!

— Я, если можно, со своего места.

— Да, пожалуйста.

— Здесь, э-э-э, такое дело. Мы должны думать о будущем нашей, э-э-э, малой родины и ейной чести, потому что без чести, э-э-э, нашей мы станем бесчестными людями, а так жить неправильно, э-э-э, не очень хорошо так жить, — чувствовалось, что бывшему боксёру каждое слово, произнесённое публично, давалось с великим трудом.

— Так что вы предлагаете, Павел Петрович? — поспешил на выручку председатель.

— Я предлагаю, э-э-э, — ещё более смутился Драков, — согласиться с предложением комиссии, э-э-э, по этикету.

Кто-то на фоне оживления зала негромко захихикал.

— Цицерон ты наш! — с явной издёвкой, негромко произнёс сидевший перед Скурашем депутат от коммунистов Смирницкий.

— Будут ли ещё предложения?

— Поддержать мнение Дракова, — послышались реплики с разных сторон.

Все посторонние без особого удовольствия покинули зал пленарных заседаний. Но более других, конечно же, по поводу неожиданно сорванного реалити-шоу, были возмущены телевизионщики.

Информация Семитрусова и жаркие дебаты по ней растянулись на долгих три с половиной часа. В зале не было ни одного человека, не высказавшегося по этому вопросу, и все мнения были явно не в пользу Плавского и его администрации. Резолюция и вовсе прозвучала как приговор: «Указать губернатору на грубейшие нарушения конституции РФ и Устава Есейского края в части, касающейся разделения прав и полномочий федерального центра и субъекта федерации. Признать деятельность администрации края неудовлетворительной. Заслушать Губернатора края на ближайшем заседании Законодательного собрания края. Утвердить состав комиссии по проведению тщательного расследования фактов, изложенных в обращении начальника Главного управления внутренних дел региона. Утвердить текст обращения депутатов к Президенту РФ о неконституционной деятельности главы администрации».

Все документы были исполнены с поразительной быстротой и аккуратностью. Заверенная по всем правилам копия резолюции была публично вручена Скурашу для оперативного информирования своего руководства.

В своей приёмной Малюту ждали две новости. Первая: подписан указ о назначении Пужина директором Федеральной служ-

бы национальной охраны, и вторая: губернатор, после реорганизации своего управленческого аппарата, крепко отметил это дело и ушел в отпуск на неопределённый срок.

21

Павел Драков сильно нервничал, ему казалось, что так он не волновался никогда в жизни. Однако страха как такового не было. Он хорошо знал себя — чем сильнее волнение перед схваткой, тем спокойнее и расчётливее будут его действия во время боя. Так было в спортивной жизни, так осталось и сейчас. Драков давал первую в своей жизни пресс-конференцию в Москве. Конечно же, *сам* он на такой отчаянный поступок никогда бы не решился. Павел вообще считал, что чем меньше светишься па публике, тем сильнее твоя власть над окружающими, а народ, мелькающий в телевизоре или поучающий всех со страниц газет, он всерьёз никогда не воспринимал и в глубине души презирал. «Если ты такой умный, — подчас закипал он перед экраном, — чего же ты сидишь в ящике, иди сюда, к нам, к людям, которым жрать нечего, и умничай здесь, если не боишься по репе схлопотать».

Драков прилетел в столицу через пару дней после всполошившего всю страну собрания Есейских законодателей на очередной сбор ассоциации бокса и ни о каких встречах с журналистами даже и не помышлял. Конечно, ему льстило, что гостиничный телефон разрывался от предложений встретиться с бывшим союзником грозного генерала и, что называется, из первых уст поведать всё западному и отечественному читателю и телезрителю о сибирской баталии. Паша отшучивался, как умел, сообщая звонившим, что «за ради справедливости и родной родины» готов Плавского вызвать, как бывшего боксёра, на поединок, не глядя на ихнюю весовую разницу». И был искренне изумлён, когда на следующее утро в одной из популярных газет обнаружил весьма остроумный коллаж, на котором под броским заголовком «Бой бывших союзников. Кто — кого?!» они с губернатором, в полной боксёрской экипировке изготовились к бою.

«Развлекаются, как малые дети», — подумал он, но газету аккуратно свернул и положил в свою спортивную сумку. Если носить костюм его, хоть и с большим трудом, но всё же приучили, от спортивных сумок он отказаться так и не смог.

В дверь номера негромко постучали. В гостиничных апартаментах Драков был один, ребята, выполнявшие роль охранников и помощников, с его разрешения разошлись кто куда. Оружия он при себе никогда не носил и немного испугался: мало ли, что может произойти с приезжим депутатом в столице, тем более, что дома он однозначно «объявил генералу войну на полное уничтожение», хотя словечка этого — «уничтожение» — он и не говорил, его после Шусь убедил приписать. Павел Петрович, не выключая телевизора, осторожно прошёл в спальню и позвонил по мобильному в соседний номер, где должны были отдыхать парни, дежурившие ночью. На радость, трубку взяли быстро.

— Гера, ты?

— Ну, я…

— Давай-ка, выгляни осторожненько в коридор, глянь, кто там ко мне в номер тарабанит… — негромко сказал он прямо в трубку.

— Счас, шеф! — после недолгого шуршания трубка хихикнула Гериным басом: — Девка к тебе, симпотная…

— Ты, это, зубы не скаль, я её впущу, дверь не запру, а ты следом войди тихо, понял? Мало ли что… И своих на стрему поставь, понял?

— Ну, не в первой же… — шмыгнул носом охранник.

Девица оказалась действительно симпатичной, чем-то даже смахивающей на его жену.

— Вы Драков Павел Петрович? — не здороваясь спросила она и, не дожидаясь приглашения, шагнула в номер.

— Ну, я. А ты что за птица? — оставив дверь непритворенной, спросил Павел, оценивающе оглядывая её фигуру сзади.

— Я никто и звать меня никак, я по поводу девочек. Вот это вам от них, — и девица, развернувшись, сунула ему в руки продолговатый конверт. — Прочтите и, ничего не комментируя, ответьте, да или нет.

Пожав плечами Паша распечатал письмо. На листочке было напечатано несколько предложений: «Моя фамилия Амроцкий. Мы знакомы. Надо срочно встретиться. Если согласны, верните записку Насте, она вас ко мне привезёт. Безопасность гарантирую».

— Ну, если там девчонки такие же, как ты, то поехали, — протягивая обратно бумагу, ответил Павел.

Ехали недолго. На одном из перекрёстков его попросили пересесть в остановившийся рядом микроавтобус.

— Здравствуйте Павел Петрович! Рад вас видеть в добром здравии и прекрасной форме, что для спортсмена, бросившего спорт, это большая проблема, по себе знаю, — похлопав себя по ляжкам, ослепительно улыбаясь, произнёс Михаил Львович. — Уж простите великодушно, что с такими предосторожностями, больно нешуточные дела закручиваются.

— Здрассте. А чего, мне даже нравится, как в кино про шпионов. А насчёт спортивной формы, так надо в спортзал ходить, я вот со своими ребятами четыре раза в неделю тренируюсь…

— Шпионы, любезный Павел Петрович, — детские игры по сравнению с большой политикой, для неё, кстати, и шпионы были в своё время древними изобретены. — Ну да ладно! Я действительно очень рад, что вы откликнулись на моё предложение и согласились на встречу. Поверьте мне, совершенно без лести, я поражаюсь вашим успехам и уверен, что это далеко не предел. В ваши годы и такой взлёт: мастер спорта, руководитель депутатской группы, успешный бизнесмен, один из владельцев металлургического гиганта, почти народный герой…

— Ага, спортсменка, комсомолка, красавица, понимаешь ли! А как же, мы, сибиряки, такие! — шуткой отозвался на его лесть Драков. — Вы бы говорили сразу, что надо, а то я ох как не люблю, когда меня хвалят! Бабка говорила, так и сглазить можно.

— Ну я-то не сглажу! Однако вы правы, дело весьма серьёзное, — сменив тон, продолжил Амроцкий, а про себя не без злости отметил: «Только из грязи вылез, а уже самомнения куда там! Подлый всё-таки в этой стране народец!» — Так вот, Плавский принял решение переть во всю дурь на Москву. Дури у него полно и поддержка кое-какая имеется, но финансов маловато. Деньги, однако, ему пообещали, если он вас с комбината вышибет…

— Интересно, как это у него получится? — набычился Драков. — У меня блокирующий пакет, между прочим!

— Раз вы так любите отечественное кино, я вам позволю напомнить один весьма известный фильм, где главному герою популярно объясняли, как можно с него бриллианты снять …

— Ну, помню — «Бриллиантовая рука» — бесхитростно ляпнул Павел и понял, что сморозил чушь. — «Вот гад, ещё и подлавливает!», — а вслух сказал: — Ну, насчёт трупа, э-э-э, у него, это, руки коротки…

— До трупов, надеюсь, не дойдёт, а вот посадить вас в тюрьму он, пожалуй, сможет. Мне его люди о таком варианте сообщали.

— Ну пусть попробует, мы тоже, э-э-э, не из тряпок шиты. Я вот только в толк не возьму, вам-то какая выгода мне всё это раскрывать? Вы вроде как другани с Плавским? А?

— Ну, друзьями мы никогда не были, так, временные союзники по достижению определённых целей. Кинул он меня, как и вас, Павел Петрович, — добавив в голосе обиды, признался Амроцкий.

— И на большие бабки? — посочувствовал Драков. — Это он может, это в его моде. Дрянным он оказался человеком, я же тоже ему поверил, всё на голубой каёмке преподнёс, а он! — Паша с досадой махнул рукой. — Ну так научите, что делать-то надо, может, мы тоже союзниками станем повременными.

— Самое убийственное оружие против Плавского — это вы! — моментально выдал заготовленную фразу Амроцкий. — Да-да, не улыбайтесь, именно вы. Только вы можете рассказать всем, какой он коварный и беспринципный, как жаждет власти и для её достижения пойдёт на самые крайности.

— Как это я смогу рассказать, да и кто меня слушать станет?

— Можете. Я всё устрою. Сегодня вы встретитесь с журналистами и всей стране правду расскажете…

— Да я же, э-э-э, и говорить-то толком ещё не умею и робею перед камерами…

— Всё это не беда, а чтобы вам было легче, мои ребята с вами поработают, нарежут несложных вопросов. Всё пройдет замечательно, главное, иметь боевой настрой, как перед выходом на ринг.

Павел ходил по коридору, его бил настоящий колотун. «И какого, блин, я дал себя уговорить, ладно с газетчиками и импортными телевизионщиками, там всё быстро. Там не сложно, а тут целых полчаса сидеть и с умным видом вещать на всю страну! А главное, ежели дурь какую спорешь, то уже не переделаешь! Все потом дома будут пальцами тыкать, полный нокаут!»

Но деваться было уже некуда, его приглашали в студию.

— Уважаемые телезрители, — бодрым голосом начал популярный в то время ведущий Дмитрий Крысаков, — добрый вечер, сегодня у нас в гостях необычный человек. Прежде всего хотелось бы отметить его мужество, которого так сейчас не хватает не только рядовым гражданам, но и прежде всего, высшему руководству страны. И это не случайно, когда у власти парализована воля, общество само порождает таких людей, как наш сегодняшний гость. Знакомьтесь — Павел Петрович Драков, человек,

который сделал себя сам. Спортсмен, народный депутат, удачливый бизнесмен, защитник униженных и оскорблённых! — и, обратившись к оробевшему Павлу, продолжил: — Я не буду просить вас рассказать о себе, сегодня вашу биографию знает вся страна, скажите, вам не было страшно посягнуть на систему вседозволенности, созданную деспотом Плавским в крае?

— А чего это мне было страшиться у себя дома? Да, э-э-э, и не привык я уходить от противника. Я же боксёр. Мне навязали драку, и я ответил. Э-э-э, если нас обидеть, то мы и выгнать можем…

— Вот так, я бы сказал, просто, без лишних экивоков, отвечает глубинка на хамство зарвавшейся власти — «выгоним!» Как не восхититься таким ответом! Представьте, что Плавский примет ваш вызов, и что? Вы в самом деле пойдёте драться с таким верзилой?

— Ну, должен принять, если он мужик, а что большой, так не в массе сила. Он уже, наверное, и не упомнит, когда последний раз зарядку делал. Ему главное — власти побольше заграбастать…

— Давайте уточним, Павел Петрович, что главное для Плавского, который в последнее время открыто заявляет о претензиях на президентское кресло — благо для людей или сладость самой власти?

— Ну, я вам могу доложить, что на людей ему простых далеко, как говорится, наплевать. Ну а власть он любит, как обкурившийся травку…

— Признаться, мне очень жаль, что так быстро бежит эфирное время, потому что нам редко удаётся познакомить наших зрителей с такими феноменальными людьми, которые ещё живут в нашей стране. Вообще феномен «Драковых» и их влияние на создание нынешнего нового российского общества, — упиваясь собственным краснобайством и временно забыв о собеседнике, продолжал Дмитрий, — остаётся и поныне далеко в стороне от внимания серьёзных социологов и политологов, а совершенно напрасно. Ведь в каждой области, в каждом городе и городишке сегодня живёт и творит своё незаметное дело свой Драков. Плохо это или хорошо, мы не знаем и знать не хотим, это, дескать, ниже нашего государственного достоинства! А ведь порой именно к ним идут люди в надежде на помощь и защиту, разуверившись в государстве и местных властях. И что вы думаете? Драковы им помогают! По-своему, пусть неумело, но помогают быстро и конкретно, без бумажной волокиты и унижений. Возможно, пройдёт время, и Драковы превратятся в новых Строгановых и Морозовых, знающих и любящих свою землю, и сменят наконец надоевших всем олигархов, для которых земля наша — всего

лишь предмет наживы и торга. Но для этого государство должно обратить на них внимание, как и на всё самодеятельное и самобытное, а не восхищаться липовыми заслугами липовых генералов, которые никогда никого не побеждали!

22

Малюта, как и все его домочадцы, не отрывался от телеэкрана. Без конца звонил телефон, спрашивали, смотрит ли он телевизор. Телевизор он смотрел и силился понять, кто же за всем этим стоит? Сработано было на славу! Да, Паша Драка был на высоте, не без помощи опытных режиссёров, конечно, а так, ни дать ни взять, этакий шукшинский персонаж, герой-самородок из Сибирской глубинки. Но ещё больше бы удивился Скураш, если бы узнал, что за четыре тысячи километров, эту же передачу внимательно смотрят еще два человека.

Плавский на дачу Амроцкого прибыл, как всегда, долгими окольными тропами. Не дожидаясь прилёта своего лютого друга, генерал через север, куда он, якобы, отправился рыбачить, улетел в белокаменную, нигде не засветившись, провёл несколько, по его мнению, важных встреч, после чего прибыл в этот памятный для него загородный дом. Собственно, именно здесь ему впервые и было предложено сначала поддержать во втором туре Царя, а затем и стать преемником, когда придёт нужное время.

После лёгкого ужина Михаил Львович потянул гостя в большую гостиную со стеклянным эркером и огромной плазмой на противоположной стене.

— Вы, Иван Павлович, не упрямьтесь, если я предлагаю посмотреть телевизор, значит, знаю, что будет что-то интересное…

— Про меня? Да надоели они мне, все эти продажные суки, кто заплатит, под того и брешут, — раздражённо отмахнулся генерал. — Давайте лучше поговорим, меня всё равно волнует этот чекистский офицеришка, неспроста он, как чёрт из табакерки, выскочил…

— Да успеем ещё наговориться, — с улыбкой кивнул Михаил Львович, — ночь впереди, а передачу посмотреть надо, меня специально об этом предупредили.

— Хорошо, включайте свой ящик, — сдался генерал и налил себе коньяку.

«Боюсь, дружок, тебе сейчас валерьянка понадобится, а не «Хенесси» — исподволь наблюдая за генералом, подумал хозяин.

Однако, к удивлению Михаила Львовича, передача, казалось бы, ожидаемого эффекта на Плавского не произвела, и если бы не прикуриваемые одна от другой сигареты, да не опустошенная за полчаса бутылка коньяка, пожалуй, можно было бы и не заметить, что на самом деле он сжат, как пружина.

Голубое окно в подлый мир уже давно погасло, а в комнате всё ещё висела тишина. Амроцкому на какое-то мгновение стало жутко. А что если этот солдафон обо всём догадался и сейчас собирается с духом, чтобы встать и прикончить его чем-нибудь тяжёлым, да вон хотя бы этим бронзовым бюстом президента, который ему в знак вечной дружбы подарил Царь. Страх был настолько реален, что он вдруг поднялся с места и на слабо гнущихся ногах, не в силах произнести ни слова, вышел вон из комнаты.

Тёмная тень подозрения неожиданно метнулась в голове Плавского, и он действительно подумал: «А может, шарахнуть эту гниду вот той бронзовой гнидой и положить конец всей этой несусветной канители? Как же мне надоело день и ночь барахтаться в чьём-то дерьме! Может, права мама, и стоит послать всё это к чёрту да поехать вместе с Булдаковым ловить карасей на моё любимое болото? Чего мне, собственно, не хватает? Всё есть, кроме, правда, семейного тепла, да и это, в принципе, может вернуться, если перестану из себя страшного клоуна корчить».

Однако, как ни старался генерал себя успокоить и вернуть назад что-то безвозвратно потерянное, нежное и простое, всё равно в душу вползал сизый смрад его сегодняшнего дня, дух бесконечной гонки за самой страшной и самой сладкой мечтой, мечтой о власти. Когда и где заболел этой хворью, он уже не помнил, казалось, что её бацилла дремала в нём с самого детства, с того самого момента, когда маленький мальчик Ваня, хлюпая разбитым носом, не опускал кулаков или зажатой в руке палки, а бил, бил, бил своих обидчиков, бил и гнал до тех пор, пока его не останавливали взрослые, или пока он сам, выбившись из сил, не падал на раскалённую южным солнцем бурую пыль станичной улицы…

— Ну и как вам эта байда? — осторожно просачиваясь в комнату, прервал его мысли Амроцкий.

— Бред сивой кобылы, — дежурно буркнул генерал, ещё не вернувшись в реальный мир. — Главное, узнать, какая сука ему всё это проплатила? Этот Крысёныш, если мне память не

изменяет, ведь ваш человек? — глаза гостя блеснули недобрыми огоньками.

— Ваша правда, был когда-то он в моей команде, но редкостной сукой оказался, блядовал на все стороны, кто больше даст, под того и ляжет! Представляете, работая у меня, на меня же заказы брал и сливал всю информацию, пока я его не прищучил. Так он, гадёныш, к Бусинскому переметнулся, и вот видите, что вытворяет? Поверьте, Иван Павлович, это не только вам вызов, это плевок и мне в лицо, — окончательно придя в себя, разлился соловьём Амроцкий. — Это же надо, подонка, уголовника вытащили на экран и решили из него отечественного Робин Гуда сделать. Эх, поспешили вы Пашку с короткого постромка спустить, пусть бы пока у ноги, как верный пёс, покрутился, а потом, после того, как комбинат у него отнимите, можно было бы и в тюрьму сажать…

— Постойте, а не вы ли мне советовали его прижучить, подержать в чёрном теле, чтобы сговорчивее насчёт акций стал? — поднял вверх брови Плавский.

— Иван Павлович, так ведь я вам *Дракова* советовал прижучить, а не телеги на краевых генералов писать! Вы хоть с министрами-то успели переговорить?

— Да как-то времени всё не было, закрутилось всё…

— Оно, может, и к лучшему! — вскочил в места Михаил Львович. Когда его обуревала жажда деятельности, он не мог усидеть на месте и сновал по комнате, подпрыгивая, как блоха. — Вы знаете, это очень даже хорошо, это чудненько! А не повернуть ли нам всё это с точностью до наоборот! Они хотели вашей дискредитации, и им кажется, что они своего добились, правильно?

— Ну, — буркнул генерал.

— Ну так вот, на самом деле вы были правы, обращаясь к министрам за поддержкой в борьбе с коррупцией, которая, как ржа, проела все органы федеральной власти у вас в крае! Вы понимаете, куда я клоню?

— Пока не очень…

— Ну что вы, Иван Павлович! Вы как полновластный хозяин региона, как лицо, поддержанное Президентом страны, вскрыли вопиющие факты беззакония, когда, фактически, вся власть добровольно легла под новоявленного бандита, а силовики и депутаты, вместо того, чтобы бороться с этим бандитам, бросились вперегонки ему служить, понимаете?

— Кажется, понимаю, но смутно пока…

— Да что это с вами сегодня? Организованная преступность вместе с продажными чиновниками, — менторским тоном наставника, принялся растолковывать Михаил Львович, — организовала тотальный отпор губернатору, отказавшемуся от их правил игры и попытавшемуся донести все творящиеся в глубинке безобразия до оглохшей от безделья Москвы. Так что вы — не клеветник, как пытался представить вас краевой мент, а мужественный борец с коррупцией. Надо не медля, завтра же идти на приём к министру внутренних дел и директору ФСБ. Ваше письмо на имя Царя отписано в Главное управление президентского контроля, там мы ему ноги прямо сейчас и приделаем, — великий путаник торопливо схватился за телефон.

— Алё! Иннокентий Алиевич! Прости, что поздно, не ложился ещё, телевизор смотрел? Да, да, ты прав, совсем бандиты распоясались, мало им провинции, так они решили и столицу под себя подмять! У тебя там письмо губернатора Плавского сверху расписано, надо ему полный ход дать. Всё согласовано. Ссылаться на меня, конечно, не надо, но я только что приехал от Самого, — Амроцкий заговорчески подмигнул внимательно слушающему генералу, — так Первый в ярости, считает что это покушение на устои власти. Сегодня губернатора в лоскуты порвут, а завтра и от страны ничего не останется. Да не надо благодарностей! Говоришь, уже ходоки с другой стороны были, и кто? Шусь? Вот поганец! Ладно, это не по телефону, завтра забегу. Ох, и хороша у тебя секретарша! Нет, такие подарки не принимаю, если только поменяться. Пока, пока!

— Всё, с утра к контролёрам, а они пристегнут и МВД, и прокуратуру, и ещё кого надо, — потирая руки, сообщил Амроцкий.

Через два дня тяжёлый маховик государственной машины со скрипом завертелся, набирая всё новые и новые обороты, грозя перемолоть в пыль всё и вся, попадающее под его незрячую десницу.

Местные законодатели, как наиболее неустойчивый элемент, не взирая на злобное шипение спикера, начали быстренько отрабатывать назад и раскололись на несколько враждующих групп. В первые ряды, как всегда, вырвалась недалёкая хабалистая бабёнка, представляющая северные территории. Она верещала во всех местных газетах и телепередачах про зловредных ментов, продажных судей, загребущих налоговиков, близоруких коллег-депутатов, обходя при этом бархатным молчанием лишь своего тайного спонсора, Пашу Дракова. Местные федеральные чинов-

ники быстренько застрочили наверх, что они, лично, к законодателям за помощью не обращались, и во всём виновен главный милиционер, который, к тому же, является чуть ли не родственником Дракова.

В край прибыла целая бригада следователей, собранных из разных губерний России, во главе с грозно рычащим заместителем министра внутренних дел Ильёй Владимировичем Коловратовым.

Плавский торжествовал, всё получилось, как он хотел, а главное, он теперь напрочь отбросил сомнения в искренности отношения к нему Амроцкого. Михаил Львович в который раз воскрес в его душе как всесильный ангел-хранитель.

Удаление со двора Старикова благотворно сказалось на внутренней атмосфере Серого дома, да и в крае дела пошли, как это ни странно, в гору. Заполярный комбинат стал платить налоги, Есейский металлургический, погасив задолженность по электроэнергии, фактически закрыл все долги края по заработной плате бюджетникам. Паша Драков от греха подальше и не без помощи Амроцкого куда-то смылся. В общем, для всех настало некое подобие золотого века, а золотые века, как известно, долгими не бывают.

23

Малюта с искренним сожалением смотрел на скрученного радикулитом Коловратова. Милицейский генерал хоть и хорохорился, но двигаться мог с большим трудом, а потому совещание проводил в своём гостиничном номере, который ему выделили в резиденции «Кедры». Подобные совещания проходили каждое утро, бригадиры отчитывались о проделанной за минувшие сутки работе и получали ценные указания. Два раза в неделю, соблюдая закон о гласности, Илья Владимирович должен был появляться перед прессой и информировать широкую общественность о ходе своей работы.

Скураш ещё с журналистских времён поражался, как это милицейские опера и следователи вообще умудряются работать и хоть что-то раскрывать. Их, бедных, с утра до ночи заставляли писать какие-то планы раскрытия преступлений, а потом ежедневно отчитываться об их выполнении. Однако писанина была не самым главным бичом, особенно выматывали пустопорожние

совещания, где милицейских за их же собственную проделанную работу пытались обвинить во всех смертных грехах. Ну а «палочная» отчётность, господствующая в органах ещё с бериевских времен, напрочь отшибала руки даже самым талантливым и способным. Ты хоть тресни, но «палки», то есть показатели одной графы, должны были равняться или превышать «палки» другой, вот и вся арифметика. Однако же чем меньше палок было на бумаге, тем результативнее считалась работа, а что там делается на улице, всем было абсолютно по барабану! Высокое начальство по улицам не ходит, оно с мигалками пролетает, так что в любой работе главное — отчёт.

Заместитель министра далеко от этой тактики не отходил. Пятьдесят восемь опытных офицеров рыли, что называется, буром, только рыли они, в основном, пока бумагу. Скураш видел это и откровенно злился, понимая, что вся эта титаническая работа превратится в очередную показуху и пойдёт, скорее всего, псу под хвост.

— Нами уже проверено восемьсот уголовных дел, — грозно взирая на собравшихся поверх очков, ревел министерский генерал, — семьдесят четыре, непосредственно касающиеся организованной преступной группы Дракова, через прокуратуру возвращены на повторное расследование в органы дознания. Сам гражданин Драков П.П. объявлен во всероссийский и международный розыск, группа тесно работает с Интерполом.

«Такое ощущение, что он всё это говорит для меня и представителей губернатора», — Малюте хотелось задать какой-нибудь каверзный вопрос, об эффективности и конкретике что ли, но его никто не обязывал контролировать работу замминистра, а сам он уже научился жить без лишней инициативы, которая, как правило, всегда вылезала боком.

Подчинённые разошлись, и Илья Владимирович с благодарностью принял из рук заместителя губернатора Зураба Беркуса спасительный стакан водки.

— Так и спиться недолго пока вылечусь, — крякнул генерал, ставя пустой стакан на стол и зажёвывая оставшимся от чая печеньем.

— Может, распорядиться что-нибудь закусить приготовить? — спросил Беркус.

— Водка с закуской — это пьянка, а я лечусь. Вот изловим этого негодяя Дракова, тогда и закушу и выпью. Хотя, между

нами, всё в этом деле непросто, здесь и бизнесом и политикой не то что попахивает, а просто воняет. А у меня нос старой ищейки… — и он вдруг замолчал, не то от боли, не то смекнув, что ляпнул лишнее. — Хреново мне, ребята, я прилягу, может, отпустит? Вы уж простите старика.

В город Скураш возвращался вместе с Беркусом, сорокалетним, спортивного телосложения мужчиной, с бритым наголо черепом и цепкими серыми глазами. Будучи не то латышом, не то сваном, не то аджарским князем, а, скорее всего, и тем и другим одновременно, он являлся человеком крайне неординарным, интеллектуалом и остроумцем. Знакомы они были очень давно, ещё с тех времен, когда Плавский делал в политике первые шаги. Обоим тогда генерал был очень симпатичен, и оба ему безвозмездно помогали, в надежде на перспективы в будущем. С приходом Зураба Петровича в администрации Плавского заметно оживилась международная деятельность, но не это было главным для Скураша в этом человеке. Беркус, как и он сам, будучи достаточно близок к генералу, при этом оставался как бы человеком не из команды, и также, как и он, стоял *над* постоянной склокой дворни за близость к телу. Мелочная и изнуряющая суета: кто что сказал, кто о чём подумал, кто с кем встретился, постоянные подозрения в измене, подсовывание друг другу жучков и компромата, до того выматывала, что порою хотелось выть от безысходности. И только у них, да ещё, пожалуй, у главы администрации Плавского, бывшего морского офицера Пилюрского, была простая человеческая возможность общаться, что называется, без двойного дна, говорить друг с другом ни о чём, просто спорить о литературе, о современном искусстве, театре, международных делах, травить анекдоты и откровенно измываться над Есейской действительностью.

— Ну и как тебе эти ментовские совещания? — чтобы прервать затянувшееся молчание, спросил Скураш.

— Да как тебе сказать, — пожал плечами Беркус, — мне кажется, Илья бы и рад дёрнуть на полную, да, похоже, начальство не велит. Попомнишь мои слова, всё вертится вокруг нашего металлургического комбината. И Дракова по всему свету будут ловить только для того, чтобы акции отобрать, — и, помолчав, добавил: — Дураком он, конечно, полным будет, если на это пойдёт…

— Почему дураком? Продал и всё, от тебя отстали, а с такими деньгами ты во всём мире будешь кум любому королю!

— Да нет, Малюта, — покачал головой Зураб, — продавать надо было раньше, а в тюрьме какие могут быть торги, там и акции отберут и жизнь тоже. Так что как только услышишь, что Драков продал свои металлические акции, жди в ближайших газетах некролога о безвременной и глупой смерти зэка-миллионера. Может, грипп его сразит, может, дизентерия, а, скорее всего, сердечко прихватит. Да ладно, бог с ним, с этим беспутным Пашкой! Ты заметил, как переменился губернатор, вроде, воспрял духом…

— Ещё бы, тут и покойник воспрянет, когда из тебя десятка полтора чертей изгнали? Главное вот, насколько его хватит, он же без войны долго не может, — отозвался Малюта. — Слыхал, что на прошлой неделе, пока ты в своих Франциях обретался, Амроцкий к нам прилетал…

— Да я ещё и приземлиться не успел, как мне сообщили это пренеприятнейшее известие. Ты знаешь, что Амроцкого в Москве многие зовут Гоблином? Почему, думаю, гоблин? Порылся в справочниках по демонологии, оказалось, весьма мерзкий и коварный нечистик, это из Скандинавии и Западной Европы.

— Если он и сатанёнок, то, скорее, с Ближнего Востока, Асмадей какой-нибудь. Хотя ты знаешь, мне как-то приходилось уже слышать это словечко — гоблин, даже пытался философствовать на эту тему, вот, дескать, вырастили этих тварей на свою голову. Мне тогда старинный приятель возразил, что их прикаспийские гоблины ничем, практически, не отличаются от наших, разве что менее кровожадны. А ты ведь главного не знаешь, Зураб, чего Гоблин, — тьфу ты, уже прилипло! — чего Михаил Львович к твоему шефу прилетал?

— Наверное, опять трон предлагал…

— Может, и трон, только это тогда без моего присутствия, а при мне весь вечер подбивал его пойти в лидеры новой партии. В декабре же выборы, и они хотят сварганить новую партию в пику и коммунистам и отвязавшимся демократам, а главное, подконтрольную Кремлю. И название уже придумали и символику…

— Интересно, и как же они эту новую партию обозвать решили? — поудобнее устраиваясь на сидении, спросил Беркус.

— Весьма обтекаемо — «Объединённые обновленцы», а символом, по замыслу Гоблина, — тьфу ты! — и его команды должен стать барсук…

— Шутишь? Барсук-то с какого перепугу? — хохотнул Зураб.

— Думаю, что на западный манер, у них там слоны, ослы, бегемоты, а у нас родной барсук, как символ домовитости и зажиточности, по крайней мере, именно так мне, неразумному, и было объяснено отцом-основателем.

— Малюта, — проведя рукой по голому черепу, сказал Беркус, — а тебе не кажется, что странный какой-то символ получается, я бы даже сказал, с не совсем патриотическим подтекстом. Сам посуди: полгода зверюшка наш по лесам, и притом глухим лесам бродит, птичек душит, а полгода в вонючей норе дрыхнет. Лучше бы птицу какую взяли, вон таймырцы присобачили на герб краснозобую казарку, и хоть трава не расти. Все голову ломают, причем здесь птица и почти независимый Таймыр? А здесь грызун какой-то. Хотя, если честно, то грустно всё это. Ну так и что, пошёл шеф в партийные боссы?

— Ты не поверишь! — придвинулся ближе к другу Скураш. — Всё воспринял в штыки, Амроцкого назвал авантюристом, отказался сам возглавить барсучье племя и движение своё «Родина и Честь», как основу, подставлять не дал. Пришлось, чтобы новой войны не возникло, посоветовать Михаилу Львовичу подтянуть голодных ветеранов локальных войн, у которых ещё с девяносто второго года имеется ничем не запятнанная общероссийская партия под громким названием «Народные патриоты»…

— Ух ты! И откуда ты это выкопал?

— Обижаешь, генацвали, зачем выкопал, сам когда-то помогал лепить. А что, пусть себе ребята денег влёгкую срубят, а то они под лужковское «Отечество» ложиться собрались, а там сплошняком гоблины, там и копейки не обломится.

Их разговор прервал водитель:

— Извините, что перебиваю вас, вот послушайте, уже второй раз передают, — он увеличил громкость радиоприёмника.

— …при пересечении Греческой границы полицией задержан объявленный Интерполом в международный розыск предприниматель из Есейска Павел Драков…

24

В скиту было тихо и пахло вечностью. Набегающей зеленоватой слезой мигала лампадка. От необычной тишины чуть слышное потрескивание двух толстых свечек с непривычки по-

казалось треском лесного костра. Монахи, приведшие его сюда, куда-то бесшумно исчезли, словно растворились в густом озёрном тумане. В ушах ещё стоял гул вертолётного двигателя и пение несущейся в белом молоке моторки, когда вдруг из живого марева возник гранитный утёс, он вздрогнул от неожиданности. Лодка резко крутнулась и зашуршала днищем по прибрежной гальке. Всего какой-то неполный час, и он очутился в другом мире, где совсем по-иному текло время и иными мерками измерялись ценности.

Впервые на этих островах он побывал ещё мальчишкой, со школьной экскурсией. Церковные здания тогда скорее напоминали развалины и были поверх старинных фресок исписаны всякой похабщиной. В обветшалых хозяйственных постройках ютился какой-то странный в своей убогости народ, почти всегда пьяный и клянчащий деньги. Даже дети, осторожно выглядывающие из дышащих тайной и только им известных лазов и переходов, и те были какими-то дикими и не выходили из своих убежищ, как они их к себе не звали. Однако конфеты, оставленные на опрокинутом каменном кресте, исчезали непостижимым образом, стоило только немного отойти.

— Господи! Как это было давно! — Николай Николаевич осторожно, чтобы не спугнуть тишину, подошёл к большому иконостасу, занимающему почти весь восточный угол небольшой кельи, перекрестившись, зажёг одну из привезённых с собой свечей, две другие положил на неширокую полку рядом с истёртым усердием и временем молитвенником в старом кожаном переплёте с поломанными серебряными застёжками. Молча глядел, как неспешно разгорается затепленная им малая жертва. И вдруг ноги как будто подломились сами собой, и некая неведомая сила поставила его на колени. Слова молитвы и слёзы хлынули из него одновременно, заоконный, да и другие миры исчезли, осталась только эта увешанная почти до потолка иконами стена. Стена и десятки внимательных, пытливых, видящих тебя насквозь глаз невидимого и вездесущего Бога.

Вот он, ничтожный и маленький человек, стоит согбенным у лика всесильного великана, стоит и молитвенно просит, как когда-то просил Спаситель Отца своего: «Да минет меня чаша сия, если на то будет твоя воля!» Десятки, а может, сотни раз, он повторял эту просьбу и не слышал ответа, и тогда смирилась его душа, и сквозь молитвенную пелену слёз увидел он, как рыже-

бородые Сергий и Герман простерли над ним свои руки, и где-то очень высоко зазвонили колокола.

Слёзы высохли так же неожиданно, как и нахлынули, снова начали проступать очертания реального мира, зажжённая им толстая свеча сгорела почти до половины и в одиночестве едва освещала погрузившуюся в мягкий серый сумрак келью. Две другие свечи, выгорев до конца, давно погасли. За стенами скита быстро угасал короткий северный день.

Пужин с трудом поднялся с колен, шатаясь, словно пьяный, кое-как добрался до узкого монашеского ложа, не раздеваясь, упал на чистую холстину набитого свежим сеном матраса, и сон, непроницаемый и плотный, как снежная лавина, накрыл его целиком.

Утро принесло пробуждение и неукротимую жажду жизни. Он был спокоен и полон решимости нести возложенную на него Господом ношу, какой бы непосильной и ненавистной она не была. Откровение снизошло на него сегодня ночью, и стало доподлинно ясно, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не станет ничьей марионеткой, а пройдет свой отмеренный судьбой и Богом путь так, как ему повелят его совесть и правда.

Скит благоухал хлебным духом. Николай Николаевич резко встал, но резкости почему-то не получилось, движения выходили какими-то неспешными, спокойными, размеренными. Тело приятно ныло, как после хорошей тренировки. Мерцания лампады и вчерашней догорающей свечи почти не было видно, луч только что взошедшего солнца желтоватым столбом, клубящимся утренней земной механикой, упирался в старинный образ Спаса. Большие и пытливые глаза как-то непривычно по-доброму и с любопытством рассматривали его, казалось, Христос молча спрашивал: «Неужели это тот, которого сегодня ночью ко мне приводили Валаамские святые и молили о заступничестве? Не больно ли хлипок, выдюжит ли?»

И Пужину не оставалось ничего иного, как выдюжить.

25

Амроцкого била мелкая дрожь. Всё не ладилось и валилось у него из рук. Голова была забита обрывками, кусками недодуманных мыслей и вовсе какой-то несуразной мутью, периодически выныривающей из памяти. Он тупо сидел за столом

у себя дома и пытался в одиночку напиться, такого с ним не случалось уже лет двадцать. Однако, когда подобное действо совершается принципиально и целенаправленно, организм мобилизует все свои скрытые возможности, чтобы воспротивиться и не дать спасительному алкоголю затуманить жаждущие отдохновения мозги.

Михаил Львович злился, хлестал свои любимые виски и никак не мог достигнуть состояния блаженной нирваны, когда мир тих, гладок и тебе на него наплевать.

До сегодняшней ночи всё шло хорошо, всё укладывалось в его сложные схемы, хотя были, были мелкие звоночки грядущей опасности. Когда он на прошлой неделе решил поделиться своими сомнениями с Голом Владленовичем, тот внимательно его выслушал и согласился. Вместе они пошли к Эдуарду, но тот, как всегда, работал над книгой, а до Наталии они не достучались, так что расстались в тот день в полном раздрае. Позже дочь Царя позвонила и сказала, что коней на переправе не меняют, отец дал окончательное согласие, всё произойдёт после думских выборов, и вообще нечего психовать, кандидат вполне приличный, папа с ним играет в шашки на щелбаны.

Щелбаны эти вообще добили Амроцкого, он живо представил эту дурацкую картину и заледенел изнутри. Потом было некогда, он носился с партией, её съездами, высшими органами и финансированием. Ни Гол, ни Наташа дальше носа Царя ничего видеть не желали, а он, он один, думал о будущих президентских выборах, которые должны быть чистыми и убедительными, кого бы персонально ни пришлось избирать. Без партии это сделать красиво и театрально было невозможно. Но вот беда, политика и Царь так всем надоели, что никто из стоящих людей в партийную верхушку идти не хотел. Пришлось довольствоваться тем, что под руку подвернулось. Да и чёрт их бери! Всё равно это предметы одноразового использования. Пройдут главные выборы, и можно будет разгонять этих дармоедов, а сегодня надо обязательно использовать живую энергию масс, новый Царь должен быть всенародным, по-другому нельзя! И так сложности с преемничеством могут возникнуть, особенно в международном плане.

И вот на тебе, как раз накануне подписания указа о назначении Пужина премьер-министром среди ночи и раздался этот звонок. Спросонья он никак не мог сообразить, кто с ним гово-

рит, а когда дошло, то сон как рукой сняло. Далёкий автоответчик повторял одну и ту же фразу: «Кандидат требует доработки, примите меры к его блокировке».

Вот мудаки, им понадобилось почти три месяца, чтобы вынести такой вердикт! А поздно! Поздно уже! Но оправдаться, сказать что-то в ответ этой талдычащей, как попугай, машине было невозможно. Михаил Львович испугался, он представил, во что может вылиться для него неисполнение воли клуба, даже звук злосчастного гонга проплыл похоронным маршем в его ушах. Надо было что-то придумывать, а думать не получалось.

Во второй половине дня по линии того же клуба принесли небольшой свёрток, в нём находился маленький CD-диск. Он его прослушал, наверное, раз двадцать.

« — Это хорошо, что ты пришёл за советом к старшим товарищам. Садись, выпить не предлагаю, знаю, что водку ты не пьёшь, а твоего любимого баварского пива у меня нет. Старым стал, пиво врачи не рекомендуют. Мне Гаврила Петрович постариковски всё рассказал. Понимаю тебя, твои сомнения, даже страх. Я бы, наверное, и сам боялся. Но идти, Коля, надо! Так дело поворачивается, что другого такого момента ни у тебя, ни у нас, ни у страны нашей не будет. Был бы я, как ты, верующий, сказал бы, что это промысел Божий, а так, по-атеистически, думаю, что это проявление исторической справедливости. Может, ещё и не всё потеряно, может, ещё хоть что-то и удастся возродить? Ты-то сам как думаешь?

— Да тяжело мне на эту тему думается. Как представлю себя в этой роли, смех разбирает, ну какой я, к чёрту, президент? Сами посмотрите!

— Вот это и есть главное, в этом-то вся суть и зарыта. Если не представляешь — значит, сможешь выполнить возлагаемое на тебя дело, значит, совесть в тебе ещё не умерла. А чтобы легче было, представь, что это задание, а, по сути, оно так и есть, потому что идёшь ты во вражеский лагерь не на год, не на два, а может, на всю жизнь. Так что стисни зубы и иди. Других на такое не пошлёшь, некого, ты один. Вспоминай, чему тебя учили, да с твоим послужным списком ты и сам теперь кого хочешь научить сможешь. Напоследок я тебе один совет дам: подбирай людей себе сам, на наших не особенно надейся, не все они хороши для таких чистых дел. Вот, пожалуй, и всё! Давай, иди, не следует, чтобы тебя хватились, да и, не дай бог, у меня засекли.

В воскресенье у Гаврилы на даче встретимся. Ты уж помаскируйся маленько, к старикам отправляясь».

Это был один кусок какого-то разговора, были и ещё два отрывка. Где и кто это писал, ему не сказали, а самому спрашивать в клубе принято не было. Вторая часть, если это можно было так назвать, была для Амроцкого не столь интересной и содержательной, в ней Ник. Ник. кому-то рассказывал про условия, которые ему необходимо выполнить по восшествии на престол. Да и что тут было интересного, если он сам редактировал и не раз, все варианты этих условий. А вот третий кусок был самым тревожным и интересным. Он был как бы специально вырван из большого разговора, наверное, кто-то решил, что Михаилу Львовичу можно открыть только эту весьма незначительную его часть.

Амроцкий сделал большой глоток виски и, воткнув в уши крохотные наушники, снова включил плеер. Он уже давно разделил эти три обрывка и перенёс их на разные диски. Зашуршала плёнка, и послышался искажённый посторонними звуками голос Пужина:

«— … мне бы так было легче. Но на меня давят.

— Главное, ты дал согласие, вот что главное. Бояться уже нечего, так что соглашайся на всё, какие бы тебе условия не ставили, здесь для чистоплюйства не время.

— Но как быть с советами наших стариков, отмахнуться от их заступничества тоже нельзя, а они как раз за чистоплюйство, да и без их поддержки мне в тех стенах будет ох как неуютно.

— Брось ты, они давно совсем из ума выжили, думаешь, я не догадываюсь, что они тебе там поют на своей даче? Небось, про долг, про задание. Старики всюду одинаковы, что у вас, что у нас. Главное, ты помни — мы всегда рядом, и в беде тебя никогда не оставим.

— Тебе хорошо рассуждать, а ведь мне придётся выполнять их условия. Там один Амроцкий чего стоит, он так и видит себя регентом при мне!

— Я тебя не узнаю! Тебе-то что до их условий! Мы их, кстати, внимательно изучили, ничего в них особенного нет, так, просят об отдельных услугах и сохранение своих людей на хлебных местах. Я бы на твоём месте вообще этого в голову не брал. Это

не условия, так, детский лепет! Амроцкий твой — обычный позёр и выскочка, будет надоедать, у тебя всегда найдётся, чем его приструнить. Хоть сегодня можно из игры выключить. Мне бы с тобой о другом поговорить хотелось…»

На этом запись обрывалась. Судя по всему, разговор происходил в каком-то людном месте, скорее всего, в баре или в одном из поточных кафе.

Именно эта запись почему-то тревожила, да какой там тревожила, бесила Михаила Львовича! Что-то в ней было не то! Была какая-то тайна, несущая опасность. Он глянул на часы, было где-то около двух ночи, допил стакан, сунул плеер с только что прослушанной записью в карман и спустился к машине.

— На дачу Пужина, — отдал он распоряжение водителю и забылся спокойным сном человека, принявшего правильное решение.

26

Известие о назначении Пужина председателем правительства сообщили Плавскому во врёмя заседания генеральского клуба. Все официальные вопросы были уже решены, и почтенная публика расслаблялась за богато сервированным парадным столом. Неизменным организатором губернаторских застолий и балов с недавнего времени был его новый заместитель по молодёжным делам Николай Вертер, человек оборотистый, весьма оригинальный и преданный своему шефу и его семье ещё с молдавских времён. Он, кстати, и поспешил обрадовать начальника, как ему казалось, приятной новостью.

За последние месяцы Есейский губернатор раза четыре встречался со стремительно делающим карьеру Пужиным и публично рассказывал всем «по секрету», какие прекрасные у них складываются отношения и как Николай Николаевич, чуть ли не под запись, прислушивается к его советам, особенно во всём, что касается работы Совета национальной стабильности, который он, Плавский, когда-то непродолжительное время возглавлял.

— Что?! — взревел губернатор, вскочив со своего места и чуть было не опрокинув склонившегося к нему Вертера. — Ког-

да, кто сказал?! — Он рванул на себе ворот накрахмаленной белой рубахи, стянутый неширокой лентой какого-то ордена, отчего крест с мечами брызнул рубиновым сгустком и зазвенел по блестящему лаком полу. — Кто дал право?

— Иван Павлович, — пребывая в полном недоумении и поднимая с пола награду, растерянно произнёс вождь Есейской молодёжи, — по всем телевизорам передают…

— Включить телевизор, — сникшим голосом распорядился генерал, тупо глянул на протянутый ему крест и сунул его в карман.

«Не к добру это срывание с себя крестов», — подумал Скураш и обратился к сидящему напротив краевому прокурору: — Что это он взбеленился?

— А кто его знает? — пожал плечами прокурор. — Вертер чего-то шепнул, он и взорвался. Скорее всего, в Москве что-то не так вышло. Сейчас телевизор всё расскажет.

А телевизор вещал про то, что сегодня Царь отправил в отставку очередного Премьера, по его собственной, естественно, просьбе, и предложил Государственной Думе новую кандидатуру главы правительства — Пужина Николая Николаевича. Почти все сидевшие за столом откровенно недоумевали от столь бурной реакции генерала на эту, казалось бы, такую далёкую от их края новость.

— Товарищ генерал-губернатор, — нарушил общее замешательство уже прилично захмелевший старшина генеральского клуба Алексей Матвеевич Невеликов, добрейший отставник, ведающий в администрации мобилизационными вопросами, — а давайте поднимем этот бокал за нового премьер-министра, простого русского подполковника!

Все ожидали реакции губернатора. Плавский взял себя в руки и, дождавшись пока ему нальют водки, ледяным голосом произнёс:

— В принципе, у нас нет никаких возражений. За подполковника, так за подполковника, может, со временем, и до ефрейтора докатимся, а чем мы хуже Германии? Прошу вас, господа! — и прежде, чем опрокинуть водку в рот, едва слышно произнёс: — Пусть, сука, чужим подавится!

Малюта, сидевший почти напротив, в отличие от своих соседей, не удивился этакому завершению тоста. Ещё как-то давно Стариков, потом несколько раз всезнающие москвичи, а совсем недавно и Беркус рассказывали, что Амроцкий клятвенно гарантировал Плавскому кресло премьера, а следом и место

преемника. Даже, якобы, у генерала состоялись какие-то встречи с Царём, его семьёй и близким окружением. Малюта, свято чтивший незыблемость конституции, ни в каких преемников не поверил, а информацию эту так, на всякий случай, в уме держал, мало ли что, дыма, как говорится, без огня не бывает. «Чёрт те что, наверное, Гоблина кто-то переиграл, а, может, он сам решил сменить фигуры в только ему ведомой партии», — подумал Скураш и решил, поддавшись общему куражу, сегодня хоть раз просто нажраться и ни о чём не думать. «Может, бедной России ещё и повезло, что не лихой вояка будет дальше ею управлять? Да какое тебе дело, ты вон пей, да лучше о себе думай! Трое детей, а у тебя в кармане блоха на аркане. Говорят, сосед твой по даче вчера вечером коробку из-под телевизора, полненькую долларов, домой приволок. Жена его не утерпела, сегодня утром Катьке проболталась. А ты всё за перспективу несуществующую на чужого дядю спину гнёшь!» — и он с досадой опрокинул рюмку себе в рот.

Тем временем, Плавский с рюмок перешёл на винные фужеры и заставил всех последовать его примеру. Водку генерал глотал, как простую воду, при этом не пьянел, а только раскручивал безудержное веселье.

— Итак, господа генералы и примкнувшие к ним, на повестке генеральского клуба возник один весьма щекотливый вопрос, — с бокалом в руке потребовал тишины губернатор, — а где, кстати, старшина клуба, и почему не ведётся протокол, а?

Бросились искать старшину, кто-то доложил, что тот в мужской комнате и бедняге плохо.

— Итак, господа! Обойдёмся без протокола, коль старшина наш блюёт, — продолжил Плавский. — По просьбе многих товарищей ставлю на голосование один вопрос: этично ли будет пригласить на наше высокое собрание женщин с пониженной социальной ответственностью?

— Этично! — оживилась публика.

— Голосуем бокалами, господа! Тост контрольный, кто не выпил — тот Филипп Киркоров.

Вечер набирал обороты, уже скинувший пиджак Вертер, сам уселся за барабаны, кто-то из членов клуба взялся за гитары, Зараев сел за клавиши, и губернатор, обхватив огромной лапищей микрофон, запел свою любимую и рвущую душу песню о белых птицах.

После аплодисментов, поздравлений и клятв во взаимной верности все опять сгрудились у стола.

— Друзья, — проникновенно начал Плавский, — запомните сегодняшний день, отсель мы начинаем жить своей, не зависимой ни от кого жизнью. У нас есть всё и, что самое главное, — любовь и доверие нашего народа. Мы без Москвы обойдёмся, а вот обойдётся ли она без нас, посмотрим! Хватит уже таскаться за кремлёвскую стену, как козлы за морковкой, и выклянчивать у них наши же деньги. Больше такому не бывать! Слышите, Скураш, это и для вас говорится, так, что не стесняясь, доложите своему начальству всё, что я говорю…

Малюта попытался что-то возразить.

— Не надо, — перебил его абсолютно трезвым голосом генерал, — не надо наматывать сопли на кулак! Докладывайте своему покровителю! Вишь, как его несёт вверх! Он же вас в своё время мне порекомендовал наместником в край, наши добрые с вами отношения от этого не пострадают. Так и говорите, отвязался Плавский, и не дай бог они меня там не поймут, у меня хватит и сил и воли напомнить им про Колчака, — и выпив, добавил: — Всё, бал закончен, все по домам! Завтра наступит новая эра, всем рекомендуется хорошенько выспаться и не опаздывать на службу.

На следующий день ничего из ряда вон выходящего не произошло. Экспедиционный корпус никто формировать не бросился, в новые Семёновцы, Шкуро и бароны Унгерды записываться не спешили. Была правда, одна новость — губернатор заболел.

Москва, как всегда, проснулась в час дня по-местному времени. Малюта уже успел добраться до своего кабинета. Голова была слегка тяжёлой, но работе российского чиновника такое состояние головы никогда помехой не являлось. Наместника подмывало позвонить Речину и поздравить их с Пужиным с очередным повышением. То, что Игнатий Иванович и сейчас останется при шефе, он нисколько не сомневался. С одной стороны, он и радовался за них, в кои-то веки, какие-никакие, а всё же знакомые, могут стать руководителями страны, а с другой — внутри шкребли поганые кошки, рушился целый мир созданных за два года иллюзий, исчезала, распадалась, как тлен, наивная мечта. Они долго говорили вчера про это с Зурабом. Примитивно и смешно устроена жизнь человека, нет для него ничего постоянного ни

в радости, ни в горе. Только что, кажется, радовался он переполняющей его любви, а глядь, уже ненасытные глаза блуждают по чужому телу. Нескончаемой и кричащей бывает боль утраты матери или ребёнка, а проходят короткие дни, и из уст, недавно источавших рыдание, вырывается весёлый смех, и бежит человек дальше, чтобы жить, приспосабливаться, где-то не договаривать, кому-то приветливо улыбаться, мимо кого-то проходить, не заметив. Из нехороших маленьких поступков складывается очень даже и неплохая жизнь.

Малюта всё же в Москву позвонил. Трубку поднял сам Речин, выслушал поздравления, поблагодарил.

— Ты чего не докладываешь о вчерашних излияниях твоего губернатора? Мы тебя зачем туда направили, слюни за ним подтирать? Всё, Малюта, служба у двух господ кончилась, давай определяйся! Передай этому новоявленному Колчаку, что премьер ждёт его в эту пятницу к шестнадцати у себя в Белом доме. Что молчишь?

— Слушаю начальника, да и говорить особенно нечего. Значит, ваши этот пьяный бред вам уже передали. А я-то думаю, с чего бы это вчера внучатый племянник железного Феликса меня всё выспрашивал про то, собираюсь ли я ночью в столицу звонить?

— Ну вот и учись у племянников оперативности. Ладно, ты носа не вешай, это я так, для острастки, чтобы не забывал, с кем разговариваешь, с самим руководителем канцелярии премьер-министра. Хотя и к пьяному бреду иногда надо прислушиваться, так что ухо держи торчком, времена настают сложные. Всё, пока! Ах, да, чуть было не забыл, ты по есейскому краю отвечаешь за выборы и, скорее всего, будешь назначен начальником избирательного штаба. Теперь всё.

— Барсучьих, что ли выборов?

— Каких, на хрен, барсучьих, наших выборов! — выпалил Игнатий и бросил трубку.

Скураш дал отбой и решил, что рабочий день для него на сегодня закончился, как-никак долг он свой выполнил: начальство поздравил, ценные указания огрёб, даже некую перспективу высветил, так что пора, как говорится, и честь знать. Да и Зураб, оставшийся дома, уже звонил пару раз и взял с него клятвенное обещание, что он бросит всё и приедет выручать друга, потому, что, следуя кавказским обычаям, горец в одиночку пить не мо-

жет. Уже прощаясь со своими явно обрадованными ранним уходом начальства подчинёнными, он вспомнил о поручении доставить губернатора на встречу в Белый дом. По дороге он заглянул в первую приёмную, где ему невнятно объяснили, что понятия не имеют, где и чем болеет генерал. Лживым голосочком то же самое повторила и Гаржинова, всезнающий Ляскаль нёс какую-то чушь про усиление режима секретности, губернаторская охрана молчала, одним словом, куда не кинь, везде клин. Малюта не на шутку встревожился, до пятницы, как не крути, осталось неполных трое суток! Да каких трое, сегодняшний день уже не в счёт, только завтра, а послезавтра уже и пятница, надо лететь! Он лихорадочно терзал свой мобильник, пока не позвонил Беркус:

— Ты где? Я бы на твоём месте поспешил, иначе мы с Иваном Павловичем доуговорим вчерашний двадцатипятилитровик без твоей помощи.

— Ты шутишь? Мне всё говорят, что губернатор болен и чуть ли не при смерти, я уже в Москву собрался докладывать…

— Был при смерти, как и я, но сейчас мы реанимированы и проходим курс интенсивной терапии! Хватит трепаться, приезжай скорее…

Ещё на крыльце дома Скураш вкратце рассказал Зурабу о московском поручении и попросил помощи. Договорились действовать сообща. Часа полтора пили, травили анекдоты, поражались коварству и наглости Амроцкого, который, оказывается, сегодня уже раза три звонил и порывался условиться о встрече.

— А я ему прямо в лоб и сказал: от винта, палестинская птица! Гадкий он человек, такие, как он, и погубят Россию! Как ты, Зураб, говоришь его в Московских тусовках называют?

— Гоблином, — ответил генералу хозяин застолья, выкатывая новую, оплетенную ивовым прутом, двадцатипятилитровую бутыль. — Это хорошее аджарское вино, у нас его называют свадебным. Оно лёгкое, выпить можно много, говорить и петь долго, мозги не туманит, но уйти от гостеприимного стола никому не даст.

— Гоблин, говоришь? Какое гнусное и зловещее слово! — рассматривая свой бокал, растягивая слова, произнёс Плавский. — Попомните меня, он просто так от нашей земли не отстанет. Сколько же нечисти ты ещё родишь на свою погибель, моя земля? А может, земля и не рождает ничего подобного, может, мы сами как-то постепенно и незаметно для самих себя пре-

вращаемся в гоблинов, и уже недалеко то время, когда на земле будут жить одни гоблины? Одно радует — мы до этого не доживём! А пока только их тени витают над нами…

— Иван Павлович, — решился Малюта, чувствуя, что дальше серьёзный разговор заводить будет уже поздно, — мне звонили из канцелярии правительства и просили передать просьбу Пужина, чтобы вы приехали в пятницу к нему на встречу.

— Нетушки, обломится, чтобы я к этому метру с кепкой на коньках первым на поклон пошёл! Не дождутся! Пусть и не мечтают. Ты им, Малюта, передай: нужен Плавский, пусть сами в Сибирь летят, а в Москву я больше не ездок!

Сломался губернатор только на следующий день к обеду. Вино действительно оказалось славным, и только его чудодейственным свойствам Малюта и Зураб приписали положительный результат.

27

В назначенное время губернатор Есейского края переступил порог главного кабинета на Краснопресненской набережной.

Летящее в бездну время замедлило своё падение и насторожилось в предчувствии перемен, а огромная страна с поразительным безразличием смотрела на всё происходящее нетрезвыми, злыми и голодными глазами.

ХОЛОП АВГУСТЕЙШЕГО ДЕМОКРАТА

1

Где-то далеко за селом надрывно и протяжно выла собака, как будто чья-то грешная душа просилась на небо.

— Вот чёртово отродье, как зачует полнолуние, тут и начинает свой бесовский концерт. Так что теперь ночи три будет голосить, пока эта бледная поганка на ущерб не покатится. — Прохор небрежно махнул рукой на разгорающийся матовый шар июльской луны, налитый какой-то нездешней, молодой и дурашливой силой. — И главное-то что? Как этот мячик в прибытке или убытке — собака молчит. Да и не должно там быть собаки, ну никак не должно! С того рога посёлка все уже давно, почитай, посъезжали. Дома — кто на вывоз, кто на дрова — попродавали. Две-три избёнки, правда, без окон и дверей стоят, крыши пообвалились, позарастало всё. Далей, туда к лесу, старый скотник, остатки ещё послевоенной фермы. Где там собаке взяться, ума не приложу. Местные мужики уже и так и сяк изловчались, чтобы её, поганую, отловить да прибить! Это ж, почитай, третий год округе жития в полнолуние не даёт. Уже и цепью ходили, и хитростями разными, и засады устраивали — всё без толку. Только они к халупам этим подберутся, вой-то и зачахнет. По росной-то траве в пояс поди-ка побегай! Так что натягаются, вымокнут, а то ещё и портки об какую-нибудь загогулину подерут, идут по домам, матерятся. Тишина. Только этот мат-то и слыхать, а дойдут до села — опять выть начинает. Да и, кажись, всё в том же месте, откуда только что охотники-то отошли. Ну тут мат громче прежнего, а они в обратную с трикольем да вилами. Вой этот, значит, у домишек-то порушенных стихнет и, слышь ты, к лесу, к ферме перекатится. Вот так-то, мил человек. И что, не чертовщина, вы скажете?

— Да откуда ж мне знать, я жилец у вас новый, и вой этот, кстати, весьма приятный вой, надо сказать, только сегодня и услышал. Не обрати ты на него внимания, я бы эти лунные страдания и вообще мимо ушей пропустил. Давайте-ка, любезный Прохор Филипович, собирать на стол, да и закусим помалу, не глядя на поздний час да увещевания докторов. У меня у самого в желудке такой вой и урчание, что, того и гляди, все окрестные псы, или кто они там, посбегаются.

— А у меня всё, почитай, давно готово, барин. Вы пока умыться изволите, я мигом и сообразую.

— Спасибо, голубчик. — Енох Минович не без труда извлёк своё ещё не старое, но уже заметно тучнеющее тело из плетёного кресла, отчего оно как-то ропотно заскрипело и даже слегка хрустнуло. — «Раздавлю я его когда-нибудь!» — подумал, вздыхая, Енох и, тяжеловато ступая по некогда крашенному полу просторной веранды, ушёл в дом.

— Да не раздавишь, — как бы угадывая мысли нового своего постояльца, проворчал себе под нос Прохор, — не ты, чай, первый на нём сидишь, и не тебе, барин, последствовать. Ему, стулу-то этому, уже годов, почитай, тридцать. Эт я при службе уже двадцатый год, а она, эта плетёнка, при дядюшке, царство ему небесное, помнится, уже стояла… — И, отдаваясь целиком хлопотливому делу сервировки стола, Прохор засновал туда-сюда, как водомер, на своих длинных, сухих и слегка кривоватых ногах.

Всякий, занимающийся неспешной механической работой, знает, что при полной занятости рук голова остаётся абсолютно свободной и открытой для высокого полёта разнообразных мыслей. Прохор любил творящийся в нём мыслительный процесс, в который без особой нужды старался и не вмешиваться. Работа делалась своим знакомым чередом, а мысли и всевозможные воображения как бы особняком жили в нём, ей не мешая. Там, в своём внутреннем мире, он был совсем другим Прохором, там он жил своей старой жизнью, которую ещё помнил и которую любил.

Казалось бы, что того и прошло с 1991 года, а ты гляди, как всё поменялось! Хоть и был он в том далеке семилетним мальчуганом, а ныне уже, почитай, старец, шутка ли — скоро семьдесят девять, но память хранит в себе всё, словно вчера это было. И Юмцина, которого нынче и вспоминать-то перестали, и сменившего его Отина. Того более помнят как Преемника Первого Великого. Сейчас уже трудно вспомнить, его на переломе века в Преемники избрали или он уже тогда самого себя назначил?

Три не то четыре срока царствовал, это, кажись, при нём институт преемничества стал конституционным, а Российская Федерация, после войны с объединённой армией хохлобульбов, которой успешно руководил евроясновельможный князь Арно Второй была преобразована в Великую Демократическую Империю. Правда, границы имперские съёжились, как шагреневая кожа. С запада межа проходила километрах в сорока от Одинцова, с юга — недалеко от Орла, на севере, выгибаясь дугой по Волге, ползла через Ильмень и Пермь за Большой камень. После чего надувалась в огромный пузырь, охватывающий почти всю западную и центральную Сибирь, так что восточное пограничье сложно змеилось западнее бывшего Красноярска, переименованного китайцами в Дзин-дза-мин. Столько всего с тех пор поменялось, господи святы! Только вот титул главного управителя, Президент-Император, остался неизменным, и имя его во все времена звучало одинаково — Преемник. Цифры, конечно, менялись, сегодня, к примеру, властвовал Преемник Шестой Мудрый. Так что кто их там, наверху, разберёт, они всё, что ни сделают, всё по конституции и по закону. Правда, кто их, эти законы, сегодня прочитать сумеет? Они, конечно, имеются в наличии во всех магазинах, питейных заведениях и пунктах питания, даже специальные полки оборудованы, где и лежат эти толстые книжки, но напечатаны они на новом государственном языке, а простой люд, как всегда, за властью-то угнаться не поспевает.

Говорят, у русского дворянства в девятнадцатом веке было весьма модно разговаривать по-французски, везло же людям! Ах, шарман, шарман! Чего тут сложного? А ныне без компьютерного русификатора ничего не разберёшь. Зато прогресс! Новым государственным языком межэтнического общения граждан Империи должен в ближайшие пять лет стать блистательный гибрид, вобравший в себя лучшие лексемы китайского, азербайджанского и разговорного американского. Русским, по замыслам его создателей, Развинталя, Мамедова и Юнь Симта, должно было остаться только произношение, ненормативная лексика и жесты. Язык придумали, законы на нём напечатали, делопроизводство запустили, а народ всё тащится, не поспевает! Но Президент-Император, на то и вождь нации, у него всё продумано, и чтобы граждане Сибруссии шустрее свою новую родную речь учили, был принят державный меморандум о том, что все бумаги, подаваемые в официальные учреждения, должны быть написаны на новом языке. А здесь крути не крути, учить придётся. Толма-

чи, конечно же, сразу объявились, за умеренную плату готовы любую бумагу выправить. Они, толмачи эти, всегда при власти держатся, во все времена и при всех державах, а что им делать, беднягам, остаётся, когда у них отродясь движущей силы — трудового крепостного крестьянства — не было. Так исторически сложилось, у всех народов есть, или, по крайней мере, была движущая сила, а у того народа-бедолаги её начисто не было. Вот и пришлось болезным на разных отхожих промыслах ещё издревле по свету горбатиться. Горбатились-горбатились да так всюду и поприживались. Надо им отдать должное, мужественный и мудрый оказался народ — за семь тысяч лет человеческой истории ни разу языка своего и веры не поменял. Сегодня такая стабильность и приверженность старым традициям, правда, не сильно и приветствуется. Новые философские теории чему нас, ущербных, учат? Да тому, что всякий консерватизм и розовые сопли по национальным корням и всякому там почвенничеству происходят исключительно от внутренней косности и недалёкости ума индивидуума, а также недостатка в обществе подлинных свобод и настоящих общечеловеческих ценностей. Когда-то и мы жили в такой вот полной стагнации, но всё-таки нашли в себе силы и вслед за просвещённой Европой отказались от проклятого прошлого. А то, что толмачи замкнулись в своей ущербности, так это не беда, их мало. Подумаешь, что могут значить какие-то два-три процента от общих шестидесяти трёх миллионов населения великой Империи.

— Ты смотри, Прохор, всё ещё воет!

— Так я же вам говорил, барин, теперь дня на три. Садитесь к столу, ваше высокопревосходительство. А то вкусности остынут.

Енох Минович ещё не был высокопревосходительством. Именно за этим «высо́ко-» он сюда, в эту богом забытую глушь, и притащился. А что прикажете делать, так всю жизнь в дойных миллионерах и проходить? Нет уж, дудки! Это раньше можно было на сэкономленные от народа деньги скупить пол чужой столицы под видом приобретения спортивного клуба. Ныне времена другие, деньги мало присвоить, (глупое слово «заработать» к большим деньгам никакого касательства никогда не имело), их, деньги эти, надо ещё и отслужить. Не отслужишь — враз всего лишишься. В лучшем случае успеешь смыться в берёзовое имение Герцена, так в последнее время стали называть Лондон, город, который когда-то давно, кажется, был столицей

какой-то Англии, а сегодня прозябает заштатным городишкой мощной Объевры.

Не углубляясь в душевные дебри, Енох кряду опрокинул в рот три пятидесятиграммовика охлаждённой анисовой водки, одобрительно крякнул и принялся за нехитрый деревенский ужин. Подходила к концу третья неделя его пребывания в Чулымском уезде, который должен был на полтора года стать для новоиспечённого государственного мужа новым домом, а может быть, и будущей вотчиной. «А что, вполне прилично звучит: граф Енох Чулымский, — прислушиваясь к так и не прекращающемуся вою, подумал про себя чиновник, с аппетитом хрустя гурьевской капусткой. — Хороша капуста, да и пельмешки отменные!

— Послушай, Прохор, а пельмени эти кто лепит?

— Да сам и леплю, летом некогда. Ну а в зиму-то уж, вестимо, всем миром варганим. Как морозы возьмутся, так бабы да девчата садятся мясо крошить, тесто месить, а лепить им и мужики помогают, особливо молодые парни. Те лепят, да на молодух глазят, каку, значит, она пельмень выкручивает. По приметам стародавним, чем та пельмень мене, тем у девки эта самая «родилка» щитнее. А девки тоже про то знают, вот и куражатся: то с медвежье ухо пельмешку изваяют, то с соловьиный глаз. Весёлое занятие, барин. Ваш-то предшественник и сам, бывало, любил попельменничать да похохотать с молодухами, прости его господи!

— Ты мне вот что, Прохор, кальян расчади, таз с горячей водой неси и садись подле, расскажи, что всё-таки с этим бедолагой приключилось? А то там, в Москве, какого-то туману понапустили. Глупости, одним словом.

Пока Прохор молча выполнял его поручения, Енох Минович поудобнее устроился всё в том же плетёном кресле, несколько раз погарцевав на нём мясистыми ягодицами, снял высокие носки, связанные из грубой деревенской пряжи, которые Прохор всучил ему в первый же вечер вместо привычных тапочек, опустил ноги на прохладные доски, расстегнул подбитый алым китайским шёлком и расшитый хакасскими узорами полухалат, с хрустом потянулся и вдохнул полной грудью тягучий, настоенный на разнотравье и хвое дурманящий воздух тёплой июльской ночи.

Ещё в Москве, готовясь к поездке в провинцию, он приналёг на прослушивание дисков с произведениями некогда известных, а ныне забытых и для широкой публики малознакомых авторов, которые описывали жизнь и быт русских помещиков в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Книги сегодня мало кто читал, да

чтение особо и не поощрялось правительством, всё необходимое было записано на маленькие CD-диски, твоё дело было только вставить нужный в миниплейер и нажать на кнопку. Многие школьники, получив среднее образование, так толком читать и не умели, да что школьники, когда и дипломированные специалисты, закончившие престижные вузы, едва могли прочитать надписи на рекламных плакатах. Ну так вот из этих прослушиваний Енох знал, что русский барин некогда должен был пить анисовую водку, курить кальян, перед сном парить ноги в серебряном тазу, лакея временами именовать «братец», по субботам ходить в баньку, непременно с крепостной девкой, а ещё иметь свой выезд и псарню. Получив имение (а он на это очень рассчитывал), по старой моде следовало разбить сад, а также в обязательном порядке состоять в какой-нибудь масонской ложе и мечтать об освобождении только что купленных крестьян. Всё это Еноху очень нравилось, и он замечтался с приятностью, удобно устроившись в кресле и вытянув вперёд свои ноги.

Прохор принёс большой, тяжёлый серебряный таз, больше походящий на крестильную купель, чем на тривиальную шайку, такой же большой медный кувшин с по-восточному изогнутым носиком, вылил в таз горячую воду, попробовал её локтем, дабы убедиться, что барин не ошпарится, и пододвинул это рукотворное озерцо к креслу.

— Вы, Енох Минович, неспешно ноги-то опускайте, пущай сперва стерпятся, попривыкнут, а уж потом жарком напитаются. Это вы правильно с ногами-то завели, это по-нашенскому, говорят, такое и в старину было — и при барах, и при комиссарах, и при разноволновых демократах. Нет, что ни говори, хорошо, что всё на круги своя возвращается. — И как бы спохватившись, всплеснул руками: — А про кальян-то я совсем забыл, голова садовая! Сейчас, батюшка барин, принесу.

Конечно, Еноху было приятно слушать кудахтающие причитания пожилого лакея, с первых дней принявшего барина как малое дитя и окружившего его неподдельной заботой и вниманием. Такая полная самоотдача и невесть откуда воскресшая тяга служить хозяину всегда вызывают неподдельное умиление и гордость за свой народ, в недрах которого, что бы с ним кто ни творил, исконно живёт стремление угождать и подчиняться. Конечно, таких ярких примеров, как Прохор, ещё маловато. А что вы хотели, немногим больше полвека минуло после освобождения России от

Советского Союза. Откуда им взяться, новым-то людям, когда старые ещё не перемёрли. Енох помнит, сколько было криков и шума, когда опубликовали указ о разделении нации на сословия. Все бросились в господа! Броситься-то бросились, а что толку? Господином, оказывается, мало назваться, им надо стать, а как стать, когда ни кола ни двора? Пришёл в мэрию, заявил свою претензию, да хоть родословную принёс с дворянскими и княжескими гербами, извини, брат, подвинься — эпоха не та, и господа нынче другие требуются. Главное в господстве — имущественный ценз и заслуги перед августейшими. Есть недвижимость или капитал? Хорошо! Это и есть начало дороги к дворянскому достоинству. А так, кстати, во все времена и было.

Предки Еноха своё состояние сколотили на приватизации «Норильского никеля». Старая и тёмная история. Да сегодня любому мало-мальски сообразительному мальчишке известно, что за каждым крупным состоянием всегда стоит ну уж если не серьёзное преступление, то уж, по крайней мере, разной степени тяжести противоправное действие. Не минула чаша сия и их семейства. Преступление было, это он знал точно, но какое, так у деда выведать и не смог. Помнится, в детстве ему хотелось, чтобы их семейное злодейство было не хуже, чем у других: с кровью, смертоубийствами, погонями и прочими страстями. Позже, уже учась за границей, он слышал, что во время приватизации гордости сталинской индустрии за Полярным кругом многие люди без куска хлеба остались, забомжевали, поспивались, а два северных аборигенных народа, шмуросане и короткане, про которых и новые собственники, и власти просто позабыли, вымерли с голоду все до единого. Но эти мрачные новости Енох на счёт своей родни записывать не спешил. Какая романтика в подобной забывчивости? Да и к фамильному гербу ничего с этого мора не прибавишь. А герб у его рода, надо сказать прямо, был не из крутых. Так, средней руки дворянский гербишка, с какой-то кирпичной не то заводской трубой, не то тощей крепостной башней, бледно-розовым плюмажем и тремя маленькими рыбками, похожими на хамсу. Что к чему? Обидно, чего уж изворачиваться? Род-то именитый и богатейший. Дед вон сдуру половину Боливии скупил! Кому та Боливия сегодня сдалась? Хорошо, что в былые времена на предвыборные дела Юнцина, а потом и, почитай, всем преемникам немереные деньги отваливали. Не безвозмездно, естественно. Те, конечно, после восшествия во власть имуществом из державной казны и землями потихоньку

рассчитывались, так что, когда грянуло крепостное право, и землицы, и крестьян у Енохова рода было с избытком. Всего полно, а статуса ноль, как у бедных евреев в черте осёдлости, хорошо хоть отец умудрился у Третьего Преемника не акции за помощь в финансировании избирательно-передаточной компании попросить, а какую-нибудь госнаградку. Обрадованный Преемник окатил предка большой госмедалью «За жертвенность в быту» второй степени, а причитающиеся бате акции, как потом сплетничали при Дворе, передал своей любовнице, двоюродной Еноховой тётке, так что всё равно фамилия в прикупе осталась. Дедова поговорка, позже ставшая родовым девизом «Нам награды не нужны, за деньги работаем!» чуть было не сыграла с семьёй злую шутку.

При Преемнике Четвёртом Освободителе было введено сословное деление общества, и всяк мог приписать себя к любому сословию, ежели, конечно, соответствовал довольно-таки жёстким требованиям. Вот уж где народ заметался! Енохов род тоже. По всем канонам их фамилия даже на именное дворянство не тянула. В купцы первой гильдии свободно проходили, в именитые мещане — пожалуйте, в почётные заводчики — нет вопросов, а вот в заповедный чертог Высшего Света — рылом не вышли! Обидно! Столько для страны, а особенно для преемников сделали! Кого только не подключали, всё без толку! Деньги берут, помощь обещают, а потом при встрече застенчиво глаза в сторону отводят. Ох уж эти бюрократы! Ну что поделаешь, видать, так выпало нашей родине — всё может измениться, кроме лживого и продажного чиновника. Уже, почитай, совсем потеряли надежду, можно было пойти другим и тоже прописанным в Указе путём — купить любое достоинство, включая титулы. Но это же форменный позор, да и разорение немалое, и опять-таки — всё это именное, без права наследования. Отец прикупил, а потом сыну ещё раз отцовское достоинство выкупай? На совете решили: никогда! Лучше уж, если совсем неймётся, уехать в ту же Хохлобульбию и за весьма умеренные зайгривцы купить потомственное шляхетство. А можно и ещё проще — отъехать в одну из Балтийских зон, терпящих демографические и другие бедствия, переспать счлюбой баронессой, благо их там на любом перекрестке пруд пруди, только рукой махни. Главное — в течение сакрального акта не говорить по-русски. Рассчитаться еврами и получить в магистрате гербовые бумаги о своём баронстве. Ничего этого отец делать не хотел, а престарелый дед грозил

проклятием всякому, кто посмеет из семейной сокровищницы хотя бы ломаный доллар взять на пустопорожние затеи. Тут-то про отцовскую медаль и вспомнили! И кто вспомнил? Он, Енох! Готовясь к какому-то экзамену, он внимательно прослушал Указ о правилах возведения в дворянское достоинство и ахнул! Вот растяпы! Отец со своей второй степенью высокой государственной награды имеет полное право на потомственное дворянство. Разобрался во всём и потом битый час объяснял отцу, что к чему. Слава богу, всё устроилось. Правда, выяснилось, что отцовские советники и адвокаты всё это прекрасно знали, но предпочитали до поры до времени молчать, вытягивая из отца и матери дополнительные гонорары.

Глубокие раздумья или упоительную дрёму барина нарушил слуга, вернувшийся с источающим аромат кальяном. «Вот смотри ж ты, прижился-таки в новой цивилизации этот булькающий благоуханием кувшин опиокурилен развратного Востока», — нехотя выбираясь из дремотного состояния, подумал Енох.

— Поберегитесь, господин наместник, я кипяточку подолью, а то, чай, водица и вовсе остыла.

Енох вытащил из купели ноги и в который раз подивился, до чего же мудр и велик наш народ. Полвека не прошло, а былые привычки и навыки к услужению уже восстанавливаются, и, что самое главное, самое, пожалуй, глубинное, — язык исконный, великий язык воскресает. Столичные штучки изобрели какую-то тарабарщину и назвали его новым государственным языком. Нет спора, народ его со временем одолеет, но говорить меж собой на нём никогда не будет, он к своему исконному вернётся и на том стоять будет. Конечно, народ народом, но и самому не мешало бы в словесном новоделе поупражняться, госчиновник в генеральском достоинстве как-никак. Хотя сибруссинский язык он знал неплохо, в своё время даже стихи на нём одной объеврочке писал. Но стихи это хорошо, а вот бумаготворчество и крючкотворство — это дело посложнее будет.

— О, чёрт, горячо! — вскрикнул Енох, мотая из стороны в сторону покрасневшими ступнями. — Может, уже хватит, Прохор?

— Так почему же и не хватить? Можно и вытирать ноги-то. Извольте полотенце. А водица, она не так уже и крута, — макая в таз локоть, промолвил, как бы оправдываясь, человек, — просто кожа ваша нежная малость остыла, пока я воду подливал, а вы быстро ноги в подогретость и окунули. Вот он конфуз и вышел.

— Хорошо, братец, ты не ворчи уж. Отставим, пожалуй, пока полотенце, видно, ты прав, привыкли ноги, вот уже и не горячо. Давай-ка сюда кальян.

Вообще-то Енох не курил. За всю свою жизнь, в каких бы передрягах ему ни доводилось бывать, он ни разу не закурил, чем несказанно гордился, а вот против моды света на кальян устоять не сумел. Да и как здесь устоишь, когда во всех салонах, во всех VIP-клубах, да, почитай, и во многих властных заведениях — везде кальян. Вон последний Преемник, тот не стесняясь, прямо перед телекамерами к кальяну подсаживается. Даже его назначение оком Преемника в эту дыру и то без кальяна не обошлось. Шестой визирь, ведавший при Верховной канцелярии кадровыми вопросами, был заядлый анашист и взяточник, а взятки брал дорогими кальянами, лучшее из которых передаривал первому лицу государства, за что на своём месте и сидел прочно вот уже который год. Питая отвращение к табачному дыму, Енох Минович запретные зелья не курил, а так, просто баловался всевозможными ароматами, набирая вкусный дым в рот и выпуская его через ноздри. Одним словом — дурачился. Позабавлявшись со струйками сизоватого дыма, он отложил мундштук в сторону и с приятным удивлением обнаружил на изящном резном журнальном столике со стеклянной столешницей большую кружку ароматного зелёного чая и две серебряные вазочки с конфетами и сдобным печеньем.

— А что, Прохор, мой предшественник тоже ноги перед сном парил и кальяном баловался? Ты, помнится, мне обещал о нём сегодня рассказать?

— Да полноть вам, барин, — убирая курильню и пододвигая столик с кушаньями, воскликнул слуга, — какой там парить! Да я, признаться, и не упомню, когда он их мыл-то вообще. Разве что раз в неделю в бане, да и бани-то не в каждую неделю мы ему топили. Диким он был, ваше высокопревосходительство. Иной раз среди ночи как вскочит, хвать за автомат и давай палить в окно, которое у нас на реку выходит. «Меня, — кричит, — просто так за здорово живёшь не возьмёшь!» — и гранатой туда. Я, барин, столько страху натерпелся. Да и не только я один, и мужики наши тоже. А оне не из робкого десятка. Многие на Кавказских войнах, как и этот бедолага, воевали. Хорошо хоть с ним ординарца какого-то путёвого прислали, так он патроны-то взаправдашние попрятал, а оружие просто шумихами снарядил, ну и из гранат сердцевину-то повытаскивал, так что без крови всё обходилось.

Ну а так-то службу справлял, конечно, справно. Весь удел его боялся. Ежели что, на расправу скор был. Он судов и конвоев не дожидался. Сам и осудит, сам и к высшей мере демократической справедливости приведёт. После только этот его ординарец позовёт меня или ещё кого помочь закопать преступника-то, а чаще за бутылку родне покойного отдаст, да и дело с концом. Оно, вестимо, законом заборонено, но что поделаешь — медвежий у нас угол. Сюда покасть эти самые законы придут, поседеть успеешь.

— Про его художества я наслышан. Варварство и свинство полное. Ты мне про его исчезновение поведай. Вот где туман-то, а гранаты да самосуды — это всё глупости.

— Ох, барин, боязно. Может, к ночи-то и не стоит? Уж больно мутная история тогда приключилась. Да опять-таки луна полная, и тварь эта неугомонная воет. Вы уж помилосердствуйте, Енох Минович, а?

Енох сперва хотел настоять на своём, но что-то неясное словно толкнуло его внутри, и он не стал настаивать, тем более, что время действительно было уже позднее, а завтра с утра полагалось тащиться с первым докладом в губернский город к начальству.

2

Машенька никак не могла заснуть. Огромная, почти неестественная луна бессовестно смотрела в её окно и мешала. Сначала она никак не давала ей сосредоточиться на интереснейшей книге, первый том которой она с упоением проглотила в городе и, обливаясь слезами, взялась за второй в самолёте, когда летела сюда, к тётке. Потом загнала за старую, всю в каких-то допотопных цветах раздвижную ширму, потому что стоило только Машеньке стянуть с себя лёгонькое платьице, как её тут же охватил неясный смутный трепет. Ей чудилось, что в комнате кто-то есть и внимательно её разглядывает. Нацепив на себя за ширмой то, что сегодня называют ночной рубашкой, Маша распахнула выходящее в сад большое двухстворчатое окно. Вместе с незнакомыми звуками и ароматами в комнату лёгким, почти неслышным дуновением впорхнула ночь.

Что мы, смертные, знаем об этой таинственной страннице, такой же переменчивой и капризной, как и всякое женское существо. О ночь, ночь! Какая великая неразгаданная тайна кроется в твоих тёмных покрывалах, почему во все времена человек,

преодолев страх, растворялся в тебе, ища любви, понимания и покоя. Может быть, мы — дети ночи? Мы вынырнули на какие-то мгновения из твоей непробудной мглы, порезвились в жёстких лучах дневного светила, поблистали своим умом, неуёмным темпераментом, побряцали дурью и вновь навсегда сгинули, растворились в твоём всепоглощающем мраке.

За окном лежала ночная земля. Спокойная и таинственная, какой ее когда-то и создал Бог сугубо для своих потребностей, не подозревая, что одно из его неудачных творений, человек, бросит все свои силы на уничтожение этой нерукотворной красоты. Большой барский дом, перестроенный из пустовавшего долгие годы двухэтажного правления совхоза, горделиво стоял на высоком, поросшем сосной и кедром холме. Ещё в старые времена часть хвойного леса выкорчевали и разбили вокруг кирпичных властных строений неплохой для здешних мест сад. К нашему времени сад, конечно, уже изрядно одряхлел, зарос кустарником и стал настоящим раем для несметного количества всевозможной порхающей, чирикающей и заливающейся на разные голоса живности. Местная помещица Полина Захаровна, крепкая, высушенная годами и работой женщина, в свои шестьдесят три выйти замуж так и не сподобилась. В глубокой юности, правда, был у неё кавалер из местных, была настоящая любовь, были неподдельные соловьиные ночи, заполненные до краёв счастьем, были бабьи слёзы и проводы на войну, а потом — казённая бумага, сухо сообщавшая, что такой-то там-то и тогда-то пропал без вести. Потом была чернота и злоба людская, убившая так и не родившегося её ребёнка. Как отлежалась да как отошла, одному богу ведомо. Мать, покойница, выходила. Хотя и самой тогда нелегко было. Ещё раньше, во время второго срока Первого Преемника, которого потом в народе нарекли Великим и понастроили ему памятников-храмов, начали муниципальную реформу, мать сразу смекнула и взялась за дело. Пока мужики по вечерам, поддав, чесали репу и пьяно разглагольствовали о пользе и вреде муниципалитетов, мать, оставив десятилетнюю дочку на соседей, подалась в город да разузнала что к чему. Собрала все необходимые документы, вернулась в село уже с бумагой, уполномочивающей её провести сельский сход и образовать муниципальное поселение. Конечно, ничего образовывать, как всегда, не пришлось, село-то их здесь века два как стояло. Было просто село Званское, а стало муници-

пальное поселение село Званское. На шумном и пьяном сходе (мать и подпаивала, перед этим вместе с соседкой Евдокимихой две ночи самогон гнали) Полинину родительницу единогласно избрали руководителем муниципалитета. Ну а там понеслось-поехало: землю в собственность передавать стали, сельхозугодья, так тогда назывался нынешний удел, — у матери в районе завязки полные, в селе свой актив из одиноких и непьющих баб — так тихой сапой и стала она полноправной хозяйкой окрестных мест. Ферму новую построила, молокозаводик, колбасный цех, хорошей техникой обзавелась, мраморных бычков из Японии выписала, и это дефицитное и диковинное для наших мест мясо пошло к столу удельных и губернских начальников. Ну а где желудок задействован, там всегда успех обеспечен.

Полина Захаровна мать любила и уважала, училась у неё, бывало, без материнского совета ни одного шага не делала, и когда умерла родительница, горевала крепко, думала, вообще не сдюжит и дальше не сможет волочь на себе хозяйские заботы. Но, видать, порода сказалась, закусила узду и попёрла. Хозяйство в передовые вывела, людей обустроила, школу открыла, поставила новую церковь, завела теплицы. Орден даже удосужилась из рук самого Третьего Преемника получить, так что, когда встал вопрос о сословиях, Полину Захаровну Званскую без всяких препирательств возвели в потомственное дворянство и закрепили соответствующей крепостью за ней земли с крестьянами. Деревенские, кстати, особенно и не сопротивлялись, им при Полине жилось куда лучше, чем в былые времена. Всё бы хорошо, но годы поджимают, а добро и хозяйство передать не на кого. Хотела было взять кого-нибудь из детского приюта, да побоялось чужой крови. Чужая она и есть чужая, твоего беречь и приумножать не станет. Вот и вспомнилось, что у матери была младшая родная сестра, давно, ещё до Полиного рождения, съехавшая в город, да где-то там и затерявшаяся. Так разные сплетни ходили по деревне, несли кто во что горазд: дескать, и распутничала она там с городскими, и с ворьём связалась и ещё всего столько, что хоть святых из дому выноси! Тётку Полина не нашла. Померла она к тому времени от непутёвой жизни, а вот сестру двоюродную отыскала. Ирина пошла по материнским стопам и болталась сорняком по поездам да вокзалам. А вот дочурка у неё чудесная оказалась. Замурзаная вся, а светилась, ровно ангелочек. Одним словом, сторговались они с сестрицей, взяла та деньги, всплакнула для порядка, отдала дочку и сгинула в безликой толпе. Только

напоследок не сдержалась, уколола: «Бабки, сестрёнка, закончатся, так я тебе ещё парочку от каких-нибудь чурок рожу, так что не переживай, что сама-то не можешь!»

Машенька дышала полной грудью. Там внизу, в саду, и за новой барской оградой, на залитых сказочным светом окрестных полях, перелесках, и в переливающемся серебряной чешуёй полноводном Чулыме, и в наполненных тревогой тенях — всюду буйствовала тихая, неприметная, незнакомая и всё-таки такая родная и привычная ей жизнь. Девушка страшилась её таинственности и одновременно к ней тянулась, понимая, что и тело её, и душа являются малой частицей чего-то громадного, сильного и неподвластного её несовершенному разуму. Господи, как она мечтала вот о такой ночи там, за границей, в удушливом своей чистотой и показной порядочностью пансионате. Там тоже была луна, были красивые, словно запечатлённые на глянцевой фотографии горы, на аккуратных лужайках паслись почти стерильные коровы, добропорядочные мамы водили за руку кукольно одетых детей. Всё было размеренно и запрограммировано раз и навсегда.

Первые девять лет, после того как её забрали у Ирины, Машенька жила в деревне, окружённая всеми мыслимыми и немыслимыми заботами изголодавшейся по материнству тётки. Сейчас она уже слабо помнила свою ту, будто бы чужую, жизнь, даже не могла представить себе комнату, в которой они жили с матерью. Да, собственно, она старалась и не называть полузабытую женщину этим полным какой-то неземной теплоты словом, а если и приходилось с кем-нибудь говорить о прошлом, то звала её просто по имени. Её детство началось с опозданием почти на шесть лет. Не всё из первых дней и месяцев новой жизни она помнила. Многие смешные и забавные истории ей позже рассказывала тётя или кто-то из домашней прислуги. Но лучше и смешнее всех это делал дальний тётушкин родственник Прохор, попавший сначала в казённые крепостные, но самовыкупившийся и оставшийся на прежнем своём месте управителем и слугой в доме наместника, располагавшегося в старой Чулымской крепости.

Помнится, на третьих что ли летних вакациях они сидели тёткиным кругом на веранде, пили традиционный чай и молчали. Вернее, разговор шёл о чем-то сугубо сельском и её мало касающемся. Машенька томилась, но уже приученная к послушанию тремя годами пансионата, лучезарно и, как ей казалось, искренне улыбалась в ответ на любой тёткин вопрос или жест

внимания в её сторону. Это она позже поняла, что тётку ни за что нельзя было провести деланной закордонной вежливостью. А тогда наивно полагала, что за такой улыбкой можно было спрятать скуку и дикое желание побыстрее сбежать с дворовыми детьми на Чулым. Тётка, чувствуя фальшь любимой воспитанницы, постепенно начала хмуриться и уже вознамерилась было отослать её из-за стола, и только взялась за колокольчик, как тут доложили о приходе Прохора. Тёткины застольницы оживились, сама Полина Захаровна, предвкушая развлечение и приятность, заулыбалась, убрала руку с резной костяной рукоятки маленького валдайского звонника и, оборотившись к племяннице, сказала:

— Ты уж малость повремени со своими скачками по кручам да бестолочным барахтаньем в мутной чулымской воде. Посиди ещё с полчасика, уважь тётку.

— Да что вы, Полина Захаровна, я вовсе и в мыслях не держу никаких побегов, — начала было по-пансионному Машенька, но вдруг споткнулась, залилась краской от своего неуместного вранья и, набрав полную грудь воздуха, с жаром выпалила: — Тётенька, миленькая, я так там соскучилась по воле, вы уж меня извините за глупости. Я, конечно же, посижу, воля ваша.

— Вот то-то же что моя. А ловчить со мной бестолку, здесь тебе никакие иезуиты, дочка, не помогут. Посиди, послушай Прохора, он хоть и простой человек, — тётка всплеснула руками, — но можно подумать — мы сложные! Вот позагадили людям головы. Ты, Маша, учиться там, в Швейцариях этих, учись, но помни, что и бедные, и богатые — все повыходили из тех ворот, откуда весь народ.

Машенька тогда грубоватую шутку про ворота не поняла, но тётку поспешила поправить.

— Это в прошлом, тётушка, то место, где я учусь, Швейцарией называлось, а сейчас это лекторальная зона Объевра-пять «Ш»...

— Ох уж мне эти умники: Объевра, Объевра! Какой только муры не понапридумывали? Мало того что сами себе бошки свои жирные этой шелухой позабивали, так ещё и детские головки по невинности своей страдать должны. Ну не супостаты ли, а? И наши правители туда же! Олухи, прости господи, чего учудили: Россию в Сибруссию переименовали. Видите ли, мировое прогрессивное сообщество смущается этого названия как синонима рабства и тоталитаризма, а то, дескать, Германии нет как напоминания о фашизме, а Россия, как кость в горле, торчит в

пасти всего доброго мира. А я лично не знаю, добрый ли это мир для моей деревеньки?

— Так их, матушка! Так их, огольцов паршивых! Попереименовывали всё, аспиды, тебя, мудрейшую, не спросимши. Нехорошо!

— Что они-то не спросили — это полбеды, а вот ты-то, пень старый, с чего это со своей инвалидной командой взялся мою отаву косить?

— Да, Полина Захаровна, помилосердствуй, это же земли, отошедшие ещё в позапрошлом лете к Чулымской крепости! У нас же и бумага есть, и роспись твоя имперская на помежёвом плане имеется, так что по всем канонам своё кровное косим.

— Это ж с каких это пор тебе казённое кровным-то стало? Что, из крепостных выбрался и уже усердный служака? Смотри, не погорячись! А может, ты в коменданты крепости метишь? Уж больно давно место Наместника пустует. А что, давай суетись, глядишь, на старости и карьеру сделаешь! Я тебе и протекцию, ежели понадобится, составлю. Ты же знаешь, у меня связи и в губернии, и в столицах. Один Семён Михайлович чего стоит! Был-то сморчком, козявкой, паршивым инструкторишкой райкома комсомола, а сегодня, поди же ты — ясновельможный князь! Ох уж времена пошли — покруче, чем при всяких прошлостях каких.

— А чем тебе времена плохи? — целуя собравшимся руки, не сбавлял шутливого тона Прохор. — Нечто ты бы при других временах правление совхоза-миллионера переоборудовала под барский дом?

— Ну, допустим, начала строить не я, а моя родительница, да и коробка эта стояла разграбленной и брошенной лет двадцать, только окрест своим видом поганила. Хватит препираться, иди смотри, кто к нам пожаловать изволил.

— Батюшки святы! А я-то, слепой дурак, думаю, что это за солнышко там блестит? Молодая барынька из заграниц прибыли! А выросли, выросли-то как! Ровно невеста! Небось, там уж барчуки так и кружат? Извольте, Мария Захаровна, ручку пожаловать для родственного, так сказать, лобзания!

— Эко тебя, Прохор, понесло! Что это ты, ровно как приказчик или половой какой в трактире, закудахтал! Барчуки, барчуки! Я те дам барчуки. Выучится сначала пусть, на ноги станет, а барчуков мы и дома найдём своих, крепких да норовистых, правда, Машенька?

Но ответить Маше не дали, да, судя по всему, ответа её на этот убегающий вдаль вопрос и не требовалось.

— А помнишь ли ты меня, Машенька? — доставая из кармана какую-то чудную, вырезанную из голубого камня, фигурку, ласково спросил Прохор. — Мы же с тобой ровненько пять лет не виделись. Это как раз с того лета, когда тётушка тебя к нам на откорм и привезла...

— Прохор, что это ещё за «откорм»? Ровно о бычке какомнибудь говоришь, а не о ребёнке, — напустилась было на него Полина Захаровна, но, увидев блаженное лицо старика, бобылём доживающего век и тянущегося к этому цветочку, как к чудному посланцу, который потянет и дальше их родовую нить, понимающе вздохнула и принялась отдавать какие-то распоряжения.

Маша всё ещё стояла у окна, и её прекрасные голубые глаза никак не могли насытиться зрелищем лунного поднебесья, а память без оглядки на строгие окрики воспитателей вытаскивала и щедро рассыпала, как бесценные сокровища, радостную и яркую мозаику её уже уходящего детства. Она не была дома два года. Позапрошлым летом тётка сильно заболела, и, узнав об этом, Маша сломя голову бросилась за ней на курорт в Карловы Вары. Время, проведённое вместе, их тогда очень сильно сблизило. Сколько всего было переговорено, передумано, переспорено, переплакано. Когда Полине Захаровне стало совсем плохо и врачи только сочувственно вздыхали, Маша сидела с ней неотлучно, и ночами, когда ей казалось, что тётка уснула или находится без сознания, она давала свободу своим слезам и часами ревела, умоляя Бога пожалеть «мамочку» и вернуть ей здоровье. Да, именно тогда она впервые назвала Полину мамой, вернее, это слово само как-то сорвалось с её уст. Сначала Маша испугалась его, а потом обрадовалась. Ей вдруг стало спокойно, уютно и как-то очень легко.

Тётка выздоровела. Уже после, уехав домой, она написала Маше в письме, что это она, дескать, вымолила её у Бога. А потом была у них длительная переписка. Чудная для нашего времени затея, вызывавшая много насмешек и недоумения как у пансионских подружек, так и у администрации.

В прошлом году перед окончанием курса их отправили на стажировку и отдых в Америку, которая в нонешнее время зовётся по-переименованному — Афроюсией. Это была обязаловка, без которой ни одно приличное учебное заведение не имело права выдать сертификат окончившему его ученику. Эталонная страна и обязательная поездка туда стала для молодой поросли состоятельных граждан мира чем-то вроде детских прививок, га-

рантирующих сохранность их нравственного и идеологического здоровья в будущем. И вот эти два долгих года наконец-то позади. Она снова дома. С ума сойти, целых два года её не было здесь! А вокруг ничего не изменилось, даже запах в её комнате. Как же здесь хорошо! Машеньке захотелось скинуть с себя прозрачную кисею одежды, выпрыгнуть в разомлевший от июльской неги сад и с детским визгом купаться в этом чудном небесном свете, тугими серебристыми потоками льющемся на спокойную вызревшую землю.

Спину лизнул осторожный холодок. Машенька вздрогнула и, съёжившись, обернулась на отворяющуюся дверь. В комнату тихонько вошла Полина Захаровна.

— Мама!.. — молодая девушка птицей метнулась навстречу.

3

Как отвратительно в России по утрам! И это правда, как бы эту страну ни обзывали: что азиатчиной, что совдепией, что новой или старой империей, что демократической федерацией, что Сибруссией — это гадливое ощущение у большинства особей обоего полу остается неизменным. Короче, поменяться может всё — но похмельное утро останется. Бр-р-р...

Генерал-Наместник Урза Филиппович Воробейчиков пробуждался с трудом. А если быть честным, то сановный муж отходил от тяжкого пьяного сна частями. Первым взбурился мочевой пузырь. «Вечно этой гадине неймётся, — проплыла первая мысль в государственной голове, — отнёс бы кто его, паскуду. — Вслед за пузырём заурчало нутро, потом заёкало сердечко, потом неловко зевнулось и больно скосило левую скулу, на лбу, толстых щеках и складках шеи выступил липкий противный пот, — ну понеслось-поехало! Надо звать сатрапов, больше поспать не удастся».

— Эй! Гамадрилы! Спите, бездельники?

— Никак нет, ваше высокопревосходительсво господин Генерал-Наместник его светлости Президент-Императора по Барабинскому особому окуёму. Мы бдим и готовы к выполнению любых ваших повелений, — бодрыми, но слегка сипловатыми голосами складно-заученно выдали два госчиновника по особым поручениям, вбегая в опочивальню.

Урза Филиппович был господином лет за шестьдесят, среднего телосложения, с бесцветными водянистыми глазами, блестящими

бестолковыми пуговками на круглом, как блин, лице, напрочь лишённом каких бы то ни было признаков интеллекта. До этой высокой должности он долгие годы прослужил по военной части, больших чинов не имел, но в последней Кавказской войне отличился весьма особым образом. Когда толпы обезумевших фанатиков с воинствующими криками «Аллах акбар!» бросились на хилые позиции наших войск, генерал Воробейчиков в одиночку с огромным, в рост, портретом Президент-Императора пошёл в контратаку. Уж неизвестно, чего убоявшись, басурмане прекратили беспорядочную стрельбу и повернули назад. Фронт был спасён, уставшие от бесцельных санитарных потерь и беспробудной пьянки солдаты вернулись на свои редуты. О подвиге генерала донесли Августейшему Демократу, и тот подобрал для своего верного солдата более почётную и статусную должность. Конечно, после нашлись завистники и ябеды, которые попытались извратить существо героического поступка генерала, распространяя гнусные домыслы о том, что Урза Филиппович заранее договорился с кавказцами и чуть ли не подкупил их главарей. Была и другая категория, весело скалившая зубы: «Дескать, Воробейчиков — продувная бестия и отъявленный нахал, всё просчитал наперёд и совершил публичное надувательство. Базар-бузуки (а именно так их теперь, с лёгкой руки журналистов конца прошлого века, всех скопом и назвали, не делая различий между грузинами, азербайджанцами, чеченцами и прочими -янами и -инами) ни за какие деньги не позволили бы стрелять в портрет верховного лица государства, с которым они стремились воссоединиться. Дескать, подобное кощунство отбросило бы далеко назад трудные и запутанные мирные переговоры о добровольном обратном воссоединении Кавказа с Сибруссией, из-за чего, собственно, и шла пятнадцатый год шестая Кавказская война». Оставим на совести тех и других домыслы об истинных причинах кавказской трагедии рассказ пойдёт впереди, а вернёмся к окончательно пробудившемуся генералу.

— С опохмельецем вас, Урза Филиппович, — принимая опустошённую и ещё потную от холодной водки стопку, произнёс, кланяясь, Ирван Сидорович Босанько, самый близкий к Генерал-Наместнику человек. Каких только сплетен о нём не ходило в округе! Но об этом после… А сейчас утро генерала.

— Душу, Ирван, стопкой не обманешь! Давай-ка, наливай ещё одну и баста! Всему своё время, выпью вторую и убирай эту губительницу полнозадую с очей моих, — он сделал пальцами

кокетливую «козу» зелёной старинной бутылке, из которой неизменно пил уже лет двадцать, заставляя подчинённых держать бутыль всегда полной и охлаждённой.

— Ну, две только на поминках пьют, Урза Филиппович, — не давая передохнуть, Босанько подал и третью.

— Уговорил, уговорил, ты и столб телеграфный уговоришь. Эх-ма, — генерал опрокинул и третью, — крепчает с каждой рюмкой змеево отродье. Всё, одеваться и — в представительство.

Представительство Генерал-Наместника располагалось в сером, неприметном, приземистом здании с четырьмя квадратными колоннами, как-то куце приютившемся среди жилых многоэтажек на одной из пыльных обшарпанных улиц центральной части окружного города. Пустынный неухоженный двор более походил на армейский плац с фигурными асфальтовыми заплатками. Говорят, в этом здании когда-то давным-давно размещался банк и публичный дом одновременно, и граждане могли получить причитающиеся им по вкладам проценты в натуральном, так сказать, исчислении — услугами девиц с пониженной социальной ответственностью. Заведение процветало долгие годы, а потом растворилось в свежем воздухе перемен вместе с денежками вкладчиков, оставив за всё расхлёбываться бедных проституток. Внутри всё так и осталось — широкая мраморная лестница, паркет, в правом, меньшем, крыле на втором и третьем этажах — просторные кабинеты и офисы бывшего банка, в левом — крошечные рабочие комнатки жриц любви. По невесть кем заведённой традиции в главном представительском здании особого округа на стенах коридоров устраивались выставки аборигенных художников, из-за чего казённое здание временами принимало диковатый вид и походило то на вертеп хакасских разбойников времён Чингиз-хана, то на стойбище алтайских шаманов.

Как и каждое уважающее себя казённое заведение нового времени, Представительство выполняло представительские и координирующие функции, ни за что не отвечало и ничем не руководило, то есть, фактически, ничего не делало. Конечно, скажи вы это вслух в коридорах власти, вас бы вмиг скрутили в бараний рог. Как так, почти полтысячи человек и ничего не делают?! Такого быть не может! Они же все ежемесячно получают жалование, разные там надбавки и премии, доплаты за секретность и выплаты за особые условия труда, пайковые, проездные, командировочные и прочие, прочие, прочие. Вернее, не прочие, а наши кровные, которые ежемесячно другие их братья-чиновники ис-

правно выворачивают из народного кармана! Можно было бы и так воскликнуть, да вот некому. После великой бюрократической революции, которую при Втором Преемнике учудил мыслитель мирового масштаба и, как водится, выдающийся государственный деятель Дионисий Козел, чиновники окончательно одолели народ и победили здравый смысл, благо, козлиное семя упало на веками удабриваемую и обработанную почву.

Рабочий день Генерал-Наместника начинался с приёма докладов. Первым, как правило, заходил Мустафий Муфлонович Sклись, генерал на выданье, ведавший в округе курированием всяких пакостей и напастей, человек скрытный и коварный.

— Позвольте, Урза Филиппович, — с исполненным достоинства полупоклоном просочился в кабинет Склись...

— А чё тут позволять, когда ты уже здесь. Садись, докладывай!

— В целом обстановка в окуёме стабильная, за истекшие сутки никаких нештатных ситуаций не было. В Чулымском уделе опять начала выть собака...

— Что, уже полнолуние?

— Так точно-с. В том же уделе продолжают пошаливать лихие люди...

— Кто такие? Учреждено ли разбирательство по факту творимых ими безобразий? Да, а что они творят-то в самом деле?

— Разбирательство и следствие учреждено ещё в прошлом годе, да результатов пока никаких нет. — Видя насупленные брови начальствующего, предвещающие начало разноса, Мустафий Муфлонович поспешил оправдаться: — Да нет в том нашей вины. Удел тот убогий, украйний, на самом отшибе, там какой только нечисти не ошивается: и беглые, и уйгуры, и разбойные шайки хакасов, и переметнувшиеся к сяньзянцам шорцы. И опять-таки уже скоро как девять месяцев нет над уделом государственного догляду...

— Ну, так вот ты и поезжай-ка туда, батюшка, да и догляди, — с закипающей злобой прошипел Генерал-Наместник.

— Не извольте серчать, ваше высокопревосходительство, наместник Наместника туда уж как третью неделю назначен. Вы изволили в то время отдыхать с князем Ван-Петровым Тэроглы. А новый назначенец — столичная штучка, в заграницах воспитан и засланец известного рода прошлых олигархов Понт-Колотийских. Енохом Миновичем зовётся.

— Погоди-ка ты! Так я же его деда помню, да и родителя, Мину-то хорошо знаю, — наместник задумался, прикрыл глаза.

Мустафий замер. Он знал, что в подобные мгновения лучше раствориться, обратиться в пыль, съесть самого себя изнутри, чем издать хотя бы звук или незначительное движение совершить. Не дай бог! Ибо именно в эти секунды в державный ум заходила её величество Мысль. Дама капризная и непостоянная, со своими выкрутасами и извращениями, и в последнее время не балующая вниманием стареющего генерала.

— Ты вот что, Мустафий, зови-ка ко мне этого алигархёнка. И надобно ещё... — Урза Филиппович выразительно замолчал, как бы взвешивая весомость просившихся наружу слов. — Хотя нет, это потом. Продолжай докладывать.

— Слушаюсь. В Томском уделе удельный староста пьянствовал совместно со старостихой, а опосля устроил драку с протестантским пресвитером на почве религиозных дебатов о целомудрии, но вскорости все помирились, продолжили попойку, а затем совместно исколотили проезжавшего мимо с гаремом муллу, который по незнанию местных обычаев сослался на Коран и не пожелал присоединиться к застольной дискуссии. Мулла позорно сбежал, а гарем остался и, поцарапанный старостихой и иными добропорядочными дамами, скрывается где-то на окрестных заимках. По этому случаю отмечены частые отлучки мужского населения удела в неизвестном направлении.

— А гарем-то хоть стоящий?

— Разбирающиеся люди, принимавшие участие… ну в этих, как их...

— Шурах-мурах, дурак!

— Так точно! Говорят, стоящий гаремец...

— Пошли кого-нибудь, да поумнее, пусть проинспектирует и после медосмотра ко мне!

— Уже всё исполнено.

— Ну, — хмыкнул генерал, — тогда продолжим.

— В Угарском уделе сплошь смута. Староста и муниципальный председатель подбивают холопов и несознательных помещиков писать челобитную Президент-Императору о якобы творимом вами в окуёме безделии, — и, как бы предваряя начальника, Мустафий добавил: — Соглядатаи отправлены, комплексная проверка готовится и к вечеру будет на месте.

— И чтоб не миндальничали. Безделие им, видите ли, не нравится, ну, может, делие боле по душе придётся. И смотри, чтобы старосту в колодки по итогам смотра, а помещиков из смутьянов пороть публично; имения с молотка, только вот последнее — с казённого молотка, а не с твоего! Ты меня понял?

— Чего же тут не понять? Молоток-то у меня один, вашенский, так что как распорядитесь. В Гор-Чамальском уделе староста на заседании народного каганата вас, простите за гадкое слово, назвал придурком.

— Надоел мне этот почётный свинопас на пенсии! — топнул под столом ногой начальник. — Это же надо, что ни каганат — одно и то же, хотя бы уже разнообразил что ли? Давай дальше. Сам знаешь, что этот старый ишак — дальний родственник второго визиря Президент-Императора.

— Ну, на территориях более особливо никаких нюансов нет. В аппарате тоже рутина, высказываний и хулы не замечено. Блудят все по-старому, правда, секретарша вашей заместительницы положила глаз на наместника по Гор-Чамальску.

— Вот коза! А ты её отправь по улусам с предвыборными листовками, пусть-ка собой за кандидатов во Всенародный Всевеликий Курултай поагитирует. Ишь чего вздумала — на сторону ходить, будто моего негласного распоряжения не знает, всё должно оставаться в родном коллективе. Иди, голубчик.

Следующим заходил заместитель по территориям и контролю. Потом замша по развлечениям и народной веселухе, потом кадры, ну и напоследок так, чиновная мелочь. О ней можно было бы и не упоминать вовсе, если бы она, эта мелочь, не выполняла очень важную аппаратную работу — стучать на своё начальство. Конечно, делалось это исподволь, в высокий кабинет заходили под каким-нибудь безвинным предлогом или по велению шефа, чтобы, не приведи господи, твоё непосредственное начальство в чём-нибудь этаком не заподозрило. Вообще главной заботой отечественной модели власти была борьба за прямой доступ к властьпредержащему телу. И если учесть, что властные коллективы почти сплошь состояли из особ сильного полу, то прямо какой-то Содом с Гоморрой получался: всех тянуло к начальнику, а самого начальника — к ещё более высокому начальствующему телу и так, почитай, до самого верху.

Воробейчиков был опытным, хотя и солдафонистым управленцем и вовсю поощрял подобную борьбу, в которой видел залог незыблемости персональной власти, без которой страна неминуемо погрязла бы, по его разумению, в кровавом хаосе.

После докладов шло чтение ежедневной местной прессы. Хотя газеты уже давно считались атавизмом, но меньше их от этого почему-то не становилось. Должно быть, Министерство народной нравственности и целомудрия, делая поправку на народную тупость, дремучесть сознания, а также зная о пристрастии

простого люда к традиционному нецелевому использованию печатной продукции, не снижала тиражи периодических изданий. Воробейчиков газеты читал не из любопытства, а из недоверия к своим подчинённым, писания которых, как правило, игнорировал и считал пустым переводом бумаги. Вычитав какую-нибудь крамолу, приключившуюся в каком-нибудь из улусов или уделов, он тут же созывал совещание и устраивал форменный разнос всем и всякому. Переубедить его в том, что это всё глупости и измышления щелкопёров, было невозможно. Нет, вы только не подумайте, что сановника задевала неосведомлённость подчинённых или попытка что-нибудь от него утаить. Нет, он бесился всё по тому же поводу — грязь вышла наружу, так, чего доброго, и до столицы может дойти, а уж там найдётся масса охотников всё это извратить, приврать ещё с три короба и донести до монарших ушей в таком виде… что уж лучше и не говорить!

4

При всей июльской теплыни предрассветной порой в этих краях, как правило, зябко. Частая роса, словно земные слёзы, выбеливала густую зелень и блёкло тускнела на травах, листьях деревьев и придорожных кустов, и они, переполненные этой материализовавшейся из неоткуда влагой, прогибались и проливали тоненькие студёные струйки. Росная белёсость держалась только до первых вспышек восходящего солнца. И стоило его ослепительно ярким после ночи и предрассветных сумерек лучам упасть на землю, как матовый налёт моментально превращался в сказочные россыпи, загорающиеся миллиардами разноцветных искорок и бликов. Сероватая масса на каждом листочке, каждой былинке принимала свои оттенки, каждая росинка перед тем, как бесследно исчезнуть, превращалась в яркую, отражающую в себе весь мир хрустальную сферу. Возможно, то же самое происходит и с человеком, только поди ты угадай свой час.

В окуёмский центр выехали ещё затемно, дорога хоть и не дальняя по здешним меркам, но всё же дорога, требовала своих трёх часов быстрой езды. Надо отдать должное последним двум Президент-Императорам, чему-чему, а дорогам при их правлении, а это, почитай, уже лет девять, уделялось самое пристальное внимание. К этому подталкивала и национальная гордость, и эконо-

мическая необходимость, и угроза международных санкций вплоть до лишения государственной самостоятельности. Особо быстро и сноровисто дорожные дела шли при предыдущем правителе. Он изобрёл договорные войны с китайцами, благо, с ними мог воевать любой, шутка ли — четыре с половиной миллиарда народу! И вот с разрешения Всемирнейших Хранителей свободы и демократии отечественный Демократ-Самодержец объявлял потомкам хунвейбинов форменное «иду на вы», убирал с границы человек сто пятьдесят стражников, и полчища ханьцев вторгались в пределы родного отечества. Правда, это были странные войска, вооружённые в основном лопатами, кетменями, ситами для просеивания песка и прочей незамысловатой строительной всячиной. Войско шло с детишками, домашним скарбом, утварью и живностью, а главное — с русскими народными песнями на устах. Когда через священные рубежи переваливало миллионов пять-шесть, стража возвращалась на прежние места, противник объявлялся окружённым и взятым в плен. Затевалось долгожданное перемирие. Китайские товарищи дежурно обращались к мировому сообществу с убедительными просьбами обеспечить гуманное обращение с пленными, способствовать страждущим вернуться на историческую родину и вступали в длительные переговоры о спорных территориях. Но пленные назад в Поднебесную и не собирались. Всю эту разнородную массу в спешном порядке расталкивали по особым окуёмам и уделам, ставили на строительство дорог и года через два скрытого рабства, записав киргизами или бурятами, отпускали на все четыре стороны. Высокие враждующие стороны оставались довольны и, спустя какое-то время, скрепляли свою удовлетворённость очередным долгосрочным мирным договором. При этом отечественная сторона спешила в очередной раз оповестить свою и мировую общественность о резком росте численности населения Империи, обусловленным, конечно же, скачком жизненного уровня подданных, а также об изжитии первой половины извечного русского проклятия — дрянных дорог. Тот, кто так говорит, или нагло клевещет, или попросту не знает нонешней нашей действительности, для них милости просим — приезжайте и сами убедитесь в качестве и количестве наших путей-перепутий. О второй составляющей части наших бед — дураках — отцы родимой державы стыдливо умалчивали, и, может, оно и правильно.

Дорога широкой серой змеёй, поблескивая на подъёмах и изгибах, неспешно вилась по живописному ландшафту. Урчащий

мотор, монотонное покачивание, слабый угар выхлопных газов и прогорающего масла, поскрипывание и мелодичное похрустывание, создавали ни с чем не сравнимый микромир отечественного самодвижущегося средства. Может, вселенский автопрогресс ушёл куда-то далеко, и Объевра гоняет на суперкарах, но мы, подчиняясь врождённому инстинкту мессианства, как стояли, так и стоим на своём, мол, единственная спасительная вера — православие, а лучшей машиной для чиновного люда и зажиточных граждан был и остаётся чудо-автомобиль «Волга». И никого не должно смущать, что большая часть этой великой некогда русской реки уже давно отошла независимому Татарстану, а тот в свою очередь раскололся на три враждующие орды и сейчас активно пытается включиться в Кавказскую войну по обратному вхождению в состав великой Сибруссии. Дело это, по заключению аналитиков и политтехнологов, может иметь веховое значение: с возвращением татар открывается явная перспектива воссоздания былой России. Конечно, пока без этого пугающего всех своей навязчивой любовью названия, без вселенских замашек, но все-таки! Чем мы хуже, скажем, американцев, уже почти добившихся реабилитации прежнего названия своего государства США взамен нынешнего -Афроюсия. Страну эталонную переименовали этак лет пятнадцать назад, по агрессивному волеизьявлению подавляющего большинства проживающих там граждан соответствующей окраски.

Эх, дорога, дорога, какие бы китайцы ни заковали тебя в серую броню западного асфальта, ты всё равно останешься родным, пыльным, разудалистым и небезопасным русским шляхом. Летишь ты по-прежнему в необузданную даль, закипает кровь от мелькания твоих полосатых верстовых столбов, и кажется — нет и не будет тебе конца.

Но не гоголевская бричка неслась по этой дороге, а грохочущая и чадящая прогоревшим глушителем казённая «Волга», а в ней — не безвременно забытый и выброшенный из школьных учебников Чичиков полудремал на сиденье, а некто ещё неведомый миру, но так же, как и его предшественник, жаждавший славы, богатства и положения.

Думалось Еноху Миновичу плохо. Раздражало всё: и невыспанность, и убогость служебного средства передвижения, и неопределённость с предстоящим докладом, и скука, начинающая потихоньку подтачивать деятельную авантюристскую душу, и ещё целая куча разных мелочей, названия которым так махом

и подобрать-то сложно. Водитель, нелюдимый мужик с вечной чёрной до синевы щетиной на впалых щеках, обиженно молчал, уцепившись за баранку. После первой же поездки с Берией, а именно таким чудаковатым именем его наградили родители, Енох пожаловался Прохору на недовольный вид шофера.

— А полноть, барин, не обращайте внимания, он завжды такой, как только есть захочет, а уж чего-чего, а полопать он охоч всегда и, главное, никогда не наедается! Вот такой конфуз и получается. С ним даже девки связываться не хочут, говорят, вроде как при этих-то делах и кряхтит-мычит, а морда всё одно кислая. Не обращайте внимания и всё тут. Бо другого шофера-то полюбому нетути. Обвыкнитесь, даст бог, как-нибудь!

За окном бесконечной чередой тянулась тайга.

«Какой дурак находит красоту в этом бессмысленном нагромождении деловой древесины? Столько денег пропадает зря, ведь перестаивает лес! Когда уже мы избавимся от этой безалаберности? Ну вот, Енох, ты опять за своё! И кто это такие «мы»? Мы это как раз ты и есть, от тебя и зависит это избавление. Не о древесине лучше думай, а о своём докладе. С первого разу не понравишься Генерал-Наместнику — никакие столичные связи не помогут. А он, этот Воробейчиков, говорят, с пулей в голове, чуть что — сразу за телефон и ну Царю наяривать. — Недолюбливал и побаивался Енох Минович военных, хоть и бывших. — Странный они народ. За душой ни полушки, а гонору на взвод олигархов хватит. И главное, деньги-то возьмут, но тут же при тебе их по ветру пустят и с паршивым пятаком в кармане бросятся защищать интересы Державы и Самодержца, а тебя, вместо того чтобы благодарить, так и норовят в мздодавцы записать. Дубье, одним словом! Непредсказуемый человек хуже вора. Вор-то он что! Он свой, душа его как на ладони, он не самое сложное порождение цивилизации, обычный деловой человек и хочет того же, что и все: вложить меньше, а лучше вообще ничего не вкладывая, получить побольше. Средства антигуманны? А кто полюса этого гуманизма определяет? Ну не курултайцы же, в самом деле! Те сами сплошь ворьё и хапуги, тоже мне народные избранники, балаболки заказные. Кто ботало подвесил, для того и звонит. Опять ты, Енох, по ухабам да хлябям полетел. Вернись на землю. О знакомстве с начальством думай, о том, как привет от бати половчее передать. Со слов родителя они с Воробейчиковым одно время дружковались и даже крутили любовь с одной и той же девицей, которая одновременно с удовольствием

доила и молодого офицера, и начинающего банкира. Так что на мужском сленге они, вроде как, и породнились, стали молочными братьями. Выходит, я своему начальнику молочный племянник, если такие, конечно, бывают?»

Вдоль дороги замелькали рекламные плакаты, зовущие и предлагающие, убеждающие и призывающие. Буйная дурь рекламного бизнеса ещё в конце прошлого века как хлынула в дорвавшееся до вседозволенной свободы отечество, так в нём и застряла навеки, как арбузная корка в помойном ведре. Только очень ленивый не язвил по поводу наших реклам! А что толку? Ну, вон, посмотрите — новенький, три на шесть, плакат, призывает отдать свои голоса за кандидата на замещение имени Преемника. Уже почти месяц минул после избирательно-передаточной компании главной должности в государстве, уже Президент-Император Преемник Шестой управляет народом и готовится на второй срок, а эта с ним конкурирующая и Преемником для этого и назначенная похабная рожа всё обещает народу отмену крепостного права, запрет продажи людей, укрепление семьи путём ограничения венчаний при однополых браках. Безобразие! И это при въезде в окуёмский центр. Но что поделаешь, рекламные площади оплачены! Хотя и свято право свободного предпринимательства, движения товаров и информации, но всё равно скотство, надо доложить Генерал-Наместнику.

Или вон ещё один шедевр. Плакат тех же размеров с полуобнажённой девицей, оседлавшей, словно ведьма юного борова, яркий пылесос. Красивое наглое лицо, выразительно надутые губы и огромная надпись на четырёх языках — английском, арабском, китайском и русском: «Сосу почти задаром! Тел. 40-56-00». А внизу мелкая приписка на новом русском языке. «Отечественные пылесосы “Тайфун”, собранные в Китае, экономят не только время, но и деньги, потребляя минимальное количество электроэнергии».

Зачем покупать дорогие диски с анекдотами, вон езди себе по дорогам отечества и поднимай настроение. Может, из-за этого неистребимого народного чувства юмора и пофигизма мы ещё и держимся. Машина влилась в поток городского транспорта и запрыгала по ухабам. Городские улицы, отданные на обустройство муниципалитетам, не чинились с самого начала муниципальной реформы, а реформе этой, если не подводит память, лет шестьдесят скоро исполнится. Деньги на неё убухали немеренные! Но всё ушло в песок, вернее, в канализацию и муниципализацию всей страны! Давно это уже было, пытаясь приструнить своевольных

губернаторов и отнять у них как можно больше полномочий, центральная власть бросилась руками всё того же Дионисия проводить кардинальную муниципализацию и, вместо пяти-шести городских районов, понасоздавала по триста-четыреста, а кое-где и по тысяче муниципальных образований, а коли имеется властная завязь, должен быть и опылитель будущих цветочков, да не один, а всенепременно со своими подчинёнными и секретаршами, машинами и телефонами, и, и, и... То бишь, должен быть начальник со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот эти последствия и вытекают… прямо на улицы ямами, вонью да обвалившимися балконами на домах, стоящих без воды и света.

Чтобы не опоздать и доставить начальника вовремя, Берия включил мигалку и сирену, которая выла так громко и надрывно, что у Еноха чуть все внутренности наружу не вывернулись. Эффекта, правда, было мало. Ближе к центру проезжая часть забита разнообразной техникой, традиционно доставляемой в эти дальние края со всех автомобильных помоек мира. Это там они — старьё, а у нас подшаманишь чуток — и будут бегать как миленькие! Всё лучше, чем отечественные наборы плохо покрашенного металлолома. Евнох с нескрываемой завистью смотрел на всех этих видавших виды представителей автомобильной фауны, зная, что, несмотря на свой допотопный вид, они были намного удобнее и уж явно практичнее его экипажа. Между машин с независимым и гордым видом брели навьюченные верблюды. Рядом вышагивали крикливые погонщики в драных стёганых халатах, на спинах которых красовались изрядно вылинявшие портреты властителей тех халифатов, откуда они были родом и от чьего имени везли продавать свои товары. Внизу под портретом виднелись стандартные пространные надписи, из которых чётко можно было разобрать только одну: «Я — Абдула, сын Али из рода выйчий — верный раб великого халифа Сташни-баши, да продлит Всевышний его годы! Предан, как собака, моему господину и всегда ему покорен». Надписи эти служили и загранпаспортом, и визитной карточкой, и сертификатом качества, и самой лицензией на право торговли, поэтому погонщики пуще своей жизни берегли халаты, выдаваемые щедрым халифом бесплатно один раз в пять лет. К автомобильному чаду примешивался стойкий, ни с чем не сравнимый запах Азии.

Перед пустым двором представительства у узких тротуаров в несколько рядов стояли одинаковые грязно-серые детища

горьковского автозавода со спецномерами, напрочь перекрывая движение. Кое-как протиснувшись в гудящем, орущем и матерящемся автопотоке, Берия с первого раза ухитрился припарковать их рыдван на только что освободившееся место в ближнем к воротам ряду.

Вокруг кипела какая-то своя жизнь. Приехавшие из всех уделов окуёма чиновники выгружали из багажников всякую всячину и торопливо, обгоняя друг друга, волокли в серое здание. Чего здесь только не было! Огромные копчёные окорки, бутыли с какой-то мутноватой жидкостью, мешочки с кореньями, плетёные корзины и берестяные туеса с разнообразной снедью, заботливо повязанные чистой выбеленной холстиной, узкие штуки самого холста, осетровые хвосты и хищные морды тайменей, медвежьи шкуры, и ещё что-то живое и барахтающееся в огромных рогожных мехах.

— Вот это я влип, — подумал Енох, робко шагая к властному крыльцу и застенчиво помахивая тощим портфельцем, — сюда надо было везти не вычурные обеъвровские сувениры и импортные шоколадки, а контейнер хорошенького секондхэнда. Ладно, первый раз в первый класс, дальше исправимся.

Неимоверное количество подношений с поразительной скоростью растаскивалось по чиновным кабинетам, волоклись мешки, хлопали двери. Енох приметил одного из коллег, только что вышедшего из кабинета и улыбнувшегося ему навстречу раскосыми глазами. Вздохнув с явным облегчением, человек вытер взмокший лоб несвежим платком. Ответив на приветствие, Енох не спеша поднялся на третий этаж и свернул к кабинету генерала Склися, единственного пока знакомого ему здесь человека. Но не тут-то было, у искомого кабинета толпилась целая очередь. Чиновный люд, рассовав крупногабаритные презенты по мелким, но очень нужным клеркам, спешил засвидетельствовать свою лояльность не только уполномоченному Третьего спецотделения тайной канцелярии Его Величества, коим являлся генерал с неудобоваримой фамилией, но и лично выразить почтение второму человеку окуёма, а в его лице и самому Генерал-Наместнику. Судя по нервному ощупыванию левого внутреннего кармана давно потерявших форму пиджаков, это почтение, по всей видимости, исчислялось в бумажном эквиваленте энного количества материальных ценностей.

Еноха снова покоробило. «До чего же всё примитивно! — подумал он с раздражением. — Азия-с, тебя же предупреждали.

Однако главное — не бояться! — Он, конечно, знал, что в стране все берут, но чтобы вот так, в открытую! А чего, собственно, стесняться? Эта часть федеральной империи и в былые времена считалась в столице колонией, соответственно и нравы здесь были колониальные. Да и теперь остались. — Ну, гляди, ты себя уже и до колониального чиновника довёл. Да и чёрт бы с ней, с колонией, мне бы заполучить крест на шею, галун гражданского генерала на виц-мундир, а главное — титул к фамилии. Вот тогда баста! Тогда можно назад, в родную Объевру, жить спокойной размеренной жизнью, мучиться ностальгией по дикой родине и пописывать мемуары».

— Вы, господин, извините, не знаю вашего имени и отчества, на аудиенцию стоите или так себе? — тронув Еноха за рукав, спросил невысокого роста господин в больших роговых очках, странном, в серую ёлочку, костюме из толстой шерстяной ткани, сбившемся набок рябом галстуке и жёлтой рубахе с засаленным воротом.

— Да я, пожалуй, как и все.

— Ну вот и хорошо, ну вот и хорошо. А что-то я вас раньше в этих стенах и не встречал? Ах, извините за бестактность! Позвольте представиться: действительный тайный инспектор, наместник Генерал-Наместника по Тюмокскому уделу Иванов Юнус Маодзедунович, — он лихо мотнул головой и после небольшой паузы добавил тихо: — Дворянин-с.

Народ вокруг приумолк. Все с любопытством следили за развитием событий, с интересом приглядываясь к крупному, элегантно одетому господину с холёной наружностью, невесть откуда и с какой-то целью пожаловавшему в их пенаты.

— Наместник Генерал-Наместника по Чулымскому уделу Енох Минович Понт-Колотийский к вашим услугам, господа! — громко и внятно произнёс Енох, с достоинством чуть склонив голову и обводя взглядом стоящих вокруг людей.

— Коллега! — всплеснул руками Юнус Маодзедунович и полез было с объятиями, но, столкнувшись с вежливо-холодным взглядом визави, ограничился пожатием протянутой ему руки. — Ну и как, собака-то выть начала? Уже вторые сутки полной луны.

— А что с ней станется? — с ленцой отозвался Енох. — Воет, бестия.

Последнее замечание сразу явно разрядило обстановку, и после минутного замешательства начался присущий таким случаям лёгкий галдёж. К Еноху потянулись руки, каждый спешил назвать свою фамилию, удел, звание, произнести одну-две ничего

не значащие фразы, непременно пригласить в гости и пожелать удачи на новом месте. Одним словом, разгадав его личность, народ вздохнул с облегчением, и теперь раскованно знакомился с равным себе по положению.

«Из всей этой шатии только один граф, один барон и три хана, — отметил про себя Енох, — не густо, но на безрыбье и рак за щуку сойдёт».

Однако в следующую минуту внимание присутствующих было отвлечено от Еноха, так как стало ясно, что всем желающим попасть в высокий кабинет сегодня уже не удастся. Требовательный звонок, как в театре, оповестил о необходимости спешить в актовую залу, где уже были расставлены по столам таблички с фамилиями чиновников, приглашённых на совещание.

Когда Енох появился в зале, народ неспешно и без особого шума рассаживался, переговариваясь вполголоса, приветствуя друг друга сдержанными кивками либо чинно раскланиваясь, судя по всему, со старшими по службе. Совещание вёл первый заместитель Генерал-Наместника, человек от природы спокойный, с тихим, невнятным и слегка шепелявым голосом. То ли от этой шепелявости, то ли от неопределённости темы, то ли от дорожной усталости, но буквально минут через пятнадцать большая часть собравшихся спала мёртвым сном. Ведущего и докладчиков это нисколько не смущало, и сами выступающие, оттарабанив положенное, вскоре мирно засыпали, устроившись в зале на жёстких откидных креслах. Незаметно в предательскую дрёму провалился и Енох. И не только провалился, но успел даже увидеть какой-то до необычайности приятный сон.

Еноху снилась большая лунная поляна в сосновом бору, посреди которой стоял высокий шёлковый шатёр, на манер былинных, у шатра сидела в прозрачных одеждах светловолосая голубоглазая красавица и неспешно расчёсывала серебряным гребнем длинные густые волосы. Звучала какая-то чарующая музыка, расторопно и беззвучно сновали служанки, подстать хозяйке, хорошенькие и гибкие… Музыка постепенно становилась протяжнее, словно где-то в невидимом магнитофоне заело пленку. Еноха это насторожило, он напряг слух, и вдруг уже не музыка, а словно надрывный звериный вой заполнил собой всю окрестность, и в это время незнакомка подняла голову и поманила Еноха к себе. Тут вокруг сделалось ужасно шумно, и Енох проснулся.

Высокое собрание задвигало стульями, откровенно потягиваясь, загалдело, заулыбалось, заспешило, курящие уже потяну-

лись из залы, на ходу доставая из карманов свои привады, нетерпеливо разминая тонкие, слегка похрустывающие белые цилиндрики заморских сигарет.

— Господин Понт-Колотийский! Вас приглашают для аудиенции к его высокопревосходительству господину Генерал-Наместнику, — громко возвестил появившийся из правой двери чиновник.

Енох спросонья растерянно оглядывался вокруг, словно дожидаясь ещё какого-нибудь подтверждения только что услышанному.

— Енох Минович, вы бы поспешили. Ирван Сидорович там вас в коридорчике поджидает, он, конечно, не бог весть какой чин, но уж очень близок к самому. Так что поспешайте, мой вам совет! — с жаром шепнул Юнус Маодзедунович почти в самое ухо. — Воробейчиков страсть как не любит опозданий да проволочек, военная косточка, сами понимаете! Так что уж идите с Богом, не мешкая...

Пробормотав невнятные слова благодарности и прихватив свой тощий портфельчик, Енох поспешил к выходу. В тесном коридоре действительно, стоял какой-то человек, хмурый и неприступный, словно байкальский утёс.

— Извините, я — Енох Минович Понт-Колотийский.

— Хорошо-с, — вертанувшись на каблуках, произнёс чиновник и уже из-за спины бросил, — следуйте за мной.

«Тоже, наверное, из вояк, болван неотёсанный», — подумал Енох, без особой приязни разглядывая широкую спину своего поводыря. Миновали ещё три поста охраны и, прошагав несколько метров по толстому, явно восточной работы, ковру вошли в просторную приёмную.

— Повремените минуточку, их высокопревосходительство изволят говорить по телефону. Присаживайтесь, пожалуйста.

Продекламировав полный набор дежурностей воркующим грудным голосом, полноватая миловидная женщина плавно выплыла из-за стола и, огорошив Еноха редкой для этих мест стройностью ног и неуместной в столь высоком заведении короткой юбкой, проследовала в открытую дверь комнаты помощника Генерал-Наместника.

«С ума можно сойти от их простоты и непосредственности. Подаяния тащат не стесняясь, конвертами шуршат чуть ли не в открытую, дамы на рабочем месте в полной боевой готовности. Не удивлюсь, если у неё под этой “мимо-юбкой” ничего нет», — провожая секретаршу растерянно-заинтересованным взглядом, подумал Енох.

«Ишь ты, как на чужое-то пялится, торопыга московская, — наблюдая за новичком, отметил про себя Ирван Сидорович. — Наприсылают сюда разных хлюстов, а нам с ними возись. Куй будущие управленческие кадры себе же на голову. Это оне сейчас такие кроткие и застенчиво на чужих секретуток пялятся, а как пообвыкнутся да взлетят на верхние шестки, тут уж ничего хорошего от них не жди! Пройдут мимо и не заметят, да и на том спасибо, хорошо, коль не нагадят! А вот то, что ты, субчик, на Индиану с пусканием слюней глядел, про это мы непременнейше просигнализируем кому следует».

На рабочем столе секретарши что-то запиликало, завздыхало. Она впорхнула в приёмную, сноровисто взяла трубку, внимательно её выслушала и, повернувшись к Еноху, с многозначительной улыбкой сообщила:

— Вас ждут. Прошу оставить в приёмной мобильные телефоны и пейджеры.

— Пока не обзавёлся, — с ответной всепонимающей улыбкой отозвался Енох и прошёл в высокий кабинет.

5

Машенька проснулась поздно. Почти всю ночь они проговорили с тёткой. Ах уж эти женские разговоры! Сколько в них всего самого-самого! Как они будоражат душу, как сладостно порой дают волю слезам, как трогательно вырывают из груди долгие вздохи! Кто не испытывал на себе их сладостные чары, тот или чёрств или обделён великой благодатью душевного родства. Долгие часы обращаются в краткие мгновения, когда, казалось, только что взошедшая луна пророчит нескончаемую ночь, а гляди же ты — уже предрассветно заливаются птахи и вовсю золотится набухший новым светом восход, а разговор всё не кончается и не кончается. И вот в результате уже белый день на дворе, а веки ещё смежены, и сон отпускать не желает, и уступать место жужжащему назойливой мухой утру не спешит. Разгоревшееся солнце медленно плавится в полуденном мареве, и надо пробуждаться, а уж как не хо-о-чется…

Девушка потянулась всем телом, вдохнула полной грудью, задержала дыхание, длинно выдохнула и только потом открыла глаза и села на кровати, поматывая из стороны в сторону слегка тяжеловатой головой. Окно так и осталось открытым, только

тонкая сетка от комаров выгибалась, словно парус, и казалось, что не воздух колеблет тонкую ткань, а тугие потоки солнечного света. В памяти всплыл ночной разговор, и Машенька немного загрустила. Так непривычно, что она уже не ребёнок, что через четыре дня ей восемнадцать и впереди сложная, пугающая неизвестностью взрослая жизнь, замужество, дети, свой дом и какие-то новые хлопоты. Она встала, подошла к зеркалу, придирчиво себя осмотрела и, оставшись вполне довольной своими правильными формами и покатостями, отправилась умываться.

В столовой было тихо и прохладно. Дворовая девушка Даша, с которой у Машеньки была старая дружба и ещё детские общие секреты, быстро собрала нехитрый завтрак.

— Вы, барышня, не наедайтесь, через полтора часа обед. Хозяйка велела вас разбудить к столу, а вы вон сами раньше встали.

— Дашка, я тебя когда-нибудь поколочу! Что это ещё за «барышня»?! Мы все русские люди, и все перед нашим Богом равны!

— Перед Богом, может, мы и равны, Мария Захаровна, а вот перед вами и тётушкой вашей мне равняться как-то не сподручно будет. Вы — баре, а я — простая крепостная девушка.

— Ну, Дашенька, что ты несёшь? Мы же с тобой подружки, вспомни, сколько всего и всякого нас связывает! Или ты нарочно это затеяла, чтобы меня позлить?

— Да полноть, что же это я вас спросонья-то злить буду? Просто детство детством, а жизнь жизнью. Мне вон Полина Захаровна с утра велели поступать в полное ваше распоряжение и быть неотлучно с вами, так что с сегодняшнего дня я — ваша личная служанка.

Девушка заплакала.

Маша отбросила салфетку и, выскочив из-за стола, обняла девушку.

— Что это ещё за глупости такие? Перестань сейчас же! Дашенька, да это я сама вчера вечером попросила тетушку позволить мне почаще бывать с тобой, учиться у тебя рукоделию, стряпне, ну, и всему такому, ты же знаешь — я полная неумеха. Прости, если я тебя этим обидела. Ей-богу, я этого не хотела...

— Да неужели я против учить вас всему и помогать во всем? — продолжая шмыгать носом, сквозь слёзы отвечала Даша. — Нет, вы ничего такого не подумайте. Мне это радостно, да и привычно, чай уже столько лет вместе. И интересно мне с вами, вы вон учёная, не то что я — пятилетку бесплатную окончила и всё, а далее-то у родителей достатка двоих учить и не хва-

тило. Вы же знаете, брат полную школу окончил и сейчас в губернском городе в академии учится. Не с того я плачу, что велено мне при вас состоять, а с того, что вы вон погостите и подадитесь обратно в заграницы, и мне тогда с вами ехать надобно будет. А мне нельзя ... — девушка опять заплакала.

— Перестань же ты реветь, как дитё малое! Никуда я пока не собираюсь от вас уезжать. Уж год точно буду здесь, решила тётке помогать, да и пожить по-нашему, по-русски, работам всяким сельским научиться, присмотреться, как хозяйство вести. Вот поэтому тебя к себе и попросила, ты же мне как родная. Вот глупая, — продолжая поглаживать всё ещё вздрагивающие плечи, ласково говорила Машенька, — заграницы испугалась, а ведь и там интересно. Сама же ведь всё расспрашивала, презентами моими среди дворовых задавалась, и на тебе — слёзы...

— Что вы, Мария Захаровна, вы такая добрая, я с вами хоть куда готова, только не могу я сейчас уехать из дому, сердце моё не выдержит, — и, украдкой глянув на дверь, ведущую в кухню, она страстно зашептала: — Я же в Юньку влюбилась. Мы, почитай, уже как полгода женихаемся...

— Как женихаетесь, и кто этот Юнька? — тоже переходя на шёпот и косясь по сторонам, с нескрываемым интересом перебила её Машенька.

— Да всяко по-разному, — хихикнула сквозь слёзы девушка, — я совсем голову потеряла, знаю, что нельзя так, а по-другому не могу, как представлю, что он с кем-то другим на наш сеновал полезет, аж искры из меня летят. Не обижайтесь на меня, Маша, но нельзя мне сейчас уезжать.

— Да кто ж тебя неволит? И ещё раз повторяю, я никуда и сама пока не собираюсь. Так кто такой этот Юнька? Ты уж откройся, не томи сердце, мне же самой ох как интересно!

— Да знаете вы его, Юань это же, сын Агафия, конюха барского!

— О господи! Он же совсем конопатый! И помнится, не ты ли пуще всех его за это и дразнила?

— Дурочкой малолетней была, а может, и тогда уже бабья натура своего требовала, только я того ещё не понимала. Вы не подумайте там чего, — вдруг как бы спохватившись, с гордостью прибавила Даша, утирая зарёванное личико, — у нас это всё вполне серьёзно. Он тоже меня любит, и поженимся мы, бог даст.

— Ну, вот и хорошо, на свадьбе попляшем, — мечтательно протянула Машенька, — вспомни, мы же об этом с тобой не од-

нажды мечтали. Любит. Да как же это прекрасно! Здесь петь, кричать надо от радости, а ты в слёзы да про какие-то сеновалы...

— Это у вас, может, у господ, кричать надо. У вас, вестимо, всё напоказ, а у простых о любви лучше молчать до поры до времени, а иногда вообще о ней и не поминать, целее будет. А сеновал, он — что будка для кобеля. Походит, побродит он кругами один да и приволочёт кого-нибудь, или какая сука сама на себя затянет. Тут, барышня, ушами хлопать никак нельзя!

— А что это вы там воркуете? — перебила их на самом трепетном месте тёткина домоуправительница Глафира Ибрагимовна. — Дашка, ты что вытворяешь? Скоро обед, а стол не прибран! Ты, Марья, меня извини, опосля обеду поговорите, народу работать надо.

— А где тётя?

— Как где? В поле. Ещё спозаранку укатила на своей тарантайке. Скоро приедет. Ты бы, бариня, сама-то пошла к обеду прибралась-приоделась бы, а то, чай, третий час уже пошёл.

Машенька, одновременно пристыженная и взбудораженная, поднялась к себе. В сбивчивом рассказе подружки детства было что-то такое, чего ей не хватало самой, от чего она просыпалась по ночам с громко стучащим сердцем, от чего надсадно и долго ныло внутри. Ох уж эта любовь в преддверии восемнадцатилетия!

Полина Захаровна въехала во двор на видавшем виды американском армейском джипе, их в начале крепостного права поставляли нам по новому ленд-лизу из Афроюсии якобы задаром, но после оказалось, как всегда: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. За эти стареющие на армейских складах машинки пришлось отписать афроюсам, почитай, половину Чукотки. Когда эта сделка века состоялась, выяснилось, что другую чукотскую половину тем же юсикам уже лет сорок как заложила семья Ромовичей, чей дед когда-то там губернаторствовал, да и приватизировал за бесценок эти бросовые земли. Юсики тут же разбили на этой огромной территории дополнительно три штата, за полтора месяца отыскали в Чукотских недрах уйму золота, нефти и других полезных, а главное, пользовательных ископаемых и огородили свою местность высоченной Прозрачной стеной. Наши туда, к стенке этой, на выходные ездят на оленях, как в кинотеатр, поглазеть на невзаправдошнюю жизнь.

Отряхиваясь от пыли, Полина Захаровна кого-то костерила на чём свет стоит. Только внимательно прислушавшись, можно

было понять, что все эти виртуозные завихрения полунормативной лексики относятся к Генерал-Наместнику Воробейчикову.

— Ну, остолоп египетского разлива! Ну, вражина! И где их Царь только отыскивает, в каком дерьмоотстойнике? Ведь захочешь пугало огородное найти, чёрта с два подобное им сыщешь! А эти как лепехи после коровьего стада, куда ни встань — сплошная дрянь! Это же чего эта генеральская рожа учудила! Нет, вы только послушайте, люди добрые, — при этом барыня почему-то воздела руки свои к небу, как будто только там и остались ещё порядочные сограждане, а рядом, на земле, — сплошь воробейчиковские выкормыши. — Этот остолоп, уж не ведаю, сам ли придумал али высокое начальство надоумило, но намедни издал строжайшее повеление о запрещении местным курам несения более трёх яиц в неделю. Ну дурелом! И главное, ответственность за соблюдение сего умопомрачения возложил на владельцев петухов. Ох, птичник в лампасах!

Все дворовые высыпали наружу, слабо соображая, что происходит, но понимая: лучше быть у барыни перед глазами, чем потом получать взбучку за отсутствие на «нравоучительстве», как про себя окрестили подобные формы критики начальства местные острословы.

— Так может, матушка, для него, кобеля, что девка, что курица — одна масть, — отозвалась с крыльца Глафира Ибрагимовна.

— Ох уж и не говори, Глафирушка! Где только вот сыскать грамотея, чтобы петухам-то всю эту дурь растолковал? Видать, придётся Юаньку в Москву за толмачами посылать. И смех и грех. Но вы же главного ещё не слышали! — С этими словами, она извлекла откуда-то из-за пояса сложенный гармошкой продолговатый лист бумаги, развернула его и, стоя на автомобиле, как заправский глашатай, начала читать. — А кто станет противиться этому повелению, приказываю: хозяина петуха, не взираючи на половую принадлежность, вероисповедание и возраст, сечь батогами, исчисляючи количественность наказания в простой прогрессии за каждое незаконнорождённое яйцо… Да погодьте вы ржать! — еле сдерживая себя, прицикнула Полина Захаровна на захихикавших девок и продолжила: — …петуха-ослушника, — барыня набрала полную грудь воздуха, — после публичного избиения ивовым прутом малого калибру подвергнуть принудительной кастрации, коию надлежит производить под наблюдением соответсвующего медицинского работника по животно-птичьей части!

От услышанного собравшиеся, лишившись дара речи, какое-то время молчали, только было слышно, как кудахчет за домом курица, оповещая окружающих о снесённом яйце, но потом вся дворня разразилась таким хохотом, что, казалось, того и гляди, начавшие собираться хмарки сорвутся со своих невидимых крюков и шмякнутся о землю. Вместе со всеми задорно до слёз смеялась и Машенька. Полина Захаровна стояла монументально гордо, как статуя какого-нибудь полководца, со злосчастной бумагой в руке. Она не смеялась, только озорные искры, словно короткие синие молнии, сыпались из глаз да ходуном ходили желваки на скулах. Победно осматривая свою рать, она задержалась на смеющейся племяннице.

— Ну и как тебе, Маша, законность наша? Ты гляди, я с этими кастрированными петухами стихами заголосила. Привыкай, дочка, это Родина, а её не выбирают, здесь не живут, здесь выживают и всё равно поют песни, влюбляются, рожают детишек и от пуза ржут над собой и начальством. Господи, сколько же нам ещё мучиться всем этим? Ну хоть детей наших пощади, они уже в заграницах у́чены, поразбегутся же все, тут и так уже одни дурачки да алкаши пооставались! Ох, грехи наши тяжкие! А что, Глафира, обед-то готов?

— Готов, барыня! Остыл уже, чай!

Обедалось весело. Здесь за столом и выяснилось, что грозная реляция была вызвана опасениями Генерал-Наместника «...усилившейся в последнее время тенденцией роста куро-петушиного поголовья во врученном мне особом окуёме, что может неизбежно привести к нанесению невосполнимого урону дружеской нам Афроюсии в трудные времена обретения старого своего наименования Соединенные Штаты Америки. И урон сий может приключиться в области производства основного вида их экспорту — куриных ножек имени отца, сына и внука Буша. А сия недальновидность чревата новой волной гонки вооружений и возможностью военного конфликту, коий теперь крайне нежелателен для нашей идущей на подъём державы».

Все дружно смеялись и порешили вечером собраться на птичнике, дабы от имени петухов и примкнувших к ним из солидарности иных особях мужского пола написать письменный протест на бесчинства генерала Воробейчикова в Международный комитет по правам и свободам всех видов земной жизни.

Ещё не встали из-за стола, как пошёл ёмкий такой дождик. Проворные тучки, сновавшие по насупившемуся небу, сбира-

лись в какие-то серые туманности, набрякали небесной влагой и доились тёплыми струйками, сквозь которые откуда-то сбоку светило солнце. Сразу три радуги выгнули над миром свои разноцветные древние подковы, о чём-то возвещая заблудившимся в самих себе людям.

После обеда все разбрелись по своим заугольям и, притулившись кто куда, сладко и безмятежно окунулись в тихую послеобеденную дрёму. К счастью, и эта древняя наша традиция вернулась. Оказалось, что днём подремать полезно не только детям, но и их затюканным подёнщиной родителям. Во все времена и во всём мире народ посреди дня расслаблялся кто как мог и кому как позволяли условия и традиции, а мы последние полтора века, наскоро подавившись половиной батона с кефиром или осклизлой котлетой с мутью жидкого супчика, торопливо обтерев липкие от моргусалина губы, после чего с удовлетворением вставив в рот воняющую горелой тряпкой «примину», летели вприпрыжку на своё рабочее место, чтобы в полусонном состоянии гнать послеобеденный брак. Хорошо было НИИшникам, они своё всё равно урывали украдкой за кульманом, размазывая по ватману сладкие сонные слюни. У всей Европы сиеста, а у нас брак, травматизм и недород по части демографии. Но и это, слава богу, в прошлом. А иные говорят о пагубности крепостного права! Балаболы и гнилые либералишки! Какие пагубности? Сплошь положительные моменты на пути воскрешения величия нации.

Машенька задремала сразу же, как только коснулась головой подушки, так и не сняв с себя модного красивого платья, в котором вышла к обеду, чем весьма порадовала тётку. И приснился ей сон. Будто она сидела посреди залитой лунным светом поляны, почти голая, в какой-то прозрачной накидке, и медленно расчёсывала свои волосы большим серебряным гребнем. Где-то далеко тихо и красиво выла собака, свистели невидимые ночные птахи, мимо сноровисто и гибко, словно танцуя, сновала Даша с другими дворовыми девушками. Всё было покойно и блаженно. Вдруг Маша увидела какого-то мужчину. Сначала ей показалось, что это Юнька, будто зовущий её на сеновал. Она поднялась и, пряча глаза от Даши, пошла на этот беззвучный, лишающий воли зов. И уже почти приблизившись к ведущей в небеса лестнице, уже взявшись руками за прохладные, отполированные временем и миллионами её предшественниц перекладины, она сделала первый шаг и в ужасе увидела, что там, наверху, её манит руками не Юнька, а какой-то

совсем незнакомый ей человек в красивом заграничном платье и с загадочной улыбкой на устах. Она вскрикнула от неожиданности и проснулась. У двери с охапкой её вещей, собранных для стирки, замерла испуганная Даша.

— Господи! — роняя свою поклажу, бросилась она к растерянно озирающейся Машеньке. — Что же это вы себе такое наснили? А закричали-то как! Аж кровь заледенела, вон руки какие холодные сделались, вы только потрогайте!

— Ах, Дашенька, глупости какие-то приснились...

— Нет уж, вы мне хоть намекните, кто вас так перепугал-то? Ну, пожалуйста, Мария Захаровна! А я вам попробую сон растолковать. Вон иной раз сама Глафира Ибрагимовна меня к себе призывает по этой части. Но у неё сны уж дюже неинтересные, всё про муку да про варенья с солениями. Машенька, ну поведайте...

— Хорошо, только, гляди, не вздумай болтать, — и она рассказала всё: и про поляну, и про наготу, и про собачий вой, и про лестницу, и про неизвестного симпатичного мужчину, опустила только про Юньку, по зову которого, собственно, и собралась она на сеновал подниматься...

— Ой, барыня, любовь вас ждёт пресильная! — радостно всплеснув руками, закружила по комнате Даша. — Как я рада! Вот только есть в вашем сне какие-то неясности...

— Какие?.. Говори же, не томи меня...

— Да я и сама пока не поняла. Можно мне с кумой мельника, Анютихой, посоветоваться? Нет, боже упаси, о вас ни слова! Я всё, вроде, как про себя расскажу. Она в окуёме лучше толкует сны и гадания. Ну, не робейте. — Девушка замолчала, а потом, сразу посерьёзнев, как-то нараспев промолвила: — А может, и не надо до всего дознаваться, придёт время, оно само и откроется.

— Нет уж, Дашенька, ты мне всё поразузнай. Я же теперь сама не своя буду, пока до всего не дознаюсь. Сердце до сих пор так и прыгает.

— Да вы никак ещё и нецелованной будете? Ой, простите меня, Мария Захаровна, что-то я совсем от радости за вас в дурь попёрла...

— Да почему же в дурь? Ты, понятно, опытнее меня. Нет, я, конечно, целовалась, и не раз, но дальше поцелуев и взаимной дрожи как-то всё, признаться, и не заходило. Правда, один раз... — Маша как бы спохватилась, — но это не в счёт, и к мужчинам не имеет никакого отношения. — Девушка залилась румянцем.

— Да престаньте вы, дело это житейское, все мы, бабы, первый сок из себя сами или с подружками выжимаем. Это уж после, как иного медку попробуешь да в охотку войдёшь, вот тогда уж страсти обуревать начинают, а всё, что до этого, — девичьи шалости. Ладно, весь ваш сон я разузнаю. А ещё, ой, господи! Совсем из головы выскочило, — она зачем-то с опаской покосилась на дверь, подошла к окну, перегнувшись, глянула вниз и вернулась к Машиной кровати: — Юнька сегодня согласился взять меня на одно очень рисковое дело. Оно противозаконное, и, ежели кто дознается, всех колодки ждать будут, а может, и угольные копи...

Машенька вся напряглась и подалась вперёд, боясь пропустить хоть одно слово.

— У нас здесь в окрестных чащах объявился недавно глашатай воскресшего старинного бога. Люди к нему разные по ночам собираются. Вопросы пытают, о жизни, об урожае, о властях, о жёнах… ну и о других разностях выспрашивают, а старик этот их, знать, поучает. Да, говорят, так ловко, складно, а главное, всё, что ни скажет, — сбывается. Жуть как интересно. Юнька говорит, что туда только мужиков допускают, хотя за дедом тем неотлучно следуют три или, может, и более молодые высоченные девки. Внучки они ему, прислужницы или ещё кто, о том никому не ведомо. Вот так-то. Ну что, пойдём?

— Конечно, пойдём… но только ты же сама говорила, что девиц туда не пускают...

— А мы впотай пойдём. Дед этот из чащоб в полную луну выходит и всегда к одной и той же ярыге. Оне там внизу у костра будут своё гутарить, а мы сверху, в хмызняке притаившись, послушаем. Може, чего и учуем, а не учуем, так хоть увидим. Шутка ли, глашатай самого древнего бога! Вы это… как дом весь уснет, оконце отворите, Юнька лестницу приставит — вроде как ремонтировать что затеял, а вы потом по ней в сад спускайтесь, как условный сигнал услышите. Кукушка три раза кукукнет, малешко помолчит и ещё два разочку: ку-ку, ку-ку. Хорошо? Только в тёмненькое оденьтесь, в штаны какие и рубаху. Ну, я побежала, а то не успею ваши одёжи постирать да высушить...

6

Аудиенция у Генерал-Наместника удалась. И презент он принял, и родительский привет, и сам, почитай, битый час вспоминал их молодые похождения. Расчувствовался, а когда Енох ещё

сообщил, что в Кремле ему выбор был, куда пойти служить отчизне, и он сознательно, ну и по совету отца, конечно, предпочёл этот далёкий окуём столичным задворкам, тут Урза Филиппович и вообще в полный восторг пришёл.

— Я вот что вам, милейший Енох Минович, скажу, каждый державный муж приходит к такой потребности, когда ему уже ни денег, ни чинов, ни продвижения не надобно, а одно единственное душу и разум напрягает — жажда передать свой опыт, свои знания молодёжи, идущей за тобой по государственной тропе служения Августейшему Демократу. Вот в чём весь смысл нашего земного бытия, вот что ни тлен не тронет, ни червь не подточит. Но как редко ныне найдёшь достойных юношей, способных стать учениками. Все сразу стремятся в наставники, все норовят поучать! А сам-то, сам-то от горшка три вершка, жиденькую бородёнку отрастил, заморскую бурсу, прости господи, закончил, ветров разных понахватался и уже мнит себя столпом экономики, уже в министры метит, уже истины с экранов вещает, великой державой управляет! Грефит хренов! А сам ведь и гвоздя ржавого самостоятельно никогда не забил, паршивой лавчонкой на удельном базаре никогда не руководил. Зато языком ловко тренькает! Тьфу да и только!

— Вы, глубокоуважаемый Урза Филиппович, даже и не подозреваете, до чего вы правы. Моему поколению, хоть и пожили мы ещё недостаточно, но уже много чего такого досталось. И насмотреться на всякое пришлось и умников этих среди моих погодков наблюдать приходилось, так сказать, в самом зачатке. Гнилостный в подавляющей массе народец, продувной и босяковатый. А главное, почти сплошь инородный. Ну, о каких они интересах Державы печься могут, когда их земля обетованная — Объевра. Нешто они от писка нашего отечественного комара в умиление придут и умилённость эту деткам своим передадут? Я и больше вам скажу — только вы уж откровения мои за крамолу не примите — так вот, не та поросль молодая вокруг нашего Царя-батюшки собралась, а сплошь чертополох какой-то безродный, дачно-приозёрский. Мне так думается, что вот такие светлые умы Отчизны, как вы, Урза Филиппович, должны быть в ближнем окружении Президент-Императора. Родине замежники никогда особенно не прияли.

— Мой вам совет, — многозначительно воздев указующий перст, нравоучительно произнёс генерал, — о замежниках да инородцах среди чужих людей поменьше распространяйтесь. Откуда в нашей многонациональной державе инородцам-то взяться? Все мы инородцевы дети, и от этого никуда не деться,

так что лучше помалкивать от греха подальше. Времена нынче, сами знаете, какие! Голубые цвета опять в моде, и древняя истина «лучше первым застучать, чем потом полвека перестукиваться» ох как актуальна...

«Да, кажись, перебрал я малость, — слегка сдрейфил Енох, — и батя про его инородничество ничего не говорил. Да и вообще что-то меня для первого раза слишком понесло!» — а вслух слегка виноватым голосом произнёс: — Так я же о благе Отечества и пекусь, а крамола как раз от этих умников и идёт...

— Батюшка вы наш разлюбезный, — одобрительно, видя покаянность, принялся поучать начальник, — из-за межи к нам, тёмным, свет истины и свободы идёт. А крамола, она вон у нас самих колосится, словно бурьян. Вы это накрепко запомните, без Запада и без Запада-Востока мы — ноль без палочки! Мы — срединная мягкотелость, в том беда и сила наши. Поэтому давайте в рабочих кабинетах о пустопорожних предметах говорить не будем. Оно что, у нас с вами других тем для разговоров не найдётся? — решил на всякий случай перестраховаться Наместник. «Кто его знает, что за фрукт приехал в его округ, хоть и сынок молочного брата, но для начала следует проверить, а уж потом дозволять крамолу говорить», — подумал он и, не сбавляя оборотов, продолжил: — Я вот в толк никак не возьму, вас что там, за бугром, недоучили малость али наоборот переучили вусмерть? Ровно как Берёз-Вениковский, царство ему небесное, околесицу несёте, сие, мне кажется, не по чину.

— Вы простите меня, господин Генерал-Наместник! — переходя на официальный тон и понимая, что он действительно малость перегнул палку, принялся с глуповатым нахрапом оправдываться Енох. — Я с вами полностью согласен, вестимо, у нас и своей крамолы полно, однако, сбежавшие враги Царя-Президента и святой Державы нашей, они ведь в основном в заграницах поокопались и всё порываются души молодые калечить! — делая вид, что предыдущие слова начальника его никоим боком не касались, гнул своё посетитель высокого кабинета. — Нынче наш отчий дом, как считает народ и отец наш Его Величество Преемник Шестой, на подъёме находятся. Благосостояния людские растут, промышленность прёт вверх, червонец стабилизировался, того и гляди золотым станет, войны утихают, хлеба и зрелищ своих имеем предостаточно, а главное, демократия заматерела и обратилась в незыблемость. Это же очевидно всему миру! А что эти, простите за несалонное слово, гниды, творят? Они хулу на нас собирают,

каждый успех в поражение норовят обернуть. Детей от родителей пытаются отбивать! Тургенят, одним словом, рахметовщину с базаровщиной разводят. Инородцы они для всех нас и всего демократического человечества. Инородцы не по рождению, не по крови, а по духу своему гадкому. Замежники, потому как за межой порядочности и нравственного патриотизма живут. Вот каков смысл я вкладывал в эти слова. Вы должны понять мою горячность. А теперь об учёбе в Объевре и милой сердцу Афроюсии. Если быть до конца честным, учению тому грош цена. Наплевать и забыть, я вот только с сего дня по-настоящему учиться-то и стал, за что вам поклон земной и сыновняя благодарность.

«Ты посмотри на это отродье банкирское! И где только нахватался всего? Да, с таким ухо надо держать востро. А может, он правду говорит? Поди их сегодня разбери, молодых этих, хотя не так уж он и молод. Воно куда хватил, аж самого Тургенева приплёл. К месту или не к месту, а учёность свою показал. Молодец! Может далеко пойти, ежели, конечно, мы ему позволим», — полуприкрыв лицо широкой ладонью, думал старый генерал.

Потом долго пили чай и говорили о местных красотах, дикости нравов и привычек.

— Вы там поосторожнее в своём уделе. Оно, конечно, вам после предшественника вашего окаянного трудновато будет. Отчаянный он был малый, порой до настоящей жути. Однажды уже к вечеру прибыл ко мне с докладом. Хотя я не большой любитель дергать людей понапрасну, пусть себе работают, да и средств экономия, а то одного бензину уходит прорва. А здесь заявился, весь блестит, как масленичный блин, и говорит, мол, извёл я, ваше высокопревосходительство, в своём уделе недоимщиков, ябед и прочую противоправную нечисть, — и бах мне на стол нечто в полотняном мешочке. Я уже, признаться, и перекреститься было собрался, думал, что он мне чью-то отрубленную голову приволок. С него-то станется! А он это, тесьму-то распустил и достаёт из мешка своего трёхлитровую банку. Стекло-то зеленовато-мутное, да и я уже на глаза ослаб. Придвинулся поближе и едва было чувств не лишился. Ирван опосля насилу микстурой отпоил.

— Так что же в банке-то было?

— Уши.

— Как уши? — остолбенел Енох.

— А так, господин хороший, обычные человеческие уши, — понизил голос хозяин кабинета. — Почти половина банки, да ещё и самогоном залиты, чтобы не завоняли. Пришёл в себя я малость.

Дрожь унял и спрашиваю, что же ты, паршивец, творишь? А он мне ничтоже сумняшеся и брякает: устанавливаю, мол, демократию и веду активную борьбу с антигосударственным и несознательным элементом. Здесь, говорит, всего тридцать левых ушей и двадцать четыре правых. И пусть знают, ежели, говорит, не исправятся, приду и уже не уши, а сами головы отрежу и у изваяния Преемника Великого поскладываю как отчёт о проделанной работе. Отправил я его с этой жуткой посудиной в гостиницу, а сам за телефон и ну в столицу звонить. Дело-то не шутейное, это тебе не солдат какой проштрафился. Звоню и туда и сюда, а там, как всегда — ни да ни нет. Потом один из визирей спрашивает, дескать, жалобы от населения есть? Нет, говорю, не поступало. «Так чего же ты волну гонишь? Ты сам безухих-то видел?» Нет, говорю. «Ну, так на нет и суда нет, — мудро резюмирует мой собеседник. — Ты его пока в дурдом определяй, да и бумаги соответствующие готовь. Хотя, говорит, и жалко будет расставаться, такие работники нам, между прочим, тоже нужны, да и опять-таки на действительного тайного советника документы его посланы». Вот такой у вас предшественник был, — подвёл итог хозяин кабинета. — Да вы, наверное, и сами уже наслышаны. Многое люди, конечно, как всегда, врут. Вы, главное, не тушуйтесь попервости. Как себя изначально поставите, так вас общество и воспримет. Месяца три-четыре вас многие на «понял-понял» брать попытаются...

— И кто же на такое решится? — удивлённо поднял брови Енох.

— Да кто угодно, — усмехнулся старый генерал. — И те же помещики, и служивые федералисты и, вестимо, муниципальный староста, и депутаты удельных каганов, да мало ли ещё какого люду по окуёмам шарится. В случае чего вы особо не миндальничайте. В государстве всегда должна быть строгость. И запомните, никакая другая организация или, если вам будет угодно, шайка, не могут быть сильнее даже самого слабого государства. Это претит здравому смыслу и промыслу Божьему.

— Ваше высокопревосходительство, дозвольте полюбопытствовать, а с ушами-то что стало?

— С какими ушами? А, с банкой? Так она и ныне где-то в краеведческом музее пылится. Правда, теперь как яркий пример изуверства противников нового строя, так сказать, немое свидетельство борьбы старого с новым. И соответствующее пояснение гласит, что в банке уши не злостных недоимщиков и самогонщиков, а праведных активистов, зло умученных сторонниками тёмных сил и антиглобализма. Понимаю ваше юное смятение. Но всякая наглядность,

какой бы она ни была, обязана служить прогрессу. — И глянув на здоровенные часы, выполненные в виде двуглавого медведя, старый генерал хлопнул руками о крышку стола, давая понять, что аудиенция окончена. — Да заговорились мы с вами, однако, а у меня ещё полно неотложных государственных дел. Так что ступайте себе с богом. Батюшке непременно поклон передавайте и обязательно зазывайте его к нам в гости. Уж мы-то с ним тряхнём стариной! Обязательно сообщите, что варьете здесь по фактуре не хуже столичного будет, — прибавил он со смехом. — Ну-с, с богом.

Распрощавшись с начальством, всучив на выходе вездесущему Ирвану Сидоровичу, уже спешившему в кабинет генерала с подносом и пузатой заиндевелой бутылкой, полукилограммовый золотой брелок для ключей, а крутозадой Индиане — объевровские духи, Енох вернулся к товарищам.

Совещание закончилось, и все готовились отметить радостное событие всеобщего сбора в окружном центре дружеской пирушкой, да и повод был преотличнейший. По древней чиновной традиции всякий новичок, поступивший в ведомство, обязательно должен был, что называется, «прописаться» или «проставиться», иными словами накрыть отменный стол и отпотчевать будущих сослуживцев, ну, а если повезёт, то и начальствующий состав. Енох об этом, конечно же, знал, но вместо снеди и домашних припасов, настоек и наливок, прихватил с собой побольше наличности и уже отправил Берию организовывать пиршество в одно тихое, но очень дорогое заведение, об экзотике которого был наслышан ещё в столице.

— Енох Минович, не сочтите за навязчивость, — ещё на лестнице окликнул его Юнус Маодзедунович, — уж коли так свелось, что я стал для вас первым знакомцем, позвольте полюбопытствовать: «прописочку» отмечать сегодня будем? А то народ беспокоится, ежели вы в стеснении нынче, можно сие благое дело и отложить на какое-то время. Ну, а сегодня, кутнём по подписке, этак тыщёнки по полторы с носа.

— Позвольте, Юнус Маодзедунович, какая подписка, какие отсрочки, всё за мой счёт, нешто я традиций не знаю? Вы вот что, ежели это вас не стеснит, подсобите мне список составить, кого, кроме коллег, позвать надобно. «Прописка», она ведь дело нешуточное, от неё много зависит, не правда ли?

— Истину глаголешь, сын мой, — раздался откуда-то снизу по-оперному раскатистый приятный баритон.

Енох в недоумении уставился на Иванова.

— Да это же окружной архиерей, владыко Илларион, вы к нему под благословение обязательно подойдите, а после и на посиделки пригласите, — понизив голос, заговорщически сообщил новый знакомый, — весьма влиятельная, кстати, личность при господине Наместнике, да и вообще, злые языки поговаривают, что он — скрытый масон и чуть ли не держатель мастерка местной ложи.

— Что ж это ты, Маодзедунович, душе новой и чистой про меня там нашёптываешь? Небось опять про мои грехопадения да про это треклятое масонство? Всё — бессовестные враки, любезный Енох Минович, — привычным жестом благословляя согбенного чиновника и принимая традиционные лобзания, благодушно прогудел владыко.

— Ваше преосвященство, не соизволите ли отобедать с нами, недостойными? Так сказать, повинуясь традиции, мы...

— Похвально, похвально, что традиции чтите, но куда же мне в облачении да с панагиями в вертеп разврата и пороков идти...

— Святый владыко, не гневайтесь! Выбор питейного заведения был случайным и, конечно, без учёта присутствия вашей милости. Но я это мигом исправлю, прямо сейчас же дам распоряжение повернуть всё обратно.

— Помилосердствуйте, гуляйте уж своей компанией, своим миром, а мы помолимся о просветлении заблудших душ ваших. Да и дела у меня. Другим разом свидимся, за приглашение спасибо. Так что благословляю я сегодняшний стол ваш. — Громко постукивая золочёным посохом, епископ гордо проследовал далее.

— Ну, вот и хорошо, — опять зашептал Юнус Маодзедунович, — и этикет соблюли, и слуге Божьему весь вечер комплименты петь не придётся.

Енох машинально кивнул, почти не слушая собеседника. «Ты смотри, как у владыки разведка поставлена! Красавчик! Надо будет о нём справки навести, да и сблизиться, чует моё сердце, что это пригодиться может».

Когда честная компания узнала, куда приглашена, произошла немая сцена, а потом хлынул всеобщий восторг. Так почти всегда бывает, когда собирается воедино некое служивое общество. В считанные минуты в нём воцаряется неподдельный юношеский дух, и почтенные чиновники, степенные главы семейств и государевы мужи мигом обращаются в беззаботных, шкодливых школяров или юнкеров выпускного курса. Особенно это заметно в компаниях, где большинство публики составляют воинские

чины или офицеры в прошлом. Там того и гляди один седеющий генерал другому, не менее почтенному, к хлястику виц-мундира серебряную вилку или какой-нибудь бокал на неизвестно откуда сысканной бечёвке подвесить норовит. А так как в нынешние времена почти весь управленческий класс государства в основном формировался из военного сословия, а более — из отставных жандармов, то нравы и повадки в нём царили соответствующие.

Питейное заведение располагалось в неброском кирпичном здании, притаившемся в густых зарослях нарочито неухоженного сквера. Молчаливые швейцары, полусонные, тусклые залы, слабо одетые официантки с одинаково правильными фигурами и длинными ногами. На таких посмотришь и забываешь, что ты зашёл сюда банально пообедать. Несмотря на свои модельные формы, в эти дневные и вроде как не совсем урочные часы, дивы бродили по залу медленно, лениво, не стесняясь, зевали, отчего со стороны напоминали больших красивых рыб. Но стоило только весёлой ватаге ввалиться в заведение, как тут же случилась разительная перемена. Швейцары выпрямились во весь свой гренадёрский рост, метрдотели громко захлопали, вспыхнули где-то запрятанные светильники, по стенам заскользили непонятные и будоражащие воображение тени, у официанток попки встали на боевой взвод, а аппетитные груди моментально повываливались из лифов, призывно подмигивая коричневыми зрачками сосцов. Гульба начиналась.

Русская попойка отвратительна, но попойка русских чиновников отвратительна вдвойне и, может быть, сопоставима по своей ненасытности только с пьянкой братьев по бывшему лагерю социализма, сейчас уже вовсю свободных, гордых и безбожно бедных, отчего всё время норовящих объединиться то в какие-то великие княжества, то в графские демократии, то в народные ханства. Многие, кстати, предполагают, что слияния эти не обходятся без пресловутой тяги данных этносов к всеобъемлющей халяве и несусветной зависти.

Настоящая пьянка начинается с осознания дармавщины и открывающихся в этой связи перед тобой перспектив. Негромкая фраза, произнесённая Енохом Миновичем при выходе из представительства: «Господа, попрошу вас в заведении не стесняться, я человек состоятельный и для друзей жалеть презренный металл не стану! Гуляем сегодня по полной!» — была всеми услышана и воспринята как руководство к действию.

Вообще следует отметить, что чиновник ни в одном государстве не любит пьянствовать на свои кровные и всячески стремится изобрести любой способ кутнуть за счёт казны или дохода сограждан. Однако до такого разгула, как у нас, им далеко пока. Там никому и в голову не придёт, что можно, скажем, в обед собрать пол-управления или департамента Главной Администрации страны и увести трапезничать в один из фешенебельных ресторанов, открытых неподалёку специально для этих целей. Это исконно наше изобретение, как и сногсшибательные бани с общим бассейном и девочками, расположенные в старинных подвалах, напротив парадного входа в Конституционный суд, под одной из главных чиновных площадей столицы. Так что наверху тебя начальство дрючит, ну, а в подвале ты уже сам душу отводишь! И ещё не известно, где больше удовольствия, наверху или в сумрачных VIPовских казематах, а главное, кому от этого лучше — тебе или твоему начальнику. Вот такие прелести в главном городе страны, а уж о провинциальных нравах и говорить не следует!

Конечно, в российском разгуле главное — задать правильный тон и темп застолью, а это зависит от управителя столом или, по-базарбузучьи — тамады. В нашем случае в питейном заведении люди собрались дошлые, вместе прошедшие и моря водки, и отроги наветов, и зыбучие пески интриг. Оказалось, что у всей этой разномастной братии были свои неписаные законы, даже свой дуайен — здоровенный, лысый дядька, сыплющий шутками направо и налево, при этом уже пятнадцатый год исполняющий обязанности наместника по Уй-Щегловскому уделу. Ему и было поручено ведение стола. Тосты или заздравницы, как сейчас принято говорить, мало чем отличались от обычного чиновного застолья, а после пятого стакана и вообще перешли в сугубо служебное русло. Почему-то так уже у нас заведено — на работе больше говорить об отдыхе и любовных похождениях, а за дружеским столом о службе да чаяниях народных. Наместники Наместника ничем от своих собратьев, удобно рассевшихся на всех ветках государственного древа, не отличались. Заздравницы говорились по кругу, но из-за малочисленности избранной компании, скоро пошли на второй виток, вот тут и пришла очередь тех полуправдивых разговоров, к которым Енох с интересом прислушивался, чтобы выловить из них разные сведения об изнаночной стороне своей будущей службы.

— Господа! Господа! Вы слышали, что нашего Воробейчикова собираются отправить на повышение? — возвестил сипло-

ватым голосом наместник по Усть-Балде Бубницкий, господин правильной наружности, в прошлом жандармский ротмистр.

— И в который это уже раз? — не без сарказма в голосе отозвался тамада. — У нас что ни день, то пятница! С какой это стати его забирать, да и куда?

— Говорят, в министры обороны...

— Ну, уж это-то точно враки. Как у нас министром может быть военный человек? Вы только вдумайтесь — «министр обороны» и «генерал»! Уже в близкой постановке этаких слов сокрыта крамола. Мы что, воевать с кем-нибудь собрались, да и главное, как на всё это посмотрит мировое сообщество? Нет, господа, генералам у нас к министерскому креслу в военном ведомстве путь заказан. И я считаю, что это правильно. У военных осмотрительности и гибкости недостаточно...

— Помилуйте, да отчего же так? Вон новейшая история знавала примеры, когда люди в погонах возглавляли это министерство, — попробовал заступиться за служивое сословие Енох.

— Милейший Енох Минович, — смачно хрустя огурчиком, нравоучительно произнёс Тангай-бек, наместник по Обькоманскому уделу — погоны погонам рознь. Вот возьмите мои или, скажем, того же Бубницкого, да и любого из здесь сидящих, у нас у всех особые погоны, хотя с виду и похожие на армейские. А всё почему? Да потому, что служили мы по другому ведомству и имели честь состоять в жандармском корпусе его Величества тайной канцелярии. Вот к нам-то и доверие другое, так что те немногие, занимавшие этот высокий пост в былые времена, как раз и были выходцами из глубин нашей родной голубой шинели или уж, по крайней мере, исправно с нами сотрудничали.

— Да бросьте вы, господа, всё о служебных делах говорить! Извольте новый анекдотец, — вклинился Юнус Маодзедунович.

— Валяй, Юнус, да попошлее, а то развели здесь, понимаешь ли, военно-кадровый балаган, — подбодрил его граф Лапотко, — за девицами впору посылать, а оне всё шефа на повышение шлют! Нам что, при нём плохо что ли живётся? Нет, и это всяк скажет, так чего же тогда каркать? Вот пришлют какого-нибудь дуболома, вот тогда запляшем. Давай свой анекдот.

— Было у отца три сына...

— Два умных, а третий русский... — перебил его, подхохатывая Тарабарабуриев, наместник по Уйлатайскому уделу.

— Да не перебивай, а то за испорченную песню оштрафую, — прицыкнул на него дуайен.

— Было у отца три сына. Выросли детки. Вывел их отец в чисто поле, дал в руки по стреле калёной и говорит: «Натяните, сыночки, ваши тугие луки, пустите стрелы в разные стороны, где у кого стрела упадёт, тот там свою любовь и найдёт». Стрельнули детки, и попал старший среднему в жопу, а младший себе в руку.

Народ дружно засмеялся, и анекдоты пошли косяком. После, с подачи дуайена, завели разговор о неразберихе, творящейся в представительстве, о ненужности и глупости присылаемых оттуда бумаг и запросов.

— Абсолютно вы правы, Казимир Желдорбаевич, — поддержал его Тангай-бек, и главное, что всё им необходимо присылать немедленно. А где эту немедленность сыскать, когда в уделе света не бывает по три-четыре дня. Или как ты заставишь уездного голову и председателя народного каганата ежемесячно ездить на стац-совещания, когда совещания эти им нужны как мёртвому ослу припарки?

— А что с него возьмёшь, вояка, одним словом, — со вздохом произнёс дуайен. Вот вам, Енох Минович, и подтверждение слов досточтимого Тангай-бека. Был бы Генерал-Наместник из наших, компру бы на всех давно нарыл, так что, как цуцики, к нему бы все бегали по первому зову. Я-то по первости принёс полный расклад — что, где, кто, с кем и как, а он мне говорит: «Это всё гадости, Казимир Желдорбаевич, и фискальство, недостойное честного государственного служащего. Вы это, говорит, бросьте», — а сам-то бумажку забрал и в стол. Но толку никакого. Небось, вам скучно у нас после столиц да заграниц? — без перехода вдруг спросил он у Еноха.

— Отчего же? — разулыбался хозяин застолья. — Весьма забавно и во многом поучительно. Я, правда, не из жандармского корпусу, но понятия об истинной службе имею и накоротке знаком со многими из руководства внешнеполитического департамента вашего ведомства. Поверьте, господа, буду весьма признателен и рад, если вы просветите меня о делах в моём уделе, действительно интересно, да и полезно знать всё, в том числе и «кто, с кем и как».

— Сегодня уже поздновато, народ уже поднабрался и, кроме плясок половецких да срамных девиц, ни о чём другом говорить не сможет, а вот завтра с утра вы Юнуса попытайте. Он ваш сосед, да и родни в вашем уделе у него полно. Он-то порасскажет, — понизив голос, посоветовал Казимир Желдорбаевич.

— Спасибо, только я было сегодня в ночь собрался уехать восвояси.

— О-о, мил человек! Вы это из головы выкиньте! Ночами у нас неспокойно, ушуйники пошаливают. Да я уверен, и на посту из городу вас одного не выпустят. Так что гуляем, как вы давеча сказали, до упору. А вот и девчонки пожаловали. Эй, бойцы невидимого фронту! Самую красивую сегодняшнему имениннику, Еноху Миновичу!

Все загалдели. Бросились строить слабо одетых девиц, весело поворачивая их и изгибая в разные стороны.

«Ровно лошадей выбирают, — подумал Енох и остановил свой взгляд на миловидной высокой девушке лет тридцати, в простенькой красной кофточке и застиранных джинсах. Длинные рыжие волосы, припухшие силиконом губы, светло-серые глаза, слегка вздёрнутый носик и настырный, выступающий вперёд подбородок. — Чего ей неймётся? В городе бы встретил, принял бы за студентку из добропорядочного семейства. Эх, сложна ты матушка-судьба подрастающего поколения на бескрайних просторах любезного отечества».

7

Костёр горел ярко, отчего лунная ночь больше походила на тихий пасмурный день. Казалось, вот-вот окружающая серость разорвётся и сверху хлынет яркий солнечный свет. Но над горами и тайгой мерцающе горели крупные звёзды, светила полная луна, мирно потрескивал в огне валежник. Вокруг костра, сторонясь жа́ра, сидела небольшая группа вооружённых и вразнобой одетых людей. Огненные блики выхватывали из белёсой полутьмы заросшие бородатые лица, сверкающие недобрым блеском глаза, стёганые ватные халаты и жилетки; красные язычки пламени причудливо плясали на воронёных, прохладных округлостях оружейных стволов. Над костром в большом закопчённом казане кипело какое-то варево. Временами кто-нибудь из молчальников брал в руки большой половник и подливал себе в пиалу беломутную жидкость — традиционный для этих мест зелёный чай, варившийся на молоке с добавлением мёда, соли, бараньего жира и зелёных макушек или листьев конопли. Пойло не только экзотическое, но и чрезвычайно сытное.

— И долго мы будем здесь вот так сидеть?

— А над тобой чё каплет? Сиди вон, чаёк присёрбывай, на лунные красоты любуйся...

— Да пошёл ты со своими красотами! Я тебе что, шавка помойная — свистнули, и я уже, хвоста поджавши, здесь...

— Сар-мэн, ты что это слюни пускаешь? Тя никто не неволит. Вольному — воля!

— Помолчите, резвотварые, счас Макута-бей пожалует, он вам вмиг объяснит, с каковой стороны дураков дерут, — одёрнул молодёжь грузный мужик, подливая себе чаю. — А ты, Сара Менская, вощще заткни своё хлебало, раз кликнул Бей, знать, стрёма где-то стряслась. Он без нуждов стрелки забивать не станет.

— Да я тя счас за Сару, пердло старое, порешу, — выхватывая из-за пояса допотопный пистолет Стечкина, заблажил тот, кого называли Сар-мэном.

— Угомонитесь, придурки! — рявкнул молчавший доселе четвёртый разбойник. — Ну ладно эти щенята тявкают почём зря, а ты, Смит, зачем ещё дегтя в кашу подливаешь? Помолчите вон лучше. Дела-то, видать, серьёзные предстоят, раз Бей всех собирает.

— Чтой-то я здесь *всех* не вижу, — не унимался Сар-мэн.

— А тебе и видеть незачем...

Где-то в темноте леса тихо заржала лошадь. Разбойники встрепенулись, напряжённо, словно волки, повернули свои кудлатые головы в сторону убегающей вниз, к ручью, тропинки. Тихими шелестами и осторожными шорохами молчала ночь, с закипающим сипением потрескивал костёр, казалось, весь мир вымер и никого нет окрест. Но натренированные годами скрытной лесной жизни бородачи слышали стук копыт о каменистую землю и даже негромкий, неразборчивый разговор седоков. Вскорости на полянку неторопко выехало несколько всадников.

— Ну, вот вам и Макута-бей, — вставая, произнёс Смит.

Конные спешились. Поздоровались. Присели к огню.

— Спасибо, что приехали, знаю, томитесь вопросом, зачем? Да и молва, наверное, уже прошла, что я большую ватагу собрать решил?

— Так куда же ей, молве-то, деться? Дошла, вестимо. Ты уж, Бей, не томи, — подавая атаману пиалушку с чаем, признался Бурнус. Именно на такое прозвище откликался четвёртый и, судя по всему, самый авторитетный разбойник.

— Разговор будет долгим. Здесь с наскока да с кондачка делать ничего нельзя. Слыхивал ли кто из вас о Шамбале?

— Об чём? — поперхнулся Смит.

— О Шамбале. Место такое, по древним преданиям, есть. Человек там счастье обретает, вечную жизнь и великие знания мира. Сначала все думали, что находится оно в Индии, затем что в Гималаях, а вот по самым новым изысканиям затеряно оно где-то рядом с нами, в дебрях Усть-Чулымского удела. — Атаман замолчал и пристальным взглядом обвёл окружающих, будто оценивая каждого из них и принимая решение, следует ли продолжать разговор на эту пока мало понятную для честной компании тему.

— А чё эти знания для меня лично и для счастья человечества дадут? Я что-то, Макута-бей, ни хрена не понимаю! Ты чё из-за этакой лабуды нас посрывал с мест? Не понял я! — встал на дыбы Сар-мэн.

— Вот я и говорю, может, рядом оно, это место заповедное, может, не раз у лазов его потаённых ходили. Ходить ходили, а увидеть не привелось, — как бы и не замечая возмущения строптивого ушуйника, продолжал Бей. — Народ говорит, насельники тайных этих мест могут кому хочешь глаза отвести. Будет перед тобой девка неописуемой красоты стоять, а тебе почудится, будто куст какой разлапистый. Вот такие дела! Но это пока что только начало. За Шамбалкой этой мир гоняется уже почитай века три. Денег на то убухали немеренно. И Ленин, и Сталин, и Гитлер, и Мао, и Буш, и Моссад, и наши современники — одним словом, все правители всех времен искали сие потаённое место и пока всё без толку. И вот, кажись, вопрос с мёртвой точки сдвинулся. Верные люди шепнули, что китайцы всё разнюхали да мировым вождям и сообщили, а те, при поддержке наших властей, порешили провести в Усть-Чулыме разыскания этих самых лазов потаённых. Вопрос наиважнейший, про языки я ваши пока молчу. Но ежели он у кого развяжется, так лучше бы ему вообще на свет не родиться. И в первую очередь это касается тебя, — Макута сноровисто изогнулся и так хватил Сар-мена за лацканы поношенной стёганки, что она затрещала, — мне уже давно противно твоё зловонное дыхание, и кабы не память о твоём родителе, давно бы отдал тебя моим шорцам. «Чё, те, тю…» — передразнивая присмиревшего бандита, продолжал атаман. — Родитель его в академии когда-то учиться посылал, а он, видите ли, не понимает, об чём здеся народ гутарит? Да и не надо тебе понимать! Сделаешь, что скажу, а там по результату упрошу Махатм, чтобы тебе мозги почистили да розуму прибавили. Может, ещё и толк

будет. Говорил же твоему папаше, не лазь на бабу с перепою! Не послушал, вот теперь мне, да и людям, с тобой мучиться приходится.

— Я же, Макута, твой в доску...

— Я это знаю, да других мне и не надобно. Сиди, слушай и помалкивай. А может, кто ещё сумневается в нужности сегодняшнего нашего разговора? Вы не таитесь, сказывайте, что у кого на душе скребёт?

В ответ только трещал костёр, скубли траву кони, да негромко сопели бородачи.

— Люди мы, конечно, в понятиях властей и законов, лихие. И славных дел за каждым из нас не на одну каторгу хватит, но мы же не солдатня с большой дороги. Мы ж не ханьцы и уйгузы кровожадные. Мы дети каторги, потому как в места наши во все времена за ослушание и крамолу ссылали. Такая уж юдоля. Я к чему это всё гутарю? Не то чтобы умником средь вас красануться, а так, в рассуждения вдаюсь. Не будь мы плоть от плоти народными терпельцами, давно от нас и пыли бы не осталось. Люди нас породили, и только с последним из них мы иссякнем, а доколе будут плодоносить бабы в уделах наших, будет жить и вольный лихой народ, кому всяка неволя в обузу. И никак не можем мы пропасть и раствориться в лесах, попрятаться, ровно холопы Августейшего Демократа, за спины убогих, сирых да обездоленных, потому как, может, мы и есть последняя опора народная. Мы да, может, ещё поп Шамиль, который уже двенадцатый год бьётся за недопущение присоединения к нам в обратную этих склизнев базарных, редисочников и арбузников. Пусть они там, дома, на своей кавказской лаврушке и зелень-шмелени жиреют. У нас такого добра ныне валом. Вот и выходит, что не должны мы допустить разграбления древних святынь землицы отчей. Никто же и знать не знает, что там за силища сокрыта, а главное, какова она. А ну как достанется она узкоплёночным каким или, того хужей, Семёрке этой великолепной, вот тогда уж все попляшем! Тута кумекать надобно, а то бог весть как дело обернуться может. Есть у меня, братья, план один…

Разбойники сдвинулись поближе друг к другу и обратились в слух, страшась пропустить хотя бы одно Макутино слово.

Луна уже начала гаснуть. Длинные тени деревьев и кустов постепенно слились в тёмное бесформенное месиво предрассветного сумерека. Тишина распростёрлась над страной, изломанной, сказочной и от века несчастной.

8

А где-то неподалёку горел другой костёр и велись совсем иные разговоры.

Под невысоким таёжным утёсом, который огибала быстрая прозрачная речушка, на обкатанных водой камнях горел яркий костёр. Вкруг его сидело десятка полтора местных мужиков. Не надо быть большим следопытом, чтобы с первого взгляда заметить — место это было «насиженным», то есть уже давно облюбованным для своих потаённых надобностей. Рукотворные прилады, размещённые полукругом у небольшой скалки, скорее напоминали подкову зрительного зала, чем место привала охотников или бивуак собирателей дикоросов. Никаких навесов и лежбищ не было и в помине. Голая, почти отвесная скала, поросшая сверху утопающим во мху кустарником, как бы преграждала путь вековому кедровому лесу, что неторопливо, полого сбегал по распадку к самой речке, а здесь, словно наткнувшись на вздыбленный камень, притормозил, да так застыл, судорожно вцепившись корнями в неглубокую землю каменистого предгорья. У подножия скалы лежал обломок отполированного ветрами и водой полутораобхватного листвяка, пред ним из больших плоских камней была выложена ровная площадка, по бокам которой кто-то загодя умело сложил две конические кучи сухого валежника. Далее тремя подковами лежали такие же выбеленные паводками и временем деревья. Импровизированный театр был пуст, будущие зрители сидели рядом, грели руки у костра и вели негромкую беседу.

До чего же хороша таёжная ночь при полной луне! Ни ветерка, ни громкого звука, лишь чуть слышно плещется река на небольших перекатах, ровно гудит комарьё, о чём-то своём кряхтят деревья, скользят неясные тени ночных птах да слышатся временами жутковатые шорохи. А запахи какие здесь буйствуют, какие благоухают ароматы! Каждая травинка, каждый кусток, каждое деревце, каждый камешек, каждая снующая туда-сюда секарашка, каждый паучок источает свой неповторимый аромат жизни, и всё это, смешиваясь с духом потревоженной человеком или зверем земли, обретает некую мистическую силу, в которую хочется окунуться, как в тёплую предрассветную реку, и смыть с себя годами копившийся смрад городской нежити! Так, наверное, пахнет само естество: терпко, пряно, сладко, неописуемо и неповторимо.

Оставаясь незамеченными, на источающий тайну берег внимательно смотрели две пары любопытных глаз. Ещё по дороге сюда, пробираясь сквозь пугающие своей непроходимостью и дикостью чащобы, девушки внимательно слушали наставления своего проводника, который держался с достоинством бывалого таёжника, но особенно не задавался и не подтрунивал над их глуповатыми вопросами.

— Что бы там, на камне, ни гу-гу, — поучал их Юнька, — не то что бы разговоры какие пустяшные говорить, но даже и руками поменьше махать. Главное, ничего не пугаться, а чтобы какая-нибудь букашка-секарашка куда не след не заползла, бечёвкой запястья обвяжите да носки на штанины натяните, их тоже, кстати, бечевой можно повязать для надёжности. Одним словом, как лазутчики...

— Иде ж тут полазишь, когда всё верёвками поскручено, — попыталась было хихикнуть Даша.

— Накомарники наденьте и молчки слушайте, — не обращая внимания на подругу, продолжал юноша, — а то ведь внизу люди будут сидеть дошлые, на своём веку не один десяток годков по тайге походившие, они не то что шорох, они вздох ваш нечаянный и тот учуют. А ты, Дашатка, свои хи-хи на обратную дорогу припаси, что там за народ собирается, я покеда особливо не разобрал. Так вот со всех сторон оно лучше будет поберечься. Вы как, барынька, не дрейфите? — обратился он к Машеньке.

— Нет, конечно, боязно немного, но зато как здорово! Вы не сомневайтесь, я вас не подведу, я же местная, не впервой в тайгу ночью ходить, правда, поотвыкла малость, но ничего, оботрусь по ходу действия.

Осторожный Юнька сделал приличный крюк, подвёл своих спутниц с подветренной стороны, сам определил место лёжки и, поправляя за собой слегка порушенный мох, беззвучно растворился в обманчивом лунном свете.

Машенька лежала, превратившись в слух и только изредка поглядывая вниз на небольшую речную пойму. Она видела, как минут через двадцать к мужикам подошёл Юнь, поздоровался со всеми за руку, присел с краю и уставился на костёр, как будто его ничего на свете не интересовало, кроме этих небыстрых розоватых сполохов идущего на убыль огня. Народ то по одному, то по двое, то малыми группками всё прибывал. Тихие голоса внизу уже заглушались монотонным комариным гулом, который, как липкая вата, обволакивал всё вокруг, раздражающе давил на пси-

хику, когда до ноющей в зубах боли напрягаются нервы и помимо твоей воли сжимаются все внутренности. Всякий, кому приходилось по добру или неволе блудить по летней тайге, знаком с этаким паскудством.

Прошло не менее получаса. Мягкий упругий мох, проворно ощупав девичьи тела, услужливо выстлал под ними уютные лежанки, выдавил из своих глубин только ему известные ароматы и предательски бросил в неспешное наступление целые полчища сладких, проворных сновидений. Веки моментально набухли преддверием крепкого здорового сна, который всегда случается на свежем воздухе с утомлёнными ходьбой и эмоциями молодыми девицами. Скорее всего наши искательницы приключений мирно погрузились бы в безмятежный сон, не произойди у поворота реки некое движение. Из невесть откуда взявшегося тумана прямо на собравшихся, подгоняемая быстрым течением, неожиданно вынырнула приличных размеров лодка. Судя по покатым бортам и высокому носу, это судно не могло плыть по нынешнему мелководью горной речушки. Но лодка не только плыла, она быстро скользила по неспокойной воде, как невесомая щепка и, наконец громко заскрипев галькой, взрывая её до тёмного от влаги песка, по-рыбьи выпрыгнула на берег. Белёсый туман, окутывавший это странное судно, вдруг опал, обесцветился и проворно отхлынул к покрытой звериными шкурами корме. Сон в мгновение ока улетучился. Восхищённо глянув друг на дружку, девушки, каждая гордясь собой, дескать, это я не проспала, обратились в слух и зрение.

А внизу разворачивались, по всей видимости, знакомые многим из пришедших ритуальные действия. Мужики проворно повскакивали и выстроились друг против друга в две нестройные шеренги, образовав живой коридор от реки к скале. Пока они строились, лёгкими пинками загоняя в строй новичков, из таинственной ладьи на берег сноровисто выпрыгнули три высоченные девы. При нынешней сколиозности, мелкоте и убогости подавляющего большинства женского населения бывшей России, а особенно Европы, которое за последние десятилетия оказалось изрядно поуродованным навязанной модой на беспорядочные смешанные браки с явной азиатско-африканской доминантой, таёжные дивы были просто ожившими пришельцами из древних народных преданий. Под два метра ростом, с покатыми плечами, широкими бедрами, чётко выраженными талиями, высокой грудью, длинными шеями, они двигались непривычно ладно

и свободно. Из одежды на них были недлинные тонкого полотна сарафаны в тон ровным, почти пепельного цвета волосам. Обхваченные на голове тонкими матерчатыми поясками, не испохабленные чернотой светлые пряди падали вниз, стекали по спине и причудливо поблескивали в лучах луны на тугих ягодицах. Черты лица, цвет глаз из-за белёсости освещения и приличного расстояния рассмотреть было невозможно. Пришелицы вежливо поклонились народу и, подтянув ладью глубже на берег, опустились на колени, вслед за ними преклонили колена и оторопевшие сельчане. Из лодки, опираясь на длинную, отполированную веками палку, на берег сошёл высокий худой старик в длинных одеждах. Непокрытая голова белела гордо и властно, седые волосы, как ворот широкого капюшона, лежали на плечах, а окладистая борода, как серебряная кольчуга, поблескивала на груди. В полном молчании старец, а за ним и девы, проследовали к бревну, уложенному у скалы. Странным образом ствол кедра оказался покрыт шкурой огромного барса, которых в здешних местах повыбили ещё при советской власти. Старик, прежде чем сесть, внимательно осмотрел присутствующих, поклонился и подал знак встать с колен. Люди заспешили, однако, суеты и шума, которые всегда происходят в подобных случаях, не было, не проронив ни слова, все расселись в своём амфитеатре и, словно загипнотизированные, с нескрываемым интересом замерли перед гостем, ради которого они здесь собрались и которого они так долго ждали.

Машеньку распирало неведомое ей доселе чувство. Причудливым образом в нём смешались разные непохожие, а порой и вовсе противоречащие друг другу ощущения. Трепет восторга непостижимым образом переплетался с приступами животного страха, ненасытное же любопытство влекло испуганную душу в неизведанные, дышащие бездной пределы. Глядя на этого странного старца, ей хотелось одновременно и беспредельной свободы и тихой смиренности, возможно, нечто подобное испытывают последователи модных ныне сект, проповедующих культ маленького серенького грибка, когда-то в изобилии росшего в северных районах их края. Машенька сама так и не отважилась приобщиться к великому таинству поедания хлипкого тела божьего, зато запоем читала книги великого учителя Пель-Пелев-грибоеда, однако без грибного варева «бесполой и похотливой лисой» стать ей не удавалось, как бы она себе это ни воображала. Но здесь, на этой скале, происходили странности и без Пель-Пелевских грибочков.

А внизу между тем разворачивалось какое-то ритуальное действо. Прибывшие со старцем девы установили рядом с кучами хвороста небольшие жёлтого металла чаши, он поколдовал над ними, и сизый, почти прозрачный дым заструился вверх, наполняя окрестности лёгким пряным ароматом нездешних трав. Старик поднял правую руку и заговорил. Чудный, совсем не старческий голос разлился в напоённом тишиной воздухе.

— Дети великого бога, смелые и прекрасные духом и телом, к вам слово моё. Тысячи лет течёт время на нашей земле, тысячи лет мы задаём себе один и тот же вопрос: «Кто мы?» — и тысячи лет не получаем ответа. Но было время, когда никто не задавал этого вопроса, ибо каждый знал, кто он, для кого горит священный огонь жертвенника и бьётся сердце его…

Старец говорил тихо, но каждое слово непостижимым образом звучало отчётливо и громко, как будто он сидел не там, далеко внизу, а находился совсем рядом.

— И не было ни богатых, ни бедных, ни сильных, ни слабых, ни господ, ни рабов… — речь кудесника звучала как заклинание. — Да, дети мои, не удивляйтесь, было такое время, когда все люди великого белого племени знали, что они дети единого Бога, и от прародителей своих — сами боги и равные в силе своей с ними. Однако и в родниковой воде бывает муть. И помрачились некоторые из достойных. И чрезмерная жажда познаний, дающая силу духу, воспламенила гордыней сердца их, отчаянье и страх потери земного бессмертия свили гнездо в их сердцах. И прошли века, и сам человек погасил священный огонь и пламень сердца своего, и забыл, кто он, и через это сделался иным. Прошли века, и трава сорная выросла на камнях святилищ, пришли корыстолюбивые и напоённые ложью от рождения своего люди и сказали, что они — свет истины. Но и не свет принесли они, а рабство, ибо сами были рабами и иного не знали…

И вдруг в эту самую минуту раздался леденящий душу свист и тишину разодрал безобразный грохот выстрелов. Откуда-то сбоку на низкорослых, лохматых лошадях к костру вылетели всадники. Сидевшие полукругом люди в ужасе повскакивали с мест. Машенька негромко вскрикнула от испуга и тут же почувствовала, как что-то живое и тяжёлое прыгнуло ей на спину. Девушка не успела и опомниться, как оказалась связанной и с вонючим кляпом во рту бессильно трепетала на слёжанном мху, словно выброшенная на берег рыба. Рядом, зверски выпучив глаза, извивалась, брыкалась и не давала связать себе ноги Даша.

Машенька отвела лицо от стоптанного самодельного сапога, месившего рядом с ней мох. Человека она не видела, только сапоги и какие-то потешные, продранные в разных местах портки, выше поднять голову ей мешала грубая верёвка, больно впивающаяся в шею. Взгляд несчастной девушки скользнул мимо утёса, ужас сковал и без того перепуганное девичье сердечко. Лёгкая дымка, клубящаяся над принесёнными помощницами старика сосудами, постепенно застилала всю округу. В бледном лунном свете она казалась почти невидимой кисеёй, под которой метались лошади, орали и матерились, сталкиваясь друг с другом, всадники. Таинственного старика, его спутниц и всех слушателей, которые всё ещё оставались на своих местах, бандиты не видели, как их, вроде, и не было вовсе. Вернее, они там были, конечно, но не как живые люди, а как слабые, едва различимые тени. Тени людей, брёвен, старика, его лодки… И только головни дотлевающего костра чадили у самой воды.

— Где они, где? — орал, крутясь у костра на своей лошадёнке, один из разбойников. — Их кони проскакивали сквозь смутные очертания людей, как сквозь клочья тумана, не причиняя им никакого вреда.

— Да нетуть здеся никого, атаман! — верещал колченогий бандит, уже спешившийся и шевелящий шашкой угли. — А видать, были, кострына эщо и не сгасший.

— «Нетуть, нетуть», — передразнил его детина на рябой кобыле. — Чё у мени глаза ослепли што ли? Я же их потроха здесь видел. — И он пальнул из большого пистолета в сторону скалы: — Тут ихний вожак сидел, здоровый такой, и девки стояли, а перед ними мужичьё местное мудями трясло. Чё встали, ищите, суки!

— Сар-мэн, Сар-мэн! — угомонив наконец Дашу, взревел коротконогий, китайского вида мужик. — Мы здеся, однако, двух бабцов зацапали. Красивыя, однако, куня будут.

— Волоки их сюды! — манул рукой главный.

И тут стряслось полное замешательство. Бандитские кони заржали и стали шарахаться друг от друга, некоторые седоки, не удержавшись в седле, полетели наземь под копыта взбесившихся животных. Прозрачная дымка заволновалась и стала превращаться в самый настоящий непроницаемый туман, клубящийся, танцующий, он обволакивал разбойников и как бы всасывал в себя.

— Все из тумана, из тумана, суки! — заорал вожак и пришпорил коня. — Девок в берлогу, в берлогу увози! — вылетев из

предательского марева, заорал он опешившему от всего увиденного бандиту.

Из десятка конников на чистое, залитое невинным лунным светом место, вырвалось человек пять. Отдышавшись и успокоив коней, они с ужасом глядели на живое косматое нечто, клубившееся у скалы. У самой земли, где между туманом и уже росной травой была неширокая, сантиметров тридцать, щель, что-то отчаянно трепыхалось. Атаман соскочил с лошади и, припав к земле, пополз к этому дышащему опасностью просвету. Зажатый в руке здоровенный сухой сук, который он подобрал где-то рядом, выглядел смешным и беспомощным, как хворостинка против медведя.

— Сар-мэн, Сар-мэн! — запричитали бандиты, пятясь на своих лошадях подальше от этой чертовщины. — Ты что, совсем сдурел? Назад!

Однако главарь уже подлетел к самой кромке белёсого мрака и, размахнувшись, что есть силы воткнул сук в бултыхающееся месиво и тут же он почувствовал, как кто-то с силой ухватился за палку. Тогда он резко дёрнул её на себя, после чего в подлунный мир вылетел, весь опутанный белыми, на глазах тающими нитями, колченогий бандит, минуту назад ворошивший угасающее кострище. Бедолагу душил кашель, и лицо его было словно измазано мелом.

Сар-мэн повалился на спину, со злостью глядя на этот непонятный туман, который не только отнял у него добычу, но и, скорее всего, погубил нескольких его людей. Страха не было, только злость и досада. И вдруг в эту секунду марево словно расступилось, из него вынырнула высокая статная женщина, она остановилась на границе своего мира и жестом, полным страсти, поманила его к себе. И тут словно какая-то неведомая сила потащила атамана вперёд, в эту страшную и обещающую наслаждение бездну. Он закрыл глаза, словно во сне, поднялся на ноги и сделал первый шаг. А в голове вдруг зазвучал голос Макуты-бея, с которым он и другие предводители разбойников недавно расстались: «…это страшное и тайное место, его бояться надо, там всякие заморочки могут быть… Шамбалка, Шамбалка…»

— Шамбалка, — произнёс Сар-мэн вслух и, очнувшись, наконец увидел, что стоит у самой стены клубящегося тумана, готового втащить его в своё ненасытное чрево. — Шамбала! — туман слегка отпрянул и замер. Атаман начал осторожно пятиться от этой источающей опасность невидали.

— Всё! Быстрее! Быстрее домой! — почему-то шёпотом закричал на бандитов Сар-мэн. — Таракана везти по очереди! — Он с опаской глянул на спасённого им сотоварища, потом на туман. — Всё, быстрее, я сказал! — поторопил своих вконец перепуганных нукеров вожак и первым рванул вверх по единственной каменистой тропинке, ещё не окутанной белобрысым месивом.

9

Енох Минович всё же не послушался совета своих вконец разгулявшихся коллег. Забрав с собой ту самую показавшуюся ему похожей на студентку проститутку и растолкав уже заснувшего Берию, он велел ехать домой.

— Шеф, моё дело маленькое, я, конечно, отвезть могу, мне не боязно, я уже раза два как у разбойников в плену прохлаждался, только вы уж письменно напишите, что сами приказали мне ехати, а письмишко это здеся кому-нибудь из своих коллегов оставьте…

— Это ещё с какой стати? Тебе что, хамло, недостаточно моего устного приказа? До чего же в вас эту казёнщину вбили, формалист поганый! — наместник Наместника слегка покачивался. Хмель, как и во все времена, делал свою извечную работу — представлял истинное нутро человека, надёжно скрываемое от посторонних глаз трезвыми приличиями. — И ты тоже что ли боишься? — обратился Енох к стоящей рядом девице. — Как тебя, кстати, звать-величать?

— Боюсь я только без предохранительного щитка клиентов в себя пускать, а зовусь я Эрмитадорой Гопс! — довольно-таки приятным голосом произнесла девушка, с любопытством рассматривая своего нового клиента-ухажёра. — Ты, видать, или придурок, или уж больно отчаянный! А мужику бумажку напиши, положено у них так. Что до меня, так я отчаянных люблю, сама такая, так что не прогадал ты, выбрав меня, — добавила жрица свободы профессионально-игривым тоном.

Не успел Енох ей ответить, как Берия молча положил на капот машины ключи и кожаный мешочек с документами.

— Вы это уж… тогда уж без меня и поезжайте, коли писать приказа не будете!

— Что?! — взревел Енох. — Да я тебя в бараний рог согну, скотина, ты у меня с каторги не вылезешь! Кому перечить вздумал?!

— Енох Минович! Енох Минович! Погодите-ка водилу турзучить! — бежал к ним от крыльца запыхавшийся Иванов, — вот тут-с бумажица гербовая и текстик уже набранный загодя, шаблончик, так сказать. Вы только фамилию своего строптивца впишите, удостоверьте всё росписью и личной печатью. Ничего не поделаешь, формальность! Строжайший запрет не только Генерал-Наместника, но и вердикт с самого верху: все ночные поездки только с письменного приказа. Это одна сторона, так сказать, а другая — ежели вы угодите в лапы к супостатам, то водитель ваш выкупаться будет за ваш кошт, а не за государевы, так сказать, денежки. Вот такие дела! Пишите, пишите, другого пути всё одно нет. Помилуйте, любезный, да вы ещё и девицу решили с собой захватить? — добавил Маодзедунович, всплеснув руками.

— Ну, хотелось бы, а то скучновато у нас в деревне…

— Тогда её тоже надо вписать в подорожную и оставить данную бумагу на заградительном посту при выезде из нашего града, — и, бесцеремонно хлопнув жрицу по аппетитному месту, которым завершаются ноги, спросил: — Зовут-то тебя как, чадо моё угоревшее? Добровольно ли на сие безрассудство идёшь?

— Добровольно и по обоюдному согласию. А имя у неё весьма поэтичное — Эрмитадора Гопс, — нараспев ответил за девицу Енох. — Кстати, уж не приходитесь ли роднёй барону Альберту Остаповичу Гопс-Шумейко?

— В некотором смысле дочь…

— Вот это дела! — присвистнул Енох. — Да как же это угораздило тебя, баронессу, и в публичные девки? Возможно ли?

— Ой, какие мы все чистенькие! А потом я протестую, это дискредитация моей трудовой деятельности, а в нашей демимперии всякий труд почётен, так что я вполне могу на тебя пожаловаться, и спуску тебе не будет, не глядя на ранги и заслуги. Не для того мы демократию заводили, чтобы любой и всякий мог издеваться над честными работопроизводителями.

— Да-с, тут девица права, — чему-то обрадовался Юнус Маодзедунович.

— Достали вы меня своей правотой! — разозлился Енох. — Давай вписывай себя и эту блядонессу в бумагу да поехали, — махнул он водителю. — Я только ещё по маленькой с коллегами пропущу. Гопс — за старшего, и отвечаешь за экипировку экипажа.

— Счассс! — послышался звонкий ответ, что, по всей видимости, должно было обозначать: «Слушаюсь, сэр!»

Проводов отчаянного смельчака фактически не получилось, почти весь народ пыхтел и охал по отдельным кабинетам, и только самые стойкие «небабники» сгрудились у растерзанного ненасытными желудками праздничного стола.

— Итак, господа! — скорбно и торжественно начал, поправляя широкие офицерские подтяжки, Казимир Желдарбаевич. — Прошу отметить необычность этого весёлого и печального события…

— Казик, — прозвучал капризный женский голос, и полог одной из выходящих в зал кабинок распахнулся, представив общему взору обнажённую девицу, — мне холодно, скучно и вообще я хочу к тебе, — нимало не смущаясь собственной наготы, грудным голосом произнесла жрица свободы, как в последнее время, согласно высочайшему меморандуму, было велено именовать представительниц самой древней профессии.

— Гюльчатайка, проказница, сгинь с глаз честной компании! Ты что, не видишь, у нас печальные проводы, можно сказать, боевого товарища в плен к злым бандюганам.

— О, Всевышний! Простите меня, господа, я сейчас, — дева метнулась в пещеру разврата и буквально через мгновение вынырнула в залу в траурном одеянии, состоящем из чёрного хиджаба и тонкого чёрного шнурка вокруг тронутой полнотой талии. — Я готова скорбеть с вами, господа, со всеми вместе или с каждым в отдельности.

Бубницкий хотел было что-то сказать, но его остановил Тангай-Бек, человек до того замордованный своим гаремом, что на женскую половину человечества вне стен своего дома глядевший не только без вожделения, но и с явно выраженным безразличием.

— Пусть её тело будет как поминальная свеча нашей скорби.

— Минуточку, господа, — вмешался в разговор Енох. — Что всё это значит? Вы что это меня хоронить собрались, что ли?

— Ну, зачем же так, любезнейший ты наш коллега, — полез к нему с пьяным поцелуем Тангай-Бек, — не дураки у нас здесь по округе рыскают, зачем тебя убивать, за тебя выкуп хороший можно получить или продать куда, а ты сразу — убивать, убивать.

После этих слов Еноху, надо признаться, не совсем хорошо сделалось и ехать, если честно, как-то расхотелось, но отменить поездку было невозможно — труса он никогда не праздновал, так уж будь что будет.

— Енох Минович, ты не огорчайся, ежели тебя зацапают хакосы, говори, что ты мой друг, — заметив смущение Понт-

Колотийского, хлопнул его по плечу Бек, — и, считай, приличный приём тебе обеспечен…

— А если люди Макуты-Бея, отдайте-с вот это рекомендательное письмо-с, — протягивая клочок бумаги, как бы извиняясь, сказал Юнус Маодзедунович, — в его бандах много людей из наших уделов, даже родня моя кое-какая имеется.

— Командир! Какого хрена мы здесь торчим? Луна уже скоро на закат упрёт!

Высокое собрание вместе со «скорбной свечой» повернулось к входу. На пороге стояла Эрмитадора Гопс в полуоткрытом, облегающем её недурную фигуру камуфляжном комбинезоне, с помповым ружьём в руках.

Все, включая саму Гопс, дружно заржали и, прихватив бутылки, подались вон. После недолгих посошковых чарок наконец тронулись в путь.

Улицы уснувшей столицы окуёма жили своей ночной жизнью и, чтобы её описать, надо было на этих улицах родиться, прожить и состариться, хотя до старости уличные обитатели ночи доживают редко. Объезжая спящих прямо на проезжей части верблюдов и их погонщиков, местами отбиваясь от подвыпивших, с явно пустыми карманами и желудками жриц свободы, «экипаж машины боевой» без особых приключений выбрался из города и, уладив все формальности со стражами городских врат, беззаботно затрясся по укатанной лунным светом дороге.

Пока Енох и Гопс с диким сопением и другими замысловатыми звуками удовлетворяли друг друга на заднем сиденье, Берия с тоской думал о своей незавидной доле господского водилы. И куда ты не поверни эту долю, всё в ней было как-то не так, оттого тяжёлая зависть всплывала в душе его, как дохлая и вонючая рыбина. Вечно недовольного всем и вся, его грела, пожалуй, только одна мысль — он до точности знал, чем закончится их сегодняшняя езда. Берию беспокоило одно: каким ещё бандитам городские стражники продали информацию об их безрассудстве. Поэтому, проехав километров сто пятьдесят относительно спокойного пути и только раза два стрельнув по какой-то придорожной шпане, он свернул с основной дороги Е-52 на хорошо укатанный просёлок, по нему до родного удела было намного короче, да и увереннее, что чужие не отберут обещанного ему барыша. А что делать, всяк выживает как умеет! У Берии родной дядя подрабатывал ночами в банде Сар-мэна, человека вспыльчивого

и скорого на расправу, но атамана потомственного и известного своей смелостью. С родичем он уговорился, что выведет машину к Рябому яру.

— Минович, ты смотри, возница наш катит твоё высокопревосходительство прямо в банду, уже и с дорожки свернул, — с заднего сиденья подала голос Эрмитадора.

«Вот сука, погодь, доедем до места, я тебя на халявку попользую!» — разозлился Берия, а вслух добавил:

— Ты это, языком в правильном направлении работай, а я уж как-нибудь со свёртками дорожными и сам разберусь. С энтого свёртка до дому, Енох Минович, километров на тридцать ближе будет, да и Бурчал-урочище минём, а там хакосы всяку ночь шьются, про то и малышня в деревне знает, а далее километров через пятьдесят на Каменистой Гряде сидят узкоглазыми воронами уйсуры! Вы её не слухайте, ещё не ведомо, на кого она всамделешно пашет.

— Берия! Прекратить в подобном тоне говорить о женщине, тем более баронессе! — незлобно одёрнул Енох подчинённого. — Эрми, голуба, а может, ты и в самом деле сдала нас каким-нибудь ушкуйникам, а?

— Не, я не по этой части, — вывесив голые ноги в окно и прихлёбывая из бутылки, беззаботно ответила девица. — Гопс-Шумейко никогда ни на кого не стучали, разве что по велению сердца. Смотри, какая ночь, в такую ночь и в плен сдаваться не страшно…

— А почему это? — с ленцой и явно засыпая, спросил Енох.

— А мы уже все в плену этой всесильной луны. Енох, а ты слышал, что в твоём уделе какой-то старец объявился и вещает о старых богах, что спят где-то в наших горах? А, Енох?

Но, усталый и удовлетворённый искатель титулов и славы, безмятежно сопел, и ему снился всё тот же странный сон, который так неожиданно свалился на него прямо посреди совещания.

10

Заседание ложи «Северная маслина южно-шанхайского ритуала» было объявлено открытым. Ещё стук молотка мастера не растаял в ушах братьев, как на небольшую кафедру, украшенную человеческим черепом и бархатным платом с державным гербом, двуглавым медведем и традиционной братской символикой, взо-

шёл сам Генерал-Наместник. Одет он был по-смешному: в допотопные розовые панталоны, высокие белые чулки, какой-то расшитый золотом камзол, на шее болтался обрывок украшенной бриллиантами верёвки, а ноги были обуты в старинные башмаки, востребованные им из местного музея декабристов, исключительно ради сохранения преемственности.

К слову следует сказать, что и остальные братья обряжены были под стать докладчику, но каждый имел хоть малую, а всё же отличность от собрата. Так, скажем, у Воробейчикова, при всей смехотворности его музейного одеяния, к братскому фартуку были приторочены орденские планки, у мастера ложи на верёвочной петле, своеобразном прообразе нашего галстука, висели, словно тля на стебельке сочной травинки, миниатюрные панагии, наперсные кресты и херувимы, у окружного прокурора была своя символика, у жандармов своя и так далее. Только у одного брата подол был девственно чист, изображение пёсьей головы и метлы, коие в своё время носили опричники, были потаённо вытатуированы на внутренних сторонах ягодиц, а в повседневной жизни он работал обычным аптекарем и для всеобщего приличия носил в петлице маленькое изображение увитой змеями чаши.

— Братья! Чрезвычаен случай, собравший нас в спешном порядке на это собрание. Многим пришлось претерпеть значительные стеснения и неудобства, но дух нашего братства, — оратор торжественно положил руку на череп, отчего тот засиял изнутри алым светом, — всепобеждающ и свят. Возможно, поэтому Августейший Демократ, кормилец и духовный наш магистр, не по официальным каналам, а по шляху братства разослал свою волю, а так как вы, почитай, все, за исключением досточтимого брата аптекаря, ещё являетесь и верными солдатами нашего Отца, то будем считать, что наисекретнейшее совещание мы проводим ныне! — на последних словах голос Генерал-Наместника обрёл металлическое звучание. — Так вот, — продолжил он, — по известным одному богу каналам Высочайшему и Августейшему Демократу стало известно, что мир наш, грубый и необразованный, стоит на грани несусветных потрясений, а главное, что весь незыблемый миропорядок может рухнуть в одночасье!

Ропот не то испуга, не то возмущения прокатился по залу. Высокое собрание, словно голодная стая волков на своего вожака, впялило взгляды на докладчика, вмиг прекратив шушукаться и ковыряться в носах. По всему нынешнему свету не то что действия, а даже сама мысль о каких бы то ни было разрушениях принятого

сегодня миропорядка являлась страшной крамолой и влекла за собой самые жёсткие санкции Всевышних кураторов мира.

При этом санкции применялись не против какого-то проштрафившегося района или городка, а против всего населения «зоны», «сектора», «окуёма-округа» или иной территории проживания, в которые окуклились к двадцатым годам нынешнего века некогда независимые и гордые государства европы и америки. Африка давно уже превратилась в полудикую пустыню, населённую лишь зверьём и бандитами. Редкие островки цивилизации теплились только на различных промыслах, шахтах и буровых, однако люди там постоянно не жили, а работали вахтовым методом. Такие же вахты были и в нашей некогда богатейшей Сибири, пока китаёзы под предлогом вечной и нерушимой дружбы не умыкнули и Дальний Восток и почти всю Восточную Сибирь. Что случилось с Индией и прочими Океаниями и Австралиями, мир попросту не знал, а скорее всего, и не хотел знать. Может, их уже и не было, а может, они наоборот были обезлюжены и законсервированы для потребностей будущих поколений золотого миллиарда. Кто вам про это ныне отважится сказать?

Вот таким было нерушимое мироустройство, и любые помыслы, не говоря о действиях, по его изменению нещадно карались. Кастрация мужского населения была лёгким испугом, как правило, крамольное место выжигалось начисто вместе со всем имуществом и людом, исключений принципиально ни для кого не делалось, включая высших руководителей и членов их кланов. Так, кстати, поступили с двумя зонами на Балканах, одной в Ханьщине, четырьмя в Афроюсии и ещё где-то. А относительно недавно собирались извести и нонешнюю столицу Сибруссии Москву, и только за то, что тайные последователи Дионисия Козела, тоже предательски рядившиеся под братскую ложу, решили на толику усомниться в правомерности муниципальных преобразований некогда ими же и проведённых.

Четверо суток заседала Всемирная Великолепная Семёрка, и только благодаря ловкости и значительным территориальным уступкам нашего Преемника, который по неполному мандату входит в Семёрку на правах не совсем восьмого и допущен был разносить чай полновесным Кураторам во время заседаний, столицу удалось отстоять. Конечно, с последователей Козела содрали по семь шкур, а так как у человека шкура всего лишь одна, то недостающих шесть драли с ближайшей родни. Прошерстили почти все братские ложи, вот уж где народ страха натерпелся! Ведь без

обязательного членства хотя бы в госложе «Единство» уже лет тридцать как на работу в госучреждения брать перестали, образование, начиная со среднего, не давали и чаще других налагали удвоенную «трубную повинность» на всенародных газовых промыслах. Чистки ещё шли полным ходом, но и этого Верховным правителям показалось мало, и они для всеобщего назидания высочайше повелели снести высоченные Кремлёвские стены и обнести эту цитадель власти таким же зубастым кирпичным забором в метр двадцать высотой. А во всех туалетах заставили дверцы поснимать, дабы видать было, чем народ там чиновный и иной прочий занимается и по сколько их у одного, так сказать, очка собираются. Вот такие страхи — и всё за одни только помыслы! Слава богу, не пожгли ещё! А что, весь свет должен видеть, как мировое свободолюбие умеет отстаивать свои либеральные завоевания!

А здесь вдруг сам Генерал-Наместник заговорил о возможности разрушения устоев, тут есть с чего перестать ковыряться в носу. Публика замерла, только зловеще неумолимо тикали большие каминные часы.

— Братья! — оставшись доволен реакцией зала, продолжил генерал. — Час пробил, и взоры всего просвещённого света обращены к нашему окуёму! Доподлинно установлено, что некая доселе всеми искомая Шамбала находится в его пределах и уже готова вскрыться. Высочайшим Самодержным Демократом, его величеством Преемником Седьмым — да не оставят всяки боги его своей милостью! — принято решение о поисках сего схрона и его охраны до прихода основных сил Миролюбцев! Вы понимаете момент ответственности? Может, вслух даже страшно и произносить… — Наместник действительно перешёл на шёпот, сидящие в зале подались вперёд, словно морская волна к берегу. — Так вот, не исключено, что и сама Великолепная Семёрка Мира может пожаловать в наше захолустье для личного, так сказать, инспектирования! — Зал в ужасе охнул. — Вы, надеюсь, понимаете, господа, какова эта ответственность! А?!

Зал молчал, только по-прежнему зловеще тикали часы.

— А что это ещё такая за Шамбала? Я лично об таковой и не осведомлён вовсе. И главное, что искать-то? Окуём-то наш на старые мерки с добрую Объевру, пожалуй, потянет! — всплеснул руками брат-прокурор.

— Господи святы! — крестился, забыв о приличиях, мастер ложи. В иное время за подобное махание перстами он запросто мог бы поплатиться стулом мастера, братьям всех ритуалов

ещё издревле была запрещена всякая открытая религиозность. Исторически доказано, что всё в нашем мире сотворено великим Архитектором, а всевозможные боги и божки к этому не имеют никакого касательства. От Архитектора, кстати, и ведут свою духовную родословную Всевысочайшие Кураторы и, как в последнее время доподлинно определено учёными, и наши отечественные Преемники.

— Да что же это за напасть такая на наше любезное отечество! — продолжил свои причитания божий слуга. — Ох, не зря я так не люблю всю эту вздыбившуюся землю, горы этые распроклятущие! Да и в божьем-то мире к добру-то разве что когда вздыбливалось? Нет, господа, всё это срам, всё ко злу да распутству! Чуяла душа моя, грядёт нечто непотребное и опасное для благочестивых людей наших!..

— И что же предлагает досточтимый мастер? Испугаться и дожидаться неминуемого конца света? Так вы его нам уже третью тысячу лет обещаете, — по-лисьи, с явным ехидством спросил брат аптекарь.

— И ни в коем разе, досточтимые единомышленники! — категорически парировал хранитель мастерского стула. — Наша наипервейшая задача — учинить самое полное разыскательство и о результатах немедленно доносить его высокодемократичности Генерал-Наместнику. Мне прихожане посредством исповеди уже давно сигнализируют, что в Чулымском уделе какие-то странники объявились, народ будоражат, супротив утверждённых Курултаем конфессий агитируют, мерзости о равенстве всех людей разглагольствуют. Анафема, одним словом, и измена!

— Братья! Возвываниями и галдежом, — как бы не слыша слов князя свободы совести, зарокотал Наместник столицы, — мы с задачей не совладаем! А посему слушайте боевой приказ: без особой торопливости и, главное, блюдя всё в тайне, каждый из вас должен собрать все уже имеющиеся слухи, сказки, притчи и прочую небыль, бытующую в окуёме об этой Шамбале, и срочно представить в мою канцелярию. Людей, кои небылицы измышляют и вредносно укореняют в несознательные головы, какого бы роду-звания они ни были, подвергнуть арестованию и препроводить в казематы свободы и справедливости. Снестись по сему вопросу со своими людьми в бандах, эти бестии многое могут нам поведать. Объявить об увеличении вознаграждения за поимку супостата Макуты-Бея, и ещё велено ничего ни под каким видом, ни за какие деньги не передавать ханьцам, а именно

они углядели следы этой самой Шамбалы в наших горах. Вот, вроде, и всё! За работу, други мои! — и он мигом махнул поднесённый ему мажордомом лафетничек анисовой водочки.

— Господин Генерал-Наместник… — послышались просящие возгласы.

— К порядку, братья! — стукнул молотком мастер ложи. — Прошу не забываться, что в этих стенах нет ни господ, ни чинов! Мы братья друг другу! Любезный брат скотопромышленник, — обратился председательствующий к более других суетящемуся тучному человеку, — явите нам свой вопрос.

— Досточтимый брат мастер! Извиняюсь я великодушно, но господин Генерал-Наместник, отец наш, заступник, — заголосил, пытаясь побороть в себе неимоверное волнение, богатейший человек окуёма, — будьте любезны, не побрезгуйте общением с темнотой институтской, просвети ты нас, Архитектора ради, что такое эта самая Шамбала?

— Да! Да! — раздались со всех сторон возгласы поддержки.

— Доподлинно сего никто толком не знает. Однако разыскивают сие потаённое место уж весьма продолжительное время, может, и полтысячи лет, а может, и более. Что в нём сокрыто, тоже полнейшая тайна, одни говорят, дескать, это хранилище великих знаний, другие, что где-то глубоко в пещерах спят старые боги и только ждут своего часа, чтобы восстать и за всё спросить с ныне живущих. Одним словом, сие есть некая тайная пещера, в которой неведомо что…

— И глядите мне, чтобы без спросу туда никто соваться не вздумал, — грозно хрястнул молотком мастер, — а иначе прокляну и анафеме предам!

— И мы тоже проклянём! — повскакивали со своих мест муфтий, раввин, какой-то женоподобный ксёндз и ещё с полдесятка мелких служителей мелких культов.

— Вот с таким похвальным единодушием мы и должны действовать. И язык за зубами держать, — подвёл итог собранию Воробейчиков.

11

Мешок, накинутый на голову, постоянно прилипал к лицу и не давал дышать полной грудью. Вонь застоявшейся нищеты, которую источала грубая ткань, периодически вызывала рвотные позывы, Машеньке казалось, что ещё немножко, и она умрёт. Всё

тело нестерпимо ныло. Как связанного барана, её перебросили через седло и куда-то везли. Скорее всего, она несколько раз теряла сознание, последнее, что она помнила, — был туман, растворивший и спрятавший собравшихся у скалы людей. По мере того как сознание к ней возвращалось и она стала различать не только вонь мешка, но и звуки, в её голове, словно потревоженные кузнечики, запрыгали разные мысли. Прежде всего до слёз стало жалко мать, она представила себе её боль, увидела, как та страдает и не находит себе места, срывая злость на неповинной дворне. Потом нахлынула другая мысль, и её охватил ужас: а где Даша? Неужели она осталась одна с этими бандитами?! Что с нею будет? Непроизвольно в уме рождались страшные картины каких-то диких оргий, невольничьих рынков, реки слёз и прочие мерзости. Подобные фильмы были весьма популярны в Объевре, благо, знаменитый Голливуд уже лет двадцать как переместился в бывшую Турцию, а ныне обычную лекторальную зону. «Мамочки… только не это!..» — Машенька совсем по-другому представляла своё недалёкое будущее. Слёзы бессилия и горькой обиды покатились по щекам.

Кони, проскакав долгое время, уже неспешно шли шагом. Похитители тихо переговаривались на каком-то странном и малопонятном ей языке, и монотонность движения почти укачивала. Вдруг что-то произошло, и разговор неожиданно перешёл на повышенные тона, они громко заспорили, и лошадь затанцевала на месте. Машенька перестала плакать, и колючий страх охватил её душу.

— Ты, кобелина поганый! — как спасительный круг для утопающего, долетел до неё Дашин голос. — Ты и мысли такой даже не держи! Вон кобылу свою обхаживай, а об молодой барыньке и думать не смей!

— Гамадрил, я те разговор говорю: не моги кызымок цапать, они таньга большой стоят, а попортишь — Сар-мэн твоя яйца на сковородку ложить будет. Моя молчать не станет, моей барыша хоца!

— Ай, лё! Зацем пустое на воздух брешешь? Я твоей сам таньга дам, я такоя куня даже рукой не трогал…

— Твоя моя не понимай! Молцать, однако, моя не будет, мне свой яйца дорозе будет, позалуй. Не цапай куня, скоро уже дома будем, тама таньга свой поганый, однако, дас свободныкам зрицам и всё полуцес. А есё Мурдиксар четырёх молодых ослицек, однако, в банды пригнал, совсем задаром даёт подружиться.

— Ти это про ослициков не бресэс? — подобревшим голосом произнёс тот, которого называли Гамадрил.

— Мамой Буды клянуссс! Сама видел один такоя рыженький, как ты лубиссс, однако.

«Господи, ужас какой…» — у Машеньки застучало в висках. Хотелось выкрикнуть подружке слова благодарности, но горло совсем пересохло и вместо слов исторгало какие-то жалкие хрипы.

Они ещё порядком ехали, скорее всего, всадники слегка прикемарили, и лошади сами по себе неспешно брели в сторону дома. От мерного покачивания она тоже начала проваливаться в непрошенную дрёму. И снился ей всё тот же лунный сон, который они так и не успели разгадать с Дашей.

Пробуждение было стремительным.

Вокруг галдела разноязыкая толпа. Ослабшие ноги не держали, и Маша, ещё ничего не соображая, повалилась на землю. Кто-то торопливо сдёрнул с неё мешок, и она зажмурилась от яркого утреннего света. Повернув голову, она увидела летящую к ней и сдирающую на ходу с себя верёвки Дашу.

— Ой, горюшко наше! Цела! — оглядывая и ощупывая ещё не пришедшую в себя хозяйку, причитала прислуга. — Не сносить мне дурной головы, и поделом, поделом! Да не плачьте вы теперь-то, самое страшное уже минуло, а здеся, в логове ихнем, вас уж никто не обидит. Они ж, небось, денег захотят за вас получить… Как выяснят, что да как, так и отправят к тётушке вашей гонца.

— Почему ты всё время говоришь про меня одну, а ты как же? — ещё шмыгая носом, но уже с любопытством озираясь вокруг, спросила Машенька.

— Да что я? — возясь с верёвкой на своей ноге, тихо ответила Даша, — я ж из простых, кто за меня что даст?

— А тётушка?

— Да уж она ещё, небось, и приплатит, чтобы меня куда-нибудь подалей в гарем запродали! И правильно сделает, поделом мне, припадошной! И что ж меня дёрнуло вас-то с собой в горы тащить?

Вокруг галдела стоокая, стогорлая толпа несусветного сброда обоих полов и самого разного возраста. И толпа, как единый организм, жадно взирала на незнакомцев. Взгляды, конечно, попадались самые разные, но даже при самом горячем желании вы бы не обнаружили там ни одной сочувствующей пары глаз. И каждому

из них казалось, что есть у него на то свои основания и причины. Ибо толпа опустившихся людей всегда ненавидит случайно оказавшихся в ней чужаков, и не столько за то, что они — дети другого мира, а просто из-за собственной низости. Глядя на этих чистеньких, наивных и испуганных барчуков, представители низа наглядно ощущают всю глубину своего ничтожества, а сделаться другими у них нет ни желания, ни возможности. Именно в этом и сокрыты первопричины всех бунтов и революций. И не будь в их душах страха, коий только и движет подобными сообществами, эти два инородных для их мира существа давно бы были растерзаны и поруганы. Но страх, великий и всем управляющий страх, заставлял толпу держаться на расстоянии от лакомого куска, и только глаза, недобрые и завистливые, нагло шарили по бедным жертвам, вонзаясь в них, как острые ножи мясника.

Толпа загалдела с новой силой, заставив испуганных пленниц теснее прижаться друг к дружке от страха, что пришёл их последний час, кто-то всесильный признал их бесполезными и решил отдать на откуп своей ненасытной своре. Но, к удивлению девушек, жадное отребье вдруг неожиданно потеряло к ним всякий интерес и с шумными возгласами бросилось по направлению ворот этого затерянного в горной тайге острога.

Через какое-то время в небольшой, вероятно, предназначенный для зимнего содержания овец загончик, в котором держали девушек, втолкнули трёх новых пленников. У мужчин руки ещё были связаны, а симпатичная молодая женщина в военном комбинезоне лихо отмахивалась от наседавших небольшим ножом. Толпе это нравилось, и она с одобрением ревела всякий раз, когда воительнице удавалось зацепить своим клинком не в меру осмелевшего бандита. Оказавшись в загоне и убедившись, что ей и её спутникам опасность не грозит, девушка ловко разрезала верёвки на руках одного из своих товарищей, надменно проигнорировав протянутые руки другого, спрятала нож и с любопытством уставилась на притихших соневольниц.

— Давно, девки, в этом говне сидим? — определив, что эти перепуганные квочки ей не конкурентки, спросила она и, протянув руку, представилась: — Эрмитадора Гопс! Не бойтесь, подельницы, не дам я вас в обиду. Ну, чего онемели, зовут-то вас как?

— Мы — Даша и Маша, нас тоже только недавно привезли, — почему-то за обеих ответила служанка. — Тьфу ты! Это я — Даша, а вот она — Мария Званская, дочь именитой чулымской помещицы.

— Ну, вот это уже яснее, а то «Маша-Даша». — Пожимая протянутые руки, надменно произнесла Гопс и, небрежно кивнув головой в сторону мужчин, добавила: — А это — Енох из властных и его водила-мудила под названием Берия, который и сдал нас, гад, этой своре…

— Эрми! — помогая водителю развязаться, попытался урезонить её Енох. — Берия — нормальный, честный парень, вспомни, кстати, ведь это не мы, а он отстреливался от разбойников…

— Эт чё я слышу, кто это здеся честных лесных братанов сворой назвал, а? — властным жестом раздвинув враз притихшую толпу, к загородке вразвалку шёл среднего роста человек в подбитой красным атласом стёганке и военных бриджах, заправленных в невысокие синие китайские сапоги. За поясом у него торчала золочёная рукоятка допотопного «маузера», а на самом ремне болталось несколько толстющих золотых цепей от карманных часов.

— Да я, Сар-мэн, и назвала. Не ведая, что к тебе в гости угодила, — гордо расправив плечи, вышла ему навстречу Эрмитадора.

— Опа, бля! Гопс собственной фотокарточкой! Ты чё творишь, беспутная? Я-то думал — заграбастал толстеньких карасей, а силки мои Гопс приволокли собственной персоночкой, вот уж невезуха! Ну тогда здорово что ли, скиталица моей души! — Они обнялись, удивив не только пленников, но и всю честную братию, высыпавшую поглазеть на интересное представление.

В отдалении, как-то бочком к толпе, стоял Гамадрил со своим недавним спутником, морда первого выражала полное блаженство, судя по всему, он успел-таки по-быстрому подружиться с рыженькой ишачкой. Увидев братания атамана с пленными, Гамадрил спал с лица и умоляюще глянул на товарища. Дружбан, хитро улыбаясь, протянул лодочкой давно не мытую ладонь. Верзила Гамадрил, за что он и был наделён своим приматовским прозвищем, обрадованно вложил в неё кучку жёлтых кругляшей, долженствующих гарантировать молчание товарища. Китоподобный разбойник обстоятельно попробовал каждую монету на зуб, одну вернул для замены и, довольный, нырнул в толпу, растворившись в её разномастности.

— Ну и куда ты на этих боровах пылила осередь ночи? — задал вопрос предводитель, насмешливо оглядев стоявших поодаль пленников. — Слушай, а этот, в натуре, вроде ничего, на приличные бабки потянуть может, — он ткнул пальцем в грудь

Еноха. — Ну ты же хрен отдашь, а? Так, может, продашь мне его? А чё, неплохо пробашляю. Ты же в работорговцах никогда не числилась, те ж это западло было. Ну так чё, по рукам и в школу не пойдём?

— Сар-мэнчик, ну чего же ты, родной, расчёкался? Да и брось ты свою дешёвую феню, неприлично, ей-право. Что о нас твои гости могут подумать? Да и не с руки как-то на улице в торг пускаться, или ты за последнее время лаврушником успел стать, а? Угостили бы бедную жертву свободы каким-никаким напитком, лучше, конечно, хорошим горным чаем. Я ведь помню, чай у тебя отличный варят…

— Гопс, да это я — жертва, век свободы не видать. А чё, пошли к достархану, чифирнём по махонькой, — и уже отвернувшись, бросил кому-то через плечо: — Этих тоже покормите, только не шибко, а то в дурь попрут.

Енох хотел было что-то сказать, да слова как-то сами собой застряли в горле. Недавняя любовница, даже не удостоив его взглядом и призывно покачивая бёдрами, в обнимку с бандитом, направилась к причудливому терему, прилепленному к самой скале.

Не получив ожидаемого зрелища, толпа стала молча расходиться, унося раздражение и досаду по своим норам, где её можно было сполна выместить на домочадцах и тех, кто послабее.

Удручённый наместник Наместника приуныл. Ситуация складывалась довольно непонятно, и он совершенно не представлял, чего ему следует ожидать от ближайшего будущего. Запахнув поплотнее сюртук, он уселся на поросшую влажным изумрудным мхом землю и обречённо прислонился спиной о плетёную изгородь овечьего загона. В его голове блуждали тревожные мысли, и, зябко поёжившись от утренней прохлады, он полуприкрыл глаза. И тут его посетило некое странное чувство. Он отчётливо ощутил на себе чей-то взгляд.

Такое иногда бывает с человеком в минуты опасности и сильного душевного напряжения, нечто звериное вылезает из глубин его естества и заставляет жить особой, доселе не ведомой, чуткой жизнью. Обостряются обоняние, слух и зрение, мозг улавливает самые тонкие колебания приближающейся опасности, спина чувствует не только лёгкий ветерок чужого движения, но и чужой взгляд.

Енох почувствовал на себе этот взгляд, и почти одновременно пришло ощущение, что в этом не таится никакой для него опас-

ности, тут было что-то совсем другое. Он медленно повернулся. Большие голубые глаза с любопытством смотрели на него, пушистые шелковистые волосы редкого пепельного оттенка послушно струились по тонким, почти детским плечам. Енох вздрогнул от неожиданности: перед ним сидела та самая незнакомка, которую он дважды за последние сутки видел в своих странных, не похожих на прежние, снах.

Их взгляды встретились, и теперь уже Машенька вскрикнув от неожиданности, залилась краской смущения: она тоже узнала в незнакомце человека, манившего её на сеновал в том странном, так встревожившем её сне... Она понимала, что так смотреть на незнакомого мужчину неприлично, но ничего не могла с собой поделать, да и он, по-видимому, тоже был не в состоянии вынырнуть из бездонной голубизны её глаз.

Берия и Даша с удивлением смотрели на эти гляделки, ничего не понимая. Однако особенно вникать в это дело никому из них не хотелось, ибо в этот момент каждого мучили свои проблемы: водителю, как всегда, до умопомрачения хотелось есть, а девичье сердце разрывалось от жалости: она представляла, как её несчастного Юньку волокут пороть на конюшню.

12

В имении Званской творился несусветный переполох. Все уже были не по разу выпороты и поставлены на уши. Пропала всеобщая любимица Машенька и ещё двое непутёвых дворовых людей. Развратная, как сейчас выяснилось, Дашка («И это я на неё, окаянную, ангелочка своего понадеяла!» — причитала барыня) и Дашкин кобель — Юнька. Барыне доложили всё: и про сеновал, и про лестницу, которую сын конюха прилаживал в вечор к барышниному окну, и про вестника старых богов, и про то, что в тайге ночью свара была, и про то, что к обеду у Змеиного камня, верстах в десяти от истока Бел-реки, нашли пять осёдланных лошадей, а всадников никаких обнаружено не было. Одним словом, страсти да и только! И ещё страх-то какой — собака завыла этой ночью, почитай, перед самым заходом луны, утро уже в росе купалось, тут она и затянула свою унылую арию. Вот такие-то дела нечистые творились в округе.

Полина Захаровна сидела на крыльце, в специально по этому случаю вынесенном из покоев старинном материнском кресле.

Сидела, грозная и неприступная, как непутёвый правитель прошлого века Юнцин с большого похмелья. Она машинально отдавала команды, принимала доклады, а сама в душе костерила Бога за то, что не дал ей хоть какого-нибудь завалящего мужичонку, всё как-никак было б легче, оказывается, не всякое дело бабьим разумом спорится.

Масла в огонь подлил и прибежавший, запыхавшись, Прохор.

— Ох, беда, беда, матушка, — запричитал старик, целуя родственнице руки. Помещица окаменела, ожидая самого страшного. Верная Глафира уже держала наготове нюхательную соль. — Пропал, украден на поругание! Токи автомобиль его, весь разграбленный, нашли у Рябого Яра! Что будет-то, матушка? Что будет?

— Да ничего не будет, — вздохнув с облегчением и отводя Глафирину руку с солью, произнесла Званская, — пришлют нового оболтуса, да и дело с концом. Ты что это, придурок, о пустышке каком-то печёшься, когда у нас дитё родное некто схитил! — переходя на строгий тон, напустилась она на Прохора. — Изыди с глаз моих, брюква пареная!

— Ой, и зря ты так на меня, барыня, зря! Общее у нас с тобой горе, только мнится мне, что, уладивши одно, мы и другое, с Божьей помощью, осилим, — понизивши голос, зашептал ей почти на самое ухо, — мне верные люди дали знать, что Макуты-Бея молодцы поозоровали сегодня ночью и у Змеиного камня и у Рябого Яра…

— Да причём тут Камень и Яр, я те, садовая башка, говорю — Машенька пропала, а ты опять про…

— Да не ори ты так! — прицыкнул Прохор на родственницу, — и фурий своих отошли куда-нибудь, а то уши в нашем разговоре так и полощут, а дело тут нешутейное.

Полина Захаровна, вместо того, чтобы обидеться, жестом отправила своих приближённых, и, опершись на руку старого служаки, торопко подалась с ним в дальние покои.

— Потёмки в нашем деле, Захаровна, потёмки, — усадив барыню на диван и пристроившись подле неё, начал старик, — Макута-Бей нонешней ночью своих главарей сбирал на сход, об чём там гутарили, никто не знат, а кто и знат, тому сподручнее язык свой проглотить, чем хоть полслова молвить. Одно говорено: недалече от наших мест сошлись они, ну, мот, вёрст пять будет, не боле. Посидели, пошушукались и канули во тьме ночной. А как раз той же порой у Змеиного камня, это, виш ли, на второй день полнолуния приходится, уж который месяц наше местно мужичьё собирается, и к ним, якобы, выплыват чóвен…

— Да где ж там челну-то плавать, там же Бел-реку и воробей в брод перейдёт? Да и не томил бы ты душу своими побасенками, давай дело говори!

— Ну помилосердствуй, матушка, не перебивай ты мене, я и так-то в мыслях путаюсь! Вестимо, негде там чо́вену байдать, так не об том гутарю! Знат, выплыват чо́вен, а на ём некий старец, а при деде девки здоровы таки, вровень твоей Нюшке с маслобойни…

— Да иди ты! В Нюшке ж, почитай, два метра с четвертью!

— Вот те истинный крест, — обнёс лоб знамением Прохор, — сам, правда, не видел, мужик один глаголел, а он высок, метр восемьдесят будет, я его сам рулеткой мерил, так вот, мужик тот ей по сиську.

— Господи святы! Почто у вас, у мужиков, все мерки какие-то скабрезные: то до пупа, то по сиську, один срам в головах, — барыня заплакала.

— Да что ты, что ты… — принялся её утешать Прохор.

— Ой, Прохорушка, одна ты мне на свете родная кровинушка остался! Что там с нашей Машуточкой, что с ангелочком моим? Может, кто надругается над бедняжкой! — барыня заревела в голос.

— Ну что вы, бабы, за народ такой, ничего не дослушают и уже враз в слёзы. Да жива и цела твоя Маша! Дашка при ней, яко цепной пёс, сидит, никого не подпущает.

— Ты откуда это знаешь? — враз оборвав рыдание, волевым и уже набирающим строгость голосом воскликнула Званская.

— Нет, вы только гляньте на неё, уже командует, а ведь миг какой тому, как слезами умывалась! Юнька твой поведал…

— Где шельмец? Ко мне его — и розгами, плетьми, его…

— Злой ты к старости, Захаровна, становишься, в дичь тебя, вишь, как прёт, а ещё народная помещица. Оттого и не пошёл к тебе отрок…

— Ты его ещё иноком нареки, кобеля паскудного! Мне намедни порассказали, как он ялдырём своим по сеновалу махал! Отрок! Погоди, только доберусь, я ему это «отрочество» крапивой-то напарю. Где этот охальник? Веди его ко мне!

— Да кабы и мог, всё одно не привёл бы! Почто ты распаляешься, может, Глафиру кликнуть с её пузырями? А то опять свалишься, а тебе ещё девку поднимать, замуж выдавать, зятя в укорот брать, — и, не переводя дух, выпалил: — В банде у Сармэна Юнька дочку твою и свою невесту Дашку сторожит. Мот, ещё ночью прискачет, да что новое расскажет. Так что ты давай

охолони, гостинцев каких собери, только без этих барских искрунтасов, сама знаш…

Полина Захаровна помалу успокоилась. Глафира принесла каких-то ханьских сосалок от нервов, соорудили чай. Прохор всё беспокоился о своём барине, а толком никто сказать не мог, кто его прибрал, и когда назовут цену за его свободу.

Надо сказать, что торговля людьми в Сибруссии процветала ещё, почитай, со времён Преемника Первого Великого. Как при нём начали уводить людей в рабство и для продажи да подрывать дома со спящими горожанами для острастки народонаселения и подъёму рейтингов, так эта невесёлая традиция дононе и осталась. Одним словом, народцем приторговывать уже никто не брезговал.

В прошлом году скандал всемирный разгорелся: прищучили дочь одного властителя удела. Дама эта без зазрения совести продавала подвластный батюшке народец и оптом и в розницу, только шорох стоял. За год, почитай, сорок тысяч казённых душ загнала, кого своим помещикам, кого на запчасти в Объевру, кого в дальние электоральные зоны, что и концов не сыскать. Прищучить — то прищучили, пошумели для острастки, папашу на пенсию отправили, а дочку-то и отпустили, она ныне во Всевеликом Курултае заседает, законы и права для недопроданных изобретает. Вот такие пироги.

Потому-то барыня и успокоилась, знала, что сейчас точно ничего с дочкой не случится. Сар-мэн хоть и безголовый, но всё же Макутин человек, беспредельничать не станет. Вот кабы уйсуры девок умыкнули, ханьцы или кавказские чикинцы, вот тогда действительно надо было бы волноваться. А так Званская написала письма и Макуте-Бею и Сар-мэну с предложением встретиться и обсудить вопрос о выкупе дочки и её служанки. К слову будет сказано, Макуту-Бея и Сар-менова папашу она даже очень неплохо знала. Все они когда-то в одной школе учились, а другой в их тогдашнем захолустье и не было.

Так в хлопотах да воздыханиях и день прошёл. Прохору ближе к вечеру принесли телеграмму от Генерал-Наместника, в коей их высокопревосходительство немедленно требовали Еноха Миновича к себе на конфиденциальную аудиенцию. Долго думали, что отвечать на сей призыв, и решили — августейшему оку надобно донесть всю истинную правду. Так и сделали. И, по настоянию Глафиры, ответ подписали: «Исполняющий обязанности коменданта Чумымской крепости Прохор Филиппович Званский», правда, прежде, чем прописать фамилию, долго спорили,

какова она у Прохора, эта самая фамилия. Его-то отродясь никто по фамилии и не называл, так всё более Прошка да Прошка. Верх взяла барыня, настояв на родственности.

— А что, правильно, — отряжая посыльного на почту, довольная собой, рассуждала Полина Захаровна, — надо когда-то и тебе в люди выбиваться, а то всю жизнь служишь, служишь, а проку — пшик! А тут глядишь, может, и чин какой дадут, да впрямь комендантом поставят, а то уже, почитай, годов пятнадцать, как крепость-то наша без главы.

— А что я — не голова? — с деланой обидой произнёс Прохор, которому были приятны рассуждения родственницы.

— Ты голова, ты у нас на все случаи́ голова…

— А, между прочим, Прохор Филиппович за последние какие месяца три над пороховыми погребами крышу перекрыл, — многозначительно добавила Глафира Ибрагимовна.

— Ох, ты уж меня-то не смеши, какие пороховые погреба? Да он там со своей инвалидной командой капусту квасит, огурцы солит и самогон втихую курит…

— Ну, барыня, это пока порохов нетуть, а как война?! — стояла на своём верная служанка.

— Батюшки святы! — всплеснула руками Званская, — вы только гляньте на неё! Глафира! Не втюрилась ли ты в эту облезлую обезьяну?

Прохор смутился. А Глафира, может быть, впервые в жизни не поддакнула своей хозяйке.

— Почему же это Прохор Филиппович — обезьяна? Он эщо вполне справный мужчина, да и родственник ваш как-никак будет.

— Ну, Глашка, гляди, а то я ведь после Рождества могу и под венец вас отправить, да с хозяйским родственным благословением! А что…

Доложили, что с почты вернулся посыльный и опять с бумагой.

В ответной телеграмме сообщалось, что Прохору Званскому присвоено звание обер-каптинармуса, и он назначен комендантом Чулымской крепости, а также ему вменялось в обязанность немедленно мобилизовать все имеющиеся в уделе силы и принять надлежащие меры по розысканию пропавшего высокого чина. «Кроме того учредить следствие по данному вопиющему факту и о ходе оного докладывать лично его высокопревосходительству Генерал-Наместнику Воробейчикову». Вот такие дела.

Все бросились поздравлять остолбеневшего Прохора, а тот всё никак не мог поверить, смущённо теребил в руках заветную бумагу, пока Полина Захаровна её у него не отобрала.

— На вот, Глафира, да хорошенько спрячь, а то как чего коснётся, так и концов не сыщешь! Бумага она в наших палестинах всегда заглавной почитается, она не чета человеку, ей-то, любезной, только и верят.

Прохор, враз помолодевший, побежал исполнять высочайшую волю, а помещица со своей дворней, принялась готовить гостинцы в плен, да хлопотать втайне о пошивке мундира для новоиспечённого коменданта крепости.

Юнька прискакал под утро.

Собака уже перестала выть. Густой туман застилал всё вокруг, обращая окрестности в полную неузнаваемость. Что-то странное и тайное живёт в тумане, меняется в нём подлунный мир и знакомое становится незнакомым, и известное принимает чужие черты. Может, оттого в старину и не пускали матери детей бегать в туман, может, своей непонятной силой он и сегодня тянет к себе молодых, стремящихся узнать своё будущее и в нереальной белёсости узреть своего суженого. Может, оно и так, в тумане всё может быть…

Юный всадник скакал сквозь туман, не страшась и не замечая его. Ему о тумане было известно многое такое, что и во сне не снилось самым мудрым книжникам.

Юнь подскакал к крепости и удивился. Старые ворота этой фортификационной ненужности были наглухо закрыты, а в караулке над ними тускло светили большие масляные фонари, которые всё время, сколько он помнит, валялись на чердаке дома наместника.

«Солдатни из окуёма понагнали, — поворачивая своего верного Буша обратно в туман, подумал гонец, — ну и как мне теперь Прохора оттуда выманить? Ишь ты, и ворота затворили, их отродясь никто не запирал! Делать нечего, придётся к барыне ехать». — Только от одной этой мысли спина, а главное, мягкое место у юноши нестерпимо заныли в предчувствии хорошо вымоченной розги.

К усадьбе Званских он подъехал со всеми осторожностями, решил так: зайду к отцу, а тот пусть за Прохором сбегает или барыню разбудит, уж как родитель решит, пусть оно так и случится. Но Юньку, оказывается, ждали. И никто иной, как его папашка,

который, на удивленье, без тумаков и попрёков повёл его в усадьбу. Только одно и спросил:

— Ну, и долго ты в банде прохлаждаться будешь? Тут работы невпроворот…

— Ничё, бать, вот управлюсь и домой возвернусь…

— Ты уж возвернись, возвернись, дык оно это… и свадьбу надо ладить, а то как-то не ёмко всё у вас выходит…

Юнька страсть как обрадовался отцовским словам, но договорить им не дали. Навстречу, как ему показалось, очень знакомой походкой семенил какой-то военный. Только юноша изловчился, чтобы сигануть в кусты, как батя цапнул его за рукав.

— Не горячись, сынок, это ж наш Прохор Филиппович…

— А чёй-то он, как клоун, вырядился, я его в этом маскараде сразу и не признал, — все ещё с подозрением глядя на приближающегося вояку, произнёс Юнь.

— А вот вишь, брат, как всё обернулось! — обнимая гонца, произнёс довольный комендант, поправляя великоватый картуз, который вместе с побитым молью мундиром, был спешно извлечён из крепостных чуланов, почищен и водружён на назначенца. — На чужом, можно сказать, горе, на людском смертоубийстве карьер делаю. Вот как она юдоль-то закручивает.

— Да на каком смертоубийстве? Что ты городишь, дед Прохор? Вы что там с ума свернулись что ли? Что стряслось? Кто солдатов-то вызвал?…

— Ты бы, сынок, поаккуратнее. Прохор Филиппович, — одёрнул его отец, — теперь при исполнении службы. Намедни определён комендантом крепости!

— Что? Где? Юнька, паршивец! — им навстречу стремительно неслась барыня, сзади с фонарями в руках — Глафира.

В глазах у юного донжуана потемнело, ноги послабели, но бежать он и не собирался. Да что он не мужик, не бандит что ли?! Поправив за поясом обрез, он смело пошёл навстречу судьбе.

13

Енох резался с Сар-мэном в карты, пытаясь отыграть хоть какую-то часть назначенного атаманом выкупа. Женщины шушукались о чём-то своём в противоположном углу бандитской светлицы.

— Не, Енох, ты ж не хреновый кент, — подливая себе в пиалу местного на молоке сваренного чайку, в который исключительно для

аромата добавлялись шишечки конопли, заплетающимся языком говорил гостеприимный хозяин: — Ну вот пошто ты у меня выиграть пытаешься, сироту хлебушка лишаешь, сам видишь, сколь у меня ртов, да ещё и Макуте-Бею на общак выделять надо.

— Сар-мен, братан, ты мне сам, в натуре, эту канитель предложил! Да я больше продул, чем выиграл.

— Нет, Маша, ты только послушай их разговор, — покосилась на мужчин Гопс, — сразу и не разберёшь, кто разбойник, а кто государев чиновник! Сар-мэнчик, милый, ну соскакивай ты со своей фени, мы же с тобой договаривались.

— Спокойно, моя баронесса, это во мне азарт взыграл…

— А будет вам ведомо, досточтимая Эрмитадора, — перебил его Енох, — что чиновник сродни бандиту, нет, не благородному разбойнику, яркий пример коего являет наш почтенный хозяин, а самому кровожадному бандиту, и чем демократичнее государство, тем наглее и беспощаднее представитель власти. В своё время граф Кропоткин…

— Енох, а я знаю Поткина, мировой бродяга, мы с ним, — и хитро глянув на женскую половину, Сар-Мэн что-то жарко зашептал в ухо картёжному приятелю.

Оба захохотали. Отдышавшись, продолжили игру.

— Увидел бы вас Воробейчиков, его бы кондратий хватил, — Гопс по-кошачьи грациозно потянулась и стала кокетливо красться к играющим.

Маша восхищённо наблюдала за нежданно обретённой подругой. Ей всё нравилось в этой своевольной и таинственной женщине. Она даже простила ей близость с Енохом, тем более, что всё это произошло до неё. Нет, конечно, Енох Минович взрослый и свободный мужчина, а она кто? Обычная зелёная девчонка, какие между ними могут быть отношения? Однако стоило Машеньке его увидеть, как сердце начинало стучать в груди, щёки гореть, мысли путались, она порой забывала, куда и зачем шла. Сначала она это списывала на свой недавний испуг и подозревала, что у неё обычный нервный срыв. Но однажды не выдержала и проболталась Дашке. Та запрыгала вокруг неё и захлопала в ладоши. Вот дурочка, чего удумала, и не собиралась она ни в кого влюбляться. А потом был серьёзный разговор с Эрми, та ей такого понаговорила, что её, бедняжку, чуть было не стошнило. Всё это свалилось на недавнюю институтку, как гром среди ясного неба.. И двух суток не прошло, как она невольно выскользнула из-под всякой опеки и такого понаузнавала, на такое насмотре-

лась! Чего только стоила одна сегодняшняя ночь! Сначала Даша с Юнькой сопели весь вечер за стенкой. Она и так и сяк вертелась, а сопение, хоть и тихое, но такое тайное и стыдное, что как ни запирайся, оно всё равно в уши лезет. Потом Юнька помчался в поместье, повёз от неё записку матери. Дашка пришла вся раскрасневшаяся как после бани, довольная, глаза от счастья горят, как угли, того и гляди, что-нибудь запалит. Улеглись они спать, подружка-то сразу засопела, а Маша ещё долго ворочалась, ей всё чудилось, что кто-то ходит возле их светёлки, половицы скрипели, и слышались вздохи. А потом где-то далеко, сначала сдавленно, а потом и во весь голос стонала и даже кричала Эрми. Она испугалась ужасно, таких страхов понавоображала, растолкала Дашку, та зевнула спросонья, послушала, хмыкнула, дескать, спите, барышня, придёт время, вы, может, и похлеще голосить будете, и вновь засопела. В такой маете она забылась лишь под утро тревожным зыбким сном. А уж приснилось же ей после всего этого такое — до сих пор без стыда вспоминать не может! Утром все проснулись в хорошем настроении, и только одна она — с синяками под глазами и с головой тяжелее колоды. Одна радость — Юнька письмо и гостинцы от маменьки привёз. Когда везли их в мешках, плакала она и молилась, и маму звала, и решила с тех пор больше никогда её тётушкой не называть и других поправлять.

Письмо привезли не только ей, но и Сар-мэну. Вечером он собрал их в большой комнате и объявил:

— Вот чё я вам скажу. Маляву я тут от всем известной Полины Захаровны получил. Серчает старая знакомица, грозится, ежли что не так, на фарш меня пустить. Но у нас же всё так, не правда ли? Молчите, почтенная барышня? Вот и прекрасно! А главное, фарт попёр, по маляве приличное бабло может обломиться, — но увидев капризно искривлённые губы Эрмитадоры, атаман осёкся и поспешил изложить только что произнесённую фразу на удобоваримом наречии: — Прошу пардон, уважаемое собрание, капризная мадам фортуна повернулась ко мне своим прекрасным личиком, хотя я лично предпочитаю лицезреть у хорошенькой девицы то место, что выше ног растёт и процветает. Ваша тётушка изволили предложить мне приличное денежное вспомоществование. Правильно ли я изъясняюсь, милая? — обратился он к Гопс.

— Сар-мен, если ты станешь и дальше выворачивать свой язык и строить из себя дебила, я тебя просто заключую! — напу-

стилась на него Эрмитадора. — И конец нашей дружбе придёт! Перед тобой же нормальные люди сидят, вот и говори с нами по-человечески, у тебя ж, если мне память не изменяет, не одно верхнее образование имеется.

— Ну ладно, Эрмик, ладно, — примирительно поднял вверх руки атаман. — Ох, говорил мне покойный родитель: не спи с умными — поумнеешь! А в моей юдоли ум иногда помеха. Короче, чтобы особо не умничать, я вам так скажу: без выкупа вас отпускать мне не резон, свои же засмеют, да и Еноха со службы без всякого достоинства попрут. А так мы ему после тайной передачи денег побег устроим со стрельбой и ранениями, того гляди, и орденок ещё огребёт…

— Да как это ему ранения наносить?.. Так же ведь и покалечить можно! — заливаясь краской, воскликнула Маша.

— Мария Захаровна, да мы его подстрелим аккуратненько и без вреда для будущей супружеской жизни, — добродушно ухмыльнулся Сар-мэн. — А чтобы не обидно было, можно на всю сумму выкупа сыграть в карты. Годится? Ну, кто тут смелый? Времени у нас полно, всё равно надо и денег и Макуту-Бея дожидаться…

— Сар-мэнчик, миленький, ну может, мы сами осторожненько заглянем хоть одним глазочком в те подземелья? — лисой заходила Гопс. — Просто заглянем и сразу обратно, а?

— Тебе ж, по-моему, человеческим языком объяснили: не ведомо, что там, и Макута настрого туда самим ходить запретил. Потерпи уж, вот лучше в карты, садись, по маленькой перекинемся…

— Да я уже свой выкуп за сегодняшнюю ночь почти весь отпахала…

— Миленькая, не почти весь, а всего четвертину… молчу, молчу, но это же твои слова! — уворачиваясь от брошенного клубка ниток, произнёс атаман и принялся тасовать карты.

На карточный поединок вызвался Енох, мнивший себя неплохим игроком. Игра шла с переменным успехом и грозила обратиться в затяжную многодневную баталию. Дамы откровенно скучали, в сотый раз перемалывая последние события. Гопс несколько раз пыталась подкатиться к своему кавалеру и заставить обратить внимание на её домогательства. Но всё впустую. Вернувшись после очередной неудачной попытки, она с досадой махнула рукой.

— Нагуленный кобелина, теперь до ночи и бровью не поведёт. Была бы ты, Машка, расторопной, Еноха бы вытянула, а уж там и я бы к своему присосалась…

— Эрми, я право, тебя не понимаю… Что значит расторопнее? Он зрелый мужчина…

— А ты думаешь, зрелым молодицы уже и не впору? Дарья, ты чего ж это барышню свою не просвещаешь? Как с бандитом своим где ни попадя дрючиться на это ты горазда, а вот объяснить несмышлёной, что Енох этот на неё запал безвозвратно, не можешь… Али не хочешь?

— Да что вы, Эрмитадора Остаповна! Я уж и так ей говорю и этак, а всё нипочём. Не могу я ей объяснить это поейному, а по-нашенски боюсь, как бы не обидеть! Сегодня вон в ночь перепугалась барышня ваших криков, меня будит, идём, говорит, Эрмитадору спасать, он её, душегуб, убивает, слышь, дескать, как бедняга кричит, — прыснула в кулак Дашенька.

— Ну и надо было привести, пусть бы глянула. Лучше один раз увидеть, чем месяц объяснять. Маш, а Маш, да не заливайся ты малиновым сиропом, ты что и в самом деле понятия ни о чём этом не имеешь? Вот бедный Енох!

— Да что вы все на меня напали? — вскочила девушка. — Всё я знаю, а чего не знаю, придёт время, узнаю.

— Мария Захаровна, — заметив, что Машенька собирается выскочить из покоев, поднялся из-за столика Енох. — Уж не погулять ли вы? Ежели не против, я бы с превеликим удовольствием составил вам компанию! — и повернувшись к сопернику, попросил, — Брат Сар-мэн, не вскрываемся, вернусь, доиграем. Ты уж прости…

— Дело барское, я с прибытком, а вот ты свой фарт перебил! Мне всё на руку…

— Да нет, — уже от дверей каким-то необычным голосом отозвался Енох, — мне кажется, что мой фарт ещё весь впереди…

14

Макута-Бей торопился. Ночь выдалась неспокойной, сначала, чуть ли не все в один момент, прискакали четыре его человека из окуёмского центра. Хорошо, хоть не столкнулись носами в лагере, а то бы конфуз вышел. По городу они были знакомы, и двое даже служили в одном ведомстве, однако, никто из них не догадывался о столь тесных связях своих товарищей со свободным

лесным народом. Все четыре гонца привезли одну и ту же новость. Воробейчиков, побоявшись огласки, собрал внеочередное собрание вольных каменщиков и вменил в обязанность всем братьям, оставив иные дела, заняться тайными поисками Шамбалы. И судя по рассказам своих людей, Макута понял, что непутёвым властям многое известно, а самое неприятное заключалось в том, что в захолустный Чулым грозилось понаехать столько народу, что о вольном житье-бытье можно было просто позабыть. Уходить же со своими людьми за кордон он не собирался, да и куда было бежать? Дома и без того разруха и полная похабщина, а здесь ещё эти Властители вселенские удумали нагрянуть. Ишь ты, всем, видать, охота до великих тайнов прикоснуться! И как же быстро бегут ныне вести, ещё подумать не подумал, сказать не сказал, а уже, почитай, половина земного шара знает, что где-то здесь, в Чулыме, и сокрыто заповедное вхождение в эту самую Шамбалку. Входы-то, пока сокрытые, может, когда и отыщутся, а вот что за такая чертовщина эта самая Шамбала, так никто толком описать и не может. Уж сколько он за последние дни баек понаслушался об этих палестинах, не перечесть — уйма! А толку никакого, один нуль на выходе. Шамбала, Беловодье, тайная Держава пресвитера Иоанна и ещё чем только не именовали сие место, и всё это, выходит, одно и то же и сокрыто, получается, где-то совсем рядом. Ну, а ежели рядом, то где!? Он уже и так и этак рядил, все мозги исхлестал — всё в порожняк! И тут на тебе! Об ком и подумать не мог, почитай, дурень, хоть и половину своей жизни по заграницам учился, вот-таки взял и додумался! Хотя всяко быват, может, от кого и дознался! Вот тебе и Сар-мэн, вот тебе и жертва нетрезвого зачатия! Пронюхал, проныра, главное же, сам не попёрся, а его, вожака, упредил. Молодец! Хоть чем-то в отца удался. Вот в его стан и спешил Макута-Бей.

Сам по себе разбойничий атаман, вроде как грозным с виду и не был, так, кряжистый да жилистый мужичонка, накрепко связанный с этой древней землёй. Исстари здесь жили его когда-то давно высланные с далёкой и уже почти мифической Украины предки. Сколько минуло годков, уже и упомнить трудно, а зловредное и упрямое Макутино семя дало хорошие всходы, почти никто из его рода не пошёл, что называется, в чертополох, все сгодились для обустройства ставшей родной Чулымской земли. Много чего могли бы порассказать об этом семействе краеведческие хроники, если бы их периодически не жгли наезжающие из первопрестольной служивые люди. Так уж у нас повелось, что

из Кремля всегда виднее, что и как должно на самом деле происходить в глубинках любезного Отечества. Главное, и это всем известно, важен правильный вывод, а не результат, полученный в ходе естественного процесса. Оглашённый вывод — вот всему голова! Ему радуются, от него и пляшет себе дальнейшая история, а что там взаправду произошло на бескрайних просторах демимперии, так это всем, как говорится, по барабану. И так повсеместно: и в жизни державы, и в перипетиях семейства, и в юдоли отдельного человека. Как кого огласили, обитожили, так тому и быть, и никаких тебе колебаний и отсебятины.

Однако Макута, как и весь его род, чужим итожением жить не привык. Фамилия его, ещё и без приставки «бей», зазвучала после притязаний Хохлобульбии на местные земли. Невольным виновником этой разудалой кампании и сделался никому доселе не известный Макута.

Мало кому ныне уже и ведомо, что некогда на месте нынешней Сибруссии, только в ещё более полных объёмах, существовала себе огромнейшая страна под названием Советский Союз. Что это была за страна, а главное, что и когда с ней приключилось, никто не помнит. Забыли все единодушно, и дело с концом. Одно доподлинно известно — развалился в одночасье этот самый Союз на неравные куски. Из-за чего это произошло, сейчас помнят разве что самые дряхлые старики, да и те молчат себе в тряпочку. Старики молчат, энциклопедии в рот воды набрали, все молчат, весь мир молчит и, наверное, правильно делают, зачем народу излишнее умствование, а главное, что ему дадут эти знания? Хлеба что ли больше станет или пенсия прибавится?

Ну так вот, лет шестнадцать назад хохлобульбы, хотя их правильнее было бы называть салобульбами, потому как, кроме свиней и картошки, на этих, некогда благодатных землях, ныне ничего более путного не произрастает. Одним словом, услышали бывшие Макутины земляки из какой-то объевровской передачи о существовании в Чулымии лихого разбойничьего атамана со звучной фамилией. И что тут сделалось! Чуть ли не война! Макута враз из разбойника обернулся в благородного борца с москалями за независимость и скорейшее присоединение исконно хохлобульбских территорий великой Чулымии к исторической родине. А ради Родины чего только не сотворишь! И пошла писать губерния, научные институты и академии трудились денно и нощно и доподлинно доказали, что давние предки Макуты служили приват-бандитами при княжеском дворе самого Владимира

Красно Солнышко! И были сим ниспровергателем и возносителем богов весьма обласканы. Вот так, не больше и не меньше. А уж коль такая приключилась история, то и земли нынешнего обитания Макуты являются исконными землями Великой Хохлобульбии. Возможно, это и было бы смешно, но не вмешайся великие Вселенцы, неизвестно, чем бы закончилась для Сибруссии война, объявленная Великим яснодемократичным князем Лукой Третьим. Макуте-Бею пришлось, используя всяческие уловки, объяснять мировой общественности, что он никакой не борец за всемирную Хохлобульбию, а обычный романтик ножа и топора с большой дороги. С полгода тянулась эта бодяга, князь Лука даже в международный Гагарский Трибунал на Макуту иски подавал, но, по причине неявки на судебные заседания ответчика, всё так и завершилось безрезультатно, хотя смертный приговор ему всё же вынесли, так, на всякий случай.

Макута-Бей и спешил и не спешил. Верный конь его то летел галопом, то переходил на мерный шаг, то и вовсе останавливался, мирно пощипывая набирающие сок дикоросы. Атамана брала оторопь. Ну вот доедет он до сар-мэновского бивака, ну проскачут они с ним да ещё с десятком верных людей эти четыре километра до истока Бел-реки, ну отыщут потайной лаз, ну войдут внутрь, а что дальше, а что там, в этих заповедных чертогах? На что наткнётся человечий несовершенный взор, а главное, как отреагируют на их появление те, кто этого вторжения не только не ожидал, но и активно не желал целые тысячелетия!

«Ну, вот влетишь ты со своей бандитской рожей в некое святилище, — думалось атаману, — а ведь там-то скорее всего всё по-другому, всё по-чистому, ну и что ты им скажешь? Мол, честны́е… как-вас-там, я Макута-Бей — бандит с большой дороги, прибыл защитить вас от неминуемой погибели и всемирного поругания. И это скажешь ты — пигмей окаянный и, главное, кому? Властителям мира, творцам Вселенной! Которым стоит только пальцем или извилиной одной пошевелить, и шар земной перевернётся!»

Одним словом, было отчего дрейфить, да что там дрейфить! Мороз спину леденил, потому что никак он не мог представить себе тех подземных обитателей. Какие они, с одной или с тремя головами? Можно ли с ними по-нашенски погутарить, али они какие страшилища, про коих в старомудрых сказках старики со старухами бают? Тут хочешь – не хочешь, а мозги напрочь закипают, и кабы не ноздри

да уши, давно бы разлетелась Макутина черепушка. Уже перед самым Сар-мэновым логовом принял атаман окончательное решение: «Людьми рисковать не буду, сам пойду в одиночку, погляжу, что да как. С голыми руками пойду, без оружия, а то как бы с перепугу в кого не пальнуть ненароком. А там будь что будет, потрафлю подземельцам — хорошо, а в немилость придусь им, пущай губят, небось, не впервой им! Может, для этих небожителей и человек равно букашка какая. Хотя какие же они небесники, коли в пещерах земных прячутся, словно совы или мыши летучие! Солнышка божьего чураются! Ох, час от часу не легче, однако, что решено, то решено — иду один, а сгину или смерть лютую приму, что тут поделаешь, всё одно когда-то помирать, и так уже зажился. Три смертных приговора за спиной, как голодные волки гонятся, когда-никогда, а настигнут. Ещё и подумать крепко надо, где помирать легче будет — в печорах ли горных, али на государевой дыбе в лубяных застенках? Эх, да где наша не пропадала! Нно-о, залётная, пошла, пошла!»

Определился разбойник, и с души словно камень свалился. Туманная ночь просветлела, и копыта верного конька по горной тропке веселей застукали. Так уж исстари на земле нашей повелось, что атаман, в отличие от доблестных золотопогонных командиров, всегда впереди своей ватаги, а не будь он там, и в вожаки чёрта с два бы выбился, да и слушать бы его никто отродясь не стал, так непримеченным бы и сгинул в людской круговерти.

15

Машенька и идти не шла, и слышать не слышала, и дышать не дышала. Сердце, как стреноженный воробей, прыгало в груди, трепетало своими невидимыми крылышками, рвалось на волю, а волей этой был идущий рядом с ней человек, который что-то весело рассказывал, махал руками, забегал вперед и пытался заглянуть ей в глаза. Маша боялась и оттого сторонилась этого взгляда, ей казалось, что, встреться их глаза, случится что-то непоправимое, нестерпимо грешное и неизбежное. «Прочь и прочь следует гнать от себя эти несуразные страхи! Что может произойти от одного взгляда? Вот сейчас подниму глаза и посмотрю на него!» — девушка замедлила шаг и неимоверным усилием воли заставила себя повернуть голову в сторону своего попутчика.

Казалось, тот только этого и ждал, их глаза, словно пьяные, столкнулись и, вместо того чтобы отстраниться, сплелись в нечто

единое и провалились в глубины друг в друга. И от этого взаимного проникновения в девичьей душе вдруг всё сразу как-то успокоилось, окружающий мир приобрёл привычные очертания, дыхание выровнялось и перестало вздымать рвущуюся наружу грудь с нагрубшими от возбуждения сосками. Маше нестерпимо захотелось прижаться к этому большому и сильному человеку, уткнуться в его грудь и, не таясь, вдохнуть в себя ни с чем не сравнимый аромат чужого мира. Она уже больше не боялась плена, отвратительных разбойников и, что самое удивительное, ей не хотелось никуда уезжать из этого чудного места. Понемногу осмелев, она заметила, что у её спутника очень вдохновлённое и оттого слегка глуповатое выражение лица, казалось, что он готов выпрыгнуть из самого себя, чтобы хоть как-то угодить ей. Машенька сразу вспомнила рассуждения всезнающей Эрмитадоры о том, что все влюблённые мужики похожи на телят, видящих сиську: и морда глупая, и мычание несуразное, и слюна гужом течёт, и мира божьего они не видят, пока не дорвутся до вожделящего их предмета. Она на минуту представила, как у Еноха текут слюньки и он, глядя на неё, вожделенно мычит, картина получилась такой забавной, что она чуть было не прыснула со смеху.

От своей шалости Машенька немного смутилась и, отвернувшись от Еноха, бросила взгляд окрест. Тут она в изумлении замерла, и слова восхищения сами сорвались с её уст.

— Господи, красота-то какая! Посмотрите, Енох Минович, Белуха открылась!

Они стояли на неширокой горной тропинке, которая, затейливо петляя, упрямо карабкалась к вершине нависающей над разбойничьим станом горы. Внизу, кутаясь в позднем тумане, лежал поросший вековым кедрачом распадок. Только ближние деревья, росшие на краю небольшой покатой луговины, имели более или менее отчётливые очертания, всё остальное было размыто до неузнаваемости. Там, дальше, на противоположном берегу этой белёсой бездны, вздымались далёкие чёрные горы. Сверху, над ними, как бы парила белоснежная, искрящаяся в золотистых лучах ещё невидимого солнца великая и заповедная, продолговатая крыша Белухи — горы строптивой и своенравной. Не всякому она открывалась и бросалась в объятья, словно долгожданному родственнику, воротившемуся в родной дом. Иные охотники неделями караулили её появление, чтобы защёлкать фотоаппаратами, загнать священный облик в микрочипы и утащить в далёкие, воняющие смертью и отходами города. Говорят, что там, в без-

душных каменных джунглях одно лишь изображение горы творило чудеса, лечило, утешало, помогало многим людям остаться хоть в какой-то степени людьми. Не будь она столь недоступна, скорее всего её бы постигла участь многих святынь мира, которые благодарные любители древностей и экзотики просто растащили на сувениры.

Машенька стояла как зачарованная. Ей казалось, что ещё немного, и она, оттолкнувшись от этого ветрами отполированного камня, улетит туда, далеко, к кристально белоснежной, искрящейся вечностью вершине! Может, и правда если долго-долго смотреть на эту великую гору, душа твоя может слиться с ней воедино, и тогда тебе откроются великие тайны мира. Только жизнь твоя и помыслы должны быть чисты, как снега Белухи. Машеньке было так хорошо, что объятия Еноха нисколько её не смутили, а скорее наоборот, она прижалась к нему, ещё более счастливая от мысли, что вот они оба удостоены чести видеть эту святую для Азии вершину, и она, как добрая и всё понимающая мать, благословляет их на нечто важное и неизбежное.

— Машенька, — боясь спугнуть девичье настроение, тихо произнёс опытный Енох, — вы самая прекрасная, чуткая и трепетная девушка, которую я встречал в своей жизни.

Он говорил, речь его становилась всё более напористой, и Машенька чувствовала исходящий от него жар. — У меня всё путается в голове, — продолжал он, — это ей-богу какое-то наваждение. Господи! Как я благодарен судьбе за это ночное путешествие, которое привело меня сюда, на эту гору…

— *Нас* привело, — сдавленным, будто чужим голосом добавила девушка.

— Да, да, конечно же, нас! Господи, как я рад… Машенька, не сочтите за глупость, но я… я… — Енох запнулся на полуслове, кровь стучала в висках, он и сам чувствовал, что его трезвый и практичный ум отказывается ему повиноваться. Неведомая и страшная сила переполняет его естество и готова перевернуть весь мир, что бы только это наивное стояние на открытой ветрам вершине горы никогда не кончалось. — Я люблю вас, Маша! — произнёс он, удивив самого себя.

Голова кружилась, казалось, ещё чуть-чуть, и она брякнется в обморок. «Господи, мамочки мои, что же мне делать? Что-то надо делать…» — она повернулась к нему, но ответить ничего не успела. Его губы властно и требовательно преградили путь и словам её и дыханию. Мир, горы, Белуха — всё завертелось

и провалилось в мягкую бездну блаженства. Сколько продолжалось это безумие с их губами, она не смогла бы ответить, и только одна мысль стучала в голове: пусть это не кончается, не кончается... Сначала мелкая дрожь, а потом неукротимый лихорадочный озноб охватил всё её тело, наполняя неведомым и непобедимым зовом.

Они разом разомкнули губы и, глупо глядя друг на друга, жадно глотали широко раскрытыми ртами тягучий горный воздух. А потом как по команде рассмеялись во весь голос. Чуткое горное эхо, стократ усилив их радость, разнесло её по окрестным горам. Через мгновение весь поднебесный мир уже знал, что два одиночества нашли друг друга и готовы слиться в единое целое.

Потом они ещё долго-долго целовались, гонялись друг за другом и просто дурачились. И неизвестно, чем бы всё это закончилось, не прерви их весёлые игры совсем, как показалось, недалёкий выстрел.

— Ой, что это было? — запоздало вздрогнула Машенька, поглядывая из-за плеча Еноха в сторону крутого склона, где ещё билось эхо смертоносного звука.

Они смущённо и с явной неохотой поднялись с земли и, отряхивая с одежды мелкие травинки и камешки, настороженно прислушались.

Внизу послышался громкий женский крик.

— Господи, да это же, кажется, Эрмитадора! — Машенька рванулась вперёд, но Енох на лету словил её, почти грубо дёрнув за плечо.

— Значит так, — другим, жёстким и незнакомым ей голосом произнёс он, — спешить, очертя голову, не следует…

Внизу опять раздались выстрелы. Один, два, три! После третьего медведем взревел какой-то мужик. Хлестануло ещё два выстрела, эхо раздробило их об окрестные скалы, и на опешившую парочку гулко упала горная тишина.

Машенька не успела ни обидеться, ни испугаться, она лежала на земле, плотно прижатая сверху Енохом, даже не успевшая сообразить, как он её повалил.

— Маша, — приподнимаясь на руках, произнёс мужчина, — дело, кажется серьёзное, лежите спокойно и не вздумайте подыматься, мне показалось, что это в нас только что стреляли. — Он осмотрелся вокруг и прошептал: — На четвереньках, быстренько, за мной вон к тем камням. — Неповоротливо, но проворно, как какой-то крупный зверь, он, смешно вихляя толстым задом,

подался к трём большим продолговатым камням, лежащим над откосом, откуда вероятнее всего и стреляли.

Машенька, наверное, только сейчас по-настоящему испугавшись, покорно следовала за Енохом, больно сбивая о камни локти и коленки. На какое-то время она потеряла из виду его медвежью фигуру, а когда добралась наконец до камней, с ужасом увидела, что его там нет. Машинально пытаясь отряхнуть с брюк зелень и землю, она переползла ближе к краю среднего камня и заглянула за него. Крик ужаса застыл в горле. Прямо перед ней сидел здоровенный бандит, беспомощно прислонившись к горной расщелине, оружие валялось рядом в луже ещё плывущей по мелкому песку крови. Карие, широко раскрытые глаза неподвижно глядели куда-то вверх. От неожиданности слёзы сами собой хлынули из глаз, девушка отшатнулась назад, отползла подальше и, прижавшись к камню, стала испуганно оглядываться. Туман уже давно растаял, обложными облаками солнце было словно размазано по всему небу. Священная гора скрылась с глаз. От безысходности и страха слёзы высохли, немножко успокоившись, девушка, плотнее прижалась к серой каменной стенке и никак не могла решить: следует или не следует ей позвать Еноха? Стоящая вокруг тишина невольно заставила её прислушаться. Слева кто-то, тяжело дыша и спотыкаясь о камни, поднимался по скале.

16

В Кремле стоял форменный переполох. Назревал самый настоящий конфуз. Мало того, что великая держава готовилась к ответственной передаче высшей конституционной должности, и сама процедура находилась, можно сказать, в самой что ни на есть кульминации. Да-да! Его величество Августейший Демократ готовился передать всю полноту своей неограниченной власти непосредственно самому себе. Конечно же, эта торжественность не происходила так себе, с бухты-барахты, а выливалась в самые настоящие равные, прямые и всеобщие выборы. А как же, иначе нельзя! Демократия-с! Согласно давней традиции, Преемник ну никак не мог оставаться в своей высшей вакансии более двух раз. Так, как во всём цивилизованном мире: раз избирают, другой раз переизбирают и всё. Конечно, можно какой-никакой заговор заплести, приморить своего преемничка, после, скажем там, полугодичного властвования можно, конечно, но не рекомендовано

всемирной хартией, да и времена нынче не те! Кругом всеобщие свобода, равенство и полнейшее братство. Чего, собственно говоря, мутить-то зазря? И тут вдруг на тебе — конфуз!

И сидит этот «конфуз» в приёмной первого лица государства в неурочное время, немым укором нашей отечественной расхлябанности и головотяпству. Хотя, собственно, почему головотяпству? Ну что мы за люди такие, хлебом нас не корми, а дай только голову пеплом посыпать да оклеветать себя почём зря! И что противно, загадим себя полностью и довольны, а люд-то окрестный верит и шугается от нас, ровно от прокажённых.

Наверное, именно так и думал канцеляроначальник Августейшего Ибрагим Иванович Сучианин, понуро взирая на заграничную бестию, невесть за какой надобностью припёршегося в наши палестины. Вот прилетел, никто его не встретил, так как никто и знать о его прилёте ничего не знал, а, видите ли: «Спасибо, меня польские друзья подбросили»! Подбросили, да ещё «ляхи»! Эти всю жизнь нам чего-нибудь норовят подсунуть! Ну подбросили, так и сидел бы в ихних посольствах, чего же по Кремлям шляться без предупреждений вздумал? И пропуск у него вездеходный, спецмирового образца, таких-то на всём земном шаре не более трёх десятков наберётся. В нашей державе всего четыре, да и то — у каких людей!

А заморец-то самый что ни на есть важный, аж из-за самого океяну, чёрный, ровно головня, с раскосыми глазищами и белыми, яко дым, курчавыми волосами. Инициалы его басурманские — МПС, расшифровывались смешно — Магомедченко Пафнутий Смитович. Именно так он и представился Ибрагим Иванычу, прибавив, что, дескать, прибыл по срочному делу к Августейшему Демократу. Выслушал всё это бессменный канцелярист, (при месте-то он уже и не упомнишь с какого Преемника), а про себя думает: «И где же я тебе, милок-то, Августейшего разыщу после обеда? У нас ведь не токмо искать, а даже и подумать о беспокойстве Высочайшей особы в это время опасно. Пёсьи уши прослышат и всё — тю-тю!»

— А знаете ли, бесценный вы наш, — поразмыслив, молвил канцелярист, — давайте-ка мы поступим таким образом. Сейчас оформим ваш визит, и, так как по документам вы особа высокого рангу, придадим ему соответствующий статус, разместим и обиходим, как положено, вы с пути-дороженьки отдохнёте, а уж завтра поутру, как у нас заведено, с челобитной ко двору, в чертоги, так сказать, свободомыслия. А если вы изволите намекнуть

о теме-с, вас озаботившей в нашем отечестве, и, как бы это поделикатнее изъяснить… — столоначальник выразительно потёр большой палец об указательный, — то можно и о положительном результате вашего решения позаботиться.

От таких речей заморец аж побелел и понёс какую-то тарабарщину на неведомом в наших азиатских местах языке.

— Да он же, падла, на чистейшем аглицком наречии шпарит, — шепнул на ухо Иванычу дежурный переводчик из откудонадовских, — а это категорически возбраняется всемирной языковой хартией! Параграф шестой сто восемьдесят первой статьи категорически запрещает употребление несинтетических языков в госучреждениях и общественных местах, за нарушение — строжайшие санкции.

— Ти-ти, голуба! — выставив вперёд руку, охолонул приезжего Ибрагим Иванович. — Вы бы, любезный, поаккуратнее с мёртвыми-то языками в присутствии. — Хоть не без огрех, но фраза была произнесена на общепринятом в мире языке.

Гость смутился, но глаза продолжали зло зыркать.

— Я — высокий посол Всемирных сил! И я требую немедленно доложить о моём визите Вашему Руководителю, в противном случае мне придётся… — закончить мысль ему не дал вышедший из-за своего стола Ибрагим Иванович. Решительно подойдя к посланцу, он, широко взмахнув руками, обнял его и троекратно смачно поцеловал в губы. Заморец от неожиданности плюхнулся на стоявщий за спиной стул.

— Коль вы посол, да ещё и высокий, двигали бы вы, любезный, прямиком в МИД! Я вам положенное в таких случаях троекратное целование от Гаранта передал, а всё остальное завтра с утра…

Туго соображая, гость пытался что-то возразить.

— Не-не, любезный, в МИД. Там твоё место, а мне некогда, — Сучианин сгрёб со стола охапку бумаг, — у меня, вот видишь, документы государственной важности. Мне не до послов.

И вот тогда… Тогда эта басурманская рожа с ехидной улыбочкой подошла к столу и вежливо так положила на самую его середину небольшой продолговатый жетончик, на котором были вычеканены семь золотых скорпионов, держащие на своих хвостах земной шар.

Теперь бледнеть пришлось канцначальнику. Неповиновение предъявителю подобной бирки могло не только разрушить карье-

ру любого чиновника, но и остатки кремлёвской ограды, а может, и всю страну.

Но самое-то страшное заключалось в том, что по слухам, такие метки передавались руководителю державы в случаях, когда Властители Мира единогласно выносили Вердикт о Недоверии к нему, а Недоверие это влекло за собой добровольный уход правителя и из власти, и из жизни.

— Сейчас, сию минуточку! Чаю гостю, чаю! Да покрепче! Сейчас, любезнейший Пафнутий Смитович, о вас будет, куда след, донесено. — Ибрагим Иванович с проворностью белки метнулся из-за стола. — Ты тут гляди, — гаркнул он дежурному, — и не сиди сиднем, а составляйте протокол о ненормативной лексике, сигнализируй по своей линии, ну и его «крути», а я мигом, — и, цапанув со стола бирку, ринулся в дверь.

— Катя! — оставив озадаченного офицера, крикнул он в подсобку, — заварки не жалей, не жалей и сыпь из *правильной* банки! Ну, вы все у меня!

Последние слова уже подхватило гулкое эхо длинных дворцовых коридоров, в которых из-за экономии и иных этических соображений лет десять как поубирали ковры. Исчезновению ковров предшествовала долгая фракционная и внутриполитическая борьба, итогом которой стала знаменитая фраза Преемника Четвёртого: «Пусто и гулко, зато нас никто не обвинит в подковёрных интригах!» Колоссальнейшей мудрости был правитель, да у нас других, слава богу, и не бывает.

Перво-наперво ушлый канцелярист бросился к наместнику главного визиря, действующему тайному советчику Владисуру Джахарийскому. Небольшого росточка (а небольшие росточки у нас давно прочно в моду вошли), невзрачненький, ако погребная поганка, с коротенькими ручками, губастенький, с горбатеньким носиком, востренькими ушками, в скромном костюмчике, аккуратненький до отвратности, он тоже относился к старожилам и был, почитай, главным интриганом среди огромной придворной свиты. Именно ему приписывает молва право быть родоначальником суверенной демдиктатуры — главного идеологического учения современной эпохи. Многие, конечно, сомневаются в его первородстве, дескать, где уж ему, он и говорит-то коряво, а уж писать, так это всем ведомо, он только в Кремле научился. Но в суверенной демдиктатуре главное: дух — опора народотворческих сил правопорядка и административной потенции регионов, а не протирание, простите за выражение, штанов в академиях.

— Беда, Владисур, беда! Что и делать, не знаю, одно упование на тебя!

— Ибрагим! Не блажи, отдышись, хлебни чайку, вот присаживайся. Ишь, как запыхался! Давай-ка всё по порядку.

— Да полно меня успокаивать и чаем баловать! Беда, я тебе говорю, в державе! Царю, тьфу ты чёрт, Августейшему Демократу метку привезли!..

— Какую ещё метку? Ты что, брат, обкурился? — хмыкнул хозяин кабинета.

— Со скорпионами метку, башка твоя тугая! От Высших сил! — и он аккуратно, словно боясь разбить или погнуть, выложил на стол привезённый негром жетон.

Джахарийский побледнел, как полотно.

— Да не может этого быть, ведь не за что же… Не за что! Все указания выполнили, стены срыли, крамолу извели! Дионисия прокляли! Нефть почти всю же им выкачали! Газа уже двенадцать лет как нет, а мы его поставляем! Ведь поставляем! Жрём всем народом горох, пердим, сжиживаем и поставляем! Так за что, за что метка? — с трудом приладив на нос очки, он дрожащими руками взял страшную кругляшку, покрутил, и поднёс к глазам обратной стороной, после чего бросил её на стол и с видимым облегчением откинулся на спинку стула.

— И как ты, Ибрагим, столько лет с документами работаешь? — с пренебрежением произнёс советчик. — Ты с изнанки-то жетон читал?

— Не, а что?

— Пудов сто! Чуть до сердечного приступа не довёл! Слово там отлито, коротенькое такое: «контакт»! Почтальон твой черномазый, важный, очень важный, но всего лишь почтальон! Эх ты! А ещё ветеран Кремлёвских дел! Иди уж, обеспечивай контакт, а вот если не обеспечишь, тогда могут быть и последствия, и санкции, и трибуналы.

Сучианин, пока ещё полностью не веря в счастливое завершение его треволнений, осторожно взял злосчастную бирку и, близоруко сощурившись, уставился на спасительное слово.

— Господи, почтальон! И как же это я, сова старая, не доглядел-то, прав ты, друже, старею, может, и впрямь пора на пенсион?

— Кому на пенсион? Гляди, где в другом месте такое не ляпни! Ты же, вроде, из военных, а девиз забыл: служить, пока ноги ходят, а руки носят. Иди, доступ к телу обеспечивай, хотя трудно-

вато будет в такое время, — он глянул на часы: — Ого-го, начало второго. Сиятельство уже, поди, закатилось за какую-нибудь снежную вершину и балдеет.

— Да, тут ты прав, а делать нечего, придётся нарушать покой и блаженство батюшки нашего.

По всему было видно, что в свою канцелярию возвращаться было неохота, и Ибрагим Иванович тянул время, да и после таких нервов он был непрочь немного почесать язык. Они, пожалуй, только вдвоём и остались из древних на своих местах, а нынешние так, мелюзга, кивка одобрительного не достойны, не то что слова. Конечно, Владисур был не сахар, да и сам Ибрагим не из добреньких да покладистых, ох и попускали они друг дружке кровушки, пока состарились, притёрлись да и, чего уж греха таить, приворовались. Важное, кстати, дело при слаженной работе в команде, без него никакие великие проекты в масштабах страны идти не могут.

— Что, Иваныч, не тянет тебя, я глажу, к негритосу?

— Ох, не тянет! Как представлю его противную рожу, аж вернёт. Кажись, давно уже привыкнуть пора, по миру полный интернационал и толерант, а меня коробит! А тут ещё ему три господцелуя отпустил! Тьфу!

— Документы надо внимательно читать, а то не только в губы его поганые, а куда и пониже чмокать придётся. Да ладно тебе дуться, — удерживая раздосадованного приятеля и примирительно хлопая его по плечу, произнёс Джахарийский. — Давай садись, чайку сгоняем, а почтальона твоего пусть стражники да Катька опекают.

— Катька без команды опекать не станет, хотя кто знает? Чаёк-то я ей из правильной баночки велел заварить, небось, и сама хлебнёт, не удержится.

— Ну видишь, всё как нельзя к лучшему вяжется. А с чайком да с Катькой дело может не только до утра, но и до международного скандала докатиться и притом, заметь, без нашей с тобой помощи. Так чай или чего покрепче?

«Друг ты мне, конечно, друг, но коньячок я с тобой в рабочее время пить не буду, — одобрительно улыбаясь коллеге, подумал Ибрагим. — Ишь чего заплести решил! Хренушки! И главное, это же он на автомате всё творит, по себе знаю. И в мыслях ничего дурного не держишь, а оно уже само собой, как по накатанному, выходит. Профессионализм, куда от него денешься? Вон отставники-опричники жалуются, что как выпивка какая приличная, сразу на близких донос накатать тянет, а порой и того хуже — на себя само-

го анонимки строчат! Вот как она, царёва служба, в мозги да в привычку въедается», — а вслух произнёс:

— Спасибо тебе, верный товарищ, и рад бы коньячку хлебнуть, да сердечко расшалилось, да ещё попсиховал и по коридорам этим грёбаным к тебе бежал. Ты как знаешь, а я вот дождусь, пока Сиятельство вновь взойдёт на своё всенародное служение, и подам прошение о пенсионе. Хватит, невмоготу уже. А ты ещё послужи, ты ж годков на восемь, поди, меня моложе?

— Не люблю я твоих упаднических причитаний, — разливая чай из хитрого агрегата, покачал головой Владисур. — Ты думаешь, мне всё это не надоело? Тебе-то легче: график, встречи, доклады, визиты, жизнь какая-никакая, а у меня — голимая гниль. Ты даже не представляешь себе, что за народ на окуёмах, да улусах сидит, бандит, навроде того же Макуты, агнец Божий по сравнению с этими губернаторами. Как ещё Держава держится, хрен его знает. Может, с боков подпирают, вот и не разваливаемся, ты же глянь кругом: ничего своего, всё чужое, даже бумага туалетная. Тут затрубили, что дожились, наконец, пшеницу за рубеж продавать стали. Все в ладоши плещут, а то что булки да печенюги, из нашей же муки испечённые, нам в обратку втридорога продают, это никому невдомёк! А с курултаем что творится! Ибрагим, да не зыркай ты так на меня, не зыркай! Знаю, что моя вина, но ты представляешь, на выборы как собирали подушно с «бизнесов», так и гребут. Нести-то нам совсем уже перестали, а намекнёшь, дурака включают и всё тут. Какой, к хренам, они народ представляют? Миллионеры и миллиардеры во втором да в третьем поколении. Боюсь, я уйду, продавят они закон о наследственности депутатских мандатов. А сейчас ты только глянь, что творится: на заседания не ходят, карточками для тайного голосования торгуют!

— Да быть этого не может, они же персональные, эти карточки, сам видел! — отставляя тонкую японскую чашку, недоверчиво спросил канцелярист.

— Ну и что толку что персональные?! Я их даже приказывал им к руке приковывать на тонкую цепочку, всё равно не помогает. Торгуют и всё тут.

— Да как же это возможно?

— А просто хочешь ты, к примеру, недельку-другую побыть народным курултайцем — плати евротаньгу хозяину карты и заседай себе на здоровье, протаскивай себе выгодный закон или поправку какую. Стыд! А в быту что творится — слуг понанимали себе, каждый охраны до батальона имеет, в кабинетах золотые

биде понаставили, в приёмных целые гаремы содержат. Фракция на фракцию войной ходит, за год, может, закона три примут и всё, а остальное время или в футбол или в покер режутся, да по заграницам шастают.

— Ты уже заговариваться, дружище, стал, — отхлёбывая по старинке из блюдца чай, возразил Ибрагим, — откуда же у нас фракции взялись? Их, почитай, лет сорок как позакрывали, у нас же с твоей подачи сплошная эра суверенной демдиктатуры наступила! Забыл, что ли? — не без удовольствия поддел он друга.

Собеседник вскочил и, не выпуская из рук литровую кружку с изображением «**Я** — красное сердечко — **народ**», забегал по кабинету.

— Всё извратили, суки, изолгали, опошлили. Фракций нет и сейчас! Они нам исторически противопоказаны, от них одна смута и говорильня. Прошлое чему учит? Свободнее всего жилось только крепостным, заметь, голова ты садовая, беззаботно жилось. За сорок лет торжества моей идеи только самую малость былого воскресили, а народу-то как сразу лучше жить стало! — он на мгновение замер в монументальной позе, как перед невидимым фотообъективом. — Но враги не дремлют, фракция у нас одна, как была, так и осталась гербовая, медвежья. Но ты даже не представляешь, сколько при одном семействе этих ведмедей развелось на мою голову: и белые, и гималайские, и какие-то пятнистые, а недавно узкоплёночные выделились в сумчатых, в коал, прости господи!

Раздался звонок. Советчик нехотя прервал своё пламенное обличительство и снял трубку. Внимательно послушал, пару раз глянул на своего собеседника и, опустив на рычаг желтоватое допотопное слуховое устройство, на котором был изображён ещё двуглавый орёл, Владисур таинственно замер.

— Что, случилось что-то? — торопливо обжигаясь горячим чаем, засуетился Ибрагим.

— Надо бы тебя помучить, — присаживаясь, произнёс старый иезуит, — да так уж и быть, поберегу тебе сердчишко-то. Полный порядок с твоим пиндосом. Катька твоя, золото-баба, ухайдохала афроюсика! Тот ей на сохранение пакет секретный отдал, у тебя в сейфе заперли, а сейчас они в спецособняк для высоких гостей отбывают, чтобы уж во всей своей красе и могуществе развернуться. Ну, так будешь коньячок-то?

— А чёрт с ним, с сердцем, накатывай!

Выпили, посидели молча, прислушиваясь, как горячая волна пробежала по нездоровым стареющим внутренностям.

— Ты говоришь, коалы? Да пусть их! Всё равно, если на них как следует цыкнуть, они быстро урезонятся. Гнобить их надо постоянно, тебя ли учить? А вот мне завидовать — это ты зря. Какие визиты и встречи, когда державные поцелуи и те приходится самому раздавать, отчёты потом замучиваешься писать. График работы один и тот же уже лет восемнадцать: каждое утро доклад по сводке: сколько в трубу напердели, сколько нефти вычерпали, сколько зерна вывезли, сколько новых граждан в державе родилось, криминальная хроника. Потом сведения по курсу валют, потом последние спортивные достижения у нас и в мире. Вот и всё. Тридцать минут работы с калькулятором. Звонок в банк, два звонка Всемирным и — конец рабочему дню. Бумаги, сколько не подсовывал, не читает. Как оставлю стопочкой, так стопочкой и заберу. Только на третьем году преемничества мне его жена шепнула, что он ни читать, ни писать не умеет. Вот такие пироги! Тут поневоле с тобой согласишься: минули добрые времена, цинизм кругом и вырождение. Опричники совсем обнаглели, сами себе хреначут указы, даже у меня в канцелярии не всякий раз регистрируют. Позор! А ты говоришь, служи дальше! — Сучианин всё больше распалялся.

Бывают такие всплески-заскоки у стареющих чиновников. Не то чтобы совесть их заела или прозрения какие открылись, скорее, накипело, под самое горло скверна поднялась, внутри держать уже мочи нет, вот и назревает необходимость опорожниться, чтобы кровь дурная в голову не ударила. В молодые и зрелые годы на такое фонтанирование чиновный люд редко идёт, уж больно чревато оно последствиями, а по старости, когда уже всё приобретено и припасено, иной раз случается, особенно среди близких друг другу людей. А чего опасаться, когда ты сам ещё кое для кого опасным можешь быть, да и для здоровья колдуны рекомендуют, кровь остывающую погонять, что-то навроде девки молодой после бани.

— Эко тебя пропёрло, — разливая коньяк, с сочувствием отозвался Джахарийский. — Понимаю, понимаю я, брат, твои порывы, да не смотри ты на меня недоверчивой букой: куда, а главное, кому я пойду на тебя стучать? К Солнцу? Так оно, кроме себя, никого не видит и не слышит. К опричникам? Так они такую цену заломят за соблюдение державных интересов, что и рад не будешь. Старые верные псы трона, что нам с тобою делить? Ну, ты хоть веришь мне?

— Верю, верю, а кому мне ещё верить остаётся, как не тебе? — отозвался Ибрагим Иванович, а про себя подумал: «Чёрт пусть тебе верит, но и бояться мне тебя нечего, сам в говне по самые уши». — Давай-ка, знаешь, за нашу с тобой боевую молодость выпьем. Помнишь, какие денёчки были? Что ни миг, то — эпоха!

Но всё куда-то подевалось, всё перевралось, испоганилось. Тут ты прав. Кто бы мог подумать, что всё так обернётся?

— Давай, друг, чего рюмки зря держать, давай! Нам за свою жизнь не стыдно, мы о лучшем для народа мечтали, а что всё дерьмом обернулось, так сам народ и виноват.

Выпили. Помолчали. Кто знает, что в эти мгновения промелькнуло в их памяти? Но уж точно не картины нищеты и поруганности народной, не миллионы умерших и не родившихся людей, чьими жизнями они безоглядно мостили дорогу в светлое будущее, всеми силами проталкивая вперёд свои бредовые идеи. У нас так всегда — счастье народное на костях, слезах и страдании самого народа, а достаток и сытость сограждан оценивается по внешнему виду ближнего круга. Есть же такая старая народная примета: чем крупнее бриллианты на жёнах чиновников, тем мельче картошка на столе у подданных. Лукавые статистики плюсовали в одну кучу доходы миллиардеров, миллионеров, богатеев и нищеты, делили всё на количество жителей Сибруссии, без учёта ханьцев, бродяг, беспризорников и получали вполне приличные показатели, с которыми не стыдно было и в люди выйти. Одно время народные избранцы пытались даже протащить через Великий Курултай законопроект, предлагающий считать народом державы только тех граждан, чей совокупный годовой доход превышает миллион долларов. Насилу заблокировали! Видите ли, им совестно даже мысленно стоять в одном ряду с какими-то оборванцами. К слову, и у нас, и в Объевре давно уже ходила единая валюта — «евротаньга» — однако, депутаты упрямо считали всё по старинке, в давно не существующих деньгах — почерневших ЮЭСах.

— Подумать страшно, сколько всего прошло! — первым прервал затянувшееся молчание Ибрагим. — А всё куда-то летим, воюем друг с другом, а времени-то на жизнь, гляди, и не осталось вовсе. Мне за восемьдесят, тебе чуть меньше. Коснись чего, и за гробом идти некому будет. Конечно, солдат и студентов понагонят, одних за пачку махорки, других за банку пива, но всё это казённо, противно. Плакальщицы из Большого театра крепостных актёров по найму отголосят, может, из пушки пальнут, если порох кто проплатит — и всё, забвение. Ты сегодня, при нашей ещё жизни, попробуй отъехать километров пять за оградительные стены столицы и назови наши с тобой фамилии — хрен кто и ухом поведёт. Наливай ещё по полной!

— Вот это я понимаю! Не-е, есть ещё порох в пороховницах! Давай сегодня нажрёмся с тобой, как встарь, хоть и невесёлая у

нас пьянка, Иваныч, получается. За тебя, друг мой лютый, — действительно всякое промеж нами бывало. За жизнь нашу, — а что поделаешь, закон курятника: пока до верхнего шестка доберёшься, весь в помёте будешь, это уж непременно, зато сверху гадь на кого хочешь. А мы вот с тобой прорвались и уже сколько лет на этом шесте сидим, и никто, никто нас отсюда не сковырнёт! — Он первым опрокинул свою рюмку, крякнул и, закусив куском южноамериканского континентального яблока, продолжил: — Главное, обидно, аж вот тут слёзы стоят, — он рубанул ребром ладони по горлу, — когда мы с тобой придумывали Преемничество, разве таким его представляли? Мы же опять-таки о народном спокойствии и благополучии пеклись. Защищали его от пройдох и демагогов всяких, народные деньги берегли и покой в государстве! А что к середине века получили? Разве для того с таким трудом прививали безнародные всеобщие выборы, внедряли молчаливые дебаты кандидатов на телевидении, искореняли плакатоманию и все эти листовки — атавизмы подпольных войн и народничества? Есть один огромнейший баннер на развалинах так и не достроенного публичного дома в центре столицы и хватит. Ну и каков итог? Преемники вообще обмельчали, с нами, отцами основателями, не то что не делятся, так даже и не советуются. Это полбеды, но они же и к людям перестали выходить, фотографии для газеты не допросишься, чтобы подданным доказать, что сегодня уже не Шестой Преемник на троне, а Седьмой, и основной закон соблюдён…

— Да и чёрт с ним, с этим народом, — перебил его канцелярист, — за себя кривдно. Служишь, служишь, а ни слова доброго, ни нагоняя праведного. Ровно мыши: утром шмыг за стенку, часа три шу-шу, му-шу и невесть куда канут, а время придёт, приводит такого же, как сам, серенького да незаметненького, вот он — мой продолжатель! И лепи из него будущего Августейшего Демократа! Где они только друг друга находят, как будто в наших казематах невидимый папа Карло завёлся и строгает их по шаблону, главное — все спортсмены.

Вот такие, брат, дела, а ты говоришь, коалы!

17

Незадолго до того, как вдалеке за горой раздались приглушённые расстоянием выстрелы, Макута-Бей сидел вместе с Сармэном на террасе и допрашивал вконец оробевшего Юньку.

— Так говоришь, старик туману напустил, и все стали для моих людей невидимыми? — прихлёбывая чай, вопрошал атаман.

— Истину так, хозяин. Белёсины такие в воздухе заплясали, и нас перестали видеть, да и в туман они зайти не могли, что-то их не пускало. Потом, пока конники вокруг гарцевали, мы в энтом туманце к ладье пошли, — парень будто бы споткнулся и замолчал.

— Ты это… всё как на духу Бею говори, а то башку и тебе, и твоей крале сверну! Смотри у меня! — Сар-мэн погрозил парнишке своим здоровенным кулаком.

— Да нешто я не понимаю? А потом у нас, у крепостных барыни Званской, и привычки к вранью нет. Матушка-господница это качество в нас начисто отбила. Ну так вот, знамо, двинулись мы к кораблю этому…

— Уж так и кораблю? — перебил его с недоверием Макута.

— От те истинный шестиконечный крест, атаман! Борта высокие, я до краю чуть дотянулся, а иных и вовсе подсаживать пришлось. И что чудо-то — воды по щиколотку, а така махина плавает, что то малое утятко.

— Погоди-ка, Бей! А чего это ты преждь запнулся, правдивец званский? — опять вмешался Сар-мэн.

— Да вот из-за этого, атаман, — молодой разбойник достал из-за пазухи небольшой свёрток какой-то странной материи и протянул её начальникам.

Повертев в руках эту невесомую не то марлю, не то паутину, попробовав её порвать и чуть было не порезав себе руку, Сар-мэн протянул лоскуток Макуте.

— Железная она что ли? — дуя на изгиб ладони, пробурчал он.

Макута долго с интересом разглядывал диковинку, попробовал её на вкус, понюхал, осторожно подёргал, достав нож, попытался разрезать наконец, положив на небольшой чурбан, невесть для чего стоявший рядом со столом, достал свой допотопный пистоль с глушителем и дважды стрельнул в тряпку. Одна пуля вжикнула рикошетом и ударилась в стену, а вторая, разбившись в лепёшку, упала на пол.

— Вот те и едрён пирамидон! — с уважением забирая волшебный плат обратно, произнёс предводитель. — Отменная штучка, где взял, там что ли?

— Трофей, атаман, — понуро произнёс Юнька, в душе проклиная себя за то, что профукал такую диковину. Надо было сразу Дашке отдать, да пожадничал, хотелось повыгоднее продать, чтобы на свадьбу денег хватило. Да и невеста хороша, как угля-

дела полотно это, так аж зашлась вся, дескать, блузку себе из неё сконстромолю. Блузку! Тута вон впору латы из неё ковать.

— Трофей, говоришь? — переспросил его Бей.

— Да какой трофей, когда он ещё ни в одном деле не был! — взорвался, дивясь наглости подчинённого, Сар-мэн.

— А тогда у камня, там что не дело было? — стоял на своём Юнь. Он хоть и зелёным ещё был бандюком, но уже доподлинно знал, что, по священным воровским понятиям, трофей силой не отнимается, а может быть только выкуплен.

— Ну и сколько ты за этот трофей хочешь? — не обращая внимания на гнев подельника, поинтересовался старший.

— Много, — потупившись, промолвил парень, — мне скоро жениться, а дома — вошь на аркане, да и нет ещё своего дома. Так что и считайте: деньги на избу — раз, на хозяйство, корову и прочую животность — два, на приличную свадьбу — три, и на выкупа — четыре.

— Ты совсем оборзел, щенок! — взвыл Сар-мэн. — Я те счас дам и откупа и закупа, и тёлок с хряками впридачу! Ты у меня…

— Сар-мэн, дорогой, — остановил его вожак — что это ты, ровно премьер какой, лаешься? Правильно парень всё считает. Хорош, я на твои условия согласен. Будет тебе и хозяйство, и вольная, и ещё сверху от нас с твоим атаманом. Правда, почтенный?

Не понимая ещё, куда клонит старший, Сар-мэн на всякий случай согласился.

— Тогда по рукам! Так откуда у тебя эта вещица? Только не бреши!

— А когда к кораблю-то бегли, у одной девы, что с дедом приплыла, она и обронилась. Я сперва думал отдать, а в перепуге-то и забыл. И хорошо это оказалось. Мы это, в посудину залезли, и она поплыла, да шибко так, не глядя, что против течения! Я и глазом-то моргнуть не успел, а перед нами водопад, ну знаете вы — исток Бел-реки. Камни там и скалка высока, ну, думаю, кердык нам пришёл!

Было видно, что парень не врал, побелел даже от воспоминаний, замолк, губы только шевелятся.

— Ну и чё ж ты язык-то прикусил, гутарь дале, — понудил его Сар-мэн, — не томи душу.

— Тяжко, дядюшки атаманы, гутарить, словы вон шепчутся, а звуков никаких нетуть. И в ухо будто кто шепчет: молчи, молчи! Не могу говор изо рта пустить, не лезет он.

— Ты дурку-то не танцуй, сам же мне говорил, что пещера там с Шамбалой, — строго напомнил младший атаман.

— Ну, говорил, а ныне не можу. Запрет на меня какой-то лёг.

— А почём ты взял, что в Шамбалку вы попали? — негромко спросил Макута.

— Так оно само как-то в голову втемяшилось. Я преждь-то и слова такого не знал.

— А назад как выбрался? — уже строже вопросил вожак.

— Всего не помню, мот, и помню, да уста связаны. Одно токи знаю, что очухался в воде пред водопадом, и эта кисея на мне висит, — ткнул он пальцем на свой трофей.

— Ну это уже кой-чего! А ну-ка, Сар-мэнушка, накинь на этого онемелого плат, да пихни его, что есть мочи, вот в эту закрытую дверь.

Проделано это было быстро и молча. Юнька с диким воплем полетел на толстенную дубовую дверь, но вместо того, чтобы зашибиться насмерть, вошёл в доски, как нож в масло, и его истошный вопль уже слышался изнутри избы.

Сар-мэн дёрнул на себя ручку — недалеко от порога на полу лежал Юнь, удивлённо глядя на атаманов. Он был цел и невредим.

В это самое время за горой и послышались выстрелы.

— Что у тебя за пальба в лагере? — мрачно сдвинул брови Макута.

— Не ведаю, счас разберусь, — и вдруг весь побелев, Сар-мэн бросился к тропе, по которой недавно ушли прогуляться влюблённые.

Впереди и позади атамана бежали разбойники, лязгая затворами разномастного оружия. «Неужели эта дура во всё поверила и попёрлась сама к старой пещере? — колотилась в голове одна единственная мысль. — И надо же ему было вчера ночью после бурных ласк предположить, что второй лаз в эту, чёрт бы её подрал, Шамбалу находится под большим синим камнем в той странной пещере, что разверзла свою чёрную пасть как раз с другой стороны горы, где прилепился его дом. А что ему оставалось делать, если эта стерва подслушала часть его разговора с Юнькой, где тот хвастался, что знает, как проникнуть в потаённую страну. Выхода не было! Не рассказывать же ей правду. Хотя и про пещеру он зря поведал, там действительно был тайный лаз и не только в божьи чертоги, а в его дом. Открыл его ещё покойник-отец, когда обосновывал под горухой своё зимовье, сам в одиночку обустроил, всё обладил и только перед смертью поведал об этой тайне сыну. Там,

в этом сумрачном лабиринте, в укромном месте было припрятано и всё фамильное добро, с такой нелёгкостью добытое и отцом и сыном. Был там, в срединной пещере, и странный камень, который иногда вроде как светился серым светом. Ещё батя засыпал его землёй от греха подальше. Одним словом, непростая была пещерка, поэтому денно и нощно на тропах, ведущих к ней, дежурили верные Сар-мэну люди, имевшие строгое указание стрелять в любого без всяких предупреждений и окриков. Местные это знали и на заповедный откос даже носа не казали.

«Вот дура! А что дура, сам хорош — наплёл девке с три короба, уж чего-чего, а красок ты, придурок, не пожалел! Будто не знаешь её вечную тягу к любым авантюрам. Так что сам виноват, ты её и подтолкнул к этой чёртовой норе, будь она неладна! Ну, сумасбродина, останься только жива, на жопе живого места не оставлю, хватит мне с тобой цацкаться!» — атаман спешил что есть мочи.

Он любил эту странную и взбалмошную женщину, любил давно и трепетно, ещё со студенческих времён, когда батя вытянул его из соседней банды и погнал в Объевру на учёбу. Старик считал, что приличный бандит без Сарбонны — просто дремучий лох, сам-то он в своё время с отличием закончил академию госслужбы при президенте, тогда ещё подобным образом именовался Преемник. Скрепя сердце, он исполнил волю родителя, хотя даже по прошествии времени так и не смог понять, помогала ему эта учеба в жизни или нет. Помнилось только одно, вернувшись к разбойному промыслу, многому пришлось учиться заново, а главное, привыкать к свободе. Вот Гопс со своей свободой никогда не расставалась, она у неё всегда сидела внутри и порой вытворяла такое, что ему, уже взрослому мужику и отъявленному негодяю, становилось неловко.

Сар-мэн остановился. Навстречу к нему по тропе спешила небольшая ватага. Впереди, шатаясь, шёл Енох, неся на руках Эрмитадору. Руки и ноги женщины болтались, словно тряпичные, Маша поддерживала ей голову и всё время что-то говорила. Атаман выставил вперёд свои крепкие руки, готовый принять дорогой ему груз.

— Мэн, осторожно, осторожно, она очень слаба. Врач нужен срочно, может, ещё и спасём, пуля прошла навылет. Голову, голову поддерживайте! Говори, говори с ней, Сар-мэн, она тебя всё время звала и просила, чтобы ты отнёс её на какой-то синий камень.

— …на камень, на камень… они спасут меня… прости, прости, — еле шевеля губами, шептала девушка, пытаясь прижаться к близкому ей человеку.

— Сейчас, сейчас, маленькая, сейчас будет доктор… — в отчаянье шептал Сар-мэн.

— Не надо доктора… на камень, на камень, Сар-мэнчик, миленький…

Доктор в банде был. И не один. Но спасти Эрмитадору они не смогли.

— Чудеса не по нашей части, — осмотрев раненую, произнёс старенький лекарь, вытащивший десятка три разбойников с того света. — Странно, что при такой ране она ещё до сих пор подаёт признаки жизни… Это, Макута-бей, просто нереально.

Сар-мэн, как каменный, ещё часа два сидел рядом с уже остывающим телом и никак не мог заплакать. Он хотел, звал спасительные слёзы, они не шли, а в ушах стоял Эрмин шёпот: «Отнеси меня на синий камень, они меня спасут…» Никто не решался трогать понурого и, казалось, обратившегося в изваяние атамана, таким его ещё никогда не видели. Наконец пришли местные старухи, завернули её в холсты и унесли с причитаниями и только им одним понятным воем.

Даша опоила Машеньку каким-то успокаивающим зельем, и та спала глубоким сном, крепко уцепившись за руку Еноха.

Макута о чём-то негромко говорил на террасе со старыми бандитами или уходил далеко в сторону секретничать с посыльными, которые прилетали к нему с разных уголков окуёма. Смерть городской оторвы, выбившая из седла Сар-мэна, спутала все карты Бею, он был угрюм, замкнувшись на своих невесёлых мыслях. В иное время можно было и три, и девять, и все сорок дней дожидаться возвращения к нормальному состоянию вожака местной ватаги, но сегодня не то, что день, каждый час был на счету. Посыльные докладывают, что по всему чулымскому краю шатается масса пришлого люду, и все на разные лады выпытывают местных про Шамбалку. Отдал приказ грабить чужаков нещадно, но живота не лишать. Дедам да бабам, которые сказы сказывают, было велено все местные байки про потаённую державу переиначивать на ханьский да чорский лад и направлять в те, уже совсем небезопасные, места. Однако всё это, конечно, полумеры, говорят, по железной дороге гонят какую-то чудо-технику, которая подземные ходы чует, ну это для дураков да для громких

отчётов начальству. В наших горах на громоздких машинах далече не досунешься. Всё одно добром такая всеобщая упёртость в наши горы не кончится. Это тебе не бескрайние Гималаи или Памир, ежели возьмутся как следует, докопаются, а уж сейчас и подавно, с пацаном этим сколько мужиков было, и, ежели их всех выпустили, то звона в округе будет хоть уши затыкай.

Вообще об той скалке, где с водопада начинается Бел-река, много интересных историй народ издревле рассказывает, что кого и чего там только не видели. То огни какие-то, то разных человеков, и маленьких и огромадного росту. Ворожеи и шаманы со всего окуёма туда иногда сбирались, неделями жили, огни жгли, в бубны били. Ещё мать-покойница говорила, что ежели набрать в какой-то день воды из водопада да поставить её в глиняном горшке перед рукотворной свечой, то в безлунную ночь можно многое увидеть в этом горшке, уж беду или опасность какую точно можно отвести. Макута это по себе знал. Не однажды его выручали материнские предостережения. Только вот мать слушал, а сам чего-то на воду смотреть опасался.

Водопад он тот хорошо помнил ещё сызмальства. Сколько раз там приходилось околачиваться. Камень под этим водопадом странным был, да какой там камень — стена огромаднейшая, покатая и голубая, как яйца дрозда, тогда им, пацанам, казалось, что камень тот будто тёплым был. Под тем водопадом детвора окрестная любила летом плескаться да, наверное, и ныне купается до дрыжиков и посинения, так вот греться они иногда не на солнышко выбирались, а, наоборот, поднырнув по летящую сверху воду и взлезая на длинный чёрный камень, по которому можно было пройти под всем водопадом. Над этой чёрной полкой как раз и располагался тот тёплый голубой камень. Огромный он был, до самого верха. Может, это, конечно, им и казалось, но ведь и зимой, в самые лютые морозы вода лилась такой же широкой лавиной, да и края особо не обмерзали. Одним словом, было что-то в этом месте необычное и страшноватое даже. Да не только ворожеи, но и многие из окрестных селений туда в полнолуние за водой ходили, большие целебные свойства она, якобы, имела.

Когда живёшь рядом, всё это тебе известно, и ты это часто слышишь, то с этим как-то сживаешься и можешь вообще не обращать внимания. Но Макута представил себе чужака с хорошо кумекающей головой, которому пособирают все были и небыли, все сказки, страшилки и поверья, и он быстро смекнёт, где следует искать лаз в эту самую Шамбалу.

А сейчас, после стрельбы, да после того, как явно не один Юнька из того подземелья выбрался, вся округа только про этот водопад и говорит. Вон посыльные не успевают доносить. Конечно, баек на эту тему и до вчерашней стрельбы в их краях хватало. Почти в каждом селе и улусе есть люди пропадавшие, а позже находившиеся, они, как правило, со временем юродивыми становились, не сподручными для нашей повседневной жизни. Отчего так с ними происходило, никто разгадать не мог, сами же они помалкивали.

— Где этот Юнька? Его же дорасспросить следует. — Атаман дал команду искать молодого разбойника, сам зашёл в светёлку, решив получше рассмотреть выкупленный трофей, однако, волшебной накидки в его сумке не было.

«Что за чертовщина, не могли же её у меня спереть? Хотя чем ты лучше, чем та девка, у которой умыкнули этот кусок странной марли? — атаман озадаченно поскрёб седой затылок. — Вот это ты влип в историю, такого с тобой ещё не случалось ни разу, и как выкрутиться из этого переплёта с наскоку не решишь».

Разбойник походил по комнате, ещё раз перевернул всё в своей перемётной сумке, не обнаружив пропажи, с раздражением пнул кожаный мешок ногой.

«Ну и дела, выйди и расскажи кому-нибудь, что Макуту-Бея обчистили, как последнего затрапезного мужичонку, — засмеют. Да и негоже грозному атаману в своих слабостях расписываться. Народ прознает, смешок пустит. Нет ничего более коварного для держателей власти и громких титулов как этот самый смешок, пренебрежительная ухмылка, коль они пойдут гулять по ватаге, можно на атаманстве крест ставить и уходить на пасеку, не дожидаясь, пока в спину пнут. Это уж как пить дать! Как ни крути, что это за разбойничий вождь, когда его обобрали, да ещё чуть ли не в своём собственном доме! У Сар-мэна что-то выпытать в ближайшее время будет, считай, бестолку. У них с покойным папашей печаль по бабам наследственная. Тот тоже, помнится, влюблялся в кого ни попадя, а потом неделями страдал, если избранница рога ему наставляла или сбегала обратно в свою безвестность, откуда он её пытался извлечь на свет Божий.

Ладно, разберёмся. Чужой, вроде, в дом зайти не мог, а свой поостерёгся бы в мои сумки соваться! Непонятный какой-то вор меня облапошил. Сумки не взял, а там добра и нужностей полно, а вот незатейливый кус материи невзрачной тиснул. Странно! Вот и выходит, что сделал это, скорее всего, Юнька, а больше некому!»

— Митрич! — позвал Бей, выглянув на террасу. Верный нукер всегда был рядом, несмотря на то, что они были с атаманом почти одногодки, выглядел он намного моложе, небольшого росточка, сухой, поджарый, подвижный и гибкий, как рысь, он неотступной тенью следовал за хозяином, готовый в любое мгновение придти на выручку. — Узнай, где Сар, что делает, в каком состоянии, только тихо, неприметненько. И ещё, сыщи того мальца, с коим мы сегодня здесь разговаривали, пока вся эта катавасия со стрельбой не затеялась. И ко мне его, но тоже без лишней суеты... — Макута запнулся на полуслове и прислушался, ниже в посёлке, где располагались жилища разбойников, что-то явно стряслось: в голос выли бабы и матерились мужики, их урезонивая. — И с этим переполохом тоже разберись, — махнул он рукой. — Не зря, видать, старики говорят — беда в одиночку бродить не привыкла.

Не успел ещё Дмитрий двинуться выполнять поручения, как к крыльцу подбежала, отбиваясь от пытающихся её задержать двух бандитов, взлохмаченная и явно перепуганная баба. Увидев Бея, она упала на колени и заголосила противным писклявым голосом:

— Батюшка, совесть ты душ наших окаянных, не отдай на поругание хоть тела-то убиенных! Не по-божьему это и не по-каковскому! Останови, уйми...

— Тихо, женщина! Не перестанешь блажить, велю выпороть и в ручье охолонуть, — приняв разинскую позу справедливого судьи, изрёк Макута. — Митрич, дай ей воды!

Пока несчастная, глотая воду, стучала о края кружки зубами, преследовавшие её мужики, один из которых оказался ей мужем, а второй родным братом, невпопад, перебивая друг друга, принялись было объяснять главарю, что там, у них в посёлке, приключилось.

— Бабы все всполошились, а заводилы — старухи, некоторые волосы на себе дерут, а он её схитил... — блажил брат таким же въедливым и тонким, как у сестры, голосочком, хотя сам из себя был подобен медведю.

— Да никого он не исхищал, — вклинился басами муж, по фигуре и повадкам полная противоположность шурину, — он её сам решил схоронить, оттого, что любовь в нём ещё...

— Нехристи, супостаты, кары на вас никакой нет, — не выдержала женщина, — кака така любовь, коли тело уже остыло и погребения требует...

Из посёлка всё подходил и подходил народ. Страшась атамана, шли молчаливо, бочком, насупленно да набычась, только

бабы негромко скулили и всхлипывали, уткнувшись в спины мужиков.

«Только мне смуты сегодня и не хватало!» — подумал Макута, оценивающе оглядывая собравшихся. Судя по всему, дело начинало приобретать серьёзный оборот.

— Так, вы трое, с глаз моих вон! Вот ты, старая, — он ткнул пальцем в стоявшую с краю высохшую и сгорбленную временем старуху — подойди ближе, мать. Чья ты будешь?

— Пуркина я! Вдовствующая атаманша, мать бандита, дочь бандита, бабка бандита и пробабака бандитская.

— Ну, здорова честна́я жена, почёт и уважение твоему роду, выходит, я когда-то у отца твоего, Гульсараса, в подручных хаживал.

— Может, оно и так, атаман, только не по-нашенски ныне твой любимец Сар-мэн поступил! Нехорошо это, и люди все видели.

— Да что ж это вы меня ныне мутузите! Что стряслось-то у вас, почто такой переполох? Хоть ты, мать честны́х разбойников, мне разъясни толком! Где сам Сар-мэн?

— Не крути головой, ватажник, нет его среди нас! Небось, где-то в укромном местечке твой любимец со своими подручными, а что оне там вытворяют с телом бедной бабы, одному Господу известно, — народ за её спиной неодобрительно загудел.

Не любил Макута этого шуму, потому как очень хорошо знал ему цену и, не перебивая старуху, грозно поднял вверх руку.

— Токмо мы обмыли эту девку, с которой намедни атаман ночью миловался, обтёрли её маслицем пахучим и уже обряжать собрались, яко двери нашей баньки настежь бряк — и сам атаман ввалился, на всех волчьими очами зыркнул, молча накрыл девку какой-то тряпкой навроде марли, взвалил на себя и ходу. Мы в крик да за ним, а хрен — там двери подпёрли. Все-то воют, а я к оконцу, гляжу — трое их: охальник наш, пленник, что в Чулым наместником послали, и ещё один мне не знакомый, но позже его обозначали яко холопа помещицы Званской. Вот они и уволокли бедное тело...

— А куды? — удивлённо воскликнул атаман.

— Да суды, к задам энтого дому! — указала морщинистым пальцем старуха.

— Митрич, троих с собой и обшарь жилище. Кого найдёшь, мигом ко мне. А вы, честной лесной народ, расходитесь по своим нуждам, оставьте старуху Пуркину и двух-трёх десятников, ежели что важное будет, в набат кликну.

Толпа хоть и нехотя, но помалу стала разбредаться, и минут через пять у крыльца, словно сиротливые листвяки, на сопке остались лишь те, кому велено было остаться.

— Ну чё вы там, как неродные, внизу трётесь, подымайтесь ко мне да присядьте, — устало поднял руку атаман. — Ну так с чего эт ты придумала, что для надругательств атаман девку-то уволок?

— А чё ж мне думать-то, коли он как заграбастывал её, всё шептал, как не в себе: ...прости, прости, мол, не долюбил я тебя, милая, потерпи малешко, потерпи я всё исправлю...» — умом он, видать, тронулся, а тех двух силком принудил! Ох, чует моё сердце, добром это не кончится.

«Да, час от часу не легче, одно хоть радует — накидка нашлась, без позора обойдётся, — выслушав почётную разбойницу, прикидывал Бей. Остальное им услышанное ну никак не желало укладываться в голове. — Зачем Сар-мэну понадобился труп девушки? Что значат его слова про то, что он её долюбит? И главное, где они? То, что их в доме нет, он был почти уверен. Уж не такие это хоромы, чтобы в них можно было затаиться, да и как человек тайги и гор он бы обязательно учуял их, будь они здесь».

Через какое-то время прибежали запыхавшиеся бандиты.

— Пусто, атаман! — был их вердикт.

— Бесовщина какая-то! Берите выборных и ещё раз обшарьте всё, с подвалов до чердака! Ищите, коль люди видели, что они в дом побегли, знать, где-то здесь и упрятались, ищите, мать вашу! — Макута раздражённо топнул ногой и онемел. Из горницы, откуда только что вернулись после безрезультатных поисков его люди, вышел похудевший, какой-то загадочно просветлённый Сар-мэн и два его подельника.

— Где девка? — севшим от неожиданности голосом спросил атаман.

— Похоронил, как она меня просила, воля у ней такая была, — устало ответил разбойник, — они свидетели. Ты, мать, извини, что я вас там всех перепугал, — обратился он к старухе, — на вот, возьми и со своими товарками поделись, — он положил на стол несколько золотых монет. Только мужиков особо не поите, вишь, начальство здесь, да и дело может вскорости определиться.

Бабка ловко смахнула деньги, недоверчиво глянула на окружающих и подалась вниз, где её у кустов ждали особо шустрые подруги. Вслед за ней подались и разбойники, в недоумении пожимая плечами и покачивая ничего не соображающими голова-

ми. Никак не могли они взять в толк, как из дома, где никого не было, — они это точно видели своими собственными глазами, — могли выйти трое взрослых людей. Как?

18

— Ваша Всемирность! Опять полный беспорядок в этой стране, — на чистейшем американском наречии докладывал кому-то по телефону Джахарийский, — вашего посланца, посредством женских чар и чародейных грибков, совратили с пути истинного, и он в настоящее время развратничает с секретаршей Сучианина, который, я же вам уже давно сигнализировал, является тайным алкоголиком и вконец разложившимся, преотвратнейшим типом. Так же особо хочу подчеркнуть, в последнее время, впадая в старческий маразм, он становится прямой угрозой всемирной демократии. Я уже молчу о его неблаговидном влиянии на нашу действительность, на внутренний мир Августейшего Демократа и всей лекторальной зоны в целом. Доколе, Ваша Всемирность, терпеть мы будем этого супостата, ведь вокруг его вьются нездоровые силы, реакционеры, а главное, милитаристы, а у нас ведь как-никак три ракеты и восемь боеголовок с ядерными зарядами тоталитаризма остались-таки. Отметьте, пожалуйста, что я лично, подвергая свою жизнь неимоверной опасности, неоднократно проникал в чертоги хранения этой угрозы и, как мог, портил всё подряд. Вот в последний раз я даже на ржавом крыле ракеты написал алой губной помадой: «Да здравствует демократия!», а до этого разрисовал пацифистскими граффити стену в одном из наиболее посещаемых помещений ихнего штаба. Извините, извините, нет более не изволю уклоняться от магистральной линии доклада. Что-что? Стало ли известно содержание послания посторонним? Вот чего не знаю, того не знаю, но я мигом… Алё… алё! Ну, вот трубку бросил! Всё же неблагодарные люди ныне управляют миром! В былые времена, когда Родина наша была ещё богатой, они так с нами себя не вели. Преемников что ни год людьми года делали, премии миротворные выдавали, а за Преемниками и нам, недостойным, перепадало…

И вот в эту самую минуту Владисур наконец сообразил, что он продолжает говорить всё это в пиликующую гудками трубку. Мертвенная бледность покрыла его лицо, и на лбу выступил холодный пот. Голова закружилась, он на мгновение представил

себе последствия, которые неотвратимо наступят, если операторы с той стороны не отключились вместе со Всемирным. Это конец! — отчётливо представив себе картинку изгнания из власти, что для всякого чиновника страшнее смерти, царедворец лишился сознания.

Ибрагим Иванович в приподнятом настроении пил обычный чай с заморским посланником, источая всем своим естеством такую подобострастность, что не только человек, а и предметы неодушевлённые лучились признательностью ему в ответ. Послание Высочайших, нарочно тайным образом извлечённое Екатериной из шефова сейфа, было передано Пафнутию Смитовичу, коему, судя по его жестам и горящим желанием глазам, было явно не до исполнения своей миссии, однако же долг требовал, и он решил временно наступить на горло своей любовной песне. Прорезиненный и профольгированный конверт с подачи добрейшего канцеляриста был вложен в прекрасную кожаную папку с тиснутыми на ней картинами крепостного быта, напылением чистейшего золота и осыпанную драгоценными камнями.

— А папочку после аудиенции оставьте себе как приятный пустячок в память о посещении Августейшего Демократа и нашей гостеприимной страны, — вкладывая в неё конверт, пояснил столоначальник.

Пафнутий хоть и продолжал видеть мир исключительно сквозь прорезь Катькиных грудей, но подарочек оценил, и посему воссиял искренней симпатией к стражу августейшего входа.

Вдруг в сей момент произошло некое едва заметное движение воздуха, и Сучианин напрягся, словно пружина. Появление в тронном кабинете первого лица государства он чуял всем своим естеством, приводя тем самым в смятение не только охрану, но и самого Преемника.

— Ну, вы уж тут с Катенькой допивайте чаёк, а я на доклад, на доклад… — по всему было видно, что мысли хозяина приёмной уже далеки от места чаепития.

И только зазвонили куранты на единственной, сохранённой по требованию ЮНЕСКО главной башне Кремля, а на них отозвались все колокола церквей, соборов, храмов, гонги и трещотки дацанов, сквозь треск динамиков воззвали к небесам минареты, о вечном забубнили синагоги, в горны затрубили «Идущие Наши», в Охотном ряду на все лады зарычали медведи, из миллионов громкоговорителей над землёй разнеслось: «Слушай, страна!

Благодать над тобой воссияла! Сеятель вечный, Преемник народный, взор на тебя обратил…» — как Ибрагим Иванович уже отворял высоченную двустворчатую дверь в тронный зал демократии, миновав который, знающий человек попадал в повседневные покои Вседемократа. Именно их интерьер и демонстрировали преданному народу наши гденадосущие служители массовых коммуникаций.

Рабочий кабинет Преемника был обставлен с подобающим вкусом, достоинством и скромностью. Немного малахита, немного золота, приличные шпалеры, добротная старая мебель, удобный, но уже потёртый от времени и непосильной работы письменный стол, неизменный чернильный прибор, на правой стене обязательный по этикету портрет предыдущего Преемника — вот, вроде, и всё, хотя нет — в дальнем углу раздвижная ширма, на шёлковых створках которой изображены двуглавые державные медведи с широко распахнутыми лапами, готовые удушить любого в своих дружеских объятиях. Нижние лапы у них были слегка поджаты, правая — когтисто вцепилась в древнюю державу, символ самовитой власти, левая — крепко держала масленичную, изящно изогнутую лавровую ветвь, обозначаюшую свободу, мирные устремления и всеобщее благоденствие. Верхние лапы держали соответственно щит и меч, на двух отвёрнутых друг от друга головах расположились три скорпиона, держащие на своих хвостах контуры Сибруссии.

Так вот из-за этой ширмы неизменно выглядывал угол простой железной кровати с никелированной дужкой, застеленной обычным синим солдатским одеялом с тремя тёмными полосами. Иногда камера могла скользнуть и глубже, за ширмочку, и тогда народ, к своему удовольствию и восхищению, мог наблюдать на скромном сервировочном столике со старинным медным чайником и простой эмалированной кружкой остатки чёрного хлеба и оболочки докторской колбаски, недоеденный бутерброд с сайрой, а иной раз половинки луковицы, а то аккуратно обглоданный селёдочный скелетик или надкушенное яблоко. И все эти остатки завтрака неизменно покоились на грубой фаянсовой тарелке с затёртой синей надписью «Общепит». Да, именно так, по спартански, на износ, не щадя сил и здоровья трудится денно и нощно любимец народный, стопроцентно избранный Самодержавный Демократ. Может, для кого-то такие подробности и пустяк, а вот народонаселению державы в подавляющем большинстве приятно, что у них сегодня семейный завтрак был куда круче и калорийнее, чем у самого Гаранта.

Сучианин бочком и по косой вошёл в кабинет, ещё полный девственной тишины и спокойствия. Преемник сидел к нему спиной на своём вертящемся кресле и переобувался в кабинетные туфли. Канцелярист негромко чихнул.

— Вечно ты, Ибрагим, как привидение, появляешься и меня всегда пугаешь. Скоро во второй срок этой неблагодарной пахоты войду, а вот к твоей кошастости никак не привыкну. Покажи, что у тебя за подошвы на ботинках?

— Извольте-с, самые, что ни на есть обычные и, прошу отметить — отечественного производства, как вы того требуете, — согнув ногу в коленке и прихватив её рукой, он поскакал к столу Повелителя.

— Действительно обычные, да ещё и с набоечками! А чего же они у тебя, братец, не цокают? Вот у меня, слышишь, — он прошёлся по кабинету, стуча каблуками о паркет — слышишь, как стучат?!

— А моим башмакам в вашем кабинете цокать не положено, рылом не вышли, так что субординацию они знают.

— Умеешь ответить, умеешь, за что и ценю, — царственным жестом выразил свою благосклонность Преемник. — Ну, давай докладывай, я ведь уже с четырёх часов утра как на ногах.

«Мне-то не надо загибать, скажи ещё — спал вон там, за ширмочкой», — мысленно съязвил чиновник и, напустив на себя важный и серьёзный вид, театральным голосом возвестил:

— Позвольте начать свой скромный доклад с приятной вести: весь ваш народ коленопреклонённо благодарит вас за то, что солнце встало над вашей благословенной страной!

— Чушь, братец, полная, но приятно, приятно! И как это ты умудряешься всякий раз отыскать новые поводы для благодарности, то за обильную росу, то за прилёт грачей! Затейник, затейник. И что там у нас далее? Только, чур, об экономике и трудностях ни слова, пусть об этом у правительства голова болит.

— Об экономике только два слова...

— Не-не, я же тебя просил!

— Полтора, для международного отчёта!

— Полтора — валяй!

— У нас самая лучшая экономика в мире! Всё! — на едином дыхании выпалил Ибрагим.

— Ай, молодец, ай, молодец! Дай я тебя расцелую! — засмеялся Великий.

— Ваша Всемилостивость, позвольте считать ваш поцелуй государственной наградой и занести его в свой послужной список!

— Очень дельная мысль, очень дельная, а главное, награда сия для казны стоить ничего не будет, надо бы всё хорошенько обдумать, ты подготовь-ка проект указца, хорошо? Что там далее?

— А далее у нас идёт полная интрига против вас!

— Кто, как, каким образом посмел? Измена! Где, куда смотрят опричники? Всех, всех на дыбу! — задыхаясь от ярости, зарычал властитель.

— Извините, что с утра и с неприятностями, виноват, виноват. Доложу, можете казнить как вестника скверных новостей. Однако молчать не могу. Интригу в очередной раз заплёл ваш главный советчик Джахарийский. Плетёт он против вас, ой плетёт! Мне, конечно, не с руки всякие там сплетни собирать и вам их подносить, но уж очень многие об этом говорят, а главное, есть такие вещи, о которых промолчать ну просто невозможно. Вот что он вчера по пьянке наболтал и о вас, и об Всевеликом Курултае, и о гербовой партии. Чтобы не быть голословным, я вот всё это зафиксировал на диктофон. Вот извольте.

Демократичнейший из сограждан всунул в уши наушники и с интересом углубился в прослушивание. Лицо его являло собой живой экран происходящих внутри борений и негодований. Надо отметить, что с записью вчерашнего разговора хорошенько поработали соответствующие специалисты, которые убрали неудобные для Ибрагима Ивановича места, а отдельные фразы и вовсе переозвучили голосом Владисура, к примеру, рассуждения о Преемниках и мастерящих их папе Карло.

— Подлец, подлец! Моё терпение наконец лопнуло, и я не посмотрю на поддержку Всемирных, уволю, уволю! Ты передай, пусть даже и на порог ко мне не показывается. Всё, больше ничего слушать не буду! На больничный, в горы, в санаторий!

— Никак нельзя! — с металлом в голосе произнёс канцелярист. — К вам личный посланник Всевеликих с тайным посланием!

— Может, завтра, а? Ну расстроился я очень! Всё во мне дрожит и вибрирует. Кальян мне, кальян! Нет, постой! Давай посла, он хоть в ранге?

— В ранге, ваша Вседержавность! И со скорпионьей биркой, и мною, по вашему поручению, жалован вчера троекратным госпоцелуем. Протокол соблюдён. Вот краткое содержание послания...

— Вот ты даёшь! Хорош, однако, хорош! Но ты только почитай вслух, голуба, а то что-то глаза ломит прям с самого утра.

— С превеликим удовольствием! — Ибрагим Иванович с выражением, как в старые добрые времена в школе, начал читать

информацию о Шамбале, мерах по её разысканию и сохранению до прибытия самих Всемирных демократов.

— Ты чего-нибудь понял? Я лично ничего. Что такое Чулым? На хрена нам искать непонятно что? Дело слишком серьёзное, чтобы я мог взяться за его решение, очень серьёзное. Мне надо подумать хотя бы до завтра.

— Нет, ваша Августейшая Демократичность! Сначала следует принять посланца, выслушать, так сказать, официальный доклад, а уж там что-нибудь придумаем. А Чулым это такая большая и длинная река в вашей державе, далеко на востоке. Вы, конечно, извините меня, но я рискну дать вам маленький совет...

— ?..

— А вы с этим супостатом и не говорите вовсе, возьмите пакет, распечатайте, подержите бумаги перед глазами и скажите, что всё, дескать, будет исполнено, ступай-де с миром и сие передай Всевеликим. А уж всё остальное мы устроим.

На лице Властителя отразилось явное удовольствие.

— Хитёр, бестия! Ну что же, так действительно неплохо будет. Ладно, давай его сюда, минут… через десять.

В канцелярии дожидался своей очереди Джахарийский. Из затёртой коричневой папки предательски выглядывали проводки наушников. Сучианин это сразу узрил, отметил про себя, мол, «поздно, голуба, дело уже сделано» и, не удостоив вчерашнего собутыльника даже взглядом, вежливо пригласил на аудиенцию заморского гостя. Проводил его в чертоги. Возвратился и только после этого, не поднимая головы, холодно произнёс:

— Вам, господин советник, отказано в аудиенциях до особого распоряжения.

— Ибрагим, дружище...

— Давайте официально, я скот с вами не пас! И, знаете, засуньте ваши наушники куда-нибудь поглубже. А то, я гляжу, много слишком охотников развелось меня на пенсион спровадить! Не выйдет! И совет вам бесплатный: не зовите старца Хиню и не заказывайте ему очередную чернушную книгу про злые козни смутных сил против престола, который вы, единственный, и оберегаете. Хватит, наберегли уж. Не смею вас больше задерживать.

Советник, весь красный от гнева, выбежал из кабинета и чуть было не столкнулся с Екатериной, обсуждавшей свои вчерашние похождения с товарками из других приёмных. Вскорости из кан-

целярии вышел и спецпосланец, весь довольный и с золочёной папочкой под мышкой.

— Ну, всё, девки, — тряхнула кудрявой головой Катя, — побегу я к своей швейной машинке Зингер — строчит неплохо, но уж слишком быстро нитки кончаются, так что ни кайфа, ни выгод особых нет.

Ибрагим Иванович застал Гаранта старательно крутящим ручку прямого телефона министра обороны.

— Безобразие! Где министр? — повернулся он к старому советнику.

— Так он уж третий месяц как на охоту у вас отпросился...

— Да что же это за охота такая, и на кого, интересно, надо так долго охотиться? Не понимаю я этих военных, ну хоть убей ты меня, не понимаю! Три месяца по лесам и полям, ужас! И откуда только здоровье берётся?

— Ну, это особая инспекторская охота, она затяжная и очень трудная… А зачем вам министр этот сдался?

— Как же зачем? Приказ хочу отдать — разбомбить этот Чулымский окуём, и дело с концом. Пусть туда какой поядрёнее заряд фуганут! — Гарант вышел из-за стола и с раздражением прошёлся по кабинету. — Слушай, а может, и без бомбёжки этой обойтись? Пусть лучше ханьцам в плен эти земли лет на сорок отдадут. Только ты проверь, правильный ли тайный протокол они там подпишут, а то от этих «поднебесников» всякой пакости ожидать можно. Скандал, конечно, грянет, ну ничего, не впервой, проморгаемся. Мы министра из министров выгоним и назначим его нашим главным лесничим, пусть по лесам шарится, пока совсем не одичает.

— С министром это вы, Ваше Величество, гениально придумали, — начал издалека заплетать Ибрагим Иванович — хотя человек он вам лично преданный и спину всегда готов прикрыть. Вы только вспомните, когда к нам негласная проверка по разоружению нагрянула оттуда, — Ибрагим ткнул старческим пальцем в потолок, — так именно он успел четыре неучтённых боезаряда из хранилища выкатить и у себя в сортире спрятать, вот. Выходит, благодаря ему вы сегодня самый вооружённый правитель.

Лукавый бюрократ знал, куда и как надо поворачивать подобные разговоры, тем более, что обороный министр приходился близким родственником премьеру, премьер, был деверем генпрокурора, а тот, в свою очередь, являлся сватом самого Сучианина, внук же Ибрагима доводился зятем Преемнику Третьему, дочь се-

стры жены которого была второй женой сына нынешнего Правителя. Да и вообще в высших сферах давно уже случайных людей не существовало, ежели кто кому не родня, так приятель, земляк, любовник, студенческий товарищ, дачный сосед или на худой конец молочный брат. Это повелось так давно, что стало уже не просто привычкой, а естеством, сутью кадровой политики наших высших эшелонов. Бороться с подобными пережитками брюжневской клановости, (а именно он, Брюжнев, когда-то первым привёл во власть команду днепропетровских, и с тех пор каких только команд не перебывало в Кремле!) периодически, конечно, пытались. Были этими борцами, как правило, люди обиженные, обойдённые властью и чинами, пытаться-то они пытались, да что толку, выходило, только себе и вредили. А если и удавалась кого сковырнуть, так исключительно для того, чтобы на место, ещё не остывшее, свою родню или знакомца усадить.

— Видишь, ты опять прав оказываешься, — кивнул Преемник, снова усаживаясь в кресло. — Не следует нам отставлять верного вояку. Этого отставишь, неизвестно ещё кого подсунут. А что же тогда нам с этой Шамбалой делать, что делать-то, а? Открыть-то мы её откроем, тут, черномазый сказывал, — Высочайший ткнул пальцем в депешу, — и примерное место входа поименовано, так что на сие великой мудрости не надобно, а вот как уберечь от растаскивания и ограбления, вот в чём заковыка! Народ, сам знаешь, дикий, кого охранять ни поставь, они первыми же переть и начнут. И ведь главное, что там в этой пещере скрыто, одному вселенскому Архитектору и ведомо! Ты-то сам, часом, не знаешь?

— Да откуда мне, Ваше Мудрейшество! Правда, люди разное говорят и пишут на эту тему: кто о гробницах последних людей донашенской расы, которые какими-то тайными знаниями обладают...

— Масонов что ли? — с явным разочарованием произнёс Вождь, опять вставая с державного кресла и прохаживаясь по кабинету.

— Да нет, братья каменщики только ищут крупицы того, что некогда было всеобщим, — пристроившись у окна и без надобности теребя бархатную портьеру, продолжил Ибрагим, — иные утверждают, что там сокрыто хранилище древних книг, изучив которые человек может стать бессмертным, кто-то уверен, что это один из лазов в иной подземный мир, куда и сгинула чудь белоглазая...

— Вот-вот, а налоги она, эта чудь, платит за пользование нашими земными недрами? Это уже серьёзное дело, ты фискалам задание дай, пусть все недоимки взыщут и чтобы с процентами, с процентами! А откажутся платить — газом их, газом, благо, бежать из пещер некуда! Но ты меня успокоил, успокоил, — возвращаясь в кресло, уже равнодушно сказал хозяин кабинета, — хотя объясни, а то я никак в толк не возьму: из-за чего, собственно, такой переполох? Ну, откроется какое-то древнее кладбище, или полки с поеденными мышами книгами, или схрон этих, как ты их там назвал, чудиков подземных, польза нам и Всемирным от этого какая?

— Об пользе мне не ведомо, а вот поручение Высших сил выполнять надо. Я вот вас внимательно послушал, хоть старик-то здесь я, а вот мудростью блещете вы! Воистину правы говорящие: «Молчи при солнце, за луну сойдёшь!» А не изволите ли вы поручить это щекотливое дельце провести по линии братских лож? Пусть-ка братья вольные каменщики хоть однажды послужат родному отечеству на деле, а не братской интригой. Да и наместник у вас там боевой, сам генерал Воробейчиков, стреляный, так сказать, воробей, простите за каламбур.

— Опять ты прав! А знаешь, братец, назначу-ка я тебя с сего дня ещё и главным своим Советчиком, — и с этими словами он взял неумелыми пальцами вечное перо и вывел на пустом бланке Всенародных Указов свою замысловатую подпись. — Ну вот, теперь порядок, — любуясь своими вензелями и завитками, произнёс Властитель и протянул покрасневшему от удовольствия подчинённому гербовую бумагу, — держи, текстец сам присобачишь.

Совершив сие государственной важности деяние, Всеобщее Величество встал и неторопливо подошёл к окну.

— Так, говоришь, масонов припахать? Хорошая идея, хорошая, а то они всё нас пытаются учить щи варить, да у посольств шакалят, вот пусть попотеют. Срочно рескрипт Наместнику… и, знаешь, ступай-ка ты, братец, устал я больно, устал. Да, непременно ещё кого-то пошли туда для пущего соглядатайства, да и не одного! Только чтобы не из опричников, совсем псы опаршивели, совсем. Будем чистить, будем чистить. Хотя всё же бомбой, мне кажется, было бы сподручнее. Нет пещеры и спросу нет. Можно подумать, семёрочники уж больно охочи книжки читать да чужих советов слушаться. Ну, ступай, ступай…

Не успела затвориться за осчастливленным столоначальником дверь, как Правитель схватился за трубку прямой связи с грозным начальником пёсьих голов.

19

Макута был поражён услышанным. Вход в Шамбалу почти прямо под ним! Как уж здесь не опешить, получается, что ходов этих может быть сколь угодно!

— И кому эта светлая идея пришла в голову, покойницу в катакомбы запихнуть? — строго спрашивал Сар-мэна атаман, усевшись по-восточному на белой кошме, покрывавшей низенький широкий диван в личных покоях хозяина дома. Все остальные участники этого скорее допроса, чем дружеского разговора, понуро стояли перед вожаком. За их спинами, прислонившись к дверному косяку, с безразличным видом скучал Митрич.

— Вон его невесте, — кивнул головой на Еноха Сар-мэн. — Она про эту Шамбалу столько всякой-всячины, оказывается, знает, у неё подружка в каком-то тайном обществе «Праведного Беловодья» состоит...

— И где эта невеста сейчас? Пусть всё мне сама и поведает, а то от вас никакого толку, битый час какую-то ахинею невпопад несёте, уже голова кругом идёт. Зови сюда даму. А вообще, атаман, ничего я в твоём борделе не разумею, кто с кем, что почём? Этого, — Бей показал рукой на Понт-Колотийского, — в плен забрали с ныне покойной, как оказалось, твоей сорбонской зазнобой, никакой другой невесты при господине чиновнике не имелось. Так?

В ответ раздавалось лишь сопящее молчание.

— Молчите? Хорошо. В ту же ночь захватили ещё двух девок — дочку барыни Званской и ейную служанку, Дашку, кажется. Дашка эта женихается с Юнькой, который, бродяга, всю эту кашу с подземельями и заварил, — вожак проворно вскочил и хватанул Юня за правое ухо. — Верно я говорю, олух царя небесного?

— Верно, гражданин атаман-баши! Ой, больно, дядечка! Больно! Пусти, пусти! — парнишка, вывернув шею, почти висел на своём ухе.

— Пусти, говоришь? Я те счас пущу! Митрич! Камчу мне! — и выпустив ухо молодого разбойника, принялся охаживать его поданной телохранителем нагайкой. — Вот я тебе пущу! Это тебе за девок! Будешь знать, как их по ночам из дома сводить! Это — за воровство чужих накидок! А это за тягу к разбойничьей жизни!

— Так где же ваша невеста? — бросив на пол камчу и по-отечески приобняв всхлипывающего Юньку, спросил атаман Еноха Миновича. — Боюсь, что о вашем сватовстве к девице Званской, матушка её не осведомлена, и родительского своего благословления на сие не давала.

Енох стушевался и не нашёлся, что ответить буравящему его взглядом атаману. Признаться, с ним никогда в жизни подобным образом не разговаривали, разве что покойник-дед, да и то в глубоком мальчишестве.

— Что молчишь, барчук? Может, и тебя камчаком угостить или для вящей острастки велеть повесить на ближайшем кедраче? Ты не зыркай на меня так, не зыркай, не я у тебя в застенке на дыбе вишу, а ты у меня гостюешь пока. Хотя, думаю, ты бы ко мне в застенок, пожалуй, побрезговал бы спуститься, небось, счёл бы, что не по чину. Так где барынька Званская? Ты что, со страху оглох что ли? Сар-мэн, — развёл руками Макута, выпуская притихшего Юньку и поднимая плётку, — давай тогда ты отвечай, а этого отправь в чулан, пусть повспоминает вместе с крысами правила хорошего тона.

— Атаман, он мой гость, — набычился разбойник, — отвечать ему нечего, всю эту кашу заварил я, с меня и спрос. А ежели к крысам, то и я с ним пойду.

— Да хоть в ж...пу иди! Бестолочь! Я же от тебя так путнего ничего и не добился. Единственное, чего дознался — что ты тело баронессы этой, прости господи, в какой-то колодец в своём подземелье бросил, а мне мозги пудришь, что в Шамбалу её спровадил для лечения от смерти. Зачем подстилку у меня Юнькину спёр? А главное, куда Званскую дел? Мать скоро за ней прибудет.

— Да они же её, окаянные, в бездну и ввергли! — распахнув дверь, с рыданиями ввалилась в комнату подслушивающая с другой стороны Даша.

— Что? Живую в пропасть?! Митрич! Верёвки, доску и людей, мигом! — выхватывая пистолет, приказал Макута. — Стоять, голуби, тихо, кто дёрнется — убью, как суслика! Юнька, быстренько взял кандалы и сковал этим извергам ноги. Не мешкай, а то и тебя повешу.

— Бей, Бей, не надо спешить! Никого мы жизни не лишали, так надо было, слышишь! — замерев по стойке смирно, орал Сар-мэн, который хорошо знал, что шевельни он хоть мизинцем, атаман застрелит тут же.

Митрич, чуя щекотливость вопроса, призвал на помощь только четверых своих людей, да и те в избу не вошли, а стали вокруг дома у окон. Стреноженных и связанных подельников усадили на лавку у дальней стены, Макута присел у окна и пустыми глазами смотрел на улицу. Распогодилось. Солнце расцвечивало мир, в котором казалось, не было горя и смерти. На небе ни

облачка, жужжащие и попискивающие божьи твари парили над входящим в силу разноцветьем. Внизу, у посёлка, детвора затеяла игру в лапту. «И кто их только научил этой старой и азартной забаве? — грустно думал атаман, не желая поворачиваться и возвращать себя к невесёлым обязанностям судьи и палача. Что он скажет помещице, свято верящей в его справедливость, как посмотрит ей в глаза? Как убить сына лучшего друга, своего крестника, а может, в недалёком будущем и преемника?»

— Дядька Макута! — прервала его невесёлые мысли шмыгающая носом Дарья. — В ямку ту барыня сама согласилась бултыхнуться...

— Ну-ка, девка, расскажи хоть ты мне всё по порядку, — нехотя повернулся Бей, поставив пистолет на предохранитель и сунув его себе за пояс. — Только вот всё по самому что ни на есть порядку — как покойницу забрали, куда понесли, что дальше было, хорошо?

Заметив, что девчонка украдкой косится то на своего суженого, то на связанных пленников, Макута едва заметно мотнул в их сторону головой. Митрич щёлкнул пальцами, в опочивальню тенями скользнули два молодца и, растворив широкие двери просторной светлицы, где на ломберном столике лежали ещё не вскрытые карты горе-любовников, зашвырнули туда обоих, словно мешки с картошкой. Когда двери закрылись, шум и ругань затихли, атаман подозвал обоих, парня и девушку, и велел говорить.

— Всё случилось негаданно, — заслоняя собой невесту, начал кавалер. Он с достоинством пригладил волосы, одёрнул кургузую рубашку, подпоясанную не то кушаком, не то скрученным в жгут женским платком и машинально потёр левой рукой нос. — Молода госпожа лежали и спали, уцепившись за руку Еноха Миновича, Дашка сидела рядом и плакала по убиенной. Она завжды плачет, ежели кто где неподалёку помрёт. И тут вбегает атаман и кличет Миновича. Ну они ушли вот в эту комнату, а мы остались там, — он указал на дверь, за которую только что вышвырнули главных героев его повествования, — об чём оне гутарили, я не слыхивал. Только вскорости они возвернулись...

— Машенька проснулась и пить попросила, — дополнила осмелевшая девица, выглянув из-за спины молодого человека, её лицо было каким-то странным образом ещё не тронуто ни монгольской раскосостью, ни китайской желтизной. Большие серые глаза смотрели наивно и доверчиво.

— Да, Мария Захаровна проснулись и говорили с нами, — заталкивая суженую от греха подальше, согласился Юнь, — а когда

господа вернулись, барынька кинулися на шею Еноху Миновичу и их поцеловали.

— А когда же это оне замиловаться-то успели? — полюбопытствовал атаман.

— А кады на гору утром бегали да с её стреляную Митрадору принесли, — опять вклинилась девушка и вдруг, словно спохватившись, отпрянула обратно за спину своего дружка и уже оттуда, правда, не так бойко добавила: — А Юньки тогда ещё и не было, он к старой барыне с письмом ездил.

Юнька толкнул её локтем и раздражённо цыкнул.

— По поручению атамана я в село мотался, насчёт выкупу и на разведку. Войско в старую крепость пригнали, ворота затворили, пушки ладить стали, а старого Прохора произвели в коменданты крепости и приказали вас изыскать и закандалить.

— Ну, и пусть себе кандалят, ты только это, паря, от главного-то не уюливай. Так что дальше было?

— А дальше оне втроём уж какой-то непонятный разговор завели, и слова навроде ненашенские, мы-то ни шиша так и не разобрали. И там ещё более барынька наша говорила, а мужики молчали, да каки-т вопросы задавали.

— Правда, дядечка! — как авторитетный свидетель подтвердила девушка. — Я хоть и не знаю нового языка, но учила малешко, так я смогла разобрать только, что они говорили про синь-камень и про каких-то чародеев, которые, вроде как, в этой горе живут...

— Одним словом, — перебил невесту парень, — пошли мы втроём к скорбной избе, где бабка Пуркина народ к загробной жизни готовит, атаман зашёл, забрал голую покойницу, прикрыл её моим трофеем, и оне с Миновичем побежали к дому, а я двери в избе-то подпёр за ними. Потом мы отворили потаённый лаз — он там, в дровнике — и, затеплив факелы, стали под землю спускаться. В пещоре страшно было. Вскорости добрели до подземного каземата, большого такого — ни стен, ни потолка не видать. В серёдке, а, может, где и в другом месте на полу больша така голубая каменюка лежит, ровно как под водопадом, куда мы со старцем да евонными девками на ладье улетели. Енох постлал на камень ну ту марлю, камень, вроде, даже как засветился. Взял тряпку крепко за края и велел мне на неё каменёк увесистый бросить. Я всё сполнил, и камень ушёл в камень, а материю он выдернул в обратную.

Постлали они ещё раз тряпку, да за один край вдвоём держат, а мне с девками велели на неё покойницу приладить...

— Тяжеленько это было сотворить. Никак она, бедняга, не умещалась на том лоскуте, — вставила своё свидетельство Даша. — Вот всё же усадили, а чуда нет. Тогда наша барынька и говорит, это её, дескать, грехи не пускают, надо чтобы невинной она была, а так не разверзнется.

— Невиновной в чём? — перебил её Макута.

Даша залилась румянцем и потупилась, не зная, что и ответить взрослому мужчине.

— Да, чтобы она мужика не пробовала, — пришёл ей на выручку Юнь, довольный тем, что самому Макуте что-то растолковал. — Сняли мы убиенную, положили в сторонке, а Енох Минович хвать Дашу и на лоскут этот, я её за руку едва успел хватить, а она тоже не проваливается. Тогда Маша встала на колени, облокотилась на тот камень, тут руки ейные туда и погрязли. Она спужалась и отпрянула.

«Видите, меня они пускают, — говорит, — я сейчас, мол, возьму Митадору, обниму, вы её ко мне ремнями привяжите, и я прыгну. А там будь что будет. Верю, — говорит, — оне добрые и нам помогут». Так всё и сделали. Теперь оне обе там, — шумно выдохнул Юнька.

— А что же ейный жених? — медленно вставая и поглаживая усы, спросил атаман. — Неужто так спокойно и бросил свою зазнобу в пасть чёрт-те чего? Хорош гусь… Али это его Сар-мэн припугнул?

— Да что вы, дядечка атаман! — всплеснула руками совсем осмелевшая Дашка. — Они на том камне и сами все прыгали и Юньку заставляли, и всё ни в какую. А потом Енох Минович и Машенька долго целовались и клялись друг другу в любви, и что всегда будут ждать друг дружку. Так красиво было, что я даже заплакала. Вот теперь всё.

— А тряпка та где? — как бы невзначай спросил атаман, продолжая гладить усы.

— Так она же в том камне и застряла. Как барышня с покойницей сгинули в синем-то камне, он потемнел, и тряпка там замуровалась. Мы сколько не тянули, сколь не пытались резать, даже топором рубили. Всё нипочём!

За окном уже помалу стал собираться вечер. Горы потемнели, кедрачи насупились, лёгкой дымкой по низинам и распадкам забелёсился юный прозрачный туман. Солнце ещё продолжало цепляться своими лучами за высокие вершины гор, розово искриться на далёких снегах и глетчерах, в тёмно-голубом безоб-

лачном небе зажглись первые звёзды, далёкий костёр стал ярче, неярко засветились подслеповатые на закате окна в крайних избах посёлка, а короткий сумрак уже набрал силу, вот ещё чуть-чуть и призовёт он на землю свою повелительницу — ночь.

Люди, уставшие друг от друга, спешили поскорее юркнуть в своё одиночество, чтобы хоть несколько недолгих часов побыть наедине с самим собой и ощутить себя человеком.

20

Воробейчиков был как всегда неутомим. Застоявшись в бюрократическом ничегонеделании, он, что называется, рыл землю носом. За неполные четыре дня, прошедших с приснопамятного собрания вольных каменщиков, административный округ был превращен в военный, а народонаселение, включая бродяг, уйсуров, нелегализованных ханьцев и всех прочих, было безжалостно поставлено под ружьё. В каждой захудалой деревеньке в спешном порядке учреждались военные комендатуры, полевые трибуналы и открыты по́рочные пункты для провинившихся. В отдельных местностях, ввиду явной нехватки мужиков, под ружьё были поставлены бабы и незамужние девки. Однако вскорости от этакой затеи пришлось отказаться, ибо войсковые казармы и баракоподобные длинные защитного цвета палатки превращались ночами в форменные Содомы и Гоморры, где даже с фонарём невозможно было отыскать жалкого подобия Лота. Видя этакое издевательство над святыми устоями армейской казармы, Наместник разразился громким и подробным приказом, гласившим: «Сие форменное скотство, расплодившееся в последнее время в подчинённых мне войсках, не токмо ведёт к невыспанности личного состава, но и отрицательнейшим образом сказывается на моральном духе бойцов, коие в течение всего дня находятся в неприязненных отношениях со своими сослуживцами на почве взаимной ревности и перманентной тяги к всевозможному разврату. Во вверенной мне армии получили распространения рукоприкладство, мордобитие, а также невиданные доселе в армейском коллективе инциденты, как то: таскание за космы, плескание кипяткоподобной жидкостью (чаем) на грудь сослуживицы, поцарапывание мягких тканей лица и прочих мест. А посему...» — и далее шёл подробнейший перечень мер по наведению повсеместно образцового порядка. Женская составляю-

щая армии была срочно распущенна по домам, их место заняли мужики из более густонаселённых уделов и дорожные рабочие. Правда, в каждой местности из числа социально активных девок и баб, не обременённых узами брака, были сформированы специальные женские батальоны, в обязанности которых входили карательные и поощрительные функции. После чего армейская жизнь вошла в своё привычное повседневное русло.

Ханьцы и кипчаки, видя такую нешуточную милитаризацию граничащего с ними округа, не на шутку струхнули и от греха подальше откатились километров на пятнадцать в глубь своей территории, тем самым освободив не только наши кровные земли, которые они умудрились тихой сапой оттяпать, но и своей земли не менее пяти, а то и более километров оставили, вроде как в порядке компенсации. Воробейчиков, видя такой коленкор, в момент перенёс пограничные столбы и закрепил новую границу обширной пьянкой да вечным договором с начальствующим составом сопредельной стороны. Землицы, кстати, набралось прилично! Это когда отдаёшь её, не видно, а вот когда забираешь, прибыток сразу ощутим. К тому ж и демография от всего этого только улучшилась.

Не дождавшись вызволения своего наместника из бандитского плена, Генерал-Наместник сам пожаловал в Чулым в порядке инспектирования караульно-постовой службы, и, остановив машины с сопровождающими его лицами недалеко от административного центра, сам решил пройтись по небольшой пригородной деревеньке.

Всему миру ведомо извечное убожество нашего села. Серые, крытые латаным-перелатаным шифером замшелые крыши выбежавших из дикого прошлого подслеповатых домишек, такие же серые от старости и безысходности, покосившиеся изгороди, горбатенькие сараюшки. Кажется, ничего здесь не изменилось со времён Иоанна Грозного, только ещё сильнее разрушилось и запустело. Утренний туман неспешно выползал из пологой поймы поблескивающей металлом реки на просёлочную дорогу, которая чуть дальше обращалась в деревенскую улицу. Солнце ещё не взошло, а только обозначило восток, мир был напитан грустной прохладой, и оттого нестерпимо тоскливой казалась одинокая фигура Генерал-Наместника на этом диком и патриархальном шляхе.

Воробейчиков вполголоса чертыхался, он уже в третий раз вляпывался в коровью лепёху. В горных поселениях скотина живёт своей весьма независимой жизнью, особенно молодняк, кото-

рый и на ночь в стойло приходит редко. Посему, заметив впереди размытые туманом контуры больших, бурых, как ему показалось, камней, инспектирующий отметил смётку местного военного начальника, воздвигшего непреодолимые препятствия для передвижения механизированных частей противника. И каково же было его удивление, испуг, а главное разочарование, когда один из этих камней с громким вздохом поднялся и двинулся ему навстречу.

Урза Филиппович лихорадочно зашарил в карманах сюртука в поисках очков, которые не носил постоянно из-за армейского форса. Водрузив окуляры на положенное место, он с облегчением вздохнул: на него, медленно раскачиваясь, шла мирно жующая бурёнка.

— Вот напугала, скотина рогатая! — произнёс генерал, и, чуть посторонившись, снова вляпался в лепёшку. Правая нога, обмазанная вонючим зелёным желе, предательски заскользила по мокрой от росы траве, и опора свободолюбивой монархии, нелепо взмахнув руками, рухнул прямо на свежее коровье дерьмо. И надо же такому случиться, именно в эту минуту из тумана послышался грозный окрик:

— Стой, кто идёт! Сказывай пароль, не то стре́льну!

— Неправильно, неправильно! — поднимаясь и брезгливо вытирая платком перепачканное платье, отозвался генерал. — Первая команда подана правильно, а всё остальное отсебятина! Незнание уста...

— Ты счас у меня Господу свой устав глаголить будешь! — в тумане зло лязгнул затвор.

— Стреляй, стреляй, Семёныч, больно справные у него боты и одёжа, — подбадривающе раздалось где-то сбоку.

— Не сметь, я сам Воробейчиков...

— Да мне всё одно, что воробей, что куропатка, что какой крокодил, руки в гору вздымай и иди до мене.

Не известно, чем бы завершилась эта конфузия, не подоспей к месту стычки генеральская охрана.

«Всё же хоть и коряво, но служба на подступах к Чулыму поставлена неплохо, — отметил про себя старый вояка, умывшись холодной колодезной водой и вытираясь чистым вышивным рушником.

— А скажи ты мне, служивый, кто у вас воинский начальник? — возвращая полотенце, поинтересовался главком.

— Так, вестимо ж, их сокородие оберкаптинармус Званский, комендант местной крепости! За ним уже мной и посыльный снаряжён.

— Хорошо, молодец! А звать как?

— Кого-сь, коменданта? Так Прохом... Звиняйте, Прохором Захаровичем…

— Да нет, тебя, воин, как зовут? — оглядывая здоровенного детину, спросил Наместник, подставив вытянутые назад руки новому, принесённому из обоза мундиру с золотыми генеральскими погонами.

— Мяне-то Опанасом Вановичем Джексенко кличут...

— Рядовой Джексон! — застегнувшись на все золотые пуговицы, громогласно возвестил генерал, — за рвение и проявленную бдительность присваиваю тебе очередное воинское звание подъефрейтор. Служи, сынок, глядишь, как и я, до генерала дослужишься.

— Служу мировому добру!

Большое служебное совещание было назначено в солдатском клубе Чулымской крепости, на которое, кроме местного начальства, ввиду важности и особой секретности вопроса, были также приглашены окрестные помещики, духовенство, поэты, и единственный местный композитор, для запечатления, так сказать, монументальности момента.

Конечно, называть клубом длинную приземистую избу было бы слишком смело, но чего-чего, а смелости нашей армии в тылу, да ещё и в мирное время, не занимать. Правда о клубе заключалась в том, что изба эта была многофункциональной и использовалась всякий раз по разному назначению: то для передержки молодняка в особо лютые зимы, то как казарма, то отдавалась под общежитие молодым специалистам, то под приют для туристов, промышлявших сбором дикоросов, в основном анаши, то действовала как клуб, а одно время даже была лазаретом и столовой в одном лице. Старанием местных и прибывших начальников, к обеду её привели в надлежащий культурному заведению вид. Над входом вывесили флаги и портрет Августейшего Демократа. Местные остряки и злословы прыскали в кулак, дескать, больно уж на портрете нынешний Преемник похож аж на позапрошлого, но всё это не из-за крамолы какой или вредности, а исключительно по причине местной скуки и бедности светской жизни.

Крепость же несказанно преобразилась: всё было выкрашено, выбелено, выметено, обновлено и отремонтировано. Повсюду был виден хозяйский глаз и отеческая забота. Генерал-Наместник инспекционым обходом фортификации остался весьма доволен. Осо-

бый восторг у него вызвало состояние крепостной артиллерии. Где Прохор за такой короткий срок насобирал этакую уйму музейного хлама, одному богу известно! Главное, что вся эта историческая отсталость исправно палила, сияла латунью и свежей краской и могла ещё послужить отечеству и демократии. За этакое рвение коменданту, на радость Глафире, было присвоено внеочередное звание «подпрапорщик» и обещана высокая державная награда.

Совещание началось со всеобщего исполнения державного гимна «Слушай, страна! Благодать над тобой воссияла!» Не скрою, у многих после единодушного пения в горле встал комок, а некоторые и вовсе украдкой смахнули с повлажневших глаз патриотическую слезу.

— Други моя! Люди обильной Чулымии! Солдаты! — театрально простирая перед собой руки, вдохновенно начал Урза Филиппович. — Только железная армейская дисциплина и строгое соблюдение приказов старших начальников может быть основой суверенной демократии и обеспечить процветание нашего великого Отечества. У нас для этого есть всё: и нефть, и наш воистину всенародный газ, и обильные леса да, слава Архитектору, полноводные реки и ещё многое множество всевозможных ископаемых и сырья. Но главное наше богатство, — он высоко поднял над собой руку, а потом резко опустил, ткнув указательным пальцем в зал, — это вы, народ! Неистребим ваш гордый дух и преданность отцу и благодетелю нашему — Преемнику Шестому! Ура, братья!

Зал в едином порыве сорвался со своих мест, в воздух полетели шапки, фуражки, картузы, панамы, будёновки, лифчики и пилотки, а громогласное «ура!!!» заставило содрогнуться древние стены цитадели. С соломенных крыш, выкрашенных зелёной краской, в небо испуганно взмыла вся пернатая живность, казалось, что и эти бессловесные твари единодушно хлопали своими крыльями и на все лады славили Всескромного и Вселюбимого отца сибруссов.

Дождавшись, пока народ отдышится, придёт в себя и рассядется по местам, Воробейчиков, отхлебнув из заветной бутылки, продолжил:

— Вот живёт человек и не ведает своего истинного предназначения. Он так и помереть может, не узнав об этом, но приходит в родной край время испытаний, время нужды и военной невзгоды, и расцветает его душа, и к героизму спешат его мысли, и осознанно он делает тот единственный шаг, который сохранит его имя в народной памяти на века. Главное, что подобные люди

есть и среди вас! — зал от неожиданности замер, публика завертела головами, ища своих героев. Оставшись довольным произведённым на слушателей эффектом, и снова хлебнув из заветной, генерал продолжил:

— Вы вот сразу принялись глазами искать героя! Этакого молодца, мастера, как там его, билди-болдинга, понимаешь ли, заокеанскую картинку, а ведь настоящий герой он неприметен, а зачастую и неказист. Хотите, я вам его покажу?

— Хотим! Хотим! — с новой силой взорвался зал, опять подбросив в небо присевших было голубей и ворон.

— Ну, так смотрите! — царёво око неожиданно проворно соскочил со сцены и остановился перед сидевшим в первом ряду Прохором, — вот он ваш герой! Надежда отечества и оплот Самодержавного Демократа! Я должен наградить тебя однократным госпоцелуем, брат ты наш любезный!

Ликованию народа не было предела, даже барыня Званская и та умилённо всплакнула, не взирая на своё искреннее презрение к столичному выскочке и краснобаю. В нарушение регламента в зале образовалось стихийное чтение патриотических стихов и пение гимнов. Композитор, не имея при себе музыкального инструмента, принялся напевать, насвистывать и пританцовывать только что сочинённую ораторию. Невесть откуда взявшиеся певчие грянули псалмы, а сидевшие в зале батюшки, раскочегарив кадила, запели величальные молитвы, пустив по залу согбенных служек с подносами и полуведёрными кружками для пожертвований.

Увидев подобную наглость, Ирван Сидорович чуть было не поперхнулся водкой, которую втихаря отхлёбывал из заветной генеральской бутылки. «Вот наглецы, ещё кесаревы и толики малой не цапнули, а они уже вёдрами гребут», — как человек сведущий в поборах, Ирван знал, что народ наш щедр на подаяние только в первый раз, а уже во второй и третий обнос может и в кружку плюнуть, и сборщику меж глаз засветить.

Насилу уняв всенародные страсти, готовые уже перейти в массовые беспорядки, Генерал-Наместник вернул совещание в рабочее русло.

— Прежде чем мы перейдём к главному вопросу — тайному отысканию и сбережению всемирного культурного наследия, называемого Шамбалой, мне бы хотелось поделиться с вами небольшими личными наблюдениями, почерпнутыми на ближних подступах к вашему славному граду. Надеюсь, вы не против?

Гул одобрения пробежал по залу, народ, перевозбудившийся от недавнего ликования, приготовился самую малость вздремнуть.

— Так вот сегодня рано утром я вляпался, простите за прямоту офицерской речи, в говно! — сонливость в зале как языком слизало. — Да, да, в самое настоящее коровье дерьмо и притом не единожды, — на задних рядах кто-то хихикнул. — Смеётесь и правильно делаете. Хорошо, что вляпался я, боевой генерал, повидавший на своём веку всякое. А вот представьте, что на моём месте мог бы оказаться молодой человек, спешащий на свидание, или, того хуже, романтически настроенная барышня, и что тогда, я вас спрашиваю? Молчите? Отвечаю сам — трагедия! Поломанная жизнь! Неизлечимая психологическая травма, комплексы неполноценности, и всё из-за какой-то разнесчастной лепёшки! А кто виноват? — как когда-то вопрошали наивные предвестники свободомыслия. Может, неразумная животина, к коей в полной мере относится весь крупнорогатый скот? Что «да»? Кто сказал «да»? — рыкнул в зал Наместник. — Не всякий раз следует утвердительно отвечать начальнику, даже такого высокого ранга как я. Так вот, я вам официально заявляю, что истинным виновником обилия мин животного происхождения на наших дорогах и улицах является в первую очередь не КаРээС, а косность нашего мышления, безалаберщина, ленность и прочее разгильдяйство!

Посмотрите, граждане, как устроены наши поселения! Ни порядка, ни плана, ни единообразия построек и фасадов. На этой убогой разномастности и взгляду культурного человека остановиться негде. Так вот, после сегодняшнего утреннего инцидента решил я Всевеличайшему Преемнику отправить шифрограмму с предложением срочно издать указ о кардинальной перестройке наших сельских поселений, малых городов и местечек. Идеальное сельскохозяйственное поселение должно выглядеть следующим образом: на переднем плане проходит парадная улица, имеющая своё название и твёрдое покрытие, желательно асфальт. По ней запрещено движение гужевого транспорта, прогон скота и выгул птицы. На оную магистраль выходит единообразный штакетник палисадов, усаженный сезонными цветами и декоративным кустарником, за ними утопающие в садах весело окрашенные типовые дома, затем огороды, после скотные дворы и прочие постройки, а завершает всё это, что? Отвечаю сам — тыловая дорога, по которой вольно передвигаются коровы, кони, бараны, птица и прочий скот, а также вывозится на поля навоз...

— И свиньи, — подобострастно вставил кто-то из первых рядов.

— Правильно, и свиньи! И как вам мой проект? Отвечать не надо, вижу, что тронул за живое!

Последние слова докладчика потонули в бурных аплодисментах, переходящих в оглушительные овации.

Воробейчиков стоял, как великий полководец, отставив вперёд левую ногу, заложив кисть правой руки за обшлаг мундира, наслаждаясь своей славой и восхищаясь глубиной данного ему Всевышним ума. Это был настоящий триумф. А потом посыпались многочисленные уточняющие вопросы — о дизайне и цвете оград, о рассаде, и прочее, прочее, прочее. Появилась большая грифельная доска, которую солдаты приволокли из школы, цветные мелки, маленькие флажки на присосках. Новый тип поселения с парадной и тыловой дорогами был явлен населению во всей своей красе.

— Главное, чтобы эта бестолочь не стала претворять в жизнь свои идеи в нашем уделе! — непростительно громко заявила Полина Захаровна сидевшей рядом с ней Глафире. — Пойдём-ка мы отседа, Глаша, а то голова совсем опухнет и ночью не заснём вовсе, да и о пленнице сердечко моё ноет. — Она демонстративно встала и подалась вон, а за ней, словно гусыня за гусаком, переваливаясь с ноги на ногу, засеменила верная товарка.

Наместник в это время чертил красными и синими стрелами пути вывоза коровяка и подвоза свежих кормов по тыловой дороге. Заслышав шум в зале, он возмущённо обернулся.

— А вы это куда без докладу? И не выслушав Всевысочайшего послания о Шамбале? — постучал он указкой по грифельной доске.

— Где уж нам, батюшка, уразуметь твои шибко грамотные речи? Баба, она, ровно курица при непутёвом петухе, коего ты сечь велел за лишние яйца. Не взыщи, пойдём мы, скотина недоена, делов невпроворот, да и за тыловую дорогу пора уже давно сбегать, а то ведь с утра с чаем в брюхе, терпечи, сидим, — слегка обернувшись, махнула рукой Званская.

— А… Шамбала? — не зная, как урезонить невоеннобязанную, растерянно воскликнул Воробейчиков.

— А что Шамбала? Она, когда ей время придёт, сама вскроется, так старики сказывают! — уже в дверях ответила помещица.

21

Москву потрясла весть об отставке Джахарийского. Все притихли, затаились в ожидании чего-то неизбежно-страшного. Всем, поголовно всем, а не только небожителям, казалось — вслед за

громким увольнением лично на их головы непременно падёт непоправимое, и участь сия не минует ни одного жителя великого города, втиснутого в древнюю радиально-кольцевую клетку. Доподлинно, отчего происходят подобные переполохи, науке пока не известно. Однако падение всякой крупной фигуры с отечественного политического Олимпа неизбежно повергает сначала столицу, а потом и всю страну в некий мистический ужас. Общегосударственный ступор парализует остатки евразийской громады, словно грядущий конец света, страхом перед которым уже две тысячи лет с успехом торгуют славные и инославные попы.

Именно об этом пародоксе и рассуждал известный политолог, политтехнолог, телепрорицатель и скрытый колдун Кремля Павлин Тойотович Глебовский. Толстомордый, смахивающий на стареющего потасканного хряка, с аккуратным тройным подбородочком, всегда сальными волосами, пустыми, как костяшки домино, глазами, он еженедельно голосом, похожим на органчик, вещал стране неутешительные пророчества и сыпал гневные проклятия в адрес многочисленных врагов суверенной свободы и Августейшего Демократа. Но даже его, прожжённого циника, искренне удивлял этот общенародный психоз.

— Для меня и иных насельников бездны госвласти, понятны причины нынешнего дурацкого трепета. Нам есть от чего трепетать, — бормотал себе под нос демиург. — Я — другое дело! Без меня всё в Кремле встанет и закостенеет, я — паровой котёл государственного локомотива! Хотя паровой котёл это как-то банально, не пафосно, что-то вроде скороварки. Плохое сравнение, гляди, где-нибудь его не ляпни на людях. Нет, я не котёл, а нечто другое, но всё равно лично мне есть что терять и от чего трепетать. Понятно, отчего трепещут министры, их аппараты и домочадцы. Не надо долго объяснять, отчего трепещут начальники ведомств и департаментов с их экономическими командами, но отчего трепещут те, кто и трепетать-то не должен вовсе? Кто это может объяснить, кто ответит на этот простой вопрос?

Вот свежая статистика. — Глебовский разложил на столе листки с диаграммами. — Чудны дела твои, кто бы ты ни был там, на небесах! Но и даже ты мне внятно не сможешь ответить, почему отставкой Джахарийского так озабочены домохозяйки, работники ЖЭКов, милиционеры, учителя, а главное, пенсионеры — сорок процентов! Во всех газетах, радиоприёмниках, телевизорах, утренних электричках и поездах метрополитена — везде шу-шу-шу: «а вы знаете …сняли?», «а вы слушали?...»,

«сегодня передали...», «да что вы говорите, какой ужас!» И главное: — «ах, что теперь будет?... что будет?!»

Да какое вам собачье дело, вы-то здесь причём? Я, конечно, могу вам ответить, что будет с пенсионеркой тётей Шурой после неожиданной отставки моего всесильного шефа! А собственно, ничего не будет, ровным счётом ничего! Как жила она в своей малогабаритной клетушке, так и будет жить ровно столько, сколько отпустит ей Бог на срок дожития! Как получала пенсию, начисленную по принятому только у нас в стране принципу: «От каждого — по возможностям, каждому — что дадут», так и будет получать. Как ходила голосовать, так и будет ходить голосовать, вот только выбрать она, болезная, никого не сможет. Потому что народ голосует, а выбирают другие и в другом месте. В этом и заключена великая истина суверенной демократии. Однако народ ничего этого не знает и даже не догадывается, слава великому Архитектору! Так что поводов у него для подобных беспокойств ровным счётом никаких нет. Ну отчего же тогда он вибрирует?

— А он боится, что у него и сегодняшнюю малость отберут, да ещё войну развяжут, пенсию урежут, проездные отнимут. Надежду на халяву народную вы урежите, — услышал Павлин спокойный голос недавно снятого шефа и вздрогнул.

Правая рука как бы невзначай скользнула в нишу между крышкой стола и тумбой с ящиками, вцепилась в большую, забранную в застеклённую рамку фотографию; левая — натянув рукав пиджака на внутреннюю сторону ладони, принялась вытирать невидимые на стекле пятна. Для пущей убедительности Тойотович пару раз на него хукнул, ещё потёр и, как бы любуясь, поставил фото на привычное место, слева от себя. Довольный уловкой, поднял голову, чтобы улыбнуться шефу и остолбенел — в кабинете никого не было.

Павлин Тайотович, как человек публично исповедующий мистику и метафизику, ещё с диссидентских времён своей юности твёрдо знал, что мир материален, духов, монад и прочих сказочных персонажей в объективной реальности не существует, отчего по настоящему испугался. На всякий случай он вышел из-за стола, заглянул в приёмную, споткнулся глазами о своего верного и в любой момент готового всё исполнить секретаря Ванечку Ван Блюма, вернулся обратно, толкнул для уверенности дверь комнаты отдыха — пусто.

«Это глюки! — мысленно вынес он неутешительный диагноз. — Доработался, мать твою! И в твои-то неполные пять-

десят! Слуховые галюцинации, это даже для тебя уже слишком! — Павлин Тойотович панически боялся болезней, особенно умственных, и на то были определённые, так сказать, наследственные причины. Он сел обратно за стол, с раздражением взял фотографию, на которой был запечатлён в обнимку с улетевшим в никуда шефом, и сунул её обратно в нишу.

Однако нематериальные странности приняли материальный характер: массивная золотая авторучка, украшенная барельефом из снежного барса с рубиновыми глазами, душащего изумрудноглазую серну, поднялась над столом, изготовилась для письма и, коснувшись белого листа, начала аккуратным школьным почерком бывшего начальника выводить слова:

«Павлин! Ты мудак! Такого даже я от тебя не ожидал! Мы все в этом доме подлецы, но чтобы вот так, сразу! Это слишком! Фотографию не мучай, лучше выкинь, она не казённый портрет и сдаче не подлежит! А я тебя из сердца своего выкину, гадёныша!» — даже по письму чувствовалось — Джахарийский не на шутку распалялся.

Политкомбинатор сидел бледный, как полотно. Пальцы его непроизвольно вцепились в подлокотники кресла и, казалось, прикипели к кожаной обивке, остатки сознания готовы были в любой момент покинуть гудящую пустотой голову.

«Да что же ты так бздишь? — продолжало поскрипывать вечное перо. — Водички попей. Не дрейфь, с ума ты не сойдёшь, пока я этого не захочу. И ещё, для твоего сведения, я — не мистика, не дух какой-то поганый, я — воля! Обычная воля сильного человека. Воля, Павлинчик, ничего, что я тебя как встарь называю? Воля, она, недалёкий ты мой, субстанция материальная и вполне объективная, пугаться её не следует. А теперь слушай! Вернее, внимательно читай и запоминай. Указ, в котором прописано небытие моё, недруг мой на сороковом году нашей лютой дружбы всё же протолкнул! Документы у меня отобрали, машины лишили, с дачи попёрли, перед Всемирными опозорили, а здесь ещё и ты.., да ладно! Одним словом, в полной я и, как говорится, в самой что ни на есть глубокой… Но и оттуда есть выход. Так вот, вся надежда на тебя, дружок. Преемник тобой очарован, и не без моей помощи, кстати. Жена Всевысочайшего говорит, что без твоих телебаек он и заснуть уже не может, пишет их себе на плейер и перед сном по два раза слушает. В этом и есть наше с тобой спасение. Я тебя не пугаю, но видится мне, что ты следующий на вылет. А как иначе? Ты ведь мой кадр».

Перо бегало по бумаге, как сумасшедшее. От спешки почерк становился небрежным и плохо читаемым. Павлин с трудом поспевал пробегать глазами и переваривать прочитанное. Но понять, куда клонит бывший начальник, никак не мог.

«Так вот, я знаю, где спрятано яйцо с бессмертием Сучианина, и ты мне поможешь его достать, поможешь, займёшь его место, а я так и останусь по-стариковски пастухом медведей да удельных берложников, мне это ближе и роднее. Вижу, что согласен. Поговорить со мной можно всегда, только не в кабинете, наши кабинеты… сам знаешь! Ну и встречаться тоже рисковать не следует, как ни маскируйся, всё одно вынюхают. Лучше переписываться. Возьми другую ручку и напиши: «Согласен». Ну, давай же, не трусь, и у тебя есть, хоть и паршивая, но воля!»

Павлин Тойотович, словно в горячке, с трудом отлепил от подлокотника руку, вытащил из кармана свою любимую (матушкин подарок ещё в пятом классе) чернильную авторучку с допотопной резиновой пипеткой для забора чернил «Радуга», и дрожащим почерком вывел на том же листе: «Согасен». Чужая невидимая рука тут же вписала пропущенную букву и добавила: «...вот так-то лучше, а фото верни на место, паскудник!»

Кабинетная реальность возвращалась медленно. Первое, что сделал Глебовский, ощутив возможность координировать свои движения, он достал злосчастное фото и отнёс его в книжный шкаф, стоящий в комнате отдыха, а на стол поставил фотографию Преемника с личной Вседержавной росписью. «Так оно будет правильнее. *Воля не может быть материальной!* — испуганной птицей билась в пустой голове одинокая мысль. — А врачу надо показаться обязательно».

Несколько придя в себя, Павлин решил перечитать начальственный бред. Акуратно завинтил колпачок мамашиного подарка и подвинул к себе дурацкую писанину. Никаких записей на девственно чистых листах бумаги не было. Только почти в самом низу, красовались его каракули «Согасен» и всё. Павлин, протянув руку с хищно растопыренными, полусогнутыми пальцами, схватил этот жалкий лоскут некогда живого, красивого древа и сунул его в жадную щель бумагоизмельчителя. Чёрная пластмассина утробно заурчала, с завидным аппетитом перемалывая бумагу мелкими щучьими зубками в бесформенную труху. Остатки листа вывернулись в последнем смертельном изгибе, Павлин последний раз увидел свои закорючки и снова вздрогнул: над его пляшущими буквами красовалась выведенная рукой начальника, пропущенная

им от волнения литера «л». Он протянул руку, чтобы выхватить это немое свидетельство неведомой ему реальности из бесчувственной пасти, но было уже поздно, ненасытные железные ножи завертелись быстрее в ожидании новой жертвы.

Из полукоматозного состояния его вывел заглянувший в кабинет Ванечка.

— Павлин Тойотович, к вам Ван-Соловейчик и всекурултаец Хиньша Стук-постук, — с любопытством разглядывая шефа, произнёс крашенный под известного в старые времена цирюльника Зверева смазливый молодой человек с чувствительными силиконовыми губами. — Им было назначено, — извиняющимся голосом добавил он и, плотнее прикрыв дверь, встревоженно спросил: — Милый, с тобой всё в порядке? — однако, натолкнувшись на холодный и безразличный взгляд политколдуна, капризно поджав губы, распахнул дверь и мстительно произнёс: — Проходите, господа, вас ждут!

«Ну, сучка! Теперь до вечера будет мочалить мне нервы. Завтра же поменяю его на обычную девку, надоел», — злился про себя Глебовский, нехотя подымаясь навстречу своим пиаровским коллегам.

Визитёры были как на подбор упитанные, холёные, мордастые, с одинаковыми выпуклыми глазами и довольно немолоды. Одеты гости были в одинаковые, казённого кроя костюмы заморского производства, запястья правой руки окольцовывали оправленные бриллиантами золотые хронометры, в галстуках алели крупные рубины, как вечный символ тайного братства, на ногах чёрным перламутром мерцали туфли тонкой ручной работы. В последнее время только по иностранному гардеробу и можно было отличить народных избранников от основной массы госслужащих, которых в столице, не без стараний всё того же приснопамятного Дионисия Козела, было процентов семьдесят от всего населения.

«Бары, ни дать, ни взять бары», — холодно пожимая визитёрам руки, отметил окончательно не пришедший ещё в себя Павлин. Одёрнув полы своего не в пример скромного серого пиджака с кожаными коричневыми вставками на локтях, он жестом пригласил гостей присаживаться за длинный стол совещаний.

Подойдя к своему столу, он нажал кнопку селектора и, вкладывая в голос как можно больше тепла и даже толику извинения, попросил секретаря:

— Ванечка, будьте настолько любезны, насколько вы жестоки — распорядитесь, пусть девочки сделают для нас чай!

— Я сам, я сам! — обрадованно отозвался динамик.

Гости многозначительно переглянулись, дескать, дыма без огня не бывает, и до Кремля докатились голубые волны! Однако всем своим видом продемонстрировав полную толерантность, дескать, нам какое дело? У каждого начальника свои заморочки с секретаршами и помощниками, — они наигранно безучастно заскользили прыткими глазами по властному кабинету.

Павлин Тойотович взял свою большую рабочую тетрадь и по привычке потянулся за драгоценной ручкой, но та опять ожила и вывела на перекидном календаре: «Сволочь!» На этот раз испуга не было, Глебовский даже не вздрогнул, он крепко зажмурился, а потом быстро распахнул глаза, так он часто делал в детстве, когда чего-то пугался. Надпись задрожала и медленно, как бы нехотя растаяла. На листке календаря его рукой было написано: «Рожд. мин. Шустрика». — Надо будет не забыть поздравить прыткого министра, а заодно узнать, где деньги за последнюю партию переданных Объевре перемещённых ценностей. Взяв обычную казённую самописку, он вернулся за стол совещаний.

Людей он этих знал, как облупленных, и сам лично когда-то привёл каждого из них к всесильному тогда Джахарийскому. Хиньша Моше Стук-аб-Стукович Зус — известнейший в стране правдописец, когда-то ещё в юности подцепленный на крючок пёсьими головами, исправно кропал толстенные книжки с обличениями пошатнувшихся столпов августейшей демократии, а порой и державных друзей ушедших на покой Преемников. Народ ахал и славил Хиньшу, а сановники тихо точили на него зубы и рыли на борзописца компру. Пожалуй, только Павлин доподлинно знал истинную цену расследованиям Хиньши, аппетиты которого росли год от года, даже покупка за казённый счёт дорогущего ныне депутатского кресла во Всевеликом Курултае не убавила жадности, а только раззадорила непомерные амбиции пожилого писаки. Уже дважды Павлину докладывали, что в доску оборзевший Хиньша, будучи в подпитии, грозился в скором времени тиснуть трёхтомник с гадостями на самого Г….

Не отставал по мерзостям от писаки и великий шоумен, всенародный телекумир Ван-Соловейчик, автор, ведущий и бессменный продюсер ток-шоу «Дуэль у помойки», отличавшийся, редкой даже для нынешних времён беспринципностью, холуйством и моментальной сменой личных политических и иных убеждений в зависимости от сиюмоментной коньюнктуры.

«В одном прав шеф, — придирчиво разглядывая своих подручных, подумал Павлин, — с каким дерьмом приходится нам работать!» — а вслух произнёс:

— Так, коллеги! Джахарийского отстранили в связи с переходом на другую работу, но дух его... — и тут Павлин Тойотович запнулся, немножко помолчал и поправился, — воля его, конечно же, воля его жива и требует продолжать ранее начатую работу по совершенствованию управленческих структур нашей благословенной Родины. Если мы этого не сделаем, не сделает никто, а упущенное время возврату не подлежит! — продолжая говорить, он мысленно поразился, как стала похожа его речь на истерические заклинания бывшего начальника. Почти те же слова, та же манера. Интересно, а окружающие это замечают?

— А вот и чаёк, чайчик, чаюшечка! — Толкая не по-мужски округлой попой дверь, в кабинет задом впятился секретарь с большим серебряным подносом в руках.

— Спасибо, Иван, мы здесь сами управимся...

— Ну, что вы, что вы, Павлин Тойотович, ни в коем разе. Я всё-всё сам. Мне, право, это не затруднительно, да и потом, когда ещё представится такая возможность — обслужить сразу трёх таких достойных мужчин. Я ведь помню, кто какой чай из наших гостей предпочитает. Вот Ван Соломон-оглы ибн Соловейчик любит зелёный с чабрецом, правильно? — и поставил перед телефакиром чашку, — а народный любимец Стук Стукович Хиньша питает пристрастие к чёрному с экзотическими добавками, а вы в это время суток пьёте зелёный с лимонником, — грустно глядя на шефа, произнёс Иван и, забрав поднос, направился к двери, вздыхая и вихляя задом.

— Тойотыч, ты чего хвост распушил? — отхлёбывая из чашки, не поднимая головы, спросил Хиньша. — Переизбирательная кампания почти в завершении, дебаты, как бы нас враги не пугали, состоялись, и притом какие! Невидимые, бесконтактные, Преемник нигде не показывался, ни с кем не встречался, и потому мы их как всегда выиграли. Да ты и сам знаешь, какой от них резананс и у нас и за рубежами! Рейтинг нашего Переизбранца вырос сразу на двенадцать пунктов. А ты несёшь владисуровскую чушь. Сыты мы уже ей по самое «не балуйся». Ты хоть замечаешь — дня не прошло, как он в улёте, а ты его словами, его интонациями говорить начал? Нет его, расслабься! Или, — седовласый Хиньша слегка озадачился, — тебя уже на его место назначили? Если так, извини за вольности, я ведь от чистого сердца, по старой дружбе… — и уже вовсе подхалимски, заискивающе переспросил: — Всё-таки назначили, да?

— Никто меня никуда не назначал, по крайней мере, радио про это пока ничего не объявляло, а только оно у нас в стране всё знает. Да и назначат — не назначат, большой роли сейчас не играет. Ты

прав, перевосхождение Августейшему надо обеспечить блестящее, чтобы ни у кого и сомнения не возникло в наших возможностях делать результат. Результаты делали, делаем, будем делать мы и только мы. Но главное, уход суверенного пройдохи надо сопроводить соответствующей пиаршумихой. Вы меня понимаете? Газеты, радио, телевидение, сплетни, анекдоты, частушки и главное, всё это для зарубежья. Нашим же умникам и народу чего-нибудь попроще. Надо, как всегда, быстро сварганить хорошую, «правдивую» книжку страниц на полтысячи. Читать её никто, конечно же, не будет, ну и пусть. Главное, что книга есть, а книгам у нас всегда вера была большая. Ладно, мне ли тебя учить, одним словом, всё как всегда — объективное историческое расследование о мерзкой жизни растлителя малолетних, казнокрада, врага народа и Августейшего Демократа, то есть всю какую ни на есть правду. Пусть весь мир знает, какая гадюка долгие, непростительно долгие годы грелась на груди доверчивой власти, и не просто грелась, а пила соки нашей державы, убивала её, одним словом, всё так, как ты умеешь. Гонорар двойной. Фактуру опричники уже подбирают и к вечеру кое-что передадут. А вот тебе, Соловейчик, надобно у твоих помойных барьеров…

— Павлин Тойотович, а можно я тоже книжонку тисну, у меня же получается, помните? — перебил его старый шоумен.

В этот момент кабинет неожиданно наполнился державной музыкой. Присутствующие, словно по команде, вскочили и замерли по стойке «смирно». Лет двадцать как в соответствующих кремлёвских кабинетах были установлены специальные аппараты прямого вызова к Преемнику. Где они гнездились и как ими пользоваться, никто не знал. Просто вот, как сейчас, включалась державная музыка, предвещающая некое высшее сообщение.

— Именем Высочайшего Преемника Шестого вам повелевают немедля явиться в его, Августейшего Демократа, канцелярию для аудиенции с Оным, — возвестило нечто после музыки голосом самого Сучианина.

Глебовский опрометью бросился из кабинета, крикнув через плечо:

— Меня не ждите! За работу! Время выбрало нас!

22

В последние годы Всевеликий Всенародный Курултай народов Сибруссии собирался редко и неохотно, так что большая

часть помещений на Доходном ряду пустовала или сдавалась в аренду каким-то тёмным личностям и структурам. Как правило, кабинеты избранцев использовали по своему назначению девицы лёгкого поведения, которых по решению курултая давно именуют жрицами демократии. Многие аналитики считают, что девок в этот огромаднейший дом с мраморными лестницами тянет исключительно от духовного родства с хозяевами. Подавляющая часть задумцев народных постоянно проживала в своих закордонных имениях, и вытащить оных на любезную Родину было весьма сложно да и накладно. Уже давно известно, что народный избранец задаром не только никуда не двинется, но и руки для голосования ни в жисть не поднимет. У них на всё есть своя такса, такова, видать, специфика местного народовластия. Однако дом народных утех никогда не затихал и не прекращал своей деятельности, и не только из-за проституток, для которых уже лет тридцать как реставрировали огромный отель напротив. Давали жару и курултайцы со своими помощниками, кумовьём и прочими когортами поддержки. Оставшиеся в Доходнорядских чертогах избранцы вели страшные битвы друг с другом, почковались, сбивались во фракции, группы, оппозиции, писали воззвания и доносы, плели замысловатые интриги, и всё это происходило по благородным поводам борьбы за народное счастье и достаток. В поместия не выезжали лучшие из лучших, проверенные из проверенных, уже давно передававшие высокое звание народного избранца по наследству, никто им в этом не перечил, все их боялись или попросту не хотели связываться с людьми отягощённой наследственности. Возглавлял Курултай крепкий, длинный старик с почти медвежьей фамилией — Бурееломов. Был он любезен всем Преемникам, которых немало сменилось на его депутатском веку.

— Не о хлебе, не о зрелищах поганых надо думать, не блажить о несуществующих душах человеческих и о благе народном, его у нас никогда не было и не будет! Главное — вода! Обычная природная вода, которой всё меньше и меньше у нас в закромах остаётся. Её надо беречь и приумножать.

— А как приумножить то, что выпили уже? — раздался из зала чей-то наивный вопрос.

— Исключительно путём сбережения и ограничения потребления её простым и подлым людом, ему всё равно, а нам о себе надо думать. Чистая природноя вода — это главное средство для достижения бессмертия. Учтите, эта информация исключитель-

но только для нашей державной фракции! — строгим, не терпящим возражения голосом, произнёс главный курултаец.

— Футбол Небельмесович, я, конечно, извиняюсь за скудость, так сказать, своего ума. Вы уж не взыщите, если что не так спрошу. Из глухой я провинции, где и света электрического никогда никто в глаза не видел, — почтительно кланяясь, начал ставленник углекопателей, умудрившийся пересажать своих хозяев и стать полноправным хозяином копий.

— Да уж не прикидывайся, не прикидывайся парижской сиротой! Знаю я тебя ещё с опричных времён, всё сиротинушкой претворяешься. Ты вопрос задавай.

— А вопрошение моё к вам, да продлится ваше спикерство, глубокоуважаемый Председательствующий, таково. Ежели вода природная целебна и неизбежно ведёт к бессмертию, то чего тогда наши древние предки померли, они же ею, чистоганной, только и поились?

— Действительно глупый вопрос абсолютного невежды! — пренебрежительно изрёк великий водолюб и, уже обращаясь ко всем собравшимся, возвестил: — Открытие об участии воды в бессмертии было сделано совершенно недавно, а питекантропы нашего коллеги об нём ничего и не знали, оттого и дохли на двадцатом году жизни. Только знание вопроса может дать нужный результат, в том числе и бессмертие, вот так-то! Денег нагрёб, а ума так и не нажил.

— А позвольте и мене задать вам вопросец? — взвился давний недоброжелатель, засланный когда-то во Всенародный Курултай злейшим врагом и конкурентом Буреломова, всесильным главой Совета старейшин — Серапимом Геологовичем Миремистинским. — Уж не из секретов ли Шамбалы эти ваши знания? Это раз. Не нанесёт ли их разглашение государственного ущербу? Два. И главное — если всё это так, то не станут ли отдельные враги Августейшего его бессмертными врагами? Проясните нам это, пожалуйста.

Зал притих в преддверии надвигающегося скандала. Охрана резво принялась выгонять посторонних, в основном переодетых в путан папарацци, и разворачивать брандсбойты для охлаждения межфракционной баталии, готовой вот-вот вспыхнуть.

— Сам дурак, — попытался уклониться от ответа спикер, — и вопросы ваши никчёмные, малозрелые! Не доросли вы ещё до звания полнокровной фракции. Будешь паясничать, лишу слова на всю пятилетку!

— За дурака ответишь! — казалось только того и ожидая, взвился злопыхатель. Тщедушный человек вскочил на депутат-

ский стол и, топча аппараты для голосования, обернувшись к сотоварищам, завопил: — Справедливость попрали! Ату берложников! Будет, натерпелись! Доколе они будут торговать нашими местами в Курултае? Доколе им все лакомые куски будут обламываться? Мы не менее ихнего демократизируем и не то ещё умеем! Ату их, ребята!

Брандсбойты втянули в зал заседаний, но воды в трубах не оказалось, видать, её как экологически годную уже кто-то успел откачать и кому-то продать как природно чистую. И грянуло побоище, коего ещё не видывали эти стены. Во все уголки мира летели телеграммы-«молнии» с красными полосами, срочно сзывающие подкрепление. Битва грозила затянуться минимум на полгода.

23

Машенька проснулась от холода. Глаза открывать было боязно. Где-то невдалеке шумела вода, а ещё дальше, наверное, паслись кони, знакомый с детства хруст вырываемой травы и негромкое позвякивание пут нельзя было спутать ни с чем.

«Кони? Какие кони, откуда?» — глаза открылись сами собой, и девушка села. Вокруг клубилось туманом утро. Рядом, негромко подпрыгивая на небольших камушках, спешил куда-то широкий ручей. За ним действительно паслись кони. Вода шумела где-то сзади, приподнявшись на локте, Машенька обернулась и увидела необыкновенной красоты водопад. Он был особенно хорош в первых, ещё далёких лучах только рождающегося солнца. Широкая стена воды, голубоватая от неба, изумрудная от окружающей зелени и золотисто-нежная от утренней зари, с белесовато-тёмными переливами отвесно падала с огромной высоты. Внизу, в миллиардах клубящихся брызг, вспыхивали и гасли первые несмелые радуги.

— Енох! А где Эрмитадора?! — вскочила на ноги, вокруг никого не было. — Эрми! Эрми! — прижав ладони к лицу, закричала она.

«Рми-рми-рми-рми!» — подхватило эхо. Лошади перестали щипать траву и настороженно повернули головы в её сторону.

— Что ты орёшь, как полоумная? Тишину испугаешь, — выныривая из водопада, отозвалась Гопс.

— Эрми! — Машенька, не разбирая дороги, бросилась навстречу воскресшей подруге.

Эрмитадора, нагая и прекрасная, как античная наяда, медленно брела по мелководью, отряхивая воду с коротко стриженной рыжей головы. Не добежав до подруги метров десять, Маша остановилась. Прямо над водопадом во всей своей красе сияла священная Белуха. Казалось, гора радостно улыбалась чуду нечаянно обретённой жизни. Неведомая сила опустила девушку на колени, и губы сами собой зашептали незнакомые ей ранее, но такие родные и тёплые слова древней молитвы.

Эрми, удивлённо глянув на Машу, обернулась, и у неё из глаз беззвучно потекли слёзы.

С того берега, где паслись кони, к ним бежали какие-то люди, и громко кричали, радостно размахивая руками. Впереди всех, почему-то с огромным тулупом в руках, высоко поднимая ноги, летел Сар-мэн. За ним, тоже с какими-то одеялами, словно породистый бык, нёсся Енох, а чуть поодаль — Дашка с Юнькой. Позади всех, не спеша, опираясь на свой любимый посох, которым служила лёгкая узловатая палка из дерева неизвестной породы, шёл Макута-Бей со свитой. Увидев Белуху, он осторожно опустился на колени, его примеру последовали другие разбойники, шедшие следом. Святыня в Азии близка для каждого открытого Богу сердца, так уж здесь устроен мир.

Встреча была бурной, со смехом, громким весельем, слезами и тихой грустью. После общей радости и наскоро собранного достархана, ватага сама собой разбрелась кто куда. Енох с Машенькой пошли прогуляться. Сар-мэн, всё это время не спускавший Эрмитадору, как ребёнка, с рук, наконец приткнувшись у нагретых солнцем камней, не размыкая объятий, уснул мертвецким сном. Сама недавняя покойница была на удивление тихой, ничего не ела и смотрела на всех пустыми, ничего не видящими глазами. Окружающие относились к этому с молчаливым пониманием, никто из них не знал, как должны вести себя только что воскресшие из мёртвых.

Походив кругами, народ, крестясь или творя на свой лад молитвы, стремился во что бы то ни стало дотронуться до женщины и убедить своего внутреннего Фому Неверующего в сотворённом на их глазах чуде. Многие из тех, кто не видел Эрми мёртвой, и вовсе относился к этому с нескрываемым сомнением, как к некоему непонятному розыгрышу или мистификации, дескать, не было похорон, нет и воскресения. Другие, кто всё видел и хоть как-то успел «пообщаться» со вчерашней покойницей, наоборот, шёпотом, чтобы атаман, не дай боже, не услышал, почти в один

голос божились, что, мол, девка похожа, но не та, вроде, подменили её, поди, в пещерах, и что, может, она уже и не человек вовсе, а нежить какая-нибудь.

Макута ко всему прислушивался, прикидывал, сопоставлял, вспоминал свои встречи с «возвращенцами» — людьми пропавшими, заочно роднёй и односельчанами оплаканными, а потом вдруг возвратившимися. Тяжёлым на общение и нелюдимым был этот народ, да и среди людей он долго не уживался, опять куда-то пропадал, навсегда оставаясь в народной молве и детских страшилках. Поглядев на умаявшегося волнениями и бессонной ночью атамана, на безразличную к его сонным объятиям женщину, он кликнул Митрича и в сопровождении ещё двух разбойников отправился к водопаду. Оставшиеся в лагере занимались привычными делами: кашеварили, ставили навесы, ладили шалаши, оборудовали на кедрачах да скалах охранные гнёзда, затаскивая туда воду, провизию и патроны, судя по всему, обустраивались нешуточно и надолго.

— В какой-то кручине ты сегодня, кум? — сшибая нагайкой макушки попёршей в дурь конопли, осторожно начал Митрич. — Али и ты думаешь, что баба — навка?

— Навья она али нет, кто ж тебе скажет? Вот гляди же ты, срамной да похабной жила и, на тебе, воскресла! Живёхонькой ходит, холодными глазищами лупает. Мне Сар-мэна жалко, боязно даже за него, чует моё сердце, пропадёт мужик. Ну да ладно, его это дело, с какой бабой ночи коротать. Только вот что, — он резко обернулся к спутнику, притянул его ближе к себе и грозно прошептал, — день и ночь глаз с неё не спускать! Что-то проспите, не укараулите, головы лично сам пооткручиваю! Понял?

— Понял, кум, понял. Я сам первое время за ней погляжу. Мне даж интересно...

— Ты особо-то не заинтересовывайся, всегда мысль основную имей — непростой она человек, и откудова пришла, незнамо. Ты вот что, — расстёгивая ворот простой сатиновой рубашки, подпоясанной тонким кожаным ремешком с серебряными буддистскими подвесками, распорядился атаман, указывая на сопровождавших их разбойников, — передай своим абрекам, пущай один на ту сторону ручья перейдёт и станет у скалы, где водопад, а второй — с нашей, а мы с тобой вон с того камня под пелену водную и поднырнём. Ох, и давно я туда не забирался, почитай, с измальства.

— Так нешто мы там уместимся? — передав распоряжения и нагоняя Бея, спросил Митрич, — там, видать, только огольцу протиснуться и можно-то.

— Пошли, щас всё сам увидишь.

Действительно, пройдя бочком по камням в клубах водяной пыли и цветной многополосице радуг, они оказались в своеобразном, сумрачном, высоченном туннеле. Слева уходила вверх отвесная скала, справа, едва пропуская солнечный свет, летела вниз живая стена воды. Под ногами к противоположному берегу вела идеально ровная, скользкая от влаги и какой-то слизи каменная полка, на которой спокойно при желании могли разминуться два взрослых человека. Осторожно, чтобы не поскользнуться, разбойники, придерживаясь за скалу, пошли вперёд.

Макуту-Бея больше всего интересовала скала. Она выглядела какой-то неоднородной. Под ногами была почти идеально ровная, похоже, даже полированная поверхность. Хотя кто её здесь мог полировать? Если вода, тогда почему край, уходящий в бурлящую воду, не закатан, а остался острым, будто только что из каменоломни?

— Я тоже, хозяин, гляжу — больно уж всё аккуратно. Ровно каменотёсы хорошие прошлись. И главное, ни одного стыка не видать, — обогнув начальника, Митрич пошёл вперёд, — хотя есть, есть стык, Макута! Но каменюки так подогнаны, что и кромка ножа не влазит. Ежели не искать, в жисть не заметишь!

— Оставь ты в покое эту плиту, тут и коню понятно, что природа такого, при всём к ней уважении, сотворить не могла, ты вон на стену погляди!

Стена действительно представляла собой ещё более удивительную картину. Снизу и по сторонам, насколько хватало освещения, она была тёмно-серой и шершавой, как камни окрестных гор, а после примерно метровой материнской окаёмки наружу выходила однотонная голубая порода, идеально ровная и вогнутая к середине. Подобных камней ни в округе, да и вообще в их горах Макута никогда не видывал. Камень действительно был необычным и походил на какой-то мутно-небесный минерал, если отстраниться и глянуть на это голубое око как бы со стороны, то создавалось не только ощущение, что от него исходит ровный и спокойный свет, но ещё и казалось, что из его непроницаемой глубины на тебя кто-то внимательно смотрит.

— Да кум, много я с тобой всякой чертовщины нагляделся, но такое вижу впервой! — почему-то шёпотом произнёс Митрич. — Пойдём-ка отсюда, неуютно как-то.

Опасливо косясь на геологический парадокс, они торопливо зашагали к противоположному входу, стремясь побыстрее покинуть это действительно неуютное место. Вскорости пелена

водопада осталась позади, разбойники выбрались на небольшой горный выступ и, щурясь от нестерпимо яркого солнца, увидели на берегу, с которого к их ногам вёл неширокий верёвочный мостик, забавную картину: пожилого степенного бандита, посланного для подстраховки на эту сторону водопада, охаживала суковатой палкой сухонькая старушка в овчинной безрукавке, одетой поверх серого длинного платья. Мужик уворачивался, закрывая лицо и голову руками, отталкивал странницу, не давая ей пробиться к мосткам. Оба что-то кричали, но из-за шума воды ничего не было слышно. Митрич кошкой скользнул на берег и, перехватив бабкино орудие, прекратил потасовку. Следом, осторожно ступая по связанным верёвками жердям, спустился Макута.

Старушка опешила и, оставив оружие в руках телохранителя, попыталась с поразительной проворностью юркнуть за выступ скалы, но была остановлена своей недавней жертвой.

— И что это у вас тут за битва? Может, нашли чего да не поделили? — стараясь получше разглядеть лицо старухи, спросил атаман. — Вроде знаю тебя, а вот не припомню, чьей же ты, мать, будешь?

— А ты, небось, мой непутёвый сродник Макута, — сварливо произнесла бабка, выдирая из рук Митрича свою клюку. — Мало что бандитствуешь сызмальства, так ещё к нашей фамилии басурманский привесок присобачил, навроде поганого хвоста. «Бей» он, видишь ли.

— Тётка Ганна! Вот уж кого не чаял я на этом свете сустреть! Я грешным делом думал, тебя давно схоронили, а, гляди-ка, ты ще вполне живенькая старуха? — обрадовался атаман, пропуская мимо ушей колкости. — Все! — обратился он к разбойникам. — Слобóдны! Мы уж сами до бивака доберёмся. Вы там на счёт чаёв распорядитесь, как-никак старейшину Макутиного рода в гости веду. Тебе ж, тётка, уже за сто никак перевалило?

— Глянь ты на него, признал! Только хоронить ты мене, Вовка, рановато вздумал, вишь ли, настояща жисть токи опосля ста годов и начинается. А мне-то, чай, с позапрошлой луны уж как-никак стошóстый пойшёл, от так-то!

— Вот это да! А я ведь, бабуля, искал тебя, — обнимая родственницу, которая доводилась его покойному отцу тёткой, прочувствованно сказал Макута, — меня уже годов с тридцати никто Вовкой-то и не называл. В ту страшную зиму, когда правительство, почитай, всю Чулымию выжгло, я, как волк, метался по глухой тайге, а зима, сама знаш, это тебе не зелёнка, каждый след, кажда царапина на снегу супротив тебя кричат. И всё равно,

как про беду вашу прознал, людей отправил, да и сам вскорости к старой дедовской заимке прикочевал. Нелюдей тех, кто на вас беду навёл, мы наказали…

— Зло само себя наказыват! — перебила бабка сродника, — главно, чтобы, через кого наказанье идёт, сам злом не стал. Приставуче оно больно, зло-то! Про тебя много знаю, — старуха отстранилась и склонила свою, в таком же сером, как и платье, платке, голову слегка на бок, отчего сделалась похожей на старую мудрую волчицу, — где люди что шепнут, где сама узрю, много знаю, ой много, Вовка, много!

— Пойдём, тётя, покормлю хоть тебя, чаем побалую да покалякаем о том, о сём. Совета мне надо, а взять не у кого, я ведь тоже, почитай, один, как перст, остался. Из стариков никого уж нет, а у молодёжи какого совета запросить можно? Пойдём, не обижай.

— Нечто тебя, супостата, обидишь? — по-доброму проворчала старуха и, опершись на клюку, пристально глянула куда-то далеко за Макуту. Атаман инстинктивно обернулся, позади его зияла чёрная полость рукотворного тоннеля, образованного водой и скалой. В том, что это так и есть, он теперь почти не сомневался.

— Знаш, тётка, что там? — самой собой сорвалось с языка.

— Знаш — не знаш, тебе-то что? Место там святое, и лучше бы вам его не касаться. Вы тут поднюйте, поночуйте, да и аргашьте себе восвояси, почто зря в глуши-то торчать? Пошли уже, пои стару тётку чаем, а есть я не буду, высохла, яко лесина, соков совсем нету. Стар человек, он ровно суха палка, крепок да ломок.

Макуте показалось, что тётка, словно опытная лиса, пытается побыстрее отвести его подальше от этого места, как от своей норы. Ох, неспроста она здесь оказалась, да и неизвестно ещё, она ли это, ведь тогда, двадцать лет назад, ему определённо сказали, что всех на той заимке повыбили, а тела, чтобы не долбить могилы в мерзляке, бросили в Чёртову топь, которая из-за горячих ключей не застывала в самые лютые морозы. — «Вторая нежить за сутки, этого даже для меня многовато», — недоброй тенью метнулось в его голове.

Тётка не спеша, припадая на левую ногу, мирно ковыляла рядом, с виду человек как человек, только очень старый и действительно высушенный жизнью и горем. Хотя у нас издавна повелось, что жизнь и горе, если не одно и то же, то уж слишком часто эти заможные пани бродят по окрестным весям вместе, и никак им друг с дружкой не разминуться.

— А где же ты живёшь? — неожиданно резко прервал молчание Макута, боковым зрением разглядывая невесть откуда сва-

лившуюся родню. Он напрягал все силы, привлекал всю свою наблюдательность, чтобы хоть что-то прочесть на сером, морщинистом лице старухи.

— Да недалече отсюда, на Дальнем Караташе, может, знашь? — буднично назвав самое странное и жуткое место в округе, старуха даже глазом не повела.

Макута чуть было не споткнулся на ровном месте. Час от часу не легче! «Чёрная гора», «Шайтан-клык», «Чёртов палец», «Тот свет», «Заимка ворона» и ещё с десяток таких же сумрачных топонимов обозначали одно и то же место. Находилось оно в двух днях конного перехода, представляя собой угрюмую одинокую скалу на высокогорном плато, каменистую и начисто лишённую растительности внизу, с густо поросшей вершиной, к которой вела одна единственная тропа, более похожая на вырубленную в горе лестницу. Никто не видел человека, который бы отважился подняться туда без особой нужды, даже искатели дикоросов и старины к этой угюмости и близко не совались.

Бывают такие места, где не только путнику, но и неразумной скотине страшно становится. Ржанёт коняшка, застрижёт ушами, недобрым нальётся глаз, и тогда уж держи покрепче поводья, не то в мгновение ока очутишься на каменистой земле, и если повезёт быть не побитым копытами, то скакуна ты своего искать будешь долго, если вообще сыщешь.

К таким недобрым уголкам и относилась местность, названная тёткой. По преданиям на той горе жили ведьмы, и только самые отчаянные бабы отваживались подняться метров на триста по тропе и оставить на широком плоском камне свои подношения с записанной на бумажке просьбой о помощи. На третий день полагалось вернуться за ответом. Иногда и еда, и писулька так и оставались нетронутыми, но в большинстве случаев просителя ожидал ответ в виде бутылки с водой, узелка с солью, пучками каких-то странных кореньев и трав, баночки с вязким зельем или незатейливого, обычного на вид камешка. Самые смелые охотницы, а таких всегда бывало больше, чем мужиков, обуреваемые жаждой узнать своё или чьё-то будущее, а то и желавшие извести кого-то со свету и вовсе отваживались на полное безрассудство — оставались ночевать в просторной сухой пещере, что как раз располагалась метров на сорок выше стола для подношений. Идти на ночёвку полагалось голяком, в одном свободном, без всяких железных застёжек, специально сшитом для этого костяной иглой, балахоне. Зимой подобную одежду полагалось надевать в самой

пещере, где почти всегда тлел сооружённый справа от входа очаг. Ночью в пещеру спускалась одна из ведьм, но никто вам доподлинно не скажет: человек ли это, или какой-то дух в людском обличии, или просто обычный сон. Да и вообще, о визитах на «Чёртов палец» бывшие там смельчаки старались помалкивать, так что Макуте было отчего призадуматься.

— Тётка, так ты что ж, одна из насельниц той чёртовой горы? — после продолжительного молчания выдавил из себя атаман, продолжая украдкой коситься на родственницу.

— Много ты, гляжу, в чертях разбираешься! — обиженно возразила старуха, остановилась и, не мигая, уставившись на постаревшего племянника, потуже затянула узелок платка под подбородком. — Для вас, что не понятно, всё — чёрт! Вы ж только свой страх богом и почитаете. Чего боитесь, тому и молитесь! А вот в нашем дому отродясь никаких чертей не было, потому как мы угодны Богу. Только от ваших богов наш шибко отличается! Я тебе боле скажу, мот, ваши-то боги чертями-то и являются, и это вы — поганцы языческие, а мы — то как раз в истинной вере и пребываем. Так-то! — тётка замолкла и, довольная собой, зашагала дальше.

— Да погоди ты, старая, а то за тобой и не угонишься! Давай вот присядем, — смахивая несуществующие соринки с отполированного вешними паводками полутораобхватного бревна, предложил Макута. — Ты вот мне по-родственному разъясни кое-какие заковыки, меня последнее время гложащие. Ты же старейшая в нашем роде.

— Нешто это тебе, лихому атаману, бабьи мозги понадобились? — явно польщённая предложением, бочком присаживаясь, буркнула старожилка. — Хотя я и знаю, чего ты у меня выведывать начнёшь...

— Ты мне наперво, мать, ответь, с чего это ты в такенную даль к этому водопаду припёрлась, видать, ежели пешью, так дня три топала али и боле?

— Через горы напрямки, да по пещерным лазам оно и в день управиться можно. А что делала? Так вестимо что — за водой пришла, как раз последний бурдюк наполнять ишла, когда твой мордоворот мне путь-то застил. Сосудину в куст насилу успела сунуть, а всё остальное ты сам видел.

— Не далече ли за водицей ходить? Ежели, мне память не отшибло, у вас там с горы целый ручей скатывается. Студёный такой, ажник зубы ломить!

— Скатываться-то скатывается, а для нашего дела вода та не гожа. Похлёбку какую сварить, отвар запарить на ней, конечно,

можно, а настоящие леки из ней не выйдуть, и для прорицаниев она не гожа.

— А чем же эта вода от той отличается? Вода как вода, — помаленьку гнул к своему Бей. — Я и ту и другую пробовал и большой разницы не узрел. А здеся, — он махнул на шумящий справа водопад, — и вовсе всё детство пробарахтался, как поросёнок.

— С виду да на вкус всяка водица подобна, — с нотками учительства зазвучал ответ, — а вот незримо-то большое между ними различье, отчего сие, кто ж его знат, но така вода только в этом месте и боле нигде. Так что хош – не хош, а таскать в такую далечу приходится...

— А это не оттого, что тут вход в Шамбалу? — как ему казалось, абсолютно безразлично перебил атаман тётку.

— Может, и оттого, — в тон ему отозвалась тётка. — Только она вскорости вновь сокроется, сторона эта заповедна...

— Кто?

— Дыра живая, что в Беловодье ведёт. Недолго уже осталось, око и в правду туманиться зачало, прожилки пошли, скоро и совсем посереет, — грустно, как непреложный факт констатировала старушка. — Когда вновь отопрётся, одна Белуха и знает!

Малюта слушал, чуть ли не с открытым ртом. Слушал и ушам своим не верил.

— А отчего она вскрылась, эта дыра? И главное, когда это сталось?

— Открылась она давно, может, уже с год как. Да и не всякому она и открытой-то видиться даётся. Можешь рядом днями ходить и ничего не узришь. Тут боле на внутренний взор надо полагаться. Стары и знающи люди сказывают, что, может, раз в сто лет облегчаются входы в тайные лазы, и послы от Неведомых из них к нам извергаются и глядять, значить, как мир наш живёт: лучшей ли, хужей мы все сделались, приспело ли время открыться для ученичества нашего и просветления...

— А кто же это там в подземельях живёт и пошто от людей и света Божьего хоронится?

— То тайна велика, и никто её не знат. А пещоры оне что? Оне токмо входы, а лазы куда ведут, не ведомо. Никто там не был, а кто и был, до конца всё одно не добредал. Одно я те скажу — свет там и благодать, по себе знаю. Да что я с тобой сижу-то, — всплеснула руками старушка, — ровно балаболка кака! Пошли, чаем городским напоишь, да и восвояси мне надобно, — бабка прытко поднялась, но потом как будто что-то вспомнила, присела обратно. — Ты про чё меня спросить-то хотел?

— Да, почитай, ответила ты на мой вопрос, — задумчиво потирая небритый подбородок, отозвался атаман, — а когда она совсем затворится, знашь?

— По всему выходит, что в нонешнюю ночь, — перебирая пальцы, словно что-то подсчитывая, ответила тётка.

— Ну, коле ныне, то, пожалуй, они и не успеют, — больше для себя, чем для спутницы, произнёс Макута. — А вот скажи, коли входы исчезнут, можно ли их будет пробить силой?

— Ты чего это, голубь, замыслил? — с опаской глянув на сродника, насторожилась старуха.

— Ничего, мать, плохого, — и Бей подробно рассказал тётке всё, что знал о грозящей тайному миру опасности.

24

Всё произошло быстро и неожиданно. Они, как и в прошлый раз, самозабвенно целовались, упав в высокую траву. Земля кружилась в нестерпимом блеске солнца, жужжании пчёл и тяжёлом запахе раздавленных ими стеблей трав. Неясная и зовущая истома разлилась по беззащитному телу девушки, которое мелко дрожало от нетерпения. Что-то должно было с ней вот-вот произойти, и она не сопротивлялась его приходу. Реальный мир потерял свои очертания, Маша сильно зажмурилась, ей казалось, что она проваливается в какое-то сладостное беспамятство. Очнулась она от своего не то стона, не то крика, и каких-то совершенно необычных ощущений. Енох ещё продолжал глупо двигаться, громко дыша широко открытым ртом, только сейчас девушка почувствовала, какой он тяжёлый и сильный.

Потом они плескались в ручье и долго грелись на плоских, раскалённых, как сковородки, камнях. Ей не хотелось ни о чём думать, просто было хорошо. Она стала женщиной, и что-то новое, доселе неведомое родилось в ней, она ещё не понимала, что это, и с любопытством прислушивалась к своему новому состоянию. Рядом лежал мужчина, её мужчина, большой, сильный и какой-то весь лохматый, не человек даже, а некий пришелец с далёкой и не знакомой ей планеты. Машеньке до нестерпимости хотелось юркой ящеркой подползти к нему и бессовестно изучать, трогать, пробовать на вкус этот новый, невесть откуда свалившийся на неё мир. Однако стоило только на несколько сантиметров подвинуться в сторону Еноха, как дремлющие в них разнополярные магниты оживали с силой, равной

молодости и безрассудству, и вновь спрессовывали их тела в единое целое.

Поразительно, минула почти половина дня, и доброе, всё видящее солнце уже нехотя засобиралось на свой неведомый постой, а они ещё не произнесли ни слова. Шёпоты, вздохи, какие-то полудетские клятвы, отрывистые вскрики, бесконтрольный смех и длительные, как ныряние в океане, поцелуи заменили им человеческую речь, до дрожи не хотелось возвращаться к реальности, восстанавливать способность говорить и чётко мыслить.

Тело человека на то и отделено Господом от его духовной основы, чтобы не дать нашим диким порывам угробить его в одночасье. Коленки, локти, ягодицы у обоих были безжалостно сбиты и стёрты, вместе с красными пятнами, готовыми брызнуть капельками крови, расползались какие-то пятна, причудливо расцвеченные зеленью раздавленной травы и чем-то жёлтым, лепестки расплющенных высокогорных цветов походили на причудливые татуировки; на спинах были прочерчены неглубокие, длинные, тонкие порезы от вездесущих песчинок; губы набухли, противно ныли и готовы были в любое мгновение потрескаться; тело, уставшее от перенапряжения, постепенно набрякало свинцовой тяжестью, будто по нему пару раз хорошенько прошлись бамбуковыми палками.

Машенька представила себя со стороны и содрогнулась, неприглядную картину завершали спутанные и полные разного сора волосы, ни гребня, чтобы их расчесать, ни платка, чтобы прикрыть, у неё не было, а тут ещё Енох, довольный и сияющий, как тёткин воскресный самовар, напялив на себя штаны и рубаху, как ни в чём не бывало, принялся её расспрашивать о пещере и Эрмитадоре. Слёзы обиды и стыда подкатили сами собой. В голову полезли всякие недобрые мысли, неведомая доселе ревность чёрной кошкой вцепилась в сердце.

«Дура, что ты скажешь матери, а она ведь обязательно до всего дознается! Стыду-то, стыду будет! Во двор не покажешься, да что там далёкий материнский двор, когда надо возвращаться назад, в лагерь, где любой человек ей непременно скажет, а не скажет, то уж подумает обязательно: «Это та, что забыла всякий стыд. Хороша же доченька у Званской!» — да и поделом тебе будет».

Не обращая внимания на недовольного Еноха, который, верно, по-своему истолковал её молчание, Машенька незнакомой ей походкой пошла к ручью, разделась и, обжигаясь ледяной водой, принялась оттирать тонкими овальными поролоновыми вкладышами, вытащенными из лифчика, противную зелень с колен

и локтей. Опустившись в сумасшедше мчащуюся воду, которая так и стремилась утянуть её в свою бездну, девушка пыталась хоть как-то успокоить нагрузшие соски, остудить без меры разогретую кровь, а главное, вернуть способность трезво мыслить. Слёзы катились по мокрому лицу незаметно и очищающе. Она с остервенением тёрла кожу и полоскала волосы, освобождая их от травинок и мелких соцветий, и наконец, дождавшись того момента, когда холоднющая вода стала казаться тёплой, резко вынырнула из потока. На берег вышла уже не обиженная и испуганная девчонка, а мудрая в своём наиве женщина, которой ведомы взрослые тайны жизни и смерти.

— Не обижайся на меня, Ен, уж больно необычный выдался ныне день, — потрепав по шевелюре сидящего к ней спиной Еноха, примирительно произнесла Машенька. — У тебя случайно расчёски нет?

На радость расчёска у него оказалась. Тщательно расчесав свои соломенные волосы, которые на жарком солнце моментально высыхали и начинали слегка кудрявиться, подивившись своим недавним наивным обидам, девушка довольно буднично чмокнула своего избранника в ухо и присела рядом, слегка покачивая головой и любуясь тёплой игрой солнца в своих пышных и густых прядях.

— Я не помню ничего из того, что произошло с нами прошлой ночью в пещере. Когда ты меня туда бросил, привязав к трупу твоей бывшей любовницы...

— Ну что ты! — почему-то очень испуганно вскрикнул Енох, вскакивая с места. — Я тебя и не думал туда бросать! Ты сама, сама, словно безумная, настаивала на этом, а вязал тебя к баронессе и толкал Сар-мэн! Когда вы исчезли в камне, и покрывало обратилось в сталь, я чуть было с ума не сошёл! Как ты можешь меня упрекать! Да я тебя люблю, и с этого дня никуда не отпущу даже на мгновение!

Ей было странно слышать, как он оправдывается, и ещё она почувствовала, что слова эти звучали не совсем искренне. Машенька ещё не знала, что любое оправдание всегда замешано на трусости и лжи.

— Успокойся, милый, видишь, всё обошлось хорошо, — ей почему-то хотелось ещё добавить, что Сар-мэн толкая её в бездну, спасал свою любовь, а вот кого или что спасал ты, мой милый, помогая ему в этом, неизвестно; однако она промолчала и продолжила: — Мы упали во влажный серебряный туман, подсвеченный снизу, и свет этот казался абсолютно материальным, он не давал нам

камнем рухнуть вниз, мы медленно спускались, пока не попали во вращающуюся в разных направлениях световую воронку. Я улетела по часовой стрелке, а Эрми в обратную сторону… и всё...

— Как всё?! А что было в пещере, кто там есть? Видела ли ты того старика, про которого вы рассказывали с Дашкой? — с искренним интересом заглядывая ей прямо в глаза, выпалил Енох.

— Не было там никакой пещеры, ни стариков, ни девок, ни челнока, там был тёплый, добрый, яркий свет, тишина и покой, и всё. А потом я очнулась от холода на лугу у водопада. Испугалась и стала звать тебя.

— Глупышка! — обнимая готовую заплакать от жалости к себе девушку, произнёс Енох, целуя глаза возлюбленной. — Слава богу, всё позади! Пойдём в лагерь, а то нас там, я думаю, уже давно хватились и, наверное, ищут.

По дороге разговора не клеилось, и каждый молчал о чём-то своём.

А в это самое время, на камнях, уже согретых солнцем, у самой Бел-реки, которая только начинала свой могучий бег мелким широким ручьём, сидела Даша со своим женихом, они негромко разговаривали. Разговор вертелся вокруг лишь одной темы — будущей свадьбы. Про это важное событие знали уже все: и разбойники, и деревенские, да и сама барыня громогласно об этом объявила дворне, правда, предварительно оговорив обязательную Юнькину порку на конюшне. Но этакой мелочи особого значения старались не придавать, тем более, что совершать экзекуцию должен был старый приятель Прохора, ветеран Кавказских войн, престарелый инвалид Дон Петро де Анчоус, служивший когда-то в армии Арно Великого и добровольно сдавшегося нам в плен под пограничным городом Одинцово. Правда, сдача эта была вроде как и не совсем добровольной, а завязанной на некоей любовной интриге, с изменами и дуэлями, однако, сие происходило так давно, что и концов сегодня сыскать было уже невозможно.

— Главное, ты с Макуты-то барыш за трофею стребуй, — нежно поглаживая лежащую на её коленях голову будущего мужа, вкрадчиво внушала Дарья. — Кто ж его знат, коды ещё такой случай подвернётся. Да и с Сар-мэна-то — немного подумав, продолжила она, — тоже след какие-никакие таньги слупить за воскрешение этой городской лахудры. Через твою тряпицу-то всё это святотатство сотворилось. И как он с этой мертвячкой любиться-то далее будет, уму не приложу. Я как вспомню ее холоднющую, яко лёд, в той пещоре, так мураш по шкуре прямо снуёт! Б-р-р-р-р!

— Во-во, точно! С атаманом ты это верно придумала! Ну и голова! — вскакивая и крепко хлопая себя по коленкам, выпалил Юнька. — Голова, слов нет, я бы до энтого ни в жисть не додумался! Ай, молодца! — парень, от избытка обуявших его чувств, схватил лежащую рядом с ним длинную палку и стал, как ребёнок, колотить ею по воде. — Машину, японку я с него стребую, трёхлетку! — палка хлопала о воду, вздымая фонтаны брызг. Неожиданно её конец выдернул из воды, словно рыбину, какую-то тряпку, и та, пролетев над их головами, шлёпнулась позади.

Даша обернулась, подняла её и вскрикнула от неожиданности, в её руках был изорванный лифчик хозяйки.

— Машенька, барынька моя неразумная! Что он, изверг, с тобой сотворил? Стреляй, зови народ! Прибьёт меня Званская, ох, людцы, прибьёт, и поделом, поделом мне будет! И всё из-за тебя, ялдырь окоянный! Ну, чего ты на меня уставился? Пали! — тыкая в лицо опешившему Юню мокрой ажурностью, кричала испуганная служанка, пытаясь выдернуть у него из-за пояса обрез.

— Да погодь, ты! Охолони! — вырывая из рук любимой опознанный грудедержатель, утихомиривал её суженый. — Чего ты блажишь? Лиф-то цел, во, гляди, подкладки токи выдраны, так, мот, они там чего...

Договорить парню не дала смачно шлёпнувшая его по лицу женская упряжь.

— Всё одно пошли их шукать! Пока не узрю её своими очами, не утишится моё сердце, — уже значительно спокойнее произнесла Даша и, подобрав подол платья, перешла ручей вброд по мелководью и направилась вдоль будущей реки в сторону, куда после завтрака поволок в горы её хозяйку этот несносный Енох.

Парочку они заметили издали и успели от греха подальше шмыгнуть в кусты. Енох с Машей плелись довольные и утомлённые, словно пересосавшие маму телята.

— Кожаным ножиком он её что ли весь день терзал? — ехидно зашептал Даше в ухо Юнька, и тут же всё ещё мокрый лифчик очутился у него во рту в виде кляпа.

Хозяйка и её кавалер уже скрылись за выступом скалы, и Даша стала подниматься, чтобы выбраться на дорожку, как с той же стороны, откуда только что вышли влюблённые, прижимаясь к скале и обходя камни, мимо них проскользнул незнакомый человек в пятнистой военной одежде с оружием на изготовку. Девушка прижалась к земле и глянула в сторону своего спутника, но того рядом не было, на примятой траве лежал только брошенный Машенькин лифчик.

25

В отличие от детектива всякая настоящая авантюра не случается вдруг, а долго и медленно зреет, потом падает неожиданной грозой на головы своих родоначальников и, поразив их своими неожиданными масштабами, начинает кружить, вовлекая в свой уже бесконтрольный водоворот всё новых и новых людей, порой целые страны, а то и континенты.

Никто не мог и предположить, что негромкая операция отечественных спецслужб может обернуться подобным. Месяца полтора назад Эрмитадору Гопс вызвали в Кадастр Главной Бдительности и представили в кабинете самого Костоломского Эдмунди-Чекис-оглы. После двенадцатиминутного приветствия в комнате отдыха, довольный глава Всесибрусской опричнины уселся в своё неудобное деревянное кресло с высокой прямой спинкой, выполненной в виде гильотины, закурил длинную папироску и, попыхивая сизоватым дымком с весьма специфическим запахом, углубился в чтение лежащей перед ним на столе толстой книги, распахнутой как раз на середине.

Читать Эдмунди Чекисович, как и всякий высокопоставленный чиновник, не любил, не желал и ленился, однако модные книги дома и в кабинетах держал и даже смотрел кино, снятое по мотивам некоторых из них, так что при желании вполне мог составить некое суждение о написанном светилами мировой словесности. Суждения эти были, конечно же, ходульными, однобокими и до беспредела убогими, но кто об этом мог поведать главному людоеду страны? Вот так и выходило, что именно он и вещал основные культурные истины, которые с таким трепетом ждала подобострастная интеллигенция, чтобы в мгновение ока подхватить и растащить их в своих мягких лапках по тихим и сытым квартиркам и рабочим кабинетам. И там, в безопасной, как им казалось, тиши, улечься за свой письменный стол и потихоньку, смакуя, облизывать и обсасывать услышанное, распуская липкие слюни на свои собственные листки, газетки, программки, книжонки, шоу и прочие носители «абсолютной правды и справедливости». И всё это делалось непременно в угоду и во благо народа, который жаждал именно такой, а не какой-то иной правды, а правда, как известно, у нас живёт только в Кадастре Главной Бдительности. Так что чего не сделаешь во благо любимого и драгоценного народонаселения.

Чтение он имитировал минут двадцать, а сам наслаждался послевкусием знакомства, сдобренным забористым чуйским самосадом, и украдкой наблюдал за принявшейся уже скучать дамой.

«Эх, хороша Гопсиха, можно было бы, конечно, и в штат взять, да кобели мои соком изойдут и, как пить дать, перегрызутся, а уж она для этого расстарается, в доску расшибётся, но контору морально разложит по всем, что ни на есть, членам. Да потом и опасно её долго без адреналина держать, ещё спалит что-нибудь, дипкорпус развратит или взорвёт чего посерьёзнее. Это же надо, в прошлый раз у бронзовой статуи маршальского коня яйца заминировала, после взрыва пришлось жеребца перековать в кобылу, хорошо хоть маршал давно помер, а то бы чего доброго и бунт поднял. Нет, что ни говори, хорошо, что мы с этими маршалами да военноначальниками покончили, нет их — и тишина, и мир кругом, и никаких баталий. Война ведь только от военноначальников и исходит, никому другому и в голову не придёт впустую гробить такую пропасть народу. Мудрым всё-таки человеком был Преемник Третий, когда Генеральный штаб в генеральский преобразовал и министром обороны родственника премьерского поставил, ох мудрый!

Что же это я о делах государевых позадумывался? Баба молодая напротив сидит, скучает, а я о военных! Может, ещё раз пойти с Гопсихой поприветствоваться? — и покосившись на подопечную, отметил: — А губы-то у неё ничего, отменные губы, пусть потрудится, не отвалятся, чай!»

Повторное приветствие получилось каким-то затяжным, поэтому пришлось отсрочить запланированную коллегию, на которую прибыл народ из всех окуёмов Необъятной. Но дисциплина на то и дисциплина, а генералы на то и генералы, чтобы аудиенции к ним в приёмных часами, а то и днями ожидать. На то она и царёва служба. И вот, с горем пополам, доведя не совсем государственные целования до столь желанного ему конца, главный опричник так расчувствовался и размяк, что предложил рыжей бестии самой выбрать в сейфе пару госсекретов, годных для продажи на международном аукционе, не деньги же ей давать в самом деле. Но продувная и тёртая во всех отношениях девица предпочла секретам небольшую квоту на газ. А что делать, время нынче такое, всё на газу да нефтянке зиждется. Как оне у нас кончатся, так сейчас же конец света и наступит.

Чтобы сократить время на доведение нового задания до своего суперсекретного агента, было принято решение инструктаж провести прямо здесь, на разболтанном широком диване в комнате труда и отдыха.

— Агент Апостол! — как можно строже произнёс Эдмунди, — вам поручается задание государственной важности и стро-

жайшей секретности. Детка! — переходя на покровительственный тон, продолжил он, — тебе предстоит проникнуть в Шамбалу...

— Лучше уже сразу обратно к мамке в уютное место! — возмущённо перебила его Эрмитадора. — Шамбалу эту драную, как дурак писаную торбу, весь мир уже которое столетие ищет! А я, вот, пойди и внедрись! Нет, не надо было тебя второй раз приветствовать, может мозги бы соображали...

— Молчать! Я не посмотрю на нашу дружескую связь и быстро тебя урезоню! Что, давно не была на экскурсии в наших подвалах, я это прямо сейчас организовать могу, хочешь? Молчишь? Вот и правильно делаешь. Я её, можно сказать, как золотой запас, берегу! Не дёргаю понапрасну, на самое ответственное припасаю, а она тут выкобеливается! Молчи и слушай. Нашли мы эту Шамбалу! Да не таращи ты свои зенки, я те правду говорю! Вот смотри, у меня даже план есть, как туда попасть можно, — он извлёк из глубин дивана небольшую картонку, на которой был наклеен пожелтевший от времени и истлевший на сгибах кусок материи, испещрённый едва видимыми знаками.

Эрмитадора, как гончая, почуявшая зверя, моментально напряглась, забыв про обиды и препирательства, вытянула свою красивую шею и во все глаза уставилась на старинный план. Будучи прирождённой авантюристкой, она с раннего детства тянулась к подобным вещам: древние карты спрятанных сокровищ, подземные катакомбы исчезнувших религий и культов, оккультные организации, государственные перевороты и заговоры — всё это тянуло её к себе, словно магнит. Когда её сверстницы ещё играли в куклы, она уже в домашних условиях варила нитроклетчатку и взрывала мусорные ящики. Эдмунди и глазом не успел моргнуть, как картонка с планом оказалась в руках рыжеволосой, которая, обойдя диван со стороны окна, бесцеремонно подняла жалюзи и с нетерпением одержимой принялась изучать план.

— Это древняя штука, очень древняя, древнее, чем потеря чести моей прапрабабушкой! Где взяли? — и, увидев ставшее надуваться значимостью лицо главкома опричников, скорчила кислую мину, предостерегающе выставив вперёд изящную ладошку с длинными пальцами. — Только не вкручивай мне, что это твои барбосы нарыли! Кишка у них тонка! Ладно, давай задание, я согласна.

Гопс на всё соглашалась сама, если это имело привкус настоящей авантюры, так было с самого начала её работы во всесильном ордене «Пёсьих голов», суть которого она изучила настолько хорошо, что при случае могла использовать его силы в своих чисто шкурных целях, и, надо сказать, в этом она была не одинока.

А что здесь плохого, всяк пользует свою работу на своё личное благо, что токарь, что инженер, что чиновник, что тот же брат-опричник, неужто он хуже других?

Ещё будучи малолеткой, перед поступлением в Сорбонну Гопс подкатилась к Эдмунди, тогда средней руки опричному начальнику столицы, и тот набросился на её прелести, как кот на валериану. Встречи становились частыми, порой она сама себе удивлялась, откуда всё это в ней бралось, ведь не учил никто, не советовал, видать, врождённый талант, решила она и стала им пользоваться, словно домушник отмычкой. Однажды, пока хозяин кабинета преспокойно похрапывал, объевшись «скороспелой клубничкой», Эрми, дрожа от страха и возбуждения, спёрла у него ключи от сейфа и за час пересняла на микроплёнку все оперативные документы на членов некоего элитного писательского клуба, а писателей официальная пропаганда тогда долго и усиленно прочила в главные смутьяны Отечества. Но всё это на тот момент было абсолютной чепухой, и даже по корявым доносам сексотов и стукачей выходило совсем наоборот. Однако какая держава может жить и процветать без внутреннего, а потому и самого коварного врага? И вот на почётное место врагов были назначены стареющие писатели, книги которых уже давно не читали, а имена и вовсе позабылись. Но у кого надо память длинная, а посему о них было доложено на самый верх и принято соответствующее решение. Юная Эрми в то время крутила свою третью настоящую и безумную любовь с писательским предводителем, бывшим футболистом и маститым поэтом Тавром Пелопонесским. Спасая любимого, как ей казалось, от неминуемой лютой гибели, она и пошла на этот рискованный шаг. Фотографии документов ушли за бугор, грянул скандал, любимого никто трогать не решился.

Однако любовь, как и всё настоящее, прошла до обидного быстро. Отгремела канонада международной баталии, Объевра, а за ней и Великолепная семёрка за своих ставленников успокоились. В недрах трёхбуквенного ведомства прошли чистки, разборки и выяснение путей утечки секретов. Человек восемь самых лучших стукачей подвергли высшей мере либеральной защиты; многие в опричном ведомстве послетали со своих мест и были переведены в рядовые банкиры; Эдмунди из-за близости по линии жены к верхам не тронули, и даже поручили ему руководство грандиозной операцией по разгрому обширной шпионской сети, бессовестно окопавшейся под вывеской «Всеангликанского союза», якобы, ведавшего делами мира и образования. Каковы лицемеры! Однако праправнуков «железного дровосека

Феликса» на альбионской мякине не проведёшь! Союз был разогнан в самые кратчайчие сроки и без особого шума.

Вот здесь, со своими разочарованиями в сердечных делах и готовностью броситься в любую авантюру, вторично и вполне добровольно объявилась расцветающая Эмитадора Гопс, не то дочь, не то падчерица стареющего барона, а в далёком прошлом лидера молодёжного движения «Не чужие». Барон и теперь оставался неравнодушным к молодому поколению, и, наверное, поэтому содержал в своём огромном поместье приют для девочек-сирот. Как и чему там обучали бедняжек, доподлинно не известно, но некоторые из них за отдельные только барону ведомые заслуги одаривались его фамилией и титулом. Говорят, Эрми как раз и была из них.

Старое воскресает быстро. Бывшая малолетка не только повзрослела и превратилась в суперлюбовницу, но и оказалась прилежной ученицей по прямой профессиональной принадлежности набирающего сановную тяжесть опричника. Выпорхнув из-под изощрённого в своей иезуитской мудрости Эдмунди, она зажила запутанной, полной опасностей и подлости жизнью. Дело «Англиканского союза» было только началом её пути. Во время учёбы в лекторальной зоне Француз-ага, не без её участия разразился страшный скандал с разоблачением террористической организации «Голубые бригады», активисты которой требовали восстановления интимности однополой любви, отмены запрета гей-парадов и совмещения подобных шествий с праздником десантников или первомайских демонстраций. Потом был скандал с разбодяживанием нефти отработанными маслами и никуда не годным мазутом, потом не совсем приличные истории в арабском мире, после чего часть газовых промыслов отошла под контроль афроюсов, и их ястребам ничего не оставалось делать, как приступить к выводу ограниченного контингента своих войск с Ближнего Востока, а это оказалось ещё более тяжкой проблемой, чем ввод их туда. Армия настолько глубоко ушла в военные действия, что каждый солдат, не говоря уже об офицерах, обзавёлся своим персональным гаремом, давно принял ислам, вовсю торговал казённым имуществом и палёным бензином на многочисленных базарах бывшей Саддамовской империи. А в торговых делах у нас и сам чёрт ногу сломит, какая уж здесь война? Да и вообще в последнее время воевать стало совершенно не модным, ибо как ни воюй, себе же дороже выходит.

Кипела жизнь вокруг Эрмитадоры, а подозрения даже лёгкой тенью не скользили рядом с ее стройными ножками, служившими постаментом для не менее аппетитной попки. Вот такой на-

ходкой, а может, и бедой для страны сделалась эта набравшая силу молодая женщина.

— По твоим способностям это пустяшное задание, — оттаскивая от окна так и не удосужившуюся одеться агентшу, наставлял Костолоский, — до Чулыма мы тебя доставим на самолёте, там легализуешься. С нашими ни в какие контакты не вступаешь, ищешь повод, внедряешься в банду своего дружка по Сорбонне, а уже с его помощью до водопада рукой подать. Собой понапрасну не рискуй, второй такой, — умело польстил опытный вербовщик, — у страны нет, но до подхода военных ты должна в пещерах побывать, это очень важно. О том, что там, и с чем это едят, доложишь мне лично по спутнику. С чем ты там столкнёшься, я не знаю, не исключено, что тебя ожидает встреча с самой что ни на есть чертовщиной; и хотя тебе это не впервой, быть начеку надо. Главное, помни: агента губит, как правило, не чертовщина, а элементарный человеческий фактор во всём его непредсказуемом разгильдяйстве. Чёрта просчитать можно — человека никогда! Без твоего доклада военные ничего предпринимать не станут, хотя там этот дурак Воробейчиков сидит, а от него всякого ожидать можно, так что ты постарайся не затягивать с путешествием в бездну. Ты же у меня умница, — притягивая к себе принявшуюся одеваться Эрми, проворковал опричник, — нырнёшь, глянешь, оценишь и обратно. Делов-то! Только умоляю, без самодеятельности, тебя сейчас проведут в наш спецхран и ознакомят со всеми материалами на эту тему, надеюсь, это тебе поможет и убережёт от опрометчивых шагов. И гляди там у меня, перед Махатмами ноги не раздвигай, а то с тебя станется, я-то знаю!

Эмитадора помнила этот инструктаж до мельчайших подробностей, до пыли на подоконнике в комнате отдыха шефа, до запахов, звуков и даже своих на тот момент мыслей. Она помнила все свои дальнейшие действия, разговоры, ассоциации, помнила все три сеанса связи, последний был как раз перед тем дурацким выстрелом, который убил её. Смерти она испугаться не успела, просто солнце стало чёрным, а всё вокруг серым, мир лихорадочно закружился, образовывая гигантскую воронку, которая стремительно всосала её в себя. А потом погружение в пугающую своей бесконечностью пустоту. Свет пришёл неожиданно, она поначалу его даже не заметила. Жизнь вернулась в тело громким бульканьем крови в пустых сосудах и артериях, хриплым и в начале с перебоями стуком сердца; неприятнее всего далось восстановление дыхания, грудь разрывалась от нестерпимо распирающей боли, хотелось кричать, но звука не

было, а только сипящее дыхание и боль. Она постепенно приходила в себя. Ей казалось, что тело словно висит в каком-то желтоватом мареве, которое постепенно замедляет своё вращение и превращается в тёплый упругий свет. Было уютно и хорошо, казалось, что нет ни её самой, ни материального мира с его бедами и жестокостями, есть только невесомость и покой, вечный и безбрежный покой, из которого всё происходит и в который всё возвращается. Потом был чей-то взгляд, отстранённый и внимательный. Внутренне она содрогнулась и повернула к нему ещё незрячее лицо. Из белого клубящегося света на неё смотрели огромные серые глаза. Смотрели внимательно, не мигая, в них не было ни тепла, ни холода, ни любопытства, только внимание и непонятная, всеохватывающая сила. Сила, которая смогла сотворить невозможное, вернуть её в то состояние, что все мы привыкли называть жизнью. Долго ли это соприкосновение взглядами продолжалось, она не помнит, вдруг что-то словно щёлкнуло, и свет сделался не таким ярким, вращение прекратилось, и она стала опускаться. Вот и всё.

Очнулась Эрми на луговине у водопада. Глаза открылись с трудом и не сразу. Окружающий мир показался ей некрасивым и чужим, захотелось перестать дышать, чувствовать, видеть, побыстрее вернуться обратно, в блаженную лёгкость пустоты и ожидания пульсирующего света, однако, оказалось, что по своему желанию человек этого сделать не может, для этого он должен умереть.

А потом прибежали все, галдели, трясли её, тискали, щипали, заставляли пить, есть и, самое страшное, говорить. Говорить Эрмитадора упорно не хотела и боялась, голос был совсем не её, она его пугалась и слышала словно со стороны, ещё тяжелее было жевать и глотать пищу, поэтому чтобы не обидеть заботящегося о ней Сар-мэна, она соглашалась пить чай и какие-то невкусные отвары. Тело постепенно вспоминало привычные движения, позы, жесты, но вместе с тем внутри разрасталось что-то новое, ей доселе неведомое, и оттого пугающее. Женщина с удивлением отмечала в себе странные особенности, допустим, она не могла долго находиться на солнце, его тепло моментально обращалось в энергию, и тогда её распирала необыкновенная жажда деятельности, а мышцы наливались свинцовой тяжестью и не свойственной ей ранее силой. С её физическими возможностями творилось чёрт-те что. Как-то, возвращаясь в юрту атамана, она без особой надобности легонько пнула ногой здоровенный, с бычью голову, камень, а тот, словно волейбольный мяч, улетел далеко в сторону, благо, никого не зашиб. Потом, чтобы

себя проверить, Эрми рубанула тыльной стороной ладони по довольно толстой берёзе, и та, как подрубленная топором, рухнула к её ногам. Или, например, беря в ладонь камень, она остерегалась раздавить его в пыль. Открытия эти нисколько её не радовали, но и, как ни странно, оставляли абсолютно равнодушной, вроде, так и должно быть. Ещё одна странность поселилась в ней — привязанность к этому месту. Словно кто-то чужой ежеминутно напоминал ей о необходимости быть начеку, чувствовать тайную и невидимую жизнь окрестных гор, в которых было сокрыто что-то очень важное и недоступное для её понимания. Были такие моменты, когда ей казалось, что она — обычный камень, каких вокруг разбросаны тысячи, что она просто часть этих угрюмых и гордых утёсов, бесконечных распадков и осыпей, и что ей надо быть такой до определённого времени, до той поры, когда её сила и всё её естество понадобится для чего-то очень важного и ответственного. Эрмитадора с радостью понимала, что больше никуда она отсюда не уйдёт, а будет всегда здесь, и этот подлунный мир станет её вечностью, её всепоглощающей бездной, и ради этого она готова была терпеть ставших ей в одночасье неинтересными людей, наивных и глупых, не понимающих своего истинного предназначения. Сар-мэн раздражал её меньше всех, почему, она не понимала, а когда, выспавшись, он потащил её в свою походную юрту, принялся целовать, шептать какие-то глупости и от нетерпения рвать на ней одежду, она, не зная зачем, повиновалась ему, а потом так вошла во вкус, что несколько раз заставила удивлённого мужика повторить то, чего он так хотел от неё вначале.

— Ну, ты даёшь, Эрмик! — восхищённо прошептал вконец обессилевший атаман, засыпая сном молотобойца, вернувшегося вечером из кузницы.

Эрмитадора с удивлением отметила, что «это» осталось в ней таким же желанным, как и у той, прошлой, теперь уже далёкой и не всегда понятной ей Эрми. Удивительно, но близость с мужчиной, как и долгое пребывание на солнце, заряжало её новой энергией и требовало какой-то немедленной деятельности. Прикрыв одеялом наготу атамана, она оделась, вышла из юрты, бесцельно побродив по лагерю, набрела на дровосеку, обрадовалась, и, взяв в руки топор, принялась колоть дрова.

За этим занятием и застал её Макута-бей со своей спутницей. Бабка внимательно осмотрела странную девку, легко машущую тяжеленным колуном с неподъёмными даже для мужиков пих-

товыми кругляками, словно сухонькой хворостинкой, покачала головой в выцветшем платочке и засеменила прочь, что-то шепча себе под нос.

— Ну и чего, тётка, скажешь? — нагнал её Бей. — Взаправдашний она человек или нежить?

— Ихняя она, ихняя! Токмо не ведомо мне, в чём сгодиться ей назначено, однось я те скажу, мил человек, не перечь ты ей для своей же пользы. Ох, и недобро будет тому, кто супротив ейной воли затеет сотворить чего непутнего! А лучше бы вы, голубы мои сизые, ступали бы себе по домам, покедова живы и здоровы, нечя вам тут мозолиться. Коль оне её здеся поставили, то уж, видать, всё и сами знают, что да как. Так где ж твой хвалёный чай, племяш? — тётка задумалась, замедлила шаг, нагнулась, сорвала какую-то былинку, повертела её в руках, и обернувшись к Макуте, добавила: — А мот, ты и прав, для подстраховки и вам след тутать поторчать энту ночку, пока всё сокроется. Вестимо, бережёного бережёный бережёт. Всамделешно давай-ка чаю, да пойду я. Вишь, солнечко на насест мостится, мой путь-то не близок, а водица шибко там нужна…

— Не переживай, тётка, дам я тебе и человеков, и коня, всё в лучшем виде исполнят. А вот и достархан наш, — произнёс разбойник, заворачиая за небольшую скалу, где на широком горном уступе, нависающем над молодой речушкой, небольшой луговиной и тем самым странным водопадом мастеровитые горцы уже сварганили навес со столом и широкими лавками, покрытыми коврами. Во главе стола стояло большое атаманово кресло. — Ну, располагайся, старейшая моего рода, а я пойду Сар-мэна кликну.

— Да не дозовёшься ты его, атаман, — отозвался откуда-то сбоку Митрич, — дрыхнет он мертвецким сном. Народ сказыват, с этой рыжей натешился до полной отключки и уже с час как спит, а зазноба его, слышь, колуном беспрестанно махат.

— Да уж надивились, — расположившись на скамье напротив тётки и начисто проигнорировав кресло, кивнул Бей. — Митрич, ты бы это, с чаем распорядился, да пущай ведьмам от мене гостинцев соберут, глядишь, оно, мот, когда и сгодится. И ещё, подбери пару хлопцев, да чтоб посмышлёнее и понадёжнее, с тёткой пойдут. И пусть с десяток порожних бурдюков соберут, вон бабка им покажет, где и какой водицы набрать…

— Сама наберу, в энтом помочники без надобности, — перебила родственника довольная старуха.

26

Генерал-Наместник был весьма озадачен, ему только что изволили доложить престраннейшую новость — в подведомственный ему и напрочь позабытый Всёвидящем Оком Чулым только что приземлился вертолёт всесильного главаря опричников генералиссимуса Костоломского.

«Этого-то какие черти пригнали в наши края и, главное, в канун решающего этапа разработанной мной операции? Нет, неспроста этакая оказия!» — перебирал тысячи различных ответов генерал, шагая по периметру своей резиденции, в которую временно превратили жильё томящегося в плену Понт-Колотийского. Повинуясь ещё невесть когда заведённой традиции, Воробейчиков как кадровый вояка презирал людей пёсьего ведомства, без надобности не лез к ним в приятели, да и руку пожимать не спешил, считая это ниже своего офицерского достоинства. А тут на тебе, самого главного людоеда чёрт пригнал! — «Ох, и неспроста этот визит, а главное, ничего хорошего сулить он не может. Я что-то и не упомню, чтобы этот людожор далее, чем километра на полтора от трона отлучался, да ещё так надолго». — Наместник остановился у окна и принялся разглядывать неспешную жизнь сельского утра. В иные времена эта столь милая городскому сердцу идиллия привела бы подёрнутую чёрствостью генеральскую душу в некое подобие умиления, однако сегодня ленность природы и неспешнось в движении людей и скотины его раздражали. — «Вот из-за этого вечного непоспешания и проистекают наши извечные беды, в нём и сокрыты истоки нашего рабства и вечного господства над нами Костоломских и прочего сброда. И всё же, какого черта он сюда припёрся?— повернувшись к окну спиной, продолжил свои невесёлые думы Наместник. — Ну да ладно, появится, сам разъяснит. Однако встречать его я на крыльцо не выйду! Велика честь, пусть челядь лебезит».

Подойдя к двери, генерал громко рявкнул:

— Сатрапы! Живо организовать на веранде военсовет. Пять минут сроку! — и, довольный собой, принялся одевать полевой мундир с облегчёнными камуфляжными регалиями.

Ровно через обозначенное количество минут он торжественно вышел на веранду наместнического дома и поразился оперативности подчинённых. На стенах были развешаны какие-то схемы и наставления, невесть откуда взявшийся широченный стол преобразован в макетный ящик, отображающий ландшафт будущих батальных действий. Связисты завершали подсоединение полутора десятков различных телефонных аппаратов.

— Молодцы, молодцы! — принимая с серебряного блюда заиндевелую рюмку, произнёс генерал: — Соколы! Командиров полков ко мне! — и захрустев малосольным огурчиком, двинул к макетному ящику.

Обиженный явным невниманием Эдмунди Фелексович, клокотал праведным опричным гневом. Так уж было заведено в их ведомстве, что всякое непочитание любого, даже самого мелкого кадастровика приравнивалось к оскорблению самого государства, попранию его интересов и требовало соответствующей кары. А здесь его, самого всесильного и ужасного, на аэродроме, в который на скорую руку переоборудовали школьный стадион, встретили подчинённые и какой-то непонятный клоун-старик в допотопном мундире, запинающимся от страха голосом отрекомендовавшийся комендантом местной крепости. Хорошо хоть спесивая бестия Воробейчиков соизволил прислать свой автомобиль.

У штабного дома уже вовсю тарахтели движками три мощных радиостанции, у четвёртой, с параболлическими антеннами, матерясь, сновали военные.

«Он что в космос собрался кого-то посылать? — с удивлением оглядывая всё вокруг, подумал главный опричник, протирая круглые очки. Очки-велосипеды, как и козлоподобную бородку, значок члена Президиума Верховного совета, часы на правой руке, мешковатые костюмы отечественного кроя и многое другое он носил исключительно из пристрастия к преемственности: как бы не переименовывали грозное ведомство, считал Костоломский, как бы его не реформировали, но преемственность должна неукоснительно сохраняться, а иначе нельзя. Иначе конец — всё развалится, разбежится, и тогда моря крови, пролитые в родных подвалах, обратятся в леденящие душу кошмары. Только преемственность, которая сродни круговой поруке, может удержать карающий меч суверенной демократии в праведных руках и обеспечить державе единство, а народу повиновение и умение исправно работать на своё же благо.

Военные, увлечённые своими делами, не обращали внимания на худого и длинного человека в тёмном комбинезоне со зловещей аббревиатурой Кадастра, окружённого такой же, под стать ему, тёмной свитой. Костоломский, подавляя внутреннее негодование, не спеша поднимался по лестнице на веранду, уже забранную маскировочной сетью.

— Граждане свободы! — гаркнул над его головой Воробейчиков.

Опричник чуть было не споткнулся от неожиданной команды, которая заменила при Преемнике Четвёртом старорежимное «смирно!»

Всё вокруг замерло и остолбенело, даже бабы, стирающие вдалеке камуфляжные подштанники, замерли, собаки перестали брехать, а дизеля связистов затарахтели почтительнее и тише.

— Ваша Незыблемость! Член действительного тайного совета Августейшего Демократа! Вверенные мне войска готовятся к проведению секретной операции во исполнение высочайшего вердикта…

— Здравствуйте, здравствуйте, любезный Ураза! Очень рад вас видеть! — протягивая руку генералу, произнёс опричник. Генерал как бы по рассеянности (а что ты с контуженного спросишь?) проигнорировал рукопожатие, лихо отдал честь и хозяйским жестом пригласил высокого гостя в чертоги военной тайны. Вот какая уж тайна может быть в деревне? А глядь, Глафира, вроде как беззаботно дожидающаяся Тихона, быстро подозвала к себе дворовую девку, пошептала ей чего-то на ухо, сунула в руку записку и отправила хозяйке очередное сообщение об изменившейся в крепости обстановке. И таких посыльных в разные концы отправилось немало.

— Главной своей задачей, — вертя в руках длинную алюминиевую указку, принялся докладывать оперативный замысел Воробейчиков, — я считаю должным образом организованную охрану и оборону, определённого Августейшим объекта. Объекту для скрытого обозначения мною присвоено кодовое название «Шашня». На ближних подходах к «Шашне» сейчас активно ведётся агентурная разведка. Не позднее завтрашнего дня будет предпринято полное окружение, как самого объекта, так и подступов к нему. Для сего мною планируется задействовать: орудий артиллерийских — семьдесят четыре, восемь самоходных реактивных комплексов, пулемётов — сто шестнадцать, живой силы смешанного состава — до трёх с половиной тысяч, боевой аборигенной конницы — сто двадцать всадников…

— А не могли бы мы с вами куда-нибудь уединиться, любезный господин Наместник, — как бы пропуская мимо ушей доклад, мстя за отвергнутое рукопожатие, холодно произнёс опричник и, не дожидаясь ответа, направился к единственной ведущей в избу двери.

Воробейчиков, зло глянув на подчинённых, засеменил следом.

В сенях царил всегдашний деревенский полумрак. Костомский на минуту замешкался, давая привыкнуть глазам к скудности освещения.

— Позвольте на правах хозяина проводить Вашу Незыблемость, во внутренние апартаменты, — тесня в нешироком коридоре высокого гостя, произнёс генерал и толкнул вторую справа дверь, за которой располагалась самая приличная комната во всей крепости — старая библиотека.

Книги были повсюду, высокие, до потолка застеклённые книжные шкафы с любопытством уставились на вошедших, недоумевая, зачем в сие хранилище мудрости пожаловали эти явно не читающего вида господа. У окна стоял широкий стол с керосиновой лампой под железным крышеобразным абажуром, старинное, с резной спинкой и подлокотниками, кресло. Слева, у дальней стены, примостился под книжными стеллажами невысокий кожаный диван с круглыми мягкими валиками и аккуратный, явно недавней работы, книжный столик.

— Вот здесь нам никто не помешает, будьте добры, располагайтесь, где душе заблагорассудится, — обретая было утерянную инициативу, пригласил Наместник.

Однако гость не спешил последовать предложению и принялся с любопытством разглядывать книги.

— Боже ты мой, — распахнув скрипучую створку и беря наугад первую попавшуюся книгу, удивился опричник, — да здесь же сплошняком крамола! Та-а-к, А. Лебедь «За державу обидно!» — он сунул книгу обратно и, сцепив руки за спиной, словно боясь запачкаться, принялся пристально вчитываться в название сбежавших в далёкий Чулым книжек. — «История государства Российского» Карамзина, Словарь Брокгауза и Эфрона, а далее и того хуже: Вернадский, Солженицын, Белов, Распутин, Вознесенский, Мориц, Киплинг, Бёлль, Шекспир, Булгаков! Ужас, ужас! — казалось, ещё немного и он лишится сознания. Здесь, в этой небольшой комнатёнке была спрессована вся мировая нечисть, которую уже, пожалуй, не один десяток лет калёным железом выжигают на всей планете, а особенно в нашем непреклонно демократичном отечестве.

— И кто, интересно, это всё собирал? Генерал! Вы что охренели? Да вы вообще соображаете, что делаете? Это же форменная измена Родине! У вас в окуёме в целости и сохранности хранятся самые опасные для свободомыслия предметы, а вы здесь прохлаждаетесь, пьянствуете, девок по баням щемите! Да я вас! — опричник резко крутанулся на каблуках к стоявшему позади генералу и моментально обмяк, на него в упор глядел недобрым чёрным зрачком ствол старого и верного кольта.

— Давай вот что, морда жандармская, прикуси свой язык, это во-первых; во-вторых — перед тобой боевой генерал, вот я

тебя пристрелю сейчас, как последнюю суку, и спишу на естественную убыль; в-третьих — русский офицер ни хрена, окромя уставов, наставлений и порнухи не читал, не читает и читать отродясь не будет; и наконец, в-четвёртых, марать руки сжиганием книг, как и мирных жителей, я не обучен. Хочешь, сам поджигай, я вижу, там на столе спички лежат, давай действуй, а я пойду пока операцию готовить, старшим в этом деле меня, а не тебя, Августейший назначил. Пали, только знай, дверцу я подопру, а к окну мужиков с рогатинами приставлю.

— Погоди, вояка! — севшим от испуга голосом, выдавил из себя полинявший глава опричников. — Преемник принял другое решение и назначил меня ответственным за исполнение этого щекотливого задания, вы, генерал, поступаете в моё полное распоряжение. Да опусти ты пистолет наконец! Он же у тебя, небось, заряженный?

Генерал сунул пистолет в кобуру.

— А письменный приказик можно полюбопытствовать?

— Вот, — с облегчением опускаясь на диван, произнёс опричник, достав из небольшой полевой сумки продолговатый конверт и расстёгивая ставшими влажными пальцами тугую пуговицу ворота.

— Так, ясно, — сухо отчеканил генерал, — я начальник, ты дурак, ты начальник, я дурак! Так какие будут указания?

В другое время Эдмунд Чекисович не преминул бы поизмываться над старым служакой, да что там поизмываться, уделанного вояку вмиг бы упекли в Лубяные подвалы и никакие прежние заслуги не спасли бы его от дыбы, но сейчас было не до того.

— Вы со своим потешным войском в принципе продолжаете заниматься тем же, окружаете и берёте под охрану вход в тайное убежище подземных сил. Мне кажется, вы упомянули об аборигенной коннице?

— Да, таковая имеется, — поникшим голосом ответил эксглавком, — до полутора сотен хороших рубак, но в обороне они малоэффективны…

— Отберите из них человек тридцать узкоглазой наружности, переоденьте в китайскую военную форму и оставьте где-нибудь в резерве. Когда я вам подам сигнал, направьте их на свои позиции, якобы, для проверки бдительности, лежащим же в оцеплении пулеметчикам отдайте приказ в случае появления ханьцев открывать огонь на поражение. После расстрела мнимых врагов снимайте войска и стягивайте их как можно ближе к водопаду, под который замаскирован вход в эту, как там у вас…?

— «Шашню»!

— Вот-вот к ней, родимой, и подтягивайтесь. Это, можно сказать, кульминацией всей войны и будет. Надеюсь, вы со своим богатым фронтовым опытом, уяснили главную задачу?

— В принципе да, но…

— С этого момента никаких «но», или вы, генерал, со всем этим дерьмом, — опричник обвёл рукой вокруг себя, — до конца своих дней не увидите света божьего, а в казематах будет предостаточно времени, чтобы научиться читать не только военную, но и литературу более эротического склада. А теперь идите, я отдохну с дороги, если у вас не будет возражений, — потягиваясь, съехидничал глава Кадастра. — Да, генерал, небольшое уточнение: узкоглазые должны беспрепятственно пройти почти до самого водопада, ну и в метрах ста от него напороться на ваши пулемёты. Пулемётную команду тоже подберите с умыслом, чтобы с обеих сторон не было знакомцев, а ещё лучше, чтобы наши бойцы люто ненавидели китаёз. Вам понятно?

— Понятно, только ведь солдат жалко. Свои своих… можно сказать…

— Можно сказать. А можно и промолчать, да и вообще об этой затее следует крепко молчать и вам, и вашим подчинённым, коих вы к исполнению привлечёте, — безразличным тоном перебил его опричник, громко зевая. — Если я через час не проснусь, пришлите кого-нибудь разбудить.

Не успела за явно ошарашенным генералом затвориться дверь, а московский гость в обуявшей его дрёме ещё мучился вопросом, снимать или не снимать тяжёлые и непривычные для него армейские ботинки, как в библиотеку осторожно вошёл встречавший Эдмунди на аэродроме старик с подушкой и тонким верблюжьим одеялом. Сапоги, чтобы не стучать каблуками, он снял ещё в коридоре, мягко ступая в высоких вязаных носках, подошёл к дивану, приподнял сановную голову и уложил её на прохладную и пахнущую чистотой подушку. Быстро и ловко стащив с гостя ботинки, он укутал ноги одеялом и беззвучной тенью выскользнул вон. Некое чувство благодарности и восхищения за свой народ колыхнулось в засыпающем мозгу чиновника, хотя ни он, ни его предки к этому народу не имели никакого касательства и смотрели на него исключительно с потребительской точки зрения.

И приснился опричнику сон.

Входит он в знакомый до оскомины трибунал и направляется к своему законному месту экзекутора, а его останавливает странно-

го вида страж, какой-то весь плоский и благообразный, и без всяких объяснений заталкивает его в клетку для подсудимых. Не успел Эдмунди Чекисович и опомниться, как за ним лязгнула решётчатая дверь, и сухо, как выстрел, щёлкнул запирающийся замок.

Подковообразный торжественный зал Всенародного Трибунала с этой скамьи выглядел совсем иначе, чем с его привычного кресла. Всё было более приземисто, тускло, убого и отдалённо напоминало хлев, даже золочёная вершина демократии, судейский стол, и тот смахивал на разбухший гроб. Но более всего жандарма поразила публика, собравшаяся в зале. Здесь не было ни блещущих погонами и аксельбантами военных френчев, ни шитых золотыми позументами статс-мундиров, ни кринолинов падких до страшных приговоров придворных дам, на жёстких и неудобных дубовых стульях сидели книги. Сотни, а может, и тысячи разномастных, худых и толстых, старых и ещё блещущих молодым глянцем томов. Они были молчаливы и суровы, на титулах неявно проступали такие же неприступные лица их авторов. В зале царила непривычная для зрелищного места тишина.

— Встать, суд идёт! — возвестил судебный пристав.

За судейский стол бочком протиснулось три объёмистых тома в тёмных мантиях с ажурными воротниками и манжетами. Когда судьи повернулись к залу и заняли свои места под высокими спинками кресел слепой Фемиды, Костоломский похолодел: от этих ждать снисхождения и поблажек было бестолку. Председательствующую книгу он узнал сразу, это был «Архипелаг ГУЛАГ», справа от него прилежно листал толстющее дело увесистый том «Идиота», а вот левого судью он никак не мог припомнить, хотя и с этой книгой явно где-то сталкивался.

— Вот эти бородатые, скорее всего, Маркс с Энгельсом, а бритый — Плеханов, — почти в затылок опричнику прошептал знакомый голос.

— Да бросьте вы, с бородами — Леонардо да Винчи и Лев Толстой, а безбородый — Шикпирь… — и этот голос, возразивший первому, был ему знаком.

— Шаксьпирь — это комедиант из Литвы, — значимо поправил кто-то знакомым до боли шепотком.

Эдмунди не выдержал и обернулся, клетка была битком набита разномастным народом. Многих он знал и только вчера с ними расстался, другие лично были не знакомы, но узнаваемы по картинкам, историческим хроникам и документам спецхрана. Здесь сидели, дожидаясь своей участи, почти все Преемники

со своей дворней; какие-то замшелые цари и диктаторы, поэты-песенники, озадаченные детективщики и авторицы любовных романов и ещё кто-то, безликий и едва уловимый.

— Процесс «Русская литература против власти» объявляю открытым. Стук молотка больно ударил по барабанным перепонкам.

Прокурором выступал и вовсе никому не известный толстенный том. Насельники клетки и так и сяк выворачивали шеи, чтобы умудриться прочитать золочёную надпись на потёртом корешке книги.

— Пу-шкин, — шептал по слогам Владисур, просунув узкое лицо меж железных прутьев.

— Артиллерист какой-то, — попытался угадать господин из слабо знакомых.

— Да не, там впереди перед этими «пушками» ещё слово «ас» написано — втаскивая голову обратно в клетку, произнёс бывший главный советчик.

— Артеллерист и лётчик? Разве такое бывает? — разнервничался Преемник Третий, — а где у нас министры обороны?

Все шесть министров оказались в наличии. Они, пользуясь всеобщим замешательством, уже успели отнять у министров культуры их скамейку, поставили её между двумя своими, насажали себе на колени рублёвских и провинциальных писательниц повульгарнее и самозабвенно резались в «переводного дурака». Ординарцы замерли с бутылками и презервативами наизготовку.

— Да вас бы за такое наплевательское отношение к делу народа следовало бы поставить к стенке, — сокрушённо покачивая головой, произнёс Сталин и, пыхнув трубкой, добавил, — вон после меня всё чисто, ни министров, ни культуры, зато какая литература осталась!

— Ты нас, усатый, стенкой не пугай, мы под ней по должности своей ходим, — смачно хлестанул картой о скамью министр Преемника номер пять, — а семёрочку трефовую не изволите ли, господа?

— А мы к ней червовою-с и в перевод, — отозвался главный воинский начальник переходного периода времён Преемника Первого и Второго, коммерческого вида мужчина с плутовскими глазами. — Мы-с только под мебельной стенкой изволили ходить, других, простите великодушно, и не видывали-с.

— Артиллерист тоже может быть асом, — загребая карты, высказался министр Третьего Преемника, — это значит, что классный стрелок, одним словом, бог войны!

— Да Пушкин это! — визгливо выкрикнул боровоподобный чиновник со смешной фамилией, ведающий деньгами кино, оби-

рающий нищие библиотеки и клубы, а состояние своё миллиардное сколотивший на спекуляциях музейными ценностями и продажей народного достояния в частные закордонные коллекции.

— Да-да, непременно это Алексей Самуилович, наш демоградский поэт и уроженец, — угодливо поддакнул Шустрику его подельник по музейному бизнесу Пишипропаловский, слегка кособокий мужик с вечным шарфом вокруг шеи, который, как говорят знающие люди, он отказывается снимать даже в парилке.

— Александр Сергеевич! — захотелось с возмущением поправить музейщика, но осторожный Костоломский промолчал и принялся запоминать всё, что говорят окружающие, так на всякий случай.

А тем временем родоначальник российской словесности бойко читал обвинительное заключение. Но обитателям клетки было не до него. Преемники, хоть и серенькие все как на подбор, невеличкие, а тусьню меж собой затеяли приличную. Однако справедливости ради следует оговориться, что родоначальником всяких препирательств, как всегда был строптивец Горби. Сегодня его уже никто толком и не помнит, разве что в глянцевых журналах изредка мелькнёт старая реклама модных сумок или пиццы, с которыми, как дурень с писаной торбой, носился бывший генеральный секретарь всевеличайшей партии. Большинству народа так и неведомо, кем когда-то был этот древний старикан, но нынешнюю свару затеял именно он:

— А вот Макса Раисовна такого бы не потерпела, чтобы отца-основателя, почётного масона шестой гильдии — и в клетку...

— Ну, ты, понимаешь, заткнулся бы! — взревел сидящий рядом и, как всегда, немножко под шофе Бен. — Я вам, россияне, блин...

— Эй, дядя, — слегка похлопал его по плечу Преемник Первый, — нету уже никаких россиян, они ещё при мне стали рассасываться, так что чтить диалектику надо, наука такая когда-то была...

— Тоже мне, диалектик хренов выискался, да кабы я, блин, только представить мог, что ты такие фортеля выкидывать начнёшь, своими собственными руками удавил бы, паскуду! — матёрая глыбища единственного всенародно избранного властителя устрашающе нависла реальной опасностью над сдрейфившим воспреемником.

И здесь такое сотворилось, что, не будь клетки, собранные там особи перегрызли бы добрых полсвета. И судьи, и прокурор, и чинные адвокаты, и весь зал замолчали и с недоумением уставились на стенающую, колотящую и грызущую саму себя братию.

— Хорошо хоть читатели их не видят в таком виде — произнёс со вздохом третий бритый судья, и опричник узнал его — это была «Долгая дорога домой» Василя Быкова…

— Ваша незыблемость, ваша незыблемость!

Костоломский, как механическая сова, широко распахнул глаза. Он так привык просыпаться, но дурацкий сон всё никак не хотел отступать, его опять со всех сторон окружали книги.

— Да это же, чёрт бы её побрал, библиотека! — окончательно обретая реальность, чертыхнулся про себя опричник и только сейчас заметил стоящего подле дивана старика-коменданта со старинным медным кувшином и чистым полотенцем.

— Пойдёмте, батюшка-барин, умываться, а там уже и к Генерал-Наместнику на обед ладиться пора.

— Ладиться, говоришь, ну-ну. Послушай старик, а откуда у вас эта библиотека? — видя недоумение на лице вояки от незнакомого слова, Эдмунди указал рукой на окружавшие их книжные шкафы.

— А эфто! — обрадовался Тихон, отворяя дверь в сени, — так книжицы сии испокон веку за нашей фортификацией числятся. Я вона последнее время за ними доглядаю, дабы кто по безграмотности своей на самокрутки не попёр. Они-то, книжищи энти, державный, выходит, атрибут и штемпеля имеют гербовые. А многие книги, так оне ссыльные, авторы-то поперемёрли, а книги, вишь, остались.

27

Даша глянула на дорогу и обомлела. Следом за невесть откуда взявшимся военным с огромной суковатой палкой в руках крался её Юнька. Не успела девушка испугаться, как эта дубина ухнула на голову незнакомца и тот, громко ойкнув, грохнулся со всего роста лицом о каменистую тропу.

Дашка опрометью выскочила со своего убежища и бросилась к суженому, готовая быть подмогой в этом опасном и непривычным для неё деле. Однако помощи особой не понадобилось. Юнь, и откуда только сноровка взялась, уже проворно связывал руки и ноги бесчувственного человека своим ремнём от портков. Видно, заслышав странные звуки, из-за поворота к ним спешили Енох и Машенька.

— Енох Минович! — командовал Юнь. — Мы берём этого борова и ходу вниз, неровен час, за ним ещё хтось притопать могёт. Ты, Дашка, возьми и какой тряпкой его кровень с тропы

сотри, да пылью присыпь, а вы, барышня, берите евонный наган, да глядите, ни на что не тискайте, он, видать, заряженый.

Всё произошло довольно быстро. Пленник ещё не успел и очухаться, как его приволокли к атаману. Юньку лихой народ поздравлял и по-доброму подначивал, дескать, понаслало правительство топтунов и соглядаев, что честному бандиту и в лес сходить с милахой нельзя, так и ягода переспеть может. Даша, довольно посмеивалась, украдкой косясь на барыньку, подбирая подходящий момент, чтобы незаметно уволочь ту в укромное место и переодеть, пока особо глазастые бандитки не разглядели её вид. «Ну и гад же этот Енох, уж не мог до приличного места, ну хотя бы с кроватью, дотерпеть...»

Улучив минуту, когда все сгрудились вокруг стола, она потянула невеселую хозяйку в их с Юнькой будан.

Ничего не говоря, только молча вздыхая и иногда всхлипывая, девушки присели на бревно перед входом в новый шалаш. Щемящее чувство какой-то безвозвратной потери объединяло их в эти минуты. Вековая солидарность, эта их общая принадлежность к горькому бабьему миру пудовой тяжестью навалилась на их хрупкие, ещё по-детски угловатые плечики, было грустно, что вот и ещё одна юная душа преступила трепетную черту и бросилась в вожделенную бездну, и никому не дано знать, что она в себе таит для каждой из упавших в неё затерянных песчинок на дне великого океана обыденности.

Потом Даша, с опаской озираясь по сторонам, затащила всё ещё всхлипывающую барышню внутрь шалаша. Быстро раздела свою госпожу, покудахтала, поохала, повсплескивала руками, при этом аккуратно смазывая всё посбитое и поцарапанное прохладным и приятно пахнувшим маслом. Потом извлекла из большого тюка Машенькины юбки и кофты, которые прошлой ночью передала старая барыня, помогла ей обрядиться, причесаться и, оставив отдыхать, сама помчалась к народу, уже переместившемуся из-под тесного навеса к старому разлапистому дубу у речной луговины.

Макута-бей сидел на покрытом овчиной чурбане, справа на нижнем суке дуба уже болталась большая петля, справа, облокотясь на длинную рукоять допотопной секиры, истуканом торчал угрюмый бандит с густой, до самых глаз, бородой, не то палач, не то страж. Перед атаманом, склонив перевязанную голову, стоял пленник, публика разместилась плотным полукругом позади него в самых живописных позах и внимательно слушала, при

этом время от времени люди цикали друг на друга, отчего в толпе постоянно бродил лёгкий шепоток, мешаюший слушать и постоянно отвлекающий.

Допрашиваемый не препирался и отвечал на все вопросы с понурым безразличием. Чувствовалось, что городскому вполне хватило одного Юнькиного полена.

— Нас спешно перебросили сюда из Москвы...

— Откуда? — переспросил его Макута.

— Из Подмосковья, неделю тому назад, и дали задание сверить карты с местностью, определить, все ли дороги на месте, не поменялись ли русла ручьёв и рек, где остались старые мосты, а где появились новые. Мы спокойно работали группами по два человека, пока не пришли вы...

— Так мы отсюда никуды и не девались ужо годов с десять, — перебил его Сар-Мэн. — Ты это, нам баки-то не забивай, геодезист хренов, чё, окромя дорог, вынюхивали?

— Фиксировали ваши передвижения и сообщали координаты командованию...

— Макута, давай его повесим, всё равно кота за хвост тянет, чё с ним чикаться, он — пешка, шестёрка поганая! — явно беря на испуг, строил из себя отпетого негодяя Сар-мэн.

— Вишь, мил человек, — погладив усы, вкрадчиво начал атаман, — предлагают тебя головой в ворота сунуть. Ты глянь, глянь, голуба, петелька, она по форме вроде тех ворот, откеле весь народ, токи наоборот. Вот такие шанешки с котятками выходят. Ты вот поведай нам, а большое ли войско на нас идёть?

— О количестве сказать точно не могу, но мне кажется, что дня через два солдат и техники здесь будет хоть отбавляй.

— Да какие там вояки! Слухай ты его больше, атаман, чё старичьё, с деревень согнанное, воевать-то будет? — перебил пленного Сар-мэн. — Давай его вешать, неча зазря время тянуть.

— Вешать так вешать, — безразлично согласился Макута и встал со своего кресла. — Вы тут особливо долго не толчитесь, — обратился он к народу, — сами слыхали, что сила на нас неимоверная переть собирается, так что на чужую смерть поглазейте да идите к своей готовиться. Огней не разводить, самогон не пить, кого ущущу, голову Сар-мэну отдам. Одна надея на горство наше, да на Мать-Белуху… — и главарь, слегка прихрамывая, подался прочь.

— Атаман, атаман! — пытаясь вывернуться из цепких рук бандитов, что есть мочи завопил пленник: — Атаман, мне надо сказать вам что-то очень важное!

Макута в окружении своих приближённых, продолжал не спеша удаляться, на шею извивающегося лазутчика уже накинули петлю и подыскивали подходящий чурбан, который было бы удобнее вышибить из-под его ног.

— Бей, мот, послушаешь придурка, глядишь, чё дельное и сказанёт? — наклонившись к уху атамана, негромко предложил Сар-Мэн.

— Успею. Чем плотнее петля на глотке, тем правдивее из неё речи выходят, — почти не шевеля губами ответил атаман. — В смерти, как и в любви, поспешать не надобно. Однако ты пошли, на всяк случай, толкового рубаку, чтобы верёвку вовремя рубануть успел.

Недолгие приготовления к казни закончились. Пленник со связанными руками и ногами был уже водружён на шаткий от неровности каменистой земли толстый чурбан и с петлёй на шее старался из всех сил держать равновесие на этой последней в своей жизни тверди. Кто знает, какие мысли и чувства колотились в его мозгу в эти предсмертные минуты. Крик ужаса и мольбы уже не пролезал сквозь обхваченную зловонной верёвкой глотку, глаза несчастного уставились куда-то вверх, словно он пытался рассмотреть в этой бездонной и равнодушной высоте место своего будущего пристанища.

— Мот, раздеть его, а то опосля тяжко будет с мертвяка одёжу сымать, а она, однако, вишь, кака справна, — предложил худощавый разбойник с рваным шрамом через всё лицо, оценивающе ощупывая комбинезон обречённого.

— Побойси Бога, живодёр! — возразил чернобородый бандит, оценивающе пробуя на разрыв свободный конец перекинутой через сук верёвки. — Да и Макута сего ох как не любит, ты вона держи крепче бечеву, да пособников кликни, а то, неровен час, выпустишь её, али эфтот тебе тяжельче окажется и всё — другим-то разом перевешивать никак нельзя. Эй, братки, пособите Кособокому веревку-то удержать!

Охотники нашлись быстро.

— Ну что, раб Божий, готов ты али нет к своей кончине? — заходя сбоку и задирая голову, спросил бородатый. — Ты не бойсь, верёвка в самый раз: и не тонка, и не товста, боли и не успеешь познать. Токмо хрусь и всё. Эй, бедолага, — он несильно дёрнул пленного за штанину, — мот, чего хочешь, спиртяжки али курнуть, а?

Ответа не было, сверху на палача безучастно смотрело бледное и уже какое-то нечеловеческое лицо.

— Ну, как знаш! Браты, я как колоду выбью, вы-т верёвку на себя малешко потяните, кабы выше болезного поднять, а я

после ужо сам всё закреплю. Ну-т! — и он сноровисто саданул ногой по чурбану.

Обречённый, вместо того, чтобы засучить ногами и дёрнуться в последней конвульсии, свалился на землю, встал на колени и, ничего не соображая, закрутил головой. Рядом, вкладывая в ножны казачью шашку, стоял один из Сар-мэновых телохранителей. Три разбойника, во главе с Кособоким, сидели на земле, крепко вцепившись в обрывок верёвки, многочисленные зрители, придя в себя от неожиданности, принялись ржать и материться. Рубака, не обращая ни на кого внимание, пинком поставил на ноги несостоявшегося висельника, разрезал путы и, как бычка, за петлю поволок его за собой.

— От паскуда, таку верёвку спортил! — зло крикнул ему вслед бородатый. — И как с таким народом работать? Ну, погодь, попадёшься ты ко мне!

Бледного лазутчика завели за невысокий утёс и поставили на колени перед Макутой.

— Ну, чего ты мне такого поведать хотел, люб человек? — жестом отослав всех, кроме Сар-Мэна, вкрадчиво спросил атаман. — Тебя как, болезного, кличут?

— Кирилл-оглы Мефодий-джан ибн Ван Саид… полковник тайной стражи Его Демавгустейшества… личный порученец сиятельнейшего князя Костоломского… — чувствовалось, что слова с трудом проталкивались через контуженную трахею, но пленник, превозмогая боль, спешил говорить, боясь очередного приступа апатии разбойничьего вожака.

— О-го! Атаман, слышь, кого к нам занесло? Так мы с тобой чуть болярина не вздёрнули! Да ещё из тайной стражи! Чё творится, чё творится… Прям гордость обуревает. Ты гляди, Бей, кого нас с тобой вытаптывать уже посылают! — развеселился Сар-Мэн.

— Моя группа, — не обращая внимания на бандита, продолжал пленник, не отрывая своего полного надежды взгляда от лица Макуты, — была отправлена сюда со специальной сверхсекретной миссией. Атаман, я могу говорить в присутствии этого человека? — он едва скосил глаза в сторону Сар-Мэна.

— Ну, ты на него глянь! Вот сука! Я его, можно сказать, из петли вынул, а он! — И подручный главаря со всего маху саданул своим сапожищем бедолаге под дых. Тот захрипел и согнулся пополам.

— Уймись! Дай человеку-то хоть слово сказать. Ты, болезный, поприседай, поприседай, оно дыхалку-то и восстановит, а на этого сердца не держи, уже больно он на вашего брата осер-

чал, и всё за вашу же лютость. Ох, непостижимы пути твои, Господи! И почто Тебе цветы-то удались лучше, чем люди? Вот уже загадка так загадка. Ты, Кирилл вместе с Мефодием и Саидом, присядь, присядь на землицу. Успокойся. Более тебя никто обижать не станет, да и жисть я тебе сохраню, об ентом не грусти. Ты, главное, говори всё, как оно есть, лжой душу не паскудя, а его, Сар-Мэна-то, не боись, мот, ещё и побратаетесь, кто знат? — И, повернувшись к подручному, распорядился: — Скажи, пущай бедолаге воды али морсику принесут, глотку-то, вишь, слегка мальцу помяли. И всё, баста трёп разводить, делай, что говорят. А ты, недобиток, вона садись на камушек, да верёвку-то с себя сыми, а то ровно масон какой в позорном галстуке.

Макута только сейчас с любопытством принялся рассматривать пленного. «Человек как человек, — подумал он, — только сухой и жилистый какой-то, словно из корневища выструганный, не садани его Юнька брёвнышком, мот, и десяток моих бы архаровцев с таким-то не совладали бы. Прав-то Сар-Мэн, такие толстые голуби ещё ни разу не залетали в наши дикие и скособоченные края. Ишь ты! Порученец самого главного опричника! По пустякам таких не посылают. Всё встрепенулось в поднебесном мире с этой треклятой Шамбалкой! И надо же такому сделаться, что лазы её секретные открылись в моей местности! Вон бабка-то говорит, что страна сия тайная простирается подо всей землёй-матушкой. А напасть, вишь ты, на одного меня со товарищи! Хорошо хоть, по предречению всё той же старухи, вскорости затворятся все эти лазы, и никаким шишом туда не пробьёшься, хоть все горы с места посдвигай».

Пленный зашёлся тяжёлым надрывным кашлем, видно, сделав слишком жадный глоток из принесённой ему медной кружки, он поперхнулся, и вода, попав в гортань, вызвала настоящий приступ удушья.

«Не задохся бы, — глядя на то, как Сар-Мэн колотит по спине хватающего ртом воздух шпиона, подумал Макута. — Чудна всё-таки наша жисть, только что он его сапогом охаживал, а уже, гляди ты, опекает, ровно брата. Вот пошто такой резкий переход в прощении к бывшему ворогу у ватажных людей есть, а у казённого войска нету? Те уж ежели затеют каку казню, так со всех живьём шкуру посдирают, а в плен захватят, не легче будет — та же казня, токи медленна, пока голодом да мордобоем не изведут, не успокоятся. Всё ж какой-то нелюдской дух в государственных людях живёт, равно как и в самой державе, токи попади им в лапы — и всё, пиши пропало. Все энти байки про справедливости и гуманности законов в миг из мозгов повылетают. Эт по-

кеда ты с энтим законом нос к носу не ссунешься, можно ещё во что-то верить, а как на своей шкуре почуешь его подлое касательство, тут уж всё. Не могут быть человеками государевы люди, им энтого не дают, а кто и как, нешто снизу-то разберёшь? Главное, у нас дикость така, похоже, от веку была, и нету тому ни конца, ни исправления».

— В лагере вашем находится лазутчик с тайной миссией, — отдышавшись, выдавил из себя пленник, — мы были посланные самим Костоломским специально для обеспечения связи с ним и... — беднягу опять начал бить кашель.

— Да не колоти ты его так, зашибёшь! — атаман сноровисто перехватил руку своего подопечного, готовую в очередной раз грохнуть по содрогающейся спине.

Откашлявшись, отсморкавшись, по-детски размазывая по лицу слёзы, пленник с вымученной благодарностью принял из рук Сар-Мэна кружку.

— Ты тихо-то пей, махонькими глотками, а то, не ровен час, и задохнёшься. Глотка-то у тебя помята, — предупреждающе поучал его Макута. — И кто ж таков этот лазутчик, мил человек?

— Да вот этого любовница, — не поднимая лица, сдавленно ответил тот и указал кружкой на стоящего рядом Сар-мэна.

— А, сука! — взревел бандит и что есть силы саданул по ней ногой.

Кружка, блеснув на солнце донышком, улетела прочь, остатки воды обдали опешившего от неожиданности атамана. И не толкни Митрич как-то по-иезуитски влюблённого в спину, не известно, чем бы всё это обернулось для только что избавившегося от петли. Подручный Бея растянулся во весь свой немалый рост на земле рядом со своим обидчиком. Атаман, придавив его сапогом, нагнулся и прошипел:

— Ещё раз ты откроешь свою пасть, где не след, я те сам порешу… Что, от бабьей сладости последние мозги через хрен вытекли? Вставай и не дури, а то велю скрутить и под стражу посадить.

— Ты уж его извиняй, — убрав со спины сразу присмиревшего разбойника ногу, обратился к чужаку атаман, — дела сердешные, сам должон понимать. Точно вы подружкуетесь, коль так колотите друг дружку.

— Пока что это он меня колотит, — осмелел пленник, с опаской глядя на поднимающегося с земли обидчика.

— А кто знат, мот, до ночи и ты его отметелить успеешь, — деланно хохотнул атаман. По всему было видно, что информа-

ция о сар-мэновской пассии его очень озадачила. — Говори, мил человек.

— А что здесь говорить, девка эта, вернее женщина, — поспешил исправиться лазутчик, косясь на Сар-мэна, — давний личный агент шефа, он её на свой крючок или она его на свою закорючку подцепила, точно не знаю, однако, вместе они чуть ли не с её школьных времён. Отчаянная и вёрткая бестия, каких она только дел не делала, в каких передрягах не бывала, и всё как с гуся вода, а главное, она всегда добивалась того, что ей поручали. Одно время все опричники Объевры на ушах стояли, безуспешно ловили мужиков-диверсантов, а все пакости мировой демократии устраивала миловидная девочка-студентка. С ней и не всякий мужик-то может тягаться. Ну, не гляди ты на меня зверем, — обратился он к натянутому, как струна, помощнику атамана, — всё, что я говорю, чистой воды правда. Мою группу сюда забросили специально для обеспечения Эрмитадоре условий по проведению специального мероприятия, — опричник замолчал, как бы прикидывая в уме, следует ли быть откровенным до конца с этими чуть было не убившими его людьми.

— Ты уж, мил человек, продолжай. Негоже на полуправду съезжать, не по людски это, — как бы почуяв его сомнения, подбодрил Макута. — Так что она должна была сделать в Шамбалке?

— А вы откуда знаете? — воскликнул пленник и, не дождавшись ответа, чётко, по-военному выпалил. — Она должна её взорвать!

— Что? — вскочил со своего места атаман. — Как взорвать? Чем? Это ж горы, здесь рви — не перервёшь!

— А ей все горы рвать и не надо. Вот этот водопад и пещеру под ним в пыль пустить и всё, — он махнул рукой в сторону усилившегося к вечеру шума падающей воды.

— Да хотя бы и эту отдельную горуху подорвать! Это же пропасть сколько всего надобно!

— Всё мы ей доставили, главное, это в пещеру пронести...

— И чё эт за бомбина должна быть, тоннов на пять, что ли? — подал голос Сар-мэн.

— Зачем тонны, когда наука уже давно изобрела килотонны и мегатонны... -— пожал плечами пленник.

— Ты не умничай! — переминаясь с ноги на ногу, перебил его Макута. Топтаться атаман начинал только в минуты самого сильного напряжения или предчувствия смертельной опасности. Как это получалось, он не знал, но ноги почему-то начинали пританцовывать сами собой.

— А я и не думаю умничать, мы доставили сюда два ранцевых ядерных боезаряда, если взорвать хотя бы один — мало не покажется! Я уже не говорю о последствиях радиационного заражения местности. На десятки километров вокруг всё будет фонить и сеять гибель, так что в эти края ни одна падла не сунется лет двести.

— Изверги, а люди-то как? — вскрикнул Макута, а после мотнул головой, наверное устыдившись своей наивности, и зло сплюнул на землю.

— Эх, атаман, атаман, когда решается судьба Отчизны, жизни людей в учёт никогда не берутся, наоборот, чем больше перебьют, тем светлее и долгожданнее будет победа, а главное, в памяти людей останутся боль и страх. Страх — великий управитель! Отсюда и народное: «уж как-нибудь потерпим, лишь бы войны не было». Что, скажем, стоит моя или ваша жизнь, когда всему заведённому властями у нас в стране миропорядку грозит разорение, тут уж совсем другая целесообразность вступает в силу, и никто ей противостоять не сможет…

— Сможет! — по всей видимости, придя в себя после услышанного, напористо перебил его Сар-Мэн. — Вот ты предпочёл остаться живым, а не болтаться на суку, а ведь неробкого, видно, десятка, труса праздновать не привык, значит, осечка в военном мозгу произошла. И я, и атаман наш, и все люди окрестные просто так, молча, как бараны, на бойню не пойдут. — Бандит говорил ровно и почти вдохновенно, куда девалась напускная бравада и приблатнённость. — А с Эрми мы сами как-нибудь разберёмся, прав ты в своих историях или не прав, я тебе не судья, меня её прошлое не интересует, как и её моё, а оно у меня, поверь, не сахарным было. Ты вот ответь, где эти ядерные рюкзаки и как их девка могла взорвать и сама живой остаться?

— Устройства находятся в одной из дальних пещер и хорошо охраняются, программу же на взрыв должен будет ввести специалист перед самой передачей ранцев исполнителю. Но я думаю, что безопасность отхода, хоть она и предусмотрена планом, чистой воды фикция. Все мои люди, а заодно и войска бравого генерала Воробейчикова скорее всего будут принесены в жертву стратегическому замыслу руководства. И мы, и вы должны погибнуть, Гопс, думаю, в первую очередь, а наши поджаренные останки послужат ярким свидетельством того, что взрыв этот — дело рук наших недругов. Августейший же демократ к нему никаким боком не будет иметь никакого касательства. Может, в нашу честь даже объявят полуторачасовой траур со всенародным сбором пожертвований в пользу семей погибших. А так как семей будет много, а денег соберут не

очень, то, как всегда, примут решение обратить их на малые госнужды...

— Что ты, как соловей, заливаешься? Нашёл время политинформации читать, а главное, смотри ты, как на тебя петля подействовала, державную спесь начисто сбила, — прервал затянувшиеся объяснения Сар-Мэн. — Ты давай про группу свою рассказывай, да про пещеру, где смерть, как Кощей яйцо, спрятал...

— А ты меня не торопи, не надо! — огрызнулся пленник и наконец поднялся с земли, но его ноги от долгого сидения затекли и слабо слушались. — Я не знаю, как на тебя самого петля подействовала бы, а я гибнуть за чью-то прихоть не собираюсь. — Пленник принялся приводить себя в порядок, заталкивать обратно вывернутые бандитами карманы, застёгивать пуговицы и липучки. Его враз похудевшее и осунувшееся лицо было неподвижно, словно отлитая из плохого гипса маска, только левая скула едва заметно подёргивалась.

— Ты вот, мил человек, ответь, а пошто Москве Шамбалка так не глянулась-то? Это ж надо, бомбой ядерной решили её заткнуть. А они-то хотя б знат, что там, в энтих пещерах? — присаживаясь на своё место, спросил Макута.

— Чем не глянулась? Да кто их разберёт, скорее всего её открытие путало кому-то планы. Да и посудите сами, откройся эта тайная страна всему миру, ведь может чёрт-те что приключиться. Где гарантии, что эти учителя станут наставлять народ по-правильному, да и что за знания они из своих подземелий выволокут на свет? Ведь этого никто не знает. Не, решение руководство страны приняло верное, только... — говоривший замолчал на полуслове.

К их кружку быстрой походкой подошёл невысокий коренастый разбойник с лицом, поклёванным оспой. Он слегка поклонился Бею и что-то быстро зашептал на ухо Мэну.

— Атаман, надо бы покалякать — выслушав доклад и отослав молодца восвояси, произнёс тот.

— Ладно. Тебя, мил человек, отведут к моему намёту, доктор пусть пока шею поглядит, а там и мы подойдём, тогда и договорим наши скорбные разговоры.

Макута с поплечником неспешно двинулись в сторону гор. За ними тенью подался Митрич. Пленного повели к ожившему бездымными и ещё не слишком яркими кострами биваку. К лагерю потянулись и стоявшие в дальнем охранении телохранители.

День неспешно сгущался в синеватую вечернюю дымку. Скоро всё стихло на месте недавнего допроса и только далеко отлетевшая медная кружка, зарывшись в небольшой островок не-

весть каким чудом не примятой травы, хмуро свидетельствовала о недавнем присутствии людей.

Минут через пятнадцать из-за невысокой, поросшей густым кустарником скалки, что возвышалась над камнем, где ещё недавно сидел атаман, осторожно вышел человек, огляделся вокруг и, убедившись что рядом никого нет, втянул голову в плечи, после чего, не спеша и не прячась, зашагал к лагерю. Это был Енох.

28

Машеньку знобило. От перевозбуждения, излишков солнца, горного воздуха, купаний в холоднющих ручьях и всего остального, что с ней сегодня произошло, она была близка к обморочному состоянию и никак не могла совладать с предательской дрожью, мелко и противно колотившей всё тело. Укутавшись тёплым ватным одеялом, она лежала на невысоком топчане, мысли в такт дрожи скакали в голове. Только она останавливалась на самом важном — Енохе и их будущем, как тут же возникала противная мысль о позоре и предстоящем объяснении с матерью. Только она принималась составлять нужные и правильные, как ей казалась, слова оправдания, подбирать интонации, с которыми их следует произнести, и уже что-то начинало получаться, как откуда-то выворачивалась мелкая мыслишка о том, что она голодна, а паршивка Дашка убежала с Юнькой глядеть, как будут вешать пойманного ими лазутчика. Есть хотелось очень, уже сама мысль о чём-нибудь вкусненьком наполняла рот липкой и тягучей слюной. Машенька гнала прочь кулинарные мечтания, но образ её любимого курника сменялся образом не менее вкусного куска чёрного хлеба и домашней колбасы. Наконец в голове осталась только одна мысль, которая, словно тяжёлая августовская муха, колотилась в её предобморочном мозгу: надо вставать, выбираться из этой халупы, идти искать хоть какую-нибудь еду, благо, вкусные запахи вперемешку с горьковатым запахом дыма плавали окрест. Однако выйти вот так просто, без сопровождения, без своего проверенного человека рядом, в чуждый, незнакомый и оттого пугающий мир было страшно. Ненавидя свою беспомощность, девушка решительно сбросила с себя одеяло и овчины, в которых пряталась от озноба, и резко встала. Поискав глазами зеркало и не найдя этого столь привычного предмета, чертыхнулась и принялась выворачивать на пол всё из большого баула, привезённого ночью Юнькой от матери. И, слава Богу, почти на самом дне, завёрнутое в её толстый тё-

плый свитер, лежало старое овальное зеркало на толстой фанерной подложке. Если бы ещё вчера ей кто сказал, что находка этого потемневшего и обшарпанного амальгированного стекла вызовет у неё такую радость, она бы безусловно сочла этого человека слегка тронутым. Но ныне ей было не до таких глубоких мыслей. Она, как простушка, бросилась пристраивать свою находку на шатком столике, приютившемся в самом тёмном углу её убогого жилища. Зажгла стоявшую здесь же керосиновую лампу, хотя на дворе ещё был вечер, правда серый и тусклый, потом чуть прибавила фитиль и заглянула в посветлевшую бездну седого стекла. Даже в полумраке из зеркала на неё смотрело вполне приличное лицо, правда, немного помятое, с глазами, припухшими от слёз и безнадёжно спутанными волосами.

— Могло быть и хуже, — повертев головой, подумала Машенька и, зажмурившись, безжалостно запустила гребень (и откуда его только выкопали!) в свои космы.

Неприятная процедура выдирания волос наконец подходила к концу, а заодно и лицо постепенно стало разглаживаться, блестящие же, наверное, от голода, глаза и вовсе выглядели весьма привлекательно.

— Машенька, ты здесь? — где-то почти над ухом прозвучал голос Еноха. — Маша...

Внутри всё сжалось. Обыденная, привычная процедура расчёсывания волос незаметно успокоила её, даже дурацкие мысли о еде как-то ослабли. Кто может объяснить, почему так происходит: погладит мама по голове, и все горести забываются, все обиды проходят; почему скользит расчёска по ровному длящемуся до бесконечности волосу сверху вниз, сверху вниз — и убаюкивающее спокойствие наполняет душу, и понятной становится женская доля, и многое, многое забывается, и мир становится добрее... И вот его голос, тихий, какой-то пришибленный, не похожий на самого себя. Голос её любимого, родного человека. Голос, как вспышка яркого света, разбудил всё, что только что успокоилось в ней, стишилось…

— Маша, ответь, — уже настойчивее и громче позвал Енох.

— Да, здесь я, здесь! — как-то неожиданно громко и торопливо отозвалась Машенька, и, бросив на топчан расчёску, принялась торопливо собирать разбросаннее вещи.

Брезентовый полог будана шевельнулся, и в небольшой проём почему-то спиной протиснулся Енох. Даже в подслеповатом свете керосинки было заметно, что мужчина чем-то сильно взволнован.

— Как хорошо, что ты здесь… Брось эти тряпки и слушай меня внимательно! — он чуть ли не силком усадил её на кровать. Замер, прислушиваясь настороженно и зло, словно угодивший в западню зверь. — Только не перебивай меня и ни о чём не расспрашивай. Мы должны сегодня же ночью, слышишь, а лучше прямо сейчас бежать подальше от этого места! — зашептал Енох ей в самое ухо. Говорил он быстро, захлёбываясь своими же словами, и каким-то недобрым был этот шёпот. Машеньке даже сделалось немного страшно.

— Хорошо, — ничего не понимая, согласилась она, — только вот Дашку надо найти, да хоть пару бутербродов раздобыть, а то я просто умираю с голоду. И потом, — приходя в себя от неожиданного натиска, попыталась она возразить: — к чему такая спешка? Мы же решили с тобой не торопить события...

— Маша, — раздражённо дёрнул подбородком Енох, — я тебе потом всё расскажу, потом.. А пока ты должна просто меня слушаться, ясно? Дашку твою, дуру, искать не надо, мы уйдём только вдвоём и незаметно...

— Без Даши я никуда не пойду! — вспылила девушка и абсолютно трезво добавила: — достаточно за последние дни я наделала глупостей. И вообще я есть хочу. Пойдём где-нибудь перекусим. Найдём ребят и там решим, что делать дальше.

— Каких ребят? — силой удерживая её на топчане, зло прохрипел мужчина, на глазах становясь абсолютно чужим. — Ты должна понять — это очень важно и касается нашей с тобой жизни. Я надеюсь, у тебя нет желания погибнуть в юном возрасте? Если нет, то слушай меня и выполняй всё, что я тебе скажу. Это действительно слишком серьёзно, поверь мне. Поесть, ладно, сходим, столовая почти рядом, — вдруг миролюбиво обнимая её за плечи, как можно нежнее и спокойнее произнёс Енох, — я и сам голоден, как стая волков в зимнем лесу.

Столовая действительно оказалась поблизости, их ни о чём не спрашивая, усадили за атаманский стол и сытно накормили. Ели молча и торопливо, как едят очень голодные люди, стараясь затолкать в себя всё, что видели глаза. Однако еды впрок, как известно, не бывает. Настоящее, отвальное насыщение догнало только за чаем. Обжигаясь вкусным таёжным напитком, Машенька почувствовала, как к ней подкатывается сон, казалось, ещё немножко, и она, уткнувшись в плечо сидящего рядом Еноха, провалится в спасительное расслабление, однако, собрав в кулак остатки разбегающейся воли, она как бы между прочим негромко произнесла:

— Любимый, давай допьём чай и пойдём немножко прогуляемся. Я тебя послушаю, а ты мне всё расскажешь. Только всё-всё, так будет лучше. Я не умею ничего выполнять автоматически, как покорная овечка в отаре, может, когда-нибудь позже я к этому и привыкну. Ладно?

— Хорошо, только надо спешить, понимаешь, спешить! — хотя он и произнёс эти слова, едва шевеля губами, Маша чувствовала, какими неимоверными усилиями ему удавалось сдерживать себя.

«Что же такое могло приключиться за те полтора-два часа, пока я валялась в своей лихорадке? — девушка исподволь наблюдала за своим избранником. — Да его как будто подменили, напряжённый весь, дёрганый, всё время прислушивается, даже лицо стало каким-то некрасивым, злым что ли! — Самое неприятное, она чувствовала, что его напряжённость странным образом передается и ей, рождая в голове рой различных догадок, предположений и неосознанных страхов. Ей казалось, что предстоящее бегство было каким-то боком связанно с тем, что сегодня произошло между ними. — «Дура ты набитая, твои подружки давно уже все поголовно без колебаний и душевных мук расстались со своей невинностью и думать уже о том забыли. А ты, как пещерная баба, всё боишься, как бы племя не узнало о твоём позоре. И потом, ну какой тут позор? Все женщины через это проходят, доля у нас такая! А если и есть, так что в этом хорошего? И хватит колотиться над тем, чего уже нет, всё это томления позапрошлого века. И кого стыдиться? Мамы? Так она, надо думать, со свету не сживёт и всё поймёт. Главное, вот он, рядом, мой первый мужчина, взрослый, сильный и всё умеющий устраивать в жизни. Мы любим друг друга, мы счастливы, что ещё надо?» — и чем больше она думала об этом, тем ярче всплывали в памяти картинки их ненасытности и сильнее разливалась внутри обжигающая лава желания.

Поблагодарив заботливых и всё понимающих поварих, они по откосу направились к ручью. Серые подслеповатые сумерки готовы были юркнуть в распадок и затаиться там до раннего рассвета, уступив своё место надменной в своём всесилии ночи. Они шли, соприкасаясь плечами, и отчётливо ощущали желание друг друга. Когда они наконец скрылись с глаз и дошли до скачущей по камням воды, Енох крепко обнял девушку и властно, как собственник, стал целовать её губы. Земля тут же начала уплывать из-под ног обоих, ещё несколько мгновений, и их тела вновь сплетутся в замысловатом и вечном движении. Машины пальцы уже торопливо расстёгивали его рубаху, ей хотелось скорее уткнуться в заросшую

жестковатыми волосками грудь, вдохнуть его запах, зовущий и терпкий, ставший таким близким и родным.

— Ах ты, маленькая моя… я… мы… ты всегда будешь со мной… — задыхаясь и путаясь в словах, прошипел Енох, а руки его, сильные и опытные, требовательно метались по её телу и бессовестно шарили в самых сокровенных местах. Всё произошло быстро и необычно. У неё совсем не было опыта, и скажи ей раньше, что этим можно заниматься почти стоя и не снимая с себя одежды, она бы усомнилась, а теперь, немного отдышавшись, нашла это оригинальным и в чём-то даже забавным.

— На такой побег я готова и без Дашки, — приводя себя в порядок, чуть стыдливо сказала Машенька, — ох, я когда-нибудь умру от этого...

— Не умрёшь, пожалуй, от этого ещё никто не умер! — усмехнулся Енох. — Мы будем жить долго и счастливо, но только если сейчас же отсюда уберёмся! — Последние слова он произнёс жёстко и категорично. — Бежать надо, прямо сейчас, не заходя в лагерь, и главное — ни с кем не прощаясь. Только бы поздно не было...

— Перестань меня пугать, — попыталась обидеться Машенька, — ну куда и зачем бежать? Через пару дней нас и так отпустят, соблюдя все их дурацкие ритуалы. Я к мамочке с покаянием, ты — на высокое служение с крестом на груди. Объясни мне, зачем бежать, ты же обещал.

— Ну понимаешь, — с неохотой начал Енох, — я совершенно случайно стал свидетелем одного разговора. Повешенного привели допрашивать к Бею...

— Какого ещё повешенного?..

— Да того лазутчика, которого мы с Юнькой и Дашкой в лагерь принесли. Его в итоге так и не повесили, но в петле дали повисеть немножко, надо полагать, для острастки. Вот он, спасая жизнь, всё и выложил атаману. Гопс, оказывается, никакая не проститутка, а опытная деверсантка...

— Как? Эрми — террористка? Быть этого не может!

— Ещё как может! Позже я тебе всё расскажу в подробностях, а пока главное: завтра утром или днём начнётся операция по уничтожению этого лагеря и, насколько я понял, входа в эту подземную берлогу. — Енох махнул рукой в сторону шумящего в темноте водопада. Потом, понизив голос, добавил: — А взорвать всё это планируется ядерной бомбой!

-— А люди все это знают? Какой ужас! Здесь не бежать, а кричать над... — тут широкая и невкусная от пота ладонь закрыла ей рот.

— Молчи, глупая! Какое «кричать», надо бежать отсюда подальше, пока целы! Бежать к своим, забрать твою матушку — и в Объевру, подальше от всех этих безумств и варварства. Питекантропы, чтобы остаться у власти, готовы взорвать атомную бомбу на своей территории, погубить тысячи людей...

Машенька отчаянно мотала головой, пытаясь освободиться, воздуха не хватало. Енох не только плотно зажал ей рот, но и подпёр верхом ладони ноздри. Перед глазами начали кружить мелкие светящиеся точки, голос душившего становился глухим и удаляющимся, ещё немного и сознание покинет её. Шея отказывалась держать голову. — «Он меня сейчас убьёт...» — проплыла в мозгу мысль, медленная и ленивая, как рыба.

Почувствовав неладное, Енох с раздражением убрал руку, на последнем издыхании девушка втянула в себя спасительный воздух и зашлась громким кашлем. Плач и обида слышались в этом отчаянном, по-детски беззащитном возвращении к действительности.

— Ду…ду…рак! Ты меня чуть не задушил...

Сверху, со стороны лагеря вспыхнул яркий фонарь, и свет осторожно заскользил по прибрежным кустам в их сторону. Енох проворно сгрёб ещё не пришедшую в себя девушку и силой уложил за большой камень, примостившись рядом. Белый круг медленно скользнул над их головами и проплыл дальше.

— Ну, всё-всё… Прости, прости… пожалуста! — торопливо целуя её солёные от слёз глаза и щёки, зачастил мужчина. — Ты обязана меня слушать, я знаю, что и как надо делать. Когда всё начнётся, разбираться не будут, кто ты и что ты! Всех превратят в пыль. А так у нас есть ещё возможность, главное, добраться до Генерал-Наместника и предупредить его. Я знаю, что ты думаешь обо мне! Ну и пусть! Может, ты и права, только я не бог и не собираюсь ценой своей жизни спасать весь мир. Пойми ты, они уже обречены, а вот у нас есть ещё шанс вырваться из этой западни. Верь мне, у меня есть всё для нашего счастья, всё! Не будет титула и креста, это, конечно, плохо, но хоть жизнь спасём. — Он перевёл дыхание и замолчал, прислушиваясь. Стрекотали кузнечики, да билась о камни вода. — Чуть-чуть посидим, пусть в лагере успокоятся, и потихоньку уйдём, ясно?

Машенька сидела на мелкой сухой гальке, шмыгала носом, и чувствовала, что всё её существо отчаянно протестует против этого плана, что её настораживают и отталкивают слова возлюбленного. Вся эта его забота о будущем превращалась в её глазах во что-то шкурное, мелкое, построенное на слезах и смерти других людей.

«Да как же с этим можно будет жить? Дашка сгорит заживо… А как же Макута, а все остальные, и не только разбойники, а простые люди, которые живут в горных сёлах и аулах? За что их? Надо немедленно что-то делать, а не бежать».

Она выглянула из-за камня, в лагере уже гасили костры и керосинки. Ещё немножко — и все уснут, уснут своим последним сном.

— Енох, милый! Я никуда отсюда не пойду и тебя не пущу. Ты не знаешь окрестных гор, ты не веришь в древних духов, их стерегущих. Ты просто никуда не дойдёшь, заплутаешь, собьёшься с тропы, угодишь в пропасть или, того хуже, к ханьцам в лапы, а это будет пострашнее, чем помереть здесь от бомбы...

Еноха трясло мелкой дрожью.

— У меня есть компас, карта, оружие и Юнькин жеребец, отпустим поводья, он сам нас, куда надо, привезёт.

— Эх ты, городская голова! — забыв прошлую обиду, вздохнула девушка. — Взрослый, а деревенских знаний кот наплакал. Не пойдёт конь сам, без хозяина, никуда. Ты на него сядь ещё попробуй. Домой, к маменьке, лошадь сама только тогда потянется, когда почует правильную дорогу. А где ты её, правильную, ночью, да что ночью, даже днём, в этих горах найдёшь? Выбрось эту глупую затею из своей головы. Но не это главное, надо что-то придумать, чтобы людей спасти. Ты же умный у меня, давай пойдём к Макуте, посоветуемся, что-нибудь и придумаем...

— Да наверняка твой Макута со своими подручными и тем лазутчиком уже давно дёру дали, — со злостью отмахнулся Енох. — Если б они что-то собирались предпринять, давно бы уже народ подняли, а так посмотри — кругом тишина и благодать, как на кладбище.

Тишина действительно была безмятежной. Над головами спокойно мигали крупные горные звёзды. Дальние белки начинали светлеть от восходящей луны. Казалось, всё вокруг вечно и блаженно в этом подлунном мире, и нет нигде ни слёз, ни горя, ни смерти. Наверное, когда-то так и было, пока не появился под этим вечным небом человек. Ну почему, Господи, у Тебя эти горы, ручьи, цветы и птицы получились лучше и совершеннее, чем венец твоего творения? Ответь, Господи! Но немы уста Бога, и только два божьх подобия с колотящимися от неизвестности и страха сердцами сиротливо прятались за камнем на берегу горного и пока ещё безымянного ручья. Там, намного ниже, слившись с десятком своих братьев и сестёр и вобрав в себя их силу, он глухо забурлит на перекатах нелюдимым и великим именем

Чулым. Чем-то вечным, как это небо и горы, веяло от этого слова, далеко в веках потерялся его истинный смысл. Миллионы людей со своими богами и безбожием приходили на его берега, чтобы убивать друг друга, рожать детей, смеяться, плясать свои танцы и снова убивать! Зачем и почему? Молчало небо, наивно, как миллионы глаз, мигали звёзды, еле слышно журчал ещё бессильный Чулым, а незримая пропасть, как рваная трещина, уже разделила ещё недавно любящие друг друга сердца.

— Ну, как знаешь! Убеждать тебя у меня просто нет времени.

Еноха трясло всё сильнее. Чувствовалось, что он находится на грани нервного срыва, Маше опять стало немного страшно, и она слегка отстранилась от буквально на глазах меняющегося в лице возлюбленного.

— То, что ты несёшь — чистой воды безумие, — в бешенстве выкрикнул он. — Я просто удивляюсь, откуда это в тебе. Ты же дворянка! Кого ты собираешься спасать? Этот сброд, этих ничтожеств, которые, как покорная скотина, идут пердеть в трубу или раз в четыре года плетутся на приёмные пункты избирать Преемничков? Да покажи ты им портреты всех восьми, никто из них и не узнает, кто который. Быдло, оно и есть быдло, ясно тебе? И страна эта проклята, проклята! Может, с ней действительно так и надо, бомбу на голову и конец. Я предлагаю тебе в по-след-ний раз! — Енох судорожно сглотнул слюну. — Пошли со мной, силой тебя вести я не собираюсь, да и какого чёрта мне такая жена, которая упирается, как ослица, и готова предать любимого, променять его и свою жизнь на милосердие к каким-то бандитам и подонкам!!! Пошли!

Машенька сжалась в комок, безудержные рыдания, нелепые и бессильные, словно мычание телёнка, гасли в бормотании близкой воды. Теперь ей стало по-настоящему страшно.

— Пошли, я сказал! — истерично взвизгнул Енох и больно дёрнул её за руку. — Да ты просто дура! Ведь я же тебя здесь всё равно не оставлю, — он злобно оскалился и ещё больнее сжал Машину руку, — ты же сразу очертя голову побежишь к своим портяночникам всё рассказывать, евразийка поганая! Как же я сразу не додумался, что ты со своей тёткой из этой безумной породы. — Совсем рядом с Машей в темноте топталось и подпрыгивало на месте совершенно незнакомое ей обозлённое существо, которое раскручивало себя всё сильнее, выплёскивая на бедную доверившуюся ему девушку, потоки скверны. — Что, хочешь быть героиней, мученицей, спасительницей? Нет уж, гадина! Никому ты не достанешься! Я у тебя первый был и я последний! Слышишь, сука, слышишь?!! — и тяжёлая рука с зажатым в ней камнем опустилась

на её голову! — Лю-блю! Лю-блю! — утробно, по-звериному хрипел Енох, нанося всё новые и новые удары.

Наконец камень, не найдя головы жертвы на привычном месте, громко ударился о скалу и высек маленькие красноватые искорки.

…Он отбросил камень в сторону и прислушался. Вокруг всё так же мирно стрекотала луговая мелочь да перекатывалась вода. В груди лихорадочно колотилось сердце.

Машенька не дышала, он нашарил в темноте её руку и попытался нащупать на запястье бьющуюся жилку жизни. Рука была ещё тёплой, пульс не прощупывался. Поразительно, но он даже не испугался, всё произошло как-то слишком быстро, само собой. Он и не думал её убивать, да и как убить, когда он её любил, любил! Но когда он вдруг как-то дико, по-звериному осознал, что она с ним никуда не пойдёт, что-то лязгнуло у него внутри, какой-то невидимый засовчик, отворилась некая потайная дверца, и оттуда вылезло незнакомое и дикое существо, которое завладело им, принялось управлять и командовать. Она *не будет* ему принадлежать. Еноху представилось, что это красивое и юное тело сладострастно изгибается в грязных лапах какого-нибудь холопа. Она улыбается такой милой и знакомой улыбкой… но кому-то другому, совсем не ему. Увесистый камень сам собой лёг в руку. А дальше как будто чёрная молния сверкнула в его в голове.

И вот всё, всё кончено, он спокоен, только по-дурацки колотится сердце, да слёзы обиды и жалости к себе душат его. Впервые в жизни ему так не повезло.

Вымыв в ручье руки и ополоснув лицо, Енох Минович осторожно двинулся в своё, как ему казалось, вполне предсказуемое будущее.

29

Минула ночь полная бессоницы и ожиданий. Допотопный комендант благоухающим самоваром возвестил о приходе нового дня. Отчаёвничали. Генерал с головой ушёл в последние приготовления к войне. Костоломский нервничал. А как здесь не нервничать, когда Гопс уже третий раз не выходила на связь. Молчал и передатчик старшего группы, которую специально снарядили для обеспечения безопасности исполнения задания. Специальная команда со спецконтейнерами дожидались в условленном месте, тоже нервничила и слала короткие сообщения. Драгоценное время уходило, дело гусударственной важности находилось на грани срыва, да и самому оставаться в этой чулымской дыре

становилось всё опаснее. После стычки с Воробейчиковым, совсем нелепой, надо сказать, стычки, главный опричник державы чувствовал себя явно не в своей тарелке, да и как могла себя чувствовать ядовитая змея в армейском муравейнике?

Так уж устроена властная реальность, что за всесилием руководителей державы, которому, как на первый взгляд кажется, повинуются даже звёзды, неизменно следует страх перед своими подданными. Властелин нашего Отечества просто обречён на боязнь своего народа, может, от этого как раз страха и заводится в душах всесильных пока неведомые науке бациллы, обращающие ещё недавно сильного и, казалось бы, волевого мужика в капризное и загнанное существо, на которое без сочувствия и смотреть нельзя. И что поразительно — страх этот заразный и незаметно передаётся окружающим от чина к чину, от стола к столу, от министерства к министерству, от губернии к губернии, и так до самого что ни на есть властного низу. Вот и получается, что власть пуще всего боится народа, а если страх разъедает душу, о каких любви и уважении может идти речь? Вот так и живут власть и подданные, одна боясь и ненавидя, другие — презирая и своевольничая. Вы когда-нибуть слышали, чтобы народ наш власть хвалил, не по разнарядке, не от страху, а от чистого сердца? Не слышал этого и Костоломский. Он сидел, насупившись сычом, на комендантской веранде и тупо, невидящим взглядом смотрел на последние приготовления гарнизона, готовящегося выступить для ведения боевых действий в окрестных горах.

«Как же этой бестолочи Воробейчикову объяснить, что с войной надо повременить? — размышлял главный опричник. — Нельзя лезть в горы без точного доклада моей группы о полной готовности. Всё-таки Гопс — сука, притом полная! Это она мне за что-то мстит, жилы тянет, ну погоди, сволочь! А что годить, что годить? Может, она до всего допёрла и преспокойно смылась из этих задрипанных гор? Лежит себе, лярва, где-нибудь у тёплого моря, жопу греет! А что если и того горше, сдала она себя и задание, и боезаряды, и группу поддержки бандюкам, и сейчас придумывает финты, как бы из всего этого сухой вывернуться. Что-что, а сухой из воды она выходить мастерица...»

— Ваша Беспощадность! — прервал его невесёлые раздумья Ротозейчиков — вверенные мне войска приведены к ускоренному маршу и начали скрытное выдвижение в заданный район.

Опричник окончательно пришёл в себя и уставился на бравого вояку, затянутого в портупею и обвешанного полевыми необходимостями, как новогодняя ёлка.

— Как приведены в движение? — вскрикнул московский начальник, вскакивая со стула. — Кто разрешил? Генерал, вы, вы... — опричник закипел неподдельным гневом, инстинктивно одёргивая полы несуществующего пиджака. Со стороны это выглядело забавно: полнеющая фигура, затянутая в чёрный спецназовский комбинезон и так-то походила на большого стареющего пингвина, а непроизвольные движения рук на уровне бёдер до комичности дополняли это сходство.

— Я уже без малого сорок лет как генерал, — отчеканил командующий и достал из большой планшетки несколько отпечатанных на компьютере листов; на первом листе в правом верхнем углу под словом «утверждаю» красовалась размашистая и не лишённая изящества подпись главного опричника. — Согласно лично вами утверждённому плану боевых действий. Вот пункт номер шесть: «Начало скрытного выдвижения в заданные районы сосредоточения», время: тринадцать тридцать. Сейчас тринадцать сорок, глянув на свои видавшие виды часы, пояснил генерал и спрятал бумаги. — Так что войска уже более десяти минут как движутся!

— Генерал! — почти взревел опричник. И неизвестно, чем бы завершилась эта сцена, не влети на веранду один из помощников Костоломского.

— Чекис Феликсович! — пренебрегая всякими субординациями, заорал он, — Есть связь! Операция в стадии «клоуз до»!

Прилив радости был такой силы, что Костоломский обнял генерала и смачно поцеловал прямо в губы.

— Так говорите, генерал, войска на скрытном марше?

— Так точно! — брезгливо вытираясь, ответил ничего не понимающий Наместник.

— А если марш скрытный, то почему они песни орут?

— Да как же без песни-то на войне? Не, без неё никак нельзя! И потом гражданское население должно знать, что есть у него защита от супостата. Когда действительно скрытность понадобится, там они замолчат, там совсем другой, Боевой устав действовать начнёт, а пока Строевой в силе, пусть поют. Может, кто-то из них в последний раз песней душу радует, — с грустью закончил генерал. — Ну так я пойду? Дел ещё много.

— Да, конечно, ступайте, командуйте, я к вечеру буду у вас. — Дождавшись пока военный спустится с крыльца, сядет в дожидавшуюся его машину и покатит вдогонку своим войскам, опричник вопросительно поднял брови на подчинённого.

— Всё по плану, заряды переданы Гопс, оператор и старший группы под видом дезертиров внедрены в банду. К вечеру полная готовность. В семь тридцать завтрашнего утра время «Ч».

— Ну и чудненько, ну и ладненько! — подражая Августейшему, Костоломский засновал по веранде, потирая руки. — Евлампий Гансович! Ты лично отвечаешь за китайскую конницу. Инструктируй до одури. Человек трёх из наших обряди в их дурацкие халаты, — опричник театрально вздохнул, — великие дела всегда требуют больших жертв. Мы с тобой вылетаем ровно в три ночи. Вертолёт перегнать вечером за гору, чтобы крепостных собак не пугать спозаранку. Да, и ещё — понизив голос, он, озираясь, добавил: — хибару эту вели нашим местным товарищам в шесть тридцать поджечь. Развели, понимаешь ли, гадюшник, чтецы хреновы. Я им покажу вольницу! Да, чуть не забыл, активисток из молодёжного крыла «Гражданского согласия» нашёл?

— К сожалению, нет… — тихим извиняющимся голосом произнёс Гансыч. — Все поголовно мобилизованы Воробейчиковым для военных нужд. Иных же молодиц местные бабы не дают и по безграмотности своей от моих людей прячут.

— Дикари. Никогда цивилизация не привьётся на этой дичке! Что же, придётся вздремнуть вхолостую. Минус тебе, фашистский недобиток, минус.

30

Минувшая ночь в лагере Макуты прошла неспокойно. Сначала весь вечер бились с Эрмитадорой. Девка держалась дикой кошкой, вместо ответов осыпала допрашивавших её гневными искрами из глаз, супилась и молчала. Сар-мэн пробовал заходить и с лаской, и со строгостью — всё без толку. Попытались было, отослав ухажёра от греха подальше, приструнить девку плёткой — куда там, так крутонулась, что сыромятная кожа в лоскутики распустилась, рукоять — в щепу, а разбойника, поднявшего на неё руку, словно куклу тряпичную, выбросила вон из куреня, слава богу, только помялся малость, а так всё целым осталось. Дивились все, а сделать ничего не могли, иной какой-то стала атаманова невеста. Макута приказал отстать от неё, но глаз не спускать. Потом они ещё долго о чём-то шептались с Сар-мэном и недоповешенным опричником, а ближе к полночи прибежала служанка и рыдая сообщила, что пропала её молодая хозяйка. Кинулись искать, да куда там, темень кругом хоть глаз коли,

а здесь ещё оказалось, что не одна пропажа вышла, а вместе с увесистым довеском. Одним словом, час от часу не легче. Когда Даша, размазывая по лицу слёзы, рассказывала атаману о бесценной пропаже, доложили, что купно пропал и московский наместник, у Макуты как камень с сердца упал: «Ну коли вдвоём пропали, далече не уйдут, где-нибудь в густой траве-мураве под кустами и залягут. Дело-то, чай, молодое, да и видели их сегодня днём за этим самым каверзным занятием у верхнего ручья. Ладно, пусчай тешатся, мот, к Званской и в сваты попаду. Совсем вожак успокоился, когда весь лагерь узнал, что в притёмках кормили их на кухне, а после хорошей трапезы подались воркующие голуби не в лагерь, а куда-то в ночную укромность.

Пока всё это докладывали, Гопс сидела смирно в углу будана и, не мигая, глядела на небольшой бездымный костерок, неспешно колыхавшийся за невысокой каменной оградкой посреди атаманова жилища. И вдруг девку как будто что-то толкнуло изнутри. Вскрикнув коротко и тревожно, словно ночная птица, она, казалось, вылетела из куреня и растворилась в непроглядной ночной тьме.

— Чего она там крикнула-то? — рассеянно спросил Макута, продолжая думать о чём-то своём.

— А, кажись, имя чьё-то помянула, — отозвался вездесущий Митрич, — не то Таша, не то Маша. Чудно другое, атаман, она ведь вылетела отсюда...

— Как это вылетела? — всё так же вяло, боясь испугать теплящуюся внутри мысль, отозвался Бей.

— Вестимо как, по воздуху. Токи как это ей удалось, ума не приложу. Вроде, как и бежала, а ноги-то землицы не касались! Я сбоку глядел, и мне виднее всё было, сантиметров так на десять от земли ноги-то топотали. Вот таки дела, атаман.

Не успели они толком обсудить это чудо, как снаружи послышались громкие крики и бабий вой. Полог шатнулся в сторону, и в помещение вошла Эрмитадора с Машенькой на руках. Безжизненное тело прогибалось, окровавленная голова моталась из стороны в сторону. Гопс остановилась в растерянности, не зная, что делать.

— Клади на стол! — коротко распорядился Макута, одним махом сметая на пол всё, что громоздилось на сколоченном из плохо оструганных досок щите, закреплённом на толстых козлах с длинной продольной слегой-стяжкой, — быстро всех докторов сюда!

— Бей, я уже здесь, — пробиваясь сквозь толпившихся у входа любопытсвующих, отозвался доктор Брументаль-джан. — Света бы надо побольше.

Митрич затеплил два блестящих керосиновых фонаря с большими лупатыми отражателями на боку.

— Она ещё жива, — как бы сама себе сказала Гопс, подняла с пола небольшую подушку из тех, что по-восточному клали на атаманово кресло, и подложила её под голову несчастной.

— Бил её кто-то справа в левую сторону головы, — осматривая раны, пояснял доктор. — Кости черепа вроде целы, может, где потресканы, а так целы. Раза три её крепко ударили, а затем она инстинктивно руками закрылась и оставшееся изуверство пришлось на тыльную сторону левой кисти. Видите, как её нелюдь подробил. С рукой-то, боюсь, будут проблемы, хоть бы вообще её сохранить удалось.

Действительно, лёгкая, тонкая, с длинными, как у пианистки, пальцами кисть была размозжена и представлялась кровавым месивом из обнажённого мяса и поломанных костей.

— Атаман, мне нужно много горячей воды, чистых простыней и отсутствия в операционной посторонних, включая тебя.

Бывают такие моменты, когда начальство, (к опричникам это не относится), каким бы оно ни было, вынуждено подчиниться и выполнять распоряжения тех, чьё дело в этот момент важнее всего. Из импровизированной больницы вышли все, кроме Эрмитадоры, которую, кстати, никто и не подумал выгонять.

Народ лесной гудел в справедливом гневе, у ручья и у водопада люди с фонарями и факелами искали несчастного Еноха. Все были уверены, что и его постигла та же участь. Барыне Званской решили до утра пока ничего не сообщать.

Ночные хлопоты чуть было не нарушили все Макутины планы. Никто не должен был видеть, как снимаются его разбойники с только что обустроенных гнёзд и лежбищ на ближайших горах. Снимаются тайно, на их место ставятся обряженные в старьё соломенные куклы, благо их в атамановом обозе всегда имелось с избытком. Разбойник он ведь всегда не числом и силой побеждал, а хитростью, обманом, да наглостью своё брал.

Люди, которые менялись местами с куклами, уходили, минуя лагерь, в дальний схрон, так что все внизу оставались уверены, что засадчики на своих местах и бдительно охраняют тайный вход под водопадом. Про вход в Шамбалу знали все и тем несказанно гордились, многие даже с пеной у рта уверяли собеседников, что после победы над казённым войском Макута обязательно всех допустит в это великое царство блаженства и радости, и там каждый сможет попросить, как у Бога, то, что ему, по его разумению, надобно для полного счастья. Только, говорили всезнающие стару-

хи, нельзя там просить денег и другой какой здешней мелочи, до которой так приучен властями весь наш земной мир.

— Ну что, племяш? — постучав по плечу клюкой, позвала откуда-то из темноты старуха. Макута вздрогнул от неожиданности. Он уже и думать забыл про свою родственницу, предполагая, что она давным-давно пустилась в обратный путь со своей чудодейственной водой. — Да не пугайся ты, это я, старая бабка твоя. Спасибо за помощь, милок, доброе дело помог сотворить и мне и Миру Света. Чуется наша порода, Макутин корень, а молодцов твоих сразу отпущу, ты за них головной боли не держи, только скажи, куда их отправить. — Старуха замолчала, казалось, она раздумывает — следует что-то важное сообщить родичу или лучше промолчать. Атаман напрягся, словно зверь в засаде.

— Одно я тебе напоследок скажу, — со вздохом решилась сродственница, — ты девку эту рыжу особо не задирай и своим головорезам того не дозволяй. Плохо мот кончиться. Сдаётся мне, что Стражем её обернули, коли после смерти в свет белый выпустили.

— Каким это ещё стражем? — насторожился племянник. Он всегда сторонился и побаивался всякой чертовщины и непонятностей.

— Ихним стражем. Охранительницей великих врат Беловодья. Немного, говорят, живёт этих Стражей среди людей, но силы им неимоверные даны, и, вроде как, смерти оне не имут. Вот так-то. Есть одна стара побасенка, что как устренишь Стража, надобно на колени припасть и, достав из пазухи голыш-камень, взять его в леву руку и кинуть в того стража со словами: «От сердца мого, тепло тела мого, крепость духа мого, тебе в помочь!» Ежели мимо пролетит каменюка али угодить в того, знать не тот он. Мот, туман горный чего накуролесил, мот, Деница охмурил, али просто путник какой тебе навстретился. А как перестренет он твой камень левой же рукой, стиснет, да так, что токо пыль полетит по ветру, знать, истиный Страж пред тобой и дар твой, и помощь твою восприял. Вот таки дела. Ну, прощевай что ли? Свидимся, али не свидимся, никому не ведомо, а кровинку родную рада была узреть; на вота, милок, держи.

И она сунула в руку Макуты увесистый, обкатанный водой голыш. Не то атаман и впрямь растерялся, не то специально не стал перебивать родственницу, но, будь у его куреня побольше свету, посторонние бы увидели у сурового атамана по-детски растерян-

ное лицо и глаза, блестящие наворачивающейся нечаянной слезой. Прошамкала бабка и канула в ночь, как и не было её. Только лёгкий шелест старухиных слов, лёгкий и неприметный, как она сама, ещё, казалось, стоял в неподвижном ночном воздухе.

— Бей! — вернул его к реальности негромкий голос Митрича.

— Чего там? — пряча за пазуху старухин камень, с неохотой отозвался Макута.

— Сар-мэн возвернулся, с недобитком и ещё одним, который при бонбах состоять должон, — и, как бы предваряя атаманов вопрос, добавил: — Ему объяснили, что мы полные дурни и думаем, будто ён и начальник евонный — добровольные к нам перебежчики, так что при случае ты его подбодри.

— А бонбы-то иде?

— Так у нас ужо, в крайней пещерке припрятали под надёжной охраной. И ищо, из крепости гонец прискакал, сказывает, что завтра пополудню войско всё подастся в наши края. В цитадели останется только инвалидна команда да отряд конных ханьцев. Их тама опричники всё на кого-то науськивают.

— Так это добре, что сатанинская-то машина у нас, — вроде пропуская мимо ушей последние слова, промолвил атаман. — А как думаешь, не рванёт она сама по себе?

— Не рванёт, Бей, не рванёт, — отозвалась темнота голосом Сар-мэна. Я этого грамотея-висельника всю дорогу пытал. Божится, что без двух ключей ничего с этими устройствами не случится. Ты бы видел эти бомбы — два плоских вещмешка, ровно детские ранцы, с которыми я в школу ходил, не хватает только наклейки с Микки Маусом, увесистые, правда.

— Ладно, ты потиху людей уводи, которых сымаешь, и слышь, чтобы ни один в лагерь ни ногой...

— Да нешто я не понимаю, Бей… Как там молодая Званская?

— Уже знаешь? Плохая была, когда дохтур всех из будана моего попёр. Он говорит, голова целая. И какому выродку дитя наивное помешало?..

— А вы это… Еноха ейного отыскали? — спросил Сар-мэн, подходя к атаману почти вплотную, атаману показалось, что в голосе подручного звякнули какие-то недобрые нотки.

— Не, шарят ещё там у ручья, да, боюсь, всё бестолку будет, мот, его тело водой отнесло куда...

Со стороны входа, у которого всё продолжали толпиться люди, правда, сейчас это были в основном бабы, послышались радостные возгласы.

— Ну, чего там нового приключилось, Митрич? — шуманул Макута.

— Да всё хорошо, атаман, — вскорости доложил ординарец. — Ожила барынька, пить запросила. Дохтур с Гопсихой над ейной рукою колдуют.

— Ты поди-ка да передай айболиту, пущай он у ней выведает, кто их мордовал и где её барчук городской. Мот, что путёвое скажет.

Машеньку уже не единожды про это спрашивали, но голоса и сами люди, задававшие вопросы, были где-то далеко-далеко, и слова их походили на какой-то дальний звук не то трубы, не то локомотивного гудка. Девушка скорее ощущала своим беспомощным телом, чем понимала разумом, что с ней что-то произошло, произошло страшное и необъяснимое. Любая попытка напрячься и хоть что-то вспомнить заканчивалась резкой хрустящей болью в затылке, и смутные картины жизни с нечёткими бухающими звуками проваливались в звенящую темноту. В очередной раз вынырнув из этой пугающей своим небытием бездны, она попыталась попросить воды, и её услышали! Её поняли, и холодная, сладкая, как мёд, влага медленно покатилась по горлу куда-то внутрь. Вода подействовала как снотворное, начал доходить наркоз, и она не провалилась в беспамятство, а безмятежно заснула крепким сном. Спала и не чувствовала, как подшивают кожу на голове, как в деревянной от сильнейшей анастезии руке орудует доктор, как Эрми, удивляя всех, составляет её раздробленные кости, и они, словно смазанные каким-то невидимым клеем, стягиваются и принимают свой первозданный вид. Машеньке грезилась мать, будто они о чём-то всё говорят, говорят и никак не могут наговориться. Потом снился Енох, какой-то весь виноватый, обиженный, убегающий от неё, а за ним, за её любимым, бросается вдогонку Эрми, и вот они исчезают за гребнем поросшего высокой сухой травой пригорка. Ревность и обида душат её. Плюнув на всякие приличия, она осторожно, извиваясь, словно змея, ползёт к гребню того пригорка. Трава прячет её, вот она уже у самого края и слышит неясное утробное рычание, осталось только протянуть руку, и раздвинуть сухие стебли. Машенька хочет это сделать и боится, а урчание Эрми становится всё громче и отчётливее. Мысли путаются, девушка не может поверить в открытую подлость самых близких людей и уже собирается незаметно уползти назад, но в последний момент неведомая сила заставляет её, приникнув

к траве, глянуть вниз, и она каменеет от ужаса. Эрми в облике не то человека, не то тигроподобного зверя рвёт острыми клыками растерзанное тело Еноха; вся перемазанная кровью, она, кажется, не замечает ничего, что творится вокруг. Вдруг их взгляты встречаются, Эрми приветливо ей улыбается и, запустив руку глубоко в изуродованную грудину, вынимает ещё трепещущее сердце:

— Вот смотри, подруга, что колотилось в его груди! — С этими словами она швыряет окровавленную плоть на землю. Ещё не успев коснуться уже начавшей жухнуть от жёсткого горного солнца травы, сердце её любимого на лету делается почти чёрным и обращается в дикий, поросший серым лишаём камень. Машенька вскрикивает и перелетает в какой-то другой сон, который вскорости сменяется ещё одним, потом ещё, ещё и так до незапоминающейся бесконечности.

31

Августейший Демократ играл в морской бой. Уж так исстари повелось, что сия высокоинтеллектуальная забава являлась неотъемлемой частью времяпрепровождения августейших особ любезного Отечества. А, собственно, чего ему было не играть, когда в газовой трубе полный порядок, в державе, как и в мозгах граждан, полнейший застой, а от него и всенародное процветание, как в уютной болотине с сопропелем. У нас ведь всегда так — как застой, так народу одухотворение и блаженная радость, а всё оттого, что подневольный люд начальство не тревожит и революции творить не понуждает. Как не назови нашу державу — что Ордой, что Московией, что Российской империей, что Союзом всех замурзанных народов, что Сибруссией — не может она долго без всеобщей смуты и революционных закидонов жить. А уж как бунт загудит красными вихрами под крышами ни в чём не повинных домов, тут уж держись, резать начинают друг дружку наши соотечественники, только хруст костей над миром стоит, — вот почему всякая властная апатия воспринимается в народных массах как самое что ни на есть блаженство и расцвет. Да одно жаль — недолги эти отдушины, годов от силы пятнадцать и всё, опять круговерть и кровавые потёки на обледенелых мостовых. Так что нынешнее время раем для подданных казалось — ничего, что впроголодь, ничего, что убого и забито, зато без революционного энтузиазма и войны.

Играл себе Преемник сам с собой и радовался своим корабельным победам, а всё в данном ему Богом уделе шло своим неспешным чередом.

«Д-4». Попал! Попал! Или это не «д», а «в», вот свиньи лысые, сколько раз им можно говорить, чтобы буковки наносили печатными литерами, а не прописными. В этих прописях я сызмальства путаюсь, то вниз закорючка, то вверх — поди их в пылу боя разбери. Надо будет наказать начальника Генерального штаба за подобное головотяпство. Если они мне не могут соответствующим образом боевые карты выправить, я представляю, что они для армии клепают. Надобно, надобно наипримернейше наказать».

— Ваше Августейшество! Срочная телеграмма от графа Костоломского! — отрывая его от великих дел, пропитым голосом доложил начальник дворцовой стражи Власий Алекс Бен Егуда-орк и бесцеремонно сунул Правителю в руки продолговатую картонку.

Надо отметить, что Бен-Егуда был самым отвязным царедворцем и без мерного стакана рабочий день не начинал. При должности он состоял уже без малого полвека. Кто его приладил на эту должность, уже давно стёрлось из памяти самых отъявленных старожилов Кремля. Раз десять, а может, и больше выгоняли его за казнокрадство и беспробудное пьянство на рабочем месте, но погодя месяца два возвращали обратно, так как без него хоть пить и меньше начинали, но зато тащили из демчертогов всё, что попадалось под руку, от туалетной бумаги до мебелей и гуманитарной помощи. Однажды даже вседержавные телефоны в августейшем кабинете срезали. Вот такие были загогулины.

— Ты это… сам прочти голубчик, — отводя руку с картонкой, произнёс всенародный монарх и принял подобающую своему положению позу задумчивого отца нации.

— Задание почти выполнено, о результатах доложу лично. Холоп Августейшего Демократа, подпись, — торжественно прочёл Егуда.

— И всё?

— Всё! А чего там расписывать, рванёт Шамбалу, и концы в воду…

— Тише, тише ты! — зашипел правитель, вскакивая с места. — Что ещё за «рванёт»! Глуп ты, братец. Сбережёт для любезного мирового сообщества, можно сказать, его колыбель. Да, колы-бель. Странно, странно, а ты, любезный, не замечал, что если в слове «колыбель» убрать «лы», получится непристойное слово.

— «Блядь» что ли?

— Да уж, умом ты, братец, не блещешь, не блещешь! Причём тут гулящие девки? Ты головой, головой подумай.

— Да куда уж нам при вас-то! А эти лахудры, так они все поголовно ещё с колыбели, ну вы и сами знаете. Вы скажите-то, слово какое получается, а то мне вовек не додуматься.

— Кобель, кобель! Вот какое слово выходит, — запрыгал от радости Преемник, довольный своей смекалкой юриста. — Ну, спасибо тебе, спасибо, ты, пожалуй, иди себе с богом, а я пока поуправляю страной, сам видишь, дел невпроворот, — и он кивнул на толстенную кипу заготовок морского боя, на которых красовалась генштабовская шапка и красный штамп «совершенно секретно».

Дождавшись, когда охранник выйдет из кабинета, высшее должностное лицо выскользнуло из-за стола и засеменило к специальной кабинке из матового пластика, в которой стоял секретный телефон секретной связи с «Великолепной семёркой мира». Плотно притворив дверь, властитель вытер о штаны вспотевшие ладони и поднял трубку. На том конце отозвался Билди-Болдинг Абу Дзен-младший.

«Так значит сегодня пятница, — подумал про себя Преемник, — Болдинг Абу как раз и дежурит по пятницам в Большом доме всемирной демократии».

— Здравствуте, ваша Всемирность. Дело движется к завершению, до момента всеобщего избавления осталось не более двадцати часов.

— Хорошо, наш маленький друг. Истинные ревнители свободы и традиций будут вам весьма благодарны. Я, признаться, просто восхищён оперативностью вашего решения. Вы правы, трижды правы, никому не нужна эта головная боль со многими неизвестными. Нам только учителей из-под земли не хватало.

— Извините, а как же особое мнение Али-Фиат де ля Спагетти? Говорят, что он намерен обратиться в международный трибунал к Понтам Всесветным. Мне что-то боязно, вот бы оформить мою частную инициативу как коллективное решение Семёрки.

— Не бойтесь, наш маленький друг! Мы всегда с вами и в обиду вас никому не дадим, в случае чего мы Спагетти выведем из состава постоянных семёрочников, а вас введём. И делов-то! Да вы и сами не робейте, перекройте ему газик, посмотрим, сколько он на своих макаронах напердит, мафиози чёртов. Так что храни нас Всевидящее око.

Трубка замолчала, и в ней стал отчётливо слышен шорох магнитофонной плёнки.

Пулей выскочив из кабинки, Преемник принялся отдавать команды:

— Экстренно увеличить количество голубого золота во всенародном хранилище! Отвечают все! Народглавпрому приступить к постепенному снижению давления в поточной трубе «туда — газ, обратно — что дадут» для лекторальной зоны «Гламурный абрек»! Начать переговоры с хохлобульбами о доппоставках всенародного газа, а главное, редьки и бобовых. Отвечают все, ответственные — приходящие работники! Всё!

Подобными встрясками Августейший страну озадачивал редко, поэтому, весьма довольный собой, он удовлетворённо вернулся к прерванной морской баталии.

32

Горная ночь, непроглядная и плотная, словно чёрная вата, нехотя шла на убыль. Почти невидимое небо с мелкими слезящимися звёздами постепенно серело, а ранние облака и вовсе превратили его бездонный бархат в вылинявшее от дождей и солнца полотно неопределённого, застиранного цвета. Из мрака постепенно проявлялись причудливые силуэты гор, камней и деревьев, лёгкий туман, плавающий в почти неподвижном предрассветном воздухе, создавал полную иллюзию их движения, отчего не привычному к горам человеку неживой мир казался живым и будто населённым исполинами, вылезшими из дремучих берлог на короткую утреннюю охоту.

Енох, сильно прихрамывая, ковылял по едва различимой тропе, петлявшей неширокой полой вдоль невидимого в темноте ручья. Тропка полого уходила вниз, и шум воды усиливался, заглушая звук его шагов, редкие отрывистые крики невидимых птиц, ночные шорохи. Казалось, тревожная музыка бьющейся о камни воды поглощала весь мир.

«Это её кровь, обгоняя меня, бьётся о дикие серые валуны! Не хватало мне только мистики. Ты лучше шевели ногами, а то не ровен час, с какой-нибудь зверюгой или, того хуже, с бандитами Макуты столкнёшься. Интересно, нашли они эту дуру? Нет, она определённо была ведьмой. Вот и охмурила меня. Тихон ещё в день моего приезда предупреждал, что все здешние бабы и девки — ведьмы, о чём и сами зачастую не знают. Осиное гнездо, прав Воробейчиков, напалмом его надо. А ведь в Москве считают, что подчистую извели языческую заразу и последних мракобесов по вседобрейшему решению Государственного межконфессионного собора сожгли живьём в 2045 году недалеко от

Рязани в известковых карьерах. И вот на тебе, уж середина двадцать первого века, а здесь как в средневековье».

Тропа начала круто уходить в гору, и шум воды постепенно стал стихать, выпуская из себя пленённые звуки ночи.

«Всё, что так хорошо было мной задумано, полетело псу под хвост! — впиваясь слухом в тревожную предрассветную тишину, Енох принялся в который раз перебирать недавние события. Нет, он не пытался их анализировать, не терзался произошедшим, даже угрызений совести не испытывал — в этом плане всё случившееся для него было вполне ясным и обоснованным. Как назойливые мухи в голову лезли совсем иные мысли: почему, почему она не согласилась с его планом, почему предпочла остаться с этими отбросами общества и проигнорировала его искренние чувства? Почему его поставили ниже каких-то уродов, не имеющих ни кола, ни двора? Ответить на эти вопросы он, как ни старался, не мог.

В мире нет ничего более противного, чем оставшиеся без ответа вопросы. Они, как мины замедленного действия, продолжают жить внутри человека страшной разрушающей жизнью, лишая душевного покоя и дожидаясь своего часа, чтобы в самый неподходящий момент разнести в клочья весь этот так и не понятый мир.

Енох, если этого и не знал, то, по крайней мере, догадывался, отчего внутри закипала горячая злоба. Он даже сам её пугался, начинал делать большие вдохи, чтобы успокоиться, и спешил перескочить на какие-нибудь другие темы. Однако через какое-то время, всё возвращалось на круги своя.

«Сначала заартачилась Машка…. — нет, это не он вызвал к жизни только что мелькнувшие слова, это они сами, не спросясь, опять полезли в голову. — Потом дебильного коня какая-то лесная тварь испугала. Хорошо хоть на поляне из седла вылетел, а не на этой козьей тропе, а то бы уже догонял свою любу в небесах. Да что же ты на этом дурацком слове, словно на хромой кобыле скачешь: любил, не любил? Детский вопрос, словно считалка: «У попа была собака, поп её любил…» Тьфу ты, чёрт! Любил — не любил, чего теперь гадать! Просто слишком сильной занозой застряла в душе её девственность. Смешно сказать, но при всей моей бурной жизни, она оказалась первой, которую я сделал женщиной. Вот из-за этого и весь мой бзик, может, потому я и перегнул палку? Что на меня тогда нашло? Это же надо — камнем по голове…

… Ладно, хватит, успокойся, надо о другом, о дороге и о своём спасении думать, а не сантименты разводить. Бред какой-то! На халяву графом захотел стать! Стареть, я, наверное, начал, от этого и развожу всякую канитель… Хотя что удивляться-то, ведь я впер-

вые убил человека. Просто так, взял… и камнем по голове … а ведь перед этим ласкал эту голову, целовал ещё пахнущие кашей губы, а потом взял и… А чего ты собственно от себя хочешь? Тебе под сорок, а девке восемнадцать, и она, как сладкая, согретая родительским солнцем ягода, готова ко всему на свете… Чтобы делал любой мужик, окажись на твоём месте? Рвать надо вызревшую клубничку, пока другие не полакомились. Ведь не только меня к ней тянуло, но и она летела навстречу всему этому с ещё большей охотой. Нет, мы любили друг друга, ведь если такой порыв — не любовь, тогда что же такое эта любовь? Конечно, может, и не надо было её ... но что случилось, то уже случилось. Наверное, прав был дед: излишняя образованность ведёт к расслаблению воли. И трижды прав Августейший, упразднивший чтение и все эти дурацкие экзамены по литературе, от них только душевная гниль и сумятица в голове. Вся нация, все сословия приведены к великому единству, все до единого — холопы Августейшего Демократа, все, включая родителей и детей самого Преемника. Холопу претит быть интеллигентом, а ты сопли распускаешь. Не любовь ты убил свою, а прекратил деятельность потенциального врага, ведь ты только представь, какой переполох она подняла бы среди бандитов! А те бы, чего доброго, бросились противиться исполнению воли Москвы. И представь на минуту — Августейшему доложили бы, что в этом преступном акте непосредственное участие принимал ты — его сатрап, последователь, дворянин! Ужас, это же конец всему твоему роду! Долг, свой долг как верный холоп Августейшего, ты исполнил… А потом подумай, голова ты садовая, чему она, такая упрямая ослица, могла бы научить твоих детей?»

Енох не на шутку разволновался от разыгравшейся внутри бури. Всё в нём плясало и прыгало. Он впервые в жизни почти ненавидел себя, и только спасительный круг служения Державе продолжал удерживаать его на поверхности.

«Ну ты ещё возьми да заплачь, покайся и вернись назад, чтобы вместе со всеми поджариться на ядерной сковородке! И даже этот подвиг в глазах всех твоих колег и начальников будет выглядеть предательством, а вот спасение себя и помощь в исполнении воли Преемника воспримутся светом как явный подвиг.

Придя к такому, даже его самого удивившему выводу, Енох вздохнул с явным облегчением. Ему даже показалось, что ушибленное колено меньше болит, и идти стало легче, а главное, назойливый шум воды остался где-то далеко внизу, позволяя лучше слышать и, в случае опасности, успеть выхватить из-за пояса нож или сигануть в кусты.

Выполнение долга перед державой и её властелином всегда есть та удобная ширма, то есть, простите, тот святой повод, за который при желании можно спрятать любое своё преступление и любую подлость. Подлунный же мир, не человеком созданный, про эту ширму не знал и жил своей, лишь Богу ведомой жизнью, а в ней за всякое дело, плохое или хорошее, неизбежно полагалась ответная реакция, ничем и никем не обусловленная… Всё происходило как бы само собой.

Огромный с седым загривком медведь, словно гиганский осколок ожившей скалы уже с полчаса крался за ничего не подозревающим человеком. Надо сказать, что в мире нет более коварного зверя, чем чулымский мишка. На какие только пакости он не идёт в своём вечном противостоянии с людьми, так бесцеремонно нарушающими его привычный мир. Однако, что бы ни придумывал венец творения для утверждения своего господства в тайге, хозяин этой самой тайги всё равно оказывался хитрее. С медведем в своей ненависти к человеку могла посоревноваться разве что его недалёкая родственница — россомаха.

За Енохом Миновичем крался не обычный горный мишка, вышедший поутру половить рыбы в ручье и случайно встретивший человека, за ним, набычившись и широко раздувая ноздри, беззвучно ступал особый медведь, уже не первый год знающий сладковатый привкус человечьего мяса. Слюна в предвкушении лакомства текла из его временами беззвучно щерящейся пасти, но зверь почему-то медлил, может, тешил свою охотничью удачу, а может, желал полюбопытствовать, зачем этот лакомый кусок направляется прямиком в его берлогу, которой вот уже лет восемь служила глубокая пещера, уютная и сухая; именно к ней и вела едва заметная тропа, на которую непонятно почему свернул человек с наторенной дорожки, петляющей у ручья.

Почти рассвело. Вдруг Еноха насторожил неприятный запах, казалось, эта липкая вонь неестественно плавает в утренней небесной чистоте. Когда-то давно он вроде бы чувствовал что-то подобное на одном из дедовых заводов по изготовлению костной муки. Енох остановился, только сейчас заметив, что дорожка, по которой он шёл, давно кончилась и обратилась в едва приметную тропку. Он обернулся и… остолбенел от неожиданности. Буквально в полуметре от него, скалясь зловонной желтозубой пастью, стоял огромный лохматый зверь.

«Наверное, это от него так воняет...»

Это была последня осознанная мысль, которая пришла ему в голову.

Со страшным рёвом медведь поднялся на задние лапы и всей тяжестью своего полутонного тела обрущился на несчастную жертву. Еноху было нестерпимо больно, свёрнутая шея ещё как-то связывала голову с обращённым в сплошную боль телом. Зверь с утробным урчанием разворотил человеку живот и лакомился тёплыми кишками.

33

Машенька приходила в себя трудно. Не выдержав напряжения и свалившейся на неё ответственности, Дашка всё же спровадила Юньку к барыне, чтобы поведать той всю правду, и теперь со страхом дожидалась её приезда. Сидела она с молодой барынькой неотлучно и корила себя, как могла.

В углу Макутиного будана, который переоборудовали под больничную палату, на простой колоде, казалось, дремала с открытыми глазами Эрмитадора, но время от времени она, словно большая птица, с протяжным вздохом подхватывалась с места, подходила к больной и подолгу водила руками над её забинтованной головой и рукой. Со стороны казалось, что она просто гладит свою подругу из сострадания, но Даша, уступая Гопс своё место, видела: та напрягалась с такой силой, что жилы на руках, шее и лбу наливались кровью, а пот на лице выступал, словно крупная роса. Гопсиха что-то при этом шептала, но слова были какие-то непонятные, нездешние. Единственное слово, какое Дашке удалось разобрать, было «тара», но что это значило, она не знала, а спросить онелюдимевшую девку боялась.

— Эрми, можно тебя на минуточку, — нарушил больничную тишину Сар-мэн. — Выйди, тебя атаман кличет.

Гопс, будто и не слыша голоса возлюбленного, продолжала своё странное тайнодействие. Пальцы уже не были сложены в лодочки-ладони и не скользили плавно над покалеченными местами, а плясали и извивались, словно десяток встревоженных змей. Они кружили, переплетались друг с другом, то удаляясь от больной, то резко приближаясь к ней, а то соединялись в щепотки, словно во что-то крепко вцепляясь и с силой это «что-то» выдирая прочь.

— Эрми! — громче позвал разбойник, не видя, чем занимается его подружка.

— Она вас слышит-слышит, вы погодите маленько, сейчас закончит и выйдет к вам, — ответила за неё Даша и сама испугалась, а вдруг как атаману не понравится её своеволие. Да и не она это сказала, а будто ей кто-то велел так сделать.

Сар-мэн что-то буркнул себе под нос и вышел. Вскорости, перестав вертеть пальцами, вышла вон и Гопсиха.

Не успела Эрмитадора сделать и пару шагов навстречу Макуте, как тот, припав на правое колено, достал из-за пазухи старухин камень и со словами, что велела старуха, кинул его левой рукой в сторону девушки. Гопс почти не глядя, а лишь слегка отведя вбок руку, поймала его, сдавила легонько, и мелкая пыль брызнула меж пальцев, словно это был не базальтовый голыш, а шарик из тонкого теста с мукой в середине.

— Я, Тара — страж Входа, принимаю твою помощь, от тепла и сердца твоего идущую. Говори, тебя слушают.

Не разбитная, разгульная девица стояла перед опешившими разбойниками, а некое им доселе не ведомое воплощение тайной, великой и неотвратимой силы.

Макута поднялся с колен и, сделав знак Митричу, принял из его рук два небольших защитного цвета ранца с широкими удобными лямками.

— Вот энти бонбы атомные. Недобрые люди желат через тебя доставить их в пещору и взорвать, чтобы погубить то, что там есть. Им так, видать, будет сподручнее властвовать в ихнем мире, без всяких там подземельцев. — Тара слушала, не перебивая, Макуте даже показалось, что она его не слышит и не понимает. — Так вот, тебе надобно нам помочь, мы без тебя ну никак их не перехитрим. Чуть погодя тебе дадут рацию, и ты скажешь, мол, всё, что должна была сотворить, уже сделала и скоро отсюда уйдёшь. Ты понимаешь хоть, о чём я гутарю?

Тара молчала.

— Ох уж и тяжко с вами, ненашинскими. Да ладно, главное, чтобы подсобила. Скажешь в рацию всё и топай, куда тебе надо, а мы тут с робятами пустяшную ядерную войну учудим. Таку фальшу из солярки, палма и толу рванём — чистая Хера-Сима будет. Шуму полно, а так — пустяшка. Да не молчи ты, а? Ты чуешь ли, что я тебе...

— Тебя услышали, делай своё дело, а я своё.

Гопс подошла к атаману, молча взяла ранцы и не торопясь пошла по сереющему восходом откосу к ручью. Её высокая ладная фигура чётко вырисовывалась на фоне густеющего у воды тумана, а по росной траве тянулись тёмные бороздки её следов. И вдруг

на глазах у всех стоящих и глядящих ей вслед… она исчезла из поля зрения. Просто, не дойдя до тумана, растворилась… и всё.

Митрич истово перекрестился. Макута покачал головой и, глянув на окаменевшего Сар-мэна, сочувственно похлопал его по плечу.

— Да-а, брат, ну что ж тут поделаешь, коль не подвезло тебе с бабой-то... Ладно, пошли мазутом заниматься. Где там твои чудо-орлики, что из говна атомную бонбу сварганить могут?

Машенька с трудом приходила в себя. Она лежала молча, не шевелясь, ей страшно было разжать тяжёлые и непослушные веки. Голова гудела, она старалась вспомнить, что с ней произошло ночью, но, кроме ярких картинок природы, которые неосознанно фиксировали её глаза в последние дни, в отяжелевшую голову ничего не приходило. «Не насытится глаз зрением», — почему-то вспомнилась фраза из запрещённой недавно Библии.

Там, где-то за плотно зашторенными веками, шмыгала носом добрая и наивная Дашка, а ещё дальше жил большой и сложный мир, и она его больше не боялась. Добрый и прекрасный мир, в который она возвращается из далёких странствий, возвращается, чтобы жить, надеяться, смеяться, мечтать и любить. Хотя, как и все люди, она не знала, что с ней будет дальше, но добрая и вечная сила уже наполняла её юное тело, ибо молодым известна только жизнь и пока ещё не ведомо дыхание смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

КАЗАКОВ Валерий Николаевич

ТЕНЬ ГОБЛИНА

ХОЛОП АВГУСТЕЙШЕГО ДЕМОКРАТА

Романы

Редактор *Н. Н. Минзер*
Художник *Я. К. Ващенко*
Компьютерная вёрстка *А. И. Дедюля, Л. В. Костюкевич*
Стильредактор *Н. Н. Минзер*

Подписано в печать 21.06.2012. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 27,4.
Тираж 1000 экз. Заказ .

Редакционно-издательское учреждение
«Літаратура і Мастацтва».
ЛИ 02330/0494044 от 03.02.2009.
Ул. Захарова, 19, 220034, г. Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Типография «Победа».
ЛП 02330/0494182 от 03.04.2009.
Ул. Тавлая, 11, 222310, г. Молодечно, Республика Беларусь.